

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 176.25 $\frac{1872}{3}$

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

противъ какой же категоріи и
а, необходимы отстаиваемыя и
мѣры: противъ тѣхъ, которы
нѣ совершеніе преступныхъ дѣ

же говорятъ, что весь нынѣшн
ніи преступленій нуждается
льно представляетъ недостат
то ходатайство дворянства и
о устава можетъ уже повреди

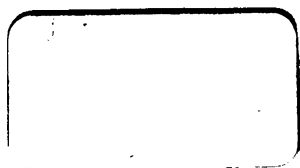
Леонтьевъ самымъ рѣшител
іе, что охраненіе безопаснос
ѣми судебными гарантіями и
мѣры „совершенно обезпечи
едливыхъ наговоровъ“. Это су
Но логика ихъ такова, что ед
іе могиваны русской наивнос
орыхъ реакціонерная газета и
испимости и рассчитываетъ най

101 176.25 1872
3

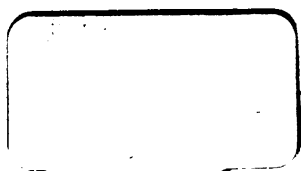
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

101 176.25 1872
3

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

1872

3

вып. 3

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ. 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Изд. А. Ш. РИМАНОВЪ

С. 88616

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1872.

I. — ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ.—VI.—К. Д. Кавелина	Ст
II. — ДОЧЬ ВОЗДУХА.—Сцены изъ трагедіи Кальдерона.—Перев. В. П. Буренина	7
III. — ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ И ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.—А. О. Гальфердинга.	8
IV. — СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ.—Изъ воспоминаній мирового судьи.—IV. Питейные дома и ихъ судьи.—V. Уголовныя и гражданскія дѣла.—VI. Мѣстная полиція, писмоводители и стѣзды мировыхъ судей.—В. П. Назарьева	14
V. — ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ОБРУСЕНІЕ.—IV-VI.—М. Т-овъ	18
VI. — ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА.—Съ 1837 по 1843 г. — Часть I.—Голубой мундиръ.—А. П. Ломачевского	24
VII. — ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ.—1861—1871 гг.—III. Мировыя судебныя учрежденія.—IV. Общія судебныя учрежденія.—Г.	28
VIII. — ПРУССКІЕ И РУССКІЕ ФИНАНСЫ.—Государственныя расходы.—Финансовое управленіе и финансы Пруссіи, А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1871 г. — Л.	32
IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Финляндія наканунѣ третьяго сейма.—Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе. — Составъ сейма и кругъ его дѣйствій.—Предметы его работъ въ нынѣшнемъ году, и петиціи городовъ.—Новѣйшій эпизодъ съ «Московскими Вѣдомостями»	37
X. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Борьба французскаго правительства съ бонапартизмомъ.—Законы о безопасности.—Роялисты и графъ Шамборъ.—Законъ о надзорѣ надъ училищами въ прусскомъ сеймѣ.—Рѣчи кн. Бисмарка.—Новыя вѣзры.—Циркуляръ Фалька.—Запросъ Лёве.—Подозрѣніе въ покушеніи противъ канцлера.—Поляки въ Галиціи.—Открытіе англійскаго парламента.—Дѣло «Элебеми».—Испанія, какъ контрастъ Пруссіи	39
XI. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Смутное время во Франціи. — II.	40
XII. — РУССКІЙ ТЕАТРЪ.—„МИЛЬОНЪ ТЕРЗАНИЙ“!—Горе отъ ума, Грибоѣдова. Бенефисъ г. Монахова, нояб. 1871.—Н. А. Г.	42
XIII. — НЕКРОЛОГЪ.—Николай Алексѣевичъ Милютинъ.—В. П.	46
XIV. — ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.—По поводу пересылки книгъ по почтѣ.—М.	47
XV. — ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Засѣданія Комитета 2 и 17 января, и Общее собраніе 2 января 1872 г. — II. О приѣздѣ «Ясли» въ С.-Петербургъ	46
XVI. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-IV стр.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ II.

“VESTNIK EVROPY”
ВѢСТНИКЪ „1872.3”

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Thirty-fourth Vol.
ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

1872: no 3

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ”: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

133-4

Digitized by Google

P Slav 176.25 1879, Oct. 6.

~~131.84~~

~~Slav 30.2~~ Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

1872: no 3

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ

Посвящается памяти Т. Н. Грановскаго.

VI*).

Воспринимающая и перерабатывающая (пассивная) дѣятельность души.—Чувства и представленія или мысли и ихъ взаимныя отношенія.—Образованіе представленій есть актъ мышленія.—Въ чемъ состоитъ оно?—Различіе представленій отъ внѣшнихъ впечатлѣній.—Мысли и идеи суть продукты психической переработки представленій.—Психологическій анализъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій.—Выводы.

Строеніемъ душевнаго организма и его свойствами обусловлена психическая жизнь, ея явленія и процессы. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть ихъ.

Съ перваго взгляда кажется, будто эта задача очень легка; мы обыкновенно даже склонны думать, что она уже на половину разрѣшена, болѣе или менѣе удовлетворительно. О чувствахъ, представленіяхъ, мысляхъ, волѣ было много говорено и писано, а ими, мы увѣрены, исчерпывается весь кругъ психическихъ явленій.

Масса сдѣланныхъ по этой части наблюденій въ самомъ дѣлѣ громадна. Одному изслѣдователю, даже самому внимательному и трудолюбивому, едва ли съ ней справиться. Но такое научное богатство, въ настоящее время, не только не подвигаетъ насъ впередъ въ знакомствѣ съ психической жизнью, а скорѣй

*) См. выше: янв. 130; февр. 480 стр.

затрудняетъ и спутываетъ. Простой взглядъ на данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, съ-разу же убѣждаетъ, что установившіяся и издавна общепринятые въ психологіи схемы и рубрики слишкомъ узки и потому далеко не обнимаютъ всего, что мы знаемъ; притомъ, составленные на основаніи однихъ, если можно такъ выразиться, анатомическихъ изслѣдованій психическихъ фактовъ, онѣ далеко не отвѣчаютъ послѣднимъ. Пока не создадутся новыя, лучшія рубрики и схемы, мы остаемся ни при чемъ; громадный матеріалъ, въ которомъ мы не можемъ найтись, насъ подавляетъ. Оттого, на самомъ дѣлѣ мы теперь знаемъ меньше, по крайней мѣрѣ орудуемъ нашими психологическими познаніями совсѣмъ не съ тою увѣренностью, какъ прежде, еще очень недавно.

Обзоръ обычнаго, стереотипнаго содержанія психологій и ихъ системъ пояснить нашу мысль.

Психическія явленія принято подраздѣлять на три группы и приписывать ихъ тремъ различнымъ способностямъ или силамъ души: чувству, уму и волѣ. Особнякомъ отъ нихъ, безъ систематической съ ними связи, являются чувственные или внѣшнія впечатлѣнія, производящія такъ-называемую непосредственную, чувственную достовѣрность. Съ такою классификаціей люди прожили очень долго и свыклись съ нею; но она не выдерживаетъ и поверхностной критики.

Строгое разграниченіе чувствъ, мыслей, дѣйствій, лежащее въ основаніи этой классификаціи, при теперешнемъ состояніи знанія, немислимо. Есть чувства, освѣщенные и проникнутые мыслью; есть мысли холодныя и согрѣтыя чувствомъ; дѣйствія бываютъ вольныя и невольныя; чувства и мысли — активныя и пассивныя. Всѣ психическія явленія такъ тѣсно между собою связаны, такъ переходятъ быстро и безпрестанно одни въ другія, что намъ теперь даже трудно вдуматься въ тотъ строй мыслей, въ ту степень знанія, которые могли подать поводъ къ рѣзкому раздѣленію фактовъ, непрерывно измѣняющихся одинъ въ другой. Но кромѣ искусственности и мертвенности этой классификаціи, въ психологіяхъ невольно поражаетъ крайняя неполнота содержанія и слабость анализа и критики.

О чувствахъ мы уже подробно говорили выше. Въ нихъ смѣшиваются, безъ необходимаго различенія, три разныхъ предмета: чувствительность или способность чувствовать, личное, индивидуальное отношеніе къ явленіямъ и безсознательная, только что зарождающаяся мысль или представленіе. Гдѣ начинается чувство и гдѣ оно оканчивается, какъ оно относится къ матеріальной жизни, къ представленіямъ и мыслямъ, къ волѣ, къ со-

знанію; какое мѣсто занимаетъ въ общемъ ходѣ и строѣ психической жизни,—на эти вопросы пытаются дать отвѣтъ реалистическія ученія; а психологи-нереалисты оставляютъ ихъ, большею частью, безъ отвѣта.

Чувственная достовѣрность, результатъ цѣлаго процесса принятія впечатлѣній внѣшняго, физическаго міра, составляетъ, со временъ Канта, отдѣльную рубрику, до сихъ поръ не подвергнутую критически. Что кромѣ чувственной есть и психическая достовѣрность, что послѣдняя представляетъ аналогическое явленіе съ первой, — объ этомъ не возбуждается и вопроса, тогда какъ сравнительное изслѣдованіе той и другой обѣщало бы богатые результаты и открытія.

Явленія и процессы мышленія обработаны сравнительно лучше. Но и объ нихъ мы знаемъ еще очень мало, особливо въ виду того, что могли бы уже знать, при образцовой разработкѣ логическихъ формъ въ Германіи, со временъ Канта. Что такое представленіе и что мысль, гдѣ они начинаются и гдѣ оканчиваются, какъ относятся къ чувству и волѣ, откуда происходятъ, какое ихъ содержаніе,—на всѣ эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго научнаго отвѣта. Мы не знаемъ покуда ни закона образованія, появленія и исчезновенія въ душѣ представленій и мыслей, ни роли ихъ въ психической жизни. Геніальныя замѣтки, открытія и намеки философовъ, разработывавшихъ міръ представленій и мыслей, ждутъ еще тщательнаго изученія и примѣненія въ психологіи.

О волѣ и ея явленіяхъ и говорить нечего. Эта часть психологіи такъ мало разработана, такъ еще пропитана метафизическими взглядами и приемами, что реалисты, вовсе отрицающіе волю, до сихъ поръ не встрѣтили серьезныхъ возраженій и выиграли процессъ, въ которомъ правда была скорѣе на сторонѣ ихъ противниковъ. Въмѣсто того, чтобъ искать новыхъ путей для объясненія факта, изъ-вѣка живущаго въ сознаніи человѣческаго рода, психологи ничего не сдѣлали и остались при прежней аргументаціи, слабость которой доказана. Ученіе о волѣ конечно самая жалкая и печальная сторона современныхъ психологическихъ воззрѣній.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, нынѣшнее состояніе психологіи. Неудивительно, что важныя характеристическія черты психической жизни, проходящія чрезъ всѣ ея явленія и проливающія яркій свѣтъ на ея законы, остаются незамѣченными. Для примѣра, укажемъ на сознательность и безсознательность, произвольность и непроизвольность, которыя часто служатъ единственными признаками различенія фактовъ, во всѣхъ другихъ

отношеніяхъ поразительно между собою сходныхъ, и обнаруживаютъ участіе матеріальныхъ элементовъ даже въ такихъ психическихъ явленіяхъ, которыя, повидимому, недоступны для анализа.

Все это доказываетъ, что психологія теперь едва ли не самая отсталая изъ всѣхъ отраслей знанія. Естественныя и социальныя науки уже обновили свои приемы и методъ и существенно дополнили свое содержаніе; одна психологія продолжаетъ тащиться въ ржавой колеѣ анатомическихъ диссекцій и мертвой схематизаціи живыхъ явленій.

Бросающіеся въ глаза недостатки психологіи, въ настоящемъ ея видѣ, показываютъ, что именно слѣдуетъ дѣлать, чтобы поднять и ее на высоту современнаго научнаго знанія. Въмѣсто того, чтобы разлагать психическія явленія и изучать каждое изъ нихъ поодионочѣ, надо ихъ сопоставить и сличить между собою; психологическую анатомію надо дополнить фізіологіей души. Только такимъ образомъ будутъ выдвинуты на первый планъ психическіе процессы и отправленія, остающіеся теперь въ тѣни, въ ущербъ знанію и пониманію психической жизни, и психологія мало-по-малу освободится отъ метафизики, которая теперь тормозитъ каждый ея шагъ. Сравнительное изученіе психическихъ явленій подвинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое анатомическое ихъ изслѣдованіе, указывая на многія ихъ стороны, остающіяся теперь незамѣченными.

Намеки на необходимое и неизбѣжное обновленіе психологіи мы встрѣчаемъ уже у Гегеля. Ученіе его далеко еще не оценено по достоинству. Какъ всякое великое историческое явленіе, оно стоитъ на перепутьи двухъ эпохъ, и одной своей стороною обращено къ прошедшему, другой къ будущему. Гегель — послѣдній метафизикъ. Отрѣшенная мысль есть основаніе и исходная точка его ученія, альфа и омега всей его философской системы; но отрѣшенная, т.-е. безусловная мысль является у него живымъ, расчлененнымъ организмомъ, который ни отъ кого и ни отъ чего независитъ, существуетъ самъ по себѣ, опредѣляется и дѣйствуетъ самъ собою, изъ себя самого создаетъ всѣ свои формы, и раскрывъ все ихъ разнообразіе и богатство, обращается на себя, для самодовольнаго созерцанія созданнаго изъ себя міра. Отрѣшенная мысль, въ ученіи Гегеля, освободилась отъ схоластической вѣчности, отдѣльности, замкнутости формъ; онѣ, въ этомъ ученіи, расплавлены, стали тягучи и подвижны. Рѣзко обособленные до Гегеля, онѣ, подъ его перомъ, слились въ одно цѣлое. Гегель открылъ въ отрѣщенной мысли органическую жизнь, которой до него въ ней никто не подозрѣвалъ. Каждая

страница Гегеля дышетъ живымъ предчувствіемъ взгляда, что надъ физической органической жизнью совершается другая жизнь, тоже органическая, но отъ нея различная. Съ тѣхъ поръ эта мысль сдѣлала огромные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ науки, изучающихъ человѣка, но по какой-то изумительной случайности осталась чуждой психологіи, — именно той науки, въ которой она должна бы найти ближайшее и наибольшее примѣненіе. То, что мы называемъ чувствами, представленіями, мыслями, актами воли, явится совсѣмъ въ другомъ видѣ и свѣтѣ, когда мы станемъ разсматривать эти психическіе факты въ общей связи, во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ, какъ явленія одной и той же органической жизни. Самые простыя наблюденія показываютъ, что чувства вызываютъ представленія и мысли, они, въ свою очередь, возбуждаютъ чувства. Тѣсная ихъ связь между собою, ихъ взаимное другъ на друга вліяніе, очевидны. Безъ желаній (т.-е. безъ усиленнаго чувства) и представленій или мыслей, дѣйствіе или поступокъ есть лишь рефлексивное движеніе; стало быть и акты воли тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ чувствами, представленіями и мыслями. Но актъ воли невозможенъ и немыслимъ безъ произвольности; она есть существенный, характеристическій признакъ каждаго дѣйствія, которое приписывается волѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнный атрибутъ того, что мы считаемъ психическимъ, какъ произвольность считается за несомнѣнную характеристическую черту явленій матеріальнаго міра. Произвольностью устанавливается самая тѣсная связь между актами воли, чувствами, представленіями и мыслями. Всякія вообще душевныя отправленія могутъ быть и произвольныя. Такимъ образомъ, какую группу психическихъ фактовъ мы ни возьмемъ, каждая носитъ на себѣ очевидные признаки вліянія всѣхъ прочихъ и зависимости отъ нихъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что всѣ психическія явленія суть лишь выраженія различныхъ состояній души, различные виды, въ которыхъ душа представляется намъ въ разныхъ фазисахъ своего существованія. За этими явленіями, ихъ переходами и смѣнами, скрываются колебанія и переходы самой психической жизни, изученіе и объясненіе, которыхъ и составляетъ задачу психологіи какъ науки.

Съ этой точки зрѣнія и должны быть, какъ мы думаемъ, ведены отнынѣ научныя психологическія изслѣдованія. Вмѣсто того, чтобъ бесплодно углубляться въ метафизическій смыслъ данныхъ, искусственно разъятыхъ и раздробленныхъ, слѣдуетъ изучать ихъ въ ихъ органической связи, объяснять одни другими и этимъ путемъ постепенно отерывать законы жизни и

дѣятельности психическаго организма. При такомъ приѣмѣ и ходѣ изслѣдованій, откроется множество новыхъ данныхъ, которыя теряются при теперешнихъ способахъ изученія психологіи, и то, что уже знаемъ, представится въ новомъ свѣтѣ, съ значеніемъ, котораго мы до сихъ поръ и не подозрѣвали.

Чтобъ ориентироваться на этомъ новомъ пути, посреди безчисленныхъ и разнообразныхъ фактовъ, служащихъ выраженіемъ психической жизни, постараемся установить главнѣйшія исходныя точки, принявъ за основаніе изложенныя выше мысли и сообщенія.

Мы видѣли, что психическій организмъ, имѣющій всѣ признаки самостоятельности и самодѣятельности, неразрывно соединенъ съ тѣломъ, въ которомъ заключается, но отъ котораго въ то же время отличенъ. Этимъ объясняется взаимное другъ на друга вліяніе физическаго и психическаго организмовъ, — вліяніе, которое выражается въ дѣйствіи матеріальной природы на душу, и наоборотъ, психическаго организма на окружающую его матеріальную среду, начиная съ тѣла. Вотъ почему господствующимъ фактомъ въ психической жизни является, съ одной стороны, принятіе и претвореніе душею матеріальныхъ вліяній, съ другой — преобразование, передѣлка, перегруппировка физическихъ условій и данныхъ тѣла и окружающей матеріальной среды дѣйствіемъ на нихъ психическаго организма. Подъ эти два вида дѣятельности, именно воспринимающую и творческую, пассивную и активную, подводятся, какъ мы видѣли, всѣ разнообразнѣйшія отношенія души къ внѣшнему міру.

Если мы оставимъ эти отношенія въ сторонѣ и начнемъ разсматривать психическую жизнь въ самой себѣ, то увидимъ въ ней то же самое, тѣ же признаки пассивной и активной, воспринимающей и творческой дѣятельности. Вслѣдствіе своей двойственности, душа относится къ самой себѣ какъ къ чему-то внѣшнему, постороннему, котораго дѣйствіе она на себѣ испытываетъ, и наоборотъ, сама на себя дѣйствуетъ преобразовательно, творчески. Аналогія между этими явленіями, происходящими въ самой душѣ и отношеніями ея къ внѣшнему міру, полная, поразительная. Въ душѣ совершается многое произвольно, даже безсознательно, хотя, какъ мы видѣли, сознаніе само по себѣ не есть еще несомнѣнный признакъ творческой дѣятельности души. Но выше было уже замѣчено, что произвольность и безсознательность составляютъ отличительные, характеристическіе признаки матеріальной жизни, въ противоположность произвольности и сознательности, безъ которыхъ то, что мы называемъ психическимъ въ точномъ смыслѣ слова, немислимо.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ самомъ психическомъ организмѣ матеріальная жизнь еще продолжается, иначе сказать, что извѣстныя психическія явленія совершаются по однимъ законамъ съ явленіями матеріальнаго міра. Потому-то и невозможно провести точную разграничительную черту между матеріальнымъ и психическимъ міромъ, которые рѣзко, видимо различаются другъ отъ друга только въ самыхъ ярыхъ, характеристическихъ явленіяхъ.

Въ противоположность матеріальнымъ элементамъ, мы находимъ въ душѣ другіе, за которыми общее сознаніе по преимуществу признаетъ значеніе психическихъ. Таковы чувства, представленія, мысли, дѣйствія сознательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольныя. Правда, есть мнѣніе, и довольно распространенное, будто только дѣйствія и поступки могутъ быть въ строгомъ смыслѣ слова произвольны, такъ какъ чувства, мысли, представленія не зависятъ отъ нашей воли. Но это едва ли справедливо. Отличаемъ же мы чувство, возникшее въ душѣ само собою, или подъ вліяніемъ неожиданнаго внѣшняго впечатлѣнія, отъ чувства, возбужденнаго извѣстной обстановкой, нарочно нами созданной, съ цѣлью вызвать это чувство въ душѣ. Такъ, мы идемъ слушать вновь ту же музыку, видѣть ту же пьесу, чтобъ насладиться извѣстнымъ, уже испытаннымъ нами ощущеніемъ. Мы намѣренно настраиваемъ себя извѣстнымъ образомъ, при помощи разныхъ внѣшнихъ приемовъ, чтобъ вызвать въ душѣ рядъ извѣстныхъ мыслей и представленій. Конечно, не всегда это удастся. Душа часто не отзывается на возбужденія, или отзывается на нихъ иначе, чѣмъ мы ожидали; но также часто это удается, изъ чего видно, что дѣйствию преднамѣренныхъ возбужденій чувствъ и представленій или мыслей мѣшаютъ, въ данномъ случаѣ, препятствія, которыхъ мы не сообразили, или для устраненія которыхъ не приняли необходимыхъ мѣръ.

Но если одно и то же явленіе можетъ возникать въ душѣ и произвольно и непроизвольно, даже безсознательно, то отсюда слѣдуетъ, что собственно не въ чувствахъ, представленіяхъ, мысляхъ или поступкахъ заключается сущность того, что мы считаемъ по преимуществу психическимъ, а въ способѣ, родѣ, порядкѣ ихъ возникновенія. Сами по себѣ они продукты необходимости, результатъ процессовъ, совершающихся по извѣстнымъ законамъ, въ которыхъ душа дѣятельно не участвуетъ, и потому образуются или происходятъ непроизвольно; но они же могутъ быть вызываемы свободнымъ починомъ души, и въ такомъ только случаѣ мы признаемъ ихъ за чисто психическія явленія, присваиваемъ имъ психическій характеръ.

Сказаннымъ обозначаются въ душевной жизни двѣ стороны, которыя не должны быть смѣшиваемы. Одною душа обращена къ внѣшней природѣ и подлежитъ одинаковымъ съ нею законамъ: это область произвольныхъ и безсознательныхъ явленій. Сюда относятся чувства, представленія, мысли и произвольныя дѣйствія. Другою своею стороною душа живетъ тою жизнью, которую мы собственно и считаемъ психическою: это область воли; произвольныхъ и сознательныхъ явленій. Ею душа господствуетъ надъ собою. Сюда принадлежитъ произвольность и всѣ тѣ измѣненія, которымъ, вслѣдствіе ея, подвергаются чувства, представленія, мысли и дѣйствія.

Приступимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, сперва къ разсмотрѣнію произвольныхъ психическихъ явленій, оставя пока въ сторонѣ одни лишь произвольныя психическія дѣйствія или движенія, не выражающіяся во внѣшнихъ, матеріальныхъ фактахъ. Такія дѣйствія — невольные продукты ощущеній, представленій и мыслей и зависятъ отъ нихъ вполне; поэтому, они собственно не что иное, какъ психическіе рефлексы; формы же этихъ рефлексовъ и способы ихъ происхожденія сложились по образцу дѣйствій и поступковъ произвольныхъ. За весьма немногими исключеніями, каждое произвольное психическое движеніе есть непременно воспроизведеніе много разъ произвольно исполненнаго дѣйствія, обратившагося въ привычку. Слѣдовательно, произвольная психическая дѣятельность не представляетъ ничего самостоятельнаго, будучи обусловлена другими душевными отправленіями, и потому не требуетъ особаго разсмотрѣнія.

Остаются затѣмъ чувства, представленія и мысли. О нихъ мы уже подробно говорили выше и старались опредѣлить ихъ значеніе и характеристическія различія между ними. Здѣсь мы займемся ими съ другой стороны, именно постараемся объяснить, въ чемъ состоитъ и чѣмъ опредѣляется ихъ связь и взаимныя отношенія и по какому закону они образуются и развиваются.

Что между чувствами съ одной стороны, представленіями и мыслями съ другой, существуетъ тѣснѣйшая связь — на это мы уже указали выше. Разныя душевныя настроенія и расположенія рождаютъ или вызываютъ различныя представленія и мысли, какъ будто подбираютъ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя имъ соотвѣтствуютъ и родственны. Точно также и наоборотъ: извѣстныя представленія и мысли возбуждаютъ въ душѣ извѣстныя чувства. Однако мы знаемъ, что чувства и мысли или представленія не одно и то же, что значеніе и характеръ ихъ совершенно различны. На чемъ же основана эта связь? Гдѣ ея источникъ, какіе ея законы?

Трудность разрѣшенія этого вопроса усложняется тѣмъ, что наши наблюденія не идутъ далѣе фактовъ, подтверждающихъ существованіе связи между чувствами и представленіями или мыслями. Какъ ни важны эти факты сами по себѣ, но они не объясняютъ ни происхожденія, ни законовъ этой связи. Чтобы объяснить ихъ, необходимо было бы проникнуть анализомъ далѣе, подстеречь чувство, представленіе, мысль въ самую минуту ихъ зарожденія; но для этого наука не имѣетъ средствъ. Остаются одни, болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, къ которымъ мы и должны прибѣгнуть, за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ.

Если чувство и представленіе или мысль взаимно дѣйствуютъ другъ на друга и другъ друга вызываютъ, то надо предположить, что они имѣютъ одинъ общій источникъ. Далѣе, мы знаемъ, что психическая жизнь вообще развивается позднѣе, чѣмъ матеріальная, физическая; это дѣлаетъ очень вѣроятнымъ, что чувства и представленія или мысли возникаютъ первоначально подъ вліяніемъ впечатлѣній, производимыхъ дѣйствіемъ на душу внѣшнихъ, матеріальныхъ предметовъ и явленій. Въ такъ-называемыхъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ долженъ заключаться начальный, по времени, поводъ къ возникновенію въ душѣ первыхъ чувствъ и представленій или мыслей, т.-е. и индивидуальныхъ, личныхъ отношеній человѣка къ предметамъ и явленіямъ, и объективныхъ отношеній, въ самой душѣ, предметовъ и явленій между собою, въ томъ видѣ, какой они получаютъ въ психической обработкѣ.

Итакъ, мы предполагаемъ, что дѣйствія внѣшняго міра на душу производятъ ощущенія и изъ этихъ ощущеній выдѣляются, съ одной стороны, представленія или мысли, съ другой—чувства, которыя ихъ въ насъ сопровождаютъ. По мѣрѣ того какъ представленія или мысли выдѣляются изъ ощущеній и получаютъ опредѣленную форму, они дѣлаются доступными сознанию и становятся предметомъ умственныхъ операцій. Съ этой минуты, т.-е. съ переходомъ въ сознаніе, представленія или мысли получаютъ самостоятельное существованіе, оставаясь однако въ связи съ чувствами, которыми сопровождались при полученіи впечатлѣнія, или что то же, при возбужденіи ощущенія. Это видно изъ того, что каждое повторенное впечатлѣніе отражается въ душѣ, въ одно и то же время, и извѣстнымъ представленіемъ или мыслью и соответствующимъ имъ чувствомъ. Значитъ, въ душѣ существуетъ какъ-бы два узла или центра: одинъ—центръ чувствительности, чрезъ который внѣшнія вліянія поступаютъ въ душу; другой—центръ сознанія, въ который переходятъ представленія и мысли, по мѣрѣ выдѣленія и выработки ихъ

изъ ощущенія. Оба центра тѣснѣйшимъ образомъ соединены между собою, вслѣдствіе чего впечатлѣнія и производимыя ими ощущенія и могутъ переходить въ чувства и въ представленія или мысли, находящіяся съ первыми въ тѣсной связи.

Когда такимъ образомъ чувства и представленія или мысли однажды опредѣлились, и тѣ и другія составляютъ какъ-бы окончности рядовъ, соединенныя съ центрами чувствительности и сознанія. Лишь только одна изъ этихъ окончностей придетъ въ движеніе, оно сообщается цѣлому ряду и отзывается въ противоположномъ его концѣ. Оттого, когда мы завидимъ знакомаго, мы узнаемъ его; когда вспоминаемъ объ умершемъ другѣ, скорбь сжимаетъ сердце.

Въ этихъ двухъ соединенныхъ между собою центрахъ сосредоточивается вся произвольная психическая жизнь; ихъ взаимодѣйствіемъ объясняются всѣ ея явленія. Зародыши мыслей и представленій, выработавшись изъ ощущенія и отдѣлившись отъ чувства, предстаютъ передъ сознаніемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ они утрачиваютъ личный, индивидуальный характеръ и получаютъ объективный. Представленіе, мысль, уже по природѣ своей стремятся освободиться отъ чувства; сами по себѣ они холодны, безстрастны. Впрочемъ, такими они бываютъ только тогда, когда сознаются. Исчезнувъ изъ сознанія, они изъ явнаго состоянія обращаются въ скрытое, и въ этомъ видѣ теряютъ объективный характеръ; чувство, т.-е. личная, индивидуальная сторона, снова беретъ въ нихъ верхъ, они обращаются въ чувства. Такъ объясняемъ мы себѣ переходъ чувства въ представленіе и мысль, а ихъ въ чувство. То или другое беретъ верхъ, смотря по тому, въ которомъ изъ двухъ центровъ или узловъ дѣятельность возбуждена болѣе. Когда оба центра возбуждены одинаково и равномерно, представленіе, мысль бываютъ согрѣты чувствомъ, чувство просвѣтлено сознаніемъ. Но далеко не всегда такъ бываетъ. Часто дѣятельность центровъ чувствительности и сознанія неодинакова, вслѣдствіе чего или извѣстное психическое настроеніе не передается въ соотвѣтствующихъ ему мысляхъ и представленіяхъ, или наоборотъ, послѣднія остаются холодны и безстрастны, не вызывая соотвѣтствующихъ имъ чувствъ.

Представленія и мысли, какъ въ явномъ, такъ и въ скрытомъ состояніи, образуютъ между собою различныя сочетанія и перерабатываются въ новыя формы. Эти процессы происходятъ въ обоихъ центрахъ: въ центрѣ чувствительности, въ скрытомъ состояніи,—безсознательно; въ центрѣ сознанія, въ явномъ состояніи, — сознательно. Этимъ объясняется появленіе въ душѣ чувствъ, представленій и мыслей помимо внѣшнихъ впечатлѣній.

Источникъ ихъ скрывается въ постоянномъ взаимодействіи обоихъ центровъ, въ безпрестанномъ переходѣ представленій и мыслей изъ скрытаго въ явное и изъ явнаго въ скрытое состояніе, и въ постоянной переработкѣ и перегруппировкѣ ихъ, въ одномъ центрѣ бессознательно, въ другомъ сознательно.

Такое объясненіе, какъ мы сказали, — гипотеза, требующая строгой научной провѣрки; но къ ней приводитъ наблюденіе психическихъ фактовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе замѣчательные и характеристическіе.

Мы не знаемъ, какъ зарождаются представленія и мысли въ ребенкѣ. Первое пробужденіе мыслящей дѣятельности въ человѣческомъ родѣ точно также не подмѣчено исторіей. Наблюденіямъ доступенъ только совершившійся фактъ, когда представленія и мысли уже образовались и выражаются внѣшнимъ образомъ. Но вотъ чтó бросается въ глаза: первыя представленія и мысли, доступныя наблюденію, сильно запечатлѣны субъективнымъ характеромъ, и лишь по мѣрѣ того, какъ они развиваются, они мало-по-малу теряютъ этотъ характеръ и становятся болѣе и болѣе объективными. Вся жизнь человѣка, все развитіе науки и знанія существеннымъ образомъ состоятъ въ постепенномъ освобожденіи представленій и мыслей отъ субъективныхъ примѣсей. Нѣтъ ничего труднѣе въ мірѣ, какъ выдѣлить объективную правду во всей ея чистотѣ, не прибавляя къ ней личныхъ мнѣній, пристрастій и предубѣжденій. Чѣмъ дальше назадъ, ближе къ началу умственной дѣятельности, тѣмъ больше мысли и представленія пронизаны личными, индивидуальными, субъективными элементами, тѣмъ они дальше отъ объективной, предметной, безпримѣсной правды. Это наблюденіе и даетъ поводъ думать, что представленія и мысли выдѣлились изъ ощущеній, что первоначальный толчокъ, ихъ вызвавшій — впечатлѣніе, а первоначальная почва — чувствительность.

Какимъ образомъ въ чувствѣ, отношеніи совершенно личномъ, могутъ заключаться, въ скрытомъ состояніи, представленія и мысли, — объяснить кажется не трудно. Всякое чувство есть отношеніе, а отношеніе непремѣнно предполагаетъ по крайней мѣрѣ два предмета, между которыми оно устанавливается. Чувствующій и то, къ чему чувство относится, чѣмъ оно вызывается, сливаются въ послѣднемъ въ одно; слѣдовательно, гдѣ есть чувство, тамъ непремѣнно есть и предметъ, который оно связываетъ съ чувствующимъ лицомъ, хотя мы предмета часто и не различаемъ по его неразвитости, по его, такъ сказать, эмбрионическому состоянію. Вы ожидаете приѣзжаго. Онъ везетъ важныя вѣсти, отъ которыхъ зависитъ ваша честь, жизнь, со-

стояніе, счастье. И вотъ, на горизонтѣ появляется точка. Вы волнуетесь, обращаетесь въ зрѣніе и слухъ. Точка становится яснѣе и опредѣленнѣе; чувства ваши быстро смѣняются, по мѣрѣ того какъ вамъ кажется, что это тотъ или не тотъ, кого вы ждете. Наконецъ, точка опредѣляется совершенно, вы ясно видите, кто или что приближается, и сообразно съ тѣмъ нетерпѣніе ваше удваивается, или волненіе на время ослабѣваетъ и утихаетъ, до появленія на горизонтѣ новой точки.

Что представленія зарождаются въ ощущеніяхъ,—это всего нагляднѣе видно на представленіяхъ о внѣшнихъ, матеріальныхъ предметахъ. Такія представленія несомнѣнно образуются изъ впечатлѣній и производимыхъ ими ощущеній. Но и безсознательно возникающія въ душѣ мысли, внезапно озаряющія умъ, которыя мы потомъ обсуждаемъ совершенно спокойно, при первомъ своемъ появленіи всегда сопровождаются болѣе или менѣе сильнымъ ощущеніемъ.

Такимъ происхожденіемъ представленій и мыслей и тѣсною связью ихъ съ чувствами объясняются между прочимъ идеосинкразіи. Онѣ въ послѣднее время обратили на себя особенное вниманіе психологовъ и сдѣлались предметомъ тщательныхъ наблюденій и изслѣдованій. Подъ идеосинкразіей разумѣется такая непосредственная, тѣснѣйшая связь между двумя или нѣсколькими представленіями или мыслями, что ни одна изъ нихъ не можетъ вспомниться и быть вызвана передъ сознаніе безъ остальныхъ. Во всѣхъ произвольныхъ психическихъ отправленияхъ, идеосинкразіи, подобно памяти, играютъ огромную роль, о которой мы только теперь начинаемъ догадываться. Но правильной оцѣнѣ этого явленія, какъ намъ кажется, существенно мѣшаетъ то, что оно еще не выполнѣ отчетливо и точно выяснено даже фактически. Подъ идеосинкразіей, какъ показываетъ самое названіе, мы понимаемъ непосредственную связь между представленіями или мыслями; но такой взглядъ едва ли правиленъ. Выработанныя, выполнѣ опредѣлившіяся въ своихъ формахъ представленія и мысли никогда между собою непосредственно не срастаются; напротивъ, онѣ теряютъ способность сростаться, потому что строго разграничены между собою повторенными разлагающими операціями мышленія; выработка представленій и мыслей именно и состоитъ въ ихъ разятіи, въ разложеніи идеосинкразій; слѣдовательно, послѣднія образуются гораздо раньше, и уже поэтому состоятъ въ срастаніи не выработанныхъ представленій или мыслей, а первоначальныхъ ихъ ростковъ и зачатковъ, еще не выдѣлившихся изъ ощущеній. Вслѣдствіе того, связующимъ звеномъ между ними всегда бы-

ваютъ ощущенія, хотя мы этого обыкновенно и не замѣчаемъ. Извѣстный мотивъ, стихъ, пейзажъ, лицо или вещь напоминаютъ намъ вдругъ цѣлыя событія, лица, массу предметовъ, чувствъ, мыслей, переносятъ внезапно въ другую обстановку и эпоху. Отчего это? Оттого, что впечатлѣнія всѣхъ этихъ предметовъ, лицъ, событій и проч. слились и сжались въ одномъ общемъ ощущеніи; въ душѣ залегла вмѣстѣ, разомъ, цѣлая группа, или какъ выражается Ушинскій, цѣлое гнѣздо впечатлѣній, подъ опредѣленіемъ одного извѣстнаго ощущенія. Вотъ почему, какъ только одно изъ этихъ впечатлѣній возобновляется въ душѣ тѣмъ же ощущеніемъ,—тотчасъ же выдвигаются передъ сознаніе и всѣ прочія представленія и мысли, соединенныя тѣмъ ощущеніемъ въ одно цѣлое. Этимъ объясняется также, почему идеосинекразіи такъ причудливы, субъективны, случайны. Правильное, строгое мышленіе, по объективнымъ признакамъ, мало-по-малу разрушаетъ этого рода идеосинекразіи, разлагая представляемыя ими группы впечатлѣній и замѣняетъ ихъ другими, основанными на объективныхъ, а не субъективныхъ признакахъ.

Съ другой стороны, чувства нравственнаго свойства и идеальнаго характера прямо указываютъ на то, что представленія и мысли, пройдя черезъ процессъ мышленія и получивъ, вслѣдствіе того, новую группировку, дѣйствуютъ въ этомъ видѣ обратно на чувства, видоизмѣняютъ ихъ и наполняютъ новымъ содержаніемъ. Любовь къ истинѣ, чувство справедливости и правды, ненависть къ тому или другому воззрѣнію, убѣжденіе, самоотверженіе, любовь къ независимости и свободѣ, чувство красоты и т. п. невозможно вывести непосредственно изъ дѣйствія на душу матеріальныхъ вліяній, а съ представленіями и мыслями извѣстнаго рода они сближаются естественно и объясняются ими легко.

Что мысли и представленія могутъ изъ того вида, въ какомъ они являются передъ сознаніе, превратиться въ другой, принять снова тотъ эмбрионическій, неразвитой видъ, какой имѣли до выдѣленія своего изъ ощущенія; что они могутъ какъ бы исчезнуть въ чувствѣ, напитавъ его собою; словомъ, что они способны переходить изъ открытаго, явнаго, расчлененнаго состоянія въ скрытое,—это тоже доказывается многими наблюденіями. Представленіе или мысль, исчезнувшія изъ сознанія, даютъ себя чувствовать. Когда человѣкъ постигаетъ большое горе или несчастье, но обстоятельства, дѣла, заботы дня, встрѣчи, разговоры и т. п. отвлекаютъ отъ него вниманіе и объ немъ некогда думать, — постигнутый горемъ чувствуетъ, что оно въ немъ, онъ находится въ тяжеломъ душевномъ расположеніи;

какъ только выдалась спокойная минута, — горестное событіе опять передъ нимъ. Онъ забылся во снѣ, но иногда и въ сновидѣніи отзывается душевная тревога. Онъ проснулся, и первое, что ему представляется, — это горе, которое его поразило. И наоборотъ: чувство, какъ мы видѣли, умѣрается, охлаждается, перейдя въ представленіе или мысль. Стоитъ хорошенько вдуматься въ горе, радость или другое чувство, и оно, по крайней мѣрѣ на время, теряетъ свою яркость, напряженность и силу.

Сопоставленіе этихъ двухъ наблюденій приводитъ къ выводу, что представленія и мысли могутъ находиться въ скрытомъ, сосредоточенномъ состояніи и затѣмъ обнаруживаться, раскрывать свои формы, расцвѣтаться. Одно и то же психическое явленіе, то сгущается, концентрируется, то высвобождается изъ скрытаго состоянія. Эти переходы можно сравнить съ переходомъ теплоты изъ скрытаго состоянія въ явное, и наоборотъ, изъ явнаго въ скрытое. Представленіе, мысль, какъ мы уже видѣли, сами по себѣ холодны. Процессъ мышленія предполагаетъ совершенное спокойствіе, отсутствіе всякихъ тревожащихъ, волнующихъ мотивовъ въ душѣ, полное безпристрастіе и психическое равновѣсіе. Напротивъ, чувство живить и волнуется въ немъ зародыши желаній и страстей. Гнетущее насъ чувство ослабляется, облегчается, когда переходитъ въ мысль, въ представленіе. Самый процессъ этого перехода облегчаетъ душу. Всѣмъ извѣстно признаніе Гёте, что, написавъ Вертера, онъ отдѣлался отъ мучительнаго душевнаго состоянія. Каждый испытывалъ на себѣ, что рассказъ о горѣ облегчаетъ сердце. Оттого юноши рѣдко умѣютъ хранить тайну; она ихъ давитъ, покуда не повѣрятъ ее другому, т.-е. не формулируютъ въ видѣ представленія. Замѣчено также, что люди сосредоточенные, не экспансивные, глубже чувствуютъ.

Наконецъ, многія психическія явленія указываютъ на распределеніе чувствъ и представленій или мыслей между двумя центрами, и на самостоятельную дѣятельность каждаго изъ нихъ, несмотря на ихъ тѣсную связь и постоянное взаимодѣйствіе.

Переходы чувствъ въ представленія или мысли, мыслей и представленій въ чувства суть лишь смѣны одного психическаго состоянія другимъ. Отсюда можно бы вывести, что они исключаютъ другъ друга. Еслибъ дѣйствительно было такъ, то это бы значило, что психическая жизнь сосредоточивается въ одномъ пунктѣ или центрѣ; но мы видимъ противное тому. Часто бываетъ, что чувство и представленіе или мысль совпадаютъ: чувство приведено въ движеніе и согрѣваетъ, живить представленіе или мысль, которыя вызваны передъ внутреннее зрѣніе. Такое

состояніе есть нормальное и выражает возможную полноту психической жизни. Въ то же время оно показываетъ, что переходъ мысли въ чувство и чувства въ мысль не предполагаетъ совершеннаго прекращенія чувствительности при созерцаніи мысли, или прекращенія внутренняго созерцанія, когда дѣйствуетъ чувствительность; напротивъ, оба могутъ быть въ дѣйствіи въ одно и то же время, а это, въ свою очередь, приводитъ къ заключенію, что психическая жизнь сосредоточивается въ двухъ центрахъ и что оба живутъ своею особенною жизнью. Въ пользу такого заключенія говорятъ, кромѣ того, и другіе факты. Каждый испытывалъ на себѣ, что извѣстныя представленія и мысли, произведя болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, отражаются на душѣ въ извѣстномъ чувствѣ. Затѣмъ такое душевное состояніе въ послѣдствіи исчезаетъ, мысли и представленія, которыя его произвели, забываются. Проходятъ годы, иногда десяти лѣтъ, и вотъ вдругъ, по какому-нибудь случайному поводу, или даже безъ всякаго видимаго повода, то же самое душевное состояніе снова наступаетъ со всею первоначальною живостью и горячностью, и выводитъ передъ сознаніе лица и событія, которыя, казалось, навсегда изгладились изъ памяти. Такія живыя возобновленія прошедшаго начинаются иногда прямо съ чувства, которое и вызываетъ представленія и мысли; иногда, наоборотъ, послѣднія воскрешаютъ въ душѣ давно забытыя чувства. Это показываетъ, что въ обоихъ центрахъ сосредоточивается особая дѣятельность; поэтому мы и говоримъ о памяти сердца, какъ говоримъ о памяти представленій и мыслей. Еслибъ вся психическая жизнь соединялась въ одномъ центрѣ, то никакое чувство или настроеніе чувствительности не могли бы возникать безъ соотвѣствующихъ имъ представленій и мыслей, и наоборотъ, всѣ представленія и мысли, каждый разъ, непременно, вызвали бы соотвѣствующія имъ чувства. Но на дѣлѣ мы видимъ другое. Иногда чувства, возникая въ душѣ, не вызываютъ соотвѣствующихъ имъ мыслей или представленій, и наоборотъ, мысли и представленія не возбуждаютъ отвѣчающихъ имъ чувствъ. Случается, что мы только чувствуемъ извѣстное психическое состояніе, какое когда-то испытывали прежде, но никакъ не можемъ подыскать соотвѣствующихъ имъ представленій или мыслей; наоборотъ, сколько есть въ душѣ мыслей и представленій, съ которыми когда-то соединялись самыя живыя и страстныя чувства, а теперь они остаются въ душѣ нѣмыми, безжизненными значками прежнихъ душевныхъ волненій и тревогъ. Напрасно стараемся мы расшевелить ими спящее чувство; оно не отзывается. Въ этомъ случаѣ, представленія и мысли дѣйствительно оказываются царствомъ

безжизненнихъ тѣней, которымъ нѣтъ въ душѣ соответствующихъ сердечныхъ движеній. Иногда такое состояніе бываетъ временное, иногда постоянное; чувства или только теперь не отзываются на представленія и мысли, или навсегда исчезли изъ центра чувствительности. Припомнимъ также, что у людей, пораженныхъ страшнымъ горемъ, представленіе или мысль о немъ то вызываетъ сильныя душевныя муки, то оставляетъ ихъ спокойными и какъ будто равнодушными. Замѣтимъ въ заключеніе, что разладъ головы и сердца служить также нагляднымъ подтвержденіемъ, что центры чувствительности и сознанія, кромѣ общей имъ обоемъ, живутъ еще, каждый, и своею особою жизнью.

Мысли и представленія, обратившись въ скрытое состояніе, сдѣлавшись чувствами, перерабатываются, невѣдомо для насъ, въ новыя сочетанія и формы, иногда совсѣмъ иныя, чѣмъ какія мы имъ даемъ, или стараемся дать сознательною работою ума. Эти безсознательно образовавшіяся комбинаціи выступаютъ со дна души въ видѣ чаяній, инстинктовъ, предчувствій, смутныхъ предвидѣній, нерѣдко противорѣчатъ сознательнымъ представленіямъ и мыслямъ, иногда оказываются вѣрнѣе ихъ. Такимъ путемъ безпрестанно, ежеминутно обновляется установившійся строй мыслей, которыя болѣе или менѣе быстро или медленно уступаютъ новымъ мыслямъ, безсознательно нарождающимся и постепенно выступающимъ передъ сознаніе. Точно также и продукты сознательной работы мысли исподоволь измѣняютъ чувства и замѣняютъ существующія, скрытыя комбинаціи другими. Выводы положительнаго знанія очень часто противорѣчатъ чувствамъ, т.-е. скрытымъ сочетаніямъ мыслей и представленій и вытѣсняють ихъ лишь постепенно. Что такимъ образомъ совершается въ душѣ человѣка въ маломъ видѣ, то въ огромныхъ размѣрахъ совершается въ исторіи народовъ и цѣлаго человѣческаго рода. Смутныя чаянія предшествуютъ яснымъ представленіямъ и мыслямъ. Прежде чѣмъ новыя воззрѣнія займутъ принадлежащее имъ мѣсто въ наукѣ и жизни, прежнія теряютъ по-немногу живое значеніе, костенеютъ, обращаются въ безжизненную формалистику, оставляющую людей холодными и безучастными. Въ то же время новая комбинація чутьемъ, какъ бы ощупью, прокладываетъ себѣ путь, пока наконецъ не окрѣпнетъ и не уяснится въ сознаніи.

Что мысль или представленіе изъ скрытаго состоянія переходитъ въ явное и изъ явной снова превращается въ скрытую, — это подмѣтилъ еще Гегель. По его ученію, мысль является сперва въ видѣ чувства, которое онъ называетъ непосредственнымъ бытіемъ мысли. Изъ этого состоянія она необходимо пе-

переходить въ сознательное бытіе, чувство обращается въ мысль. Съ тѣмъ вмѣстѣ чувство разрушается, поглощается новымъ его видомъ. Такимъ образомъ, чувство является у Гегеля только степенью развитія, переходнымъ моментомъ, который исчезаетъ, когда наступаетъ новый. Но новый моментъ развитія, мысль въ сознательной, развитой формѣ, въ свою очередь принимаетъ видъ непосредственного бытія, въ которомъ все предыдущее развитіе «снимается» (*wird aufgehoben*), ступшевывается, теряетъ разнообразіе формъ, и какъ непосредственное данное составляетъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго развитія, все болѣе и болѣе богатаго содержаніемъ и формами. Несмотря на всю туманность этихъ выраженій, подъ ними скрываются очень точныя и глубокія наблюденія дѣйствительныхъ психическихъ событій. Прежде чѣмъ поймемъ представленіе или мысль, мы ихъ чувствуемъ; точно также и всѣ плоды долгой, упорной умственной работы и борьбы залегаютъ въ душѣ чувствомъ, которое опредѣляетъ нашъ нравственный характеръ, глубоко и невидимо таясь на днѣ души. Только особенные случаи, обстоятельства, впечатлѣнія поднимаютъ его оттуда и въ такія минуты мы удостоверяемся, какъ сильно, неизгладимо они вѣзались въ наше нравственное существованіе. Гегель опустилъ только изъ виду, что чувство, обратившись въ представленіе или мысль, и наоборотъ, представленіе или мысль, обратившись въ чувство, не перестаютъ, въ то же время, оставаться тѣмъ, чѣмъ они были, т.-е. чувствомъ, представленіемъ или мыслью. Изъ его ученія слѣдуетъ, что новое психическое состояніе вовсе упраздняетъ прежнее; но этому, какъ мы видѣли, противорѣчатъ факты.

Такъ объясняемъ мы себѣ отношеніе чувствъ къ представленіямъ или мыслямъ, или, выражаясь точнѣе, представленій и мыслей въ развитомъ и неразвитомъ, явномъ и скрытомъ состояніяхъ. Возникая въ сопровожденіи чувствъ, представленія и мысли, сознательно или безсознательно, развиваются, приходятъ между собою въ извѣстныя сочетанія, перерабатываются въ новыя формы и образуютъ новыя группы. Намъ остается теперь разсмотрѣть, какимъ образомъ совершаются эти процессы и по какимъ законамъ. Но прежде чѣмъ приступимъ къ дѣлу, постараемся устранить недоразумѣнія, которыя встрѣчаются намъ на первомъ же шагѣ къ этой цѣли, благодаря жалкому состоянію, въ какомъ теперь находится психологія.

Процессы образованія, переработки и группировки мыслей и представленій приписываются дѣятельности мышленія. Но съ мышленіемъ обыкновенно соединяется понятіе о дѣятельности сознательной и произвольной, между тѣмъ какъ представленія

и мысли образуются и складываются не только такимъ путемъ, но и бессознательно и произвольно. Что одинъ только первый способъ выдвинуть впередъ, а другой опущенъ изъ виду, объясняется довольно просто. Мышленіе, дѣйствуя произвольно и сознательно, болѣе бросается въ глаза; напротивъ, произвольныя и бессознательныя душевныя операціи стоятъ на второмъ планѣ и выясняются лишь послѣ пристальнаго, глубокаго изученія психической жизни. Психологія, какъ въ началѣ всякая наука, останавливается на однихъ яркихъ явленіяхъ, не проникая далѣе въ глубь. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе того, мы очень односторонне смотримъ на психическіе процессы образованія, переработки и группировки представленій и мыслей и схватываемъ ихъ далеко не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Далѣе. Мы принимаемъ на вѣру, безъ критики, что чувственная достовѣрность и выводы ума получаются различными процессами; что представленіе матеріальныхъ предметовъ и явленій не болѣе какъ фотографическіе оттиски ихъ въ душѣ, тогда какъ понятія и мысли—результаты операцій мышленія. Поэтому психологи смотрятъ на представленія какъ на первоначальный, готовый матеріалъ, съ котораго дѣятельность мышленія начинается; на самомъ же дѣлѣ представленіе не есть первоначальное данное, а результатъ предшествующаго процесса, который можно было бы тоже назвать мышленіемъ, еслибъ съ этимъ словомъ не было связано понятіе о сознательной и произвольной дѣятельности.

Мнѣніе, будто представленіе есть первоначальное данное мышленія, есть наглядное доказательство младенческаго состоянія психологіи и до сихъ поръ существенно мѣшаетъ ея успѣхамъ. Въ этомъ мнѣніи должно искать источника и причины глубокаго, съ виду непримиримаго противорѣчія между двумя психологическими воззрѣніями, ведущими начало отъ Локка и Канта. Оба великіе психологи не подвергали критическому изслѣдованію происхожденія представленій о предметахъ и явленіяхъ матеріальнаго міра. Вслѣдствіе того, Локкъ не понималъ ни психическихъ процессовъ и операцій, ни идеальныхъ элементовъ души, а Кантъ не узналъ въ отвлеченныхъ созданіяхъ мышленія результатовъ умственныхъ процессовъ и ошибочно взглянулъ на отношенія явленій реальнаго и психическаго міра. Что Локкъ и Кантъ ошибались, нисколько не удивительно; они, какъ начинатели, естественно обратили все вниманіе на ближайшіе, наиболѣе выдающіеся, и притомъ весьма мало до нихъ разъясненные психическіе факты: но нельзя не удивляться, что послѣ нихъ никто до послѣдняго времени не замѣтилъ ихъ ошибки.

Честь почина въ этомъ вопросѣ принадлежить, кажется, Вундту, у котораго встрѣчаемъ весьма вѣрныя и мѣткія наблюденія надъ бессознательными и произвольными психическими процессами, предшествующими сознательному и произвольному мышленію.

Наконецъ, изслѣдуя этотъ отдѣлъ психологіи, необходимо остерегаться еще одной ошибки, которая незамѣтно сбиваетъ психологическія изысканія съ прямого пути. Говоря о выработкѣ и группировкѣ представленій и мыслей, мы не различаемъ первоначальнаго образованія тѣхъ и другихъ отъ послѣдующихъ примѣненій ихъ къ новому матеріалу или новымъ даннымъ. Здѣсь первый и главный источникъ ошибокъ Канта. Онъ производилъ свои психологическія наблюденія надъ развитымъ человѣкомъ, съ готовыми, выработанными представленіями и мыслями. Но умственная дѣятельность развитаго человѣка состоитъ лишь въ примѣненіи того, что онъ узнаетъ вновь, къ тому, что онъ уже знаетъ, и въ измѣненіи, передѣлкѣ своихъ представленій и мыслей подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. Однако тѣ готовые и выработанные общія понятія и мысли, которыя находятся въ его душѣ и подъ которыя онъ подводитъ то, что узнаетъ вновь, какъ-нибудь да произошли? Значить, ихъ примѣненію къ новымъ впечатлѣніямъ должно было предшествовать ихъ образованіе. Когда я рассматриваю домъ, дерево, камень, обсуждаю историческій фактъ или художественное произведеніе, моя умственная дѣятельность состоитъ въ томъ, что я сравниваю эти предметы съ представленіями и мыслями, которыя находятся въ моей головѣ и изъ этого сравненія дѣлаю заключенія или выводы. Что же такое эти общія понятія и мысли? По всѣмъ видимостямъ, — такіе же выводы и заключенія изъ предшествовавшихъ сравненій; по крайней мѣрѣ нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что они произошли какъ-нибудь иначе, пока это не будетъ доказано положительными, несомнѣнными фактами. Но идя такимъ образомъ все далѣе и далѣе назадъ, мы наконецъ приходимъ къ такому психическому состоянію, когда никакихъ общихъ понятій и мыслей еще не существуетъ въ душѣ. Рождается вопросъ: какимъ же образомъ они выработались? Кантъ не задавалъ себѣ этого вопроса и потому пришелъ къ заключенію, что внѣшній міръ представляется человѣку сквозъ находящіяся въ его душѣ готовые схемы пространства, времени и категорій. Изъ изслѣдованій Канта выходитъ, что человѣкъ, приступая къ внѣшнимъ предметамъ, приноситъ эти схемы съ собою. Откуда онѣ взялись, — Кантъ съ своей точки зрѣнія объяснить не можетъ. Пространство, время и категоріи, т.-е.

формы разсудка, являются у него какими-то метафизическими предметами и явленіями, неимѣющими прямой связи съ реальнымъ міромъ. Вслѣдствіе того Кантъ и пришелъ къ заключенію, что мы знаемъ внѣшній міръ только сквозь призму тѣхъ готовыхъ формъ, которыя привносимъ къ нему отъ себя. Почему между нимъ и нашимъ о немъ знаніемъ существуетъ постоянное правильное соотвѣтствіе и соотношеніе, безъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть положительной науки, — этого нельзя вывести изъ изслѣдованій Канта. Выходитъ, что міръ существуетъ самъ по себѣ, человѣкъ съ прирожденными очками и призмами, сквозь которыя онъ смотритъ на этотъ міръ, — самъ по себѣ. Такимъ образомъ, психологія, а съ нею и вся философія, перенесены на метафизическую почву, на которой упорно держались у нѣмцевъ до тѣхъ поръ, пока явная ошибочность метафизическаго идеализма не заставила современную мысль беззавѣтно отдаться въ руки реализма, противоположнаго метафизическимъ взглядамъ, но столько же какъ они неспособнаго разрѣшить задачу.

Указаннымъ предразсудкамъ и младенческимъ приѣмамъ психологіи отвѣчаетъ большая неточность психологической терминологіи, которая не мало содѣйствуетъ путаницѣ понятій. Первые по времени процессы, вырабатывающіе и группирующіе мысли и представленія, безъ сомнѣнія совершаются безсознательно и произвольно. Поэтому, они и имѣютъ дѣло только съ впечатлѣніями внѣшняго міра, которыя, по времени, служатъ для психической дѣятельности первымъ матеріаломъ. Результаты этихъ первоначальныхъ психическихъ процессовъ, отпечатлѣваясь въ душѣ, служатъ, въ свою очередь, матеріаломъ для дальнѣйшихъ, сперва тоже безсознательныхъ и произвольныхъ, а потомъ сознательныхъ и произвольныхъ операцій такого же рода. Такимъ образомъ, сперва человѣкъ имѣетъ дѣло только съ предметами и явленіями матеріальными, физическими; впослѣдствіи же, кромѣ того, и съ явленіями и фактами психическими, совершающимися въ душѣ, т. - е. съ своими психическими состояніями. Одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ перерабатываться нѣсколько разъ, продукты предшествовавшихъ процессовъ могутъ послѣдовательно перерабатываться въ новыя и новыя формы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ формулы и законы психическихъ переработокъ будутъ, несмотря на различіе матеріала, совершенно одинаковы. Передѣлываться можетъ и матеріальное и психическое впечатлѣніе, а процессъ переработки и его законы будутъ въ томъ и другомъ случаѣ одни и тѣ же. Современная психологія еще очень далека отъ такихъ выводовъ. Для нея чувственная и пси-

хическая, т.-е. внутренняя достоверность — явления различны; впечатлѣніями она называетъ одни дѣйствія на душу матеріальнаго міра, да и то собственно только тѣ, которыя доставляются органами внѣшнихъ чувствъ. Отсюда ошибочныя представленія о существѣ идей и понятій и ихъ отношеніи къ дѣйствительнымъ предметамъ и явленіямъ, и произвольныя, фантастическія объясненія ихъ происхожденія. Подъ представленіями разумѣются продукты не вообще какого бы то ни было матеріала, физическаго или психическаго, а однихъ лишь впечатлѣній, доставляемыхъ органами внѣшнихъ чувствъ и т. д.

Итакъ, изслѣдуя критически умственные процессы и операціи, необходимо не только заранее отказаться отъ общепринятыхъ психологическихъ взглядовъ и пріемовъ, но и создать новую, болѣе точную и правильную психологическую терминологию.

Ходъ будущихъ изслѣдованій этой стороны психической жизни представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Жизнь души возбуждается впервые дѣйствіемъ и вліяніемъ на нее внѣшней, матеріальной обстановки. Съ этого перваго толчка, дѣйствующаго на душу безсознательно, должно начаться разсмотрѣніе процессовъ образованія и выработки представленій и мыслей.

Условія и обстановка, при которыхъ получаютъ впечатлѣнія помощью внѣшнихъ чувствъ, въ послѣднее время тщательно изслѣдованы фیزیологами. Изъ этихъ изслѣдованій оказывается, что внѣшнія впечатлѣнія получаютъ нервами, оконечности которыхъ снабжены механизмами, приспособленными къ этому отправленію. Когда механизмъ неисправенъ, или вообще нервъ поврежденъ, впечатлѣніе или вовсе не получается, или получается, но ненормальное, неправильное. Дѣйствіе внѣшняго физическаго предмета или явленія не производитъ впечатлѣнія, пока не возбуждена дѣятельность психическаго центра; такъ, когда вниманіе отвлечено, мы не замѣчаемъ того, что происходитъ вокругъ насъ; дѣйствіе на нервъ, въ этомъ случаѣ, есть, но оно не возбуждаетъ дѣятельности психическаго центра и потому не производитъ впечатлѣнія. Нервы чувствъ, своими оконечностями, обращенными къ внѣшнему міру, развѣтвляются на множество тончайшихъ нитей, оканчивающихся кистями. Эти-то кисти, повидимому, и приспособлены къ принятію различныхъ, хоть и однородныхъ впечатлѣній; такъ, въ зрительномъ нервѣ однѣ оконечности принимаютъ впечатлѣніе однихъ, другіе — другихъ цвѣтныхъ лучей, изъ которыхъ слгаается бѣлый лучъ; точно также и различные звуки не одинаково дѣйствуютъ на всѣ развѣтвленія слухового нерва.

Эти и подобныя имъ наблюденія очень интересны, но они лишь косвенно относятся къ психологiи. Естественныя, матеріальныя условія, при которыхъ воспринимается впечатлѣніе, прямо ея не касаются, потому что ея задача — изслѣдовать результаты впечатлѣнія съ той минуты, когда оно, будучи принято, обратилось въ психическій фактъ и слѣдить за дальнѣйшими превращеніями, которымъ онъ подвергается, проходя чрезъ психическую переработку. Психологическое изслѣдованіе впечатлѣнія начинается тамъ, гдѣ фізіологическое оканчивается. Последнему недоступны предметы внутренняго зрѣнія, а впечатлѣніе получаетъ психическій характеръ только тогда, когда становится доступно сознанію.

Уловить зарожденіе психическаго факта, порождаемаго внѣшнимъ впечатлѣніемъ, помощью прямого наблюденія, нѣтъ возможности. Единственнымъ для этого средствомъ было бы самонаблюденіе, но оно къ настоящему случаю непримѣнимо. Слѣдить за своими психическими отправленіями можетъ только человѣкъ развитой, привычный къ психическимъ операціямъ; но таковой человѣкъ уже прошелъ черезъ процессъ полученія первыхъ внѣшнихъ впечатлѣній; а младенецъ, въ которомъ этотъ процессъ только-что начинается, неспособенъ наблюдать того, что происходитъ въ его душѣ. Остается прибѣгнуть къ другому пути — подвергнуть анализу то, что мы называемъ представленіями и изъ такого анализа вывести заключеніе о процессѣ ихъ образованія. Чтобы заранѣе устранить всякія недоразумѣнія, замѣтимъ, что подъ представленіемъ мы разумѣмъ не ощущенія, пріятныя или непріятныя, производимыя въ насъ тѣмъ или другимъ предметомъ, матеріальнымъ или психическимъ, а самое отраженіе предмета въ нашей душѣ, психическое воспроизведеніе его образа, независимо отъ ощущенія, которымъ можетъ сопровождаться такое воспроизведеніе.

Всякое представленіе въ этомъ смыслѣ, будетъ ли оно простое или сложное (наприм., отдѣльный звукъ или аккордъ), непременно имѣетъ большее или меньшее число признаковъ, по которымъ мы различаемъ его отъ всѣхъ другихъ, сходныхъ съ нимъ и несходныхъ. Нѣтъ, кажется, ничего простѣе отдѣльнаго звука, но и въ немъ мы различаемъ тѣ или другіе признаки, наприм., степень напряженія и т. п.; мы называемъ его пронзительнымъ, глухимъ, металлическимъ, мягкимъ и т. д. Сочетанія звуковъ, какъ, наприм., аккорды, представляя впечатлѣнія сложныя, имѣютъ конечно гораздо больше признаковъ, чѣмъ простыя. Точно то же должно сказать и о впечатлѣніяхъ зрѣнія. Въ каждомъ предметѣ глазу представляется множество призна-

ковъ, напримѣръ, цвѣтъ, размѣры, очертаніе, движеніе и т. д. Но совокупность признаковъ и опредѣляетъ представленіе; только по признакамъ мы различаемъ дерево отъ собаки, звукъ отъ вкуса. Чтѣ не имѣетъ признаковъ, то не имѣетъ никакой опредѣленности, не различается отъ другого, сливается съ нимъ. Вотъ быстро промелькнули передъ нами какіе-то два предмета; насколько мы успѣли схватить ихъ признаки, мы говоримъ, что это птицы и притомъ разныя; но если, во время быстрого ихъ полѣта, мы не успѣли схватить признаковъ, которые опредѣляютъ особенности каждой изъ нихъ, то мы не будемъ въ состояніи опредѣлять, какія это именно птицы.

Какъ цѣлое представленіе имѣетъ свою опредѣленность по признакамъ, такъ точно и признаки. И они тоже имѣютъ свою опредѣленность, свои признаки, иначе мы не могли бы отличать ихъ одни отъ другихъ. Итакъ, не только представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій различаются между собою признаками, но и самые признаки. Спрашивается: какимъ образомъ и вслѣдствіе чего признаки получаютъ для насъ раздѣльность и опредѣленность, обособляются одни отъ другихъ? Первый въ тому поводъ, какъ мы видѣли, заключается въ свойствѣ нервныхъ оконечностей принимать только извѣстныя, такія-то, а не другія впечатлѣнія. Черезъ это, различеніе признаковъ является въ психическихъ операціяхъ распознаванія какъ физиологическое данное; но оно служитъ лишь основаніемъ, поводомъ, первымъ толчкомъ для психической работы различенія и опредѣленія представленій. Представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій и ихъ признаки сопоставляются и сравниваются, а сравненіе необходимо предполагаетъ различеніе признаковъ, выдѣленіе ихъ изъ представленія цѣлаго предмета или явленія, съ повтореніемъ надъ каждымъ изъ этихъ признаковъ тѣхъ же операцій сопоставленія, сравненія, разложенія на признаки. Чѣмъ больше исполнено такихъ операцій надъ представленіемъ, тѣмъ ярче, опредѣленнѣе обрисовывается оно и тѣмъ тоньше обозначаются его признаки.

Итакъ, процессъ образованія первыхъ представленій происходитъ, вѣроятно, такимъ образомъ: сначала человѣкъ не получаетъ опредѣленныхъ, т.-е. различенныхъ представленій; впечатлѣнія отражаются въ его душѣ въ смутныхъ образахъ, съ едва замѣтными зачатками будущаго различенія, которые даны непосредственно природою, т.-е. устройствомъ и отправленіями нервныхъ вѣтвей и оконечностей. Послѣ долгихъ, непрестанныхъ попытокъ и усилій различить, опредѣлить представленія и ихъ признаки, — усилій, вызванныхъ прирожденнымъ нерв-

нымъ предрасположеніемъ въ принятію извѣстныхъ впечатлѣній, — эти смутные, слитные, почти безразличные образы получаютъ, мало-по-малу, нѣкоторую различенность и опредѣленность. Сначала, вѣроятно, выступаютъ впередъ общія представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій, въ неясныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ, а затѣмъ и самые ихъ признаки, въ болѣе и болѣе точныхъ формахъ. Постепенное различеніе и болѣе и болѣе точное опредѣленіе представленій и ихъ признаковъ можно сравнить съ тѣмъ, какъ мало-по-малу выступаютъ предметы, когда исчезаетъ туманъ или ночной мракъ, или какъ мы, мало-по-малу, начинаемъ различать предметы въ темнотѣ, въ которой сначала ничего не видимъ. Разница конечно та, что въ приведенныхъ примѣрахъ только обстановка мѣшаетъ намъ различать предметы и ихъ признаки, въ насъ же самихъ полная къ тому способность есть; напротивъ, при постепенной выработкѣ представленій, мы сами развиваемся психически. Съ каждымъ успѣхомъ въ различеніи и опредѣленіи, мы становимся развитѣе и опытѣе въ образованіи представленій. Самое поверхностное, смутное и сбивчивое ихъ различеніе уже показываетъ, что мы подмѣтили кое-какіе общіе ихъ признаки. Это возможно не иначе, какъ вслѣдствіе сопоставленія и сравненія, причемъ должно было произойти и первое разложеніе смутнаго представленія на признаки.

Такой процессъ, разумѣется, не совершается съ отчетливостью, постепенностью и послѣдовательностью логической аргументаціи или раскрытія математической формулы. Въ этомъ нетрудно каждому убѣдиться собственнымъ опытомъ. Психическая работа исполняется сначала неправильно, ощупью, безъ метода и сознанія; разныя операціи смѣшиваются, однѣ и тѣ же повторяются и сбиваются; въ напрасныхъ попыткахъ много теряется труда и времени, пока наконецъ получится первый недостаточный и неудовлетворительный результатъ. Въ такихъ опытахъ проходить самая первая пора младенчества. Глаза младенца сначала почти ничего не выражаютъ; потомъ съ какимъ-то удивленіемъ быстро перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому, — знакъ, что младенецъ сопоставляетъ и сравниваетъ то, что передъ нимъ. Затѣмъ, начиная уже нѣсколько понимать, дѣти поражаютъ своею чрезвычайною наблюдательностью. Ее обыкновенно приписываютъ ихъ воспримчивости; но кромѣ воспримчивости, преобладаніе наблюдательности въ дѣтяхъ указываетъ еще на другое: въ нихъ вырабатываются приемы принятія впечатлѣній и образованія различныхъ представленій, азбука всякаго пониманія, зачатки самостоятельной психической жизни.

Такимъ путемъ идетъ сперва образованіе представленій изъ однихъ внѣшнихъ впечатлѣній; позднѣе, точно такимъ же образомъ, постепенно выясняются въ сознаніи и внутреннія матеріальныя дѣйствія тѣла на душу, а затѣмъ, еще позднѣе, и психическія впечатлѣнія. Всѣмъ знаетъ, что чѣмъ человекъ неразвитѣе, тѣмъ онъ менѣе способенъ точно опредѣлить свои внутреннія физическія страданія; такъ простолудины рѣдко умѣютъ рассказать съ нѣкоторою точностью что у нихъ болитъ; напротивъ, развитые люди, страдающіе хроническими болѣзнями, постепенно достигаютъ до изумительно-тонкаго распознаванія признаковъ и малѣйшихъ оттѣнковъ своихъ страданій. Вообще говоря, та сторона души, которая обращена къ матеріальному міру, которая непосредственно къ нему примыкаетъ, развивается ранѣе, чѣмъ болѣе отъ него удаленная. Впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ и явленій обращаются въ ясныя представленія ранѣе, чѣмъ внутреннія физическія ощущенія, а изъ впечатлѣній психическихъ предметовъ и явленій представленія образуются еще позднѣе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что большее и большее различеніе представленій и ихъ признаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ болѣе и болѣе точное опредѣленіе происходитъ отъ безпрестаннаго въ этомъ упражненія, вслѣдствіе котораго душа приобретаетъ навыкъ, опытность и ловкость въ такого рода дѣйствіяхъ. Такой навыкъ, такая опытность обращаютъ дѣйствіе въ психическій рефлексъ, подобный рефлексамъ въ физическомъ организмѣ, и указываетъ, какъ мы замѣтили выше, на матеріальную подкладку души и ея движеній, изъ которыхъ каждое повторяетъ, дополняетъ, измѣняетъ предшествующія. Такія поправки вносятся невольно и безсознательно въ послѣдующія операціи принятія впечатлѣнія и выработки представленій. Тысячи наблюденій подтверждаютъ это. Вслѣдствіе такихъ поправокъ, шаръ представляется намъ шаромъ, а не кругомъ, покрытымъ тѣнами; на нашихъ глазахъ дитя постепенно приучается различать разстоянія, по одному взгляду; извѣстно, что по устройству глаза, предметы должны бы намъ представляться вверхъ ногами: какъ и почему мы ихъ видимъ въ нормальномъ положеніи, остается неизвѣстнымъ. Это, безъ сомнѣнія, тоже поправка зрѣнія, дѣлаемая безсознательно, помощью другихъ внѣшнихъ чувствъ.

Послѣ всего сказаннаго объ операціяхъ образованія представленій, едва ли можетъ оставаться какое-либо сомнѣніе въ томъ, что оно есть не что иное, какъ актъ мышленія. Въ немъ соединены всѣ дѣйствія, которыя мы приписываемъ уму и разуму. Обыкновенно думаютъ, что мы прямо, непосредственно

получаемъ ясныя, опредѣленные представленія о предметахъ и явленіяхъ, и что эти представленія наполняютъ душу содержаніемъ, которое потомъ перерабатывается мышленіемъ въ новыя формы; но такой взглядъ невѣренъ. Съ первымъ же впечатлѣніемъ и производимымъ имъ смутнымъ представленіемъ возбуждается дѣятельность души, въ которой тотчасъ же безсознательно начинается процессъ сравненія, разложенія, отвлеченія признаковъ и обобщенія. Ясныя представленія появляются въ душѣ не вдругъ, не разомъ, а какъ результатъ сложной психической операціи, которая есть и актъ разложенія и вмѣстѣ актъ претворенія даннаго въ новыя формы. Первымъ поводомъ къ такой психической работѣ служатъ зачатки различенія, данныя, по крайней мѣрѣ для внѣшнихъ впечатлѣній, самою природою, — устройствомъ оконечностей нервовъ. Но различеніе предполагаетъ сопоставленіе и сравненіе, которыя возможны только въ такомъ случаѣ, когда различія, какъ бы они ни были сбивчивы и смутны, оставляютъ слѣдъ въ душѣ; безъ такихъ слѣдовъ сопоставленіе и сравненіе представленій и ихъ признаковъ немыслимо. Еслибъ впечатлѣніе или признакъ исчезали въ насъ безслѣдно, съ прекращеніемъ ихъ дѣйствія на душу, то мы переходили бы отъ одного впечатлѣнія къ другому, не имѣя съ чѣмъ ихъ сопоставлять и сравнивать, потому что мы сопоставляемъ и сравниваемъ впечатлѣнія съ тѣмъ, что уже находится въ нашей душѣ. Первое сопоставленіе и сравненіе должно было сопровождаться оставленіемъ въ душѣ слѣдовъ слабыхъ, сходствъ и различій едва намѣченныхъ. Но различеніе есть уже разложеніе представленія на признаки и отдѣленіе ихъ отъ представленія, а отысканіе сходства есть обобщеніе представленій. Стало быть, въ зарожденіи первыхъ представленій уже участвуетъ и разсудокъ и умъ, синтезъ и анализъ, уже появляются первые зародыши отвлеченныхъ и общихъ понятій ¹⁾. Передъ нами два дерева, очень сходныхъ между собою, но одно растетъ здѣсь, другое тамъ, одно съ узкими листьями, другое съ широкими, у одного стволъ прямой, у другого искривленный. Чтобъ различить эти два дерева другъ отъ друга, мы должны какъ бы отдѣлить отъ нихъ ихъ характеристическіе признаки и сравнить эти признаки между собою. Сравненіе покажетъ, не только чѣмъ оба дерева другъ

¹⁾ Для устраненія недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить, что «отвлеченными» понятіями, мы называемъ *обобщенные признаки* предметовъ и явленій, напримѣръ, цвѣтъ, видъ, вкусъ и проч. Понятія этого рода состоятъ изъ отдѣленія признаковъ отъ предметовъ и соединеніе однородныхъ признаковъ въ понятіе. Подъ «общимъ» же понятіемъ мы разумѣемъ обобщеніе *представленій* *цѣлостныхъ* предметовъ или явленій, напр., птицы, звѣря, стола, картинъ и т. п.

отъ друга отличаются, но и что между ними общаго и сходнаго. Въ сходствѣ содержится зародышъ общаго понятія, въ различеніи — зародышъ отвлеченія, которымъ представленіе получаетъ опредѣленность. Давно замѣчено, что еслибъ не было разныхъ цвѣтовъ, а только одинъ какой-нибудь, то мы не имѣли бы никакого понятія о цвѣтѣ и колоритахъ; они опредѣляются только тѣмъ, что ихъ существуетъ множество.

Такимъ образомъ, принятіе впечатлѣній и появленіе первыхъ смутныхъ представленій есть уже начало психическихъ дѣйствій и процессовъ, приписываемыхъ мышленію. Намъ кажется, будто мы приняли въ себя предметъ, который на насъ дѣйствуетъ; на самомъ же дѣлѣ въ насъ совершился сложный психическій актъ. Послѣдствія его не ограничиваются однимъ полученіемъ впечатлѣнія и образованіемъ представленія; появленіе его въ насъ обуславливается множествомъ побочныхъ психическихъ дѣйствій и продуктовъ, которые остаются въ душѣ и идутъ потомъ въ дѣло при послѣдующихъ психическихъ отправленіяхъ, служатъ для нихъ и матеріаломъ и подготовкой. Такъ хлѣбное зерно получается изъ колосьевъ; но при выдѣленіи его выдѣляются и солома, и мякина, и ухоботье, которыя имѣютъ свое назначеніе въ хозяйствѣ. Дѣло въ томъ, что появленіе ясныхъ представленій не есть результатъ единичнаго акта, а цѣлаго ряда много разъ повторенныхъ актовъ, причемъ, вмѣстѣ съ представленіями, все болѣе и болѣе ясными и отчетливыми, въ душѣ отпечатлѣваются и всѣ подробности процедуры, выполненной для ихъ полученія и всѣ ея частичные результаты, какъ-то: различенные признаки, зародыши психическихъ обобщеній, самые приемы сопоставленія, различенія и образованія обобщеній. Съ этимъ психическимъ запасомъ мы работаемъ далѣе и далѣе, не только увеличивая его количественно, но и вырабатывая до болѣе и болѣе опредѣленности, точности и правильности. Узнаваніе предметовъ есть не что иное, какъ только примѣненіе этого готоваго выработаннаго матеріала и приемовъ къ представленіямъ, вновь получаемымъ отъ тѣхъ же предметовъ и явленій. Вотъ почему мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что происхожденіе представленій можетъ быть объяснено физиологически и входитъ исключительно въ область физиологии. Кромѣ физиологической стороны, это явленіе имѣетъ еще и другую, недоступную для естествовѣдѣнія и которая можетъ быть изслѣдована только психологически.

Предлагаемое объясненіе происхожденія представленій разъясняетъ много темныхъ и загадочныхъ явленій.

Какъ появляются у дѣтей общія и отвлеченныя понятія и

откуда они берутся — этого не можетъ объяснить самое пристальное и тщательное наблюденіе. Дѣти такъ погружены въ окружающую ихъ внѣшнюю обстановку и такъ неспособны къ отвлеченному мышленію, что для разрѣшенія вопроса представленіе бы одно средство: предположить существованіе въ душѣ прирожденныхъ общихъ и отвлеченныхъ понятій и идей. Локъ опровергъ этотъ взглядъ, доказавъ, что содержаніе представленій и понятій заимствуется изъ впечатлѣній; но какимъ образомъ это дѣлается, осталось у него необъясненнымъ. Кантъ пробовалъ отвѣчать на этотъ вопросъ, но безуспѣшно. Время и пространство, категоріи и идеи висятъ у него на воздухѣ, потому что происхожденіе ихъ не указано, и остается неизвѣстнымъ, какъ они появляются въ душѣ. Но если образованіе представленій есть актъ мышленія, то вопросъ разрѣшается очень просто. Зачатки общихъ понятій, отвлеченностей, категорій и идей вырабатываются въ душѣ исподоволь, незамѣтно, самымъ процессомъ образованія ясныхъ представленій, какъ необходимая и произвольная его принадлежность. Безъ этихъ принадлежностей невозможны, немислимы опредѣленные представленія предметовъ и явленій. Во время ихъ выработки, общія и отвлеченныя понятія мало-по-малу отлагаются въ душѣ, какъ все что въ ней происходитъ, и перерабатываются въ новыя формы, вмѣстѣ съ образованіемъ представленій.

Возьмемъ, для примѣра, понятіе о сущности или субстанціи. Мы считаемъ его однимъ изъ самыхъ отвлеченныхъ, а оно зарождается въ человѣкѣ очень рано. Ребенокъ, разламывая любимую игрушку, добивается узнать, что внутри ея, въ чемъ ея суть. Мы представляемъ себѣ, что субстанція скрывается за свойствами и принадлежностями вещей и служить имъ какъ-бы подставкой и связью. Кто хоть немного занимался философіей, тотъ знаетъ, какую огромную роль это понятіе играло въ ея исторіи и сколько люди ломали себѣ голову, чтобы объяснить, что такое субстанція. Дѣйствительное ея существованіе предполагаютъ и Локъ и Кантъ, хотя оба считаютъ ее недоступной для ума. Гегель тоже говоритъ о субстанціи, о «Ding an sich», но только считаетъ ее ступеню въ діалектическомъ развитіи идеи. По ученію Гегеля, субстанція вся, вполне, выражается въ признакахъ, свойствахъ и принадлежностяхъ, и особаго отъ нихъ содержанія не имѣетъ. Спрашивается: что же такое субстанція, которую мы знаемъ и въ то же время узнать не можемъ, которая есть и которой въ то же время нѣтъ? Эту загадку вполне разъясняетъ процессъ образованія представленій. Сущности вещи, отдѣльной отъ ея свойствъ, признаковъ

и принадлежностей нѣтъ въ реальномъ мірѣ, оно—явленіе психическое, слѣдствіе отдѣленія признаковъ отъ представленія цѣлаго предмета или явленія. Когда мы постепенно отдѣлимъ признаки отъ такого представленія, оно получаетъ въ нашей душѣ какъ бы особое, независимое отъ нихъ существованіе, точно также какъ и признаки представляются намъ чѣмъ-то особымъ отъ предмета; а какъ предметъ не имѣетъ, безъ признаковъ, никакой опредѣленности, то онъ и кажется чѣмъ-то невѣдомымъ, недоступнымъ уму, въ чему признаки приставлены и чѣмъ они держатся вмѣстѣ. Но очевидно, что представленіе цѣлаго предмета или явленія, отдѣленное отъ признаковъ, есть миражъ ума, который исчезаетъ, когда мы знаемъ, какъ образуются представленія.

Та же сущность вещей, но въ болѣе наивной и простодушной формѣ, представлялась народамъ, въ періодъ ихъ младенчества, въ видѣ геніевъ и божествъ, скрывавшихся въ деревьяхъ, камняхъ, ручьяхъ, горахъ и пригоркахъ. Степень развитія и знанія обусловливаютъ различіе поэтическихъ сказаній и метафизическихъ построеній; источникъ ихъ одинъ и тотъ же.

Наконецъ, знаменитый парадоксъ Гегеля, что бытіе есть ничто и ничто есть бытіе, получить для насъ смыслъ, когда посмотримъ на него съ психологической точки зрѣнія. Множество положеній Гегелевой философіи, въ томъ числѣ и это, выражаютъ глубоко подмѣченныя психическія явленія, которымъ только ошибочно придается значеніе безусловныхъ истинъ. Представленіе выясняется лишь постепенно изъ безразличія. То, что не имѣетъ признаковъ и различій — ничто, но ничто, имѣющее бытіе. И про душу можно точно также сказать, до полученія ею первыхъ впечатлѣній, что она есть и въ то же время что ея нѣтъ. Она не существуетъ для себя и для нея нѣтъ внѣшняго міра.

Такимъ образомъ слѣды, оставленные въ душѣ впечатлѣніями и переработанные психически, когда мы ихъ видимъ внутреннимъ зрѣніемъ, суть представленія.

Представленія — это результаты непосредственного дѣйствія на душу физическихъ или психическихъ, внѣшнихъ или внутреннихъ предметовъ и явленій. Такое дѣйствіе, какъ мы сказали, оставляетъ въ душѣ слѣдъ, который удерживается даже послѣ того, какъ самое дѣйствіе прекратилось.

Представленія бываютъ очень различны, смотря по впечатлѣніямъ, вслѣдствіе которыхъ образовались и которымъ отвѣчаютъ. Многіе разумѣютъ подъ представленіями только слѣды впечатлѣній матеріальнаго міра, но такое мнѣніе односторонне

и ведетъ къ важнымъ ошибкамъ. Внѣшній образъ не есть необходимый характеристическій признакъ представленія; можно имѣть представленіе о физическомъ или психическомъ страданіи, о вчерашней бессонницѣ и прошлогодней радости, точно также какъ о деревѣ или домѣ; разница только въ томъ, что представленіе, смотря по впечатлѣнію, оставившему слѣдъ въ душѣ, будетъ или образное, или идеальное, т.-е. имѣть болѣе или менѣе матеріальный характеръ. Такъ цвѣтъ, звукъ, запахъ будутъ намъ представляться болѣе матеріально, чѣмъ испытанныя нами радость и горе.

Далѣе. Смотря по человѣку, представленія бываютъ болѣе или менѣе живы, или наоборотъ, болѣе или менѣе тусклы и стерты. У иныхъ представленія, по своей яркости, мало чѣмъ уступаютъ самымъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, и точно или почти точно также дѣйствуютъ на душу, какъ послѣднія, вызывая такіе же чувства, страсти, желанія. Въ этомъ уже отчасти выражается самодѣятельность души, ея способность возсоздавать въ себѣ то, что на нее дѣйствуетъ, производить въ себѣ самой впечатлѣнія. Способность эта называется воображеніемъ, хотя и несовсѣмъ точно, потому что далеко не всѣ представленія образны. У другихъ людей, напротивъ, представленія далеко не такъ ярки и живы, являются въ душѣ какими-то тусклыми значками, по которымъ, однако, они могутъ передавать совершенно точно и правильно всѣ полученныя впечатлѣнія, оставшія въ душѣ слѣдъ. Такимъ образомъ одинъ, при напоминаніи о какомъ-нибудь предметѣ или явленіи, точно видитъ его передъ собой и описываетъ какъ будто съ натуры; у другого представленіе совсѣмъ не такъ живо и ярко, однако онъ описываетъ его тоже очень подробно и совершенно вѣрно, по блѣдному и тусклому слѣду, который удержался въ его душѣ. Это показываетъ, что психическій значекъ содержитъ въ себѣ признаки полученнаго впечатлѣнія въ скрытомъ состояніи. Въ такомъ видѣ хранятся въ нашей душѣ тысячи впечатлѣній, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя мы вызываемъ воспоминаніемъ. Можетъ быть блѣдныя психическіе значки безъ образовъ, заключающіе въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всю полноту представленій, и навели Платона на мысль объ идеяхъ и впослѣдствіи породили ученіе объ эманациі.

Въ представленіяхъ высказывается самостоятельность души. Они впервые, можно сказать, высвобождаютъ душу; въ нихъ она получаетъ впервые собственное содержаніе, не зависящее прямо отъ постороннихъ вліяній. Вліянія эти конечно продолжаютъ и послѣ того на нее дѣйствовать, но въ представленіяхъ она

имѣть и нѣчто свое, въ ней самой находящееся, надъ чѣмъ она можетъ оперировать совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Въ представленіяхъ душа впервые обращается къ самой себѣ, начинаетъ сосредоточиваться и находить въ себѣ точку опоры и предметъ дѣятельности.

Ближайшій поводъ, по которому душа начинаетъ выдѣляться изъ внѣшней природы, заключается въ невольномъ и сначала смутномъ, полусознательномъ, сравненіи готовыхъ представленій съ тѣми, которыя получаютъ вновь подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ матеріальныхъ впечатлѣній. Тѣ и другія очень близки между собою. Готовое представленіе есть слѣдъ, оставленный въ душѣ впечатлѣніемъ, доступный психическому зрѣнію; однако между этимъ слѣдомъ и вновь получаемыми представленіями, подъ продолжающимся внѣшнимъ впечатлѣніемъ, есть замѣтныя различія. Они-то, постепенно выясняясь и опредѣляясь все рѣзче, болѣе и болѣе отодвигаютъ внѣшний міръ отъ психическаго и въ послѣдствіи приводятъ человѣка къ различенію себя отъ самого себя.

Укажемъ на важнѣйшія изъ этихъ различій.

Во-первыхъ, представленіе, оставшееся въ душѣ, когда дѣйствіе на нее внѣшняго предмета или явленія уже прекратилось, теряетъ опредѣленность пространства и времени. Вчера я видѣлъ въ такомъ-то мѣстѣ нищаго, просившаго милостыню. Представленіе объ этомъ остается при мнѣ во всякое время и всюду, тогда какъ впечатлѣніе мною получено въ извѣстное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, подвижность, измѣнчивость впечатлѣнія исчезаетъ въ представленіи, фиксируется. Такъ, я храню въ душѣ представленіе исполненной музыкальной пьесы, звуки которой давно исчезли.

Въ-третьихъ, впечатлѣніе отсутствія, недостатка, отрицанія производитъ въ душѣ положительныя представленія. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ представленіяхъ, которыя хотя и образуются вслѣдствіе недостатка или отсутствія чего-нибудь, однако имѣютъ положительные признаки, наприм., ночь, холодъ, смерть, и т. п., но о слѣдахъ, оставляемыхъ въ душѣ отсутствіемъ или отрицаніемъ кого или чего-нибудь, наприм., когда я не вижу солнца, которое вчера свѣтило, или знакомаго, который былъ у меня, или не ощущаю боли, радости, или замѣчаю у другого или въ себѣ недостатокъ руки, ноги и т. п. Отвлеченное понятіе о «ничто» есть дальнѣйшая переработка отрицательныхъ представленій, которыя въ душѣ обращаются въ положительныя. Вотъ почему Гегель могъ логически сопоставлять «бытіе» и

«ничто». «Ничто», какъ положительное представленіе, есть, имѣетъ бытіе.

Въ-четвертыхъ, представленія образующіяся вновь, при продолжающемся дѣйствіи на насъ внѣшнихъ предметовъ, сливаются съ впечатлѣніемъ внѣшнихъ чувствъ и потому съ нимъ смѣшиваются; напротивъ слѣдъ, остающійся въ душѣ, когда дѣйствіе внѣшняго предмета на насъ прекратилось, представляется чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и доступенъ только внутреннему, психическому зрѣнію.

Въ-пятыхъ, когда предметы и явленія внѣшняго міра воспроизводятся въ представленіяхъ со всѣми признаками, доступными внѣшнимъ чувствамъ и нами подмѣченными, то мы считаемъ такія представленія отпечатками или впечатлѣніями цѣлыхъ предметовъ и явленій. Но рядомъ съ тѣмъ, признаки предметовъ и явленій нерѣдко являются въ представленіяхъ отдѣленными отъ представленій о предметахъ и явленіяхъ; наконецъ, послѣднія являются также нерѣдко слитыми въ одно представленіе. Такъ, мы имѣемъ представленія о горькомъ, сладкомъ, кисломъ вкусѣ, о красномъ, черномъ, желтомъ цвѣтѣ и т. п. Но такой-то вкусъ или цвѣтъ — представленія, отдѣленные отъ совокупности признаковъ тѣхъ предметовъ: ни цвѣта, ни вкуса отдѣльно отъ предметовъ въ природѣ не бываетъ. Напротивъ, представленіе о стадѣ, о сраженіи, о городѣ, о процессіи и т. п. складывается изъ множества представленій предметовъ и явленій, соединенныхъ вмѣстѣ.

Вотъ какія измѣненія испытываютъ представленія, отдѣлившись отъ непосредственныхъ, внѣшнихъ или психическихъ впечатлѣній. Въ этомъ отдѣленномъ видѣ они втягиваются въ круговоротъ психической жизни и подвергаются новой психической переработкѣ, сопоставляются съ другими психическими явленіями, и изъ ихъ сравненія выводится заключеніе о ихъ различіи или сходствѣ. Продуктами этой работы, какъ и вслѣдствіе операций надъ первыми, смутными представленіями, непосредственно образующимися изъ впечатлѣнія, являются, рядомъ съ результатами самихъ процессовъ, которые оставляютъ слѣды въ душѣ, отвлеченія и обобщенія, а именно одинаковые признаки отдѣляются отъ представленій и группируются вмѣстѣ; точно также группируются и одинаковыя представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій; затѣмъ, какъ тѣ, такъ и другія сводятся особо въ одно, или, выражаясь геометрическимъ терминомъ, налагаются особо одни на другія и образуютъ отвлеченныя и общія понятія. Таково происхожденіе, съ одной стороны, понятій

о движеніи, фигурѣ, развитіи, числѣ, качествахъ и т. п., а съ другой — понятій о человѣкѣ, деревѣ, растеніи, животномъ, существѣ, предметѣ, явленіи и т. п. Другихъ приемовъ, кромѣ сопоставленія, разложенія на признаки и сравненія, съ ихъ послѣдствіями — заключеніемъ о сходствѣ и различіи и образованіемъ отвлеченныхъ и общихъ понятій, дѣятельность мышленія не имѣетъ. Къ этимъ приемамъ сводятся, въ концѣ концовъ, всѣ методы познаванія, на нихъ построены всѣ, безъ изыатія, науки. Съ перваго взгляда кажется невѣроятнымъ, чтобъ такая громадная, разнообразнѣйшая масса знаній, какою люди теперь обладаютъ, могла быть добыта такимъ малымъ числомъ относительно простыхъ, незатѣйливыхъ психическихъ дѣйствій; но это покажется очень естественнымъ, когда мы вспомнимъ, какой громадный и разнообразный матеріалъ ими перерабатывается и какъ безчисленны различныя сочетанія этого матеріала, создающія множество новыхъ данныхъ. Сверхъ того, не должно терять изъ виду, что матеріалъ знанія перерабатывается въ душѣ не одинъ разъ, а послѣдовательно многое число разъ и что каждая переработка даетъ новый матеріалъ, который, въ свою очередь, подвергается точно такимъ же психическимъ операціямъ. Непосредственное наблюденіе, что два яблока и три яблока не одно и то же, отдѣлено длиннымъ рядомъ послѣдовательныхъ психическихъ переработокъ отъ алгебраической отвлеченной величины, выражаемой буквою. Понятія о существѣ, вселенной, истинѣ, благѣ и т. п. точно также представляютъ результаты много разъ повторенной обработки первоначальныхъ представленій другого порядка.

Чтобъ доказать это, рассмотримъ нѣсколько наиболѣе отвлеченныхъ и обобщенныхъ понятій, которыя труднѣе другихъ поддаются психическому анализу.

Что такое пространство и время? Вопросъ этотъ давно занималъ и теперь продолжаетъ занимать людей. Древніе олицетворяли время, какъ олицетворяли добродѣтели и пороки, судьбу или рокъ, славу и т. д. Потомъ время и пространство мало-по-малу утратили краски и выпѣли въ какія-то безличныя метафизическія существа. Въ такомъ видѣ дошли они до насъ — странными загадками, надъ которыми мы напрасно ломаемъ себѣ голову. Характеръ ихъ двойственный. Съ одной стороны, они относятся къ матеріальному міру; въ математическихъ и естественныхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло исключительно съ физической природой, безъ времени и пространства нельзя ступить шагу, также какъ и въ ежедневной практической жизни. Отсюда бы слѣдовало, что они — естественныя, матеріальныя данныя.

Однако они не подлежатъ вѣшнимъ чувствамъ, ихъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать. Кромѣ того, мы говоримъ о безконечномъ, вѣчномъ времени, о безграничномъ пространствѣ, а эти эпитеты никакъ не идутъ къ матеріальному міру, въ которомъ все конечно, все имѣетъ границы, число, вѣсъ и мѣру. Изъ этого какъ будто выходитъ, что время и пространство—предметы не матеріальные. Что же они собственно такое? Психологическій анализъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ мы думаемъ, вполне удовлетворительно. Пространство есть отвлечение отъ протяженія матеріальныхъ предметовъ и разстояній между ними, а время—отъ ихъ движеній; протяженіе же, разстояніе и движеніе, въ свою очередь—отвлечения отъ впечатлѣній на насъ предметовъ, находящихся въ покоѣ или движущихся. Какимъ образомъ человѣкъ дошелъ до выдѣленія этихъ признаковъ изъ числа другихъ,—помощью ли вѣшнихъ впечатлѣній, или мускульныхъ ощущеній, или психическаго наблюденія надъ движеніями мыслей,—это для психологіи вопросъ второстепенный. Такъ или иначе, но человѣкъ научился выдѣлять протяженіе, разстояніе и движеніе изъ общаго представленія о предметѣ или явленіи и отличать отъ всѣхъ прочихъ его свойствъ и принадлежностей. Изъ единичныхъ представленій протяженія, разстоянія и движенія образовались отвлеченныя понятія о томъ, другомъ и третьемъ,—отвлеченныя потому, что они отдѣлены отъ совокупнаго представленія всѣхъ признаковъ предметовъ и явленій и составляютъ нѣчто самостоятельное. Затѣмъ, эти отвлеченныя понятія обобщены. Обобщеніе понятій о движеніи дало въ результатъ общее понятіе о времени, а обобщеніе понятій о протяженіи и разстояніи,—общее понятіе о пространствѣ. Вслѣдствіе такой двойной психической переработки, первоначальныя представленія о пространствѣ и времени, сперва неразрывно связанныя со всѣми другими представленіями о матеріальныхъ предметахъ, какъ признаки послѣднихъ, въ новой своей формѣ, выработанной психическимъ процессомъ, такъ отделились отъ своего источника, что всякое между ними отношеніе и связь порвались и утратились. Время и пространство представляются намъ чѣмъ-то другимъ отъ движенія, протяженія и разстоянія, а движеніе, протяженіе и разстояніе,—другимъ отъ движущагося и протяженнаго тѣла и взаимнаго отдаленія тѣлъ другъ отъ друга. Оба, и время и пространство,—психическіе продукты, неимѣющіе, въ этомъ своемъ видѣ, свойствъ тѣхъ представленій, изъ которыхъ выработаны. Движеніе опредѣленное, имѣющее начало и конецъ, протяженіе и разстояніе, имѣющія границы, превратившись въ отвлеченныя поня-

тія, утратили эти свои признаки. Время, въ видѣ отвлеченнаго понятія, не имѣетъ ни начала ни конца, оно вѣчно; пространство и разстояніе освобождены отъ предѣловъ, безграничны. Только при совершенномъ непониманіи происхожденія этихъ двухъ представленій и свойствъ психическихъ продуктовъ, можно говорить о безначальномъ и безконечномъ времени, о безграничномъ пространствѣ, какъ о реально существующихъ предметахъ. Ни время, ни пространство не существуютъ реально, какъ нѣчто особое, самостоятельное; они—принадлежности реальныхъ предметовъ и притомъ прошедшія черезъ психическую переработку; они дѣйствительно существуютъ только какъ психическіе продукты, въ психической, а не въ реальной средѣ.

Разсмотримъ, далѣе, другую группу понятій. На математическія науки, съ ихъ аксіомами, теоремами и выводами указывали еще не такъ давно, какъ на неопровержимое доказательство способности ума выводить, независимо отъ всякаго даннаго содержанія, изъ самого себя, рядъ истинъ, которыя оказываются, въ то же время, и законами матеріальнаго міра. Еслибы это дѣйствительно было такъ, то вопросъ объ отношеніяхъ мышленія къ реальному міру могъ бы считаться окончательно рѣшеннымъ въ смыслѣ идеалистическихъ ученій. Но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое. Правильный взглядъ на свойства и продукты психическихъ процессовъ представляетъ въ другомъ свѣтѣ математическіе выводы и отнимаетъ у нихъ то исключительное значеніе, какое имъ долго приписывало въ посреди другихъ научныхъ истинъ. Ариметика и алгебра изслѣдуютъ и излагаютъ законы взаимныхъ отношеній отвлеченныхъ величинъ, а геометрія—отвлеченныхъ наружныхъ очертаній тѣлъ, т. - е. величинъ и очертаній, выдѣленныхъ изъ впечатлѣнія, производимаго всѣми признаками реальныхъ предметовъ и явленій, съ которыми, въ дѣйствительности, извѣстная величина и очертаніе нераздѣльно связаны. Въ природѣ нѣтъ ни десяти ни пятнадцати, ни круга ни треугольника, ни объема или вмѣстимости, отдѣльно отъ реальныхъ предметовъ. Только психическимъ процессомъ величина и наружное очертаніе выдѣляются, отвлекаются и становятся предметами особаго изслѣдованія. Оттого учебники геометріи безпрестанно и тщательно напоминаютъ, что геометрическая линія не есть дѣйствительная линія, точка — дѣйствительная точка, треугольникъ — дѣйствительный треугольникъ. Въ ариметикѣ и алгебрѣ подобныхъ напоминаній не для чего дѣлать, потому что для каждаго очевидно, что число пять или величина m не реальные предметы;

напротивъ, геометрическія точки, линіи, фігуры и тѣла близко ихъ напоминаютъ.

Математическія истины совсѣмъ не выводятся умомъ изъ самого себя. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что математика, подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, оперируетъ надъ данными, — величинами, точками, линіями, фігурами, тѣлами. Что эти данныя суть отвлеченія, нисколько не измѣняетъ дѣла. Основаніемъ для всѣхъ математическихъ выводовъ служатъ аксіомы, — общіе выводы изъ отвлеченныхъ фактовъ, неподлежащіе дальнѣйшему анализу и передающіе, въ психической переработкѣ, непосредственныя данныя природы. Что часть — меньше цѣлаго, что дважды два — четыре, что существуютъ линія, точка и т. д. — это такія же данныя, какъ то, что есть растенія и животныя на свѣтѣ, есть юридическія отношенія и психическіе процессы. Стало бытъ, математика вовсе не есть умозрительная, а такая же положительная наука, какъ и всѣ прочія. Наконецъ, что математическія науки иначе комбинируютъ данныя, чѣмъ они являются въ реальномъ мірѣ, ни мало не отличаетъ ихъ отъ прочихъ наукъ. Человѣкъ приводитъ и реальныя и психическія данныя въ разнообразныя новыя сочетанія по образцамъ, которые вырабатываетъ въ самомъ себѣ; такъ поступаетъ онъ, создавая художественное произведеніе, обрабатывая землю, занимаясь разными отраслями заводской и фабричной промышленности, устраивая свой гражданскій и политическій бытъ, созидая науку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ ничего не придаетъ предметамъ отъ себя, а только располагаетъ ихъ иначе. Точно также поступаетъ онъ и въ отношеніи къ математическимъ даннымъ. Но данныя, съ которыми имѣетъ дѣло математика, не непосредственныя, а какъ мы видѣли — отвлеченныя, послѣдовательно прошедшія чрезъ нѣсколько психическихъ операцій. Вотъ единственная причина, почему эта наука выдѣляется изъ всѣхъ естественныхъ наукъ и кажется умозрительной.

Недостаткомъ правильнаго психологическаго анализа объясняются и наши ходячія, крайне спутанныя понятія о необходимости, которую мы противопоставляемъ то произволу, то случайности. Въ наше время необходимость заступила мѣсто судьбы, рока древнихъ, но проводится нами гораздо послѣдовательнѣе, безусловнѣе и неумолимѣе, и потому становится въ рѣзкое противорѣчіе съ личной инициативой, съ индивидуальной дѣятельностью, отрицаетъ ее въ самомъ принципѣ. Съ судьбою древнихъ какимъ-то непонятнымъ образомъ уживались, и удача и личный произволъ; теперь необходимость вытѣснила ихъ совершенно. Теорія отрицаетъ всякій произволъ, всякую случайность.

Цѣлый рядъ явленій остается оттого необъясненнымъ; а между тѣмъ, доводы въ пользу исключительнаго господства необходимости повидимому такъ неопровержимы, что противъ нихъ нельзя возражать. Очевидно, что мысль попала въ наше время въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не въ силахъ выбиться помощью обычныхъ приѣмовъ, и надо искать новыхъ, чтобъ распутать этотъ гордіевъ узелъ. Мы думаемъ, что только психологическій анализъ можетъ указать выходъ. Понятія о необходимости, произволѣ, случайности не что иное, какъ отвлеченія отъ единичныхъ событій, разгруппированныя по признакамъ и обобщенныя. Человѣкъ замѣтилъ, что одни событія совершаются неизбѣжно, неминуемо, на примѣръ, день смѣняется ночью, ночь—днемъ; другія могутъ происходить такъ или иначе, по усмотрѣнію того, отъ кого они зависятъ: захотѣлъ — наказалъ, захотѣлъ — пощадилъ; третьи наступаютъ недуманно — негаданно, какъ послѣдствія причинъ, которыя не были или не могли быть предвидѣны и производятъ неожиданную переменъ въ обстоятельствахъ и обстановкѣ: нечаянно нашелъ кладъ — и разбогатѣлъ, былъ молодъ и здоровъ, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, умеръ. При всемъ существенномъ различіи, отвлеченныя понятія о необходимости, произволѣ, случайности имѣютъ то между собою общаго, что выражаютъ личную, индивидуальную точку зрѣнія на событія. Человѣкъ характеризуетъ ихъ такъ, какъ на нихъ смотритъ, или какъ они къ нему относятся и считаетъ эти личные, субъективныя характеристики за признаки самихъ единичныхъ событій. Отвлеченія отъ послѣднихъ, т.-е. на самомъ дѣлѣ отъ взгляда на нихъ человѣка, группируются по признакамъ, и сходныя между собою суммируются въ общія понятія. Но обратившись разъ въ отвлеченныя понятія или представленія, они теряютъ личный, субъективный характеръ и поступаютъ въ вѣдѣніе науки, которая смотритъ на нихъ съ объективной точки зрѣнія, примѣняетъ къ нимъ объективную мѣрку. Необращая вниманія на личные воззрѣнія, она поставляетъ себѣ задачею опредѣлить не тѣ свойства и признаки, которые наблюдающій приписываетъ фактамъ, по отношенію къ себѣ, а ихъ собственные, имъ самимъ принадлежащіе, независимо отъ отношенія этихъ фактовъ къ тому или другому лицу. Результатъ такого изслѣдованія состоитъ въ выводѣ, что произвольныхъ и случайныхъ событій нѣтъ и быть не можетъ, что всѣ они необходимы, только съ оттѣнками, а именно: событія, приписываемыя произволу, тоже необходимы, но ихъ необходимость зависитъ непосредственно не отъ внѣшняго міра, а отъ воли лица, хотя эта воля тоже опредѣляется необходи-

мыми мотивами; случайныя событія тоже необходимы, только ведутъ свое начало отъ дѣлаго ряда событій, происходящихъ одно отъ другого, но которыхъ начало и послѣдовательность мы не всегда можемъ изслѣдовать до конца. Стало быть, научный, объективный взглядъ, собственно говоря, не отрицаетъ ни случайности, ни произвола, а только перемѣняетъ точку зрѣнія, причемъ то, что казалось произвольнымъ и случайнымъ, представляется необходимымъ. Сукъ дерева, на которомъ сидитъ человѣкъ, подломился, сидѣвшій на немъ упалъ и убитъ до смерти; относительно упавшаго это случай, хотя сукъ подъ нимъ обломился необходимо, по законамъ природы. Заводчикъ, по хозяйственнымъ разсчетамъ, закрываетъ свой заводъ и покупаетъ имѣніе, вслѣдствіе чего, люди, работавшіе на его заводѣ, остаются безъ дѣла и должны искать другой работы; для нихъ такое распоряженіе заводчика есть случайность, для него самого — добрая воля; но если разсмотрѣть съ объективной точки зрѣнія, почему онъ такъ поступилъ, то окажется — такъ утверждаютъ защитники безусловнаго начала необходимости — что онъ дѣйствовалъ произвольно и былъ роковымъ образомъ приведенъ именно къ этому, а не къ другому поступку, слѣд. дѣйствовалъ по необходимости, а слѣдовательно и для рабочихъ его завода это событіе было тоже не случайнымъ, а необходимымъ. Отсюда выходитъ, что въ субъективномъ смыслѣ необходимость ограничена произволомъ и случаемъ; они являются рядомъ съ нею; а въ объективномъ она неограничена ничѣмъ и царитъ исключительно. Очевидно, что съ перемѣной точки зрѣнія самое понятіе о необходимости измѣняется, дѣлается гораздо шире, и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо отвлеченнѣе, потому что дальше отходить отъ единичнаго факта. Но въ отвлеченномъ смыслѣ, изъ котораго единичный фактъ выпадаетъ, необходимость только выражаетъ, что причина и дѣйствіе имѣютъ между собою необходимую связь, т. е., что причина уже необходимо предполагаетъ вытекающія изъ нея слѣдствія и наоборотъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины. Это — истина неоспоримая, выведенная изъ тысячи неопровержимыхъ фактовъ; но изъ нея никакъ не слѣдуетъ, что необходимость исключительно управляетъ дѣйствительною жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ въ сторонѣ дѣйствія произвольныя, которыя одни тоже считаютъ необходимыми, а другіе нѣтъ, и обратимся къ необходимости и случайности. Для отдѣльныхъ лицъ, въ отношеніи къ нимъ, послѣдняя дѣйствительно существуетъ, а въ общемъ смыслѣ вовсе нѣтъ случайности. Что же это значитъ? То, что дѣйствительная жизнь управляется условіями, которыя, при отвлеченіи и обобщеніи, при-

нимаютъ другой видъ, измѣняютъ свой характеръ. Изъ этого слѣдуетъ, что научныя отвлеченія и обобщенія не могутъ быть непосредственно примѣняемы къ дѣйствительной жизни, безъ переложенія ихъ, если можно такъ выразиться, на языкъ дѣйствительности, изъ которой они выработаны. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и бываетъ. Въ математическую или механическую общую формулу, при ея примѣненіи, вставляются реальные единичные факты, иначе она не можетъ быть приложена къ дѣлу. Законъ гражданскій, въ исполненіи, точно также распадается на множество единичныхъ случаевъ и утрачиваетъ общій характеръ. Замѣчаніе это относится къ множеству отвлеченныхъ понятій, которыя играютъ огромную роль въ дѣйствительной единичной жизни и исчезаютъ въ обобщеніяхъ и отвлеченностяхъ. Такъ политико-экономическія понятія о конкуренціи, о народномъ богатствѣ, о свободѣ торговли, какъ отвлеченія совершенно вѣрны, но примѣненные непосредственно къ дѣйствительности, они могутъ идти съ нею въ разрѣзъ и нерѣдко обрушаются на лица и народы бѣдою и разореніемъ. Различіе между добромъ и зломъ исчезаетъ, когда мы переведемъ эти понятія въ сферу отвлеченныхъ началъ, а между тѣмъ его невозможно вычеркнуть изъ дѣйствительности, потому что индивидуальная жизнь человѣка безъ этого различія немыслима. На различіе общаго и индивидуальнаго, единичнаго, отвлеченнаго и дѣйствительнаго мы не обращаемъ вниманія и перетасовывая ихъ, впадаемъ въ грубыя ошибки. Необходимость, какъ отвлеченное понятіе, есть общій законъ, но мы, сами того не замѣчая, подкладываемъ подъ это понятіе то значеніе, какое оно имѣетъ въ субъективномъ смыслѣ, въ личной, индивидуальной жизни, иначе сказать примѣняемъ къ послѣдней законъ, который къ ней неотносится, отвлеченнымъ понятіемъ мѣряемъ то, что имъ не можетъ мѣряться. Это та же самая ошибка, въ которую мы впадаемъ, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, что такое безпредѣльное пространство и безконечное время. Отвлеченію отъ факта, одному изъ его признаковъ, психически выработанному въ особый продуктъ, мы силимся придать значеніе живого реальнаго факта и разумѣется приходимъ къ несообразностямъ.

Возьмемъ теперь группу понятій другого порядка. Что такое право и нравственность и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга? Объ этомъ до сихъ поръ люди еще не успѣли согласиться между собою, хотя спорять очень давно. Споръ будетъ продолжаться безъ конца, пока не догадаются перенести его съ метафизической почвы на психологическую. Право есть отвлеченіе отъ юридическаго закона, который, въ свою очередь, есть

отвлечение отъ установленныхъ въ обществѣ юридическихъ отношеній людей между собою. Эти отношенія чрезвычайно различны, поэтому различны и законы; слѣд. и право, какъ отвлечение отъ послѣднихъ, есть не болѣе какъ рамка, схема, сама собою ничего невыражающая, неимѣющая никакого содержанія; между тѣмъ, его возвели въ идею, которая осуществляется и воплощается въ народахъ и человечествѣ. Стали говорить о правѣ естественномъ, философскомъ, въ противоположность существующему, положительному и подразумеваютъ подъ этимъ названіемъ безусловныя начала юридическихъ отношеній; но при повѣркѣ всегда оказывалось, что естественное и философское право въ дѣйствительности не есть ни естественное, ни философское, а лишь проектъ, программа новой системы законовъ, болѣе соответствующихъ измѣнившимся юридическимъ отношеніямъ, — законовъ, которые или уже прежде дѣйствовали или теперь дѣйствуютъ у другихъ народовъ, при сходныхъ юридическихъ отношеніяхъ. Такъ-называемое философское построение права есть самообогащеніе; на самомъ дѣлѣ оно есть отвлечение отъ дѣйствующихъ законовъ, или проектъ новыхъ, согласныхъ съ требованіями измѣнившихся или вновь образовавшихся отношеній.

Юридическія отношенія, изъ которыхъ, чрезъ двойное отвлечение, выработано общее понятіе о правѣ, касаются только внѣшнихъ поступковъ людей и не идутъ далѣе. До внутренняго ихъ настроенія и расположенія другъ къ другу, до намѣреній, не перешедшихъ въ дѣйствія, до сердечныхъ чувствъ юристамъ нѣтъ дѣла. Внутренніе психическіе поступки, психическія отношенія къ людямъ составляютъ особую группу, изъ которой, чрезъ отвлечение и обобщеніе, составляется понятіе о нравственности. По ходу развитія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и человѣческихъ обществъ и всего человѣческаго рода, психическіе элементы лишь постепенно вырабатываются къ самостоятельной жизни и дѣятельности, изъ-подъ преобладающихъ внѣшнихъ условий. Соответственно съ этимъ, юридическія отношенія появляются прежде нравственныхъ. Въ древнѣйшихъ законодательствахъ поступокъ разсматривается только по его внѣшнему значенію; уже впослѣдствіи стали принимать въ расчетъ его психическіе элементы. Неясное пониманіе психической стороны дѣла мѣшало, и до сихъ поръ мѣшаетъ понять такое простое отношеніе юридическихъ поступковъ къ нравственнымъ дѣйствіямъ, права къ морали. Ихъ старались размежевать, какъ пробовали разграничить чувство, отъ мысли, мысль отъ воли; сочиняли цѣлый кодексъ нравственныхъ обязанностей, котораго

половина наполнялась юридическими отношеніями, а другая предписаніями гигиены и діететики; или противуполагали нравственность праву, не подозрѣвая, что когда они противорѣчаютъ другъ другу, то это значить, что либо юридическій законъ не въ уровень съ измѣнившимися юридическими отношеніями, либо лицо, общество или народъ относятся къ юридическому закону неправильно, хотя можетъ быть и добросовѣстно. Самые смѣлые и непонимающіе вовсе вопроса убѣждены, что наступитъ время, когда юридическія отношенія замѣнятся нравственными, что есть избранные народы, которые могутъ жить безъ юридическихъ отношеній, на основаніи однихъ нравственныхъ правилъ. Такія aberracіи показываютъ, до какихъ нелѣпостей можно дойти, толкуя произвольно отвлеченныя понятія и не повѣряя ихъ тѣми представленіями, изъ которыхъ они выработаны. Люди, чающіе упраздненія права не догадываются, что ратуя противъ общаго понятія, они на самомъ дѣлѣ требуютъ, можетъ быть очень основательно, измѣненія существующихъ юридическихъ отношеній, или ихъ характера. Желать водворенія нравственности вмѣсто права бессмысленно, потому что нравственность есть психическое настроеніе, а не кодексъ внѣшнихъ обязательныхъ правилъ. Регламентация любви, казуистика милосердія и состраданія немислимы, безъ ихъ уничтоженія въ принципѣ. Нравственное чувство, конечно, выше юридическаго закона, но не въ томъ смыслѣ, что можетъ упразднить его, а въ томъ, что дополняетъ его тамъ, куда его сила и дѣйствіе не проникаютъ. То, что мы называемъ нравственнымъ поступкомъ, нравственнымъ дѣйствіемъ, нравственнымъ правиломъ, есть, на самомъ дѣлѣ, не что иное, какъ юридическій поступокъ, юридическое дѣйствіе, юридическое правило, только перенесенные изъ міра внѣшнихъ явленій во внутренній міръ души и обсуждаемые не по наружнымъ признакамъ, а по мотивамъ и побужденіямъ. Оттого-то нравственность, какъ настроеніе, какъ чувство, не имѣетъ своего содержанія и не можетъ быть втиснуто ни въ какую формулу.

Въ заключеніе, разберемъ еще, съ психологической точки зрѣнія, одно изъ самыхъ сложныхъ и загадочныхъ явленій, которое до сихъ поръ не объяснено вполне удовлетворительно. Мы говоримъ о зооморфизмѣ и антропоморфизмѣ, составляющихъ общую принадлежность почти всѣхъ языческихъ религій.

Зооморфизмъ и антропоморфизмъ—явленія, сопровождающія, едва ли не у всѣхъ народовъ, періодъ ихъ младенчества и юности. Превращеніе боговъ и людей въ предметы внѣшней природы, изображеніе божествъ въ видѣ животныхъ, смѣшеніе и слитіе

человѣческаго образа съ принадлежностями прочихъ предметовъ природы, предшествуетъ, во всѣхъ языческихъ вѣрованіяхъ, чистому антропоморфизму, — изображенію боговъ въ видѣ людей. За антропоморфизмомъ слѣдовалъ періодъ олицетворенія отдѣльныхъ физическихъ и нравственныхъ человѣческихъ свойствъ, качествъ, добродѣтелей и пороковъ и поклоненія имъ въ видѣ боговъ. Прежніе боги объяснялись и передѣлывались въ этомъ же смыслѣ. Далѣе языческая религія переходила въ философію и сливалась съ ней; появлялось вѣрованіе въ метафизическія незримыя существа, въ идеи. Олимпъ мало-по-малу переносился въ область мысли. Подъ конецъ, и метафизическія божества постепенно все болѣе и болѣе отдалялись отъ дѣйствительной жизни, теряли съ нею всякую живую связь, замирали и обращались въ чистыя отвлеченности, пока не исчезали совсѣмъ.

Такой ходъ развитія языческихъ вѣрованій представляетъ поразительную аналогію съ развитіемъ человѣческаго самосознанія. Человѣкъ лишь постепенно подмѣчаетъ свое различіе отъ окружающаго матеріальнаго міра и сознаніе его, въ развитіи своемъ, проходитъ чрезъ нѣсколько фазисовъ, начиная отъ взгляда человѣка на себя какъ на физическое существо, до пониманія себя какъ существа по преимуществу нравственнаго, духовнаго. Такая аналогія между развитіемъ вѣрованій и самосознанія даетъ основаніе предполагать, что оба развиваются по одному и тому же закону. Остается найти его формулу и объяснить, чѣмъ опредѣляется, отъ чего зависитъ параллельное развитіе самосознанія и вѣрованій. Отвѣтъ на эти вопросы даетъ, какъ мы думаемъ, одна психологія. Психическая жизнь, совершаясь на матеріальной подкладкѣ, лишь постепенно высвобождается изъ-подъ физической, лишь постепенно становится самостоятельной и самодѣятельной. Этотъ ходъ развитія выражается и во взглядѣ человѣка на самого себя. Чѣмъ онъ ближе къ матеріальной природѣ, чѣмъ менѣе изъ нея выработался, тѣмъ онъ менѣе сознаетъ свое различіе отъ предметовъ окружающаго физическаго міра, и наоборотъ: только успѣхами различенія себя отъ предметовъ внѣшней природы измѣряется степень психической самостоятельности и самодѣятельности человѣка. Если мы при этомъ примемъ въ соображеніе, что образованіе представленій есть цѣлая умственная операція, цѣлый актъ мышленія, результатъ котораго не отвлеченныя формулы, не такъ-называемыя мысли, а тоже представленія, только обработанныя, т.-е. различенныя, сгруппированныя, отвлеченныя и обобщенныя, то не трудно понять послѣдовательность, постепенность развитія языческихъ вѣрованій, на которую было ука-

зано выше. Первобытные язычники обожали не предметы и явления природы—солнце, звѣзды, деревья, рѣки и т. п., — какъ думаютъ обыкновенно, а невидимыя божества, присутствіе которыхъ предполагалось въ этихъ предметахъ. Къ такому предположенію первобытный человѣкъ былъ приведенъ тѣмъ же путемъ, какимъ, впослѣдствіи, пришли философы къ сущности вещей, будто-бы скрывающейся за ихъ внѣшней оболочкой, т.-е. за ихъ признаками, свойствами и принадлежностями. Безсознательное разложеніе первыхъ представленій на признаки рано привело человѣка къ такому предположенію. Какъ философы искали за видимою, подлежащею внѣшнимъ чувствамъ стороною вещей ихъ сущности, идеи, такъ первобытный человѣкъ искалъ незримыя живыя существа. Вся разница только въ степени развитія. О неизвѣстномъ человѣкъ всегда судить по себѣ, т.-е. сравниваетъ съ собою, и пока не узнаетъ предмета, каковъ онъ есть, приписываетъ ему свои свойства. Первобытный человѣкъ, какъ сказано, не отличалъ еще ясно самого себя отъ окружающей матеріальной природы. Психическіе элементы въ немъ еще не пробудились къ самостоятельной жизни. Поэтому, за предметами природы ему чудилось что-то живое, похожее на человѣка. Его не поражала несообразность пребыванія человѣческаго въ нечеловѣческомъ, потому что онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ различіи съ окружающей природой. Этимъ и объясняется происхожденіе зооморфизма. Но по мѣрѣ того какъ человѣкъ началъ подмѣчать свое различіе отъ окружающихъ физическихъ предметовъ, зооморфическая точка зрѣнія мало-по-малу смѣнилась антропоморфической. Такой переходъ обусловливался измѣнившимися воззрѣніями человѣка на окружающую среду и на самого себя. Психическое развитіе перенесло его взглядъ отъ отдѣльныхъ предметовъ къ природѣ и ея силамъ. Эти отвлеченія и обобщенія представились ему сущностью природныхъ явленій, которая отдѣлена отъ нихъ и господствуетъ надъ ними. На нее удобнѣе и естественнѣе было перенести съ отдѣльныхъ предметовъ взглядъ человѣка на самого себя, тѣмъ болѣе, что этотъ взглядъ, вслѣдствіе того же психическаго развитія, въ свою очередь измѣнился. Но различивъ себя отъ природы, человѣкъ сначала понималъ себя только какъ живое физическое существо. Подняться вдругъ до своей нравственной, духовной природы, сразу отличить ее отъ тѣла и видѣть въ ней свою сущность онъ еще не могъ. Чтобы убѣдиться, какъ мало различалъ въ себѣ человѣкъ тѣло отъ души, стоитъ вспомнить представленія древнихъ язычниковъ о загробной жизни. Они воображали ее себѣ продолженіемъ настоя-

щей земной жизни и вслѣдствіе того снабжали умершаго всѣмъ тѣмъ, что его окружало и въ чемъ онъ имѣлъ надобность при жизни.

Таковы источники антропоморфизма. Дальнѣйшее развитие языческихъ вѣрованій точно также служило вѣрнымъ отраженіемъ самосознанія. Когда психическая сторона стала выдвигаться на первый планъ, начали постепенно появляться олицетворенія психическихъ свойствъ и качествъ; а когда психическая жизнь получила рѣшительное преобладаніе и въ психической сторонѣ люди стали видѣть сущность человѣческой природы, олицетворенія исчезли и замѣнились метафизическими божествами, неимѣющими никакой тѣлесной формы. Этимъ и заключился цикль развитія языческихъ вѣрованій.

Такое объясненіе, само собою разумѣется, далеко не исчерпываетъ вопроса о происхожденіи и развитіи языческихъ религій. Этого мы и не имѣли въ виду. Мы коснулись здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, лишь той ихъ стороны, которая непосредственно соприкасается съ психическимъ развитіемъ человѣка и старались показать, какъ необходимъ правильный взглядъ на это развитіе между прочимъ и для объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ фактовъ въ развитіи древнихъ религій и культовъ.

Ограничимся этими нѣсколькими примѣрами. Ихъ, мы полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы объяснить читателямъ, какъ должно смотрѣть на процессы, происходящіе въ душѣ при переработкѣ представленій въ общія и отвлеченныя понятія и какъ слѣдуетъ понимать значеніе послѣднихъ. Тщательно перебирая ихъ одни за другими, не исключая самыхъ, повидимому, сложныхъ и отвлеченныхъ, мы не встрѣтили ни одного, которое не разлагалось бы на начальныя представленія, какъ на свои составныя части. То же самое, какъ извѣстно, доказывалъ Локкъ. Если его анализъ не всегда удовлетворителенъ, то причины должно искать, какъ мы замѣтили выше, въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на психическія операціи, чрезъ которыя проходятъ представленія, перерабатываясь въ душѣ. Притомъ, онъ подмѣтилъ только два источника, изъ которыхъ получаютъ представленія, именно дѣйствія на человѣка матеріальнаго міра и рефлексіи, т.-е. психическіе процессы, и упустилъ изъ виду третій, столько же важный—прирожденные свойства психическаго организма, отъ которыхъ мы точно также получаемъ множество внутреннихъ впечатлѣній и представленій, поступающихъ, подобно прочимъ, въ психическую переработку. Вслѣдствіе того, Локкъ многого недоглядылъ; но многое осталось для него также недоступнымъ по очень несовершенному состоянію наукъ въ его

время. Конечно, съ дальнѣйшими успѣхами положительнаго знанія и для психологическаго анализа откроются новыя стороны и предметы, которыхъ мы теперь и не подозреваемъ, или которые объясняемъ ошибочно. Одно несомнѣнно: только положительный методъ изслѣдованія приведетъ къ объясненію психическихъ фактовъ. Другого способа нѣтъ и быть не можетъ. Этимъ открытіемъ психологія обязана прежде и больше всего Ловву.

Представимъ теперь, въ немногихъ словахъ, выводы и соображенія, къ которымъ приводитъ изложенный выше взглядъ на воспринимающую и перерабатывающую дѣятельность души.

Психологія и философія много говорятъ о полученіи впечатлѣній и о мышленіи, которое приписывается частью разуму, частью уму. Продукты психическихъ отправленій изслѣдованы уже довольно подробно и обстоятельно. Но что такое сами эти отправленія, какъ относится принятіе впечатлѣній къ мышленію, какую роль играютъ и то и другое въ психической жизни,—эти вопросы остаются пока безъ отвѣта. Вотъ почему психологическія и философскія изслѣдованія, въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ такъ безрезультатны, такъ мало уясненъ истинный смыслъ формъ психическихъ процессовъ и ихъ значеніе. Между тѣмъ, вопросы эти разрѣшатся довольно легко, когда мы станемъ изслѣдовать психическія отправленія, не изолируя ихъ одни отъ другихъ, какъ теперь дѣлается, а напротивъ сводя ихъ вмѣстѣ и сравнивая между собою.

То, что мы называемъ принятіемъ или полученіемъ впечатлѣнія (собственно образованіе ясныхъ представленій), мышленіемъ, разсудкомъ, умомъ, въ дѣйствительности, не суть разныя отправленія или способности души, а только различныя акты и стороны одной и той же воспринимающей и перерабатывающей ея дѣятельности. Какъ физическій организмъ принимаетъ въ себя пищу и перерабатываетъ ее, такъ точно и душа; но разница между тѣмъ и другимъ отправленіемъ большая и зависитъ отъ различныхъ свойствъ матеріальной и психической среды, въ которыхъ они совершаются. Принятіе физической пищи вводитъ въ матеріальный организмъ частицы окружающаго міра, которыя потомъ въ немъ перерабатываются. Наблюдая ходъ этого процесса, мы можемъ слѣдить, шагъ за шагомъ, какъ пища поступаетъ въ организмъ и указать моментъ, когда она, послѣ механической подготовки, подвергается разложенію и претворенію. Совсѣмъ другое происходитъ въ душѣ, при аналогическихъ ея отправленіяхъ. Мы вовсе не знаемъ и очень сомнительно, узнаемъ ли когда-нибудь, какъ дѣйствуетъ на нее окружающая ма-

теріальная среда, въ томъ числѣ и различныя состоянія нашего тѣла. Объ этой средѣ и о нашемъ тѣлѣ мы можемъ заключать только по дѣйствіямъ, которыя они производятъ на душу, т.-е. по представленіямъ, которыя отъ нихъ получаютъ, другими словами, наблюденія наши начинаются съ той минуты, когда дѣйствіе на душу уже произведено, когда впечатлѣніе принято. Далѣе. Физическій организмъ перерабатываетъ только пищу, полученную имъ извнѣ. Душа, вслѣдствіе особенностей своей природы, не только получаетъ впечатлѣнія извнѣ, но и отъ самой себя. Это доказывается тщательнымъ анализомъ психическихъ продуктовъ, которые не сводятся, какъ думаютъ матеріалисты, къ однимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Душа впервые пробуждается къ дѣятельности дѣйствіемъ на нее матеріальнаго міра. Внѣшнія впечатлѣнія, по порядку, первыя, которыя она получаетъ; представленія, которыя этимъ путемъ образуются, суть данныя, вызывающія и упражняющія ея самодѣятельность. Когда человѣкъ начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что въ немъ происходитъ, онъ уже находитъ въ себѣ множество готовыхъ продуктовъ предшествовавшихъ операций переработки представленій, образовавшихся вслѣдствіе впечатлѣній, внѣшнихъ и внутреннихъ, не зная, какъ эти переработанные представленія произошли и откуда взялись. Первыя психическія дѣйствія, при пробужденіи психической жизни, не могутъ вызываться самою душою, а обусловливаются матеріальной обстановкой и внѣшними обстоятельствами. Лишь впослѣдствіи, развившись и окрѣпнувъ, душа становится центромъ самостоятельной жизни и дѣятельности, источникомъ своеобразныхъ явленій, преобразующихъ внѣшній міръ и матеріальную обстановку человѣка. Такой ходъ развитія вполнѣ объясняется тѣмъ, что мы сказали выше. Психическій организмъ вырастаетъ на матеріальной почвѣ, сначала весь погруженъ въ нее и лишь мало-по-малу вырабатывается изъ нея къ самостоятельной жизни. Вслѣдствіе этого, впечатлѣнія внѣшняго міра, первыя по времени, начинаютъ на него дѣйствовать и уже за тѣмъ, когда дѣятельность психическаго организма возбуждена, онъ обращается на самого себя и получаетъ впечатлѣнія отъ продуктовъ своей дѣятельности, и отъ своихъ свойствъ и состояній, которыя доступны только внутреннему зрѣнію. Весь этотъ разнообразный матеріалъ поступаетъ въ обращеніе въ психическомъ организмѣ, проходя послѣдовательно чрезъ нѣсколько переработокъ. Каждая изъ этихъ операций совершенно одинакова со всѣми ей предшествовавшими и послѣдующими и состоитъ въ сопоставленіи и сравненіи впечатлѣній, въ отдѣленіи, вслѣдствіе такого сравненія, признаковъ и соединенія между собою

представлений въ общія понятія, а ихъ признаковъ въ понятія отвлеченныя. Такимъ образомъ то, что мы считаемъ особыми силами или способностями души—разсудокъ, разлагающій признаки, и умъ или разумъ, образующій общія и отвлеченныя понятія, не что иное, какъ различные приемы или акты одной и той же психической дѣятельности, которою вырабатываются разнообразныя психическіе продукты. Первые операціи такого рода, пока душа погружена въ физическую жизнь, происходятъ непроизвольно и бессознательно. Но по мѣрѣ того, какъ психическій организмъ становится самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ, появляются, рядомъ съ непроизвольными и бессознательными, сознательныя и произвольныя операціи, которыя вносятъ въ жизнь души новый элементъ и критическую повѣрку во всѣ ея отправленія. Психологи и философы, занявшись исключительно формами и продуктами, въ которыхъ эти отправленія выражаются, остановились на полдорогѣ и не сдѣлали окончательныхъ выводовъ изъ своихъ наблюденій. Будущему времени предстоитъ подвести итоги подъ ихъ превосходныя работы. Говоря о мышленіи, мы представляемъ себѣ дѣятельность особаго рода, вырабатывающую мысли, — нѣчто отвлеченное, неизмѣющее непосредственнаго отношенія къ реальной дѣйствительности; на самомъ же дѣлѣ мышленіе есть ни болѣе ни менѣе, какъ операція переработки представлений въ новыя формы. Его единственная задача, — разлагать, посредствомъ сопоставленія и сравненія, всякаго рода представленія, возникающія вслѣдствіе впечатлѣній внѣшнихъ и внутреннихъ и потомъ воссоздавать эти представленія въ новой группировкѣ, въ новыхъ сочетаніяхъ. То, что мы называемъ мыслями есть не болѣе, какъ одинъ изъ продуктовъ этой дѣятельности, рядомъ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ. Мысль потому намъ бросается въ глаза, что она, по своей отвлеченности и общности, рѣзко отличается отъ другихъ продуктовъ психической переработки, болѣе близкихъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Но мы видѣли, что ближайшія къ впечатлѣніямъ представленія и общія и отвлеченныя понятія суть продукты того же мышленія, приемы котораго вездѣ и всюду одни и тѣ же и отличаются большой простотой. Самое обыденное представленіе и самая глубокая отвлеченная мысль возникаютъ совершенно одинаковымъ образомъ и въ этомъ отношеніи ничѣмъ между собою не отличаются. Вотъ почему невозможно выдѣлить мышленіе изъ выраженій чувства и проявленій воли. Развитіе чувства и воли уже предполагаетъ операціи мышленія; безъ нихъ ни чувствъ, ни желаній, ни акта воли и представить себѣ нельзя. Очевидность этого не по-

ражаетъ насъ потому только, что обработка и перегруппировка представлений, т.-е. собственно операціи мышленія, скрываются въ нихъ за фактами и явленіями, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Только благодаря этому недоразумѣнію, мы считаемъ разрѣшеніе математической теоремы, философскій трактатъ, историческое изслѣдованіе—продуктами мышленія, а симфонію Бетховена, картину Рафаэля, драму Шекспира—продуктами какого-то особаго художественнаго чувства, не замѣчая въ нихъ участія мышленія.

Непониманіе истинной роли мышленія посреди другихъ психическихъ отправленій породило множество разныхъ недоразумѣній. Еще недавно думали, что мышленіе есть высшая изъ всѣхъ способностей души, что оно—вѣнецъ духовной дѣятельности человѣка, что по мѣрѣ того, какъ эта дѣятельность развивается, она упраздняетъ всѣ другіе ея виды и формы. Въ этихъ и подобныхъ имъ взглядахъ есть нѣкоторая доля правды, перемѣшанная съ множествомъ самыхъ странныхъ заблужденій. Мышленіе есть одинъ изъ психическихъ процессовъ, посреди множества другихъ; вытѣснить и упразднить послѣдніе оно точно также не можетъ, какъ они не могутъ упразднить его. Думать, будто дѣятельность мышленія можетъ когда-нибудь заставить навсегда замолчать чувства, желанія, также бессмысленно и нелѣпо, какъ еслибъ кто вздумалъ утверждать, что психическая, нравственная, духовная жизнь должна упразднить отправленія тѣла, сонъ, принятіе пищи и т. п. Мышленіе, какъ и всякое другое отправленіе, имѣетъ свою задачу, свое время и свое мѣсто въ психической жизни; оно вноситъ въ нее результаты своей дѣятельности и тѣмъ извѣстнымъ образомъ, болѣе или менѣе, видоизмѣняетъ всѣ прочія отправленія: отмигнуть и упразднить ихъ оно не въ состояніи; только, когда мышленіе совершаетъ свои операціи, другія отправленія приостанавливаются или дѣйствуютъ, сравнительно, слабѣе. Но то же самое должно сказать и о другихъ отправленіяхъ; они точно также, въ свою очередь, приостанавливаютъ или ослабляютъ на время процессы мышленія.

Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и превосходство мышленія передъ прочими психическими отправленіями. Мышленіе, претворяя представленія въ новыя формы, есть условіе и начало самостоятельности и самодѣятельности души. Только чрезъ мышленіе душа къ нимъ возбуждается и становится способной относиться свободно къ внѣшнему міру и къ самой себѣ. Такъ какъ первые продукты мышленія—представленія, находясь въ тѣснѣйшей связи съ чувствами и желаніями, то можно

сказать, что оно есть регуляторъ всей психической жизни, занимаетъ между психическими процессами центральное мѣсто. Мы были бы даже готовы признать за нимъ первенствующее значеніе, еслибъ съ этимъ понятіемъ не связывалась мысль, будто бы мышленіе съ его продуктами есть крайній, высшій предѣлъ психической жизни. Какъ ни важно значеніе мышленія, но оно все-таки не есть цѣль, а только средство; его роль есть служебная, подчиненная. Оно освобождаетъ человѣка изъ-подъ господства внѣшней природы, выводитъ его изъ личной, субъективной жизни въ общую, объективную; но за этимъ начинается творческая дѣятельность человѣка, пересозданіе имъ внѣшней окружающей среды, своего тѣла и своего психическаго міра. Мышленіе есть только посредствующее звено между пассивнымъ и активнымъ отношеніемъ человѣка къ себѣ и природѣ, переходная ступень отъ перваго ко второму. Шоппенгауеръ и его послѣдователи предчувствуютъ это, указывая на волю, какъ на высшее начало философіи. Какъ ни ошибочны ихъ выводы, какъ ни странна ихъ аргументація, какъ ни превратны ихъ понятія о существѣ воли,—все же эти ученія свидѣлствуютъ, что мышленіе перестало считаться высшимъ началомъ, что за нимъ видится уже нѣчто другое, чего современная мысль не успѣла пока ясно разглядѣть и опредѣлить.

При такомъ взглядѣ на мышленіе многія изъ установившихся издавна и ходячихъ представленій по этому предмету должны существенно измѣниться.

Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ болѣе или менѣе ясное сознаніе о томъ, что онъ поставленъ какъ бы между двумя мірами, физическимъ и духовнымъ, которые противуполагаются другъ другу. Здѣсь источникъ множества миражей, исчезающихъ при сколько-нибудь внимательномъ психологическомъ анализѣ.

Во-первыхъ, изъ противуположенія двухъ міровъ возникъ дуализмъ, въ которомъ оно возведено въ доктрину, а въ философіи получило научную обработку и какъ-бы оправданіе. Долго трудился нѣмецкій идеализмъ надъ разрѣшеніемъ этого противорѣчія, надъ сведеніемъ обоихъ распадающихся терминовъ къ какому-нибудь единству,—но безъ всякаго успѣха. Задача эта подъ силу только психологическому анализу. Изъ него оказывается, что то, что мы называемъ внѣшнимъ міромъ, есть, на самомъ дѣлѣ, міръ матеріальныхъ впечатлѣній и выработанныхъ изъ нихъ представленій, а внутренний, духовный міръ,—міръ отвлеченныхъ и общихъ понятій, выработанныхъ повторенными много разъ психическими операціями, изъ всякаго рода первоначальныхъ впечатлѣній, внѣшнихъ и внутреннихъ, физическихъ и психиче-

сихъ. Чѣмъ эти психическіе продукты выработаны, т.-е. чѣмъ больше разъ они проходили чрезъ психическія операціи, тѣмъ они дальше расходятся съ первоначальными физическими впечатлѣніями и представленіями. Съ тѣмъ вмѣстѣ взаимная связь ихъ мало-по-малу сглаживается и наконецъ, повидимому, совершенно исчезаетъ. Представленія матеріальныхъ предметовъ и явленій еще очень близки къ впечатлѣніямъ, вслѣдствіе которыхъ образовались, и мы легко узнаемъ ихъ взаимное соотвѣтствіе и сходство. Общія и отвлеченныя понятія, образовавшіяся вслѣдствіе первой переработки представленій, стоятъ уже нѣсколько дальше, такъ что однако связь обобщеній съ представленіями все же еще болѣе замѣтна, а отвлеченій, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, уже гораздо менѣе; на дальнѣйшихъ же степеняхъ отвлеченія и обобщенія эта связь вовсе перерывается и открывается только при помощи точнаго анализа, когда при томъ мы уже знаемъ во всей подробности ходъ психическихъ операцій. Вотъ причина, почему представленія, пройдя черезъ психическую переработку, кажутся, въ новой своей формѣ, чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, вовсе не похожимъ на то, чѣмъ они являются въ первоначальномъ своемъ видѣ. По той же самой причинѣ психическіе продукты противуполагаются ихъ первоначальному источнику, т.-е. представленіямъ, непосредственно возникшимъ изъ впечатлѣній, и намъ кажется будто передъ нами два міра, раздѣленные между собою непереступаемой бездною. Если бы переработка представленій происходила сознательно и мы слѣдили за нею шагъ за шагомъ, то противуположность психическихъ продуктовъ и матеріала, изъ котораго они выработаны, конечно не казалась бы намъ такою рѣзкою. Но процедура психическихъ операцій отрывается для насъ лишь постепенно, послѣ пристальнаго изученія, а сначала онѣ совершаются сами собою, безъ нашего дѣятельнаго участія. Когда человѣкъ начинаетъ сознательно относиться къ тому, что совершается въ его душѣ, общія и отвлеченныя понятія уже успѣли пройти чрезъ нѣсколько повторенныхъ психическихъ переработокъ и утратили всякое сходство съ первоначальнымъ ихъ источникомъ. Не скоро понялъ человѣкъ, что дождь, падающій на землю, образуется длиннымъ процессомъ изъ земной влаги и что онъ возвращаетъ землѣ то, что изъ нея же взято; а понять, что міръ мыслей и такъ-называемыхъ идей — тотъ же міръ представленій, только въ измѣненномъ, переработанномъ видѣ, несравненно труднѣе. Теперь, когда мы это понимаемъ, идеальный міръ представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ.

Но если психическій міръ есть видоизмѣненный и перегрупу-

пированный міръ первоначальныхъ представлений, то спрашивается: есть ли какой-нибудь предѣлъ для психическихъ переработокъ и гдѣ должно остановиться болѣе и болѣе разобщеніе представлений съ вырабатываемыми изъ нихъ общими и отвлеченными понятіями? Вопросъ этотъ разрѣшается самымъ свойствомъ операцій мышленія. Еще Гегель очень мѣтко сказалъ, что общія и отвлеченныя понятія суть «сокращенія» (Abbreviaturen) природы, потому что подъ каждое общее понятіе подходитъ безчисленное множество единичныхъ представлений. Точно также общія и отвлеченныя понятія, въ свою очередь, сокращаются при переработкѣ ихъ въ болѣе общія и отвлеченныя. Итакъ, число ихъ, при каждой новой операціи, должно уменьшаться, до тѣхъ поръ, пока возможно продолжать такія операціи, т.-е. пока можно сопоставлять, разлагать на признаки, дѣлать обобщенія и отвлеченія. Но чтобъ эти дѣйствія были возможны, необходимо, чтобъ было не менѣе двухъ отвлеченныхъ или общихъ понятій, или хотя бы и одно, но имѣющее по крайней мѣрѣ два признака. Гдѣ нѣтъ никакого различія, тамъ прекращаются и операціи мышленія, за невозможностью сопоставлять и сравнивать. Изъ этого видно, что прежнія попытки философіи возвести все существующее къ одному началу не могли не быть безуспѣшны. Одного начала не съ чѣмъ сравнивать; если оно безразлично, какъ «бытіе» у Гегеля, то изъ него нельзя ничего вывести. Придуманый Гегелемъ переходъ отъ «бытія» къ «ничто» не есть, какъ онъ старается доказать, естественное и необходимое превращеніе самаго бытія въ противоположное ему, а искусно замаскированный прыжокъ отъ объекта къ субъекту, отъ предмета наблюденія къ лицу, производящему наблюденіе. Гегель спрашиваетъ: что есть безразличное бытіе, неимѣющее ни формы, ни содержанія? и отвѣчаетъ: «ничто». Но это «ничто» есть сужденіе, произносимое о бытіи тѣмъ, кто его разсматриваетъ, а не переходъ самаго бытія въ другую форму.

Во-вторыхъ, изъ противоположенія матеріальнаго и психическаго міра развилось убѣжденіе въ существованіи безусловной истины, доступной философскому мышленію помимо положительнаго знанія. Въ наше время въ безусловное знаніе никто больше не вѣритъ, хотя невозможность его еще недоказана научнымъ образомъ. Этотъ пробѣлъ можетъ быть пополненъ только съ психологической точки зрѣнія. Безусловная истина есть отвлеченное понятіе, какъ необходимость, свобода, счастье и тысячи подобныхъ. Когда мы узнаемъ что-нибудь, когда намъ становится понятенъ смыслъ каковаго-нибудь явленія, мы убѣждены,

что вполне обладаемъ истиной. Только потому, провѣривъ свой выводъ и найдя, что онъ ошибоченъ или не обнимаетъ всѣхъ сторонъ предмета, мы убѣждаемся, что заблуждались, что мы хотя и узнали истину, но не всю. Такимъ образомъ, все болѣе и болѣе узнавая предметы, понимая ихъ глубже и лучше по мѣрѣ того какъ ихъ изучаемъ, мы по аналогіи со всякимъ движеніемъ, имѣющимъ начало и достигающимъ цѣли, предполагаемъ, что и въ концѣ этого ряда должна быть безусловная истина, отъ которой зависать всѣ прочія и которая сама ни отъ кого и не отъ чего не зависитъ. Но такая истина есть не болѣе какъ обманъ ума. Истина не есть какой-нибудь предметъ, а полное, совершенное соотвѣтствіе выработанныхъ психическими процессами отвлеченій и обобщеній съ представленіями, изъ которыхъ они выработаны. Такое соотвѣтствіе исключаетъ понятіе о безусловномъ и есть совершенно положительное, результатъ тщательнаго и точнаго изученія фактовъ.

Какъ ни сбивчива терминологія обыкновеннаго, разговорнаго языка, но въ немъ, кажется, можно различить два выраженія: «знать» и «понимать.» Мы знаемъ предметъ, когда онъ не даетъ намъ новыхъ впечатлѣній, другими словами, когда представленіе о немъ уже прежде возникло въ нашей душѣ. Сравнивая это представленіе съ новымъ о томъ же предметѣ, вслѣдствіе новыхъ впечатлѣній и находя ихъ тождественными, мы говоримъ, что знаемъ предметъ. Итакъ, узнать предметъ, значитъ удостовѣриться въ тождественности двухъ послѣдовательныхъ по времени представленій. Выраженіе: понять предметъ имѣетъ другое значеніе. Можно знать предметъ и не понимать его; понимаемъ мы его съ той только минуты, когда узнали законы, по которымъ онъ существуетъ или живетъ и дѣйствуетъ. Я знаю локомотивъ, но не понимаю его, т.-е. не понимаю какъ онъ устроенъ и дѣйствуетъ; знаю выраженія писателя, но не понимаю ихъ смысла. Въ томъ и другомъ изъ приведенныхъ случаевъ, понять значитъ узнать мысль, лежащую въ основаніи предмета, и то, какъ она въ немъ осуществляется. Такъ выражаемся мы иносказательно, потому что, собственно говоря, никакая мысль не осуществляется въ предметѣ, не лежитъ въ его основаніи; предметъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ нашихъ мыслей или смысла, который мы въ немъ находимъ. Но что же такое, спрашивается, та мысль или тотъ смыслъ, которые мы открываемъ въ предметахъ, тѣ законы, которыми они управляются? Не что иное, какъ выводъ изъ сравненія представленій о предметѣ или явленіи и ихъ признаковъ съ тѣми обобщеніями и отвлеченіями, которыя удер-

жались въ нашей душѣ отъ предшествовавшихъ операцій мышленія. Вглядываясь въ представленія, разлагая ихъ на признаки, мы замѣчаемъ, что разные представленія имѣютъ общіе признаки, отвлекаемъ ихъ и обобщаемъ. Замѣчая потомъ, что признаки другихъ представленій подходятъ подъ эти обобщенія и отвлеченія, мы называемъ послѣднія законами. Такъ, напримѣръ, наблюдая надъ смѣною дня и ночи, мы замѣчаемъ, что она происходитъ періодически - правильно и называемъ такую смѣну закономъ. Продолжая всматриваться далѣе, мы подмѣчаемъ сходство между землею и шаромъ и по разнымъ признакамъ выводимъ, что земля вертится около своей оси. Тогда законъ смѣны дня и ночи оказывается уже не закономъ, а лишь послѣдствіемъ закона суточного вращенія земли. Но и этотъ законъ, какъ оказывается, въ свою очередь есть тоже лишь послѣдствіе вращательнаго движенія земли около солнца. Открывая подобныя тому вращательныя движенія и въ другихъ небесныхъ тѣлахъ, мы сравниваемъ эти движенія между собою и выводимъ общій законъ вращательнаго движенія небесныхъ тѣлъ. Такимъ же точно образомъ мы доходимъ до гипотезы, что и солнце, а съ нимъ и вся солнечная система совершаетъ такое же вращательное движеніе около какого-то невѣдомаго солнца. Наконецъ, сравнивая движеніе небесныхъ тѣлъ съ движеніями, совершающимися на земномъ шарѣ, мы открываемъ въ тѣхъ и другихъ общіе признаки и выводимъ отсюда, что тѣ и другіе происходятъ по одному и тому же общему закону. Итакъ, законы — отвлеченные и обобщенные признаки представленій. Чѣмъ общѣе и отвлеченнѣе представленіе, отъ котораго мы отвлекаемъ признаки, которые потомъ обобщаемъ, тѣмъ общѣе законъ. Съ такими, уже готовыми представленіями мы приступаемъ къ предмету намъ непонятному. Что же мы дѣлаемъ? Прежде всего мы сравниваемъ признаки его съ своими представленіями о законахъ и найдя между тѣми и другими сходство, заключаемъ, что предметъ управляется такими-то законами. Въ этомъ выраженіи наглядно описывается то, что происходитъ: законъ какъ будто находится внѣ предмета и предметъ ему подчиняется. То же самое бываетъ, когда мы приписываемъ предмету какую-нибудь мысль: кажется, будто она находится внѣ его, и самъ онъ — нѣчто второстепенное, несущественное, неважное; думается, будто вся суть предмета заключается въ той мысли, которой онъ служитъ выраженіемъ; на самомъ же дѣлѣ мы только выхватываемъ изъ совокупности впечатлѣній предмета нѣсколько извѣстнаго рода признаковъ, оставляя въ сторонѣ множество другихъ, которые точно также

выхватываемъ при другихъ случаяхъ, когда намъ это нужно. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить между собою нѣсколько различныхъ научныхъ системъ по одной и той же отрасли знанія. Каждый основатель школы смотритъ на предметы, входящіе въ кругъ его науки, съ своей точки зрѣнія, т.-е. даетъ преимущество извѣстнымъ признакамъ передъ другими, на нихъ обращаетъ исключительное вниманіе въ предметахъ изслѣдованія и по нимъ распредѣляетъ самые предметы. Такъ, напримѣръ, на животныхъ можно смотрѣть съ точки зрѣнія устройства ихъ зубовъ, строенія остова, головы, процесса ихъ питанія, мозговой и нервной системы и т. п. Каждый изъ этихъ признаковъ можетъ служить основаніемъ для иной систематизаціи животныхъ. Основатель системы и его послѣдователи будутъ считать существенными только тѣ признаки, которымъ они отдаютъ преимущество. Такимъ же образомъ всякій предметъ входитъ въ кругъ изслѣдованія нѣсколькихъ, иногда многихъ наукъ. Для одной изъ нихъ существенно въ предметѣ одно, для другой — другое; по выводамъ одной науки извѣстный предметъ управляется такими-то законами, по выводамъ другой — совершенно иными, неимѣющими съ первыми ничего общаго.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что узнать и понять предметъ, на самомъ дѣлѣ, одно и то же; разница состоитъ только въ томъ, что первый изъ этихъ актовъ не выходитъ изъ круга непосредственныхъ впечатлѣній, а второй вращается въ сферѣ отвлеченныхъ и обобщенныхъ понятій. Мы считаемъ пониманіе выше простаго знанія только потому, что знаніе есть примѣненіе къ предметамъ продуктовъ начальной операціи мышленія, а пониманіе — второй и послѣдующихъ.

Читатель, давшій себѣ трудъ вникнуть въ сказанное выше, конечно не заподозритъ насъ въ намѣреніи лишить знаніе объективнаго значенія и свести его на личное, индивидуальное представленіе о предметахъ, граничащее съ фантазіей. Выводы наукъ основаны на точномъ, положительномъ наблюденіи и изученіи признаковъ и оправданы опытомъ и повѣркой, слѣд. не могутъ быть фантазіями или призраками. Точно также было бы смѣшно и несвоевременно, при теперешнемъ состояніи наукъ, возобновлять старинный споръ реалистовъ и номиналистовъ о томъ, существуетъ ли общее понятіе въ предметахъ или только въ нашемъ умѣ? Что общія понятія не выдумки людей, а выведены изъ предметовъ наблюденія, доказывается тою несомнѣнною и разнообразною пользою, какую люди извлекаютъ изъ общихъ понятій въ ежедневной жизни; что законы

предметовъ и явленій не сочинены, а открыты въ самихъ предметахъ,—объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ практическія примѣненія научныхъ выводовъ. Разбирая что такое знаніе и пониманіе, законъ и смыслъ предметовъ, мы хотѣли только показать, что они — психическіе продукты, выработанные изъ впечатлѣній тѣхъ предметовъ и явленій на душу. То, что есть въ впечатлѣніи, есть и въ томъ, что мы называемъ закономъ, мыслью, существомъ предмета, только въ другой формѣ, въ другомъ видѣ. Знаніе и пониманіе есть лишь выводъ, что впечатлѣніе и психическій изъ него продуктъ соотвѣтствуютъ другъ другу. Но если знаніе и пониманіе есть соотвѣтствіе двухъ разныхъ видовъ одного и того же, то о безусловной истинѣ не можетъ быть и рѣчи. Знаніе и пониманіе, какъ бы они глубоко ни были, все-таки не что иное, какъ результатъ сравненія впечатлѣній съ отвлеченіями и обобщеніями. Глубина знанія и пониманія измѣряется только степенью отвлеченія и обобщенія. Не зная этого, мы воображаемъ, что поднимаемся надъ предметами и усматриваемъ скрывающуюся въ нихъ сущность и идя этимъ путемъ далѣе и далѣе, достигаемъ безусловной истины; на самомъ же дѣлѣ, мы не перестаемъ обращаться въ томъ же мірѣ положительныхъ фактовъ, только въ передѣланномъ видѣ. Потому-то истины научныя, не исключая самыхъ отвлеченныхъ, не суть безусловныя, а положительныя; другого мірила истины, кромѣ положительнаго, у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Какую науку мы ни возьмемъ, каждая, въ концѣ концовъ, покоится на фактахъ, о которыхъ мы ничего больше сказать не можемъ, какъ то, что они — факты. Одно непониманіе психическихъ процессовъ могло заставить искать въ выводахъ ума и въ психическихъ состояніяхъ какую-то особую истину, особое знаніе, отличное отъ положительныхъ, возвышающееся надъ ними и доступное особому методу изслѣдованія.

Въ-третьихъ, въ процессѣ мышленія, вырабатывающемъ изъ впечатлѣній міръ общихъ и отвлеченныхъ понятій, заключается источникъ чудеснаго, въ которому человѣкъ такъ склоненъ отъ колыбели и до могилы, на всѣхъ ступеняхъ развитія. Прежде чѣмъ люди поняли, что общія и отвлеченныя понятія — тѣ же впечатлѣнія, только въ другой формѣ и группировкѣ, процессъ переработки ихъ въ новый видъ совершается безсознательно и произвольно и подготавливаетъ будущую творческую дѣятельность, которая есть не что иное, какъ такая же перегруппировка данныхъ, только сознательная и преднамѣренная. Не зная различія между законами природы и психическаго міра, не понимая ихъ взаимныхъ отношеній, не умѣя строго

различать ихъ, человѣкъ безпрестанно смѣшиваетъ между собою ихъ явленія. Какъ фетишизмъ, зооморфизмъ, антропоморфизмъ есть младенчески грубое перенесеніе матеріальныхъ представленій на психическія явленія, такъ точно чудесное есть такое же перенесеніе процессовъ мышленія на предметы внѣшняго міра. Становясь съ послѣдними лицомъ къ лицу, человѣкъ вноситъ въ нихъ чаяніе другого міра, непохожаго на реальный, и выражаетъ это чаяніе въ образахъ и фактахъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, матеріальныхъ явленій. Какъ весь процессъ мышленія есть приготовленіе къ творческой дѣятельности, такъ и въ чудесномъ выражается младенческая, неумѣлая попытка къ послѣдующей передѣлкѣ внѣшняго міра, къ перегруппировкѣ матеріальныхъ условій по обдуманнѣмъ цѣлямъ и образцамъ. Въ чудесномъ выражается предчувствіе, что внѣшній міръ долженъ быть передѣланъ по образцамъ, которые человѣкъ носитъ въ своей душѣ, что онъ долженъ сообразоваться съ нуждами и требованіями человѣка, отражать въ себѣ ходъ его идей, строй его мыслей. Возмужавъ въ знаніи самого себя и окружающаго, человѣкъ узнаетъ, что внѣшній міръ подчиняется его волѣ и желаніямъ не иначе, какъ въ предѣлахъ и условіяхъ непреложныхъ законовъ, что для подчиненія его волѣ человѣка нѣтъ ни возможности, ни надобности перемѣнять эти законы, нужно только произвести тѣ сочетанія естественныхъ условій, которыя сами собою, по естественнымъ законамъ, производятъ то, что нужно или желательно человѣку.

Вотъ результаты, къ которымъ приводитъ психологическій анализъ дуализма и его явленій. Онъ коренится въ человѣческой природѣ и составляетъ непремѣнное условіе жизни и дѣятельности. Впечатлѣнія служатъ матеріаломъ для общихъ и отвлеченныхъ понятій, которыя потомъ даютъ человѣку точку опоры для передѣлки, перегруппировки условій внѣшняго міра. Въ этомъ ихъ взаимодѣйствіи и совершается психическая жизнь. Дуалистическія воззрѣнія грѣшатъ не тѣмъ, что признаютъ существованіе въ человѣкѣ и природѣ двухъ противоположныхъ полюсовъ, а тѣмъ, что вопреки очевидности совершенно ихъ разобщаютъ, разрываютъ между ними всякую связь и возводятъ двойственность въ исключительно, безраздѣльно господствующій принципъ человѣческой природы. Благодаря такому взгляду, міръ идей, общихъ и отвлеченныхъ понятій, оторванный отъ своего источника и корня, не получая ниоткуда питанія, не могъ обновляться притокомъ свѣжихъ элементовъ. Вслѣдствіе того, онъ сдѣлался неподвижнымъ, окаменѣлъ въ своихъ формахъ и сталъ въ вопіющее противурѣчіе съ успѣхами знанія

и гражданственности, съ измѣнившимися условіями дѣйствительной жизни. Изолированный отъ всего окружающаго, психическій міръ казался самосущимъ, представлялъ округленное и замкнутое въ самомъ себѣ цѣлое, неимѣющее никакого отношенія къ дѣйствительности. Въ этомъ царствѣ тѣней совершалась жизнь своего рода, но безплодная, безрезультатная, состоявшая единственно въ перестановкѣ и перегруппировкѣ представлений и понятій, безъ повѣрки результатовъ этихъ операций фактами дѣйствительнаго міра. Возможность такой искусственной, отрѣшенной жизни на болѣе или менѣе продолжительное время лежитъ въ условіяхъ психическаго организма. Впечатлѣнія, обратившись въ представленія, живутъ въ душѣ независимо отъ дѣйствія, которое ихъ вызвало и служатъ матеріаломъ для дальнѣйшей психической переработки, которая можетъ совершаться въ душѣ независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Сочетанія представлений, появляющіяся въ душѣ вслѣдствіе такого процесса, могутъ далеко расходиться съ тѣми впечатлѣніями, изъ которыхъ они возникли. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стбитъ только вспомнить чудовищныя извращенія естественныхъ побужденій, поражающія въ человѣкѣ. Освобожденіе отъ природы, которое приноситъ съ собою психическая жизнь, не даромъ достается человѣку; оно предполагаетъ нейтрализацию, ослабленіе дѣятельности природныхъ побужденій развитіемъ психическихъ отправленій, но въ то же время отерываетъ широкую дверь для всевозможныхъ отклоненій и искаженій природныхъ инстинктовъ. Перезрѣлыя цивилизаціи представляютъ тому тысячи примѣровъ. Образъ жизни, вкусы, привычки, наклонности, не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества, могутъ быть совершенно противуестественны. Жанъ-Жакъ Руссо, ставя идеаломъ возвращеніе людей къ естественному состоянію, ошибался не въ основной мысли, а въ ея развитіи и примѣненіи; ему думалось, что такое состояніе существовало когда-то прежде; истинный же смыслъ его требованій состоялъ въ соглашеніи формъ быта и привычекъ людей съ естественными, природными фактами, отъ которыхъ они отклонились, съ которыми совершенно разошлись. Французское общество XVIII-го вѣка представляетъ не единственный примѣръ такого разлада. Такъ разошлась схоластическая философія съ дѣйствительностью, которую должна была объяснять; такъ палъ, почти на нашихъ глазахъ, философскій идеализмъ, который въ своихъ выводахъ совершенно разошелся съ положительными науками и дѣйствительною жизнью. Всѣ положительныя законодательства, начиная съ римскаго, допускаютъ давность, которой назначеніе и состо-

ить въ уравновѣшеніи права съ фактомъ, въ томъ, чтобъ не дать имъ совсѣмъ разобщиться; безъ давности они могли бы совершенно разойтись и наконецъ потерять между собою всякую связь. Мысль о единствѣ, о тѣсной взаимной связи дѣйствительности и міра представленій и понятій такъ же древня, какъ дуализмъ, и никогда не терялась; но развивалась и примѣнялась она точно также неправильно, какъ и дуалистическія воззрѣнія. Во имя этого единства, то отрицали матеріальный міръ, то психическій. Идеализмъ все сводилъ къ идеальному принципу и изъ него «конструировалъ» все существующее; матеріализмъ, а въ наше время реализмъ, все сводятъ къ матеріальнымъ фактамъ и ими думаютъ объяснить всѣ явленія матеріальнаго и психическаго порядка. Безуспѣшность и бесплодность тѣхъ и другихъ попытокъ, опускающихъ изъ виду цѣлый рядъ явленій или искажающихъ ихъ настоящій смыслъ, заставляютъ критически провѣрить установившіяся представленія о взаимныхъ отношеніяхъ реальнаго и психическаго міра, изслѣдовать происхожденіе дуалистическихъ воззрѣній въ самомъ ихъ источникѣ и зародышахъ, и на результатахъ этихъ предварительныхъ работъ основать новую попытку сближенія и согласенія двухъ расходящихся вѣтвей, вырастающихъ изъ одного корня. Словомъ, наукѣ въ наше время предстоитъ разрѣшать ту же задачу, надъ которой въ свое время трудились Локкъ и Кантъ. Задача эта не философская, а психологическая. На нее указываетъ весь ходъ знанія и дѣйствительной жизни въ наше время. При тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми располагаетъ современная наука, можно надѣяться, что эта задача, если и не будетъ теперь рѣшена окончательно, то по крайней мѣрѣ будетъ значительно подготовлена къ удовлетворительному разрѣшенію въ ближайшемъ будущемъ.

К. Кавелинъ.

ДОЧЬ ВОЗДУХА

Отрывокъ изъ трагедіи Кальдерона *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СЕМИРАМИДА, вдова Нина, ассирійская царица.

ЛИКАСЪ, полковѣдецъ.

ФРИКСЪ, начальникъ флота.

ЛИДОРЪ, царь лидійскій.

КАТО, рабъ.

АСТРЕЯ,

ЛИВІЯ,

ФЛОРА,

} прислужницы Семирамиды.

Ассирійскіе и лидійскіе воины, народъ, музыканты, свита.

СЦЕНА I.

Залъ въ царскомъ дворцѣ, въ Вавилонѣ.

Слышатся трубы и тимпаны. На сценѣ появляются музыканты, АСТРЕЯ съ зеркаломъ въ рукахъ, ЛИВІЯ и ФЛОРА съ подносомъ, на которомъ лежатъ мечъ и каска; потомъ СЕМИРАМИДА, въ траурномъ одѣяніи, безъ головного убора. Свита.

СЕМИРАМИДА.

Пускай властитель Лидіи, въ душѣ
Исполненный змѣйнаго коварства,
Привелъ поля, кипя враждой ко мнѣ
За то, что я вѣнчалася на царство,

*) Предлагаемый отрывокъ, составляющій самъ по себѣ совершенно цѣльный и законченный драматическій эпизодъ, принадлежитъ къ числу перловъ поэзіи Кальдерона. Извѣстный нѣмецкій критикъ и знатокъ испанской литературы, Шакъ, считаетъ этотъ отрывокъ несравненнымъ по художественному блеску и великолѣпію.

Пусть Вавилонъ, великій Вавилонъ,
 До неба мною поднятый отъ праха
 Лидора войскомъ грознымъ окружень —
 Вы пойте пѣсни! Да узнаетъ онъ,
 Какъ я чужда смятенія и страха.
 На звуки трубъ, которыхъ гнѣвный гулъ
 Разносить вѣтеръ, отвѣчайте сладкимъ
 Гармоніи напѣвомъ, чтобъ звучали
 Двѣ эти музыки — одна вливая въ душу
 Суровость мужества, другая — радость. —
 Подушки мнѣ подайте. Распустите
 Мнѣ волосы. Пусть роскошь этихъ кудрей,
 Ничѣмъ не сдержана, мнѣ упадетъ на плечи:
 Я буду ихъ расчесывать сама.

Рабы приносятъ коверъ и кладутъ на него подушки. Семирамида садится. Астрей держитъ передъ ней зеркало. Другія женщины занимаются головнымъ уборомъ царицы въ то время, какъ она чешетъ распущенные волосы.

ХОРЪ.

Посмотрите, вотъ Семирамида
 Дивная царица Вавилона,
 Чтѣ красой и мужествомъ полна:
 Надъ пучиною временъ она
 Блещетъ будто звѣздная корона.

Посмотрите, въ часъ, какъ Вавилонъ
 Окруженъ врагами, безмятежно
 Внемя трубамъ боевымъ, царица
 Шлетъ въ отвѣтъ имъ звуки пѣсни нѣжной.

Чередуясь льются эти звуки,
 То чаруя прелестью желаній,
 То грозой бушуя, будто спорятъ
 Межъ собой на цитрахъ звонкогласныхъ
 Богъ любви и богъ кровавыхъ браней.
 Звукъ трубы. Входятъ ЛИКАСЪ и ФРИКСЪ.

ЛИКАСЪ.

Звукъ этой ласковой трубы, царица,
 Къ подножью трона твоего приносить
 Привѣты мира: онъ звучитъ мольбой
 О томъ, чтобы предъ твой державный ликъ
 Посолъ Лидора былъ допущенъ.

ФРИЕ СЪ.

Вотъ онъ

Къ намъ приближается. Лицо его
Закутано; не понимаю я
Причины этого.

СЕМИРАМИДА.

Ввести его сюда
Немедленно. Хоть я и не одѣта,
Но будетъ невеликодушно, если
Мы ждать его заставимъ, такъ какъ онъ
Къ намъ отъ врага посланникомъ приходитъ.

Обращаясь къ прислужницамъ.

Оставьте ваше дѣло на минуту.
Уборъ еще не конченъ? Нужды нѣтъ:
Я обойдусь и безъ пустыхъ нарядовъ.

Входитъ ЛИДОРЪ. Лицо его закрыто покрываломъ, которое онъ снимаетъ, привѣ-
ствуя Семирамиду.

ЛИДОРЪ.

Царица! прежде чѣмъ твой ликъ узрѣть,
Я не хотѣлъ разоблачать свой санъ,
Чтобъ не лишить себя тѣхъ преимуществъ,
Какихъ теперь добился я подъ видомъ
Посланника.

СЕМИРАМИДА.

Ты въ замыслѣ своемъ
Успѣлъ исполнѣ. Когда бы я узнала,
Что это ты—черезъ порогъ дворца
Переступить тебѣ не удалось бы.
Теперь же, въ качествѣ посла, тебя
Готова я принять.

Рабы! поставьте

Ему скамью, подалѣе, чтобъ онъ
Не прикасался къ моему коврау.

Лидоръ садится на принесенный табуретъ.

Теперь посланникъ говори: чего
Отъ насъ желаетъ Лидіи властитель?

ЛИДОРЪ.

Побѣдоносная царица!
Для дивныхъ подвиговъ твоихъ

Достойныхъ нѣтъ бытописаній.
 У славы звуковъ не найдется
 Для пѣсенъ о твоихъ побѣдахъ,
 Залившихъ міръ кровавымъ моремъ,
 И вѣтровъ вѣянье не въ силахъ
 Развѣять по лицу вселенной
 Несчетныя хвалы твоей
 Красѣ и мужеству!..

Ты помнишь,
 Какъ въ Ниневію я пришелъ,
 Влекомый тайною любовью
 Къ божественной Иренѣ, мною
 Донинѣ чтимой, хотъ она
 Давно въ землѣ погребена.
 Ты помнишь, какъ, переодѣтый,
 Подъ именемъ чужимъ, служилъ
 Я твоему супругу Нину,
 Котораго душа теперь,
 Освободясь отъ узъ тѣлесныхъ,
 Царить въ надоблачной странѣ.
 Ты помнишь, какъ въ тѣ дни примчалась
 Изъ Лидіи, моей отчизны,
 Молва тревожная о томъ,
 Что князь багтрійскій Эсторбатъ
 Въ мое отсутствіе лидійцевъ
 Подвигнулъ къ мятежу. Ты помнишь,
 Въ тотъ самый день, когда короной
 Тебя вѣнчалъ великій Нинъ,
 Съ его войсками вышелъ я
 Изъ нинивійскихъ стѣнъ высокихъ,
 И приняли въ свои объятія
 Меня пальмирскія равнины,
 Гдѣ солнце въ колыбели спитъ...
 Не стану приводить на память
 Тебѣ тѣхъ знаменій, какія
 Являлись въ этотъ страшный день,
 Не стану потому, что небо
 Одно лишь вѣдаетъ: таилось
 Добра иль зла предвѣстье въ ничь...

Въ бою жестокомъ Эсторбатъ *)

*) Здѣсь монологъ Лидора нѣсколько сокращенъ противъ подлинника. Опущены по-

Разбить былъ мною. Я упрочилъ
 За Ниномъ Лидію. Въ награду
 За вѣрность и за подвигъ мой
 Царь отдалъ мнѣ Ирены руку
 И съ ней мою отчизну—царство
 Лидійское, чтобъ я имъ правилъ
 Какъ государь, покорный Нину...
 Въ покоѣ безмятежномъ я
 Жилъ съ этихъ поръ, пока Ирена
 Не вознеслася, какъ звѣзла,
 Въ края небесные, оставивъ
 Въ залогъ мнѣ сына. Въ эти дни
 Судьбы руководящій жребій
 Рѣшилъ и Нину умереть....
 Прости меня, воль оскорбленье
 Услышишь ты въ моихъ словахъ,
 Но не могу я умолчать
 О той молвѣ, что будто ты—
 Наслѣдника имѣя въ сынѣ—
 Стремилась къ власти, по внушенью
 Высокомѣрной и отважной
 Своей души; что ты при жизни
 Супруга твоего хотѣла
 Занять престолъ. Молва прошла,
 Что, не за долго передъ смертью
 Властительнаго Нина, ты
 Его уговорила тайно
 Отдать тебѣ на малый срокъ
 Власть надъ страной; что въ это время
 Начальниковъ всѣхъ грѣпостей,
 Которые служили Нину,
 Ты удалила и мѣста ихъ
 Своимъ приверженцамъ дала.
 Затѣмъ случилось, что однажды
 Найдены былъ Нинъ въ постелѣ мертвымъ,
 Хоть онъ предъ тѣмъ не зналъ недуга.
 Разнесся всюду страшный слухъ,
 Что на груди у трупа было
 Темнобагровое пятно,
 Что сердце у него распухло,

подробности столкновения Лидора съ Эсторбатомъ, нужны для цѣлой пьесы, но не
 имѣющіе существеннаго значенія для предлагаемаго отрывка.

Что это явный признакъ яда
 Ужаснаго, въ одно мгновенье
 Сонъ превращающаго въ смерть...
 Есть доказательство еще
 Твоей постыдной тиранніи:
 Тебѣ судьба послала сына;
 Законный онъ наслѣдникъ трона,
 Достоинъ общей онъ любви;
 Онъ, говорятъ, тебѣ подобенъ,
 Но только не душой, а тѣломъ:
 Въ его лицѣ, въ его осанкѣ
 И въ звукахъ голоса находятъ
 Твое величье отраженнымъ.
 И что же? дѣтище свое,
 Столь сходное съ тобой, ты держишь
 Въ далекомъ нинивійскомъ замкѣ;
 Съ нимъ обращаешься сурово,
 Безъ уваженія къ нему,
 И, вопреки его правамъ
 На тронъ отца, не воздаешь
 Тѣхъ почестей, что подобаютъ
 Наслѣднику короны царской.

Какъ братъ покойнаго царя,
 Какъ мужъ его сестры, родившей
 Мнѣ сына, я пришелъ сюда!
 Я громко заявляю право
 На ассирійскій тронъ. Отчета
 Я требую, Семирамида,
 Въ тѣхъ обвиненьяхъ, что сейчасъ
 Ты слышала. Коль въ нихъ есть правда,
 Коль умерщвленъ тобою Нинъ,
 Ни ты, ни сынъ твой не должны
 Владѣть престоломъ: я вступаю
 Въ права, утраченные вами.
 И такъ какъ въ царскихъ спорахъ судъ
 Есть поле битвы, мечъ—защита,
 Богиня счастья—судья,
 То я пришелъ въ сопровожденіи
 Полевыхъ несмѣтныхъ. Наводнилъ
 Я вавилонскіе луга
 И тѣсно обложилъ я стѣны
 Моею ратью. Для того,

Чтобъ ты узнала побужденья
 И цѣли истинныя мною
 Предпринятой войны, пришелъ
 Къ тебѣ я въ качествѣ посла
 И высказалъ тебѣ все лично.
 Коль оправдать себя не можешь
 Отъ обвиненій, мною здѣсь
 Сейчасъ исчисленныхъ, отдайся
 Мнѣ въ руки. Не отдашься—я
 Свой долгъ немедленно исполню:
 Я на кровавый приступъ рину
 Полки съ желѣзомъ и огнемъ!
 Не убоюсь я укоровъ
 Въ неправдѣ: пусть земля и небо
 Увидать, что тебѣ я врагъ,
 Что я иду противъ тебя,
 Неблагодарной хищной твари,
 Убившей мужа своего,
 Иду, какъ вѣрный песъ его,
 Ему служащій и по смерти.

СЕМИРАМИДА.

Не постигаю, какъ достало
 У гордости моей терпѣнья,
 Чтобъ выслушать изъ устъ твоихъ
 Нелѣпостей безумныхъ столько.
 Не постигаю, какъ палящій
 Мой гнѣвъ высоко не вознесся,
 Чтобъ вихремъ пламеннымъ тебя
 Развѣять, будто легкій пепелъ.
 Но такъ какъ въ этотъ разъ сдержалась
 Моя душа, то я отвѣчу—
 Не для тебя, а для самой
 Себя—на всѣ твои укоры.
 Ты говоришь, что неизвѣстно
 Добро вѣщали или зло
 Тѣ знаменія, что являлись
 Въ день моего коронаванья?
 Нѣтъ, не предвѣстьемъ злополучья
 Ихъ небо посылало: счастье
 Они сулили Ассиріи,
 Что водворилось съ тѣхъ поръ,

Какъ я вѣдѣсь царствую. Объ этомъ
Гласятъ великія побѣды,
Одержанныя мной еще
При жизни Нина. Какъ Беллона
Его полки водила я.
Въ тѣ дни, когда возсталъ мятежъ
На нивахъ Сиріи, мой мечъ
Его смирилъ. Когда я войско
Къ стѣнамъ Икарды привела,
Я первая взошла на нихъ
И ассирійскій стягъ воздвигла
На гордой крѣпостной твердынѣ.
Отважно я переплыла
Черезъ волны Нила, что подобенъ
Хрустальной седмиглавой гидрѣ,
И въ тяжкомъ боѣ ницъ повергла
Египетскаго Птолемея!
Въ дни мира блескъ и славу царства
Я приумножила; я разумъ
И силу и величье въ немъ
Закономъ мудрымъ водворила.
Да, въ эти дни, какъ брани богъ
На лонѣ красоты дремалъ,
Заботъ не оставляла я
О расширеніи государства.
Пусть Вавилонъ объ этомъ скажетъ,
Который мной воздвигнутъ весь
Отъ первыхъ камней; пусть объ этомъ
Его вѣщаютъ стѣны, гдѣ
Воздушные сады повисли,
И башни дивныя его,
Что какъ столпы воздвиглись къ небу
И гордо держать неба сводъ, —
Имъ нѣтъ числа! Когда съ востока
Выходитъ солнце, то оно
Надъ ихъ вершинами скорѣе
Спѣшитъ пройти, боясь, чтобъ блескъ
Высокихъ башенъ Вавилона
Не помрачилъ его сіянье...
Но для чего перечислять
Мои дѣянія, коль сами
Они вѣщаютъ о себѣ?
И если все свершилось это,

То ясно, что въ тотъ день, когда
Корону я надѣла, небо
Меня привѣтствіемъ встрѣчало
И солнце изумлялось мнѣ
И всѣ стихіи трепетали,
Предвозвѣщая, что событія
Свершатся дивныя въ градущемъ.

О томъ, что будто бы убила
Я мужа, — выскажусь теперь.
Молва винить меня за то,
Что управленье государствомъ
Мнѣ ввѣрилъ Нинъ на краткій срокъ?
Какой пустой и шаткій доводъ!
Коль мужъ такъ былъ поворенъ мнѣ
И такъ меня любилъ, скажи,
Зачѣмъ для видовъ властолюбья
Мнѣ смерть его была нужна,
Когда я властью обладала
При жизни Нина? Нѣтъ, его
Какъ государя чтитъ я,
Какъ властелина и супруга:
О томъ свидѣлствуетъ мною
Сооруженный мавзолей.
Въ твоихъ словахъ, что удалила
Я сына отъ себя, что будто
Питаю я къ нему презрѣнье,
Есть правда—я не спорю. Но
Ты самъ сказалъ, что на меня
Похожъ наружностію Ниній:
Да, лишь наружностью—не духомъ.
Не лучшіе мои дары
Въ немъ отразились. Я бъ желала,
Чтобъ меньше красоты моей
И больше мужества въ немъ было.
Всѣ говорятъ, что робокъ Ниній,
Что онъ имѣетъ женскій нравъ.
Природа, насъ создавъ, двукратно
Ошиблася: во-первыхъ, тѣмъ,
Что въ цѣляхъ спуталась своихъ,
И, во-вторыхъ, перемѣшала
И матери и сына свойства.
Я женщина—и я отважна,

А онъ мужчина—и трусливъ.
Я силою полна могучей—
Онъ слабъ и валь. Насилье полу
Въ насъ сдѣлано. Вотъ почему
Я сына удалила. Онъ
Вѣнецъ и скипетръ государства
Тогда изъ рукъ моихъ получить,
Когда научится владѣть
Оружіемъ, когда усвоитъ
Законы мудрыя правленья,
Когда содѣлается онъ
Достойнымъ царскаго призванья.

Теперь, Лидоръ, я обращаюсь
Къ тебѣ. Ты предо мной явился,
Чтобы потребовать отчета
Въ моихъ винахъ? Я объявляю,
Что не отдамся я тебѣ,
Что не получишь ты отвѣта
Иного отъ меня — лишь тотъ,
Который слышалъ ты сейчасъ....
Передъ твоимъ приходомъ я
Съ прислужницами занималась
Уборкою моихъ волосъ,
Предъ зеркаломъ, подъ звуки пѣсенъ
И музыки, веселья полной.
Ты помѣшалъ мнѣ. Удались
И знай, Лидоръ, вотъ этотъ гребень,
Что видишь ты въ рукѣ моей,
До той поры не будетъ править
Моихъ кудрей роскошныхъ стадомъ,
Покуда ты не распрострешься
Въ лугахъ окрестныхъ Вавилона,
Иль плѣнникомъ, иль блѣднымъ трупомъ.
Пусть этотъ гребень будетъ мнѣ
Вѣнкомъ лавровымъ. Я хочу,
Чтобы мое чело вѣнчалъ
Не шлемъ стальной — уборъ зубчатый;
И съ головы моей дотолъ
Онъ не сойдетъ, пока тебя
Не сокрушитъ моя десница!
Хоть я могла бы ожидать
Здѣсь нападенья твоего,

На крѣпость стѣнъ моихъ надѣясь;
 Но, раздраженная отвагой,
 Моя душа не позволяетъ
 Мнѣ предоставить дѣло битвы
 Томительной осадѣ. Нѣтъ,
 Тебя настигну я на полѣ!
 И знай, что еслибъ въ Вавилонѣ
 Я не имѣла войска, еслибъ
 Здѣсь не было атлантовъ этой
 Твердыни — Фрикса и Ливаса —
 По крови братьевъ и по духу —
 То и тогда бы я пошла,
 Созвавши лишь немногихъ женщинъ,
 И въ битву кинулась съ тобою,
 Чтобъ ни одной минуты ты
 Не могъ меня держать въ осадѣ!
 Иди-жъ устраивать скорѣй
 Свои толпы и здѣсь не медли:
 Не то — боюсь я — права
 Посла не охранять тебя
 И, можетъ быть, обратно ты
 Черезъ эти стѣны перейдешь,
 Разрубленный на части такъ,
 Что вѣтръ умчитъ тебя, играя!

ЛИДОРЪ.

Когда со мной вступить ты въ битву хочешь,
 Я буду ждать тебя на бранномъ полѣ.

СЕМИРАМИДА.

И тамъ узнаешь ты, что я владѣю
 Народомъ доблестнымъ, который лавры
 Моихъ побѣдъ умѣетъ охранять.

ЛИДОРЪ.

На полѣ битвы я увижу это.

ФРИКСЪ.

Увидишь къ горю своему, Лидоръ.

ЛИДОРЪ.

Поменьше словъ пустыхъ и больше дѣла.

ЛИКАСЪ.

Да, дѣла —

ФРИЕСЪ.

Прочь слова —

ЛИДОРЪ.

Къ оружію!

Уходить.

ЛИКАСЪ И ФРИЕСЪ.

Къ оружію!

СЕМИРАМИДА.

Подайте мнѣ

Мой лучезарный мечъ и всѣ
 За мною слѣдуйте. Ликасъ,
 Ты намъ свою покажешь силу:
 Подумай, что сегодня долженъ
 Твой подвигъ доблестный вознестъ
 Высоко счастье твое!

ЛИКАСЪ.

Не понимаю для чего, царица,
 Отвагу ты во мнѣ воспламеняешь:
 Она тебѣ извѣстна.

СЕМИРАМИДА.

Не дивись:

Я и сама того не понимаю. —
 Къ оружію! Вы, женщины, покуда
 На полѣ битвы буду я сражаться
 Не уносите мой уборный столикъ
 И зеркало: я, воротившись съ боя,
 Докончу здѣсь мою прическу.

Уходить.

СЦЕНА II.

Открытое поле.

Трубы; барабаны; звонъ оружія.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Къ оружію! Къ оружію!

ДРУГИЕ ГОЛОСА.

На бой!

Впередь!

ЕЩЕ ГОЛОСА.

Да здравствует Семирамида!

ОБЩІЙ КЛИКЪ.

Да здравствует!

ГОЛОСА СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Да здравствует Лидоръ,
Да вознесетъ его побѣда нынѣ
На ассирійскій тронъ!

Входятъ ЛИДОРЪ и воины.

ВОЖДИ.

Уже изъ стѣнъ
Выходить врагъ толпами и на полѣ
Твои полки сомкнувшись битвы ждутъ.

ЛИДОРЪ.

О, помоги мнѣ небо! Гдѣ скрывались
Тьмы этихъ воиновъ? Найдется ли еще
Во всей вселенной городъ, столь огромный,
Чтобы вмѣстить въ себѣ такія силы?
Несмѣтно ихъ число! Какъ будто листья
Садовъ висячихъ и пески Евфрата
Преобразились въ ратниковъ. Блескъ солнца
Скрывается подъ тучей вражьихъ стрѣлъ,
Несущихся на насъ крылатой ночью!

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Къ оружію! Впередь!

ЛИДОРЪ.

Вокругъ меня
Бой завязался... близится гибель...
Пойду впередъ: я умереть хочу,
Разя другихъ!

Уходитъ. Шумъ битвы.

ЛИКАСЪ — за сценою.

Лидоръ, куда ты скрылся.

ЛИДОРЪ—за сценою.

Я здѣсь! Пускай судьбой я преданъ,
Но никогда не обращаю я тыла
Передъ врагомъ.

ГОЛОСА ВОЖДЕЙ—за сценою.

Глядите, царь сразился!
Къ нему! За нимъ! Спасайте властелина!

Лидоръ уходитъ; потомъ возвращается раненый и падаетъ на землю; Ликасъ и Фриксъ преслѣдуютъ его; съ противоположной стороны выходятъ СЕМИРАМИДА.

ФРИКСЪ.

Я довершить хочу свою побѣду!

ЛИКАСЪ.

Стяжать хочу я славу!

СЕМИРАМИДА.

Погодите,

Не убивайте!

ФРИКСЪ.

Ты его спасаешь?

СЕМИРАМИДА.

Да, я желаю, чтобъ достался мнѣ
Онъ плѣннымъ, а не мертвымъ.

ЛИДОРЪ.

РОКЪ

Тебѣ побѣду далъ, Семирамида,
Мнѣ злополучье вѣчное судилъ.
О, вижу я, что счастье не за тѣхъ,
Кто правды въ жизни держится.

СЕМИРАМИДА.

Велите

Бой превратить.

ФРИКСЪ.

Отъ вражескихъ полковъ
На страшномъ полѣ битвы остаются
Немногіе. Пролилось столько крови,
Что на побережьи песокъ скатался

Въ гранаты красныя, а пѣна водъ кораламъ
 Уподобляется. Избѣгнувшіе смерти
 Враги спѣшатъ въ пустыню, спотыкаясь
 О трупы братьевъ, трепеща предъ взмахомъ
 Твоей разящей длани.

СЕМИРАМИДА — Лидору.

Ты, Лидоръ,
 Хотѣлъ, чтобы я отдалась тебѣ —
 И вотъ за то ты у меня въ плѣну.
 Ты называлъ меня неблагодарнымъ
 И хищнымъ звѣремъ, а себя — собакой,
 Хранящей вѣрность. Наглými устами
 Ты оскорбилъ меня и похвалу
 Вознесъ себѣ — не жалуйся-жъ теперь,
 Что дѣлаюсь я кровожаднымъ звѣремъ
 И поступлю съ тобою, какъ съ собакой:
 Ты у дворцоваго порога будешь
 Прикованъ къ цѣпи. Посмотрѣть хочу я,
 Какъ вѣрность и усердье ты покажешь,
 Меня оберегая: вѣдь собака
 Оберегать хозяина должна,
 А нынѣ я хозяинъ твой!

ЛИДОРЪ.

Да, правда:
 Ты мой хозяинъ, я твоя собака;
 Но только вѣрности напрасно ищешь ты
 Во мнѣ, позору преданномъ. Презрѣнье
 Перерождаетъ чувства; и собака,
 Которую терзаютъ, наконецъ,
 Кусаетъ въ ярости хозяина. Теперь
 У ногъ твоихъ лежу я, и жестоко
 Карать меня, утратившаго счастье.

ЛИСА СЪ.

Царица! побѣдители всегда
 Имѣютъ къ побѣжденнымъ уваженіе.
 Молю тебя о милосердіи, если
 Ты хочешь наградить меня за то,
 Что для тебя я взялъ Лидора въ плѣнъ.

ФРИЕСЪ.

И я участвовалъ въ его плѣненнѣ,
 Но думаю иначе: безъ пощады
 Карай преступника, чтобъ преступленье
 Не повторилось въ будущемъ, надѣясь
 На снисхожденіе твое, царица.

ЛИКАСЪ.

Удвой побѣду милостью.

ФРИЕСЪ.

Побѣда
 Сопровождаться карою должна.

СЕМИРАМИДА.

Ты правду говоришь: онъ испытаетъ,
 Что присудила я ему.

ЛИДОРЪ.

Царица,
 Пусть лучше смерть, чѣмъ жизнь позора.

СЕМИРАМИДА.

Тщетны

Твои моленья: не смягчишь, Лидоръ,
 Ты сердца гордаго Семирамиды.
 Позвать сюда раба, который прибылъ
 Изъ Аскалона, чтобъ смотрѣть за сворой
 Моихъ собакъ.

Входитъ КАТО.

КАТО.

Царица, Като здѣсь.
 Онъ за тобой повсюду ходитъ, даже
 На поле битвы. Като понимаетъ,
 Что застрахованъ онъ отъ всякихъ страховъ
 Съ царицею, которой служить счастье.
 Эхъ, счастье штука чудная: смотри,
 Оно въ подароѣ мнѣ дало сѣдины
 Тебѣ же кудри темныя, а мы
 Вѣдь, кажется, ровесники съ тобою,
 Не молоды, да и не то чтобъ стары:
 Немного менѣе, иль больше сорока...

Да, говорю я, возрастомъ и счастьемъ
Равны съ тобою мы.

СЕМИРАМИДА.

Встань, Като.
Такъ счастьемъ мы равны?

КАТО.

Ну, да,
Равнехоньки. Въ одно и то же время
Мы овдовѣли и свободны стали
Отъ мужа ты, я отъ жены. За то, что
Женать я былъ, не дашь ли мнѣ мѣстечко
Хорошее, такое, чтобы я
Освободился отъ собакъ и всякой
Собачины?.. Что повелишь, царица?

СЕМИРАМИДА.

Вотъ человѣкъ. Возьми его на псарню
И въ конурѣ держи, какъ держишь ты
Мои хъ лагавыхъ и борзыхъ; корми
Его собачьимъ кормомъ; цѣпь на шею
Ему надѣнь и пусть онъ у ограды
Дворъ сторожить, пусть на него глядятъ
Прохожіе; а если не съумѣешь
Его сберечь, то самого тебя
Постигнетъ тоже.

КАТО—про себя.

Эка притча, право!
А ну, какъ онъ захочетъ убѣжать,
Что дѣлать мнѣ?

СЕМИРАМИДА.

Готовьтесь къ возвращенію
Въ столицу. Ты, Лидоръ, пойдешь
Туда за мной свидѣтелемъ побѣды:
Пусть у моихъ стремянъ тебя увидитъ
Весь Вавилонъ.

ЛИДОРЪ.

Жестока мѣсть твоя.

ЛИКАСЪ.

Царица, пощади...

СЕМИРАМИДА.

Ни слова больше!
 Такъ я рѣшила. Въ честь себѣ ты ставилъ
 Названіе собаки; для чего же
 Меня винишь въ жестокости, когда
 Тебѣ возможность я даю на дѣлѣ
 Достигнуть этой чести?

ФРИКСЪ.

Вавилонъ,
 Встрѣчай торжественнымъ привѣтомъ
 Свою геройскую царицу,
 Грядущую въ побѣдной славѣ!

ВСѢ.

Да здравствуетъ во вѣкъ Семирамида!
 Маршъ. Всѣ уходятъ, кромѣ КАТО.

КАТО.

Э-эхъ, грѣхи-то наши!.. Что за должность
 Проклятую мнѣ послала судьба!
 Вотъ этого еще не доставало.
 Ну, если при такой напасти я
 Не поусердствую какъ слѣдуетъ, то выйдетъ
 Плохая штука, худшая изъ всѣхъ
 Какія приключались со мною.
 Изволь стеречь царя, когда копѣйки
 Я устеречь въ карманѣ не умѣю?
 Нѣтъ, стереги его кто хочетъ. Я
 Такъ разсуждаю: каждому довольно,
 Коли себя онъ устеречь сумѣетъ...
 О, какъ высоко, какъ надменно эта
 Дочь смѣлая вичливой суеты
 Возносится своей побѣдной славой...
 Все улучшается на этомъ бѣломъ свѣтѣ,
 Все, кромѣ участи моей проклятой.
 Ужъ подлинно собачья участь: вдругъ
 Изъ сторожа собачьяго я долженъ
 Собакой сдѣлаться сторожевою.

Уходятъ.

С Ц Е Н А III.

Залъ во дворцѣ.

Музыка; входятъ СЕМИРАМИДА съ своими женщинами и свитой.

СЕМИРАМИДА—оборачиваясь назадъ къ ЛИДОРУ.

Порогъ дворца — твоя арена,
 Разумное животное; ты долженъ
 Усердно охранять его.

АСТРЕЯ.

Сегодня
 Любви богиня въ образѣ твоемъ
 Сразила бога страшнаго войны.

ФЛОРА.

Какое счастье и какая слава!

СЕМИРАМИДА.

Возьми оружье это, Флора;
 Астрей, зеркало сюда:
 Займемся вновь красой убора
 Моихъ волосъ и пѣсни хора,
 Умолкнувшаго здѣсь, когда
 Сраженъе началось, снова
 Запойте: сердцу въ нихъ звучить
 Привѣтъ восторга молодого.
 Пускай молва не говорить,
 Что въ этотъ день, веселья полный,
 Мой духъ смутиться битвой могъ.
 Пусть снова гребень, какъ челнокъ
 Моихъ кудрей разрѣжетъ волны.
 Садится и начинаетъ расчесывать себѣ волосы.

ХОРЪ.

Посмотрите, вотъ Семирамида,
 Дивная царица Вавилона,
 Что красой и мужествомъ полна:
 Надъ пучиною временъ она
 Блещетъ, будто звѣздная корона!

В. Буренинъ.

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

и

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. Самъ Пав. Ник. поощрилъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не бесполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно Сѣнную Губу и Кизи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуи на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предварительно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толви переехалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро

поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожя, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петро-заводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы связать общее впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе—и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отраднo видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отраднo видѣть его *самого по себѣ*; тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и наслонившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерею времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей врожденной шутиливости. Приученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ самыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадаетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиллярности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономического быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у

Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озера, разбросанныя въ этомъ край, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказывается въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка: у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣ Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣ, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что нужно и лѣтомъ на санихъ (дровняхъ) или же на волокахъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми задѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственныя — прибыльныя работы — распахиваніе «нивъ», т.-е. полей, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможныя другія заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «польсуется», т.-е. стрѣляетъ и ловитъ дичь, и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распахиваютъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распахиваются только такія мѣста, на которыхъ растетъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго лѣсу не трогаютъ, по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственница, подъ посѣвъ не годится; что накопецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-моль охраненія лѣсовъ. И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежать къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ внутренніе распоряженія въ прежнія времена, не знаю; но со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хотя имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружнаго начальника, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считают мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только

хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвѣющій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера. Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣ для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденіи за ея обработку, хлѣбъ то и дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣринный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безысходное труженничество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно, народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣнно снимаютъ шапки и крестятся. — Что это такое за развалина? «Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотрогаться. Такъ она и стоитъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». — А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе? — «Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливающіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга, кладбища съ заколоченными воротами, въ которыхъ строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ, вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе труженниковъ-выгозеровъ лишено утѣшенія религіи. И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя раскольникыя селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняютъ

нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа, а не то что жиды, которые Христа проклинали; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняютъ, что даже покойника не даютъ отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить».

Признаюсь, я не нашелъ отвѣта. Нашелъ ли бы что отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей?

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе: эти причины — *свобода и глупость*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напр., сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, т.-е. между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признаютъ это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею», это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай

поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телѣгою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благоприятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско,—эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ, и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каливъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хозяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазнила каличьего атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эва братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великій,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
Ай рубите-тко руки бѣлыи,
Ай со лба-то копайте очи ясныи,
Ай тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
Ай копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ прошѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руки бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
Ай положилъ какъ здыханье во бѣлую грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней рассказы-

вается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполне достовѣрномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣлствуютъ, что онъ вполне живетъ мыслию въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Пóтыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабы уловки каковы» и т. д. Когда со стороны кого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рapsодъ объясняетъ дѣло весьма просто: «встарину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ и другой не только грамотные, но и начетчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напр., Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполне подъ господствомъ эпического міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь включомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпнаго старика-крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старинны», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорогой я упросилъ его сказать свои старинны, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былинку

про превращенія Добрыни подѣ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стала-то Добрынюшку обвертывати:
 Обвернула-то Добрыню да сорокою,
 Обвернула-то Добрыню да вороною,
 Обвернула-то Добрыню да свиньею,
 Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ:
 Рожки у тура да въ золотѣ,
 Ножки у тура да въ сѣребри,
 Шерсть на тура да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полнаго и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подѣ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же, изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ—завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіями его ¹⁾, я былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерей времени. Явно азычская былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольниковыми убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполне убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣ-

¹⁾ См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возмѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры болѣею частью относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазнять». Потому въ Повѣдкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

рованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религиозныхъ убѣжденіяхъ. Программа кажется не хитрая, но сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ и что они мнѣ ничего не сообщать, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Пріѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы пригласить его къ себѣ. «Это совершенно бесполезно, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился; деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать верстъ за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, оstarовѣрился (т.-е. перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч. — «Ну, я такъ и зналъ, говорить мой хозяинъ; нѣтъ, онъ не поѣдетъ». — «А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?» — «Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя». Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попу служить», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былинъ и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, возьмемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихіевѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старики оказались въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего пріѣзда я имѣлъ удовольствіе

услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему легко устранилось недоувѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на прѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было рассчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихіевъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины до полного физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человекъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человекъ ¹⁾ извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человекъ ²⁾, отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человекъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былины я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ рапсодій; въ составляемомъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70-ю личностями.

¹⁾ Рыбининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (т.-е. Иванъ Сивцевъ), Бутылка (т.-е. Абрамъ Евтихіевъ), Сорокинъ, Оехотовъ (т.-е. Дутиковъ), Іевлевъ, Потахинъ (т.-е. Потапъ Антоновъ), Щеголенокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (т.-е. Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (т.-е. Иванъ Феноновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголенка» (т.-е. Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужъ такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

²⁾ Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь рассказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизусть жалованную грамоту царя Михаила Федоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только *пятерыхъ* грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинъ (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старообрядцами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинъ не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усваивать себѣ «старины». Профессиональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подъ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которые поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человека божія, Егорія храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинъ и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинъ по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его сосѣдство и пожелалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что

недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинь и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинь не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинь, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что огнь нѣ будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видить, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинь, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только съ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время приѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинь, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ.

Читатель видить, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинь для Романова практическое значеніе; но, повторяю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинь составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками)—составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семенъ Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но, впрочемъ, и между слѣпыми сказителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинь извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижѣхъ, Андрея Тимоѣева въ Толвуи, Абрама Евтихѣева и Петра Калинина на Пудожской-Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Ѳеодора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго

богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пѣромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Войнова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью; необходимою и для практическаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который съумѣетъ спѣть разныя «исторіи»: но нишіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабакѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодамъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторые мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомянули, либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усваиваются; напротивъ того «крестьянство» (т.-е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинъ; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напр., звѣринный промыселъ, лѣсные работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для рапсодій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ рапсодахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-пер-

выхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои *бабы старины*, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»; во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «у большинства сказителей, говоритъ онъ, врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполнѣ справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно побережья Онежскаго озера; здѣсь дѣйствительно эпическая поэзія близка въ вымиранію, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ точно не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь дѣйствительно женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, которыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главные дѣйствующія лица—женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше въ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Побережья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что несмотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива,—побережья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющіе былины, насчитываются здѣсь десятками, поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же вариантъ отъ пяти-шести человекъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ и жена охотники пѣть былины и поютъ разныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, специальный же «бабій» богатырь Пріонежья, Ставеръ, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось

ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежит ли пѣвица былинь, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская рассказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсень, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что же было дѣлать, чтобы разогнать скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣ замѣчателенъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

«Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались» и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Іову и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала Іовы и Мары отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ Іовы и Мары. Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми

поэма пересыпана. Несмотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму также плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную былинку ¹⁾. Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому слогаду, протавивая хореическое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ,

¹⁾ Для сличенія приводимъ начало этой былинки, какъ ее усвоила себѣ кеносерская крестьянка и печатный текстъ Щербини:

*«Юво и Мара» въ устахъ Матрены
Меньшиковой.*

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выросли,
Одною водицею умывались,
Однимъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видалъ,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого—господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ такъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ выльчнть разомъ.
Въ пору ужъ было Ювѣ жениться,
Дѣвушкѣ Марѣ можно ужъ выйти и
замужъ.

Спрашиваетъ юные Ово:

«Душа моя Мара,
Любишь ли меня, мое сердце,
Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные Ово, перо дорогое!
Дороже очей ты мнѣ своихъ,
Какъ мать сына у сердца нощу ая.
Выслушай эти рѣчи непримѣтные сто-
рожъ,

Донесъ онъ Овановой майки.
Говорить-де Овану эта майка:
Юные Ово, перо дорогое!
Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
Даютъ за тебя лучше и краше,
Даютъ де Отлагича Злата Фатиму.
Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
Не видала муравки на поли,
Не видала мужичины ни разу,

Печатный текстъ.

Двое милыхъ, любясь, выросли:
Юный Юво да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно ста-
нетъ—

Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видалъ.
Впору Ювѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Юво—удалъ изъ удалыхъ,
Красотою—красивѣй дѣвчонки.
Мара—слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!..
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стала ея не найдется;
Милостива, что горная вила,
А гибка-то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди—и все мало
Мало бѣ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее—заболѣешь,
А посмотришь—такъ выльчнть разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Юво жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого—господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промол-
вилъ:

«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Юво, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!
Какъ мать сына, нощу тебя въ сердцѣ...
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ—

на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человѣкъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинь, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозѣркинъ пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алёши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ наконецъ начало былины про три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его расспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозѣркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ); что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинь, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичекъ крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былинку про Дюка Степановича, и она Нигозѣркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозѣркина, который тогда выучилъ отъ него былинку про Добрыню и Алёшу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не состоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота

И кому же богатаго рода,
И не простого—господскаго рода
Богатство во время тебѣ пригодится...»
и т. далѣе.

Мать Іована тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Іовану:
«Милый Іово, перо дорогое!
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
Есть невѣста и лучше, и краше:
То—Фатима, Атагича злато.
Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что солнце, что мѣсяцъ;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
Не видала муравки на поѣхъ,
Не видала ни-разу мужнины,—
А къ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сподится...»
и т. далѣе.

къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ: они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирять съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кенозера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Пріонежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами, но зато рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе такъ сказать серьезныя, какъ-то про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал. Мнѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинъ былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ и женщинъ, по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали цѣнить все то, что не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотѣнку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, — прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой фізіономіи въ этой галлерей вездѣ сохраняетъ свои типическія

черты. Ни разу князь Владиміръ не выступить изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнить типу спокойной, увѣренной въ себя, скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себя уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства и подлости, Чурила — франтовства и женолубія, вездѣ Михайло Пѣтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удалцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василий Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи предъ русскими и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленные представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинь, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинокъ поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую расчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозреваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любимымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполне чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ словами; но какъ бы

подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпического склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣлемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и несладкую невообразимую. Такъ, напр., онъ пѣлъ:

И говорить-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушку,
Говорить-то ѣтъ имъ таково слово:
Ай-ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньице благословеньице
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земнаго правителя,
Всероссійскаго да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былины не пѣвалъ, а зналъ про Илью рассказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинъ, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно, ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія къ тексту былины. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «ахъ, это все равно, отвѣчалъ Сорокинъ, я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно!» Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я приписываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными ¹⁾.

¹⁾ Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая распылчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что разсказывается словами, никомъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но никому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ значить разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ; если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или: «такъ пѣвали старики, а что значить, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былинѹ такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполне довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовые черты другой эпохи, неимѣющія

многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: тѣмъ дольше дѣлится былина, тѣмъ ему выдѣлѣ: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». (Т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но дер. Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водозеро отъ гор. Пудожя; потому всѣ проезжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріимствомъ Сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоялый дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проезжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нива», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ какъ Сумозеро не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его приналъ въ домъ тестя), а родился и выросъ въ деревушкѣ Ценежахъ у Пудожя.

ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполне понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздолѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напр., сохраненіе образа «гнѣдаго тура», давно исчезнуваго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолѣ чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолѣ, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные камнемъ или пнями, клочки пашни либо сѣновосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣтся кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолѣ для скакуна, это трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолѣ чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носить въ себѣ и мѣстныя и личныя стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырский

«Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пушталъ»,

то онъ рисуетъ картину, которая составила на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особенной обстоятельности, съ которою въ былинахъ нашихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженіе корабля: эти картины конечно не принадлежать къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверѣ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею такъ сказать любовью, чѣмъ другія дѣйствія,—то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ бо-

гатырямъ, именно сѣдланье воя и снаряженье корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлатъ себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ - мужчиною, образъ богатыря-женщины или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что рыскаетъ по полю ради подвиговъ»¹⁾. Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережьѣ каждый крестьянинъ вамъ скажетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины и женщины и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десятки разъ. Что такое поляница? спросилъ я между прочимъ у водлозерскаго пѣвца Нигозеркина, думая поставить его втупишь, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ: «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (т.-е. въ прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины, это *поляницы* значитъ по нашему, по деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ; но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился,—сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовыя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна уметь грести и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть «кереводы» и невода, въ зимнія матели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлать его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ

¹⁾ Такое же неправильное толкованіе и въ словарѣ Даля: *поленица*—удальца, ватага шагуновъ, наѣзники, разбойники; *поленица удалая*—шайка, вольница.

другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижахъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое поляница, скажутъ, либо что это то же самое, что богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степеню, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтять просто: «такъ поется, поляница, а что такое, не знаемъ».

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренія самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пѣромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пѣромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сличить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно разнятся въ подробностяхъ изложенія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ рассказывается ходъ дѣйствія. Первые изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранятся только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвышаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза къ ряду одну и ту же былину: вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому

подходящій смыслъ, а иногда даже нехстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то-и-дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ, какъ упомянуто выше, калика, т.-е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи,—Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представились мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодіи. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ вариантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, настолько цѣнными для науки, что онѣ заслуживаютъ всѣхъ изданій; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, чтó иначе казалось бы незаслуживающимъ никакого вниманія. Такъ, напр., читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варианта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владимира о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторон-

няго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему позволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ удалить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпаспортныхъ» и грозить Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности-самого пѣвца: это молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на Каналь, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинъ, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями быliny вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпаспортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражающихъ народъ. Этотъ вариантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (т.-е. за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и послѣдніе предковъ и личный вкладъ пѣвца; но сверхъ того она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы назвать въ Петербургѣ назвать *пріонежскою* (или если угодно употребить старинное слово—*обонежскою*) и *заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности прилегающія къ Онегу, а вторая—края, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) называли тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по ю сторону главнаго его бассейна. Итакъ, намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Пріонежской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Пріонежская* характеризуется пространностью былинъ, *сѣверо-восточная* группа — относительно ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Пріонежѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Гораций приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: — *dis age longum*, Calliope, *melos*. Въ Пріонежѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми, 8-ми, 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный, вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе, повторенія, которыя такъ удлинняютъ былины въ устахъ пріонежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже, ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300—400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Пріонежѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: по я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Пріонежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который сливетъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижь, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижь* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, т.е. погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, т.е. погостовъ Типеницеаго, Кузарандскаго, Вырозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья. Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвуйей нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только кака-то воображаемая по преданію граница, манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Пріонежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ

Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, во второму мы приѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ прочелъ длинную былину о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привышіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разнѣ!» Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ, говорилъ онъ, понималъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда уже мнѣ было лѣтъ 20; оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе».

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ непрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпического стиха, подобно гомерическимъ частицамъ *αἶσα, αὖ, ἐν, δῆ* и проч.

Въ Кижяхъ такими частицами, — кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, ли*, — служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де*; у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ*, ни *вѣдь*, ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынъ* или *нунъ, же, было* и *есть* или *е*: это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «*есть*» или «*е*» уже потерявъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинь. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Опоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣвѣ; къ третьему, Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ пасту-

хахъ у помѣщика, стало быть во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинъ между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кенозерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинъ, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что и въ Пріонежѣ: общеизвѣстные Ильи Муромецъ, Добрыня, Чурило и т. д., и сверхъ того Дунай Ивановичъ, Ставеръ Гоудиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садеко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слыхивали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе, особенно пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Пріонежѣ; сверхъ того на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой определенной фizioноміи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинается водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшилъ причислить къ сѣверо-восточной группѣ, — на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе разсказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинъ (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предположить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На

всемъ Пріонежь, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аю*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ наклонность буквы *н* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *н* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч* рѣдки и непостоянны, обыкновенно же является средний звукъ, который трудно передать. Такъ, напр., очень рѣдко скажутъ: *бѣлый свѣтъ*, *молодець*, обыкновенно же выходитъ не то *бѣлый свѣтъ*, *молодець*, не то *бѣлый свѣтъ*, *молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на срединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами балтійскаго и бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую перемену въ нарѣчій: *ц* произносится чисто, *н* уже весьма рѣдко принимаетъ отглагольный звука *и*, впервые слышится переходъ *и* въ *е* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ: *того*, *сево*, *нево* и т. п.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу — рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчій: ослабѣваетъ окончаніе *аю* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *н* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ переменю въ нарѣчій совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготеетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболее знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удался отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблюденій насчетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихьевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои быliny, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по

печатному тексту, я былъ пораженъ разницею—не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», т. е. безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Пѣтыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался было переправить эту рубленную прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняють нѣсколько изложеніе былины; переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ приучить своего спутника-рапсода *пѣть* (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и слиянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же приемъ употреблялъ я впоследствии со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначаемы) мои старанія были тщетны. Такъ черезъ-чуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладиться къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить

¹⁾ По списку, доставленному П. О. Бутеневымъ.

то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностію къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распредѣлить на три группы:

1. Сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;

2. Сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и

3. Сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не потребуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанію самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ неправильности въ стопосложности, — все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, т.-е. то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи и во внутреннемъ складѣ былины.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинына «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Пѣтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушѣ выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ Ставрѣ у Рябинына хорей съ дактилемъ, въ Пѣтыкѣ — чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулѣ — анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ* есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ тоническомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха.

Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежить стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинь, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда передаютъ былинѹ словами, безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибольшая часть стиховъ 4-хъ и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсю 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былинѹ про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (т.-е. безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удалиться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ¹⁾:

¹⁾ Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезаетъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса.—Вотъ соответствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту слушку великую,

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
 Изъ того села да съ Карачирова,
 Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодець.
 Онъ стоялъ заутрену во Муромли
 А ѣ къ обѣденѣ поспѣтъ хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ градъ,
 Да ѣ подѣхалъ онъ ко славному ко ороду къ Чернигову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнанъ то силушки чернымъ черно,
 А ѣ чернымъ черно какъ черна ворона;
 Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживать,
 На добрымъ кони никто тутъ не проѣзживать,
 Птица черный воронъ не пролетывать,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскивать.
 А подѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
 Онъ какъ сталъ то эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
 А ѣ побилъ онъ эту силу всю великую.
 Енъ подѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
 Выходили мужички да тутъ черниговски
 И отворяли то ворота во Черниговъ градъ,
 А ѣ зовуть его въ Черниговъ воеводою.

Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 И подѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
 И зовуть его въ Черниговъ воеводою.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:
 «Ай-же вы, мужики Черниговцы!
 «Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
 «А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ градъ».
 Говорили ему мужички Черниговцы:
 — Ай-же, удаленькій дородній добрый молодець,
 — Славный богатырь свято-русскій!
 — Прямоѣзжую дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
 — Околою дорожкой цѣла тысяча.
 — Прямоѣзжая дороженька заколодила,
 — Заколодила дорожка, замуравила;
 — Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
 — Черный воронъ не пролетывать:
 — Какъ у тоя у Гризи у Черни
 — У тоя у берези у поляныя,
 — У славнаго креста у Леванидова,
 — У славенькой у рѣчки у Смородинки,
 — Сидитъ Соловей разбойникъ Олихмантьевъ сынъ.
 — Свищетъ Соловей онъ по соловьюму,
 — Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
 — Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 — Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать. —

Говорить-то имъ Илья да таковы слова:

«Ай же мужички да вы Черниговски,
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».

Говорили мужички ему Черниговски:

— Ты удаленькой, дородній добрый молодець,
— Ай ты славныя богатырь сваторусскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколѣла,
— Заколѣла дорожка, замуравѣла
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ
— На добромъ кони никто да не проѣзживалъ.
— Какъ у той ли то у грязи-то у Черной,
— Да у той ли у березы у покляпыи,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сиди Соловей розбойникъ во сыромъ дубу
— Сиди Соловей розбойникъ Одишманьевъ сынъ,
— А то свищеть Соловей да по солдвѣему,
— Енъ крычить злодѣй розбойникъ по звѣриному.
— Й отъ него ли то отъ пѣсвисту солдвѣяго,
— Й отъ него ли то отъ пѣкрыку звѣринаго
— То всѣ травушки муравы улетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы лежать. —

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былинѹ въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значить, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хореическомъ стихѣ двѣ вольности, которыя впрочемъ мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостатокъ одного слога, такъ что хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорей употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хореическій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихѣева:

*Добрынюшкѣ-то матушка юваривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣди-ко далече во чисто поле
«На тую гору да сорочинскую,
«Не топчи-ко младыхъ зміянышевъ,
«Ты не выручай-ко полоновъ да русьскіихъ,*

«Не купились Добрыня во Пучай рѣки;
 «Но Пучай рѣка очинь ¹⁾ свирипая,
 «Но середняя-то струйка какъ огонь свѣтъ».

А Добрыня свдѣй матушки не слушался,
 Какъ онъ *идеть* далече во чисто полѣ,
 А на *тую на гору сорочинскую*,
 Потопталъ онъ младыхъ зміенышевъ,
 Ай повыручалъ онъ полоновъ да русьскіихъ.
 Богатырско его сердце распотѣлоси,
 Распотѣлось сердце нажадѣлоси,
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Онъ добра коня да жо Пучай-рѣки.
 Онъ слѣзалъ Добрыня со добра коня,
 Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтнозъ,
 Да онъ *зѣбрелъ за стручку* за первую,
 Да онъ *зѣбрелъ за стручку* за среднюю
 И самъ говорилъ да таково слово:
 «Мнѣ Добрынюшки матушко говаривала,
 «Мнѣ Микитичу маменька й наказывала,
 «Что не ѣзди-ко далече во чисто полѣ
 «На тую гору на сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ зміенышовъ,
 «А не *выручай* пѣлоновъ да русьскіихъ
 «И не *купились Добрыня во Пучай рѣки*,
 «Но Пучай рѣка очинь свирипая,
 «А середняя-та струйка какъ огонь свѣтъ;
 «А Пучай рѣка она кротка-смирна
 «Она будто лужа-та дождала.
 Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,—
 Вѣтра нѣтъ,—да тучу наднесло
 Тучи нѣтъ,—да быдто дождь дождитъ
 А й дожда-то нѣтъ, да только громъ громить,
 Громъ громить да свищетъ молвія.
 А какъ лѣтитъ зміищо Горынчищо
 О тѣхъ двѣнадцати о хоботахъ.
 А Добрыня той зміи да приужахнется.
 Говоритъ змія ему провлятая:
 —Ты теперича Добрыня во моихъ рукахъ;
 —Захочу тебя Добрыню теперъ пѣтоплю,
 —Захочу тебя Добрыню теперъ съѣмъ-сожру,
 —Захочу тебя Добрыню въ хоботъ возьму,
 —Въ хобота возьму Добрыню, во нору снесу.—
Припадаеть змія какъ ко быстрой рѣки,
 А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на таможной
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на здѣшний, и т. д.

¹⁾ По неуклюжю въ типографіи нѣкоторыхъ буквъ съ удареніями (напр. и, і, у, н, ѣ, а, ю), мы, когда нужно было отмѣтить на нихъ удареніе, напечатали ихъ *курсивомъ*.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хорейскихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорей ¹⁾).

¹⁾ Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Вутенева, записанному, какъ разсказывалъ самъ Евтихѣевъ, съ «пословесной» передачи былинны:

Добрынюшка матушка говорила:

«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,

«На тую гору Сорочинскую,

«Топтать-то молодыхъ зміенныхъ,

«Выручать-то полоновъ русскіихъ.

«Не кулись, Добрыня, во Пучай-рѣки.

«Пучай-рѣка есть свирепая:

«Середня струйка какъ огонь сичеть».

Добрынюшка матушки не слушался.

.

Какъ былъ онъ во чистомъ поли,

На тыхъ горахъ на высокіихъ,

Потопталъ младыхъ зміенныхъ,

Повыручилъ полоновъ русскіихъ,

Богатырско его сердце пожадѣлося

Пожадѣлося и распотѣлося.

Онъ приправилъ своего добра коня,

Добра коня ко Пучай-рѣки,

Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,

Снималъ съ себя платье цвѣтное,

Забрелъ за струечку за первую,

И забрелъ за струечку за среднюю.

И самъ говорилъ таково слово:

«Мнѣ Добрынюшка матушка говаривала,

«Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—

«Что не ѣзди далече во чисто поле,

«На тую гору Сорочинскую,

«Не топчи-ко младыхъ зміенныхъ,

«Не выручай полоновъ русскіихъ,

«Не кулись, Добрыня, во Пучай-рѣки,

«Что Пучай-рѣка есть свирепая:

«Середня струйка какъ огонь сичеть».

«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:

«Она будто лужа дождевая».

Какъ въ тую пору въ то время

Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,

Тучи нѣтъ, а только дождь дождитъ,

Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся,—

Летитъ Змиинце-Горынчище.

О двенадцати змий о хоботахъ.

Хочетъ змий его съ конемъ сожечь,

Сама говорить таково слово:

— Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,

Можно сказать, что таковой, нѣсколько тронутый порчею, хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны тѣхъ, какъ Щеголенокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

Второй размѣръ въ былинахъ нашихъ можно назвать *иристымъ* какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дунаѣ Ивановича, а также про нашествіе Батя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придавъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ,—что было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха,—а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владиміръ князь стольно-Кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А ѣ на всѣхъ то на князей на бояровъ
Да ѣ на русьскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
А сидятъ-то молодцы на честномъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
Владиміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государъ выговаривалъ:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Красны дѣвушки замужъ даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ не женою.
«То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничеу,
«Чтобы личушкою она да ѣ супротивъ меня
«Очушки у ней бы ясныхъ соколовъ,
«Бровушки у ней бы черныхъ соболей
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани алаторогія,

— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
— Захочу—Добрыню въ хобота возмю,
— Въ хобота возмю и на Русь возмю,
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
Нырнетъ на бережекъ на тамовній,
Нырнетъ на бережекъ на адѣшній.

«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корѣтати,
 «А' ще вамъ молодцамъ было бѣ то кому поклонятися?»
 Всѣ богатыри за столикомъ умоляли,
 Всѣ молодцы да приутикнули
 За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да ѣ пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильныхъ русьскихъ могучихъ на богатырей
 А ѣ на славныхъ поляницъ да на удалыхъ

Здѣсь:

Да ѣ на русьскихъ могучихъ богатырей
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хорейскимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былины про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный вариантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырех- или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придастъ еще болѣе легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Згдворить младъ Соловей сынъ Гудиміровичъ:

«Сходенку выкидывай серебряную,

«Другу выкидывай подзолоченую,

«Третью выкидай исповдланую.

«Берите подарки умильни,

«Куницъ вы лисицъ да заморскихъ».

Брали они во бѣзны руки,

Матушка камочку узрчатую,

И самъ беретъ гуселка ярвчатны,

И самъ идетъ по сходенки золочены,

Матушка идетъ по серебряны,

Вся его дружина по исповдланымъ;

Приходятъ они ко Владимиру на дворъ.

Приходить въ палату грановитую,

Крестъ владеть по писаному,

А поклонн-ты ведётъ по учёному,
 На всѣ три вѣдъ на четыре онъ на стороны,
 Тому ли Владиміру въ особину.
 Подаютъ ему подарочки хорошіе,
 Матушка камочку уздрчатую
 Молодой княгини Опраксіи.
 Взимаешь княгиня на бѣлыя руки,
 А взимаешь княгиня дивуется:
 Да не дорога кимочка заморская,
 А й дороги узоры заморскіи.
 Сталъ его Владиміръ выпрашивать
 Сталъ его Владиміръ выведывать:
 — Ты скажись, молодецъ, съ коей земли,
 — Какъ молодца именёмъ зовутъ?

Третій размѣръ, *анapestическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднюю стопу, въ которой произносятся два ударенія, одно самое рѣзкое, на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висарионовъ) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Кольванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно и былина о дѣтствѣ Ильи Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былинку, Щеголеновъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинъ принадлежатъ къ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
 Жилъ Святославъ и преставился;
 Оставалось отъ него чадо милое,
 Младый Вольга Святославовичъ.
 Сталъ Вольга онъ растятъ матерью,
 Похотѣлось Вольги-то много мудрости:
 Щукой рыбою ходить Вольги во синихъ моряхъ,
 Птицей соколомъ летать Вольги подъ оболоки,
 Волкомъ и рыска въ чистыхъ поляхъ.
 Уходили-то всѣ рыбешки въ глубокія моря,
 Улетали всѣ птички за оболоки,
 Убѣгали-то всѣ звѣри за тѣмны лѣса.

Сталъ Вольга онъ растятъ материть
И собирать соби дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга во тридцатыхъ, и т. д.

Рябинина.

Или:

Во чистѣмъ поли съѣзжалоси
Три сильныхъ могучихъ богатыря
По имени первой Колыванъ богатырь,
Другой Муромлянъ богатырь,
Третій Самсонъ богатырь.
Про между собою рѣчи говорили,
Которыя изъ насъ будетъ большій братъ?
Говорить Самсонъ богатырь:
«Кабы былъ столбъ въ земли,
«Кабы было кольцо въ столбу
«Я бы землю всю во кругъ повернулъ».
Говорить Муромлянъ богатырь:
«Я бы такожде повернулъ».
Говорить Колыванъ богатырь:
«Я бы такожде могъ повернуть».
Господь Всевышній творецъ
За ихнее похваленіе
Дать имъ привидѣніе:
Куда у ихъ было нарчено въ путь ѣхать,
Лежить на дороги сумка,
Въ таковой сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ.
Выскакивать со своего со добраго коня
Самсонъ богатырь,
Хватаетъ таковую сумку,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Муромлянъ богатырь
Со своего со добраго коня,
Хватаетъ таковую сумку,
По колѣнамъ въ землю усылъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Колыванъ богатырь
Со своего со добраго коня,
Хватаетъ таковую сумку
По грудямъ въ землю стлѣ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Съ небесъ имъ гласъ прогласило:
Сильніи могучіи богатыри!
Отстаньте прочь отъ таковыя сумки,
Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ.
Впредки не похваляйтесь
Всю землѣю владѣти,
Наблюдайте своѣ доброѣ,
Ѣздите по Руси,
Дѣлайте защиту,
Сохраняйте Русею отъ непріятеля,
А хвастать по пустому не знайте.

Алексѣй Висарионовъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю цѣль былинь, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кievскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ-сказать, безыменные (наприм., про братьевъ-разбойниковъ, про горе, про ревниваго мужа и т. д.). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ мѣньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются былина про Щелкана Дудентьеви́ча и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархатѣ,
 На златомъ на ременьчатомъ
 Сидѣтъ тутъ царь Возвягъ,
 Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
 Енъ де суды разсуживалъ,
 Всѣ дѣла приговаривалъ
 И князьевъ бояръ жаловалъ
 Селами, помѣстьями,
 Городамъ съ пригородами.
 И Хому дарилъ Токмою ¹⁾
 И Ерему Новымъ-городомъ.
 И Щелканушка дома не случилось,
 И уѣхалъ Щелканушко
 Енъ во землю жидовскую,
 Енъ для чѣртова правезу,
 Ради дани и выходу.
 Енъ-де съ поля по кдлосу братъ,
 Съ улицы по курицы,
 Съ мужика по пяти рублей,
 У кого де пяти рублей нѣтъ
 У того онъ жену беретъ,
 У кого какъ жены-то нѣтъ
 И того самогд беретъ.
 Какъ у Щелкана не выробишься,
 Со двора вонъ не вырядишься.
 Какъ пріѣхалъ Щелканушко

¹⁾ Т.-е. Тотьмою.

Изъ земли изъ жидовскіе
 Ко царю на широкой дворъ:
 Токо токо ¹⁾ ты, царь Возвягъ,
 Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
 И ты суды разсуживалъ,
 Всѣ дѣла приговаривалъ,
 Всѣхъ князевъ бояръ жаловалъ
 И селами помѣстьями,
 Городамъ съ пригородками,
 И Хому дарилъ Токмою
 И Ераму Новымъ-городомъ;
 Подари-тко Щелканушка,
 Ты любимого зятюшка,
 Мѣня Тверію городомъ,
 Мѣня Тверію славною,
 Мѣня Тверію богатою,
 Двумя братцами рѣдными
 И княземъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митріемъ Борисовичемъ.
 Говорить ему царь Возвягъ:
 «Ты любимые зятюшко
 Щелканъ сынъ Дудентьевичъ
 Заколи-ко чада милаго,
 Своего сына любимого,
 Ты Гордѣя Щелкановича,
 Надѣди-ко ты чашу руды
 Токо чашу серебряную,
 Выпей ту чашу руды,
 Стоючись передъ Звягой-царемъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
 Токо взявши Щелканушко
 Закололъ чада милаго,
 Твоего сына любимого,
 И Гордѣя Щелкановича,
 Надѣдилъ же онъ чашу руды,
 Токо чашу серебряную
 Выпилъ ту чашу руды,
 Стоючись передъ Звягой царемъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 Подарилъ его царь Возвягъ
 Его Тверію городомъ,
 Его Тверію славною,
 Его Тверію богатою,
 Двумя братцами рѣдными
 И княземъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митріемъ Борисовичемъ.
 И поѣхалъ Щелканушко,

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставка *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тунъ*.

И заѣхалъ Щелканушко
 Къ родной сѣстры проститися,
 Токо къ Марѣ Дудентьевной:
 «Ты прощай моя рѣдна сестра
 Токо Марья Дудентьевна!»
 — «Ты прощай же мой рѣдной братъ,
 Ужо по роду рѣдной-братъ,
 По прозванью окаянной братъ!
 И кабы ти уѣхати
 И назадъ не пріѣхати
 Кабы ти самому на ножи остыть
 И на сабли на вострые!»
 И уѣхалъ Щелканушко
 Еще самъ головой вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII-му вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорейскимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенные, уже не суть собственно былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII-го вѣка облакалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинь кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми атрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былинку о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и такъ сказать освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было московскаго царства,
 Среди было російска государства,
 Какъ у свѣта у Архангела Михайла,
 У Ивана у великаго въ соборѣ,
 Зазвонили во большой во кѣлоколь,
 Всіхъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
 Тамъ служили святѣи молебень.
 Выходилъ нашъ надежа государь-царь
 Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
 Становился государь на рѣвно мѣсто,
 На всѣ стороны онъ поклонился.
 Что ни золота труба да вострубила,
 Не серебряная полочка звенѣла,
 Зговорилъ нашъ надежа государь-царь

Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:

«Ай же вы князья-бояра

«Пособите государю дума думать,

«Дума думать государю, не продумать,

«А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распростра-
ненная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А ѣй отчего же зима да зачалася,

А ѣй красное лѣто состоялось?

Зачалася зима да отъ мороза,

А ѣй красное лѣто отъ солнца,

А ѣй богатая осень отъ лѣта.

И по тыя-то осени богатой

Вылетала малая птица,

А ѣй малая птица пѣвица.

Садилась въ зелену садочку,

А на тое на дерево калино,

Ай начала пѣти жупѣти,

Всеими она-то асавами.

А ѣй услышали русскія птици,

Собиралися стады оны стадами,

Прилетали къ зелену садочку,

Ай сажались птици рядами,

Въ одну сторону до головами,

А начали пѣти, жупѣти,

Заморскую птицу пытати:

«Ай малая птица пѣвица!

«Скажи Божью правду, не утайся:

«Кто у васъ за моремъ большій,

«Кто за дунаечкии меньшій?» и т. д.

Иванъ Федотовъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ бы-
линъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ оче-
видно занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или
казацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большемъ чи-
слѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ
замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лири-
ческимъ пѣснямъ; это единственные былины, которыя поются
съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ по-
втореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ собирались казаки||—на крутъ бережокъ,

Ахъ донски гребеньски||—запорожскіи,

Запорожски казаки||—и все были яцкіи,

Ахъ атаманъ былъ у дон||—скихъ у казаковъ

Ой изъ тихаго Дону Ермакъ||—былъ Тимошеевичъ,

А есаулъ былъ у дон||—скихъ у казаковъ
 Ахъ со Двины Оста||—фей Лаврентьевичъ.
 Какъ садились казаки||—на легки стружки,
 Ай на легки стружки||—сѣли на мелки павозки
 Какъ гранули размахну||—ли внизъ по Волги рѣки

И Т

Или:

Какъ во славномъ было го|рода во Ва|стракани
 Проявился тамъ дѣти|пушка незнаѣмъ человекъ,
 Какъ незнаемой дѣти|пушка невѣдомой откуль.
 Баско шепетно по Ва|стракани погуливаетъ,
 Ужъ онъ штапамъ офице|рушкамъ не кланяется,
 Востраканскому губерна|тору челомъ ему не бѣтъ.
 А сапоженки на нож|кахъ шелкомъ тачены,
 Черна шляпа на кудряхъ|и перчатки на рукахъ,
 А й свой тотъ вишневой кафтанъ|на одномъ плечи таскалъ
 И какъ персидской кушачекъ|во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
 Какъ увидѣлъ молодца, губернаторъ скричалъ:
 Вы сходите приведи|те удалаго молодца.
 Еще сталъ то губерна|торъ его спрашивать:
 «А ты скажись скажись ко дѣти|пушка незнаѣмъ человекъ,
 «Изъ тиху ли ты Дону казакъ|аль казачей сынъ,
 «Аль ты съ нашего крѣпкаго го|рода изъ Ва|стракани?»
 Какъ проговорить дѣти|пушка незнаѣмъ человекъ:
 «Изъ тиху-то я Дону не казакъ|не казачей сынъ,
 «Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Ва|стракани
 «Я со Камы то со рѣки|Сеньки Разина сынъ.
 «Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гости къ вамъ быть,
 «Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
 «Вы кормить его поить|и честно жаловати».

Или наконецъ:

Ой ростужится расплачется|нашъ прусскій—нашъ прусскій,—нашъ
 прусскій король,
 А й сидучись то на укра|сушки ой на крутой—на крутой — горы,
 А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинъ — на
 Берлинъ — городъ,
 И на свою укрѣпушку|на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ —
 городъ:
 «Ты ли то укрѣпа|моя ты укрѣ—укрѣ—пушка,
 «Ты мой Берлинъ|мой Берлинъ—мой Берлинъ—городъ!
 «А ты кому-то моя укрѣ|пушка — доставала—доставала—ласе?
 «Доставаласе да доставала|ласе моя укрѣ—укрѣ—пушка
 Ой царю бѣлому|ой царю — ой царю — бѣлому
 А какъ другому же генера|лушку Краснощо—Краснощо—вову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губерніи всѣ эти послѣдніе раз-
 ряды пѣсень составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ

былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дактилическимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушаваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложение въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложение къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежатъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ природное языка нашего свойство, то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ называемымъ имъ «тригласнымъ» рѣмамъ, т.-е. дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха — этого конечно онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинитъ меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюденій и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ къ сожалѣнію толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собиранье. Надѣюсь, что меня не обвинять въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ, что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ-горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Опоновъ, прошѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
 А й богатырей во Кіевѣ не случилось:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
 А й молодой Добрыня во чистомъ поли,
 А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
 А Самсонъ да Илья у синя у моря.

Томъ II. — Мартъ, 1872.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался или что Оепоновъ ошибся, и заставилъ его потому разъ пять повторить эти симые стихи; но онъ все твердилъ свое: «*Святопомъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрялъ меня при этомъ что такъ-молъ поется. Мнѣ сперва показалось это имя Святопома страннымъ, а теперь думаю, что оно имѣетъ значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздить на поклоненіе какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе,—всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святопома великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судить о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

Изъ воспоминаній мирового судьи.

IV*).

Питейные дома и ихъ сидѣльцы.

1-го января 1863-го года пробилъ послѣдній часъ откупной системы, признанной устарѣвшею, несоотвѣтствующею духу времени и повидимому вызывавшею не только справедливое негодование, но даже отвращеніе общества. Рухнулъ откупъ, не стало государства въ государствѣ. Въ первое время послѣ катастрофы, неуспѣшно дѣятельные члены откупного государства, выросшіе при особыхъ своеобразныхъ условіяхъ жизни, связанные неразрывнымъ братствомъ, чуждые всего остального, непринадлежащаго къ откупу, и всѣ похожіе другъ на друга, до того похожіе, что напрасно было бы желаніе отличить одного откупного туза, управляющаго, повѣреннаго, сидѣльца или поднощика, этого юнѣйшаго изъ членовъ откупной семьи — отъ другого туза, управляющаго, повѣреннаго и т. д. — ошеломленные, выбитые изъ колеи бродили по лицу земли русской, сами не зная за что взятыся, что дѣлать, — улаживать ли свои позитки и съ чадами и домочадцами бѣжать, куда глаза глядятъ, отыскивать обтраванную землю, или же вѣчно ридать на развалинахъ еще недавно процвѣтавшаго царства, вѣчно оплакивать невозвратимое прошлое.

Между тѣмъ горизонтъ самъ собою нѣсколько прояснился: печать, израсходовавъ весь запасъ своей желчи, остроумія и бла-

*) См. выше: февр. 604 стр.

городнаго негодованія, сдала откупное дѣло въ архивъ, на сцену выступило цѣлое поколѣніе, какъ нельзя болѣе, либеральныхъ и порядочныхъ акцизныхъ чиновниковъ съ окладами, неоставлявшими ничего болѣе желать,—да и откупные тузы, снова всплывши на верхъ и принявъ соотвѣтствующій ихъ положенію меланхолическій видъ, всецѣло обратились въ область изящныхъ искусствъ и меценатства. Одни ихъ интимные помощники, тѣсно сплотившись и собравъ оставшіяся крупницы, задумали вновь сдѣлать попытку къ своему водворенію на старыхъ облюбленныхъ мѣстахъ, ни мало не опасаясь конкуренціи мелкихъ промышленниковъ, въ образѣ бывшихъ дворовыхъ, отставныхъ солдатъ, бросившихъ соху крестьянъ, однимъ словомъ, безчисленнаго множества лицъ, имѣвшихъ въ карманѣ нѣсколько лишнихъ грошей, увлеченныхъ прелестью бездѣлья, легкой наживы, и оживлявшихъ одноцвѣтную, суровую сельскую жизнь появленіемъ множества питейныхъ заведеній, въ которыхъ двумъ человѣкамъ едва повернуться, часто повторявшимися смертными случаями отъ излишняго употребленія вина и до того времени невиданнымъ зрѣлищемъ пьяныхъ людей, безъ призора валяющихся въ уличной грязи. Но вслѣдъ за этими мелкими промышленниками, въ самомъ непродолжительномъ времени спившимися съ круга, или разорившимися въ конецъ, выступила вдругъ новая сила, не только столбнувшая съ арены бывшихъ интимныхъ откупа, но окончательно завладѣвшая самой ареной. Время появленія этой силы, неоспоримо имѣющей завидную будущность, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда наши винокуренные заводчики, очутившись въ положеніи, казавшемся имъ критическимъ, и живо смекнувъ, что заводы, принося скромный хотя и солидный доходъ, никогда не обогатятъ ихъ безъ всякой подготовки, силою одной приращенной намъ смѣтливости и практичности, которой съ такимъ избыткомъ надѣлила насъ природа, съ изумительной быстротой превратились въ монополистовъ, взявъ въ помощники одного изъ бывалыхъ и начавшихъ карьеру съ поднощика, собирая вокругъ себя прежнихъ сподвижниковъ, окончательно подрывая и мелкихъ торговцевъ и друзей откупа, всѣми правдами и неправдами отбивая другъ у друга наши богатые села и съ энергіей, достойной лучшей участи, захватывая въ свое неотъемлемое распоряженіе отъ 100 до 300 мѣстъ, т.-е. питейныхъ заведеній.

Съ перваго поверхностнаго взгляда все казалось, какъ нельзя болѣе благопріостойно, и когда я, слѣдомъ за десятками своихъ сосѣдей, только слегка соприкасался съ темнымъ лѣсомъ, т.-е. съ внутренней невѣдомой жизнью нашей глуши, то не замѣчалъ ничего бросающагося въ глаза, ничего особеннаго. Слышно

было о какихъ-то очень выгодныхъ спекуляціяхъ по части питейныхъ заведеній, на каждомъ шагу попадались весьма приличныя вывѣски, видимымъ образомъ вытѣснявшія прежнія грубо намалеванныя на доскахъ, и ничего больше. За то въ непродолжительномъ времени, по вступленіи моемъ въ отправленіе своей обязанности, когда темный лѣсъ нѣсколько разступился, волей или неволей пропустивъ меня въ свои дебри, я, переходя отъ одной неожиданности къ другой, отъ одного открытія къ другому, разглядѣлъ наконецъ голую, печальную дѣйствительность, и предо мной предсталъ нашъ обновленный кабаекъ во всемъ его, для многихъ невѣдомомъ, безобразіи.

Въ началѣ осени 1869-го года, полицейское управленіе въ одномъ актѣ передало на разбирательство мое цѣлый десятокъ содѣйствующихъ питейныхъ заведеній, обвиняемыхъ въ разнообразныхъ нарушеніяхъ устава о питейномъ сборѣ:—тутъ въ этомъ спискѣ, между мелкими барышниками, спекулянтами-купцами, къ изумленію моему, замѣшались представители нашей мѣстной интеллигенціи, лица съ вѣсомъ, образованіемъ, — однимъ словомъ, тѣ, отъ которыхъ, казалось бы, такъ много могла ожидать наша глушь, при ея отчаянномъ безлюдьи. По наведеніи справокъ оказалось, что всѣ лица, столь случайно и неожиданно столкнувшіяся въ одномъ спискѣ, уже столько разъ были судимы за нарушеніе питейнаго устава, что давнымъ давно застрахованы отъ вмѣшательства мировыхъ судей, что впрочемъ нисколько не препятствуетъ имъ и по настоящее время продолжать свое выгодное дѣло. Недоумѣніе мое еще болѣе усилилось съ поступленіемъ спорныхъ дѣлъ между крестьянскими обществами и агентами нашихъ монополистовъ, снявшими у нихъ на откупъ исключительное право торговли виномъ въ селеніи. Извѣстное дѣло, что каждое мало-мальски людное селеніе зорко, какъ хорошая добыча, стережется питейными промышленниками, стремящимися во что бы то ни стало расширить свои владѣнія, отбивая добычу у соперниковъ, — послѣдствіемъ чего является неразборчивая на средства конкуренція, возвышеніе цѣнъ на питейныя заведенія и поголовное спаиваніе крестьянскихъ обществъ въ началѣ каждаго года, если условіе заключается на одинъ годъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ глухихъ селахъ и деревняхъ почти въ одно и то же время пишется безчисленное множество безграмотныхъ приговоровъ, предоставляющихъ право торговли виномъ исключительно одному лицу на годъ, на два и болѣе, со включеніемъ неустойки, всею тяжестью своей лежащей на крестьянахъ, въ случаѣ еслибы они нарушили условіе. Трудно себѣ вообразить, что за условія, что за приговоры пи-

шутся въ этомъ общемъ, повальномъ разгулѣ, и какого рода послѣдствія ведутъ они за собою! Между десятками случаевъ приведу одинъ, гдѣ художникъ-монополистъ, невѣроятно набивъ цѣну за питейный домъ, снятый имъ на три года по весьма ловко составленному приговору, съ слѣдующаго же года прекратилъ всякія уплаты, и крестьяне, выведенные изъ терпѣнія и пустившіе въ селеніе другого сидѣльца, ни карауломъ, поставленнымъ у дверей питейнаго, ни тѣмъ, ни другимъ, не въ состояніи были выжить «художника» изъ селенія. Послѣдствіемъ существующаго хаоса, невѣжества и неурядицы является слѣдующее противорѣчіе: съ одной стороны, сотни питейныхъ заведеній, цѣлыя волости состоятъ въ исключительномъ распоряженіи одного лица по приговорамъ, совершеннымъ и засвидѣтельствованнымъ волостными правленіями; съ другой же стороны, мѣстное акцизное управленіе, которому очень хорошо извѣстенъ существующій порядокъ вещей, какъ нельзя болѣе резонно пишетъ: «что виновные въ составленіи приговоровъ, о которыхъ мы только-что говорили, подлежатъ законной отвѣтственности; самые же приговоры, какъ выданные за деньги и предоставляющіе право торговли исключительно одному лицу, на основаніи 3 пун. примѣчанія 310-й ст. уст. о питейномъ сборѣ должны считаться недействительными». Но на практикѣ законъ писанный, все болѣе и болѣе отодвигаясь назадъ, даетъ мѣсто и просторъ закону, хотя и неписанному, но какъ нельзя болѣе выгодному для нашихъ монополистовъ, въ недавнее время и къ довершенію процвѣтанія, получившихъ новый и неоспоримый знакъ покровительства самой судьбы въ образѣ такъ-называемой бѣлосладкой водки, дозволенной къ продажѣ безусловно и безъ всякихъ градусовъ. На практикѣ—безграмотность, простота и податливость нашихъ крестьянъ на водку, неутомимая дѣятельность сидѣльцевъ, цѣлыя волости, цѣлыя сотни питейныхъ заведеній, поступившихъ въ исключительное пользованіе и болѣе или менѣе продолжительное распоряженіе одного лица, на основаніи приговоровъ, которыхъ никто изъ крестьянъ не только разъяснить, но даже прочесть не въ состояніи, наконецъ, точно съ неба свалившіяся бочки испорченной воды, продаваемой подъ именемъ бѣлосладкой водки, все это, вмѣстѣ взятое, даетъ монополистамъ нашимъ не только выгодную поживу, но превращаетъ для нихъ, и только для нихъ, нашу глухую сторону, при всемъ желаніи однихъ изъ обывателей, какъ можно скорѣе скрыть въ подполье свой лишній грошъ, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ богатствѣ, при всей жесткой, какъ камень бѣдности, другихъ обывателей,—

въ какое-то бездонное золотое дно, изъ котораго черпай, сколько душа потребуешь.

Теперь обратимся къ тѣмъ, чьими руками загибаются цѣлые узлы замазанныхъ и пропитанныхъ русскимъ духомъ ассигнацій, цѣлые пуды мѣдныхъ грошей, — обратимся къ сидѣльцамъ питейныхъ заведеній.

Само собою разумѣется, что знакомство мое съ тѣмъ предметомъ, о которомъ собираюсь говорить, было бы основательнѣе, если бы питейный домъ съ его сидѣльцемъ въ большинствѣ случаевъ не состоялъ подъ такимъ сильнымъ покровительствомъ сельскихъ властей и всего общества. Каждому изъ постоянныхъ обитателей глуши должно быть извѣстно то значеніе, та популярность, которою пользуется сидѣлецъ съ его питейнымъ заведеніемъ въ средѣ мѣстныхъ обывателей. Каждый знаетъ, что питейный домъ прежде всего замѣняетъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ несуществующую школу, такъ какъ чрезъ него проходитъ все мѣстное населеніе отъ подростка до старцевъ, выносящихъ изъ него нелѣпыя исторіи и темныя слухи. Замѣняя такимъ образомъ школу, питейное заведеніе въ то же время представляется учрежденіемъ, если не однороднымъ, то близкимъ къ волостному правленію, — такъ какъ всякое событіе, всякая сдѣлка, случившаяся въ селеніи, неминуемо въ немъ отзывается: помѣнялись ли мужики лошадьми, берется ли какая-нибудь работа, принимается ли новый членъ въ сельское общество, отысканы ли однимъ обывателемъ пропавшіе сошники у другого обывателя—всѣ эти разнообразныя случаи такъ или иначе оканчиваются въ питейномъ заведеніи подъ предсѣдательствомъ сидѣльца, посвященнаго такимъ образомъ во всѣ мелочи общественныхъ интересовъ. Если прибавить ко всему сказанному, что большинство обывателей, начиная съ властей и кончая старымъ инвалидомъ, стерегущимъ околицу, состоитъ въ неоплатимомъ долгу у сидѣльца, что вся торговля сидѣльца по большей части идетъ въ долгъ, или подъ закладъ вещей и сельскихъ продуктовъ; то не представляется уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что сидѣлецъ съ его питейнымъ заведеніемъ является чѣмъ-то неувимымъ, застрахованнымъ отъ всякихъ мѣропріятій, что каждый изъ обывателей и сельскихъ властей не только считаетъ своимъ долгомъ выслужиться передъ сидѣльцемъ, забѣжать ему въ глаза, но въ случаѣ надобности даже уверить его своимъ собственнымъ тѣломъ.

Къ ближайшему изученію питейныхъ домовъ съ ихъ сидѣльцами болѣе всего содѣйствовало мнѣ находящееся въ 12-ти

верстахъ отъ моей камеры торговое селеніе, расположенное на почтовой дорогѣ, имѣющее, при 800 съ небольшимъ душъ, отъ 12-ти до 14-ти видимо процвѣтавшихъ питейныхъ заведеній, наводящую умныя школы, небольшое мѣщанское общество и еженедѣльный базаръ, куда окрестные жители съѣзжаются въ образѣ человѣческомъ, а развозятся привычными умными лошадьми, совершенно утративъ оный. Базарное селеніе, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не знало крѣпостного права, съ избыткомъ надѣлено отличнымъ черноземомъ, даетъ хорошіе заработки; его обыватели отличаются желтыми, неизмѣримыми чепанами, на диво всей окрестности, и необычайно густыми и окладистыми бородами, какъ извѣстно составляющими на Руси принадлежность болѣе или менѣе зажиточныхъ людей; его бабы выступаютъ какъ павы въ красныхъ сарафанахъ и плисовыхъ казакинахъ, — но такими чисто вѣшными признаками только и ограничивается процвѣтаніе торговаго селенія; во всемъ же остальномъ, т. е. въ невообразимомъ состояніи улицъ, гдѣ при первой грязи по нѣскольку дней сидятъ экипажи, въ буйномъ разгулѣ, ознаменованіи каждаго праздника множествомъ такъ-называемыхъ фонарей на обывательскихъ лицахъ, — оно далеко оставило за собою сосѣднія села и мелкія деревушки.

На первыхъ же порахъ и на одномъ изъ первыхъ разбирательствъ, бывшихъ въ торговомъ селеніи, поразило меня слѣдующее обстоятельство: однимъ изъ сидѣльцевъ подана была жалоба на крестьянина въ томъ, что тотъ, «явись въ питейный, къ неожиданности, назвалъ его острожнымъ и воромъ»; на разбирательствѣ оказалось, что обвинитель, нанесшій равное оскорбленіе крестьянину, только-что былъ выпущенъ изъ острога, гдѣ долгое время содержался за кражу денегъ въ своемъ же питейномъ заведеніи. Такимъ образомъ, для меня стало ясно, хотя и не совсѣмъ понятно, что человѣкъ, судившійся за кражу, прямо изъ острога, можетъ перейти въ питейный, что препятствій къ этому нѣтъ, такъ какъ вступленіе въ должность сидѣльца не обставлено никакими условіями, требованіями или гарантіями.

Что же касается до внутренняго распорядка питейныхъ заведеній, то это ярче всего характеризуется показаніемъ лицъ, такъ или иначе привлеченныхъ къ суду.

«24-го числа октября, 1869-го года», показываетъ сидѣлецъ Братчевъ: «крестьянинъ Акимовъ лежалъ въ моемъ питейномъ, пьяный до безчувствія, а я дѣйствительно сдалъ Акимову 3 р., изъ коихъ послѣ обыска оказалось только 32 коп.; остальные

же деньги, 2 руб. 68 коп. неизвестно гдѣ Акимовымъ утрачены, хотя Акимовъ до обыска изъ кабака не выходилъ».

«Въ 1-мъ часу ночи,—показываетъ полицейскій сотникъ Гордѣевъ,—становой послалъ меня въ репьевскій кабачекъ, такъ какъ въ немъ былъ огонь; въ кабакѣ засталъ я четырехъ пьяныхъ гостей, одинъ изъ нихъ лежалъ на полу въ растяжку;—когда я вошелъ, то Евграфовъ закричалъ: не задавите братцы, здѣсь убитый человекъ лежитъ! — Сидѣлецъ то же пьяный валялся на постелѣ».

«8-го іюня,—показываетъ крестьянинъ Никифоровъ,—былъ въ кабакѣ, спросилъ вина и когда стали наливать, то потребовалъ, чтобы Исаевъ опробринулъ посуду и когда посуда была опробована, то изъ нее вылилась въ тазъ чистая вода».

«26-го мая Ягудовъ бралъ полштофъ вина,—показываетъ крестьянинъ Крайневъ,—сидѣлецъ налил не полно, Ягудовъ требовалъ мѣрку для повѣрки, но сидѣлецъ вмѣсто отвѣта замахнулся и ударилъ его крюкомъ и т. д.»

Затѣмъ, пропустивъ маловажныя дѣла объ отпускѣ вина въ долгъ, двойномъ полученіи должныхъ денегъ, перейдемъ къ отпуску вина подъ закладъ вещей, что, какъ извѣстно, составляетъ специальность нашихъ сидѣльцевъ.

Въ началѣ мая 1869-го года, крестьянинъ Иванъ Желтовъ зашелъ въ питейный домъ и просилъ поднощика Никифорова дать ему вина въ долгъ, а тотъ въ свою очередь предложилъ ему скинуть шубнякъ и оставить въ закладъ. Желтовъ шубнякъ снялъ и уже не видалъ его болѣе. Утромъ тотъ же Желтовъ пришелъ въ питейный и спросилъ свою забытую наканунѣ шляпу, на что сидѣлецъ отвѣчалъ: «она заложена въ полштофъ», и взялъ что слѣдуетъ.

11-го іюня 1871-го года разбиралось у меня четыре дѣла по обвиненію мѣщанскаго старосты и сидѣльца въ отпускѣ вина подъ закладъ вещей, безслѣдно исчезавшихъ въ его питейномъ домѣ. Между прочимъ въ одномъ изъ актовъ говорилось, что крестьянинъ, въ послѣдней степени опьянѣнія заложившій чапанъ, пришелъ за нимъ на другой день, и не только не получилъ своей вещи, но былъ безчеловѣчно избитъ сидѣльцемъ;—въ другомъ, полицейскій сотникъ доносилъ, что всѣ хозяева поташныхъ заводовъ базарнаго селенія обратились къ нему съ жалобой на сидѣльца, такъ какъ у него въ питейномъ собирается весь рабочій народъ и закладываетъ не только свое платье, рукавицы, рубахи, но и все то, что плохо лежитъ, все, что попадаетъ подъ руку на заводѣ: гвозди, топоры, ломы и даже дрова. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, ноябрь

мѣсяцъ 1870-го года былъ особенно богатъ происшествіями въ питейныхъ заведеніяхъ.

Въ началѣ осени крестьянинъ, нанимаясь у общества караулить околицу, долженъ былъ, по принятому порядку, какъ слѣдуетъ угостить стариковъ. Пошелъ онъ въ питейный, но не имѣя денегъ, снялъ съ себя кафтанъ и заложилъ его сидѣльцу за полведра водки. Немного времени спустя, сидѣлецъ, сообщивъ, что заложенный кафтанъ не вполне обезпечиваетъ долгъ, сталъ уже приставать къ крестьянину, на что тотъ отвѣчалъ общаніемъ: «заплатить, какъ отсидить караулъ». Сидѣльцу не терпѣлось, и вотъ, когда однажды крестьянинъ зашелъ въ питейный, онъ снова приступаетъ къ нему и получивъ все тотъ же отвѣтъ, и, можетъ быть, находясь, въ чаду воспоминаній славнаго, но невозвратимаго прошлаго, съ словами: «нѣтъ, у насъ бывало вотъ какъ долги-то взыскивали», кидается на крестьянина, сбиваетъ его на полъ и тутъ же, въ питейномъ домѣ, среди народа и бѣлаго дня, тащитъ съ него бывшій на немъ овчинный тулупъ. Равнодушнымъ и привычнымъ глазамъ кабачной публики представилась слѣдующая картина: на грязномъ полу питейнаго дома валяется тощій и слабый старикъ, а сидѣлецъ, упершись колѣномъ, ломаетъ, мнетъ его и своими сильными руками старается, во что бы то ни стало, стащить съ него овчинный тулупъ,—однимъ словомъ, грабитъ при дневномъ свѣтѣ. Тулупъ держится уже на однѣхъ рукахъ и головѣ старика, но для него разстаться съ тулупомъ то же, что съ жизнью, и потому онъ отдаетъ себя на всевозможныя истязанія, но не разстается съ своею драгоценностью — съ своимъ тулупомъ, хотя уже и утратившимъ всякое подобіе овчиннаго. Не осиливъ старика, сидѣлецъ удовлетворился тѣмъ, что сдернулъ съ руки его варишку и, по показаніямъ свидѣтеля Жигалова, утащилъ ее за стойку, а старикъ съ вывихнутой рукой, отбитой спиной и грудью, кое-какъ добравшись до дому, завалился на печь, а сына своего послалъ ко мнѣ съ жалобой.

На разбирательство, бывшее 14-го ноября, явился крестьянинъ съ свидѣтелями; ихъ изнуренный, жалкій видъ еще болѣе отпѣнялъ франтоватую и расторопную фигуру сидѣльца, съ манерами до такой степени развязными, что не было никакой возможности уловить выраженіе его глазъ, цвѣтъ волосъ, опредѣлить высокъ онъ или низокъ ростомъ.

Во время разбирательства, крестьяне, говорившіе мало и неохотно, съ недоумѣніемъ и примѣтнымъ напряженіемъ вслушивались въ нескончаемое разглагольствованіе сидѣльца, говорившаго цвѣтисто, неумолкаемо и съ явнымъ намѣреніемъ го-

ворить такъ, чтобы ни обвинитель, ни свидѣтели, ни даже самъ судья не могли понять того, что говорилось.

А говорилось нѣчто непонятное въ такомъ родѣ: «я въ претензію противу его виду не вхожу, а если онъ будетъ дѣлать еще подобныхъ случаевъ, то законъ правый есть, противу этого; не я ли тебѣ говорилъ — слушай меня одного, прими къ свѣдѣнію, мы живемъ по стопамъ Божиимъ, надо людей слушать, впередъ видѣть на случай времени» и т. д.

Убѣдившись наконецъ, что все краснорѣчіе его тратится по пустому, сидѣлецъ предложилъ мировую: «Богъ съ нимъ, если онъ желаетъ въ той степени жить и этимъ счастіемъ владѣть»; въ заключеніе обратился онъ ко мнѣ, указывая на крестьянина, «на, вотъ, ему трешную, наживайся моимъ расчетомъ»!

Но къ малому изумленію сидѣльца, крестьянинъ его расчетомъ жить не пожелалъ и на мировую не пошелъ.

28-го ноября, въ камерѣ моей собралась весьма разнообразная группа людей; задній планъ картины занимали десятокъ крестьянъ-свидѣтелей; нѣсколько впередъ выступалъ старикъ съ длинной, бѣлой какъ снѣгъ бородой, рядомъ съ своей женою, представлявшей типъ бывшей дворовой, съ подбитыми глазами и краснымъ носомъ, одѣтой, несмотря на страшный холодъ, въ истасканное, подобіе какого-то лакейскаго, пальто изъ лѣтней матеріи, а впереди, и такимъ образомъ на первомъ планѣ картины, застѣнчиво опустивъ глаза, переминался и вздыхалъ миниатюрный сидѣлецъ съ невиннымъ выраженіемъ вербнаго херувима на маленькомъ румяномъ лицѣ.

Суть дѣла заключалась въ томъ, что старикъ, еще недавно зажиточный крестьянинъ, имѣлъ несчастіе жениться на дворовой женщинѣ среднихъ лѣтъ. Послѣдствіемъ покушенія на семейное счастье было то, что жена, оказавшаяся пьяницей, въ теченіи первыхъ же годовъ своего замужества, перетаскала въ питейный херувима почти все движимое имущество своего супруга. При этомъ алчность сидѣльца превзошла всякое вѣроятіе: такъ, напримѣръ, изъ свидѣтельскихъ показаній оказалось, что въ одинъ изъ послѣднихъ дней октября мѣсяца, несмотря на снѣгъ и мятель, Вѣра Иванова, такъ называлась жена старика, явившись въ питейное заведеніе, угощая себя и другихъ, постепенно пьянѣя и теряя всякое сознаніе, поочередно снимала съ себя то ту, то другую часть одежды, отдавая все это за вино. Наконецъ и отдавать уже было нечего, такъ какъ весь костюмъ состоялъ изъ одной рубашки и шерстяныхъ чулокъ на ногахъ. Сжалился сидѣлецъ и далъ еще одинъ, уже послѣдній стаканъ, но для порядка снялъ съ своей жертвы шерстя-

ные чулки—и побѣжала Иванова за шесть верстъ по снѣгу и мятели въ одной рубашкѣ и безъ чулокъ.

Человѣка, непривычнаго къ нашимъ порядкамъ, вѣроятно въ сильной степени поразило бы то обстоятельство, что на разбирательствѣ часть вызванныхъ свидѣтелей подъ присягою, т.-е. послѣ цѣлованія креста и евангелія, показала въ пользу сидѣльца, между тѣмъ, какъ показанія другихъ свидѣтелей явно уличали его въ возводимомъ на него обвиненіи.

Все въ томъ же ноябрѣ, въ торговомъ селеніи, о которомъ мы говорили выше, случилось слѣдующее происшествіе: около полудня крестьянка пошла изъ земской лечебницы, гдѣ находилась въ услуженіи, спать въ находившійся на дворѣ лѣтній сарай; на постели ея не оказалось одѣяла; въ испугѣ зажигаетъ она свѣчу и, при ея свѣтѣ, убѣждается, что все ея имущество, хранившееся въ сараѣ, украдено. Окончательно растерявшись, она вернулась въ лечебницу, гдѣ застала сторожа, всю ночь гулявшего съ товарищами и переходившаго изъ одного кабака въ другой. Сторожъ, успокоивая бѣдную женщину, увѣрялъ, что вещи найдутся, такъ какъ въ одномъ изъ питейныхъ онъ видѣлъ солдата Крайнева въ только-что украденной женской шубѣ. Тотчасъ же начались розыски, и оказалось, что всѣ покраденныя вещи прямо изъ земской лечебницы перешли въ руки трехъ сидѣльцевъ питейныхъ заведеній.

Настоящее дѣло разбиралось въ началѣ декабря на мѣстѣ—въ торговомъ селеніи; день былъ базарный, необычайно морозный и свѣтлый. Въ волостномъ правленіи было пусто. «Гдѣ же свидѣтели?» спрашиваю я у волостного старшины. «Всѣ были на лицо, да опять разбѣжались, надо собрать!» отвѣчаетъ старшина и бѣжитъ вонъ.

Проходитъ часъ и два скучнѣйшаго ожиданія; въ волостное правленіе нѣсколько разъ заворачивалъ какой-то полицейскій сотникъ, весьма озабоченный тѣмъ, что развелъ или, какъ онъ выражался, «разрушилъ» въ своемъ селеніи какихъ-то супруговъ и даже выдалъ имъ отъ себя вольный листъ; совѣтуясь и все болѣе и болѣе озабочиваясь и хмѣлѣя, сотникъ заговорилъ наконецъ то, чего уже и понять нельзя было.

— Явились, докладываешь наконецъ старшина, да хорошо ли будетъ?

— А что?

— Да всѣ выпивши!

Комната наполнилась обвиняемыми, свидѣтелями и любопытными; началась беспорядочная давка, клеваніе носомъ и хлынуло на меня всѣмъ что такъ любить и чѣмъ всегда отзы-

вается наша глушь, — хлынуло овчиной, какой-то кислой рыбой и цѣлымъ моремъ воды.

Солдаты, обокравшій лечебницу, стоялъ на вытяжкѣ, вытираивъ на меня глаза и вообще отличался такимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто онъ уже давно и твердо рѣшилъ, что ему, пропащему человѣку, ни чѣмъ инымъ и быть не слѣдуетъ и не должно, какъ воромъ.

Привосновенные къ дѣлу сидѣльцы, нарядившись въ свои лучшіе длиннополые скуртуки съ перехватомъ на затылкѣ и намасливъ, какъ можно гуще, свои кудри, болѣе походили на трехъ имянинниковъ, нежели на подсудимыхъ. Они то улыбались мнѣ самымъ невиннымъ образомъ, то перемигивались и пересмѣивались съ публикой.

Воръ, не сморгнувъ глазомъ, рассказалъ, какъ все было и какъ совершенна имъ кража. Сидѣльцы старались говорить такъ, чтобы ничего не сказать и никому не понять того, что говорилось; мужики-свидѣтели говорили «по-Божьи» и, какъ водится, всячески старались смягчить виновность сидѣльцевъ.

Приговоръ выслушанъ былъ воровъ съ стоическимъ хладнокровіемъ, сидѣльцами и собравшеюся публикой съ непонятной и ничѣмъ необъяснимой веселостью.

— Что, опять въ острогъ? обратился старшина къ вору.

— Кому острогъ, а мнѣ добрый домъ! отапортовалъ солдаты, бойко повернувшись налѣво кругомъ.

— А меня на сколько времени присудили? — недослышалъ, спрашиваетъ одинъ изъ сидѣльцевъ.

— На три мѣсяца!

— А я думалъ больше, это еще въ сласть; — и приговоренный сидѣлецъ только что не плясалъ отъ удовольствія.

Остроуміе сидѣльца вызвало общій добродушный смѣхъ. Съ улицы доносилось дикое, пьяное ораніе, а мимо оконъ мчались привычныя четвероногія и развозили по дворамъ безчувственно лежавшихъ въ саняхъ двуногихъ.

Потребовались поручители, вся собравшаяся публика наперерывъ спѣшила предложить сидѣльцамъ свои услуги; всѣ видимымъ образомъ находились въ самомъ счастливымъ настроеніи духа, какъ будто во всемъ, только-что совершившемся, заключалось что-то, какъ нельзя болѣе радостное, какъ будто только-что раскрывшіеся предъ публикой факты: обокраденная ночью сельская лечебница, сторожъ лечебницы, пьянствующій цѣлую ночь съ товарищами солдаты въ женской, только-что украденной шубѣ, покраденныя вещи, черезъ часъ уже принятія и припрятанныя сидѣльцами, — какъ будто все это были факты такого

пріятнаго и утѣшительнаго свойства, что каждый невольнымъ образомъ долженъ улыбаться, смѣяться и только-что не плясать въ избыткѣ удовольствія.

Какъ понять, какъ объяснить себѣ эту общую веселость, этотъ праздникъ тамъ, гдѣ казалось бы умѣстно и понятно одно тяжелое чувство, тамъ, гдѣ надо понизнуть головой, впасть въ уныніе. Что же это такое? доведенное ли до послѣднихъ предѣловъ хваленое русское добродушіе, ненависть ли къ законности, крайняя снисходительность, или просто крайняя распущенность?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, все совершившееся кругомъ напоминало что-то такое, хорошо знакомое, еще недавно видѣнное; думаю, припоминаю, и вдругъ вспомнились мнѣ дѣтскія игры въ разбойниковъ и воровъ. Изображающіе воровъ, смѣясь подползаютъ къ чужому имуществу, смѣясь утекаютъ съ нимъ, а товарищи, изображающіе сторожей, съ громкимъ хохотомъ преслѣдуютъ, останавливаютъ и вяжутъ преступникамъ руки; никто не понимаетъ, что дѣлается, — чтѣ такое кража, лишеніе свободы; но всѣхъ одинаково разбираетъ смертная охота, какъ можно болѣе пошалить и посмѣяться.

Я оглянулся кругомъ, всмотрѣлся внимательно, и мнѣ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что вокругъ меня не взрослые люди, а ничего непонимающія, недающія себѣ ни въ чемъ отчета дѣти, на всѣхъ видны ясныя черты дѣтскаго возраста, все дѣтскія лица, только съ черными, русыми и даже сѣдыми бородами.

V.

Уголовныя и гражданскія дѣла.

Безспорно, что главная роль въ ряду уголовныхъ дѣлъ нашей глуши принадлежитъ кражѣ и конокрадству въ особенности.

«Кража есть тайное похищеніе чужаго движимаго имущества безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ.»

Твердо запомнивъ это опредѣленіе, проѣзжаемъ наши туманныя, одноцвѣтныя и необъятныя, какъ море, равнины и напрасно ищемъ это чужое, движимое имущество, — могущее быть предметомъ похищенія — все такъ голо, скудно, что казалось бы не на чтѣ тутъ разгорѣться воровскимъ глазамъ, нѣтъ ничего такого, что бы могло вызвать желаніе похитить, украсть; но

вдали заманчиво синѣть лѣсъ; по блѣдно желтымъ полямъ уже съ августа и до конца зимы разсыпались тѣмы хлѣбныхъ копенъ; изъ темной прохлады густо заросшаго тальникомъ оврага виднѣются сѣрыя верхушки пчелиныхъ ульевъ; по ярко зеленымъ озимямъ, только-что не на одномъ мѣстѣ, мчатся спутанныя, встревоженныя вашимъ колокольчикомъ крестьянскія лошади, а въ селеніи, куда наконецъ-то добрались вы, въ этомъ смѣшеніи навозныхъ кучъ, гуменъ, заборовъ, соломы и колодезныхъ оцѣповъ есть и такъ-называемыя клѣти, гдѣ въ завѣтныхъ еще дѣдовскихъ коробьяхъ спасается все, что есть цѣннаго въ крестьянскомъ домѣ: одежда и лишнія деньги на черный день.

Вотъ этотъ-то такъ заманчиво синѣющій въ голой степи лѣсъ, эти безчисленныя хлѣбныя копны, улья, клѣти съ дѣдовскими коробьями, а главнымъ образомъ добрыя крестьянскія лошади, какъ будто для того только и спутанныя, чтобы ихъ легче было поймать,—вотъ эти-то только-что перечисленные нами предметы и соблазняютъ сельскаго вора, на нихъ разгораются глаза, и къ нимъ-то, за неимѣніемъ лучшаго, тянется рука его.

Здѣсь, и прежде всего, слѣдуетъ сказать, что какъ бы наперекоръ весьма точному опредѣленію закона, нашъ крестьянинъ продолжаетъ оставаться и вѣроятно надолго еще останется при своемъ собственномъ, своеобразномъ возрѣніи на кражу, какъ на преступное дѣяніе, положительно отказываясь понять то, что толкуютъ и желаютъ втолковать ему старшіе братья. Такимъ образомъ, твердо придерживаясь своихъ завѣтныхъ понятій, народъ въ одномъ случаѣ не только равнодушно смотритъ на вора, но только-что не ободряетъ его, въ другомъ же, не дожидаясь суда, до такой степени жестоко и безчеловѣчно расправляется съ нимъ, что тотъ достается въ руки правосудія или совершенно искалѣченнымъ, или же мѣсто преступления дѣлается его могилой. Еще недавно встрѣтился въ нашей мѣстности такой случай: почти одновременно найдены три мертвыхъ чловѣка, и всѣ трое оказались извѣстными ворами, сильно надобѣвшими, какъ своимъ односельцамъ, такъ и сосѣднимъ жителямъ.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ крѣпостныхъ привычекъ, смутнаго понятія о собственности, о томъ что свое и что чужое, еще не совершенно искоренившейся патріархальности, крайней наивности и твердой увѣренности въ томъ, что лѣсъ никто не сѣетъ и не садитъ, а созданъ онъ Богомъ на общую потребу, нашъ крестьянинъ и даже лучшій изъ крестьянъ ни на минуту не задумываясь приберетъ къ рукамъ барское зерно, солому,

сѣбно, такъ какъ у барина всего много; не колеблясь изрубить чужой плетень на дрова, какъ рубить свой собственный, мимоходомъ стащить полдесятины придорожного гороху, или заѣдетъ въ чужой лѣсъ, и все это не будетъ имѣть и тѣни преступнаго дѣянія въ глазахъ народа.

Въ этомъ случаѣ наивность нашего крестьянина не знаетъ предѣловъ: ямщикъ слѣдователя, во ста шагахъ отъ моей камеры, наладываетъ принадлежащія мнѣ овсяные снопы и нисколько не подозрѣвая противузаконности своего дѣянія, кормитъ ими лошадей на моемъ же дворѣ; истцы и отвѣтчики, пріѣзжающіе на разбирательство, даже дорожку протоптали въ моему стогу сѣна и въ непродолжительномъ времени отъ всего стога осталось одно лишь воспоминаніе; а когда пришлось выбирать должностныхъ лицъ изъ крестьянъ нашего селенія, то и выбрать нивого нельзя было, такъ какъ всѣ обыватели, нисколько не подозрѣвая этого, оказались подъ судомъ за лѣсныя порубки.

А между тѣмъ слѣдуетъ сознаться, что въ этой прирожденной намъ распущенности и патріархальности есть что-то невольно затягивающее, отъ чего такъ трудно отстать и отвыкнуть русскому человѣку.

Живо помнится мнѣ то время, когда я только-что взялся за хозяйство — это было года три послѣ освобожденія крестьянъ. Помѣщался я въ центрѣ селенія, со всѣхъ сторонъ окруженный крестьянскими усадьбами; отношенія завязались, какъ нельзя болѣе интимныя; понадобилась лишняя телѣга, полоть, дуга, и все это безъ совѣсти бралось въ первомъ же крестьянскомъ дворѣ, и всѣмъ этимъ мой староста, патріархъ въ душѣ, распоряжался какъ своею собственностью; но за то и крестьянинъ распоряжался моимъ добромъ какъ зналъ, и нисколько не стѣсняясь, бралъ колесо, телѣгу, бочку, топоръ, и все это потомъ забывалось, портилось и пропадало неизвѣстно куда; смотришь и уже телѣга, взятая у сосѣда, очутилась за 100 верстъ въ другомъ моемъ имѣніи; колесо, взятое сосѣдомъ, уѣхало за Волгу, а бочка уже неизвѣстно вѣмъ подставлена въ жолобу волостного правленія; что же касается до взаимнаго и нескончаемаго одолженія топорами, то дѣло кончилось тѣмъ, что топоровъ болѣе не оказалось ни у меня, ни у моихъ сосѣдей, пришлось заводить новые и запирать другъ отъ друга.

И ложно было бы стремленіе отыскивать только-что помѣченныя нами черты распущенности, смутнаго понятія о собственности, о томъ что свое и что чужое, въ однихъ крестьянахъ. Тѣсная связь, такъ-называемыхъ, порядочныхъ и образованныхъ людей съ нашими крестьянами слишкомъ очевидна, чтобы

отрицать такое предположеніе; въ самомъ дѣлѣ, эти господа, всегда готовые потравить русака на озимяхъ вашихъ, безъ всякаго дозволенія истребить всю дичь на вашемъ болотѣ, рвать цвѣты въ чужомъ саду, проложить кратчайшую дорогу по вашему хлѣбу, взять книгу и зачитать ее, или украсть собаку, а наконецъ эти неизбѣжныя въ нашемъ обществѣ личности, никогда неимѣющія при себѣ мелкихъ денегъ, вѣчно занимающія и забывающія о своихъ мелочныхъ долгахъ,—что же это, какъ не представители той же распущенности и того же смутнаго понятія о собственности?!

Но нигдѣ такъ ярко не проявляется эта общая народная черта, на которую мы только-что указали, какъ въ воззрѣніи крестьянъ нашихъ на лѣсныя порубки, что отчасти раздѣляется и самимъ законодательствомъ нашимъ. «Лѣса нивѣмъ не сѣются и не садятся, а созданы они на общую потребу», затвердили крестьянинъ, и никакія мѣры, принимаемыя противъ порубщиковъ, до сихъ поръ не достигли сколько-нибудь полезныхъ результатовъ. Особенно часто страдали огромныя лѣсныя дачи удѣльнаго вѣдомства, находящіяся въ моемъ участкѣ. Тутъ все идетъ какъ нельзя болѣе однообразно, и одно разбирательство нисколько не отличается отъ другого.

Обыкновенно начинается съ того, что надзиратель предлагаетъ добровольную сдѣлку, порубщикъ отказывается, настаивая на своей невинности и бойко вѣстясь въ уголь; потомъ выступаютъ лѣсные сторожа, уличаютъ, объявляется приговоръ; на крестьянина точно столбнякъ находить: стоитъ онъ въ недоумѣніи, не довѣряя ушамъ, отказываясь вѣрить въ громадную, по его понятіямъ, цифру взысканія. Затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ какъ нельзя болѣе тягостная сцена: порубщикъ падаетъ ницъ, ползаетъ за надзирателемъ, молить о пощадѣ, и напрасны всѣ ваши старанія образумить его и заставить стать на ноги.

Также однообразны дѣла о кражахъ сноповъ; особенности заключаются только въ томъ, что по большей части воруются снопы барскіе, а не крестьянскіе. Одинъ изъ обвиняемыхъ въ кражѣ сноповъ у крестьянина даже въ оправданіе привелъ то обстоятельство, что совершилъ кражу случайно, предполагая, что беретъ съ барскаго загона.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о необычайной сметливости, съ которой каждый староста и каждый крестьянинъ вообще отыскиваетъ украденные снопы, по таеъ-называемой вязи, то-есть по тому или другому способу вязки сноповъ, по какому-нибудь

ничтожному полевому цвѣтку, по едва примѣтному слѣду разбѣгающагося колеса и т. д.

«На гумнѣ (показываетъ сельскій староста Дуванинъ), мы разобрали цѣлую копну ржаныхъ сноповъ и уже въ самомъ низу отыскивали между снопами Лазарева 5 сноповъ другой вязи, по которой мы тотчасъ признали снопы Халкова».

Мнѣ остается прибавить, что до настоящаго времени я твердо былъ увѣренъ въ томъ, что кража сноповъ исключительно вызывается, такъ-называемыми, голодными годами, что нигдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, такъ ясно не проявляется роковая связь, существующая между нуждой и преступленіемъ; но прошедшее лѣто совершенно разубѣдило меня въ этомъ, такъ такъ при необыкновенномъ, даже въ нашей благодатной мѣстности, урожаѣ, снопы воровались самымъ немилосерднымъ образомъ, и по увѣренію мѣстныхъ жителей, именно потому, что хлѣбъ слишкомъ умолотенъ и воровать выгодно.

Менѣе трудностей къ розысканію виновнаго представляется въ случаѣ кражи меду изъ ульевъ; сама судьба такъ уже устроила, что слѣды меда такъ или иначе, но непременно остаются, если не на рукавицахъ, то на возжахъ, мѣшкахъ или телѣгахъ виновнаго, наконецъ и сами пчелы дорого продаютъ свою жизнь, и слѣды ихъ уязвленій, за весьма рѣдкими исключеніями, тотчасъ же замѣчаются на рукахъ и лицахъ воровъ.

Рѣже встрѣчались въ моей практикѣ случаи кражи овчинъ, дровъ, кирпича изъ кирпичныхъ сараевъ, муки, травяной золы, всякаго зерна и т. д., да и тѣ такъ ничтожны, что, при недавнихъ порядкахъ, большая часть изъ нихъ навѣрно кончились бы или по взаимному соглашенію сторонъ подъ предсѣдательствомъ сидѣльца питейнаго заведенія, или же по суду стариковъ; но патріархальные порядки упразднены, мы во что бы то ни стало хотимъ стать на почвѣ строгой законности, а охотники до чужого меду, зерна, кирпича, чужихъ сноповъ и т. д. съ непривычной имъ быстротой попадаютъ въ камеры мировыхъ судей, а оттуда ускореннымъ способомъ прямо въ острогъ.

Но если вслѣдствіе новыхъ, еще непривычныхъ порядковъ, съ одной стороны является то обстоятельство, что мелкіе ворышки по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время лишаются возможности вредить обществу, то съ другой стороны не представляется никакаго сомнѣнія и въ томъ, что при крайне неудовлетворительномъ состояніи нашихъ тюремъ, заключеніе въ нихъ не только не содѣйствуетъ нравственному перерожденію преступника, но награждаетъ наши тихія, робкія села и деревушки — эти неутомимые мелкіе муравейники, людьми особаго типа,

людьми, неимѣющими ничего общаго съ самымъ муравейникомъ, людьми, подчиняющими себѣ весь муравейникъ своею наглостью и смѣлостью, подчиняющими до такой степени, что волостные старшины боятся ихъ и отказываются на нихъ свидѣтельство-¹⁾вать, людьми, презирающими трудовую жизнь, идущими наперекоръ порядку и невидящими ни въ чемъ противодѣйствія. Несложная исторія людей этого типа обыкновенно начинается съ отлыниванія отъ работы, пристрастія къ питейному, приѣма краденаго, знакомства съ мелкими воришками; потомъ слѣдуетъ острогъ съ его развращающей обстановкой, — онъ съ разу кладетъ на новичка тотъ особый отпечатокъ, съ которымъ новичекъ и возвращается въ свой муравейникъ чѣмъ-то среднимъ между лихимъ казакомъ и человѣкомъ¹, продавшимъ дьяволу свою душу. Онъ бросается въ глаза и манерами своими и фигурой, сосѣди съ удивленіемъ взираютъ на него и отъ бездѣлья цѣлыя недѣли толкуютъ о томъ, какимъ онъ вернулся изъ острога бѣлымъ, да «глядямъ», а его такъ и тянетъ къ веселой компаніи, къ питейному, къ легкой работѣ, какъ называютъ крестьяне воровство, онъ какъ слѣпецъ выбираетъ только хорошо протоптанную вдоль и поперекъ знакомую дорожку — изъ села въ острогъ и обратно, и такимъ образомъ формируются безчисленные типы, такъ мѣтко названные нашимъ крестьяниномъ «замѣчательными людьми.»

— Есть у васъ замѣчательные люди? спросишь перваго попавшагося крестьянина.

— Есть, какъ не быть! — ни на минуту не задумываясь отвѣтитъ крестьянинъ: — есть люди дурные въ нашемъ обществѣ, запустошили совсѣмъ, пошаливаютъ, чего крадутъ, — прямо крадутъ и не услышишь, какъ оберутъ — знамо дѣло народъ рабочій — уснешь, умрешь.

Такимъ образомъ, если наши Маниловы или люди непосвященные въ своеобразную жизнь захоlustья, возликутъ и возрадуются той необычайной, непривычной быстротѣ, съ которой мелкій воришка попадаетъ въ камеру мирового судьи, а потомъ въ острогъ, то напротивъ того, сильно призадумается мѣстный коренной обыватель, и въ воображеніи его невольнымъ образомъ представляется такое расположеніе «замѣчательныхъ людей», этихъ воспитанниковъ нашего острога, попавшихъ въ его школу за какой-нибудь десятокъ сноповъ или четвериэкъ овса, — что хоть святыхъ вонъ носи и бѣги изъ нашихъ весей, куда глаза глядятъ и куда только ноги донесутъ.

¹⁾ Что и случилось на одномъ изъ моихъ разбирательствъ.

Существуетъ особый видъ воровства, называемый мошенничествомъ; но такъ какъ тутъ уже требуется нѣкоторое искусство и опытность, то и самый проступокъ этого рода, въ большинствѣ случаевъ, является принадлежностью нашихъ городовъ, а не селъ и деревень, гдѣ воровство сохраняетъ еще свой первобытный, безхитростный характеръ — и всѣ попытки въ такомъ родѣ обыкновенно оканчивались самымъ неудачнымъ образомъ для нашихъ доморожденных мошенниковъ. Пробовалъ отставной солдатъ Козаковъ увѣрить, что украденныя у двоюроднаго брата деньги принесъ изъ службы въ ладонѣ, привѣшенной къ кресту, но когда ему предложено было сложить кредитный билетъ и уложить въ ладонку, то онъ тотчасъ же спасовалъ и кончилъ сознаніемъ. Вообще приемы сельскихъ воровъ, какъ нельзя болѣе просты и лишены всякихъ ухищреній — ихъ дѣло подрѣзывать возъ, оставленный безъ присмотра, стащить съ лошади спящаго ямщика сѣделку и шлею, выпустить вино изъ бочки, вѣренной для перевозки съ завода въ питейный, или обобрать мужика, напившагося до безчувственнаго состоянія. Любитъ сельскій воръ пьянаго мужика, зорко высматриваетъ его въ питейномъ и только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ обокраденнымъ является трезвый человѣкъ.

— Вышелъ я изъ кабака, съ горькой усмѣшкой, показываетъ Макарычевъ, и вдругъ, почувствовавъ дѣйствіе медоваго квасу, упалъ совершенно безъ памяти и не помню сколько времени это продолжалось. Но въ это время выглянулъ поднощикъ и видѣлъ, какъ Лазарчевъ съ товарищами вынули у меня 85 руб. денегъ.

— Я сказалъ Башарину, грустно поникнувъ головой, объясняетъ крестьянинъ Акимовъ, — побереги меня, потому у меня есть деньги, потомъ напился до безчувствія и упалъ возлѣ кабака. Хватъ очнулся, ни денегъ, ничего на мнѣ нѣтъ, а лежу я въ одномъ сапогѣ, другой же найденъ уже въ обѣдъ около мосту.

Еще характеристичнѣе представляется случай съ крестьяниномъ Левкеемъ Сиволобовымъ: ѣдетъ пьяный Левкей со свадьбы, а за нимъ плетется солдатъ съ возомъ хвороста; подсѣлъ солдатъ къ пьяному мужику и не долго думая, сталъ вытаскивать изъ-подъ него чапанъ съ кушакомъ. «Что ты дѣлаешь?» спрашиваетъ Левкей, но солдатъ, ничего не отвѣчая, беретъ и уноситъ вещи, а Левкей продолжаетъ себѣ нога за ногу подвигаться впередъ къ селенію, солдатъ за нимъ; ѣдутъ они такимъ образомъ верстъ 5 — 6 и только при въѣздѣ въ околицу солдатъ отстаетъ и поворачиваетъ къ мельницѣ.

Встрепенулся наконецъ Левкей и что называется поднимаетъ

«булгу» (тревогу), т.-е. подѣзжаетъ къ собравшейся сходкѣ и указывая на ѣхавшаго вдали солдата говорить: «какой это человекъ ѣдетъ?» ему отвѣчаютъ: «этотъ человекъ нашъ солдатъ Бесѣдновъ». — «Онъ, бездѣльникъ, меня ограбилъ, чепанъ укралъ», съ невозмутимымъ равнодушіемъ продолжаетъ пьяный мужикъ.

— Т-а-а-а-къ — получаетъ онъ въ отвѣтъ, и «булга» сдѣлана.

Но болѣе всего простору для мелкихъ ворихекъ представляютъ наши зимніе базары и лѣтнія ярмарки; не даромъ же краснорѣчивый ардатовецъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій восклицаетъ: «куда дѣваться намъ отъ нашихъ воровъ и лиходѣевъ, которымъ у насъ нѣтъ числа! поприще ихъ дѣйствій различно: на базарахъ и ярмаркахъ, они занимаются карманничествомъ, кражею предметовъ, потребныхъ для домашняго употребленія, которые надобно бы покупать на деньги; у пьяныхъ крадутъ шляпы, шапки, крадутъ деньги и т. д.

На одной изъ послѣднихъ сельскихъ ярмарокъ попалась въ кражѣ крестьянка Черняева — ее поймали съ кускомъ ситца и нѣсколькими платками, только-что пропавшими съ прилавка одной изъ плетневыхъ лавочекъ.

Доставленная ко мнѣ вся въ лихорадкѣ, Черняева назвала еще пять бабъ - соучастницъ, вмѣстѣ съ которыми гуляла по лавкамъ, вмѣстѣ спрашивали товаръ, выбирали и въ это время, пользуясь суматохой, передавали другъ другу то, что можно было стянуть.

— А мы бы и не хватились, еслибы не люди надоумили, удивляясь случившемуся казусу, твердилъ торговецъ.

Но на разбирательствѣ, бывшемъ спустя недѣлю, дѣло приняло совершенно другой оборотъ, и Черняева, валяясь въ ногахъ, чему напрасно препятствовалъ полицейскій сотникъ, голосила: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; прикажи только слово сказать, никогда, милый, не судилась, только по міру ходила, дѣтей кормила, прикажи слово сказать, — десятники подняли на полу, я только навстрѣчу шла; не то что украсть, не ручивалась ни съ кѣмъ, меня весь міръ оправдаетъ, прикажите слово сказать, подняли полу десятники — разсуди ты насъ законными книгами».

— Ну законѣла, глубокомысленно произноситъ бывшій при разбирательствѣ старшина; а бабы - соучастницы вышли сухими изъ воды.

Оригинальнѣе представляется случай нѣсколькихъ кражъ, совершенныхъ на одномъ изъ послѣднихъ зимнихъ базаровъ.

Возвращается къ своимъ санямъ крестьянинъ Масловъ и не находитъ въ немъ свертка сукна въ 23 аршина; — подозрѣніе

падаетъ на крестьянина Трусова, потому что тотъ подходилъ къ саямъ и вообще прослылъ воромъ съ тѣхъ поръ, какъ прѣбывавъ на праздникъ въ сосѣднее селеніе, встати стануль восемь желѣзныхъ сердечниковъ.

Порылся Масловъ въ возу Трусова и находитъ тамъ свертокъ льну, украденнаго у однодворки Филиповой и мѣшокъ съ горохомъ, только-что пропавшій изъ саней Григорьевой.

Небывалое волненіе охватило всю базарную площадь, каждый радъ даровому зрѣлищу, а крестьянина Трусова, сознавагося, при всемъ честномъ народѣ, въ совершеніи трехъ кражъ, подъ градомъ пинковъ и ругательствъ, за несмѣтнымъ конвоемъ, точно душегубца каковаго, нѣсколько разъ обводятъ вокругъ кишившей народомъ, пьяной, базарной площади и только натѣшившись и вдоволь наругавшись, доставляютъ въ волостное правленіе, гдѣ едва уже волочившій ноги Трусовъ немедленно возвращаетъ все покраденное, исключая сукна, тотчасъ же перекраденнаго у него дворникомъ сосѣдняго селенія. Но тѣмъ дѣло не кончилось; упорно запиравшійся и арестованный становымъ, дворникъ вскорѣ и неизвѣстно на какомъ основаніи былъ отпущенъ въ сопровожденіи полицейскаго сотника, для розысканія сукна, не только найденнаго, но и подкинутаго на дворѣ Трусова.

Пришлось мнѣ еще разбирать три дѣла о кражахъ, совершенныхъ дѣтьми у родителей, гдѣ, какъ извѣстно, въ виду весьма почтенныхъ соображеній, самый законъ, слагая съ себя обычную суровость, допускаетъ прекращеніе дѣла по желанію сторонъ.

Мѣщанка Акимова принесла жалобу на шестнадцатилѣтняго сына своего въ томъ, что тотъ постоянно крадетъ у нее клубки нитовъ и мѣняетъ на лакомства. Но при разбирательствѣ сластолюбивый и мягкосердечный сынъ проливаетъ такое невиданное обиліе слезъ, что мать умиляется и прощаетъ.

Крестьянинъ Яковлевъ ловить сельскаго сапожника съ пятаю мѣрами пропавшей у него ржи; тотъ объясняетъ, что получилъ рожь за сапоги, заказанные съюмъ обвинителя; отецъ намѣревается тутъ же, въ камерѣ, какъ слѣдуетъ расправиться съ франтоватымъ сыномъ, но остановленный сотникомъ откладываетъ расправу до другого времени, — а дѣло просить прекратить.

Послѣдній изъ трехъ случаевъ уже выходитъ изъ ряду вонъ: это такая драма, не сочиненная, а дѣйствительная, отъ которой покоробить cadaго живого человѣка.

Въ одинъ изъ невыносимо-морозныхъ декабрьскихъ дней

1870-го года, крестьянинъ Зиновьевъ—старикъ крѣпкій и сбитый какъ камень, незнающій ни усталы, ни отдыха, ни жалости къ себѣ, ни жалости къ другимъ,—молотилъ съ семьей на своемъ гумнѣ.

Видитъ онъ, что не спорится работа у его дочери, вяло поднимается цѣпъ, замѣчаетъ, что дочь въ послѣднемъ періодѣ беременности — едва ходитъ. Мигомъ выхваченный цѣпъ уже гуляетъ по спинѣ дѣвушки, и она какъ скотина какая-нибудь выгнана со двора виноватая, покрывшая стыдомъ отцовскую голову.

Вся въ слезахъ, вся избитая, вся истомленная отъ боли приближающихся родовъ, идетъ дѣвушка по улицѣ; напрасно стучить она въ окна, просить пріюта,—глухъ и нѣмъ православный народъ, и каждый спѣшитъ скорѣе отдѣлаться, скорѣе выпроводить виноватую на 30-ти-градусный морозъ. Конечъ селенію. Едва дотащилась дѣвушка до стоявшаго на выгонѣ стога и тамъ-то, забившись въ сѣно, производитъ на свѣтъ ребенка. Но вотъ болѣзненные крики страдальцы услышаны жившимъ неподалеку отставнымъ солдатомъ, наконецъ-то пріютившимъ несчастную мать въ свою караулку — болѣе, впрочемъ, напоминавшую собачью конуру, нежели человѣческое жилище. Послѣдствіемъ великодушнаго поступка было то обстоятельство, что оправившаяся мать, не зная чѣмъ выразить свою благодарность, въ разное время и втихомолку перетаскала солдату 8 мѣръ отцовскаго картофеля. Послѣдствіемъ же порыва благодарности было дѣло, возбужденное крестьяниномъ Зиновьевымъ о кражѣ у него отставнымъ солдатомъ 8-ми мѣръ картофеля.

Много потерялъ я времени улаживая мировую, состоявшуюся только потому, что солдатъ вдругъ побагровѣлъ отъ волненія и, сильно завожившись, вытащилъ изъ сапога послѣдніе два рубля и ткнулъ ихъ Зиновьеву, а тотъ, не сморгнувъ глазомъ, взялъ, осторожно расправилъ скомканныя ассигнаціи и бережно запряталъ куда-то далеко-далеко за пазуху ¹⁾.

Теперь я открою передъ глазами непосвященнаго, но интересующагося сельскимъ бытомъ читателя страшную, до настоящаго дня остающуюся неизлечимой язву, называемую конокрадствомъ.

Нужно пожить въ глуши подлѣ крестьянина, чтобы соста-

¹⁾ Встрѣтилось еще одно, едва-ли не болѣе возмутительное дѣло въ такомъ же родѣ, гдѣ мать только-что не ежедневно прибѣгала жаловаться на побой, причиненные ей сыномъ, чтобы потомъ простить его на разбирательствѣ.

вить себѣ ясное понятіе о томъ, какую роль играетъ рабочая лошадь въ его быту и хозяйствѣ; тогда только поймешь, что въ ней, въ этой неказистой, на видъ шаршавой, съ отвислымъ, набитымъ соломой брюшкомъ и врозь разставленными ушами рабочей лошади соединяются для крестьянина-пахаря неизмѣнный товарищъ, правая рука, благосостояніе и только-что не жизнь всей семьи, поймешь, что, лишая крестьянина лошади, конокрадъ въ то же время переворачиваетъ вверхъ дномъ весь бытъ его, всѣ хозяйственные соображенія, такъ что бѣднякъ, при всей выносливости русской натуры, теряетъ голову, опускаетъ руки, боится открыть глаза, заглянуть въ будущее, гдѣ уже ждутъ его и грозятъ недоимки, нужда и наконецъ голодъ.

Случилось такъ, что лѣсные сторожа удѣльнаго вѣдомства, остановивъ крестьянина съ возомъ принадлежавшаго ему же хвороста, ради какого-то непостижимаго звѣрства, до такой степени изувѣчили его лошадь, что та насилу была доведена хозяиномъ до двора. Хозяинъ подалъ жалобу, и нужно было слышать, съ какимъ отчаяніемъ передавалъ онъ свое горе: — «Кабы меня обидѣли, Богъ бы съ ними» — говорилъ онъ, надрываясь отъ слезъ — «а то лошадь обидѣли. Я просилъ: не бейте моего живота, лучше меня бейте или суду предайте, а то безвинную лошадь бьете; за что бьете. Я плачу, а лошадь вдвое мово плачетъ».

Этотъ случай живо освѣтилъ передо мною чувство, связывающее крестьянина съ его лошадью, также точно какъ другой случай, гдѣ, на бывшемъ у меня разбирательствѣ, оборванный пастухъ Богъ-знаетъ какъ убивался изъ-за 85 к., приготовленныхъ имъ на обувь и украденныхъ хозяйскимъ работникомъ, и убѣдилъ меня въ томъ, что для бѣдняка потеря 85 коп. такъ же чувствительна, какъ потеря 85 руб. для человека средней руки и 800 для богача, и только это открытіе поставило меня на настоящую точку зрѣнія въ отношеніи дѣлъ, обыкновенно называемыхъ мелочными и ничтожными.

Одной изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ заживленію язвы конокрадства, слѣдуетъ назвать легкость его совершенія¹⁾ вслѣдствіе вовсе не врожденныхъ, а между тѣмъ быющихъ въ глаза на каждомъ шагѣ безопасности, распущенности и невѣжества крестьянъ нашихъ — чего никто не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить.

¹⁾ Замѣчательно, что въ селахъ, гдѣ ведется правильный караулъ, конокрадство почти не встрѣчается.

Итакъ, большинство случаевъ конокрадства объясняется крайней безпечностью и легкостью совершенія самой кражи.

«Выйдя на дворъ передъ утромъ, показываетъ крестьянинъ Карачевъ, увидѣлъ я, что лошадей нѣтъ и уведены онѣ, какъ надо полагать, въ нивогда не запиравшіеся ворота». — «Рано утромъ, показываетъ крестьянинъ Зацѣпиловъ, увидалъ я, что хлѣвы, въ которыхъ стояли лошади, прежде завязанные веревками, были растворены и лошади уведены».

«Украденныя лошади, показываетъ крестьянинъ Харитоновъ, ходили по двору, заперты не были и уведены, какъ надо полагать, въ то мѣсто, которое было оставлено для устройства калитки».

Встрѣчались десятки случаевъ кражи съ неогороженного двора, изъ конюшенъ, запиравшихся деревянными засовами, съ яроваго поля, озимей или базарныхъ площадей, гдѣ лошади обыкновенно оставляются крестьянами безъ всякаго присмотра: отойдетъ мужикъ въ лавки за товарами или въ кабакъ и, возвратившись, уже не находитъ лошади.

Распущенность доходитъ до того, что крестьянинъ Синичкинъ беретъ у знакомой ему вдовы Бѣловой единственную лошадь съ тѣмъ, чтобы навѣстить мать и пропадаетъ съ нею неизвѣстно куда. Крестьянинъ Петровъ проситъ лошади на три дня «побираться» въ окрестныхъ селахъ, и исчезаетъ вмѣстѣ съ лошадью. Поваръ, да еще искуснѣйшій поваръ Шмельковъ, напившись до безпамятства, садится въ первые, попавшіеся ему на глаза, сани, стоявшіе у церковной ограды и уѣзжаетъ въ Нижпій, а крестьяне догоняютъ и, не долго думая, начинаютъ распинать вора, спасеннаго единственно заступничествомъ священника.

Затѣмъ чрезмѣрное развитіе конокрадства и безслѣдное исчезновеніе разъ уведенныхъ лошадей, можетъ быть объяснено положительнымъ бездѣйствіемъ полиціи и отсутствіемъ всякихъ средствъ къ розыскиванію украденной лошади.

Рядъ дѣлъ убѣдилъ меня въ томъ, что розыски украденныхъ лошадей почти всегда есть исключительное дѣло частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія; дѣятельность же полиціи въ этомъ случаѣ ограничивается только арестованіемъ указаннаго преступника.

«Вернувшись домой, показываетъ крестьянинъ Мироновъ, говорю сотнику: «хочу розыски дѣлать»; сотникъ, спасибо ему, далъ бумагу, а я, нанявъ трехъ товарищей, пошелъ съ ними въ село Карлинское, такъ какъ тамъ живетъ извѣстный воръ и конокрадъ «Календарка».

Наконецъ, сильно способствуютъ развитію коноврадства: отсутствіе ночныхъ карауловъ, обычай и даже страсть русскаго человѣка вообще мѣняться лошадыми, а главнымъ образомъ существованіе цѣлыхъ селеній, специально промышляющихъ коноврадствомъ въ какихъ-нибудь сорока верстахъ отъ губернскаго города, отъ цѣлаго сонмища разнообразныхъ охранителей общественного спокойствія, и наконецъ близкое сосѣдство татаръ, особенно обращенныхъ въ православіе.

Въ заключеніе хотѣлось бы мнѣ рассказать странствованіе дьячка, отыскивавшаго украденную у него кобылу, въ четырехъ уѣздахъ нашей губерніи, показать всѣ эти мѣдныя трубы, сквозь которыя прошелъ несчастный дьячокъ, наконецъ-то доведенный его менторомъ, вѣчно пьянымъ и вытянувшимъ изъ него всѣ деньги и душу конокрадомъ до конюшни, гдѣ стояла его уже надорванная и разбитая въ прахъ кобыла. Хотѣлось бы изобразить мѣщанку Александрову, пробѣжавшую 60 верстъ по слѣдамъ уведенной у нее коровы и попавшую въ кругъ буйнаго татарскаго схода, гдѣ, въ глазахъ ея, былъ жестоко избитъ какой-то Мердѣевъ за то, что осмѣлился указать вора. Но предѣлы настоящей статьи не позволяютъ входить въ излишнія подробности, а потому перехожу къ другимъ видамъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ, не представляющимъ уже особеннаго интереса, за исключеніемъ дѣлъ объ игрѣ въ орлянку, губительно дѣйствующую на сельскій бытъ ¹⁾).

Чаще всего возбуждаемы были дѣла по нарушенію устава пожарнаго; но дѣла подобнаго рода обличаютъ только безпечность и отсутствіе въ нашихъ селахъ всякаго понятія о печномъ мастерствѣ, да еще, непостижимую способность нашего крестьянина, зачастую остающагося послѣ пожара совершеннымъ нищимъ, Богъ знаетъ какими средствами снова устроить гнѣздо свое, и вообще его изумительную желѣзную выносливость.

— Въ чемъ видите въ томъ и вышелъ, почестъ-что въ одномъ крестѣ, широко улыбаясь, не придавая особаго значенія словамъ своимъ, а такъ, между прочимъ, говоритъ, при разбирательствѣ, богатый крестьянинъ, только-что погорѣвшій и лишившійся при этомъ, десятками лѣтъ, на удивленіе всему селенію устроеннаго двора съ свѣтлой, просторной избой, украшенной рѣзными гребешками и росписными ставнями, съ цѣ-

¹⁾ Игра въ орлянку принимаетъ страшные размѣры: проигрываются кони хлѣба, холсты и деньги. Сельскіе старики не разъ указывали мнѣ на это зло и просили моего содѣйствія.

лымъ лабиринтомъ теплыхъ конюшенъ, хлѣвовъ и поднавѣсовъ, со всѣмъ имуществомъ и скотомъ;—и ставитъ васъ въ полнѣйшее недоумѣніе, приводитъ къ печальному сознанію своей слабости и безсилія.

Также мало интересу представляютъ дѣла по оскорбленіямъ на словахъ и дѣйствіемъ, замѣтно прибывающимъ во время такъ-называемыхъ помочей и престольныхъ праздниковъ, причемъ между потерпѣвшими замѣчается такое явное поползновеніе къ гражданскому вознагражденію, сильно ослабляющему чувство чести и человѣческое достоинство, что совершенное исключеніе изъ нашего законодательства всякой возможности торговать полученными обидами и оскорбленіями было бы не только желательно, но даже необходимо.

Затѣмъ представляется рядъ столь же ничтожныхъ дѣлъ: объ оскорбленіи сельскихъ властей, явно указывающихъ на отсутствіе въ народѣ всякаго понятія о ихъ неприкосновенности, что легко объясняется распущенностью самихъ властей, насколько не заботящихся о поддержаніи своего достоинства¹⁾; о прошеніи милостыни или, выражаясь правильнѣе, хлѣба тѣми изъ крестьянъ, у кого онаго не имѣется; о похвальныхъ словахъ и угрозахъ, въ большинствѣ случаевъ сказанныхъ вовсе не съ цѣлью привести ихъ въ исполненіе, а въ пьяномъ видѣ, съ свойственнымъ самому смиренному русскому человѣку желаніемъ удивить, изобразить нѣчто энергичное, опасное, способное на всякое злодѣйство, при полнѣйшемъ отсутствіи этихъ качествъ; о проживаніи безъ письменнаго вида; о проступкахъ противъ правъ семейственныхъ; объ азартной игрѣ въ орлянку и т. д.

Встрѣтилось нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, имѣвшихъ чисто комическій характеръ: сосѣдняя мордва исполняетъ какой-то свадебный обрядъ, а между тѣмъ обвиняется чуть ли не въ грабежѣ; мѣщанское общество базарнаго селенія обвиняется становымъ въ невывозѣ навоза «на указанное мѣсто», и тотъ же самый становой не въ состояніи объяснить, гдѣ именно находится это «указанное мѣсто» и даже существуетъ ли такое мѣсто; крестьянинъ раскапываетъ попавшюся ему на выгонѣ яму, чтобы устроить «пищъ», замѣняющій въ нашей мѣстности овинъ, а его обвиняютъ въ истребленіи межевыхъ признаковъ; плотники, переставляя дьячковскую избу, находятъ въ землѣ гор-

¹⁾ Сельскія власти—это тѣ же безграмотные и невѣжественные мужики, и ст. 30 и 31 уст. о наказ. пригодны въ городахъ, оказываются не вполне применимыми къ сельскому быту.

шоу съ серебряными рублями и пускаютъ ихъ въ оборотъ на первомъ же базарѣ, что, наконецъ, наводитъ престарѣлаго, уже выжившаго изъ ума дьяча, на мысль о похищеніи совровища, такъ тщательно десятиками лѣтъ имъ скрываемаго.

Затѣмъ, переходя въ дѣламъ гражданскимъ и сильно сомнѣваясь въ ихъ занимательности, мы стараемся быть насколько возможно кратки и прежде всего уважемъ на ихъ мелочность и бѣдность, въ которой выражается мелочность и бѣдность нашей сельской жизни, на отсутствіе грамотности и всякаго понятія о своихъ правахъ, обязанностяхъ и законѣ, — такъ, что весь процессъ, волей или неволей, выносится изъ невообразимаго хаоса и вязкой грязи на плечахъ судьи.

Но какъ ни мелки, ни ничтожны эти дѣла, однако разборъ ихъ не рѣдко ставитъ судью въ весьма затруднительное, только-что не безвыходное положеніе, благодаря полнѣйшему отсутствію грамотности въ сельскомъ населеніи, послѣдствіемъ чего является, съ одной стороны, множество спорныхъ словесныхъ договоровъ, съ другой — масса письменныхъ условій и прошеній, не только безтолково изложенныхъ, но даже въ иномъ духѣ, противномъ желаніямъ сторонъ и составленныхъ деревенскими сутягами, тотчасъ же сметившими всю выгоду вновь открывшейся пожизны отъ размноженія вѣлузъ и быстро разставившими свои сѣти, въ которыя волей или неволей, одни за другими, какъ покорное стадо попадаютъ и путаются темные люди. Эта эксплуатація грамотными неграмотныхъ, такъ сильно и замѣтно распространившаяся въ средѣ сельскаго населенія, невольно вызываетъ особенное сочувствіе въ немногимъ дѣателямъ нашимъ по дѣлу народнаго образованія, вмѣстѣ съ ожиданіемъ скорѣйшаго избавленія отъ этой язвы, язвы, вызывающей въ нашихъ реакціонерахъ отчасти справедливое опасеніе, что грамотность въ томъ видѣ, какъ она процвѣтаетъ у насъ, есть и будетъ ничего болѣе, какъ средство нѣсколькимъ негодьямъ эксплуатировать неграмотную массу. Только тогда можетъ установиться болѣе или менѣе правильное движеніе гражданскихъ дѣлъ въ глуши, когда разовьется грамотность въ средѣ нашихъ крестьянъ, когда они сами, а не съ чужого голоса, будутъ знать хоть нѣкоторыя правила составленія условій и будутъ въ состояніи знакомиться съ законами, а безъ этого возможенъ только хаосъ и нескончаемая эксплуатація грамотными, или точнѣе выражаясь, малограмотными, людей темныхъ и невѣжественныхъ.

Прежде всего и чаще всего въ обыденной жизни села бросаются въ глаза и непріятно поражаютъ: отсутствіе сколько-

нибудь опредѣленныхъ отношеній наемщика къ нанимателю, изъ которыхъ первый не считаетъ для себя обязательнымъ принятое имъ на себя условіе и произвольно нарушаетъ его, какъ только окажется лучшее мѣсто; а второй сознаетъ за собой единственную обязанность выдачи слѣдующаго жалованья и никакихъ другихъ обязанностей не признаетъ; полнѣйшее отрицаніе новаго начала, такъ неожиданно введеннаго въ нашу жизнь, т.-е. идеи господства закона и, наконецъ, преобладающее почти во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ желаніе «насолить ближнему», а вовсе не стремленіе отстоять свое законное право, и только этимъ желаніемъ «насолить» объясняется тотъ необычайный азартъ, съ которымъ накидываются другъ на друга наши истцы и отвѣтчики, не приводя никакихъ доказательствъ въ подтвержденіи своего иска, а только проникаясь страстной охотой какъ можно болѣе уязвить противника.

— Провалиться мнѣ сквозь землю и разрази меня Богъ на семь мѣстѣ, если Обуховъ не бралъ у меня десяти рублей и бочки! — голосить истецъ.

Отвѣтчикъ не сознаетъ долга, а также и того обстоятельства, что бралъ бочку.

— Пускай же подавится деньгами моими, а бочку пусть возьметъ себѣ — на гробъ пригодится, — уже неистовствуетъ истецъ.

— И тебѣ столько же мѣста нужно! въ свою очередь свирѣпѣетъ отвѣтчикъ, — ни денегъ, ни бочки я у тебя не бралъ, будь я анаема проклять, если бралъ, и не видѣть мнѣ лику Божьяго.

— Ты и то весь избожился!

— Я честнѣй твоей-то бабушки!

— Ну, нечего дѣлать, утѣшаетъ себя истецъ, одинъ разъ онъ меня обманулъ, а въ другой разъ можетъ быть Богъ приведетъ мнѣ обмануть: нынче такіа права!

Еще болѣе оскорбляется нравственное чувство мыслью, выраженной однимъ изъ трехъ разбиравшихся у меня товарищеско-кузнецовъ.

Суть дѣла заключалась въ томъ, что выручка, попавшая въ руки одного изъ товарищей, была имъ промотана и возвращена только послѣ продолжительныхъ убѣжденій и двухъ-часовой возни.

— Ладно, деньги-то попали къ тебѣ, — въ заключеніе замѣтилъ одинъ изъ обманутыхъ товарищей, завертывая въ тряпицу полученные наконецъ деньги: счастливъ твой Богъ; а попади онъ во мнѣ въ руки, ты какъ думаешь, я бы тебя еще больше потомилъ, небось походилъ бы ты за мной, вдоволь бы намаялся.

Необузданность и воинственный азартъ, при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ, доходятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до крайнихъ предѣловъ: выѣзжаешь въ поле для разбирательства гражданского дѣла «о нарушеніи владѣнія» произвольнымъ перенесеніемъ дороги съ одного мѣста на другое. Вашъ тарантасъ тихо подвигается впередъ въ сопровожденіи воинственной толпы заинтересованныхъ лицъ. Дорога, обрытая ямами, становится все уже и уже, и все болѣе напоминаетъ траншею Севастополя; наконецъ и ѣхать невозможно. Тарантасъ останавливается и позади между истцомъ, отвѣтчикомъ и свидѣтелями завязывается только-что не рукопашный бой, и для васъ становится ясно, что передъ вами открываются военныя дѣйствія двухъ сосѣдей и скорѣе происходитъ нарушеніе мирнаго положенія, нежели нарушеніе владѣнія.

Такъ же часто, какъ желаніе завоевать и «насолить», проявляется въ дѣлахъ гражданскихъ полнѣйшее незнакомство съ требованіями закона, съ его азбукой; такъ, напримѣръ, зачастую повторялись ни на чемъ не основанные и совершенно произвольные отказы въ принятіи только-что купленныхъ по условію сельскихъ продуктовъ; бессмысленныя нарушенія формальныхъ договоровъ о подрядахъ, поставкахъ и исполненіи какихъ-либо работъ, нескончаемые денежные займы на честное слово и безъ всякихъ росписокъ; продажа земли только-что отданной въ арендное содержаніе на продолжительный срокъ.

Пожилая дама, одна изъ тѣхъ небольшихъ помѣщицъ стараго закала, о которыхъ въ скоромъ времени останутся лишь одни воспоминанія, сдавши по условію свой участокъ земли одному врестьянину на десятилѣтній срокъ, въ то же время и не долго думавши запредаетъ тотъ же участокъ другому лицу.

Назначается разбирательство. Старушка, принарядившись въ какой-то бѣлый едва ли не спальный чепецъ и завернувшись въ громадную, цвѣтную шаль, вся проникнутая негодованіемъ и хорошо мнѣ знакомымъ воинственнымъ духомъ, какъ будто вызывающимъ на жестокій бой не только истца, но и самое правосудіе, твердо увѣривается на стулѣ возлѣ самой рѣшотки и пропуская мимо ушей всѣ мои убѣжденія, не покидаетъ его во все время разбирательства. Такъ и не встала почтенная старушка, считая, какъ она выразилась, «унизительнымъ стоять на одной доскѣ съ мужикомъ», и на всѣ доводы истца отвѣчая однимъ и тѣмъ же выраженіемъ, «что она вольна распорядиться своимъ добромъ какъ вздумается, и никто ей этого воспретить не можетъ».

Выслушавъ наконецъ мое рѣшеніе, состоявшееся въ пользу

крестьянина, старушка отерла градомъ катившійся съ лица ея потъ, укоризненно покачала головой и вѣроятно, по ея мнѣнію, весьма язвительно уколола меня тѣмъ, что я промѣнялъ «своего брата помѣщика на мужика». Но въ словахъ этихъ было столько искренности и непреклоннаго убѣжденія, что не было никакой возможности ими обидѣться, а напротивъ того невольную жалость вызывала эта хилая, но все еще бодрившаяся и воющая старушка, виноватая развѣ только въ томъ, что пережила свое золотое время и осталась среди новыхъ условій жизни, среди быстро идущаго и такъ неожиданно совершившагося обновленія, чѣмъ-то въ родѣ надгробнаго памятника невозвратному прошлому.

Не разъ также возбуждаемы были иски, скорѣе подходящіе къ разряду «невозможныхъ», нежели гражданскихъ; такъ, напримеръ: о взысканіи съ работника 3 р. 33 коп. за то, что тотъ, не подмазавъ однажды колесъ у тарантаса, едва не испортилъ лошади; о взысканіи съ бывшаго старосты 7 руб., отданныхъ крестьянину за работу, который впослѣдствіи можетъ ее дурно выполнить или вовсе не исполнить; о взысканіи съ крестьянъ 180 р. за канаву, проведенную ими на ихъ же собственной землѣ и т. д.

Само собою разумѣется, что въ массѣ дѣлъ и ежедневныхъ столкновеній съ народомъ было и не безъ свѣтлыхъ минутъ. Такимъ образомъ, на каждого свѣжаго человѣка должны отрадно дѣйствовать: довѣріе народа къ новымъ судамъ, окончательно подорвавшимъ въ его глазахъ волостной судъ, что уже само собою свидѣтельствуетъ о стремленіи народа къ правдѣ и строгой законности; постоянная готовность къ миролюбивымъ сдѣлкамъ даже въ ущербъ собственныхъ выгодъ; проявленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣдкаго прямотушія, умиающей мягкости, непоколебимаго здраваго смысла и желѣзной выносливости. Но для того, чтобы среди окружающей грязи и тины открыть чистый источникъ народнаго духа, нужно умѣть подойти къ народу, отбросить въ сторону запугивающій формализмъ, обращеніе съ высоты величія, отбросить тонъ и приемы полицейскаго чиновника, вмѣстѣ съ излишней галантерейностью въ обращеніи и забѣганіемъ въ глаза такъ-называемой «меньшей братіи», вызывающимъ въ крестьянахъ нашихъ однѣ насмѣшки и подозрительность.

Путь, на который мы только-что указали, есть самый прямой для достиженія возможнаго, то-есть нѣкотораго уваженія и довѣрія въ участіи, а также значительнаго облегченія своего собственного труда до такой степени, что сами собой исчезнутъ

какъ кляузы, такъ и самые кляузники, значительно смягчится воинственный духъ, устранился это общее стремленіе «насолить» другъ другу, а большинство изъ такъ-называемыхъ запутанныхъ, еще недавно нескончаемыхъ дѣлъ, перестанутъ быть таковыми—оказавшись какъ нельзя болѣе легкими и простыми.

Прошлымъ лѣтомъ поступило ко мнѣ исковое прошеніе сосѣдняго землевладѣльца: «о затопленіи его луговъ поднятіемъ колесъ сосѣдней мельницы». Тотчасъ же разсланы были повѣстки, а дня два спустя я уже ѣхалъ на разбирательство, мысленно причисляя настоящій случай къ самымъ «запутаннымъ» и живо вспоминая совершенно однородное близкое мнѣ дѣло, начатое при старыхъ патріархальныхъ порядкахъ. Едва замѣтно, съ какой-то подавляющей медленностью катилось оно около 3-хъ лѣтъ и точно комъ снѣга все болѣе превращалось въ какую-то страшную бумажную лавину, вызывавшую невольный ужасъ и желаніе, какъ можно скорѣе отказаться не только отъ всякаго вознагражденія за потопленные луга, но даже отъ самихъ луговъ.

Сверхъ всякаго ожиданія «запутанное дѣло» оказалось какъ нельзя болѣе легкимъ, и нѣсколько часовъ спустя, съ ногъ до головы проникнутый уваженіемъ къ новымъ порядкамъ, я уже возвращался обратно съ законченнымъ дѣломъ «о затопленіи и т. д.», въ портфель; а совершилось все это такъ просто и неожиданно, благодаря весьма горячему и одушевленному разговору, завязавшемуся во время отдыха между мельничнымъ хозяиномъ и понятными, разговору, совершенно выяснившему дѣло и кончившемуся тѣмъ, что хозяинъ, признавая себя виновнымъ, обязался опустить колеса въ 2-хъ-недѣльный срокъ.

Но заговоривъ о свѣтлыхъ проявленіяхъ народнаго духа, о чистомъ источникѣ среди окружающей грязи и тины, какъ нельзя болѣе легко и возможно впасть въ маниловскій тонъ, сдѣлать сладкіе глаза, и переносясь отъ одного пріятнаго предмета къ другому еще болѣе пріятному, занестись Богъ-знаетъ куда, утѣшаясь тѣмъ, что все обстоитъ благополучно, все умиляетъ и радуетъ.

Избѣгая фальшиваго тона, съ дѣтства набившаго намъ оскомину своей приторностью, мы обратимся назадъ, возобновивъ въ памяти читателя только-что указанные нами факты, далеко не утѣшительнаго свойства, факты правдивые, взятые цѣликомъ изъ быта «современной глуши» и неотразимо убѣждающіе насъ въ томъ, что кромѣ коноврадства, названнаго нами «язвою» сельскаго быта, существуютъ десятки подобныхъ, если не болѣе чувствительныхъ язвъ, подѣдающихъ самый корень этого быта;

все еще, хотя и въ видѣ исключенія, попадаютъ землевладельцы, готовые бѣжать отъ мировыхъ судей изъ своего отечества — въ Персію, или предъявляющіе иски, болѣе подходящіе въ разрядъ «невозможныхъ», нежели гражданскихъ; барыни, считающія унизительнымъ стоять при судовореніи на одной доскѣ съ мужикомъ: существуютъ церковно-служители, способные во всякое время превратить мирный приходъ въ Бородино; дьяконы, вызывающіе новую повинность дневного и ночного караула при ихъ особѣ; священники, штурмующіе камеру судьи или вторгающіеся въ раскольничій домъ; существуютъ почтенные старички, безъ суда и права два раза сряду наказывающіе розгами женщину среди бѣлаго дня на улицѣ; мужья, отрывающіе косы и пальцы у своихъ женъ и безнаказанно пробивающіе имъ головы обриту, или стегающіе ихъ кнутомъ; существуютъ отцы, выгоняющіе своихъ дочерей на морозъ въ послѣднемъ періодѣ беременности; существуютъ сидѣльцы, только-что выпущенные изъ острога, сидѣльцы, грабящіе при дневномъ свѣтѣ, — или превращающіе свои питейные дома въ какіе-то склады заложенныхъ и краденныхъ вещей; мѣстами существуетъ отчаянное, безпробудное пьянство, доходящее до того, что женщина, пропившая все свое платье, бѣжитъ нѣсколько верстъ по мятели босикомъ и въ одной сорочкѣ; существуютъ періодическіе пожары, мгновенно стирающіе съ лица земли одну деревню за другой; существуетъ гибельная орлянка; бросаются въ глаза упадокъ нравственнаго чувства семейнаго начала и понятія въ родѣ слѣдующихъ: «одинъ разъ онъ меня обманулъ, а въ другой разъ можетъ быть Богъ приведетъ мнѣ обмануть»; или: «ладно, деньги-то попали въ тебѣ, счастливъ твой Богъ, а падаи онѣ ко мнѣ въ руки, я бы тебя еще болѣе потомилъ»; существуетъ волостной судъ, отъ котораго сами крестьяне бѣгутъ къ мировымъ судьямъ и робко стучатся въ дверь для нихъ только запертую; замѣчается полнѣйшее непониманіе всей важности присяги, полнѣйшее незнакомство съ евангельскими истинами, а въ темномъ омутѣ постоянно бродятъ нелѣпые толки и ожиданія, и время отъ времени, точно пузыри, появляются лишненныя смысла секты и т. д., и т. д.

Итакъ, некрасива современная глушь, настолько некрасива, что cadaго мало-мальски зажиточнаго обывателя нашихъ весей такъ и разбираетъ охота, какъ можно скорѣе умчаться туда, гдѣ лучше — а между тѣмъ, какъ далеко ни умчись, а все-таки рано или поздно вернешься назадъ, непременно вернешься — и всѣ, волей или неволей возвращаются, если не жить, то умирать на родину.

Чѣмъ объяснить это тяготѣніе, какъ не тѣмъ, что родная мать, даже помимо воли нашей, все-таки остается для насъ самымъ близкимъ существомъ и порвать съ нею кровную связь не только трудно, но и невозможно, какъ бы она ни была некрасива и невѣжественна, какія бы болѣзни ни удручали ее; невозможно уже потому, что такъ или иначе, но каждый изъ насъ, волей или неволей, въ большей или меньшей степени, наследуетъ не только болѣзни матери, но и внутреннія и наружныя ея качества.

Само собою разумѣется, что всѣ эти язвы обусловливаются невѣжественнымъ состояніемъ народа, обстоятельствами, при которыхъ онъ росъ и нынѣ обрѣтается, и не столько пугаютъ самыя язвы, подѣляющія нашъ сельскій бытъ, какъ то обстоятельство, что о нихъ не знаютъ или не хотятъ знать, что они одними игнорируются, а другими, идущими еще дальше и уже порвавшими всякую связь съ народной жизнью и родиной, признаются врожденными нашему народу.

Опровергать подобную ложь было бы по меньшей мѣрѣ неумѣстно, тѣмъ болѣе, что каждый мыслящій человѣкъ, сколько-нибудь наблюдавшій складъ нашей общественной жизни, безъ всякихъ указаній и лишннихъ разглагольствованій понимаетъ, что нѣтъ никакой возможности разрывать нашъ народъ по словіамъ, придавая каждому изъ этихъ обрывковъ особаго достоинства или недостатки, что если лгать — такъ лгать на всѣхъ, лгать огудомъ, не дѣлая никакихъ уступокъ и исключеній.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго выясняется какъ тяжесть ноши, возложенной на плечи мирового судьи, такъ и неодолима трудность его призванія въ одно и то же время устранить произволъ, воскресить вѣру въ правду и равенство людей передъ закономъ (что и достигается въ нѣкоторой степени), поднять общественную нравственность и такъ сказать уврачевать язвы, причиненныя намъ нашимъ прошлымъ. Но гдѣ же найти людей, совмѣщающихъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для выполненія такой трудной задачи, способныхъ на такой подвигъ самоотверженія, тѣмъ болѣе, что вліяніе наказаній на улучшеніе нравовъ можетъ быть только косвенное, и возлагать на нихъ всю надежду, значило бы впасть въ величайшій абсурдъ.

Такого рода мысли неотступно преслѣдуютъ человѣка, увлеченнаго усердіемъ къ общему благу, къ дѣлу, съ которымъ несомнѣнно связана будущность цѣлыхъ поколѣній; за недоумѣніемъ обыкновенно слѣдуетъ раздраженіе, а тамъ усталость, охлажденіе, и тогда-то, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе,

перехода изъ одной крайности въ другую, отъ наказаній къ увѣщаніямъ, изъ затруднительнаго положенія въ комическое, самый энергическій дѣятель опустить руки и сознаетъ все свое безсиліе пособить бѣдственному положенію обреченнаго на тьму и невѣжество сельскаго населенія, безъ помощи другихъ развивающихся элементовъ, безъ сосредоточенія на нашемъ захолустьи серьезнаго вниманія людей вліятельныхъ по своему официальному положенію, людей умственно развитыхъ и вообще всѣхъ, интересующихся будущностью Россіи, безъ улучшенія экономическаго быта и благоустройства въ средѣ сельскаго населенія, безъ помощи церкви и школы. Но относительно школы необходимо сдѣлать еще оговорку, въ виду того, что на практикѣ существуетъ возмутительная эксплуатація полуграмотными — людей темныхъ и невѣжественныхъ; изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что цѣлью школы не должна быть одна грамотность, механически усваиваемая: народная школа, какъ и всякая школа, должна служить проводникомъ человѣческихъ идей и нравственной выработки характера и воли человѣка.

VI.

Мѣстная полиція, писъмоводители и сѣзды мировыхъ судей.

Стремленіе къ дѣятельности, и въ особенности къ дѣятельности общественной, представляется самой яркой, выдающеюся чертой настоящаго времени и не только въ столицахъ и городахъ нашихъ, но даже въ темной глуши, каждый, безпощадно ломая себя и свои десятками лѣтъ сложившіяся привычки, такъ или иначе старается примкнуть къ движенію и во что бы то ни стало, быть или казаться какъ можно дѣятельнѣе, энергичнѣе и полезнѣе. Даже слова «добрый», «пріятный», «хорошій человѣкъ», еще вчера бывшія въ такомъ ходу, какъ будто устарѣли для насъ, потеряли всякій смыслъ и, окончательно выброшенные изъ употребленія, замѣнены словами: «дѣятельный», «полезный» и «энергичный».

Каждая изъ послѣднихъ реформъ давала весьма чувствительный толчекъ нашему обществу; все мигомъ одушевлялось, суетилось, съ тѣмъ, чтобы вдоволь намучившись и наговорившись, какъ можно покойнѣе приладиться на своемъ тепломъ, насѣженномъ мѣстѣ и снова впасть въ обычную апатію.

То же самое случилось и съ нашей мѣстной полиціей, также внезапно ошеломленной и пробужденной новой судебной рефор-

мой, вводившей въ жизнь иные порядки, далеко несомѣстныя съ старыми.

«Полиція должна всѣми силами помогать мировымъ судьямъ, идти рука объ руку съ ними»; — настоятельно и не разъ повторялось въ центрѣ губерніи. — «Иди рука объ руку!» «рука объ руку!», подхватили исправники и становые, находясь въ полнѣйшемъ недоумѣніи и не понимая хорошенько куда идти, зачѣмъ идти, но уже готовясь какъ можно болѣе скакать, шумѣть и вообще быть какъ можно расторопнѣе и дѣятельнѣе.

Отчасти раздѣляя общее недоумѣніе, также мало, какъ и всѣ прочіе, и подготовленный къ предстоявшей дѣятельности, сидѣлъ я въ своей только-что устроенной камерѣ и не безъ тоски ожидалъ посѣтителей.

Прошелъ день, наконецъ три дня, а дѣлъ никакихъ. Мой письмоводитель, созданный такимъ образомъ, что неминуемо долженъ былъ или работать или пить горькую, замѣтно приунылъ, бросая грустные взгляды въ 'ту сторону, гдѣ предполагался городъ съ его «Византіями» и «Синопами». Но вотъ въ одно холодное майское утро, небывалый шумъ поднялся на моемъ уединенномъ хуторѣ, собаки какъ-то особенно лаяли, люди говорили такъ громко, какъ можетъ только говорить одушевившись и собравшись въ кучу православный людъ. Я взглянулъ въ окно и глазамъ моимъ представилась телѣга, запряженная парой лошадей; два мужика, изъ которыхъ одинъ былъ въ желтомъ чепанѣ и съ знакомъ сотника на груди, и согбенная, женская фигура, высоко сидѣвшая на телѣгѣ и такимъ образомъ выдававшаяся изъ толпы дворовыхъ людей, съ любопытствомъ разсматривавшихъ прїѣзжую. И въ самомъ дѣлѣ это была дивовинка въ однообразной жизни обитателей моего хутора. Краска удовольствія выступила на блѣдномъ лицѣ письмоводителя. Все забѣгало, засуетилось и наперерывъ спѣшило сообщить мнѣ, «что привезли подсудимую, бѣглую, безпаспортную женщину подъ карауломъ». Я поспѣшилъ занять свое мѣсто и приступить къ разбирательству перваго встрѣтившагося дѣла; а два мужика ввели въ камеру тощую, среднихъ лѣтъ женщину, съ посинѣвшимъ отъ холода лицомъ, выражавшимъ недоумѣніе, подбитымъ глазомъ, одѣтую въ коротенькія, желтыя рубища, съ ветхой красной шалью на головѣ. Изъ протокола полиціи оказалось, что Ѳедора Потапова (такъ называлась обвиняемая) родилась въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ и жила постоянно, пока не вышла замужъ за какого-то нижегородскаго мѣщанина, по прошествіи года неизвѣстно куда скрывшагося и захватившаго съ собою паспортъ жены, — оказавшейся, такимъ образомъ, въ своей же

деревнѣ, лицомъ, проживающимъ безъ письменнаго вида. Потапову взяли и стали возить по всему уѣзду; сидѣла она въ разнообразнѣйшихъ кутузкахъ, пока наконецъ добралась до меня. Послѣ разбирательства, обвиняемая, съ быстротою зайца, побѣжала по дорогѣ, но еще желтыя лохмотья виднѣлись на черномъ фонѣ полей, какъ съ громомъ и звономъ подкатилъ исправникъ.

Онъ на лету выпрыгнулъ изъ тарантаса и узнавъ, что дѣло о безписьменномъ проживаніи Ѳедоры Потаповой разобрано въ его отсутствіе, — выразилъ на лицѣ непритворный ужасъ. «Гдѣ же обвиняемая?» — спросилъ онъ, и когда узналъ, что она отпущена, то встревожился до послѣдней степени.

«Какъ отпущена? волновался исправникъ — да вѣдь ей не дадутъ 5-ти верстъ отойти и въ первой же деревнѣ мои сотники ее задержатъ!» — говорилъ онъ, какъ будто его сотники только о томъ и думали, какъ бы не пропустить Ѳедору Потапову безъ письменнаго вида. Въ заключеніе, неутомимый начальникъ полиціи убѣдительно просилъ меня всегда поджидать его къ разбирательству, — такъ какъ онъ намѣренъ не пропускать ни одного дѣла; возбуждаемаго полиціей, что строго предписано начальствомъ, изъявившимъ полную готовность, — тутъ исправникъ нѣсколько замаялся, но потомъ довольно бойко произнесъ: «идти рука объ руку съ мировыми учрежденіями». Уже исчезая въ своемъ тарантасѣ, исправникъ еще разъ напомнилъ Ѳедору Потапову и обращаясь ко мнѣ, вскричалъ: «а Потапову уже навѣрно задержали и ведутъ къ вамъ обратно!» Но вотъ уже прошло около трехъ лѣтъ, какъ я напрасно поджидая не только Ѳедору Потапову, но и ретиваго исправника, вскорѣ переведеннаго въ сосѣднюю губернію.

Итакъ, первое время послѣ введенія мировыхъ учреждений ознаменовалось безпримѣрной, энергической дѣятельностью мѣстной полиціи, и каждая почта привозила цѣлыя кипы дознаній и отношеній; но вскорѣ одинъ изъ станowychъ, оказавшійся вполне негоднымъ, былъ отрѣшенъ отъ должности, а другой, какъ бы въ противоположность первому слишкомъ рьяный, кипятившійся изъ-за каждой бездѣлицы и при этомъ наивнѣйшимъ образомъ наводившій справки о томъ, «можно ли въ настоящее время по старому вздуть мужика», — прежде времени кончилъ свою, какъ онъ выражался, «собачью жизнь», полную нескончаемыхъ тревогъ и непрерывныхъ вспышекъ.

На сцену выступили два новыхъ дѣятеля: одинъ изъ нихъ отличался порядочностью, мягкостью манеръ и носилъ на лицѣ своемъ вѣчный, неумолкаемый протестъ на то, что онъ, таковой

приличный и пріятный въ обращеніи, попалъ въ становые; между тѣмъ какъ его товарищъ, прицѣпивъ шпоры, подобралъ тройку такъ-называемыхъ «опальныхъ» лошадей и возгорѣвшись ревностнымъ желаніемъ дѣятельности, какъ метеоръ леталъ изъ одного конца уѣзда въ другой.

— Лихой становой! днюетъ и ночуетъ въ тарантасѣ и взятокъ не беретъ,—толкуютъ въ уѣздѣ.

Эти толки дошли до ушей станового и окончательно вскружили ему голову. Онъ бросаетъ въ сторону текущія дѣла, всякую переписку и сосредоточиваетъ всю свою энергію въ постоянной скачкѣ по уѣзду. Скачетъ онъ по улицѣ, видитъ у окна крестьянской избы стоитъ баба съ мѣшкомъ на плечѣ и проситъ милостыню.—«Стой! сотникъ, веди ее къ мировому. Зачѣмъ и кто эта баба?»—сотникъ не знаетъ, но повинуется и ведетъ, а между тѣмъ ямщикъ станового съ непостижимой яростью накаливаетъ пристяжную. Мужики издали снимаютъ шапки.—«Становой скачетъ»! раздается по селенію, всѣ въ волненіи; только служивый продолжаетъ хладнокровно курить свою трубку.—«Стой! сотникъ, веди его къ мировому»! Сотникъ тащитъ служиваго; но ни обвиняемый, ни обвинитель не знаютъ, зачѣмъ пришли и что подлежитъ разбирательству,—а становому до этого нѣтъ дѣла. Онъ уже далеко въ другомъ селеніи, гдѣ превращаетъ въ блинъ фізіономію сотника, не открывшаго, по его приказанію, виновнаго въ подкинутіи ребенка и мчится далѣе.

Но избитый сотникъ бѣжитъ къ ближайшему мировому и приносить жалобу; тотъ въ недоумѣніи, что предпринять въ настоящемъ случаѣ: съ одной стороны его возмущаетъ безжалостная, ничѣмъ невызванная кулачная расправа въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ верстахъ отъ его камеры; съ другой же стороны, ему хорошо извѣстно, что полицейскій чиновникъ, находившійся при исполненіи обязанности, разъ навсегда застрахованъ отъ всякаго вмѣшательства мирового судьи. Колебаніе кончается тѣмъ, что о случившемся составляется актъ и передается губернскому прокурору.

Само собою разумѣется, что вмѣшательство судьи остается безъ всякихъ послѣдствій, а между тѣмъ ободрившійся становой немедленно открываетъ военныя дѣйствія, пишетъ судѣ весьма колкія бумаги; тотъ отвѣчаетъ ему ни къ чему неведущимъ предостереженіемъ. Отношенія становятся все болѣе и болѣе натянутыми, и напрасны всѣ старанія судьи вразумить исправника, что «энергическій дѣятель» неминуемо втянетъ его въ бѣду; тотъ недовѣрчиво улыбается до тѣхъ поръ, пока въ уѣздѣ не совершается катастрофа, имѣвшая послѣдствіемъ немедлен-

ное удаленіе отъ должности энергическаго дѣятеля и сильный нагоняй исправнику.

Вакантное мѣсто занять новый дѣятель изъ числа несчастныхъ людей, подверженныхъ періодическому запою, послѣдствіемъ чего является вначалѣ невообразимый хаосъ, а потомъ полнѣйшее замираніе и продолжительная остановка текущихъ дѣлъ. Рука мѣстной полиціи, такъ искренно протянутая вначалѣ, замѣтнымъ образомъ ослабѣваетъ, принимается назадъ, а вскорѣ и совсѣмъ исчезаетъ, оставивъ въ вашихъ услугахъ однѣ волостныя правленія, такъ или иначе продолжающія помогать судьѣ, до тѣхъ поръ пока «несчастный человѣкъ» не замѣняется новымъ становымъ, на этотъ разъ весьма порядочнымъ и надежнымъ.

Та же самая исторія повторяется и въ другихъ участкахъ и городахъ. Всюду слышится справедливыя указанія на неспособность и апатію полицейскихъ чиновниковъ; всюду одно и то же, за исключеніемъ тѣхъ благодатныхъ мѣстъ, гдѣ сами мировыя учрежденія, принявъ мѣстный патріархальный отпечатокъ и нарядившись въ халатъ и спальные туфли, заодно съ полиціей представляютъ скорѣе тѣсный пріятельскій кружокъ, болѣе озабоченный пріятнымъ, нежели полезнымъ препровожденіемъ времени, кружокъ, живо напоминающій золотое время барской жизни съ нескончаемыми разѣздами по имениямъ, отѣзжимъ полямъ и престольнымъ праздникамъ.

Такимъ-то образомъ постепенно и въ явномъ вреду для дѣла, для пользы общественной, разстаются какъ будто соединившіяся въ началѣ руки и восясь расходятся въ разныя стороны мировыя учрежденія и мѣстная полиція. Одни, то-есть мировые судьи, при хорошемъ составѣ, съ тѣмъ, чтобы служить дѣлу, а другіе съ тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе тормозить его.

Изъ всего только-что высказаннаго нами о полиціи, само собою явствуетъ, что настоящій составъ ея представляетъ мало утѣшительнаго, хотя между чинами полиціи встрѣчаются личности способныя и честныя; что въ большинствѣ случаевъ полиція не только помогаетъ, но тормозитъ дѣло; что энергія, выражающаяся кулачною расправой и нескончаемой руганью, рядомъ съ мировыми учрежденіями, принявшими совершенно иной тонъ, не только неумѣстна, но окончательно подрываетъ достоинство полиціи и роняетъ ее въ глазахъ общества; что неблагонадежныя полицейскіе чиновники, совершившіе что-либо выходящее изъ ряду вонъ, немедленно удаляются отъ должностей. Все это извѣстно всѣмъ и каждому, также какъ и то обстоятельство, что въ настоящемъ своемъ положеніи и составѣ, мѣст-

ная полиція ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи достигнуть болѣе отрадныхъ результатовъ и удовлетворить современнымъ и какъ нельзя болѣе справедливымъ требованіямъ.

Отказываясь вѣрить въ невозможность достиженія лучшаго, мы твердо убѣждены, что привлеченіе въ составъ мѣстной полиціи людей иного склада, болѣе мирныхъ, нежели воинственныхъ, болѣе исполнительныхъ, нежели суетливыхъ, людей способныхъ внушать довѣріе и уваженіе, а не поддерживать только сотнями лѣтъ сложившагося чувства непреодолимаго страха и опасенія за неприкосновенность бороды и личности, людей, способныхъ сохранить человѣческое достоинство, какъ при исполненіи своей обязанности, такъ и внѣ ея; наконецъ, призваніе къ исполненію полицейскихъ обязанностей волостныхъ старшинъ, ихъ помощниковъ, а также способнѣйшихъ изъ обывателей въ качествѣ сотниковъ и десятниковъ, съ вознагражденіемъ и поощреніемъ ихъ къ ревностному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей—все это вмѣстѣ, при нѣкоторой энергіи лицъ, стоящихъ во главѣ администраціи, быстро выдвинуло бы впередъ мѣстную полицію, поставивъ ее въ полную возможность идти дѣйствительно рука объ руку съ мировыми учрежденіями.

Что же касается до нашей сельской полиціи, т.-е. сотниковъ и десятниковъ, то о нихъ можно сказать то же, что о нашихъ проселочныхъ дорогахъ, по которымъ можно ѣздить только тогда, когда сухо, по которымъ едва пройдешь при первомъ дождѣ, а при продолжительномъ ненастьи и вовсе ѣздить нельзя, такъ что всякое сообщеніе прекращается и каждому обитателю глуши уже становится ясно, что собственно проселочныхъ дорогъ нѣтъ и даже никогда не было, а только указаны мѣста, гдѣ онѣ должны быть, назначены мѣста подъ дороги и ничего болѣе. Такъ и наша сельская полиція: видятъ ее и знаютъ только тогда, когда горизонтъ ясенъ и свѣтелъ; при первой тучкѣ она уже въ тупикъ стала, а тамъ и совсѣмъ ступевалась, и каждый убѣждается, что сельской полиціи вовсе не существуетъ, или же существуетъ она единственно для веселыхъ разговоровъ и анекдотовъ.

Невольнымъ образомъ сталкиваясь съ полиціею, большинство мировыхъ судей въ то же время несетъ на плечахъ своихъ еще болѣе тяжкую ношу въ образѣ своего письмоводителя, выборъ котораго представляетъ почти непреоборимыя затрудненія.

Не нужно имѣть много наблюдательности, чтобы замѣтить слабую подготовку мировыхъ судей, особенно въ отношеніи канцелярскихъ порядковъ, а потому выборъ надежнаго письмоводителя въ первое время имѣлъ весьма важное значеніе, тѣмъ

болѣе что каждому были памятны тѣ справедливыя нареканія, которымъ подвергались мировые посредники, благодаря возмутительнымъ продѣлкамъ ихъ письмоводителей, занимавшихъ какъ-то неопредѣленное положеніе, весьма подходившее къ лакейскому.

Приступивъ къ поискамъ письмоводителя, я предполагалъ приобрести въ немъ надежнаго товарища, который, раздѣливъ мое уединеніе среди снѣговъ и мятелей, въ то же время горячо сочувствовалъ бы моимъ служебнымъ интересамъ. Такой человекъ нашелся и явившись ко мнѣ, бойко предложилъ «честность и трудъ». Онъ былъ правъ, рекомендуя себя такимъ образомъ; мало того, онъ оказался человекомъ способнымъ, начитаннымъ и вообще далеко не дюжиннымъ, но въ то же время, хотя и весьма оригинальнымъ, но во всякомъ случаѣ горькимъ, несчастнымъ пьяницей. Оригинальность пьянства заключалась въ томъ, что письмоводитель могъ отвѣчать за себя только при существованіи работы, мгновенно напиваясь при первомъ ея отсутствіи. Такимъ образомъ, пока шли разбирательства, переписка, однимъ словомъ, пока было занятіе, все шло благополучно; но шагъ въ городъ, куда необходимо было являться на ежемѣсячныя сѣзды, какъ письмоводитель, скрывшись въ своей квартирѣ, съ невѣроятной быстротою напивался до такой степени, что болѣе походилъ на помѣшаннаго, нежели способнаго и недюжиннаго человека. До сихъ поръ еще памятно мнѣ то волненіе, съ которымъ, бывало, подѣзжалъ я къ маленькому домику, въ которомъ жилъ письмоводитель, съ тѣмъ чтобы захватить его и везти въ деревню. Изъ воротъ выкатывалась какая-то странная, тщательно закутанная фигура и съ трудомъ забравшись въ экипажъ, молча падала рядомъ со мною и неподвижно, безсознательно лежала на своемъ мѣстѣ, не открывая глазъ. Затѣмъ обыкновенно слѣдовали два-три критическихъ дня, въ продолженіи которыхъ письмоводитель не могъ принимать пищи, ни подняться на ноги, ни написать одной строчки, такъ какъ привычная рука его дрожала и вмѣсто буквъ выводила какіе-то непонятные вензеля. Далѣе все принимало обычный видъ свой, и въ канцеляріи, не разгибая спины, трудился письмоводитель, а въ облакѣ табачнаго дыма неумолкаемо работало и трещало бойкое перо его. Потомъ онъ постепенно оправлялся, невольнымъ образомъ привлекая къ себѣ своимъ умомъ и крайней симпатичностью. Но эта иллюзія, также какъ и надежда на возможность обновленія, мгновенно разбивалась на слѣдующемъ же сѣздѣ, съ котораго мнѣ снова приходилось везти нѣчто бессмысленное и неподвижное.

Много заботъ и труда было потрачено мною на то, чтобы поднять этого человѣка; но все это оказалось бесполезнымъ, и мы разстались. Затѣмъ, вакантное мѣсто было занято человѣкомъ, неумѣвшимъ написать двухъ строкъ и въ то же время обладавшимъ единственною способностью раскланиваться на тысячу разнообразнѣйшихъ манеръ, отчего нисколько не выигрывала моя канцелярія.

Этого танцмейстера и искусника смѣнилъ человѣкъ слабый, неспособный и во всему этому одержимый неизлечимымъ запоемъ. Въ скоромъ времени большая часть вещей этого, очевидно больного человѣка, перешла въ ближайшій питейный домъ. Наглухо замкнулись ставни его квартиры; какъ враны, налетѣли мѣстные церковно-служители, и среди мирнаго селенія снова поднялись невообразимыя оргіи, послужившія предметомъ нескончаемыхъ толковъ для сельскихъ обывателей.

Все это для многихъ можетъ показаться мелкимъ, ничтожнымъ и незаслуживающимъ упоминанія, но такимъ образомъ позволительно разсуждать только тѣмъ, кто слегка соприкасался съ нашимъ захолустьемъ, и не утруждая себя лишними заботами о пользѣ общественной, смотрѣлъ на него изъ своего прекраснаго далека. Для тѣхъ же, кому по цѣлымъ мѣсяцамъ, при кучѣ другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, приходится взваливать на свои плечи исполненіе должности записнаго писмоводителя; для тѣхъ, кто отвѣчаетъ за его недобросовѣстность, кто, наблюдая мелочи, пришелъ къ тому печальному заключенію, что упраздненные суды оставили намъ въ наслѣдство цѣлое поколѣніе людей (изъ которыхъ волей или неволей набираются писмоводители мировыхъ судей), представляющихъ для всего общества какое-то тяжелое бесполезное бремя—для тѣхъ вопросъ о писмоводителяхъ, о скорѣйшемъ облегченіи участи судьи, перестанетъ быть мелочнымъ, а напротивъ того, часъ отъ часу становится болѣе важнымъ и серьезнымъ. Да, наконецъ, и самое сознаніе того, что у насъ въ настоящее время, даже при хорошемъ вознагражденіи, почти невозможно найти трезваго и честнаго писмоводителя, представляетъ уже фактъ далеко не утѣшительнаго свойства, фактъ, надъ которымъ стоить остановиться и призадуматься.

По всей вѣроятности не далеко уже то блаженное время, когда положенъ будетъ конецъ нескончаемымъ затрудненіямъ, встрѣчаемымъ мировыми судьями при выборѣ своихъ писмоводителей; мало того, намъ кажется, что должность писмоводителя рано или поздно должна быть первой ступенью, такъ

сказать школой для всѣхъ посвятившихъ себя служебной дѣятельности, а въ особенности судебному вѣдомству, для всѣхъ желающихъ добросовѣстно относиться къ дѣлу — такъ какъ только въ камерѣ уѣзднаго судьи можно познакомиться съ жизнью дѣйствительной, а также запастись опытностью и знаніемъ простонароднаго быта, безъ чего немислимъ ни адвокатъ, ни юристъ, ни администраторъ нашего времени. Какъ ни скучна, какъ ни бѣдна наша глушь, но при всемъ этомъ, она несомнѣнно владетъ на каждого подготовленнаго и сколько-нибудь развитого человѣка, терпѣливо пережившаго всю ея скуку и однообразие, неизгладимо хорошій отпечатокъ. Глушь—это пробный камень, это уже самоотверженіе и борьба, во всякомъ случаѣ возвышающая человѣка, это единственная точка соприкосновенія съ правдой, съ тѣмъ, что должно быть намъ всего ближе—съ нашей родиной; это единственная школа для тѣхъ, кто не желаетъ оставаться вѣчнымъ говоруномъ, какимъ-то чужимъ, либерально-мыслящимъ иностранцемъ среди своего отечества.

Наконецъ, глушь имѣетъ и то благотѣльное вліяніе, что волей или неволей вынуждаетъ cadaго узнать самого себя и измѣрить свои силы. Такъ или иначе, но только въ глуши съ такой поразительной ясностью всплываетъ наружу весь человѣкъ, со всѣми его достоинствами и недостатками, невольнымъ образомъ отбрасывая все напускное, ненужное, и превращаясь изъ крайняго въ умѣреннаго, изъ фразера въ дѣятельнаго и полезнаго человѣка.

Обращаясь къ мировымъ съѣздамъ, мы на этотъ разъ ограничимся лишь общими, болѣе характеристичными, болѣе выдающимися чертами ихъ дѣятельности.

Прежде всего съ понятіемъ о съѣздѣ, обыкновенно собирающемся въ городѣ, соединяется понятіе о судѣ гласномъ и публичномъ. Съѣздъ представляетъ едвали не единственное развлеченіе городскихъ обывателей, а дѣла, рѣшенныя съѣздомъ, вызываютъ нескончаемые толки, пересуды и нѣкоторое волненіе умовъ не только въ средѣ бѣднаго населенія, но даже въ нашихъ клубахъ и гостинныхъ; наконецъ, на съѣздѣ выступаютъ мѣстные адвокаты и ораторы, присутствуетъ товарищ прокурора, лицо совершенно независимое, и не стѣсняясь никакими побочными, часто вредящими дѣлу обстоятельствами, даетъ свое заключеніе.

Все это вмѣстѣ притягиваетъ на съѣздъ толпу болѣе или менѣе заинтересованныхъ лицъ, прислушивающихся къ рѣшеніямъ и приговорамъ, привлекаетъ до такой степени, что при

первомъ сколько-нибудь выдающемся дѣлѣ, помѣщеніе оказывается слишкомъ тѣснымъ, и нахлынувшая публика волей или неволей должна расходиться по домамъ. Ничего подобного не представляетъ одинокая, среди необъятныхъ полей, камера уѣзднаго судьи, куда и добраться не всегда возможно, особенно при весенней распутицѣ и зимнихъ мятеляхъ, куда заглядываютъ только члены семьи, да изрѣдка наѣзжающіе сосѣди, куда ѣдутъ и идутъ только по неволѣ и гдѣ въ большинствѣ случаевъ присутствуютъ тяжущіеся, судья да его совѣсть.

Такимъ образомъ, обладая широкой гласностью и публичностью, сѣздъ въ то же время отличается отъ суда единичнаго своею предполагаемой коллективностью; но такъ какъ уѣздные судьи являются только накануне сѣзда, усталые, пробѣжавшіе по нашимъ дорогамъ какихъ-нибудь 50 или болѣе верстъ, то все знакомство ихъ съ дѣлами должно ограничиваться быстрымъ докладомъ, изъ котораго (особенно при разбирательствѣ дѣлъ болѣе сложныхъ) ничего не сообразишь, ничего не вынесешь, кромѣ убѣжденія, что перевѣсъ всегда останется на сторонѣ предсѣдателя или лица его замѣняющаго, такъ какъ они имѣютъ полную возможность предварительно ознакомиться съ дѣломъ, и наконецъ, что предполагаемая коллективность въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть не что иное, какъ очевидное самообольщеніе.

Что же касается до признаковъ, по которымъ представляется нѣкоторая возможность опредѣлить достоинство сѣзда, какъ учрежденія, долженствующаго давать обществу судъ правый и милостивый, то по нашему крайнему разумѣнію однимъ изъ таковыхъ является самая полная и точная провѣрка рѣшеній отдѣльныхъ членовъ сѣзда, преимущественно свидѣтельскими показаніями, даваемыми предъ самимъ сѣздомъ, что дѣлается однако не всюду и что весьма важно, такъ какъ въ противномъ случаѣ прививается бумажный характеръ и самое дѣло теряетъ свою жизненность; другимъ же признакомъ можетъ служить отсутствіе такъ-называемаго «кумовства» и вообще пріятельскихъ отношеній между судьями. Какъ ни странно можетъ показаться подобное заключеніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что отсутствіе мирнаго элемента между судьями существуетъ на благо и на счастье общества, и потому-то въ тѣхъ благословенныхъ и по большей части отдаленныхъ отъ губернскаго города мѣстахъ, гдѣ съ каждымъ сѣздомъ все болѣе и тѣснѣе формируется пріятельскій кружокъ, живущій душа въ душу, гдѣ одинъ изъ членовъ говоритъ другому только пріятныя вещи, а другой отвѣчаетъ еще болѣе пріятными, тамъ не далеко уже

до дремоты, до допущенія разбирательствъ въ халатахъ и т. д., къ явному ущербу достоинства суда и общественныхъ интересовъ; напротивъ того, въ тѣхъ сѣздахъ, гдѣ замѣчается вѣчная агитація и лихорадочное напряженіе, гдѣ каждый изъ членовъ сѣзда увозитъ твердое намѣреніе присѣсть снова за уставы и кассаціонныя рѣшенія, чтобы не провалиться и не попасть въ просакъ, тамъ замѣчаются результаты діаметрально противоположныя, и всѣ правосудія менѣе подчинены какому-либо постороннему вліянію. Третій признакъ достоинства сѣзда—это упрекъ въ либерализмъ, но понятіе о либерализмѣ въ глуши—понятіе особаго рода: это не что иное, какъ отсутствіе старо-помѣщичьихъ взглядовъ, выражающееся въ точномъ примѣненіи священной буквы закона и въ мягкомъ обращеніи судей къ личности подсудимаго, что не всегда понятно для провинціальныхъ охранителей, считающихъ крутые приемы стараго времени не только простительными, но и необходимыми при отправленіи правосудія.

Мы уже замѣтили выше, что съ понятіемъ о сѣздѣ соединяется представленіе о большемъ или меньшемъ стеченіи людей. Тутъ и мировые судьи съ ихъ предсѣдателемъ, товарищъ прокурора, секретарь сѣзда и наконецъ публика, а потому, заговоривъ о сѣздѣ, необходимо хотя слегка коснуться каждой изъ его составныхъ частей, имѣющихъ свои отпечатки и свои типичныя стороны. Еще въ недавнее, но уже невозвратимое время, каждый изъ обитателей нашей глуши, даже помимо его желанія, пользовался какимъ-нибудь болѣе или менѣе лестнымъ, возвышающимъ качествомъ: одного прославляли «благороднѣйшимъ» собственно за поразительные усы и вьющіеся бакены; другого «ученымъ» за то только, что выписывалъ много книгъ, никогда не читая ихъ; третьяго, повидимому лишеннаго всякихъ достоинствъ и даже нѣсколько обиженнаго природою, и того разъ навсегда окрестили «добрѣйшимъ»; но болѣе всего производилось въ «умные» люди: кто хотя на волосъ голосистѣе, наглѣе и практичнѣе, кто соединялъ въ себѣ лисій хвостъ и волчьи зубы—того и провозглашали «умнымъ человѣкомъ».

Пришло время «освобожденія миллионѣ», началась трудная, сложная работа, потребовались посредники, члены комитетовъ, явился небывалый запросъ на дѣятельныхъ и умныхъ людей, но мертвое молчаніе было отвѣтомъ на призывъ: тѣмъ бывшихъ умниковъ не подали ни малѣйшаго признака жизни, какъ будто ихъ вовсе не было въ губерніи или они сами усомнились въ своихъ способностяхъ.

Наконецъ умные люди были отысканы. Такого одушевленія,

такого напряженія нравственныхъ и умственныхъ силъ никогда еще не испытывало наше провинціальное общество, точно могучій, освѣжающій вихрь промчался неизмѣримой гладью нашихъ равнинъ; наконецъ наступило затишье, складывался новый провинціальныи бытъ, опустѣвшій клубъ снова наполнился обычными посѣтителами: они всматривались другъ въ друга, пристально всматривались и все-таки не узнавали одинъ другого, до такой степени всѣ лица осунулись, пропитались желчью и перекрестились морщинами. Мѣсто прежнихъ патріархальныхъ отношеній замѣнило общее раздраженіе и какая-то необъяснимая, взаимная ненависть. Выступилъ совершенно новый типъ «умныхъ» людей въ провинціи, нисколько не похожій на отжившій и немѣющій съ нимъ ничего общаго даже въ отношеніи внѣшняго вида: умные люди блаженного времени были по большей части сложенія плотнаго, дышали здоровьемъ, самый обыкновенный разговоръ вели громкимъ голосомъ, болѣе приличнымъ при командованіи арміями, и во всему этому гордо несли свои гладко выбритые подбородки и орлиные носы, а входя въ общество они какъ-то мгновенно выростали, превращаясь изъ мелкаго въ крупнаго человѣка, и смѣло врѣзываясь въ массу, пролагали себѣ дорогу въ какой хотите тѣснотѣ; — а разъ усѣвшись на мѣстѣ тотчасъ же пускали такіе корни, обростали такимъ густымъ, славнымъ мохомъ, что не было физической возможности сдвинуть ихъ, и сидѣли они на облюбованномъ мѣстѣ до конца дней.

Совершенно противоположными признаками отличались умные люди, смѣнившіе первобытный типъ: это вѣчныя жертвы докторовъ и ихъ опытовъ, желчные, раздражительные, худые, слабые, обросшіе жидкими бородами; они не врѣзываются въ толпу, подобно броненосному судну, а наблюдаютъ ее издали съ вѣчной ироніей на лицѣ. Имъ и одушевляться вредно, а сдерживаться еще вреднѣе; веселье, въ особенности искренное, нестерпимо имъ, также какъ и скука, отъ которой ихъ просто тошнитъ; обыкновенныя мѣста ихъ на сѣздахъ и совѣщаніяхъ гдѣ-нибудь въ концѣ стола, въ тѣни, а въ клубѣ они непрѣмѣнно заберутся въ библіотеку, уткнутся въ книги или газеты, изрѣдка переглядываясь между собою по поводу глупостей, отпускаемыхъ посторонними посѣтителами. Отличительная, болѣе выдававшаяся черта ихъ характера—это презрѣніе къ захолустью и вообще къ окружающему невѣжеству и пошлости, и какая-то непреодолимая сила все толкаетъ и толкаетъ ихъ съ мѣста на мѣсто, и точно птицы перелетныя, не усидятъ они ни въ деревнѣ, ни въ городѣ, ни въ столицѣ, ни заграницей, такъ что жизнь ихъ болѣе кочующая, нежели осѣдлая.

Кочующихъ умниковъ смѣнилъ новый все болѣе и яснѣе выдающійся типъ, типъ людей отчасти одностороннихъ, но умѣющихъ мириться съ захолустьемъ и болѣе склонныхъ къ усидчивому труду, нежели къ бойкому фразерству или презрительному отношенію къ невѣжеству и окружающей пошлости. Людей этого типа сначала не замѣчали, потомъ съ свойственнымъ намъ скептицизмомъ окрестили «скучными», неспособными хватать звѣзды съ неба; а тамъ, когда потребовались труженики, новые дѣятели, о нихъ не только вспомнили, но даже большую часть изъ нихъ избрали въ мировые судьи.

Само собою разумѣется, что первые шаги только-что избранныхъ судей, попавшихъ въ эту должность случайно, безъ всякой подготовки, были какъ нельзя болѣе шатки и сопровождались частыми ошибками и промахами, что тотчасъ же вызвало гомерическій смѣхъ «кочующихъ умниковъ» и нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Но уже потому, что охотниковъ поглумиться, даже специалистовъ по этой части весьма много, а людей, жертвующихъ собою на служеніе общественной пользѣ въ какомъ-нибудь сельцѣ «Погибкѣ», слишкомъ мало, потому что и безъ того каждый изъ насъ находится въ постоянной готовности поднять на смѣхъ своего ближняго; каждый и безъ того способенъ подчиниться тому страшному унынію и отрицанію сколько-нибудь отрадныхъ сторонъ не только въ нашемъ настоящемъ, но и будущемъ, какъ будто распространенному въ самомъ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, и окончательно опустить руки; уже по всему этому неумѣстный смѣхъ какъ-то особенно непріятно и тяжело отзывался на этотъ разъ въ нашемъ захолустьи.

Говоря же вообще, большинство мировыхъ судей ведутъ свое дѣло какъ нельзя болѣе добросовѣстно, хотя въ дѣйствіяхъ ихъ и замѣчается отсутствіе научной подготовки и единства; такъ, напримѣръ, одинъ во что бы то ни стало тянетъ къ миролюбивымъ соглашеніямъ; другой какъ бы наперекоръ своимъ весьма слабымъ юридическимъ познаніямъ хочетъ стоять на почвѣ строгой законности и формализма; третій возлагаетъ излишнее упованіе на усиленные наказанія и крупные штрафы; четвертый, придерживаясь мудраго изреченія Екатерины Великой, обзывается крайне мягкосердечнымъ; пятый тенденціознымъ: онъ спитъ и видитъ скорѣйшее искорененіе существующаго зла и постоянно ломаетъ себѣ голову надъ тѣмъ, гдѣ именно скрывается его корень? Вотъ онъ рѣшилъ, что корень зла заключается въ пьянствѣ и недобросовѣстности сидѣльцевъ, и направляетъ въ эту сторону всю свою энергію; только и разговоръ

что, о сидѣльцахъ да кабакахъ, потомъ этотъ порывъ остываетъ до новаго открытія и т. д.

Но вѣроятно уже близко то время, когда всѣ эти, только-что указанныя нами особенности сгладятся сами собою, и наконецъ выработается болѣе однообразный и желаемый типъ мирового судьи.

Кромѣ участковыхъ судей въ составъ сѣзда входятъ и почетные мировые судьи, изъ коихъ небольшая часть, посѣщая сѣздъ, приносить ему существенную пользу; большинство же являются только въ рѣдкихъ случаяхъ, или же вовсе не показываются, разъ навсегда отказавшись принимать на себя какія бы то ни было порученія. Самая же видная роль въ сѣздѣ неоспоримо принадлежитъ его предсѣдателю. Предсѣдатель—это душа сѣзда, и его убѣжденія, правдивость, самостоятельность, невольнымъ образомъ кладутъ тотъ или другой отпечатокъ на самый сѣздъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность предсѣдателя, оставаясь весьма почетной и видной, въ то же время и по большей части соединяется съ величайшими затрудненіями, особенно въ провинціи, гдѣ въ составъ сѣзда почти исключительно входятъ только мѣстные землевладѣльцы, еще не имѣвшіе времени привыкнуть къ тому, чтобы стѣснять себя и педантически строго относиться къ принятой обязанности. Много такта и силы воли долженъ имѣть предсѣдатель, чтобы согласить всѣ интересы и удалить постоянно стоящую наготовѣ распушенность, тѣмъ болѣе, что всякое справедливое требованіе его и замѣчаніе о крупныхъ упущеніяхъ или крайней неаккуратности въ обращеніи съ поступающими деньгами, принимаются какъ личность, вызываютъ нескончаемый ропотъ на то, что «между порядочными людьми такъ-молъ не дѣлается», и наконецъ эти всѣмъ извѣстные уперки въ «генеральствѣ».

Все сказанное нами о мировыхъ судьяхъ, за исключеніемъ ихъ малой подготовки, можно сказать и о товарищахъ прокуроровъ. Оставаясь учрежденіемъ, какъ нельзя болѣе благодѣтельнымъ, въ особенности при слабомъ составѣ сѣзда, прокуратура въ то же время страдаетъ отсутствіемъ единства и точнаго пониманія своего назначенія. Такимъ образомъ, на практикѣ оказывается, что одинъ изъ товарищей-прокуроровъ страдаетъ излишней неувѣренностью и полнѣйшимъ отсутствіемъ дара слова; въ другомъ замѣчается исключительная склонность къ обвиненію; въ третьемъ къ оправданію, во что бы то ни стало; въ заключеніяхъ четвертаго проявляется видимое желаніе рисоваться и производить эффектъ; пятый тенденціозенъ; шестой,

по слабости характера, невольнымъ образомъ поддается провинціальному хлѣбосольству, и все болѣе и болѣе втягиваясь въ мѣстные интересы, наконецъ теряетъ всякую самостоятельность и независимость.

Что же касается до секретаря сѣзда, то роль, занимаемая имъ въ сѣздѣ, съ перваго поверхностнаго взгляда невидная и ничтожная, въ то же время имѣетъ за собой весьма серьезное, хотя и мало цѣнимое значеніе, такъ какъ непремѣнный членъ провинціальнаго сѣзда но большей части есть лицо номинальное, а предсѣдатель настолько заваленъ работой по своему участку, что не имѣетъ никакой возможности удѣлять много времени для наблюденія за дѣлопроизводствомъ, и выходитъ на практикѣ, что секретарь почти въ теченіи цѣлаго мѣсяца остается единственнымъ представителемъ сѣзда передъ обществомъ; наконецъ, что отъ той или другой порядочности и добросовѣстности секретаря, отъ тѣхъ или другихъ достоинствъ его такъ или иначе страдаетъ или выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи достоинство самого сѣзда.

Заговоривъ о мѣстныхъ «адвокатахъ», прежде всего нѣтъ никакой возможности уберечься отъ юмористическаго настроенія духа, невольнымъ образомъ вызываемаго ихъ составомъ, причемъ представляется полнѣйшая возможность подраздѣленія главнаго когтингента мѣстныхъ «адвокатовъ» на слѣдующія категоріи: адвокаты изъ-за куса хлѣба, промышленники и наконецъ адвокаты по вдохновенію.

Безцѣльно бродить по городу какой-нибудь бѣднякъ, оставшійся за штатомъ или просто праздношатающійся, но грамотный человѣкъ и все ломаетъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы половче запустить руку въ карманъ ближняго своего; вотъ онъ заходитъ въ ближайшую камеру судьи, слушаетъ, наблюдаетъ несчастное положеніе темнаго люда, неумѣющаго связать двухъ словъ, потомъ мгновенно озаряется счастливою мыслью, принимаетъ глубокомысленный видъ, совѣтуетъ, ловитъ жертву, убѣждаетъ перенести дѣло въ сѣздъ, а потомъ уводитъ въ питейный и пишетъ безграмотное прошеніе. Наступаетъ время разбирательства дѣла на сѣздѣ. Адвокатъ густо помадить голову, облекается въ новый сюртукъ, выпускаетъ бѣлые полисоны и въ такомъ видѣ стоитъ рядомъ съ своимъ довѣрителемъ.—Что вы имѣете сказать, спрашиваетъ его предсѣдатель.—Ничего-съ, отвѣчаетъ дебютантъ, отпуская низкій поклонъ и едва сдерживая свое ликованіе по поводу легкости, съ которой еще возможно на Руси обойти безграмотнаго мужика.

Далѣе, дебютантъ заучиваетъ нѣсколько рѣшеній кассационнаго департамента, суетъ ихъ куда попало и начинаетъ разбѣзжать по камерамъ уѣздныхъ судей. Одинъ изъ такихъ дебютантовъ, пріѣхавшій ко мнѣ защищать дѣло зажиточнаго крестьянина, такъ и не могъ быть извлеченъ изъ-подъ телѣги, куда забрался спать въ пьяномъ образѣ; а другой, послѣ уничтоженія довѣренности, примчался ко мнѣ вмѣстѣ съ противной стороной и во что бы то ни стало добивался утвержденія мировой сдѣлки. Но нѣкоторые изъ дебютантовъ идутъ далѣе и ведутъ свои дѣла съ такимъ успѣхомъ, что являются на сѣздъ все болѣе и болѣе напомаженными и прилично одѣтыми, а съ языка ихъ уже срываются весьма и весьма бойкія и закругленные фразы. Еще шагъ, и такой господинъ примыкаетъ къ промышленникамъ и уже съ презрѣніемъ относится къ своимъ бывшимъ собратамъ — адвокатамъ изъ-за куска хлѣба.

Адвокаты — промышленники, въ составъ коихъ входятъ: оставшіеся за штатомъ, но уже болѣе крупные чиновники и старыя дѣльцы, могутъ быть раздѣлены на сытыхъ и голодныхъ. Сытый отличается степенностью, толстой золотой цѣпью съ множествомъ печатей, мѣшковатымъ долгополымъ скюртукомъ, смотритъ онъ изъ подлобья, говоритъ мало, пишетъ много и дѣльно, а дѣла по большей части выигрываетъ; напротивъ того, голодный отличается крайней суетливостью, узкимъ чернымъ фракомъ, съ которымъ не разстается ни днемъ ни ночью, его можно встрѣтить вездѣ и всюду, въ клубахъ, театрахъ и гостиницахъ, куда онъ вторгается и съ согласія хозяина и помимо онаго; проницательный взоръ его имѣетъ въ себѣ нѣчто хищное, вѣчно стерегущее довѣрителя; онъ не подходитъ, а скорѣе подлетаетъ къ человѣку, выпуская на лету свои когти и какъ бы готовясь схватить добычу; онъ больше говоритъ, нежели пишетъ, говоритъ громко, безъ умолку, цвѣтисто и все однимъ и тѣмъ же тономъ, не разбирая ни мѣста, ни времени, а становясь передъ лицомъ присяжныхъ засѣдателей, только что не поетъ чувствительныхъ романсовъ, что не мѣшаетъ ему проигрывать большинство дѣлъ.

Что же касается до адвокатовъ по вдохновенію, то въ этой роли по большей части выступаютъ уже сходящіе со сцены «кочующіе умники». Онъ много пережилъ, увлекался, любилъ, кутилъ, онъ въ сущности человѣкъ умный, добрый, подъ вліяніемъ минуты готовый на самопожертвованіе; но ему наскучило потѣшать губернскихъ дамъ, или выступать въ роли озлобленнаго обличителя мѣстныхъ нравовъ, его тянетъ къ дѣятельности

болѣе видной, полезной, и въ то же время эффектной — и вотъ, въ одно прекрасное утро онъ покупаетъ портфель, уставы 1864-го года, слегка пробѣгаетъ ихъ, а двѣ недѣли спустя уже разбиваетъ въ прахъ стараго дѣльца, посѣдѣвшаго надъ кляузами и выигрываетъ дѣло, затѣмъ другое, третье; его привѣтствуютъ, одобряютъ, онъ окончательно входитъ въ роль и такимъ образомъ доказываетъ, что не боги горшки обжигаютъ и что быть лучшимъ адвокатомъ въ глуши вовсе не такая трудная вещь, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Мы уже замѣтили выше, что засѣданія сѣзда постоянно привлекаютъ весьма оживленную публику, отличающуюся крайнимъ разнообразіемъ типовъ и костюмовъ; все слушаетъ съ замѣтнымъ вниманіемъ, выражая свои впечатлѣнія при болѣе выдающихся свидѣтельскихъ показаніяхъ, или чтеніи курьезныхъ прошеній, сдержаннымъ смѣхомъ, а при первыхъ словахъ товарища прокурора, которымъ народъ придаетъ весьма важное значеніе, желаніемъ какъ можно ближе подвинуться впередъ и не проронить ни одного слова. Особенное вниманіе толпы постоянно вызывалось однимъ изъ товарищей прокуроровъ, можетъ быть и выходившимъ изъ своей роли, но въ то же время владѣвшимъ счастливой способностью придавать жизненный интересъ каждому дѣлу, превращая его изъ ничтожнаго въ интересное и занимательное. Этотъ свѣжій, неистасканный голосъ видимымъ образомъ производилъ сильное впечатлѣніе на народъ, — волосы встряхивались, до невозможности вытягивались шеи, раскрывались рты, поднимались уши, и сотни глазъ, какъ одинъ, впивались въ говорившаго.

Еще оживленнѣе представляется сѣздъ при разбирательствѣ такихъ дѣлъ, гдѣ были замѣшаны лица высшаго общества; въ такихъ случаяхъ армяки и чуйки окончательно вытѣснялись болѣе элегантными костюмами, первые ряды обыкновенно занимались дамами и самый сѣздъ болѣе напоминалъ губернскую гостинную, нежели присутственное мѣсто. Наконецъ публика, посѣщающая сѣздъ, можетъ быть подраздѣляемая на утреннюю, когда все бодрствуетъ, напрягаетъ слухъ и зрѣніе, и вечернюю, когда все дремлетъ, а подъ конецъ истомленные ожиданіемъ своей очереди истцы и отвѣтчики и вовсе засыпаютъ, такъ что судебному приставу зачастую приходится будить ихъ и призывать въ порядку.

Въ предыдущей главѣ мы выразили сомнѣніе въ томъ, чтобы единичныя усилія мировыхъ учрежденій были въ состояніи исцѣлить нашу глушь отъ всѣхъ историческимъ путемъ сложив-

шихся недуговъ; но это сомнѣніе не лишаетъ эти учрежденія той важной заслуги, которую они могутъ оказать и уже оказываютъ нашему обществу: серьезное отношеніе судьи къ своему дѣлу невольнымъ образомъ обязываетъ каждого строже смотрѣть на свои обязанности; честность и человѣчность его также точно прививаютъ честность и если не человѣчность, то на первый разъ хотя осторожность въ взаимныхъ отношеніяхъ между членами общества; святая правда, внесенная въ темную, полную подавляющаго хаоса жизнь нашего захолустья, устраняетъ неурядицу и на каждомъ шагу бьющую въ глаза ложь, наконецъ довѣріе простого народа къ судьямъ есть уже довѣріе къ тому сословію, изъ котораго онъ избранъ, есть уже не фантастическая, а какъ нельзя болѣе крѣпкая и надежная связь старшихъ и меньшихъ братій; по всему этому мировыя учрежденія, при нашей общей склонности къ апатіи, дремотѣ и обращенію вспять къ старымъ порядкамъ, пока еще есть единственная сила, противодействующая этимъ склонностямъ, сила постоянно дающая себя чувствовать и явнымъ образомъ содѣйствующая къ возбужденію и обновленію нашего общества.

Но какъ направлена будетъ эта благотворная сила въ послѣдствіи, какимъ путемъ она пойдетъ, что ожидаетъ ее впереди, жизнь или могила? Сплотятся ли въ мировыхъ учрежденіяхъ честные, энергичные и одушевленные дѣятели, или помѣшаютъ этому съ незапамятныхъ временъ гнѣздящіеся въ глуши интриги и партіи, и попадутъ они въ неумѣлыя, негодныя руки, а должность мирового судьи, опускаясь все ниже и ниже, низойдетъ до мѣста, связаннаго съ полученіемъ хорошаго оклада, и такимъ образомъ совершенно переродится на нашей почвѣ — вотъ вопросы, вызывающіе весьма понятное и въ то же время какъ нельзя болѣе тяжелое сомнѣніе, разрѣшить которое призвано наше земство, наши выборные люди, за одно съ вопросомъ о томъ, быть или не быть правдѣ на Руси.

Вотъ уже и конецъ нашему скитанію по темному глухому лѣсу, и грустно сознаться, что ничего отраднаго не вынесетъ читатель изъ всего нами разсказаннаго, не взирая даже на то, что лѣсъ все-таки весьма слабо и блѣдно отразился въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ, такъ какъ мы волей или неволей обошли его болѣе мрачныя и глубокія дебри. И какъ весело и легко становится на душѣ въ первую минуту, когда только выберешься изъ этихъ дебрей, изъ этой подавляющей тьмы и безобразнаго

хаоса, когда знаешь, что глушь осталась далеко за плечами и вдругъ, благодаря быстротѣ сообщеній, какъ бы чудомъ какимъ переносишься въ самый центръ цивилизаціи, гдѣ жизнь бѣжитъ какъ по рельсамъ и все соединяется для того, чтобы невольнымъ образомъ заставить васъ отраднѣе и съ надеждою глядѣть на наше настоящее и будущее; гдѣ существуетъ другая полиція, ночью свѣтло также какъ и днемъ, дома растутъ все выше и выше; гдѣ такъ легко замѣшаться въ толпу и утонуть въ ней, а на каждомъ шагѣ ожидаютъ и зовутъ всевозможныя развлеченія; гдѣ громадная вывѣска убѣждаетъ васъ въ существованіи просвѣщенія, а изъ оконъ магазиновъ глядитъ множество хорошихъ книгъ, трактующихъ о европейскихъ вопросахъ или предназначенныхъ для воображаемыхъ народныхъ школъ; гдѣ собираются такіе тѣсные, пріятные кружки развитыхъ людей, задавшихся мыслью не только догнать, но и перегнать Европу; гдѣ ежедневно читаешь газеты, невольнымъ образомъ усыпляющія васъ напѣвами о нашемъ процвѣтаніи и благоденствіи.

Да гдѣ же вамъ, при такихъ условіяхъ жизни, думать о нашей темной, робко зовущей глуши?!

В. НАЗАРЬЕВЪ.

На Волгѣ.

9-го ноября 1871 г.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

И

ОБРУСЕНІЕ.

IV*).

Польскій вопросъ въ послѣднее время породилъ у насъ большую литературу, но надо сказать, что литература эта состоитъ почти вся изъ передовыхъ статей въ газетахъ, корреспонденцій лицъ, недавно заѣхавшихъ въ западный край и въ Польшу, довольно сомнительнаго таланта романистовъ, въ родѣ г. Крестовскаго, со вчерашняго дня познакомившихся съ польскимъ вопросомъ, историческихъ трудовъ импровизованныхъ историковъ въ родѣ покойнаго Ратча, кое-какихъ отрывочныхъ выдержекъ изъ слѣдственныхъ бумагъ, въ родѣ статей, помѣщаемыхъ иногда въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Серьезныхъ историческихъ трудовъ, ни большого количества актовъ, ни записокъ дѣятелей, издавна слѣдившихъ за польскимъ вопросомъ, до сихъ поръ у насъ не появилось. Довольно характерно, что и самые публицисты, которые сдѣлали свою славу преслѣдованіемъ польской интриги, открыли ее уже во время самаго мятежа, прежде же занимались «открытіемъ Англіи», (и едва ли не съ большимъ успѣхомъ); что вообще большая часть трактующихъ о польскомъ вопросѣ принадлежитъ къ числу импровизаторовъ и новыхъ дѣятелей, весьма рѣдко мѣстныхъ жителей краевъ, бывшихъ ареною дѣйствій «польской интриги»; что въ послѣднее время, многіе,

*) См. выше: февр. 640 стр.

которые принялись за обсужденіе польскаго вопроса и даже за борьбу съ «польской интригой» ранѣе взрыва 1862—63 и особенно ранѣе изобрѣтенія теоріи обрусенія польскаго и, что еще страннѣе, русскаго края, вовсе сошли со сцены и замолкли. Нисколько не мудрено поэтому, что польскій вопросъ вовсе у насъ не былъ изслѣдованъ серьезно и безпристрастно, что большинство литературныхъ сужденій о немъ, принадлежа или новичкамъ-публицистамъ, корреспондентамъ и романистамъ, или импровизованнымъ дѣятелямъ, которые вмѣстѣ стали и собственными бардами и исторіографами, всего меньше можетъ пролить истинный свѣтъ на вопросъ. Господствующія о польскомъ вопросѣ въ послѣднее время мнѣнія могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: «польской интригой» поставленъ вопросъ о самомъ существованіи Россіи, у которой она хочетъ отнять всю западную, европейскую половину; обладая громадною ловкостью, эта интрига съ самаго раздѣла Польши (виленскіе исторіографы идутъ даже до временъ Ягелло) умѣла парализовать всѣ лучшія начинанія нашего правительства, морочить общество, входя въ сношенія и даже порождая самыя противуобщественныя у насъ элементы (панургово стадо), не говоря уже о нашихъ внѣшнихъ врагахъ, и постепенно «ополячивать» западный край. Передъ возстаніемъ 1862—63 г. польской интригѣ удалось отравить всѣ проявленія нашей общественной жизни, приобрѣсти вліяніе въ «высшихъ сферахъ», завладѣть всею либеральной журналистикой, породить нашъ такъ-называемый нигилизмъ, сепаратизмъ со всѣми ихъ вредоносными послѣдствіями. Въ виду этихъ дѣйствительно страшныхъ требованій польской интриги и особенно въ виду ея страшныхъ успѣховъ, дѣйствительно были бы необходимы противъ нея чрезвычайныя мѣры, — и если бы оказалось, что существованіе Россіи не можетъ быть ограждено иначе, какъ посредствомъ уничтоженія польской народности, то чувство самосохраненія заставило бы русскій народъ справедливо приняться за эту трудную и непривлекательную работу. Но дѣло въ томъ, что въ изложенныхъ представленіяхъ о польскомъ вопросѣ и «польской интригѣ» правда сильно подмѣшана фантазіями, вдобавокъ раздутыми самолюбіемъ «спасителей отечества», пугающихъ насъ преувеличенными страхами.

Дѣйствительно, передъ 1862—63 г. почти всѣ польскіе дѣятели и почти вся польская интеллигенція поставила вопросъ о восстановленіи Польши въ союзѣ съ Литвою до Днѣпра и Двины и даже дальше, до границъ Витебской и Могилевской губерній. Размѣры требованій были большіе, но еще изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ самыя требованія были такъ серьезны и страшны,

чтобъ вызывать столь серьезныя и долговременныя чрезвычайныя мѣры, какъ тѣ, которыя принимаются, а особенно требуются нашими «спасителями отечества» съ 1863-го года. Если поляки дошли до такихъ требованій, если имъ удалось ополчить въ извѣстной степени западный край (и въ особенности успѣшно, по всеобщему сознанию, именно со времени раздѣла Польши), то это случилось вовсе не вслѣдствіе особенныхъ усилій и искусства польской интриги, а вслѣдствіе нашихъ же собственныхъ старыхъ порядковъ. Не нашъ ли, въ самомъ дѣлѣ, старый порядокъ укрѣпилъ власть польскаго пана надъ русскимъ крестьяниномъ; не нашъ ли опять старый порядокъ роздалъ польскимъ вельможамъ, — напр., Браницкимъ, — въ крѣпость вольное населеніе даже городовъ, какъ напр., Бѣлая-Церковь? Не въ силу ли этого порядка погибли въ Литвѣ и Бѣлоруссіи сохранившіеся съ XVI—XVII-го вѣка, при всѣхъ гоненіяхъ поляковъ, зародыши русскаго католицизма и русскаго кальвинизма, и дѣло дошло до того, что католикъ и кальвинистъ тамъ стали синонимами поляка? Польская ли интрига запрещала католическимъ священникамъ проповѣдь на русскомъ языкѣ? Польская ли интрига лишала въ недавнее время позволенія ввезти въ Россію, десять лѣтъ тому назадъ напечатанный въ Берлинѣ, еврейскій переводъ на русскій языкъ Пятокижія Моисеева? Если въ чемъ-либо состояла польская интрига въ данныхъ случаяхъ, — которые мы еще не всѣ перебрали, — то ни въ чемъ другомъ, какъ въ искусномъ пользованіи и въ послѣдовательномъ проведеніи тѣхъ началъ политики, которыя господствовали еще недавно во всей Россіи и почитались для нея единственно пригодными и благодѣтельными? Въ самое послѣднее время всѣ попытки къ извращенію въ невыгодномъ для русскаго народа и государства смыслѣ хода крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ, всѣ эти порожденные польской интригой «виленскіе проекты» развѣ не ближайшимъ образомъ родственны съ тѣмъ, охватившимъ извѣстные слои нашего общества во всей Россіи, движеніемъ къ возстановленію хоть въ какой бы то ни было степени крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, движеніемъ, котораго органомъ была блаженной памяти «Вѣсть», старавшаяся подвести свои крѣпостническія поползновенія подъ начала рескрипта 13-го мая 1866-го года? То обезземеливаніе крестьянъ въ западномъ краѣ передъ 1863-мъ годомъ, которое производили тамъ польскіе мировые посредники и которое, будучи увѣнчано успѣхомъ, поставило бы дѣйствительно наше государство въ довольно затруднительное, если не опасное положеніе, — развѣ оно не шло параллельно съ подобными же стрем-

леніями къ устроенію нашихъ сельскихъ поземельныхъ началъ на англійскій манеръ, къ истинному будто бы «освобожденію крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ», стремленіями, которыхъ органами были «Русскій Вѣстникъ» и «Современная Лѣтопись», дававшія пріютъ гг. П. Бланку, Скарятину и т. п.? Если польскимъ мировымъ посредникамъ удавались ихъ замыслы нарушить Положеніе 19-го февраля 1861-го года, то не облегчалась ли, и даже не обусловливалась ли эта удача безгласностью нашей печати, среди которой громко провозглашались только клики публицистовъ, громившихъ «благодѣтелей изъ чужого кармана», «демократизирующихъ чиновниковъ, которые становятся между землевладѣльцами и крестьянами», и т. п. кликовъ, которыми полонъ былъ органъ, именовавшій себя и до сихъ поръ именующій себя представителемъ здравомыслящаго большинства русскаго образованнаго общества и ставящій себѣ въ особенную заслугу обличеніе польской интриги?...

Подобнаго рода вопросы можно бы продолжить для желающихъ до безконечности. Всѣ они сводятся къ главному пункту, что, такъ какъ прежній нашъ общественный строй былъ основанъ на крѣпостномъ правѣ, то не нужно было особенной интриги для того, чтобъ дать преобладаніе въ западномъ край *польскому* дворянству надъ *русскимъ* народомъ, равно какъ этому дворянству, а затѣмъ и самимъ вліятельнымъ русскимъ людямъ, увѣриться, что край, въ которомъ дворянство польское — польскій. А если это такъ, то какъ бы сильна ни была увѣренность польскихъ помѣщиковъ въ ихъ правѣ на западную Россію, но для парализованія этой увѣренности не было и нѣтъ надобности прибѣгать ни къ какимъ другимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, кромѣ тѣхъ, которыя ведутъ къ освобожденію русскаго населенія отъ юридической и экономической зависимости отъ не-русскихъ слоевъ, къ его просвѣщенію, къ облегченію его жизни и обезпеченію его собственности и личности общиннымъ и земскимъ самоуправленіемъ и хорошимъ судомъ. Что же касается до нравственной пропаганды русской народности, то здѣсь дѣйствительнымъ средствомъ можетъ оказаться только само-дѣятельность общества въ печати, въ церкви, такъ что здѣсь двигать обрусеніе можетъ также только освобожденіе мысли и слова русскаго общества отъ излишней опеки и стѣсненій. Организовавъ сельскій бытъ и поземельныя отношенія русскихъ массъ, устроивъ широкую систему русскаго народнаго образованія, освободивъ печать и церковную жизнь отъ произвола и опеки, русское государство можетъ смѣло сказать, что оно игнорируетъ не-русскіе слои населенія въ западно-русскомъ классѣ, и смѣло

ждать, пока тамъ нежелающіе признавать очевидныхъ истинъ и живущіе фантазіями, а не реальностью, отрезвятся. Послѣ обыкновенной и общей со всей Россіей гражданской организаціи западнаго края на началахъ, которыя легли въ основу преобразованій новаго времени, польскій вопросъ въ западномъ краѣ перестанетъ существовать, какъ что-либо серьезное, и станетъ во всякомъ случаѣ менѣе серьезнымъ, чѣмъ, напр., еврейскій вопросъ, потому что хоть никто изъ евреевъ и не кричалъ о присоединеніи западнаго края къ Палестинѣ, но за то многіе говорили и убѣждены, что этотъ-то край и есть новая Обѣтованная земля, да и самыхъ евреевъ тамъ больше, чѣмъ поляковъ. Разъ же вытѣсненный изъ западнаго края, польскій вопросъ перестаетъ быть «вопросомъ о существованіи Россіи, какъ европейскаго государства», а сводится на вопросъ о большихъ или меньшихъ правахъ на областную автономію края, имѣющаго 2—3 т. □ м., а безъ русскихъ и литовскихъ частей царства польскаго и того меньше,—въ государствѣ, занимающемъ болѣе 400,000 □ м., и о правахъ на національную жизнь и развитіе племени въ 3¹/₂ милліона въ виду болѣе 50.000,000 русскаго племени. Вопросъ польскій, въ виду всего того, становится совершенно ничтожнымъ, теряетъ свои грозныя размѣры, которые одни только и могли оправдывать необходимость чрезвычайныхъ мѣропріятій.

Если главный узелъ польскаго вопроса находится не въ Польшѣ, а въ западномъ краѣ, и если государство съ своей стороны разсѣкаетъ (оно уже и сдѣлало главное) его освобожденіемъ массъ русскаго народа отъ юридической и экономической зависимости отъ польскаго шляхетства, то вопросъ о культурной реакціи полонизму въ тѣхъ мѣстахъ рѣшается присутствіемъ и поведеніемъ тамошнихъ не-польскихъ культурныхъ слоевъ общества. Публицисты и исторіографы, разсуждавшіе въ послѣднее время «о польской интригѣ» и «обрусеніи» въ западномъ краѣ, представляютъ этотъ край очень уже опутаннымъ польской интригой, очень уже лишеннымъ русскихъ общественныхъ элементовъ, а эти элементы лишенными духа инициативы, такъ что иного вывода изъ ихъ разсужденій и повѣствованій быть не можетъ, какъ мысль о необходимости постоянно полицейско-административными мѣрами давить всѣ проявленія польской культуры, насаждать *такими же мѣрами* русскую и даже чистить самую народность русскаго населенія въ тѣхъ краяхъ. Такой характеръ разсужденій нашихъ публицистовъ и исторіографовъ о западномъ краѣ объясняется характеромъ самихъ писателей, которые или не жили въ краѣ, пока ихъ туда не вызвали

крупные олады жалованья, или же занимались отрывіемъ въ Россіи англійскихъ джентри и лордовъ (шляхты и магнатовъ), въ то время когда въ западномъ краѣ мѣстные русскіе люди на свой страхъ и по своей инициативѣ начинали культурную и общественную борьбу съ полонизмомъ и возрожденіе національнаго самосознанія въ народныхъ массахъ. Понятно, что прибывъ въ край, или взглянувъ на него только тогда, когда самымъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ представляется только казакъ, жандармъ или квартальный, записывающій имена пѣвшихъ въ костелѣ польскіе гимны, дамъ, носящихъ трауръ, пановъ, разговаривающихъ по-польски за игрою на билліардѣ, — историографы, корреспонденты и публицисты не обрѣли въ западномъ краѣ другихъ представителей русской культуры, кромѣ этого казака, жандарма и квартального; описанію ихъ подвиговъ, ихъ страданій отъ польской интриги посвящены были въ «Современной Лѣтописи», «Виленскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Голосѣ», столбцы и страницы; безъ этихъ подвиговъ, по понятіямъ названныхъ изданій, пропала бы и пропадетъ русская культура въ западномъ краѣ. Между тѣмъ, — а это особенно важно и для будущности возрожденія національнаго самосознанія въ западной Руси, — реакція полонизму въ тѣхъ краяхъ началась сама собою по общественной инициативѣ, началась людьми и направленіями, возникшими на мѣстной народной почвѣ, и притомъ въ то время, когда польскіе элементы въ краѣ не только не считались революціонными, а напротивъ — охранительными, и когда поэтому именно русскіе народные элементы и направленія въ краѣ западномъ считались революціонными.

Русскій народъ въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ малорусской и бѣлорусской вѣтвямъ русскаго племени. Издавна обѣ вѣтви имѣли своими культурными центрами Кіевъ и Вильну. Культурная роль Кіева извѣстна каждому, но не надо забывать, что и Вильна до самаго присоединенія къ Россіи была центромъ, напр., православно-русской, униатско-русской и даже католическо-русской печати. Отсталость кіевской духовной академіи, которую еще Ломоносовъ совѣтовалъ превратить въ университетъ, ослабила культурное значеніе Кіева для юго-западнаго края, до котораго русская народная культура могла доходить только изъ столичныхъ да изъ харьковскаго университета. Въ то же время кременецкій лицей вліялъ, какъ центръ польской культуры. Въ литовско-бѣлорусскомъ округѣ дѣло стояло еще неблагопріятнѣе: подъ бокомъ у Вильны не было даже такого университета, какъ харьковскій, въ Вильнѣ не было даже духовной академіи, а былъ польскій университетъ. Универ-

ситеть этотъ былъ закрытъ наконецъ, — равно, какъ и кременецкій лицей; вмѣсто нихъ былъ открытъ «для поляковъ» (какъ тогда говорили официально) университетъ въ Кіевѣ, — и этотъ университетъ сталъ опорою русской культуры въ край, гдѣ могли воспитываться мѣстные русскіе элементы, которые, расходясь по разнымъ должностямъ, особенно въ видѣ учителей въ гимназіи и училища, несли эту культуру въ край и способствовали пробужденію въ обществѣ и, насколько это было возможно, въ массахъ народа національнаго русскаго самознанія. Прочтите брошюру проф. Шульгина «Югозападный край въ послѣднее двадцатилѣтіе», — и вы увидите, что передъ возстаніемъ 1862—63 молодежь кіевскаго университета даже раньше пожилыхъ мѣстныхъ людей, а особенно раньше представителей общества въ другихъ краяхъ Россіи, разгадала цѣль польскихъ стремленій; она первая стала имъ противодѣйствовать, чѣмъ могла. Первый патріотическій русскій адрессъ, протестовавшій противъ ученія, что западный край — польскій, былъ поданъ въ 1861-мъ году кіевскими студентами, т.-е. за 1½ года до того, когда подача адрессовъ въ такомъ родѣ стала модной во всей Россіи. Кіевскіе студенты, вспомогаемые нѣкоторыми профессорами (главнымъ образомъ, г. Павловымъ) открыли въ противодѣйствіе польскимъ школамъ, которыя тогда устраивались по всему юго-западному краю и руководились тайнымъ польскимъ школьнымъ обществомъ (о которомъ была нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщена статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), воскресныя школы, — первыя воскресныя школы въ Россіи. За кіевскими школами послѣдовали такія же по всѣмъ почти городамъ юго-западнаго края, гдѣ были гимназіи и дворянскія училища (прогимназіи). Оканчивая университетъ и становясь общественными дѣятелями, бывшіе кіевскіе студенты несли съ собою народное русское направленіе по краю. Всѣ такіе факты показываютъ, что мѣра, какъ учрежденіе университета, гораздо больше вліяетъ на развитіе народнаго духа, чѣмъ всякія репрессаліи, — истина банальная, но въ несчастію забываемая многими патріотами, разсуждающими объ обрусеніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если бы, вмѣсто того, чтобъ закрывать университетъ въ Вильнѣ, его преобразовали въ русскій, то этотъ университетъ оказалъ бы такое же самое вліяніе на край сѣверо-западный, какое кіевскій имѣлъ на юго-западный. Сравните, напр., въ изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія замѣчаніяхъ на проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мнѣнія учителей и директоровъ гимназій кіевскаго и виленскаго учебнаго округа, поданныя въ 1861-мъ и 1862-мъ годахъ. Въ первыхъ вы видите вполне

ясное народное русское самосознаніе, во-вторыхъ, вы видите или не менѣе ясно высказываемыя польскія мнѣнія, которымъ изрѣдка противопоставляются русскіе, но болѣе чиновническіе, нежели народные аргументы. Когда первые говорятъ о мѣстной исторіи, традиціяхъ, народной рѣчи, какъ основахъ народнаго образованія, то разумѣютъ подъ этимъ русскую (малорусскую) исторію, традиціи, рѣчь, на которую именно указываютъ какъ на элементъ, на который надо опереться въ борьбѣ съ поляками. Между тѣмъ въ виленскихъ гимназіяхъ подъ словомъ мѣстный, народный, разумѣютъ польскій, подъ который, если кто вспомнить объ немъ, подводятъ и бѣлорусскій. Гимназіи виленскаго учебнаго округа были наполнены учителями-поляками, — и очень естественно: гдѣ было учиться русскимъ уроженцамъ края? Надо было ѣхать въ Кіевъ, или въ Петербургъ; — что не такъ стѣсняло поляковъ, элементъ болѣе богатый въ краѣ. За то, когда послѣ 1863-го года русская администрація задумала наполнить виленскія гимназіи русскими учителями, она должна была набирать кого попало, потому что, не говоря уже о хорошихъ, а просто университетски подготовленныхъ учителей, и во всѣхъ краяхъ Россіи скорѣе недостатковъ, чѣмъ изобиліе. Будь же впередъ виленскимъ университетомъ подготовлено извѣстное число русскихъ учителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, не было бы надобности и въ поголовномъ изгнаніи польскихъ учителей, потому что мѣра такая, какъ всякая поголовщина, во-первыхъ, несправедлива, а во-вторыхъ, надо сознаться, что между поляками, вслѣдствіе давнихъ педагогическихъ традицій, особенно между пожилыми, очень много хорошихъ педагоговъ; собственно же польское, непдагогическое вліяніе такихъ учителей было бы парализовано достаточно сильнымъ процентомъ русскихъ учителей, которые, зная край, его духъ и традиціи могли бы оказывать болѣе умѣлое противудѣйствіе польской пропагандѣ, чѣмъ импровизованный наборъ педагоговъ-обрусителей. Осмѣливаемся думать, что даже еслибъ въ Вильнѣ основался польскій университетъ, то и тогда развитіе мѣстнаго русскаго общества было бы болѣе облегчено, чѣмъ при отсутствіи всякаго высшаго учебнаго образованія въ краѣ: вѣдь образовались же лужицко-сербскіе національные кружки въ нѣмецкомъ лейпцигскомъ университетѣ, чешскіе и другіе славянскіе въ пражскомъ, бреславльскомъ, вѣнскомъ. То же самое могло произойти и въ виленскомъ университетѣ, закрытіе котораго не помѣшало нисколько Вильнѣ играть роль одного изъ центровъ польской литературы и притомъ самаго крайняго шляхетско-католическаго направленія, представляемаго гр. Ржевусскимъ. Теперь же только петер-

бургская духовная академія была мѣстомъ, гдѣ кое-какъ готовились и организовались бѣдные русскія силы, вызываемыя изъ сѣверо-западнаго края¹⁾.

Но какъ ни поздно началъ свою возбуждающую національное самосознаніе дѣятельность университетъ кievскій, какъ ни неблагоприятны были культурныя условія для края сѣверо-западнаго, а все-таки въ этихъ краяхъ совершенно самостоятельно возникла реакція полонизму, и мѣстныя русскія силы стали стремиться къ организаціи и культурной борьбѣ съ полонизмомъ на народныхъ началахъ. Эта реакція выразилась въ такъ-называемомъ украинофильствѣ и въ бѣлоруссофильствѣ. Довольно близки къ правильной оцѣнкѣ значенія этихъ направлений слова, которыми говоритъ объ нихъ г. Кояловичъ въ своихъ лекціяхъ о западной Россіи: «Было въ западной Россіи нѣкоторое время, что тамошніе образованные люди, усвоившіе польскую цивилизацію, пробовали самостоятельно взглянуть на свою сторону. Это было во времена виленскаго университета, который страшно полонизировалъ западную Россію, такъ полонизировалъ ее, какъ не полонизировали ее никакія польскія неистовства во времена польскаго государства, но который по естественному порядку развивалъ также въ немногихъ личностяхъ и *противуположное направленіе*. Вслѣдствіе того въ западной Россіи начала образовываться небольшая партія польскихъ людей, которые приходили къ сознанію, что и сами они не поляки, а тѣмъ болѣе не польскій—народъ ихъ страны. Они задумали возстановить (въ наукѣ) самостоятельность западной Россіи, и основали ее на слѣдующихъ началахъ. Они взяли старую идею политической независимости Литвы и полагали, что западная Россія можетъ выработать эту самостоятельность при той же польской-цивилизациі, только съ тою особенностью, что цивилизація эта должна проникать въ западную Россію свободно, естественно, безъ всякаго насильственнаго подавленія мѣстныхъ народныхъ особенностей. Такъ эта теорія высказывается довольно замѣтно въ трудахъ Даниловича, въ исторіи Литвы Нарбутта и въ сочиненіи Ярошевича «Картина Литвы». Дѣйствительное, прочное изученіе западной Россіи могло начаться только на западно-русской, *народной* почвѣ. Началось оно въ болѣе жи-

¹⁾ Достоинъ примѣчанія, что, когда недавно поднятъ былъ вопросъ объ основаніи русскаго университета въ Вильнѣ, наши патріотическіе публицисты возстали противъ этой опасной мысли изъ страха, чтобъ университетъ не привлечетъ польскую молодежь, и требовали учрежденія православной духовной академіи. Что за постыдное мажоріе!

ненной части Россіи, въ Малороссіи, въ той Малороссіи, которая не разъ выносила на своихъ плечахъ все западно-русское дѣло и до сихъ поръ такъ богата силами». Въ другомъ мѣстѣ, — «День» 1863 г., № 20, — г. Кояловичъ говоритъ, что «въ западномъ краѣ только и существуютъ самостоятельныя общественныя силы въ Малороссіи, въ группѣ малорусскихъ общественныхъ дѣятелей», — что вѣрно, если подъ словомъ «малорусскихъ» разумѣть не исключительно такъ названныхъ «украинофиловъ», которые хотя и начали реакцію полонизму въ наукѣ и литературѣ, но не исчерпываютъ всѣхъ силъ, выставленныхъ югомъ Россіи въ общественно-научной борьбѣ съ полонизмомъ, даже, напр., въ кievскомъ университетѣ. Здѣсь-то именно и началось серьезное изученіе западной Россіи. Помогло въ этомъ Малороссіи особенно слѣдующее обстоятельство. Значительная часть малороссійскаго племени находится на восточной сторонѣ Днѣпра. Подъ русскою властью оно могло сохранить всѣ свои силы; въ немъ развивались свободно передовые дѣятели изъ образованнаго сословія. Многіе изъ этихъ передовыхъ дѣятелей (гг. Мавсимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, Кулишъ) перешли на западную сторону Днѣпра и подняли народное дѣло противъ поляковъ. Они выставили богатые народныя силы, богатые народныя преданія, обратились къ исторіи и стали рассказывать великія дѣла Малороссіи, особенно казачкія. Теорія казачества многихъ плѣнила изъ нихъ. Казачество дѣйствительно много сдѣлало, но много также имѣло крайнихъ притязаній политическихъ. Нѣкоторые малороссы забывали это, забывали также и то, что казачество малороссійское совершенно отжило свой вѣкъ, и стали запутываться въ разныхъ теоріяхъ о самобытности Малороссіи. Теоріи ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, сами собою пали бы и посрамлены были бы малороссійскимъ же народомъ; но, къ сожалѣнію, имъ придали особенную важность, удостоили даже признать за ними значеніе политическаго дѣла и такимъ образомъ созданъ признакъ такъ-называемаго малороссійскаго сепаратизма, который усердно поддерживали и раздули въ общественномъ мнѣніи поляки (для нихъ это было очень выгодно). Нельзя не оплакивать, что ему придается искусственное значеніе и что опъ возводится даже на неподобающую ему степень политической вины и опасности! Это спутываетъ и парализуетъ многихъ лучшихъ малороссійскихъ дѣятелей, которые просто только любятъ свою родину и желали бы содѣйствовать правильному ея развитію.... Совершенно напрасно губятся или остаются въ бездѣйствіи прекрасныя силы малороссійскаго племени. Но можно надѣяться, что Малороссія одолѣетъ эти пре-

пятствія, покажетъ снова свою силу, которая такъ часто спасала всю западную Россію и которой ждетъ эта страна и теперь.

Въ преодолѣніи этихъ трудностей и вообще въ изученіи западно-русской жизни должна бы помочь Малороссіи—Бѣлороссія. Но къ сожалѣнію, бессилие Бѣлороссіи выразилось и въ ея литературныхъ дѣлахъ. Въ ней долгое время ничего не являлось¹⁾. Только случайно или инстинктивно взялись за разработку древнихъ памятниковъ древней западно-русской литературы. Путь этотъ оказывается самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни.... До сихъ поръ плохо уяснены древнія русско-славянскія начала жизни и тѣ особенности, какія выработаны восточною и западною половиною русскаго народа, когда они были въ разъединеніи. Оттого русскій человѣкъ часто ставитъ въ западной Россіи, какъ основное начало русской жизни то, что есть не болѣе какъ восточно-русская особенность позднѣйшаго происхожденія. Наконецъ, чаще всего просто забывается, что одинъ и тотъ же народъ, но раздѣлившійся на двѣ половины и прожившій долго въ этомъ раздѣленіи, не можетъ не выработать различій, которыя должны быть встрѣчаемы снисходительно и жить себѣ, пока имъ судить жить исторія. Какъ много зла происходитъ отъ непониманія этихъ простыхъ вещей можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Недавно въ западную Россію въ одну мѣстность пріѣхалъ на должность мирового посредника одинъ русскій, какъ видно—очень ревностный. Его вездѣ поражала неполнота русскаго элемента въ западной Россіи. Однажды онъ проѣзжаетъ близъ деревни и видитъ подлѣ нея большіе, въ нѣсколько сажень, кресты. Это латинское заимствованіе, но такое, которое требуетъ въ отношеніи къ себѣ большой деликатности, потому что очень близко къ православнымъ обычаямъ. Но усердный русскій не такъ смотрѣлъ на дѣло. Онъ собралъ народъ и сказалъ: руби кресты.... Такой невѣрный взглядъ на вещи часто сказывается и въ наукѣ и мѣшаетъ изслѣдовать западно-русскую жизнь

¹⁾ Считаемо не лишнимъ привести замѣчаніе г. Елагина, котораго статья, — писанная съ границъ бѣлорусскихъ въ «Днѣ» 1861-го года, особенно статья о Польшѣ и Литвѣ въ № 8, могутъ быть мѣриломъ, какъ ушла назадъ наша печать въ послѣднее время по части пониманія польско-русскаго вопроса, — замѣчаніе о томъ, какъ въ литературныхъ центрахъ въ Москвѣ не понимали необходимости изученія западно-русской исторіи. «Правда, говоритъ г. Елагинъ, наконецъ все образованное общество наше открыло, что Литва—Русь, но уже тогда, кажется (навѣрно), когда тамъ пѣлъ не бѣлорусскій Шевченко, а Мицкевичъ».—Прибавимъ, что первый высказавшій мысль, что въ старину было двѣ Руси, и что Литва—Русь, былъ Сеньковский.

въ цѣльномъ ея видѣ. Цѣльнаго, живого представленія западно-русской жизни естественно ожидать отъ мѣстной западно-русской литературы....

Г. Кояловичъ говоритъ преимущественно о наукѣ, но его начала сами собою обобщаются и на литературу вообще, съ поэзіей и беллетристикой, и на политику, — изъ которой онъ привелъ одинъ, но за то весьма характерный фактъ изъ исторіи сраженія обрусителей съ крестами въ западномъ краѣ въ 1864-мъ году ¹⁾. Имѣя въ виду преимущественно историческую литературу, г. Кояловичъ и изъ польско-литовской литературы говоритъ только о трудахъ ученыхъ изслѣдователей старины, которые выходили изъ идеи самостоятельнаго слитія (но самостоятельнаго) литавско-русской народности съ польскою. Но на массу образованнаго общества имѣла еще большее вліяніе литература художественная, которая возникла въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Западной Украинѣ подъ вліяніемъ такого же порядка идей. Мы разумѣемъ Мицкевича съ послѣдовавшею за нимъ литовской школой до Сырокомли включительно и школу украинскую, — Мальчевскаго, Б. Залѣскаго, Гоцинскаго, Словацкаго, Чайковскаго, Падури и критика ея М. Грабовскаго. Наиболѣе характерное изъ произведеній этой школы — поэма «Каневскій Замокъ» Северина Гоцинскаго (одинъ изъ зачинщиковъ возстанія 1830-го года), въ которой передаются въ оригинальной версіи событія гайдамачины. Объ этой поэмѣ вотъ что говоритъ одинъ историкъ польской литературы: «Каневскій замокъ» не только замѣчательное художественное произведеніе, но и знаменательный фактъ изъ исторіи польскаго общества. Съ такимъ безпристрастіемъ и безучастіемъ можно относиться лишь къ *безвозвратно прошедшему*, къ *окончательно умершему*. Поэма служитъ доказательствомъ того, что составъ общества измѣнился, что противоположности слились и перемѣшались, что «демоны разрушенія и соціальной войны возвратились въ адъ», что шляхетство и гайдамачество присмирѣли въ царствѣ тѣней, въ одной общей могилѣ, а на могилѣ этой играетъ поэтъ на мѣдныхъ струнахъ своей лиры, предсказывая лучшее, болѣе гуманное будущее.» Противъ такого отношенія къ украинскимъ преданіямъ, къ борьбѣ украинскаго народа съ польскою аристократіей ничего

¹⁾ См. объ этомъ повсемѣстномъ сраженіи въ «Днѣ» 1864 г., № 49. Любопытно, что многіе изъ крестовъ, не понравившихся чистителямъ русской народности въ западномъ краѣ, были поставлены крестьянами въ память 19 февраля 1861 г. «День» вообще помѣщалъ не мало бѣлорусскихъ жалобъ на нахваставшихъ чистителей русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ. См. особ. 1864 г., № 29.

нельзя бы было возразить, если бы только лира поэта не брянула на могилѣ.... крѣпостного состоянія, въ которой погребены были стремленія народа, если бы поэту не представлялось, что слились не противоположности обѣихъ сторонъ, а сгладились только характеристическія черты одной стороны, народной, русской,—которая теперь должна была подчиниться шляхетской и польской сторонѣ. А при такой постановкѣ вопроса втягиваніе въ польскую литературу и культуру (то же дѣлалось не только съ преданіями и пѣснями украинскими и бѣлорусскими, но и съ музыкой¹⁾, съ самымъ языкомъ) традицій и элементовъ народности племенъ западно-русскихъ, эксплуатація въ польскомъ духѣ такъ естественныхъ и прочныхъ въ человѣческомъ сердцѣ инстинктовъ, какъ любовь къ своему краю, къ его природѣ, жителямъ, ихъ пѣснѣ, рѣчи,—все это представляло страшную опасность для русскаго дѣла въ западной Руси. Рѣшившись дѣйствительно польская аристократія «сгладить соціальныя противоположности», т. - е. уничтожить крѣпостное право надъ народомъ, традиции котораго она хотѣла втянуть въ себя,—и тогда, быть можетъ, русской культурѣ и государству пришлось бы сказать «прости!» западному краю. «Къ сожалѣнію, или къ счастью, любезный читатель»—говоря словами Жуковского,—аристократія нигдѣ не хотятъ довести любовь къ пейзазамъ и идилліи, ни романтической интересъ къ выходящимъ изъ народа «гайдамакамъ» до отреченія отъ такихъ правъ, которыя мѣшаютъ осуществленію идиллій, до мирнаго исполненія тѣхъ программъ, которыя грубо и часто полусознательно задавали себѣ «гайдамаки». А это только и спасло народность западнаго края отъ превращенія въ мѣстную разновидность польской, какъ это слѣдовало по этнографической и исторической теоріи школы литовско-и украинско-польской.

Но какъ ни опасно стояло дѣло русско-украинской и литовско-польской народности, именно вслѣдствіе возникновенія въ польской наукѣ и искусствѣ литовской и польской школы,—отъ дѣйствія вилenskaго университета, кременецкаго лицея и т. п. польскихъ учебныхъ заведеній, мы нѣсколько разногласимъ съ г. Кояловичемъ, который видитъ только мрачную сторону, сторону опасности для русской народности во вліяніи этихъ учебныхъ заведеній и порожденныхъ ими направленій.

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что мы и до сихъ поръ не имѣемъ для малорусской и бѣлорусской народной музыки ничего похожаго на ту обработку, какую далъ Глинка великорусской, между тѣмъ, какъ половина оперы Мюнхшкенъ построена на украинскихъ мотивахъ.

Мы не ждемъ отъ исторіи скачкѣвъ и нарушенія естественнаго хода и въ то же время думаемъ, что, если извѣстное дѣло, какъ, напр., дѣло возрожденія русскаго народа въ западномъ краѣ, согласно съ естественными законами исторіи и правды, оно непремѣнно съ каждымъ шагомъ исторіи культуры будетъ двигаться впередъ даже тогда, когда бы кто-либо, не сознающій этихъ законовъ, вздумалъ бы тянуть это дѣло назадъ. Мы нисколько не сочтемъ удивительнымъ, что Нарбуттъ сталъ писать исторію Литвы, а не исторію Государства Россійскаго, что Мицкевичъ написалъ «Дзяды», а не «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», а Гоцинскій «Каневскій замокъ», а не «Юрія Милославскаго» и «Парашу Сибирячку». Но мы полагаемъ, что обращеніе польскихъ поэтовъ и историковъ отъ Польши къ Литвѣ, Руси, Украинѣ было уже началомъ «литовскаго и украинскаго сепаратизма» — отъ Польши; обращеніе, хотя и аристократическое еще, въ «хлопу» и его «пѣснѣ» было началомъ того движенія, которое уже и теперь сказывается по временамъ даже послѣ раздраженія событіями 1863 и тогдашняго положенія, принятаго народными массами противъ пановъ, — сказывается, особенно среди добродушныхъ пановъ Бѣлоруссіи и Литвы вопросомъ: да какіе мы поляки? что намъ Польша? Еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, — шагъ научный, художественный, политическій, — и аристократія западнаго края, разъ отвернувшая лицо свое отъ Варшавы къ родной Литвѣ, Бѣлоруссіи, Подоліи, Волини, Украинѣ, должна разорвать послѣднюю связь съ языкомъ и традиціями этой Варшавы. Шагъ трудный, — мы и не ждемъ его скоро, — но и въ нему уже начали замѣчаться приготовления, хотя очень маленькія, въ томъ, напр.: уже давно Ходаковскій собралъ чисто народныя украинскія пѣсни, а Жегота Паули и Вацловъ съ Омека и напечатали ихъ, несмотря на то, что въ пѣсняхъ этихъ народъ относится къ полякамъ вовсе не съ пріязнью, что Падура сталъ писать стихи уже по-украински; въ томъ, что среди польской молодежи передъ 1863-мъ годомъ появился надѣлавшій страшнаго шума и возбудившій ярость шляхетской печати, кружокъ *хлопомановъ*, правда переведшійся на двухъ-трехъ человекъ. А все это сводится къ тому, что отчаяваться за народное русское дѣло въ западномъ краѣ и надѣяться на спасеніе его только военнымъ положеніемъ и полицейской опекой нечего, если даже въ томъ, что представляло для него опасность, было зерно оборота въ нашу пользу. За насъ въ этомъ краѣ природа, земля и воздухъ, за насъ народный характеръ, который сохранила эта природа среди потрясеній, которымъ подобныя едва ли испыталъ на себѣ другой

народъ въ Европѣ, потрясеній отъ половцевъ, татаръ, турокъ, поляковъ, венгровъ и собственныхъ ошибокъ и неразвитости, наперекоръ которымъ народъ, едва ли имѣя и 25 лѣтъ споконныхъ, то-и-дѣло бѣгая отъ Карпатъ до Дона и обратно, сохранилъ языкъ, нравы, стремленія отъ Мономаха до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго до Гонты, отъ Гонты до сихъ поръ.

Довѣримся же естественному ходу исторіи, дѣлая посредствомъ внѣшнихъ мѣропріятій то, что только и можно дѣлать ими успѣшно: пресѣченіе революціонныхъ попытокъ и разрѣшеніе узловъ соціальныхъ,—а за тѣмъ, для окончательнаго обрушенія края призовемъ на помощь свободу слова, науку, искусство, и дѣло русской народности не только не пропадетъ, но пойдетъ успѣшнѣе. Не будемъ малодушно бояться, что всѣмъ этимъ воспользуются поляки. Пусть только дадутъ и они волю своей естественной любви къ своему краю, они сдѣлаютъ еще нѣсколько шаговъ къ сближенію съ нимъ и съ народомъ, поднимется и сдѣлаетъ нѣсколько и народъ западнаго края и центровъ Россіи,—изъ всѣхъ этихъ направленій силъ естественныхъ выйдетъ свободно та діагональ силъ, которая выразитъ собою не мѣстную и узкую, но дѣйствительно общую русскую народность, которой мы вправѣ ожидать съ тѣхъ поръ, какъ «Московское государство» превратилось силою исторіи въ Россійскую имперію, принявъ въ себя Бѣлую и Малую Русь и Литву съ сидящимъ въ нихъ и довольно естественно развившимся полонизмомъ. Тогда, быть можетъ, и бывшіе поляки въ западномъ краѣ послужатъ не орудіемъ сепаратизма, а звеномъ соединенія между Россіей и настоящей Польшей и родственнымъ съ нею католическимъ западнымъ славянствомъ. Широка перспектива и гордо бьется сердце, смотря на нее еще пока «яко зеркаломъ въ гаданіи!» Не будемъ же помрачать этой гордости, этого гаданія маловѣріемъ и прибѣганіемъ къ ненужнымъ и вреднымъ репрессаліямъ и опеѣ!

Впрочемъ, это дѣло будущаго. Вернемся къ прошедшему, на которомъ мы и основываемъ наши гаданія о будущемъ. Мы сказали, что при всемъ томъ, что литовское и украинское направленіе въ польской литературѣ, наукѣ и искусствѣ заключало въ себѣ начало поворота культурныхъ слоевъ западнаго края отъ Польши къ родинѣ и къ народу все-таки русскому, въ этомъ поворотѣ была и страшная опасность воспринятія и слѣдовательно поглощенія польской культурой элементовъ народности русскаго населенія въ западномъ краѣ. Опасность эта не могла быть устранена ничѣмъ другимъ, какъ обработкой и пробужденіемъ мѣстныхъ же народныхъ элементовъ и традицій,

но въ болѣе близкомъ въ народу духѣ, слѣдовательно и въ болѣе русскомъ. Должно было возникнуть русское украинофильство, русское бѣлоруссофильство, *русская хлопоманія*. И, — новое доказательство, что за насъ сама исторія работаетъ, на зло нашему невниманію и непониманію, — она явилась именно тогда, когда край западный былъ забытъ русскимъ обществомъ, въ центрахъ, притянувшихъ къ себѣ всю русскую культурную и общественную жизнь, — явилась, не только не помогаемая центрами и правительствомъ, но скорѣе преслѣдуемая ими. Вслѣдъ за открытіемъ харьковскаго университета, именно тогда, когда дѣятельность Мальчевскаго, Залѣсскаго, Гощинскаго, Мицкевича была въ полномъ цвѣтѣ, возникло на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Харьковѣ, Полтавѣ, Черниговѣ то направленіе, которое потомъ названо было украинофильскимъ, и которое поляки называли «хлопоманіей», усмотрѣвъ въ немъ болѣе социальное, чѣмъ національное значеніе (что въ свою очередь показываетъ, что и польскія стремленія въ западномъ краѣ имѣютъ тоже болѣе социальное, чѣмъ національное значеніе, а потому на социальной аренѣ должны быть и парализованы). Тамъ сдѣланы были попытки воспроизведенія жизни народа, живущаго по обѣ стороны Днѣпра на языкѣ этого народа, а не на томъ, на которомъ воспроизводили ее Мальчевскій, Залѣсскій и др., тамъ изданы были (гг. Цертелевымъ, Лукашевичемъ) памятники народной украинской и галицкой словесности, которые представляли народную исторію Украины не въ той формѣ, въ какой представляли ее писатели польской украинской школы. Вмѣстѣ съ переходомъ гг. Максимовича, Костомарова, Метлинскаго, Кулиша на правый берегъ Днѣпра, въ Кіевъ, это этнографо-историческое и литературное направленіе перешло и туда. Результатомъ изысканій названныхъ лицъ на новой аренѣ было собраніе новыхъ этнографическихъ и историческихъ данныхъ, которыя представляли исторію отношеній украинскаго народа совершенно наперекоръ идеямъ польско-украинской школы поэтовъ и ученыхъ. Въ одной изъ статей своихъ въ старомъ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Кулишъ рассказываетъ свои отношенія въ одному изъ ученѣйшихъ украинскихъ поляковъ, гр. Свѣдзинскому. Польскій этнографъ и археологъ съ интересомъ собиралъ факты и памятники изъ прошлой исторіи края, съ любопытствомъ слушалъ рассказы молодого украинскаго этнографа и интересовался его наблюденіями (вошедшими потомъ въ его Записки о южной Руси, въ которыхъ особенно важны въ общественно-національномъ отношеніи думы, пѣсни и рассказы о временахъ Хмельницкаго и гайдамачества), самъ передавалъ

ему, что нашелъ въ актахъ и что, очевидно, шло противъ польскихъ теорій. Какъ добросовѣстный ученый, онъ не могъ утаивать фактовъ, но не хотѣлъ примириться съ выводомъ, который дѣлали изъ нихъ украинцы, именно, что край ихъ принадлежитъ имъ, а не полякамъ. «Вы холопы!» — (Chłopy jeste!) съ запальчивостью говорилъ графъ. Что до другого вліятельнаго представителя польско-украинской науки и литературы, М. Грабовскаго, — впоследствии министра народнаго просвѣщенія при Велепольскомъ, — то и онъ интересовался украинскими розысканіями, но и онъ не хотѣлъ признать ихъ выводовъ. Впоследствии онъ вступилъ въ полемику съ г. Кулишемъ на страницахъ «Записокъ о южной Руси» (1855 г.) о значеніи гайдамацкой войны съ поляками. Это былъ первый ученый споръ украинца съ полякомъ о народности юго-западнаго края и о значеніи народной исторіи его. М. Грабовскій и въ своей замѣткѣ въ Запискахъ и потомъ въ статьѣ «О Литвѣ и западныхъ губерніяхъ» въ «Днѣ» за 1861-й годъ, №№ 15 и 16, высказывался, что не только гайдамачина, но и возстаніе Хмельницкаго есть «явный разбой и ничего больше» (une évidente jacquerie).

Къ кіевскимъ украинофиламъ изъ Петербурга отозвался Шевченко, — единственный русскій поэтъ, рожденный въ юго-западномъ краѣ, давшемъ такъ много даровитыхъ дѣятелей польской литературы. Думы, пѣсни и анекдоты, изданныя гг. Максимовичемъ, Метлинскимъ, Кулишемъ и Костомаровымъ, монографіи послѣдняго, пѣсни Шевченка, показали, что въ прошломъ Украины были не одни только «демоны разрушенія», и въ то же время, что «демоны социальной вражды далеко не ушли въ адъ». Послѣ Шевченка стали рѣшительною невозможностью идиллическія или байроническія отношенія къ украинской жизни и прошлому, — à la Мальчевскій или Гоцинскій. Онъ, можно сказать, убилъ польско-украинскую школу, которая нѣсколько позже потерпѣла довольно рѣзкое осужденіе въ критикѣ г. Кулиша, помѣщенной въ «Основѣ». Когда польской публикѣ сталъ извѣстенъ Шевченко, въ критикѣ и публицистикѣ польской произошло большое замѣшательство. «Газета Народова» въ 1862-мъ г. замѣтила (въ статьѣ Ukraina, Wołyń i Podol), что было бы смѣшно и представить, чтобъ образованному міру «вмѣсто Мицкевича пѣлъ Шевченко»! Г. Совинскій въ Biblioteka Warszawska, 1862 г. № 1, называлъ поэзію Шевченки поэзіей «племенной ненависти», иронизировалъ, что она произошла отъ того, что помѣщикъ когда-то наказалъ Шевченка въ дѣтствѣ за то, что онъ чуть не сжегъ дома и т. п., «Тарасову Ночь» называлъ «канибальской эпопеей», въ Гайдамакахъ видѣлъ опоэтизированіе «ножа, головни, смѣси водки съ

жровью» и т. д. Другой польскій журналъ «Dziennik Literacki» (1862, № 83) помѣстилъ «Путевыя замѣтки» одного поляка, ѣздившаго по Украинѣ. Путешественникъ передаетъ, что на правомъ берегу Днѣпра народъ, на вопросъ, какъ далеко простирается Польша, отвѣчаетъ до Кіева. Авторъ по этому поводу разсуждаетъ, что сочиненія Шевченка не выражаютъ духа украинскаго народа, что у Шевченка всюду сквозитъ завистливый духъ, который поселился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ лакейчикомъ у московскаго шляхтича-нѣмца, а потомъ у П. Флѣрковскаго. Между тѣмъ этотъ, замѣтивъ въ немъ способности, отдалъ его въ науку въ Петербургъ и оставилъ его тамъ, какъ свободнаго человѣка, для дальнѣйшаго образованія» (это писалось въ то время, когда уже была извѣстна автобіографія Шевченка, напечатанная въ 1860 г. въ «Народномъ Читеніи»). Иногда польская печать пускалась на чисто-дѣтскія выдумки: такъ въ одномъ варшавскомъ изданіи, уже послѣ смерти Шевченка было напечатано, что Шевченко былъ униатъ, а въ одномъ галицкомъ (тоже по смерти Шевченка), что украинскій поэтъ поселился у какаго-то графа Дзялынскаго, который по великодушію оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа, что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе и, въ порывѣ благодарности, «все, что написалъ противъ поляковъ, вымаралъ и передѣлалъ» (Основа, 1861 г., № 4, стр. 55). Не очень давно, «Dziennik Poznański», въ 1866-мъ г. заявилъ тоже, что Шевченко въ послѣдніе годы раскаялся въ своихъ писаніяхъ и заботился о примиреніи съ собою поляковъ, — нелѣпость, которую повторили тотчасъ же «Московскія Вѣдомости». Но долго играть на такія темы, какъ г. Совинскій, а особенно лгать, какъ галицкія и познанскія газеты, нельзя. Правда и поэтическій талантъ всегда берутъ свое. Въ недавнее время (въ 1865 г.) въ Львовѣ вышла книжечка «Тарасъ Шевченко, жизнь и сочиненія его», написанная по-польски, хотя врядъ ли природнымъ полякомъ, барономъ Гвидо Батталія (Taras Szewczenko, życie i pisma jego. Napisał Gwido baron Battaglia. Lwów. 1865). Въ этой книжкѣ довольно толково сведены свѣдѣнія о жизни Шевченка, разобраны въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи съ жизнью поэта, его произведенія и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ изображена борьба украинцевъ съ поляками, оцѣнены совершенно безпристрастно: «то не была племенная ненависть, говоритъ г. Батталія, о сюжетѣ Тарасовой Ночи, то была оборона вѣры и вольности». Брошюрка г. Батталія возбуждала вниманіе къ украинскому народному поэту и за предѣ-

лами славянской публики: какой-то Георгъ Обристъ издалъ въ прошломъ году, по-нѣмецки, очеркъ жизни Шевченка съ введеніемъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, изъ коихъ многія переведены давно уже Фр. Боденштедтъ, переводчикомъ Лермонтова и Пушкина (*Die poetische Ukraine. Stuttgart. 1845*), и съ приложеніемъ перевода отрывковъ изъ Шевченка. (*Taras Grigoriewicz Szewczenko, ein kleinrussischer Dichter, v. Georg Obrist. Czernowitz. 1870*). Брошюра и переводъ Обриста не чужды промаховъ, изъ коихъ во многіе впалъ авторъ, слѣдуя польскимъ поэтамъ, изображавшимъ гайдамачину, особенно Чайковскому (Садыкъ-Паша), но въ общемъ, значеніе Шевченка и отношенія малороссіянъ къ полякамъ понятии вѣрно, да и различія между великороссіянами и малороссами не преувеличены, какъ это часто теперь дѣлается въ западно-европейской печати, желающей, на зло Россіи, указать на раздвоеніе самаго русскаго племени. Для того, чтобы закончить полезное вліяніе произведеній Шевченка въ спорѣ между русскими и поляками за обладаніе западнымъ краемъ, слѣдовало бы желать появленія перевода ихъ въ болѣе полномъ видѣ на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ, особенно на французскомъ, чтобы парализовать вліяніе переводовъ, напр., Словацкаго и Чайковскаго, дающихъ европейской публикѣ совершенно ложное представленіе украинской народной жизни въ прошломъ и настоящемъ.

То, что произвелъ Шевченко поэтическими произведеніями, продолжали учеными трудами и публицистическими статьями гг. Костомаровъ и Кулишъ. Благодаря плодovitости и таланту г. Костомарова, благодаря многосторонности его трудовъ, его называютъ иногда главою украинофиловъ и часто укоряютъ въ особенной злобѣ къ московскому государству и къ великоруссамъ и въ сепаратическихъ украинскихъ идеяхъ. Даже въ нѣмецкой статьѣ о работахъ въ Россіи по исторіи, помѣщенной нѣсколько лѣтъ назадъ въ «*Historische Zeitschrift*», г. Костомаровъ названъ «ревностнымъ приверженцемъ чертъ украинскаго казачества и особеннымъ врагомъ московскаго государства, которое подчинило себѣ это казачество». Намъ кажется, что г. Костомарова отнюдь нельзя назвать украинофиломъ, а скорѣе всего «украинскимъ славянофиломъ» какъ есть «московскіе славянофилы». Начавъ, между прочимъ, очень хорошими украинскими стихами и недурными драмами, и притомъ стихами не исключительно о сюжетахъ простонародныхъ и спеціально украинскихъ, г. Костомаровъ оставилъ этотъ родъ литературы и его языкъ, которымъ могъ бы легко оказывать вліяніе на развитіе спеціальной украинской литературы. Обладая

несомнѣннымъ талантомъ бытописателя, г. Костомаровъ могъ бы легко составлять даже монографіи по южно-русской исторіи на малорусскомъ языкѣ,—что опять могло бы сильно подвинуть малорусскую литературу. Но его идеи и талантъ, очевидно, потянули его на болѣе широкую арену и онъ обратился въ тому языку, которымъ могъ вліять на весь русскій міръ. Оставаясь исключительно въ сферѣ украинской исторіи, г. Костомаровъ вышелъ бы болѣе даровитымъ и современнымъ Бантышемъ-Каменскимъ, а вышедши съ украинскими и древне-кѣвскими идеалами на разработку исторіи Россіи вообще, г. Костомаровъ получилъ обширное вліяніе на все русское общественное развитіе, по скольку оно связано съ изученіемъ родной исторіи; и если бы даже не всѣ выводы и идеи г. Костомарова остались окончательно принятыми наукой, то произведенное имъ движеніе въ ученомъ мірѣ и обществѣ останется далеко не скоропреходящимъ и не безплоднымъ. Г. Костомарова, по вліянію на представленія о русской исторіи, можно сравнить до нѣкоторой степени съ Гоголемъ. Какъ Гоголь, лирикъ и добродушный насмѣшникъ, пока стоитъ на украинской почвѣ,—становится рѣзкимъ юмористомъ и обличителемъ, когда переходитъ на специальную великорусскую, или общерусскую (созданный государствомъ міръ помѣщиковъ и чиновниковъ) почву,—такъ и г. Костомаровъ рѣзокъ въ обличеніи темныхъ сторонъ московскаго государства и въ разрушеніи его мѣровъ, лѣстящихъ народному и племенному самоуваженію. Онъ не замыкается въ специально-малорусскую исторію и ея идеалы, онъ хочетъ постичь смыслъ и значеніе взаимодѣйствія двухъ русскихъ народностей, онъ, какъ и московскіе славянофилы, хочетъ выработать народную точку зрѣнія на всю русскую исторію; но между тѣмъ, какъ тѣ ищутъ славянорусскихъ идеаловъ въ древней московской Руси, г. Костомаровъ идетъ еще дальше, въ древность, въ Русь до-татарскую, кѣвско-новгородскую. И такъ какъ эта Русь жила общеевропейскою жизнью, то въ немъ и нѣтъ той вражды къ Западу, той противоположности съ западничествомъ, которая свойственна славянофиламъ московскимъ. А такъ какъ идеалы г. Костомарова не столько украинскіе (казацкіе) сколько кѣво-новгородскіе, такъ какъ онъ въ своей, вызвавшей столько перуновъ и обвиненій, статьѣ «Двѣ русскія народности» доказывалъ именно органическую необходимость для обоихъ русскихъ племенъ союза и взаимодѣйствія и призналъ великое всеславянское значеніе государственныхъ способностей великорусскаго племени, то его скорѣе можно причесть къ историкамъ наиболѣе чуждымъ областному патріотизма, наиболѣе обще-русскимъ,

(хотя,—все таки, конечно, не чуждымъ и спеціальныхъ малоросійскихъ симпатій) — потому что, при всѣхъ толкахъ о землѣ русской, у московскихъ славянофиловъ все-таки замѣтна областная, великорусская подкладка,—откуда ихъ ненависть и въ Петербургу, первому общерусскому городу, столицѣ государства, принявшаго въ себя обѣ Руси, восточную и западную. Что касается украинской словесности спеціально, то г. Костомаровъ высказался какъ за настоятельное дѣло за составленіе и изданіе книгъ для элементарнаго образованія народа, что конечно не то, что самостоятельная и всесторонняя украинская словесность. Характеристично, что даже самого Шевченка г. Костомаровъ, въ замѣчательной статьѣ «Воспоминанія о двухъ малярахъ» (Основа, 1862-го года № 4), считаетъ вовсе не исключительно украинскимъ поэтомъ, а общерусскимъ, потому стремленія русскаго народа къ волѣ, правдѣ и наукѣ, который если писалъ по-украински и связывалъ свои думы съ украинскими традиціями, словомъ, возникъ на украинской почвѣ, то потому, что здѣсь народъ жилъ болѣе свободной жизнью и здѣсь осталось болѣе памяти о старой свободѣ. Этотъ выходъ г. Костомарова изъ спеціальнаго украинофильства къ украинскому, или лучше, кіевскому славянофильству (исторія того кирилло-мееодіевскаго братства, которое было поводомъ къ высылкѣ г. Костомарова и др., къ сожалѣнію до сихъ поръ не разъяснена) явленіе очень характерное: оно показываетъ слабость спеціальнаго украинофильства и въ то же время культурное значеніе южно-русскаго славянофильства, которое должно расти по мѣрѣ изученія древней русскаго исторіи въ связи съ изученіемъ русскаго народности, параллельно съ исторіей западныхъ славянъ, съ которыми юго-западная Русь всегда находилась въ ближайшихъ отношеніяхъ, къ народности которыхъ, по быту и языку, южно-русскій народъ такъ явно близокъ.

Что касается до политическаго значенія трудовъ г. Костомарова по отношенію къ полякамъ, то и оно находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что историкъ борьбы украинскаго народа съ поляками—не только южно-русскій патріотъ, но и южно-русскій славянофилъ. Какъ таковой, онъ вовсе не врагъ поляковъ на ихъ землѣ, не врагъ католицизма въ принципѣ, не врагъ даже культуры, которая заходила въ XVI и XVII вѣкѣ на югъ Россіи черезъ Польшу и здѣсь принимала русскій характеръ. Онъ врагъ только шляхетскихъ насилій надъ человекомъ и народностью. Казачество онъ цѣнитъ потому, что видитъ въ немъ стремленіе къ равноправію и свободѣ. Какъ только это казачество само начинаетъ переходить въ шляхту, историкъ

вмѣстѣ съ народомъ лишаетъ его симпатій и не соблазняется стремленіемъ къ политической свободѣ и самоуправленію, которое оно выказало въ гадящихъ статьяхъ. Таковы идеи, сквозящія изъ монографій объ Уніи, казачествѣ XVI и XVII вѣка, Б. Хмельницкомъ, Виговскомъ. Польскимъ критикамъ должно было быть досадно, что со стороны политическихъ идей прицѣпиться къ этимъ монографіямъ было не къ чему, — а потому они стали доказывать, что историкъ извращаетъ факты. Другими своими монографіями (Двѣ народности, Черты народной южно-русской исторіи) г. Костомаровъ возстановлялъ непрерывность историческихъ и политическихъ традицій между Украиной казацкой и Русью Владиміра Мономаха, — тогда какъ по польской исторической теоріи, южная Русь XVI и XVII вѣка — это нѣчто особое, новое, образовавшееся подъ польскимъ влияніемъ; самое казачество частью польское насажденіе для обороны границъ, частью бѣглые польскіе хлопы, — вообще «лайдаки», взбунтовавшіеся противъ законной власти. Въ довершеніе, г. Костомаровъ (гетманъ Иванъ Свирговскій) указываетъ, что эти «лайдаки» представляли національную русскую политику, несогласную съ польскою, и во внѣшнихъ отношеніяхъ. По польскимъ теоріямъ набѣги казаковъ на Турцію происходили только изъ-за желанія пограбить, — по г. Костомарову же, казаки украинскіе въ XVI вѣкѣ проявили стремленіе въ союзъ съ христіанами турецкими, особенно румунами, низвергнуть силу турокъ, что не было понято недалководною и робкою польскою политикою. Такимъ образомъ, «лайдаки» XVI и XVII в. на свой страхъ начинали ту русскую историческую миссію, за которую взялась русская имперія послѣ присоединенія Малороссіи, съ XVIII в.; такъ въ отношеніи національномъ и социальномъ «лайдакъ» Б. Хмельницкій провозгласилъ программу, которая не выполнена и до сихъ поръ, — а именно «выбить изъ неволи и соединить весь русскій народъ, — до Львова».

Польская критика не могла стерпѣть безъ яростныхъ возраженій появленія монографій г. Костомарова. Споръ начался съ самаго появленія Б. Хмельницкаго полемикой, которую велъ г. Падалица въ «Виленскомъ Курьерѣ», а г. Костомаровъ въ «Современникѣ» за 1860 г. (декабрь), а потомъ въ «Основѣ» въ 1861-мъ и 1862-мъ г. Г. Костомаровъ перешелъ изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе статей «Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) «Czas» и журнала «Revue Contemporaine» и явился противникомъ польскихъ историко-этнографическихъ теорій и защитникомъ единства русскаго племени. Польская газета и французскій журналъ высказали положенія

изъ начинавшей тогда циркулировать по Европѣ (сначала по-французски, а теперь, какъ мы видѣли по примѣру Бёкка, и по-нѣмецки, хотя нѣмцы вообще болѣе свѣдущи по части исторіи и этнографіи чужихъ народовъ, чѣмъ французы) теоріи Духинскаго. Такъ какъ этотъ послѣдній подписывается на своихъ книгахъ «Духинскій изъ Кіева», то отвѣтъ именно украинскаго историка имѣлъ значеніе какъ бы приговора эксперта. Статья г. Костомарова имѣетъ весьма характерный эпиграфъ, взятый изъ словъ Хмельницкаго: «На що вы, лахи, прийняли намъ ці п'яцьки? Мاستе собі свою Польщу, а намъ наша Украина останется!» «Часъ» заявилъ, что «русскіе не знаютъ, что такое Русь. Русь не есть Россія, а Польша; Россія—страна не славянская, а русскіе сами не знаютъ, что они такое». Г. Костомаровъ въ отвѣтъ на эти слова приводитъ свѣдѣнія о языкѣ, исторіи и колонизаціи, которыя должны доказать, что «великоруссы не финны, а славяне». Далѣе г. Костомаровъ опровергаетъ слѣдующее положеніе «Часа»: «Исторія означила, что нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающимъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія, могла бы создать прекрасное и ядреное тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI в.». Затѣмъ историкъ обращается къ статьѣ Paul de Saint Vincent (можетъ быть Викентій Поль, галицко-польскій писатель, котораго тоже надо причислить къ польско-украинской школѣ) «La Poésie Oukraïniennne». Польско-французскій авторъ выходитъ тоже изъ положенія, что украинцы и поляки одинъ народъ. «Нашествіе варяговъ, а потомъ татаръ, говоритъ онъ, разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII в. одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшая надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Москвитяне народъ уральскаго, а не славянскаго племени, а потому совершенно отличны отъ русскихъ (малороссовъ) и по происхожденію и по нравамъ, и по обычаямъ и по преданіямъ и, наконецъ, по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказать ихъ религіозное единство. Русскій народъ въ Украинѣ и въ южной Руси вообще всегда стремился къ уніи съ католицизмомъ и всегда признавалъ главенство папы. Напротивъ москвитяне, какъ народъ азіатскій, упорно отвергали всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе русскаго. Это сдѣлала Екатерина II. Она побудила

ученыхъ принять свои выдумки насчетъ происхожденія москвитянъ; такимъ образомъ москвитяне стали называться русскими». Показавъ ложь подобнаго рода мыслей, г. Костомаровъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Пусть отстанутъ поляки отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше русское отечество.... Не разложилось оно политически въ междоусобіяхъ земель и князей, не разложилось оно духовно подѣ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *гуляй-городинъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ исторіи, противъ того исторія. Противъ такого рожна трудно прати».

Полемика, которую велъ г. Костомаровъ и другіе писатели его направленія съ поляками, отзывалась въ юго-западномъ краѣ, преимущественно на молодежи украинскаго происхожденія и, хотя въ ограниченной степени, польскаго. Въ это-то время и образовалось у поляковъ выраженіе «хлопоманія» для характеристики того движенія, которое стремилось къ возбужденію народнаго самосознанія въ населеніи юго-западнаго края, которое доказывало, что характеръ края опредѣляется не національностью пановъ и землевладѣльцевъ, а крестьянъ, хлоповъ. Уже въ 1860-мъ году въ одномъ изъ немногочисленныхъ №№ газеты «Słowo» (въ Петербургѣ) Іос. Огризко сказалъ нѣсколько обличительныхъ словъ противъ «хлопоманіи». Въ 1862-мъ году въ «Tygodnik Roznanski» (№ 36) помѣстили письмо изъ Кіева, дѣлающее переплывъ малорусской литературы, подписанное г. Андреемъ Яновичемъ. Г. Яновичъ говоритъ, что въ малорусскомъ литературномъ движеніи принимаютъ участіе преимущественно уроженцы лѣваго берега Украины. «Но правобочная Украина, говоритъ корреспондентъ, не беретъ участія въ немъ, потому что образованные люди никакъ не могутъ участвовать въ тенденціяхъ, кружащихъ по лѣвобережной Украинѣ. Къ тому же многихъ пугаетъ, если не всѣхъ читателей, гражданка (булишевка), которую печатаютъ малорусскія сочиненія, не допуская вовсе латинской азбуки, или хоть бы и гражданки, но измѣненной подбавкой латинскихъ письменъ (!?). Русско-малороссійскій журналъ Основа отличается пристрастіемъ и стремится главнымъ образомъ сдѣлать шляхту ненавистною народу, возбуждаетъ реакцію важнѣйшихъ нашихъ писателей, побуждаетъ читающее общество тяжко призадумываться надъ исторической правдой и полемикой

и производить вліяніе на выработку или перемѣну убѣжденій въ нѣкоторыхъ единичныхъ лицахъ, которыя увлекаются противуестественнымъ теченіемъ». Движеніе это пошло наперекоръ стремленію пановъ провести, посредствомъ тайныхъ и явныхъ школокъ при панскихъ дворахъ и костелахъ, посредствомъ букварей и молитвенниковъ, то польскихъ, то бѣлорусскихъ и малорусскихъ, но польскимъ шрифтомъ, провести и въ народъ сознаніе, что онъ принадлежитъ къ польской народности. Противъ этихъ букварей особенно стала, напечатанная г. Кулишемъ, украинская «Грамматка» кирилловскимъ шрифтомъ и съ отрывками изъ народныхъ историческихъ пѣсней.

Быть или не быть, этотъ вопросъ уже не въ формѣ ученаго трактата, а въ формѣ политической, поставленъ былъ въ «Основѣ» передъ польской шляхтой западнаго края въ статьяхъ гг. Антоновича и Кулиша. Г. Антоновичъ отвѣчалъ на нѣсколько полемическихъ статей г. Падалицы, воевавшего въ то время въ «Библиотецѣ Варшавской» и «Виленскомъ Курьерѣ» съ г. Костомаровымъ, съ Кіевскою Археографическою Коммиссіей и г. Антоновичемъ. Последняго г. Падалица называлъ «перевертнемъ». «Да, г. Падалица,—отвѣчалъ г. Антоновичъ,—вы правы! Я дѣйствительно «перевертень»; но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово «отступникъ» не имѣетъ само по себѣ смысла, что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ,—иначе слово это лишено смысла—это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только дзѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками, и неуспыннымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за кровь и потъ платили презрѣ-

ніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности,—или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобъ не прибавлять собою еще одной тунеладной личности, для того, наконецъ, чтобъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ. Конечно, я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и папичъ), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни.... который, словомъ, я полюбилъ больше шляхетскихъ своихъ привычекъ и мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и, наконецъ, ложные доносы и намеки о колѣвщинѣ. Послѣ этого оставалось, конечно, или отречься отъ своей совѣсти или оставить ваше общество: я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я готовъ все раздѣлить съ ними. Надѣюсь также, что современемъ, среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго на Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу — раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственной совѣстью, дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы

правы! я—перевертенъ и я горжусь этимъ, такъ точно, какъ я бы гордился въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболіціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугою общенароднаго дѣла» (Основа, 1862 г., № 1, 94—95).

Дѣло не ограничилось одною постановкою общихъ вопросовъ. Въ «Основѣ» стали появляться корреспонденціи, обнаруживавшія то затѣи въ родѣ затѣи ополчить народъ посредствомъ польскихъ азбукъ и польскихъ книгъ для чтенія, то указывавшія на злоупотребленія помѣщиковъ при введеніи крестьянской реформы. И еслибъ не общій тогда страхъ допускать въ печати фактический разборъ того, какъ на дѣлѣ вводилось Положеніе 19-го февраля, то раскрытіе такихъ злоупотребленій было бы еще энергичнѣе. Какъ слабы оказались поляки въ виду движенія, котораго органомъ была «Основа», доказываетъ то, что они обратились за поддержкою къ (русской же) администраціи, прося у нея защиты отъ замышляемой хлопоманами коливщины, соціальной революціи, «такъ легкой на родинѣ Хмельницкаго, величайшаго изъ революціонеровъ». Такъ еще въ 1858-мъ году, по жалобѣ польскихъ помѣщиковъ, въ кievскомъ генералъ-губернаторствѣ была запрещена «Грамотка» Кулиша; такъ, въ 1861-мъ году помѣщики дѣлали представленія о срытіи могилы Шевченка, около которой организовывалась будто бы пропаганда коливщины (Югослав. Край, стр. 197). Лицо съ такимъ вліяніемъ, какъ М. Грабовскій, писалъ въ 1862-мъ году въ «Днѣ» (1862, № 15, 16), что «доводы, приводимые русскими и малорусскими историками противъ нашего польскаго прошлаго, слово въ слово тѣ же самые, къ которымъ прибѣгаютъ социалисты, коммунисты и т. п., когда нападаютъ на прошлое и настоящее Европы...», что люди, которые говорятъ противъ національной жизни между сословіями западнаго края, «радикалы и нивеллеры, которые не останавливаются передъ мыслью изгнать или перерѣзать высшее сословіе». «Волненія на Украинѣ, говоритъ М. Грабовскій, которымъ присвоили названіе войнъ Хмельницкаго, были въ сущности не что иное, какъ бунты крестьянъ, повторявшіеся въ разное время почти во всѣхъ странахъ. Ничто не отличаетъ ихъ, напримѣръ, отъ бунта Пугачева, развѣ только то, что послѣдній былъ энергически подавленъ генералами Екатерины II, а первые почти что одержали успѣхъ надъ польскимъ правительствомъ, вслѣдствіе содѣйствія не слишкомъ совѣстливыхъ сосѣдей татаръ и москвитцевъ (Moscovites). Понятно, что современная Малороссія, которая именно этимъ событіямъ обязана своей нѣкотораго рода самостоятельностью,—придаетъ имъ громкое названіе войны за

независимость. По крайней мѣрѣ она этимъ тѣшитъ свое самолюбіе. Но странно, что подобное мѣстное самообольщеніе перешло и на другихъ. *Правительству слѣдовало бы понять опасность, ему угрожающую.* Мы не безъ основанія смущаемся, когда писатели, съ весьма двусмысленною цѣлью стараются оправдать и выставить героями виновниковъ грабежей и убійствъ, опустошившихъ наши провинціи; точно также, какъ и само правительство, вѣроятно, не осталось бы равнодушно, еслибы между сибирскими и татарскими (?) племенами стали прославлять Пугачева...¹⁾

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» уже упомянутый г. Падалица (1862 году, № 82), рассказавъ о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя сдѣлали помѣщики западнаго края, и о непомѣрности требованій крестьянъ, у коихъ проявляются коммунистическія идеи, говорилъ слѣдующее: «Помѣщики сдѣлали значительныя уступки, они отдали почти половину (!) своего имущества, и до сихъ поръ многіе изъ нихъ продолжаютъ свои пожертвованія, а многіе пришли даже въ упадокъ безъ надежды поправиться когда-нибудь. Почему же отыскиваются такіе люди, которые все это считаютъ ничѣмъ и подбиваютъ крестьянъ къ мстительности и къ домогательствамъ, превосходящимъ всякую справедливость? Мы не одобряемъ въ особенности тѣхъ средствъ и путей, которые избираются пропагандой. Если ужъ противудѣйствовать, то надобно противудѣйствовать открыто и благородно (!). Мы обращаемся въ особенности къ кievской молодежи и тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыя такъ далеко зашли въ своихъ убѣжденіяхъ, что мы не можемъ измѣрить пропасти, раздѣляющей насъ съ ними. Напоминаемъ имъ, чтобы они не вели съ нами скрытой борьбы. Она не принесетъ никому чести, въ особенности она недостойна молодого сердца. Долгъ каждаго примирять, сближать и соединять». Въ заграничныхъ польскихъ газетахъ страшилище хлопоманіи представлялось еще съ новыми варіаціями. Такъ, въ 1862-мъ году «Gazeta Narodowa» жаловалась, что возмутители крестьянъ, такъ-называемые хлопоманы, во главѣ которыхъ стоятъ Антоновичъ и Оаддей Рыльскій, *на глазахъ правительства* подучаютъ народъ къ рѣзнямъ. «Tygodnik Roznauksky» (1862 г., № 3) уже передъ самымъ началомъ польскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ, помѣщалъ изъ него вор-

¹⁾ Такія же мысли докладывались и европейской публикѣ въ изданной Влад. Мипкевичемъ запискѣ Украинца-поляка (La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un ukrainien.), — причѣмъ авторъ прямо спрашивалъ, какъ можетъ торѣть русское правительство злонамеренную хлопоманско-украинскую партію?

респонденцію съ слѣдующими строками: «Въ кievскомъ университетѣ возникла партія русская, такъ-называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванишева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмисаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московскою клякой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда по надъ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области казачества, похороны Шевченко, устроенная для него могила, путешествія въ этой Меккѣ малорусскаго народа, введенныя хлопоманами,—все это дѣлаетъ на народѣ сильное впечатлѣніе».

Нѣкоторые изъ поляковъ дѣлали попытку вступленія въ союзъ съ такъ напугавшей ихъ хлопманіей. Такъ самъ г. Падалица говорилъ: «Мы идемъ къ вамъ съ крестомъ святымъ, подаемъ вамъ руку на вѣчный миръ». Г. Кулишу было прислано письмо, по поводу помѣщенныхъ имъ въ «Основѣ» стихотвореній. Корреспондентъ повторяетъ жалобы, что «Основа» расшевеливаетъ старыя раны, отворачивается отъ союза съ поляками, между тѣмъ какъ уже и народъ примиряется съ польскою шляхтой, которая имѣетъ право на землю, гдѣ живетъ, по своимъ заслугамъ, по своей исторіи и образованію,—потому что она въ 30-мъ году билась *«за вашу и нашу волюность»*. Г. Кулишъ отвѣчалъ на это письмо въ «Основѣ» (1862, II), говоря, что поляки не могутъ относиться искренно къ украинскому народу, потому что полякамъ нужны помощники, а украинцамъ не съ чего помогать тѣмъ, чьи интересы прямо противоположны ихъ интересамъ. «Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ», говоритъ г. Кулишъ. «Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію, т.-е. для себя, для блага своей земли, а не для поддержки перефразированной вами по проекту 3-го мая 1791-го года, но несуществующей системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами *jedność i równość*, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, тѣмъ были для насъ ваши предки, что насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политическихъ и соціальныхъ плановъ. Мы,

однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для *противудѣйствія* вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣждений. Если вы цѣните благородство нашихъ побужденій, зная все это, то вамъ ничего не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на свои собственные внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои». Доказательство же, что польская шляхта не перемѣнилась съ XVII-го вѣка въ тенденціяхъ, украинскій публицистъ видитъ въ тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгли кіевскіе помѣщики для подавленія первой граматки на украинскомъ языкѣ, на противудѣйствія распространенію стихотвореній Шевченко и другихъ книгъ для украинскаго народа, на «жидовскую возню, по поводу погребенія тѣла нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ» и наконецъ на презрѣніе самого автора письма къ тѣмъ нѣсколькимъ, которые отреклись отъ родовыхъ польскихъ тенденцій и которые, по словамъ корреспондента, «замѣнили себѣ общество шляхты, и хлопами не стали».

Послѣ такихъ отвѣтовъ тѣмъ паче не оставалось другого орудія противъ хлопomaniи и украинофильства, какъ то, которое употребили кіевскіе помѣщики противъ граматки. Это орудіе,—доносы администраціи, оказалось дѣйствительнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ органъ другого тоже не русскаго еще элемента въ западномъ краѣ, евреевъ, «Сіонъ», въ свою очередь убоявшійся коліивщины, пустилъ въ ходъ тогда, благодаря американской гражданской войнѣ, модное слово «сепаратизмъ», которое подхватилъ «Русскій Вѣстникъ», принявшій сторону «Сіона» въ спорѣ его съ «Основой» изъ-за отношеній евреевъ къ русскому населенію въ западномъ краѣ. «Московскія Вѣдомости» прибавили скоро къ польскому обвиненію украинофильства въ стремленіи къ соціальной революціи и къ еврейскому въ сепаратизмъ еще обвиненіе въ союзѣ съ поляками,—съ какими и выступили противъ предпріятія г. Костомарова издать для народа украинскаго священное писаніе и книги для элементарнаго образованія на родномъ его нарѣчій. «День»,—который вообще вѣрнѣе другихъ понималъ практическое значеніе украинской литературы,—не ожидая возможности ея широкаго развитія до отдѣленія отъ русской, но видя пользу въ мѣстной южно-русской литературѣ для «домашняго обихода», взялся было защищать г. Костомарова и представляемое имъ движеніе, но потерпѣлъ отъ «Моск. Вѣдомостей» укоръ въ томъ, что «у него двоится въ глазахъ». Хотя «День» (1863 года № 29) и доказывалъ, что двоится собственно въ глазахъ и мы-

сляхъ самихъ редакторовъ «Соврем. Лѣтописи Московскихъ Вѣдомостей», — тѣмъ не менѣе предпріятіе г. Костомарова было остановлено административнымъ порядкомъ. Во время польскаго возстанія въ югозападномъ краѣ въ 1863 г., народъ украинскій такъ недвусмысленно заявилъ свое нежеланіе идти на какой-либо союзъ съ польскою шляхтою, что побудило правительство прервать обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и учредить повѣрку уставныхъ грамотъ, для чего была учреждена коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Галагана. Какъ можно судить изъ неполныхъ, впрочемъ, разоблаченій «Дня» и «Кіевлянина», польскою партіи удалось убѣдить тогдашняго генералъ-губернатора Анненкова, а этотъ старался передать и выше убѣжденіе въ томъ, что истинную опасность революціонную представляютъ не поляки, которыхъ въ краѣ горсть, а украинофилы, которые дѣйствуютъ на народъ, такъ быстро поднявшійся при первомъ случаѣ, съ намѣреніемъ повторить событія XVII и XVIII вѣка, и что, поѣтому, мѣры въ родѣ повѣрки грамотъ, особенно коммиссіей, во главѣ которой стоитъ имя, встрѣчающееся и въ лѣтописяхъ малороссійскаго казачества, весьма опасны для государства. «День» (1863 г., № 37) говорилъ: «Мы положительно знаемъ, что полякамъ удалось возбудить въ кіевской администраціи совершенно неосновательный страхъ «украинофильства». Нѣкоторые изъ кіевскихъ администраторовъ съ важностью говорили, что «украинофильскій» вопросъ важнѣе польскаго, и ихъ опасенія нашли себѣ отголосокъ даже и въ русской литературѣ. Поляки этому очень рады и подсмѣиваются теперь надъ малороссами, подразниваютъ ихъ и стараются имъ внушить, что *Москва* всегда будетъ врагомъ свободнаго развитія ихъ мѣстныхъ и племенныхъ особенностей, любовь къ которымъ, какъ извѣстно, доходитъ у малороссовъ до самоотверженія и восторженности». Кстати же случилась какая-то глупость въ Полтавской губерніи да галицкія газеты «Слово» и «Мета», ссылаясь на статьи русскихъ газетъ, громившихъ украинофильство и на раздражительныя корреспонденціи слишкомъ уже «восторженныхъ малороссовъ», — стали печатать статьи противъ «несытыхъ московскихъ централистовъ». Маневръ удался, хотя, къ счастью, не до конца, касательно крестьянскаго дѣла по крайней мѣрѣ ¹⁾. Хотя коммиссія г. Галагана была

¹⁾ Вотъ, между прочимъ, что писалъ г. Чижовъ въ «Днѣ» за 1864 годъ, № 12: «Овладевъ крестьянскимъ вопросомъ и мировыми учрежденіями, какъ самымъ дѣйствительнымъ и сильнымъ оружіемъ въ области гражданской, польская шляхта нашла себѣ едва ли не сильнѣйшее оружіе нравственное: въ умѣньи наугать мѣстныхъ

найдена лишней (что подало поводъ писать въ «Газетѣ Народовой», что правительство напало на украинскій заговоръ, — что «въ Полтавѣ открытъ складъ оружія, Потоцкій (?) разстрѣлянъ, Пашенко (?) посаженъ въ кievскую крѣпость, а Галаганъ отставленъ отъ кievскаго центральнаго сельскаго комитета» («Слово», 1864 г., № 73), но сущность дѣла ея возложена была на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, подъ наблюдениемъ генераль-губернатора, — новаго (ген. Безака). Часть русской печати, «День» и потомъ «С.-Пб. Вѣдомости» энергически поддерживали дѣятельность новой администраціи по крестьянскому дѣлу въ юго-западномъ краѣ. Поляки перенесли свои жалобы въ петербургскую «Вѣсть», — которая скоро заставила и «Московскія Вѣдомости» вступить за крестьянское дѣло въ западномъ краѣ, — хотя онѣ первоначально защищали крупную собственность въ Россіи, доказывая, что крестьянское самоуправленіе въ Россіи не имѣетъ смысла (1863 г., № 188), перепечатывали изъ польской газеты «Polka» тезисы въ родѣ того, что «прежде мужикъ имѣлъ хоть иногда защиту въ хорошемъ помѣщикѣ, теперь же онъ брошенъ въ жертву администраціи (1863 г. № 177), доказывали пользу для крестьянъ вотчинной полиціи и розогъ, присуждаемыхъ высшими классами (1864 г., № 101), — а потому безмолвствовали въ то время, когда «День» велъ полемику съ польскими и русскими «охранителями» въ «Вѣсти», или полемизировали о всѣхъ перечислен-

распорядителей украиннофильствомъ и сепаратизмомъ. Главнѣйшею цѣлью ихъ было то, чтобы во что бы то ни стало навлечь подозрѣніе на всѣхъ малороссянъ, искренно и горячо любящихъ свою родину и неразлучно съ этою любовью, по дѣдовскимъ преданіямъ, питающихъ ненависть къ всегдашнимъ врагамъ ея и угнетителямъ — ляхамъ. Заключись кто-нибудь о любви къ Малороссіи, о прекрасной Украинѣ, на первый разъ онъ тотчасъ же отмѣчается *украинофиломъ* и потомъ, мало по малу, его жалуютъ въ *хотоманы*, т.-е. окрашиваютъ въ самый красный цвѣтъ юго-западнаго края. При помощи галиційскаго журнала «Метя» и при *безсознательномъ содѣйствіи нѣкоторыхъ нашихъ издѣтъ*, этотъ маневръ имъ удался, какъ нельзя лучше. Безъ такой удачи не пановать бы никакъ такъ долго мировымъ посредникамъ изъ поляковъ во всемъ югозападномъ краѣ и не усилятся бы никакъ до завладѣнія всѣмъ краемъ польскою партіей въ Подольской губерніи. Что до послѣдней, то любопытно, что когда тамошнее дворянство и въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ подали адрессы о присоединеніи губерніи къ управляемой кн. Велепольскимъ Польшѣ, даже г. Аксаковъ спрашивалъ злорадно г. Костомарова, извѣстно ли ему, что подольскіе дворяне (въ письмѣ къ г-ну Аксакову) мотивировали свой поступокъ «любовью къ малорусскому народу». Между тѣмъ, будучи преданы суду сената, нѣкоторые изъ подольскихъ предводителей дворянства, на судѣ объявляли, что они желали присоединенія къ Ц. Польскому между прочимъ потому, что тамошняя администрація энергичнѣе оградилъ бы ихъ отъ гайдамацкихъ замысловъ хлопomanовъ, чѣмъ кievская, — слабая или потворствующая хлопomanіи.

ныхъ мысляхъ съ г. Самаринимъ и Аксаковымъ (см. «День» 1864 года № 35 и слѣд.). Недавно и сама редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и ея корреспондентъ кн. Мещерскій заявили, обличая наново проявившійся «консерватизмъ» польской партіи, что и въ прошломъ этой партіи преловко удалось направить гоненія отъ себя на призракъ украинскаго «сепаратизма». Другими словами,—редакція призналась сама, что и она попала въ число «тонкоруннѣйшихъ овецъ Панургова стада», вздумавъ обвинять въ союзѣ съ поляками тѣ самыя лица, которыя вступили въ споръ съ послѣдними о юго-западной Руси и защищали права тамошняго народа на землю, когда редакція «Русскаго Вѣстника» рассказывала о выгодахъ для Россіи англійскаго безземельнаго освобожденія крестьянъ да переписывалась нѣжными письмами на польскомъ языкѣ съ г. Киркоромъ, который тогда доказывалъ, что Бѣлоруссія заселена какою-то славянокравскою націею,—разновидностью поляковъ,—и что образованіе въ ней надо вести на польскомъ языкѣ, какъ на мѣстномъ народномъ,—когда даже несравненно болѣе чуткій къ интересамъ народности и народа въ Россіи г. Аксаковъ печаталъ въ своемъ «Парусѣ» письмо «изъ Польши», подъ которымъ было подписано «Житомиръ» (Парусъ, 1859, II). Въ довершеніе юмора судьбы надъ пониманіемъ хода явленій русской жизни, года полтора назадъ въ «Revue des deux Mondes» явилась статья о Галиціи, гдѣ повторяются опять всѣ недѣлности статьи «Paul de St. Vincent» о туранствѣ великоруссовъ и о тождествѣ поляковъ съ малороссами, и ссылаются въ подтвержденіе на тѣ преслѣдованія какія терпѣли украинофилы отъ генералъ-губернатора Анненкова, который-де устранилъ отъ каеэдры въ Кіевѣ г. Костомарова..... Такое бываетъ только съ русскими дѣлами!

V.

Обратимся къ разсмотрѣнію народной реакціи полонизму въ край сѣверозападный. Край тотъ заселенъ племенемъ литовскимъ и бѣлорусскимъ. Что до Литвы въ собственномъ смыслѣ,—жмудиновъ и т. п., объ ней, во-первыхъ, всѣ мы имѣемъ весьма смутное понятіе. Поляки доказывали, что литовскій народъ совершенно уже подчинился польской цивилизаціи. Какъ видно изъ примѣра Мицкевича (Конрадъ Валенродъ, разныя лирическія стихотворенія, баллады и пр.), поляки и здѣсь даже стали присвоивать народныя преданія, патріотизмъ и любовь къ краю.

Дѣйствительно между поляками и литовцами существуетъ вѣрная связь — религія, а литовскій народъ глубоко религіозенъ. Отъ этого въ 1862—63-го году тамъ, гдѣ въ литовскомъ селѣ былъ священникъ — полякъ, тамъ и повстанцы находили большую поддержку въ народѣ. Между тѣмъ и въ литовскомъ народѣ показались уже зародыши народнаго сознанія, сознанія, что литвины — не поляки, и мало того, что интересы литовскаго народа, какъ народа, противоположны интересамъ поляковъ, какъ шляхты.

Весьма характерно, что и здѣсь, какъ и въ остзейскомъ краѣ, подобное сознаніе сопровождалось сознаніемъ и третьяго принципа, — а именно, что союзъ съ русскимъ государствомъ поможетъ литовскому народу, какъ народу и какъ народности, высвободиться отъ давленія польской шляхты и полонизма. Неясными намеками, но подобныя идеи высказались въ книжкѣ литовскихъ стихотвореній, представленной въ Вильнѣ Государю во время его проѣзда въ 1858-мъ году. Въ одной статьѣ своей въ 1863-мъ году (Русскій Инв. 1863-го года № 166. «Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?»), г. Гильфердингъ говорить: «Мы получили надняхъ письмо отъ одного природнаго литвина, католика по вѣроисповѣданію, но вѣрно любящаго свою литовскую народность. Онъ между прочимъ выставляетъ всю несообразность того явленія, что «Виленскій Вѣстникъ», офиціальный органъ Россіи въ Литвѣ, издается по-русски и по-польски. Если Россія считаетъ нужнымъ сообщать распоряженія правительства и другія извѣстія населенію Литвы не на одномъ только русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ для многихъ туземцевъ непонятенъ, то справедливость требуетъ, по мнѣнію нашего корреспондента, чтобы въ офиціальномъ органѣ подлѣ русскаго языка былъ поставленъ литовскій, но не польскій, ибо, во-первыхъ, литовскій языкъ есть языкъ массы тамошняго населенія, за исключеніемъ бѣлоруссовъ, для которыхъ польскій переводъ русскою рѣчи, очевидно, не нуженъ; а во-вторыхъ, если кто въ Литвѣ не понимаетъ по-русски, такъ это именно литвины, а отнюдь не поляки, которые какъ люди, принадлежащіе къ высшему сословію и получившіе большее или меньшее образованіе, всѣ достаточно понимаютъ по-русски». (NB. Теперь, значитъ, съ тѣхъ поръ какъ польскій языкъ исчезъ изъ «Вилен. Вѣстника», положеніе дѣлъ не измѣнилось. Литвины остаются въ полномъ невѣдѣніи о русской государственной жизни.) Въ другой своей статьѣ (День, 1864 г., № 8) г. Гильфердингъ приводитъ отрывокъ изъ другого письма литовца, писаннаго въ 1862-мъ году, въ коемъ высказаны такіе же національныя

идей. Русскимъ обществомъ ровно ничего не сдѣлано для поддержки такого движенія. Послѣ возстанія 1863-го года иные отнеслись очень неблагоклонно къ литвинамъ, именно какъ къ католикамъ. Весьма любопытно, что два года назадъ, на мѣстѣ, та партія, которая готова была повернуть въ пользу поляковъ ходъ крестьянскаго дѣла въ сѣверозападномъ краѣ, въ то же время, полагая, вѣрно, что это покажется очень «русскимъ», не безъ ревности занималась закрытіемъ католическихъ церквей въ чисто литовскомъ, католическомъ округѣ, — что, конечно, не могло не оскорбить до глубины души религіозныхъ литвиновъ. Другіе, откопавъ въ лѣтописяхъ, что литовцы во времена Миндовговъ, Гедиминовъ и Витольдовъ легко братались съ русскими и усвоивали православіе и русскую цивилизацію, рѣшили безъ дальнѣйшей думы, что литовцы тоже почти русскіе, забывая, что литовцы и въ прежнее время также легко поддавали польскому вліянію и что, какъ бы тамъ это ни произошло, а теперь между литвинами и поляками образовалась связь религіозная, русское же вліяніе у литвиновъ вытѣснено.

Безпристрастное размышленіе надъ такимъ положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ и вообще въ западномъ краѣ и приводитъ къ необходимости принятія русскимъ государствомъ и обществомъ той программы, которая свозила въ книжечкѣ виленскихъ стихотвореній, и въ письмахъ литовцевъ къ г. Гильфердингу, т.-е. къ помощи социальному и національному возрожденію литовской народности. Первый шагъ къ тому должно быть раздѣленіе въ литовскихъ округахъ католицизма отъ полонизма. Всѣ виды сколько-нибудь искусственной православной пропаганды вызовутъ только реакцію у литвиновъ; въ то же время мысль, что можно теперь же среди населенія, которое ни слова не понимаетъ по-русски, замѣнить польскій католицизмъ русскимъ, — не имѣетъ ни малѣйшаго реальнаго основанія, эта мысль можетъ возникнуть въ кабинетѣ теоретика государственнаго централиста, и какъ всѣ такіа мысли поражаются реальнымъ ходомъ исторіи со временъ какаго-нибудь Іосифа II, такъ будетъ и съ той мыслью. Для раздѣленія литовскаго католицизма отъ полонизма необходимо, конечно, образованіе мѣстныхъ священниковъ изъ мѣстныхъ литовскихъ слоевъ населенія, а такъ какъ это населеніе въ массѣ крестьянское, то тѣмъ паче будетъ достигнуто раздѣленіе интересовъ литовскаго католицизма отъ польскаго шляхетства. Трудно предполагать, чтобъ легко могло пойти народное образованіе у литвиновъ по-русски; можно бы было, конечно, ввести для печатанія литовскихъ книгъ кирилловскій алфавитъ, можно и должно стараться, чтобъ въ литовскихъ шко-

лахъ учились и по-русски, но исключительное обученіе на русскомъ языкѣ сильно затруднить ходъ образованія народнаго и не достигнеть своей цѣли. Необходимо имѣть въ виду, что мы живемъ въ вѣкъ возрожденія народностей, что литовская народная литература уже существуетъ, хотя состоитъ преимущественно изъ религіозныхъ книгъ, и что, еслибъ мы даже выучили литвиновъ въ русскихъ школахъ читать по-русски, то это, въ массѣ, не повело бы дальше знанія русскаго алфавита и обыденныхъ фразъ, а потому литовская народная партія, — а она непременно разростется, — начнетъ предлагать народу книги литовскія, писанныя, напр., русскимъ алфавитомъ, если захочетъ дѣйствовать практично. Въ то же время употребленіе латинскаго языка въ католическомъ богослуженіи приведетъ къ тому, что хотя часть народа литовскаго будетъ знать и латинскій алфавитъ и будетъ читать писанныя имъ литовскія книжки. И по естественному ходу вещей поляки и фанатическо-католическая партія, — не переставая пугать насъ литовскимъ демократизмомъ и сепаратизмомъ, — непременно начнутъ заготовлять для литовскаго народа книги, въ которыхъ будутъ проводить идеи вражды къ «схизматичкой» и «всепоглощающей Москвѣ».

За подмогою этимъ идеямъ, распространяемымъ фанатическо-католическою партіею, ни въ прошлой исторіи, ни въ народныхъ преданіяхъ остановки не будетъ; а между тѣмъ мы могли бы, не горячася объ обрусеніи Литвы, а предоставивъ это дѣло ходу времени и культуры, и заботясь только о привлеченіи взоровъ литвиновъ къ своему краю, своей народности и укрѣпивъ въ нихъ мысль, что краю этому и народности полезна связь съ Россіей и русскимъ народомъ, — могли бы надѣяться, что и народный характеръ, и исторія, и преданія, а главное интересы, повернуть литовцевъ отъ Польши къ Руси. Иначе же, придется намъ вести мелочную и всегда неуспѣшную полицейскую и цензурную войну со всѣми проявленіями литовскаго патріотизма, которая въ нашъ вѣкъ не замедлитъ расширяться.

Литовское національное движеніе имѣетъ еще одну замѣчательную сторону, которой не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду. И вотъ, именно, эта сторона: на сѣверъ отъ литвиновъ сѣверо-западнаго края находятся латыши остзейскаго, составляющіе вѣтъ того же самого племени. Отношенія между ними можно сравнить съ отношеніями фламандцевъ и голландцевъ. У латышей встрѣчается большая забота добросовѣстныхъ протестантскихъ пасторовъ-нѣмцевъ о народномъ образованіи и доступности народу слова Божія, а потому реакція нѣмцамъ повела къ національному самосознанію и къ довольно значительной для

малаго племени и неблагопріятнаго его соціального положенія литературной дѣятельности. Любопытно, что нѣмцы то хвалятся тѣмъ, что они и начали литературное возрожденіе латышей (какъ и эстовъ), то издѣваются надъ нимъ и, — главное, — пугаютъ нашу администрацію пока еще демократизмомъ только «младолатышей» и «младо-эстовъ». Словомъ, тутъ та же вѣчная исторія, что и съ польской шляхтой и украинскимъ сепаратизмомъ. По мѣрѣ укрѣпленія латышскаго націонализма, — тактика будетъ выставляться еще рѣзче, причемъ съ одной стороны нѣмцы будутъ усиливаться овладѣть къ своей выгодѣ латышскимъ движеніемъ, и въ то же время пугать насъ латышскимъ сепаратизмомъ ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ, по естественному ходу вещей латышское національное движеніе будетъ расти и должно войти въ соприкосновеніе съ литовскимъ.

Во время послѣдней революціи бельгійской, извѣстно, что фламандцы отпадали отъ Голландіи, какъ по религіозному различію, такъ и потому также, что голландское правительство хотѣло насильно дать преобладаніе голландскому нарѣчію надъ фламандскимъ. Но попавъ потомъ подъ давленіе французскаго элемента валлонцевъ, фламандцы постепенно стали тянуть къ голландскому элементу и теперь фламандское движеніе почти слило свой языкъ съ голландскимъ и усвоило голландское пра-

¹⁾ Исторія съ г. Бесбардисомъ и т. п. преслѣдованія на «младолатышскій демократизмъ» извѣстны. Извѣстно, какъ жалуются рижскіе и другіе остзейскіе корреспонденты нѣмецкихъ изданій на то, что русскіе (то демократы, то администрація, то теперь образовавшееся въ головахъ ихъ чудовище *altrussische socialdemokratisch-jungmoskowitzische Partei* натравливаютъ на нѣмцевъ латышей. А между тѣмъ Бекъ въ его замѣчательной книгѣ говоритъ: «Нѣмецкій народъ, который безучастно смотрѣлъ на подавленіе поляковъ въ Литвѣ, видитъ теперь, какъ совершенно послѣдовательно распространяется обрусеніе на самый литовскій народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на живущихъ среди литвиновъ нѣмцевъ. Будучи слишкомъ мало распространены во всей области литовскаго и латышскаго языка, чтобъ считать эти земли нѣмецкими и желать соединенія ихъ съ Германіей, нѣмецкій народъ могъ бы однакожь служить защитой тѣхъ народовъ, которые были долго ограждаемы нѣмецкой культурой въ Курляндіи и Лифляндіи. Вмѣсто того, чтобъ попусту забавляться и носиться съ литовскимъ именемъ «Пруссія», лучше бы нѣмцамъ обратить взоры на еще способные къ жизни родственные народы (*Brudervölker*) этого племени и именно оказать помощь нѣмецкаго народа остававшемуся до сихъ поръ безъ вниманія стремленію младолатышской партіи къ сохраненію и развитію латышской народности, которая совершенно равноправна съ славянскими» (*Der Deutschen Volkszahl* и проч., стр. 64, 65). Любопытно, что г. Гильфердингъ упоминаетъ о ходившей въ 1863 г. идеѣ присоединенія Ковенской губерніи, зерна Литовскаго края къ Остзейскому краю, съ сохраненіемъ *statu quo* послѣдняго, т.-е. нѣмецкаго языка, какъ официального, и остзейскихъ сельскихъ и поземельныхъ отношеній!—Нечего и говорить, что для Россіи и литовскаго племени не такое желательное соединеніе латышскаго края съ литовскимъ.

вописание. Можно ожидать подобнаго же сближенія латышскаго литературнаго движенія съ литовскимъ, что должно бы имѣть превыгодныя послѣдствія во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и для связи обонхъ племенъ съ Россіей. Во-первыхъ, отъ сношеній съ протестантскими латышами ослабѣлъ бы католическій клерикализмъ литовцевъ, а во-вторыхъ, отъ взаимнаго тяготѣнія латышей и литовцевъ ослаблено было бы нѣмецкое вліяніе на первыхъ, и польское—на вторыхъ. Надо сказать, что и самое административное дѣленіе губерній отъ Вислы до Финскаго залива весьма неблагоприятно для русскихъ и мѣстно-народныхъ интересовъ. Для государства очень невыгодно, чтобъ Рига казалась центромъ яко-бы нѣмецкихъ провинцій и была форпостомъ Кёнигсберга и Берлина, чтобъ къ Варшавѣ притягивались литовская Августовская губернія и русскій Холмско-сѣдлецкій край, чтобъ форпостъ этой Варшавы, Вильна притягивала бѣлорусскія провинціи. Поэтому административное раздѣленіе, которое бы отдѣлило русскія земли царства польскаго отъ Варшавы и связало ихъ частію съ бѣлорусскими, частію съ юго-западными губерніями, чтобъ литовскія земли царства были въ свою очередь отдѣлены отъ него, и чтобъ Остзейскія губерніи не составляли одного, совершенно искусственнаго цѣлаго, а чтобъ югъ Лифляндіи и Курляндіи отдѣлены были къ литовскимъ губерніямъ было бы полезно, какъ для единообразія въ характерѣ административныхъ, судебныхъ и учебныхъ единицъ, такъ и для раздѣленія не русскихъ и въ то же время не народныхъ элементовъ ¹⁾).

Но, скажутъ, что такимъ образомъ выйдетъ на сцену «литовскій сепаратизмъ». Мы думаемъ, что, при духѣ, который теперь господствуетъ въ Европѣ, національное движеніе среди латышей и литовцевъ, — уже и теперь существующее, все равно будетъ рости, — и для насъ выгоднѣе помочь его организаціи самимъ, или по крайней мѣрѣ держать относительно его благопріятствующій нейтралитетъ, чѣмъ дожидаться, чтобъ оно стало орудіемъ дѣйствительно сепаратистическихъ элементовъ, или раздражать это

¹⁾ Весь округъ литовско-латышскаго населенія въ Россіи имѣетъ 3.650,000 жителей, изъ коихъ 70% (2.520,000) принадлежатъ къ литовско-латышскому племени (литовцевъ до 1.700,000, латышей до 830,000); въ округѣ этомъ, кромѣ главнаго племени, нѣмцевъ меньше 4% (140—145 т.), евреевъ около 9% (30 т. въ Остз. кр., 260 т. въ литовскомъ), поляковъ отъ 8—9%, русскихъ 9—10%. Такимъ образомъ процентное число нѣмцевъ во всемъ томъ краѣ слабѣе, чѣмъ въ одномъ остзейскомъ, число поляковъ и евреевъ слабѣе, чѣмъ въ одномъ литовскомъ, а число русскихъ остается почти одинаково при соединеніи какъ и раздѣленіи. — Въ Пруссіи литовскаго племени по Нѣману 147,000.

движеніе и тѣмъ только усиливать центробѣжную его сторону. Мы можемъ сослаться на слова г. Гильфердинга, который, какъ ученый, изучавшій внимательно народныя движенія, знаетъ ихъ силу и находитъ къ тому, что интересы Россіи не только находятся въ противурѣчій съ принципомъ народности, а напротивъ требуютъ безусловнаго его проведенія. Вотъ что говорить онъ въ вышеупомянутой статьѣ: «Что касается Жмуди и Литвы въ собственномъ смыслѣ, какъ и латышей Витебской губерніи, то само собою разумѣется, что первоначальное обученіе должно быть производимо на ихъ языкахъ, вполнѣ самостоятельныхъ. Россія, уже признавъ принципъ народности въ западно-русскихъ губерніяхъ, не можетъ не быть вѣрна ему и въ краѣ, обитаемомъ вѣтвями литовскаго племени. Если бы мы стали прежде на эту точку зрѣнія и не предоставляли польскому меньшинству владычества надъ литовскою народностью, то, конечно, не удалось бы всендзамъ и шляхтѣ фанатизировать Литву и Жмудъ за Польшу, отъ которой литовская народность такъ долго и такъ много страдала. Постараемся вывести эту убитую Польшей народность изъ омертвѣнія, постараемся открыть ей путь къ образованію на собственномъ языкѣ, къ развитію своего народнаго самосознанія—и мы исполнимъ одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей Россіи въ Западномъ краѣ... Объясняйте литвинамъ законы по-литовски, отстраните тѣ обветшалыя и со времени крестьянской реформы уже ненужныя привилегіи, по которымъ шляхтичъ, т.-е. полякъ стоитъ выше не шляхтича, т.-е. русскаго и литвина, старайтесь поставить ожидаемыя новыя судебныя и земскія учрежденія такъ, чтобъ мѣстное русское и литовское населеніе имѣло въ нихъ голосъ, соотвѣтствующій его дѣйствительному значенію, — словомъ, *слѣдуетъ неуклонно, на каждомъ шагѣ, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности*, не давайте ни въ чемъ преимущества меньшинству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ: этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое безпристрастіе, и это разомъ положить конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъ польской народности ¹⁾. Впрочемъ, смотря на будущее

¹⁾ Упомянутая г. Гильфердингомъ необходимость введенія въ западный край земскихъ учреждений и судебной реформы наводитъ на важныя размышленія по отношенію къ литовскимъ округамъ. Что литовскіе крестьяне не понимаютъ по-русски, что даже въ школахъ могутъ они только весьма мало выучиться по-русски (да и то забыть, выйдя изъ школы)—это несомнѣнно. Что безъ народнаго языка не только словесный судъ, общинное управленіе и даже отчасти областное остается формальностію и чисто бюрократическою,—въ томъ соглашались даже гермазиторы, какъ

подъ реальнымъ угломъ зрѣнія, т.-е. соображаясь съ настоящимъ и прошедшимъ, должно ожидать не только усиленія литовско-латышскаго національнаго движенія, но и того, что намъ не удастся обойтись безъ недоразумѣній, ошибокъ, не обойдется дѣло и безъ интригъ и сплетень: пойдутъ въ ходъ жалобы и на сепаратизмъ и на централизмъ и т. п., но въ результатѣ, вѣроятно, все устроится благополучно (если, конечно, тому не помѣшаетъ международная катастрофа), и для литовцевъ и для насъ, и для принципа единства государственнаго и для начала автономіи: интересы массъ населенія литовско-латышскаго края сильно тянутъ къ русскому государству, русская культура слишкомъ богата, сравнительно съ зарождающеюся литовско-латышской, притомъ же она стала уже и теперь наступать въ эти края. Словомъ,—дастъ Богъ, перемелется,—мука будетъ, а до тѣхъ поръ, конечно, безъ путаницы дѣло не обойдется».

Во много разъ яснѣе проявилась реакція полонизму среди бѣлорусскаго населенія. И здѣсь реакція польскимъ тенденціямъ проявилась раньше, чѣмъ въ центрѣ государственной и культурной жизни, чѣмъ въ чисто столичныхъ кругахъ, и здѣсь реакція эта выступила сначала не подъ абстрактнымъ знаменемъ государственнаго патріотизма, а подъ знаменемъ мѣстнаго, племеннаго патріотизма, — тѣмъ она сильнѣе значитъ, тѣмъ есте-

Бѣкъ (*Volksprache* и т. д., стр. 394). Что-жъ будетъ дѣлать нашъ мировой судья, не понимая ни слова по-литовски, въ краѣ, гдѣ судящіеся и свидѣтели не понимаютъ по-русски? Что будутъ дѣлать гласные отъ литовскихъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ? Примемъ во вниманіе, что польско-шляхетскій элементъ въ Литвѣ и теперь понимаетъ и еще больше овладѣетъ русскимъ языкомъ и тогда получимъ, что въ гласномъ судѣ и земствѣ этотъ элементъ явится представителемъ и руководителемъ безгласнаго литовскаго населенія. Будетъ ли это къ выгодѣ послѣдняго и русскаго государства? А будетъ ли выгодно и для народа и для государства оставлять край вѣчно при бюрократическихъ формахъ мѣстнаго хозяйства, суда и управленія? Бѣдъ могло бы помочь учрежденіе литовско-русскихъ гимназій, семинарій, преподаваніе литовскаго языка въ университетѣ,—петербургскомъ, напр., пока не откроютъ виленскаго (въ Германіи послѣ Шлейхера въ нѣкоторыхъ университетахъ преподаютъ литовскій языкъ, ради его филологическаго интереса). Было бы совершенно цѣлесообразно требовать отъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и суда доказательства знанія ими литовскаго языка,—только надо облегчить возможность его изученія. Замѣтимъ, что и въ германизаторской Пруссіи въ гимназіяхъ В. Пруссіи, Познани, части Силезіи преподается польскій языкъ, и чешскій (въ части Силезіи), въ Котбусѣ лужицко-сербскій. То же надо сказать еще болѣе о духовныхъ семинаріяхъ.—Начиная съ брусельскаго международнаго конгресса 1853 г. изслѣдованіе народныхъ языковъ (*langue parlée, language spoken*) стало предметомъ общеевропейскаго вниманія. Любопытны будутъ разсужденія объ этомъ предметѣ на ближайшемъ собраніи статистиковъ, которое, какъ извѣстно, будетъ въ Петербургѣ. — О важности для насъ литовскаго языка и народности и о трудахъ для нея нѣмцевъ, и даже поляковъ см. того же г. Гильфердинга въ «Днѣ» 1864, № 8.

ственнѣе. Съ конца 1861-го года г. Кояловичъ принялъ участіе въ спорѣ, который велся между кievской археографической комиссіей, г. Костомаровымъ и др. съ одной стороны, и г. Падалицей и др.—съ другой. Въ № 1 «Дня» за 1861-й годъ (15-го октября) явилась статья г. Кояловича «Литва»,—направленная противъ польскихъ стремленій отождествить Литву съ Польшей. Помѣщая статью эту, редакція московской газеты заявила, что открываетъ свои столбцы обѣимъ спорящимъ сторонамъ. Что до г. Кояловича, то вслѣдъ за этой статьею онъ напечаталъ множество статей и корреспонденцій въ «Днѣ», въ которыхъ, конечно, не выражая и тѣни сколько-нибудь сепаратистическихъ идей, въ то же время высказалъ въ достаточно ясномъ видѣ свое бѣлоруссофилство, которое видно и изъ приведенныхъ выше словъ его. Въ № 8 «Дня» за 1861-й годъ появилась статья г. В. Елагина «о Литвѣ и Польшѣ», въ которой авторъ не безъ нѣкотораго (свойственнаго тогда «Дню», только-что обозвавшему все русское развитіе съ Петра «ложью») тумана говорить объ отношеніи полонизма къ Россіи, доказываетъ, что полонизмъ есть общественно-культурная, а не государственная сила, что она усилилась въ западномъ краѣ именно со времени присоединенія его къ Россіи, что, напр., въ присоединенной къ Московскому государству Смоленской области православные смоляне такъ *начали* ненавидѣть *русскихъ*, что до временъ Елизаветы «ни одинъ смоленскій дворянинъ не женился на *русской*». Г. Елагинъ совѣтовалъ «осторожно снимать кору, которая наросла и на литовцахъ и на полякахъ и на насъ» (онъ писалъ съ границы бѣлорусской). Г. Елагинъ и редакція «Дня» просили общество подумать о помощи народу бѣлорусскому. Въ томъ же № помѣщена корреспонденція изъ Могилева о польскихъ манифестаціяхъ. Редакція, выразивъ удовольствіе при видѣ первой корреспонденціи изъ Бѣлоруссіи, просила присылать побольше свѣдѣній о положеніи бѣлорускаго народа, полагая, что и «великорусское общество не останется равнодушнымъ къ участи забытыхъ и забытыхъ братій». Результатомъ запросовъ редакціи о спокойномъ обсужденіи вопроса о Литвѣ явилась, во-первыхъ, уже упомянутая статья М. Грабовскаго, а также два письма изъ Бѣлоруссіи, оба подписанныя «Бѣлоруссъ». Одинъ корреспондентъ, очевидно мѣстный полякъ, выражался враждебно о Москвѣ, которая, «въ нашей странѣ построила только крѣпости и остроги, въ *Бобруйскѣ*, *Кіевѣ* и др.». Другой именно задѣвалъ польско-бѣлорусскій патріотизмъ и, приводя слова крестьянъ о причинахъ неудовольствій поляковъ, доказывалъ, что въ бѣлорусскомъ народѣ не можетъ быть тяготѣнія къ польскимъ инте-

ресамъ («День», 1862, № 20). Около этого же времени въ Кіевѣ сталъ выходить журналъ «Вѣстникъ Юго-западной Россіи», перешедшій послѣ въ Вильну, подъ редакціей гг. Говорскаго и Эремича, бѣлорусскихъ уроженцевъ, которые помѣщали сначала статьи г. Кулиша «о борьбѣ украинскаго народа съ поляками» и защищали «хлопоманію» отъ польскихъ доносовъ и русскихъ подозрѣній (Что такое хлопоманы? «В. Ю. З. Р.», 1862, V), а послѣ напалъ не только на украинофиловъ, но и на малорусское нарѣчіе, вида въ немъ порчу русскаго языка польскимъ и ставя его по самодѣтельности ниже бѣлорусскаго.

Такимъ образомъ, «День» и «Вѣстникъ Западной Руси» стали органами, въ которыхъ находили себѣ выраженіе мнѣнія бѣлоруссофильскія, — сводившіяся къ реакціи полякамъ во имя бѣлорусскаго народа, къ поднятію этого послѣдняго и возбужденію въ немъ національнаго сознанія, съ помощью великорусскаго общества и къ защитѣ бѣлорусскихъ особенностей отъ слишкомъ ревностной чистки наѣхавшими великорусскими дѣятелями уже послѣ усмиренія возстанія. Особенно замѣчательны были статьи г. Кояловича и анонимныя бѣлорусскія письма, помѣщавшіяся въ «Днѣ» въ теченіе 1863-го года. Наиболѣе характерная статья «Встрѣча народности въ Западной Россіи съ русскою государственностью и великорусскою народностью. По поводу народныхъ карауловъ въ западной Россіи». Находясь въ постоянномъ взаимодействіи съ бѣлорусскими кружками въ Петербургѣ и въ сѣверо-западномъ краѣ, — гдѣ въ это время помышляли-было объ учрежденіи газеты на бѣлорусскомъ нарѣчьи, — редакція «Дня» (№ 25, 1863 г.) говорила, что «необходимо, чтобъ крестьянинъ понималъ государевъ указъ и внушенія русской власти вполнѣ отчетливо, безъ недоразумѣній, необходимо, чтобъ почувствовалъ себя вполнѣ русскимъ, а для того онъ долженъ почувствовать себя прежде всего бѣлоруссомъ: разомъ *вытѣпнуть изъ него великорусскаго мужика* невозможно, да и нѣтъ надобности. Мы полагаемъ, вслѣдствіе того, что было бы чрезвычайно полезно: преподавать первоначальныя познанія и смыслъ правительственныхъ распоряженій бѣлорусскому крестьянину на бѣлорусскомъ нарѣчьи, учить его читать и писать по-бѣлорусски, а потомъ непремѣнно и по-русски и по церковно-славянски, что, послѣ бѣлорусской грамоты, ему дастся легко»....

Впрочемъ, всѣ эти бѣлоруссофильскія затѣи кончились ничѣмъ, или почти ничѣмъ. Газета не была осуществлена, и по-бѣлорусски только и было напечатано въ 1863-мъ году, правда, управленіемъ виленскаго учебнаго округа, а не частными лицами, «Разсказы на простонародномъ нарѣчьи» да нѣсколько

статей въ «Книгѣ для чтенія въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа», да и то статьи эти были поставлены весьма не у мѣста. По смыслу словъ «Дня»,—вполнѣ согласныхъ съ мнѣніями нашихъ лучшихъ педагоговъ, гг. Водовозова, К. Ушинскаго, Весселя, бар. Корфа,—мѣстные нарѣчія, бѣлорусское и малорусское, должны быть употребляемы при началѣ обученія (когда приходится въ одно время и учить читать и учить понимать), мѣстный элементъ вообще долженъ бы играть роль точки отправленія, затѣмъ долженъ былъ слѣдовать языкъ и элементъ русско-государственный и наконецъ церковный, а въ виленской книгѣ для чтенія все было поставлено на выворотъ и бѣлорусскія статьи были какой-то странной заплатой.

Всѣ дальнѣйшія попытки и замыслы бѣлоруссофиловъ на нѣчто положительное въ употребленіи бѣлорускаго нарѣчія въ педагогикѣ и литературѣ разбились о рѣзкія обличенія «Московскихъ Вѣдомостей», направленные противъ «бѣлорускаго сепаратизма», хотя далеко не такъ рѣзкія, какъ филиппики противъ «украинскаго сепаратизма», а особенно послѣдовавшее вслѣдъ за статьями «Московскихъ Вѣдомостей» воспрещеніе печатать на западно-русскихъ нарѣчіяхъ статьи педагогическаго и духовнаго содержанія; съ чѣмъ вмѣстѣ провалилась и идея «Дня», и педагоговъ, какъ г. Водовозовъ и др., о составленіи читальниковъ для западно-русскаго населенія, которые бы представляли постепенное восхожденіе отъ мѣстнаго къ обще-русскому и соединеніе мѣстнаго съ общимъ,—идея несравненно болѣе практичная, чѣмъ исключительно малорусское образованіе народа, котораго требовали нѣкоторые изъ украинофиловъ, и чѣмъ обученіе всѣхъ мѣстностей Россіи по лунообразной книгѣ для чтенія, въ родѣ «Пчелы», или даже «Родного Слова» г. Ушинскаго, или книги г. Водовозова, чего не одобрить ни одинъ педагогъ, и противъ чего подавали голосъ сами авторы этихъ книгъ, гг. Ушинскій и Водовозовъ. Окончательный ударъ практическому примѣненію идей бѣлоруссофиловъ къ народному образованію нанесло распоряженіе св. синода, воспрещавшее священникамъ прибѣгать въ проповѣдяхъ къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и приказъ заботиться объ очищеніи языка проповѣдей отъ всякихъ провинціализмовъ, какъ унижающихъ достоинство вѣроученія. Мысль объ утилизированіи бѣлорускаго нарѣчія въ религіозной жизни промелькнула-было во время споровъ объ обрусеніи католицизма въ западномъ краѣ. «Русскій Вѣстникъ» помѣстилъ, два года назадъ, обстоятельную статью за подписью «Бѣлоруссъ» объ употребленіи русскаго языка въ востелахъ западнаго края въ прежнія времена. Изъ статьи этой видно, что почти до нынѣш-

няго вѣка, начиная съ XVI-го вѣка, выходили въ Вильнѣ и др. городахъ книги проповѣдей, переводы св. Писанія, сборники духовныхъ стиховъ на мѣстномъ русскомъ (бѣлорусскомъ) языкѣ (то же для малорусскаго дѣлалось въ уніатскомъ Почаевѣ),— но что поляки постепенно истребили или отодвинули эти книги и языкъ ихъ на задній планъ и замѣнили польскимъ. Дальнѣйшее употребленіе польскаго языка въ религиозной жизни и поэзіи западно-русскихъ католиковъ не желательно ни для какаго русскаго, въ томъ числѣ и для г. Бѣлорусса, но онъ оставляетъ безъ рѣшенія вопросъ, считаетъ ли онъ полезнымъ и необходимымъ возвращеніе къ прежнему употребленію въ религиозной жизни бѣлорусскихъ католиковъ народнаго языка, хоть какъ переходной степени и въ проповѣди и духовныхъ стихахъ, или же думаетъ обойтись безъ него и прямо перейти къ теперешнему государственно-литературному русскому языку. Впрочемъ и самый вопросъ объ обрусеніи католицизма какъ-то запутался и затихъ. Но съ поднятіемъ его къ жизни врядъ ли обойдется дѣло, по крайней мѣрѣ въ духовной поэзіи (которую такъ любятъ въ сѣверо-западномъ краѣ) и въ проповѣди, безъ возвращенія, по примѣру прежнихъ временъ, къ мѣстнымъ народнымъ нарѣчіямъ. Католическое духовенство въ западномъ краѣ, подобно своимъ собратамъ въ другихъ мѣстахъ Европы, изъ духа пропаганды не преминетъ обратиться къ мѣстнымъ нарѣчіямъ для оживленія своей проповѣди и поэзіи; по реакціи официальному русскому языку обратится къ нему и часть польской партіи въ духовенствѣ не безъ задней мысли, что бѣлорусское нарѣчіе— видъ польскаго, а не русскаго, — и такимъ образомъ русскій католицизмъ станетъ въ рѣзкое противурѣчіе съ русскимъ православіемъ, которое будетъ держаться старо-славянскаго языка въ богослуженіи и отчасти въ проповѣди и во всякомъ случаѣ избѣгать въ послѣдней мѣстнаго нарѣчія. Это же противурѣчіе, безъ сомнѣнія, вызоветъ извѣстныя затрудненія и путаницы,— которыя могутъ уладиться только внѣ всякой регламентаціи,— отъ коей мы конечно не уйдемъ.

Такимъ образомъ, бѣлоруссофильство заявило себя на практикѣ не столько съ положительной, сколько съ отрицательной стороны, какъ реакція полонизму, и въ этомъ отношеніи оно имѣетъ и имѣло немаловажное значеніе, особенно въ виду того, что передъ самымъ возстаніемъ въ польскихъ кругахъ стало складываться свое, польское бѣлоруссофильство, которое стремилось представить реакцію Россіи народнымъ дѣломъ, согласнымъ съ любовью въ краю. Надо впрочемъ сказать, что въ русскомъ бѣлоруссофильствѣ была одна черта, которая дѣлала его отчасти и вред-

нымъ для русскихъ интересовъ въ западномъ краѣ. Черта эта объясняется тѣмъ, что бѣлорусскіе патріоты въ большинствѣ случаевъ были люди исключительно духовнаго, семинарскаго образованія (результатъ того, что въ сѣверо-западномъ краѣ не было университета). Бѣлоруссофильство въ Вильнѣ выражалось въ послѣдніе годы въ томъ, что наши газеты называли «клерикализмомъ» сѣверо-западнаго края, или еще рѣзче «мрачное сонмище». Разные литературные дѣятели сѣверо-западнаго края и лица учебнаго вѣдомства бѣлорускаго происхожденія отличались вѣроисповѣдною исключительностью, узкою ненавистью къ католицизму, выражавшеюся и въ препятствіяхъ введенію русскаго языка въ католическое богослуженіе, будто бы того недостойное, будто бы угрожающее русской народности и православію. То же самое высказывалось и по отношенію къ евреиству. Очевидно, что клерикалы бѣлорусскіе смѣшивали понятіе о религіи и народности, во вредъ той и другой. Къ тому же, по крайней мѣрѣ редакція «Вѣстника Западной Россіи» доводила племенную и религіозную неприязнь къ ополченнымъ католическимъ слоямъ населенія западнаго края до фанатической ненависти къ польской народности и ко всему польскому вообще. Нужно припомнить, что до 1863-го года весьма значительная часть даже духовно-педагогическаго міра въ сѣверозападномъ краѣ была сильно подполячена. Свѣтскій языкъ, салонныя понятія были польскія, а потому, напр., семейства священниковъ, особенно женщины, вообще падкія на свѣтскость, — говорили по-польски («День», 1863 г. № 36). Не обходилось дѣло и безъ пѣнія польскихъ революціонныхъ гимновъ прекрасными голосами, польскаго и русскаго происхожденія, и дочерьми русскихъ чиновниковъ и даже духовныхъ. «Маленькіе люди» по матеріальному достатку и служебному положенію бѣлоруссы-чиновники и даже священники не разъ принуждены были поддакивать богатому и развитому полонизму, пока не взялъ его въ ежовыя рукавицы ген. Муравьевъ. Но послѣ его крутыхъ мѣръ положеніе дѣлъ перемѣнилось (онъ заставилъ и полка-редактора «Вилenskaго Вѣстника», доказывавшаго прежде необходимость повсемѣстнаго образованія въ сѣверо-западномъ краѣ на польскомъ языкѣ, продолжать при немъ изданіе газеты въ другомъ духѣ, да еще такъ, что ген. Муравьевъ остался имъ вполне доволенъ, что потомъ выставлялъ въ свою защиту отъ нападеній г. Каткова его бывшій корреспондентъ). А какъ перемѣнилось положеніе дѣлъ, то не обошлось дѣло и безъ ревности, свойственной неофитству. — «Всѣ мы люди, всѣ человѣки!» — но только неофитская ревность въ преслѣдованіи полонизма и фа-

натическая ненависть къ католицизму и польской народности вообще не могла не нанести вреда въ особенности въ школьномъ и научномъ дѣлѣ, которое «не терпитъ суеты». Оппозиція же «обрусенію католицизма» изъ православнаго фанатизма прямо уже ведетъ неумѣлаго русскаго патриота «въ панургово стадо». А потому громы, которыя изрѣдка пускали «Московскія Вѣдомости» въ «виленскій клерикализмъ» и «бѣлоруссофильство», были далеко не бесполезны, хотя и не совсѣмъ послѣдовательны, такъ какъ въ вопросѣ объ организаціи народнаго образованія въ западномъ краѣ «Московскія Вѣдомости» совершенно поддерживали систему «виленскаго клерикализма» и только въ недавнее время стали высказывать мысли, что дѣло народнаго образованія не можетъ успѣшно идти, будучи исключительно возложено на духовенство¹⁾.

VI.

Почти одновременно съ бѣлоруссофильствомъ выступило противъ польскихъ притязаній «московское славянофильство», — которое съ такимъ же правомъ можетъ быть названо «великоруссофильствомъ.» Мы опасаемся, что это послѣднее названіе

¹⁾ «День», конечно, ослѣпленъ былъ еще болѣе. Такъ, корреспондентъ его г. Н. Рычковъ передаетъ слова крестьянъ о томъ, что школа врядъ ли пойдетъ хорошо въ рукахъ священника: «Гдѣ батюшкѣ учить, говорили крестьяне въ Козянахъ, Виленской губерніи, онъ покажетъ въ книгѣ рядокъ (строку) и этого довольно на цѣлый день. Знаемъ мы, какъ батюшка учить! Если школа будетъ у батюшки безъ помощника, мы не отдадимъ дѣтей». Священникъ толковалъ: «Не ваше дѣло объ этомъ разсуждать: пріѣдутъ начальники, снимутъ съ меня отчетъ». «Да вѣдь дѣтки-то наши,—отвѣчали крестьяне,—груды и время пропадутъ!» — По поводу этого характернаго разговора г. Рычковъ выражается, что «крестьяне говорили, вѣроятно, вслѣдствіе совѣщанія съ какимъ-нибудь ксендзомъ или писаремъ» (!) и что «подъ помощникомъ вѣроятно совѣтники разумѣли поляка (!),—и совершенно (какъ и редація «Дня») раздѣляетъ точку зрѣнія священника: «не ваше дѣло разсуждать о вашихъ дѣтках!»—Мы привели этотъ примѣръ, какъ характеризующій образъ отношеній нашихъ дѣятелей и публицистовъ «обрусенія» къ народу: то превозвышаютъ его, какъ носителя сущности русской народности, и видятъ въ его изреченіяхъ высокую мудрость, давая ей даже политическое значеніе, то, когда это идетъ противъ ихъ теорій, коньковъ, а то и карманныхъ интересовъ,—вдругъ мудрость обращается въ тупое слѣдованіе совѣтамъ какого-нибудь ксендза, носителя русской коренной народности въ ополченный объектъ мѣропріятій, — и все заканчивается восклицаніемъ: «не ваше дѣло разсуждать!».... хотя бы и о «вашихъ дѣткахъ». —Извѣстно, что то, что говорили крестьяне въ Виленской губерніи, говорилось на множество ладовъ въ земскихъ собраніяхъ, даже какой-нибудь Вятской и Самарской губерніи, куда и духу польскаго ксендза трудно залетѣть.

не понравится приверженцамъ московскаго славянофильства, которое бы желало, чтобъ его чествовали просто славянофильствомъ даже безъ прибавленія «московскій», прибавленіе, которое-то именно и даетъ направленію, при всѣхъ его всероссійскихъ и всеславянскихъ тенденціяхъ значеніе тоже «областного патріотизма», коли хотите тоже своего рода сепаратизма. Такъ какъ характеръ московскаго славянофильства не остался безъ вліянія на отношеніе его къ польскому вопросу и къ западно-русскому краю, то мы считаемъ необходимымъ остановиться на опредѣленіи этого характера. Московское славянофильство, конечно, не чуждо всеславянскихъ и всероссійскихъ тенденцій, оно такъ много говоритъ о любви своей ко всѣмъ славянскимъ племенамъ и, надо отдать ему честь, по временамъ сильно скрѣпляло свое сердце до самыхъ лирическихъ отношеній даже къ католическимъ полякамъ, чехамъ и хорватамъ. Его первый періодическій органъ «Русская Бесѣда» былъ притономъ; въ коемъ выступило и украинофильство въ «Эпилогъ къ Чорной радѣ», г. Кулиша; тутъ же г. Хомяковъ привѣтствовалъ появленіе проповѣдей о. Гречулевича и желалъ видѣть почаще слово Божіе, излагаемое на мѣстныхъ живыхъ русскихъ нарѣчіяхъ (1857 г.). Въ «Днѣ» Ил. Б.—въ (1862 г., № 52), хотя и не безъ ворчанія, встрѣтилъ сочувственно извѣстіе о приготовленіи къ печати евангелія на малорусскомъ языкѣ и выразилъ готовность «москвичей помочь этому дѣлу для того, чтобъ показать, что для нихъ и теперь живо и дѣйственно слово, сказанное ихъ отцами малоруссамъ въ XVII-мъ вѣкѣ: рады умереть за вѣру православную, за нашихъ братьевъ червасъ!» «День» навлекъ на себя укоры «Московскихъ Вѣдомостей» за посильную защиту предпріятія г. Костомарова издавать для малороссійскаго народа книги для чтенія и обученія на его родномъ языкѣ (1863 г., №№ 27, 29). «День» сталъ органомъ бѣлоруссофильства, защищалъ бѣлоруссовъ (впрочемъ преимущественно духовенство) отъ слишкомъ ревностныхъ приѣмовъ очистителей русскаго элемента въ западномъ краѣ, наѣхавшихъ изъ Великой Руси, простиралъ свою снисходительность даже до терпимости къ усвоеннымъ въ Бѣлоруссіи католическимъ чертамъ церковной и религіозной жизни. «День» помѣщалъ такія статьи, какъ упомянутая г. Кояловича, о встрѣчѣ западно-русской народности съ великорусской, — въ коей бѣлорусъ-авторъ, сравнивая пробудившееся недавно стремленіе русскихъ племенъ къ единенію таковымъ же, произведеннымъ обращеніемъ Хмельницкаго въ Москвѣ и совмѣстными войнами малоруссовъ и великоруссовъ съ поляками, въ XVII-мъ вѣкѣ, — считаетъ «небезполезнымъ напомнить давній совѣтъ Ордына-

Нащокина, по которому слѣдовало сдерживать всѣ дурныя страсти при встрѣчѣ съ народомъ западно-русскимъ и приобрѣтать его любовь добрыми и гуманными дѣлами¹⁾).

Помѣщеніе такого рода строкъ, какъ выписанныя изъ статьи г. Кояловича и представленное отношеніе «Русской Бесѣды» и «Дня» къ украинофильству и бѣлоруссофильству показываетъ, какъ старалось московское славянофильство отнестись къ народнымъ движеніямъ и въ другихъ русскихъ племенахъ. И это отношеніе совершенно естественно: будучи тоже «хлопоманіей»,

¹⁾ «Переходовый человѣкъ своего времени, говорить дагѣе г. Кояловичъ объ Ордынѣ-Нащокинѣ, безъ сомнѣнія понималъ или чувствовалъ, что долго разбѣденныя половины русскаго народа не могли не выработать такихъ особенностей, которыя могутъ послужить поводомъ къ разбѣденію и враждѣ, если не рѣшиться на подвигъ братской любви и снисхожденія. Къ несчастію, страсти и привычки взяли верхъ надъ дивными совѣтами передового человѣка и страшно попортили дѣло къ великой радости поляковъ (взаимныя недоразумѣнія Хмельницкаго и московскаго правительства, потомъ усилившіяся при другихъ гетманахъ, что повело къ оставленію программы Хмельницкаго о вольномъ соединеніи всего русскаго народа до Львова, и къ тому, что московское правительство, для того чтобъ подвести подъ общій свой порядокъ упорную Малороссію, предпочло отдать, по Андрусовскому миру, правую половину ея полякамъ). Теперь можетъ случиться то же самое. Въ западно-русскомъ народѣ и теперь есть свои историческія особенности, требующія тѣмъ болѣе гуманнаго отношенія, что надъ ними носится духъ народной воли. Русскимъ людямъ предстоитъ понять это и рѣшиться на тотъ же подвигъ, къ которому призывалъ современниковъ Ордыня-Нащокинъ. И не думайте, что это легкій подвигъ, что всѣмъ русскимъ людямъ легко его выполнить. Трудности есть и очень большія. Русскіе люди, находящіеся теперь въ западной Россіи, естественно настроены видѣть строгое, обще-русское единство, — а передъ ними вдругъ выступаютъ малороссы, бѣлорусы, и тѣмъ болѣе литвинъ. Русскому человѣку поэтому естественно видѣть вездѣ въ западной Россіи поражающую *неполноту* русскаго элемента и, рядомъ съ этою неполнотою, видѣть что-то совершенно *лишнее, негармонизирующее*. Ему, особенно теперь, въ минуты патріотическаго напряженія, не легко можетъ придти въ голову, что въ этомъ видимо лишнемъ, негармонизирующемъ сохранилось, можетъ быть, много древнѣйшихъ формъ старой восточно-славянской жизни. Ему естественнѣе думать, что все это *наносное, польское*, и подъ вліяніемъ вражды къ полякамъ, онъ сочтетъ себя въ правѣ, и въ правѣ видимо законнѣйшемъ, все это измѣнять и уничтожать—возсоздавать русскую полноту въ западно-русскомъ народѣ (авторъ въ выносѣ говоритъ, что ему много извѣстно подобныхъ неразумій, да говорить было бы долго и тяжело). Онъ естественно будетъ думать, что въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ тутъ противъ Польши, а между тѣмъ тутъ-то онъ и сойдется съ поляками самымъ близкаимъ образомъ. Тутъ-то именно онъ покажетъ то аристократическое, шляхетское отношеніе къ крестьянству, хлопству, передъ которымъ все народное должно было уступать и которое на вѣки вѣчныя приготовило полякамъ ненависть въ народѣ западной Россіи. А станьте только разъ на этотъ путь, объединяющій васъ въ глазахъ народа съ поляками, и незамѣтно пойдете дальше и сблизитесь совсѣмъ съ поляками, — не въ томъ справедливомъ сближеніи, которое всегда желательно, а въ томъ, которое будетъ губить въ западной Россіи народное дѣло во вредъ вамъ и въ пользу полякамъ».

т.-е. движеніемъ, которое стремится восполнить бездну, раздѣляющую привилегированные классы отъ крестьянства и видить въ послѣднемъ образецъ и основу народности, будучи результатомъ романтизма, т.-е. обращенія къ прошлому, когда и различія классовъ были слабѣе, и народъ имѣлъ много случаевъ, по отсутствію или слабости государственной регламентаціи, проявлять себя самостоятельно, — московское славянофильство не могло не уважать, и при случаѣ не поддерживать аналогическихъ съ нимъ стремленій и на западныхъ концахъ Россіи и даже въ Польшѣ. Но оказывая сочувствіе родственнымъ съ собою и исходившимъ изъ одного принципа движеніямъ, не могло, также (что еще болѣе естественно) не имѣть пристрастія къ своему ближайшему, а это пристрастіе переходило даже въ исключительность, благодаря качеству тѣхъ элементовъ и тѣхъ традицій, къ которымъ обращалось это направленіе. Московское славянофильство возросло на почвѣ народности великорусской, границы которой почти совпадаютъ съ границами московскаго государства до $1/2$ XVII в., т.-е. до присоединенія къ нему Малороссіи и до очевиднаго появленія того направленія, которое довело до кризиса, называемаго петровской реформой. Проживши же долгое время въ удаленіи отъ остального свѣта, московское государство выработало достаточную долю самопоклоненія, народной и религіозной исключительности. Московскіе славянофилы видѣли чистый образецъ русскаго и даже славянскаго государства въ этомъ государствѣ XVII в., съ его общественными и религіозно-культурными признаками, а въ великорусскомъ мужикѣ не только образецъ оторванному петровской реформой отъ народа мѣстному обществу, но и чистый типъ русскаго и славянскаго человѣка. Всѣ остальные виды русскаго человѣка, западные, а тѣмъ паче западнаго славянина, казались московскимъ славянофиламъ порченными, отчасти на такой манеръ, какъ казались православнымъ москвичамъ XVII в. не православными черкасы и бѣлоруссы, а поляки ужъ вовсе чуть не нехристями. Призывая высшіе классы къ единенію съ народомъ, рядясь въ красную рубаху, восхищаясь героями государственной жизни только древне-московскаго государства, — московскій славянофилъ нѣтъ-нѣтъ, да и посмотреть косо на то, что и хохолъ тоже нарядится въ свою вышитую рубаху, начнетъ говорить рѣчью своего простонародья, восхищаться и своею старою исторіей, — и по свойственной русскому человѣку подозрительности и наклонности искать «подвохи», «бунтовщиковъ» и «антихристовъ», начинаетъ искать, нѣтъ ли тутъ и впрямь польскаго, или вообще вражьяго участія. А разъ сошелъ человѣкъ съ

дороги довѣрія, начинаются недоразумѣнія, неискренность и т. д. Такая двойственность въ отношеніи московскаго славянофильства къ народному движенію въ западной Руси, особенно къ украинскому (такъ какъ бѣлоруссофильство осталось на ступени покровительствуемаго еще направленія, подобно тому, какимъ было украинофильство еще во время «Русской Бесѣды» и старыхъ славянофиловъ (С. и К. Аксаковыхъ, Хомякова)) не осталось безъ вліянія на ходъ дѣлъ въ западномъ краѣ; а еще большія послѣдствія имѣли отношенія московскаго славянофильства къ полякамъ и евреямъ въ западномъ краѣ и въ Польшѣ.

Пререканія между московскимъ славянофильствомъ и украинофильствомъ начались изъ-за чисто ученаго разногласія. Ил. Б.—въ помѣстилъ въ «Днѣ» замѣтку противъ статьи г. Костомарова «Двѣ Русскія народности» подъ названіемъ «Корень русской народности», въ коей не только оспаривалъ теорію г. Костомарова о южно-русскомъ происхожденіи Новгорода,—которая, конечно, очень можетъ подлежать спору, но въ то же время въ видѣ *revanche* съ излишкомъ противопоставилъ ей теорію ужъ вовсе ни на чемъ не основанную, развѣ на областномъ самоиѣніи, что новгородцы были великорусскимъ племенемъ, широко распространеннымъ до Бѣлозера и Смоленска, сосредоточеннымъ и организованнымъ сравнительно съ разсѣянными и неспособными къ общественному развитію племенами южными, въ которыхъ сѣверяне принесли гражданственность и которыхъ съ полнымъ правомъ «примучивали», если тѣ обнаруживали упорство въ нежеланіи подчиниться высшей гражданственности. Послѣ нѣскольکو горячаго отвѣта г. Костомарова, г. И. Б.—въ уже началъ вторую свою статью словами: «г. Костомаровъ, — тотъ самый, который *постоянно проповѣдуетъ о близости южно-русскаго народа къ польскому* по основамъ народнаго характера, о перевѣсѣ въ насъ, сѣверноруссахъ, финскаго и татарскаго начала надъ славянскимъ и т. д.» Съ этихъ поръ дальнѣйшая критика славянофильскихъ органовъ противъ сочиненій г. Костомарова (исключая разбора «Сѣвернорусскихъ Народоправствъ» г. Гильфердинга) утратила совершенно научный характеръ, и славянофильскій органъ наконецъ дошелъ до выраженія, будто г. Костомаровъ каждымъ своимъ сочиненіемъ хочетъ только доказать, что «великоруссы—каналы!»....

Также плачевно кончились и пререканія между украинофилами и московскими славянофилами и по вопросу о малорусской литературѣ. По мѣрѣ того, какъ развивалось малорусское движеніе, въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ нашихъ поднялся вопросъ о необходимости и предѣлахъ развитія литературы ма-

лорусской. Нѣкоторые изъ украинофиловъ добазывали, хотя и не всегда ясно, что на почвѣ малорусской народной рѣчи можетъ и должна развиться полная и всесторонняя литература, такая же, какъ теперешняя русская, развившаяся на почвѣ языка великорусскаго. Во имя правъ каждаго народа на свободу развитія своей индивидуальности, украинофилы этого рода требовали права свободного развитія новообразующейся литературы, признанія за языкомъ этой литературы официального значенія, употребленія въ казенныхъ школахъ. Другіе же признавали всякую попытку писать нарѣчіемъ, уклоняющимся отъ общепринятаго въ литературѣ, за, по меньшей мѣрѣ, смѣшную, а то и опасную попытку злонамѣренныхъ людей. «День» сталъ-было въ этомъ вопросѣ на самую вѣрную и практичную точку: въ статьѣ г. В. Ламанскаго (1861 г., № 2) въ примѣчаніи къ письму г. Кулиша (1861 г., № 7) и въ статьѣ редакціи въ № 20, — «День» высказалъ свои понятія объ этомъ вопросѣ. Г. Ламанскій по вопросу, на какомъ языкѣ писать галицкимъ русинамъ, высказалъ два положенія: 1) что наши малороссіяне не могутъ отбросить русскаго литературнаго языка, 2) что русины не могутъ оставить своего нарѣчія безъ литературной обработки. «Признаемся, говорить г. Ламанскій, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не мѣстной словесности) представляется намъ величайшею нелѣпостью. Эта литература возможна только при условіяхъ самыхъ невообразимыхъ. Такъ, напримѣръ, надо убѣдить всѣхъ мыслящихъ малороссіянъ въ ея необходимости, надо имъ позабыть употребленіе русскаго языка, перестать читать русскія книги, надо образовать цѣлыя поколѣнія малороссіянъ въ невѣдѣніи русскаго языка и литературы! Безъ этихъ условій самостоятельная украинская литература немислима. По нашему одинаково нелѣпо, роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельстве умственное превосходство великоруссовъ надъ малороссіянами. Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то возможна и полезна литературная обработка нарѣчія малорусскаго рядомъ съ общерусскимъ языкомъ, особая *малорусская словесность* рядомъ съ русскою литературою, съ русскою наукою и образованностію (Редакція замѣтила въ выноскѣ: «для домашняго обихода. Вспомнимъ статью Хомякова въ Р. Бесѣдѣ, съ искренною радостью привѣтствовавшего появленіе малороссійскихъ проповѣдей Гречулевича.»). Въ № 20, 1862-го года редакція «Дня», сославшись на свои слова въ № 7, между прочимъ говорить: «Мы уже выразили свое искреннѣйшее желаніе полнѣйшей, безпрепятственной свободы развитія малорусской на-

родной литературы. Мы не думаемъ, чтобъ это развитіе когда-нибудь раздвоило *русскій* литературный языкъ, языкъ образованнаго общества всей русской земли, безъ различія малоруссовъ и великоруссовъ, но мы никогда не посовѣтовали бы ни Шевченку, ни М. Вовчку писать первому свои великолѣпные стихи, а второму — украинскія повѣсти на языкъ обще-литературномъ, а не простонародномъ — малорусскомъ». Въ силу своего убѣжденія въ пользѣ малорусской литературы для «домашняго обихода», редакторъ «Дня» выражалъ сочувствіе и предпріятію г. Костомарова издать на малорусскомъ языкъ евангеліе и книги элементарнаго научнаго содержанія для народнаго чтенія.

Такое умѣренное и чисто на практическихъ началахъ основанное воззрѣніе редакціи «Дня» весьма не далеко было отъ понятій и большинства малороссійскаго общества и самого г. Костомарова (см. статью его объ учебникахъ для народнаго чтенія въ «Основѣ» и письмо къ редактору «Дня» въ 1863-мъ году, № 27, 29). Впрочемъ, какъ бы ни думали, ни мечтали разные украинскіе писатели, а для дѣла важно было то, что, за самыми ничтожными исключеніями, украинское нарѣчіе употреблялось литературно только для беллетристики изъ народной жизни (такимъ образомъ въ русской литературѣ образовался отдѣлъ народной беллетристики и поэзіи малорусской, подобно тому, какъ комедіи и драмы Островскаго, нѣкоторые стихотворенія и поэмы Некрасова, гр. Ал. Толстаго, рассказы Успенскаго и др. образовали отдѣлъ великорусскій) и въ изданіяхъ для народнаго элементарнаго чтенія и предварительнаго обученія (подобно тому, какъ въ русской педагогической литературѣ изданія, какъ Родное Слово г. Ушинскаго и др. изданія гг. Семенова, Водозова внесли въ доброй дозѣ народный великорусскій языкъ и его произведенія въ педагогику даже высшихъ классовъ общества). Какъ выразился г. Ламанскій, — и гг. Костомаровъ и Кулишъ писали свои ученые и политическіе труды, Шевченко — свой дневникъ на общерусскомъ языкѣ, — и на практикѣ малорусская литература дальше литературы для «домашняго обихода» не шла и, конечно, не пошла бы.

Спокойное и долговременное выдерживаніе такого практическаго и умѣреннаго воззрѣнія на малорусскій литературный вопросъ принесло бы огромную пользу русскому литературному и общественному развитію и народному образованію. Въ особенности оно было бы благотворно по своему вліянію на Галицію, изъ-за которой прежде всего и поднялся споръ въ нашей публицистикѣ. Въ Галиціи дѣйствительно вопросъ объ украинской словесности представляетъ не малую практическую важность. Тамъ

украинская словесность, появившись, преимущественно съ 1861-го года, произвела большое впечатлѣніе. Тамъ польско-украинская литературная школа имѣла еще больше вліянія, чѣмъ въ нашей правобережной Украинѣ; тамъ выходили книги, брошюры, статьи, какъ, напримѣръ, извѣстнаго историка польскаго Генриха Шмидта «Нѣсколько безпристрастныхъ словъ о вопросѣ русскомъ» (Kilka słów bezstronnych o kwestii Rusińskiej), какъ, напримѣръ, корреспонденція изъ Львова въ №№ 304—310 Варшавской газеты, какъ статья, присланная изъ Галиціи въ «Библиотеку Варшавскую» (1861 г., Декабрь) Феликсомъ Жоховскимъ о языкѣ русиновъ, — статьи, брошюры и книги, въ которыхъ доказывалось на разные лады, что «русины и мазуры — разновидности поляка по рѣчи, характеру, исторіи».

Противъ этой польской литературы и публицистики, начиная съ 1848-го года, выдвинулась русинская народная партія, русинская литература. Но, по несчастію, — быть можетъ по оторванности отъ народа галицкихъ семинаристовъ прежняго времени, — литература эта не представила ни одного таланта, кромѣ Маркіана Шашкевича, который, по своему стремленію стать на почву народныхъ пѣсенъ можетъ быть почитаемъ основателемъ галицкаго украинофильства (хоть теоретически онъ объ этомъ, можетъ быть, и не думалъ). Литература эта состояла или изъ сухихъ, хотя и ученыхъ статей по исторіи и археологіи Галицко-Володимерской Руси, изъ которыхъ инныя, напримѣръ исторія Львова, Зубрицкаго, даже были писаны по-польски, — или изъ писанныхъ польско-русинско-ломоновскимъ языкомъ одъ въ честь австрійскихъ императоровъ, львовскихъ митрополитовъ. Наиболѣе плодовитый литераторъ предпоследней эпохи въ Галиціи, Б. Дѣдицкій, попытавшій свои силы и въ эпическомъ родѣ, написалъ тѣмъ же мѣшаннымъ языкомъ поэмы «Буй Туръ Всеволодъ», «Сонъ Князя Льва», «Конюшій», одно названіе которыхъ показываетъ, что для противопоставленія польско-украинской школѣ и польскимъ идеямъ галицко-русская литература не нашла противопоставить ничего живѣе, какъ вычитанныя изъ лѣтописей удѣльнаго періода имена и традиціи великокняженія. Наша общерусская литература была почти невѣдома въ Галиціи, да несмотря на все сдѣланное и написанное въ послѣднее время, мало вѣдома и до сихъ поръ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, и именно благодаря ея главному достоинству, *реальности*, эта литература мало можетъ вліять въ Галиціи потому, что реальное-то положеніе послѣдней рѣзко отличается отъ нашей общественной жизни. Если чѣмъ могла бы вліять тамъ наша литература, — и это вліяніе въ высшей

степени желательно,—такъ это не столько своимъ содержаніемъ, сколько направленіемъ, приѣмами, — именно своею реальностью, ибо во многихъ отношеніяхъ галицкія литературныя понятія и до сихъ поръ соотвѣтствуютъ нашимъ еще до-пушкинскаго и даже до-карамзинскаго періода.

Среди такихъ-то обстоятельствъ въ 1861 — 1862 г. появились въ Галиціи произведенія украинской словесности съ ихъ рѣзкимъ народнымъ, противупольскимъ направленіемъ, съ ихъ во всякомъ случаѣ живымъ языкомъ, а главное, съ ихъ именно простонароднымъ, реальнымъ направленіемъ. То, что казалось бѣднымъ и мелкимъ у насъ,—эта, какъ выразился одинъ остроумецъ, десяти-фунтовая литература, оказалась богатою для Галиціи. Къ тому же въ дѣятеляхъ этой литературы, Шевченкѣ, М. Вовчю, Кулишѣ, Стороженкѣ и др. никто не станетъ отрицать таланта сравнительно и съ извѣстными у насъ беллетристами, а о галицкихъ и говорить нечего. Въ 1861—1862 году въ Галиціи появился только одинъ дѣйствительно высоко-талантливый поэтъ, Федьковичъ, судьба котораго аналогична съ Шевченковой: Федьковичъ тоже простолюдинъ, по счастью избѣжавшій семинарскаго и польскаго вліянія, которому подпадали другіе галицкіе литераторы, дѣти духовныхъ, воспитывавшіеся въ городахъ, гдѣ польская рѣчь до сихъ поръ преобладаетъ, — уроженецъ Буковины, гдѣ по мѣстамъ русскій народный языкъ беретъ даже перевѣсъ надъ молдавскимъ, онъ попалъ въ солдаты, занесенъ былъ судьбою въ Италію, тамъ у Мадженты и Сольферино, вспомнилъ свою далекую родину, ея простыя пѣсни и запѣлъ не «по былинамъ стараго времени», а попросту о разлукѣ съ матерью, о долѣ солдата, о горной родинѣ, о ея мужицкихъ и разбойническихъ преданіяхъ—и во многомъ изумительно сошелся съ Шевченкомъ,—которымъ онъ очарованъ, познакомившись съ Кобзаремъ, до потери во многомъ собственной самостоятельности. Изъ предисловія г. Дѣдицекаго къ изданію пѣсень Федьковича (Львовъ, 1863) видно, что Шевченко подготовилъ почву для соотвѣтственнаго приѣма въ галицкой публикѣ Федьковичу,—а изъ статьи журнала «Вечерницы» (Львовъ 1863) о Шевченкѣ видно, что Федьковичъ въ свою очередь облегчилъ ходъ и украинскому поэту въ этой публикѣ, передавъ по-своему его простыя, мужицко-казацкія темы. Украинская литература и переводы статей изъ «Основы», писанныхъ на нашемъ обще-литературномъ языкѣ, внесли въ галицкорусскую публику массу свѣтлыхъ, свѣтскихъ идей, повернули ее отъ князя Льва, митрополитовъ—въ народу, отъ Руговъ и Ровсалановъ къ обыденнымъ крестьянскимъ нуждамъ, къ *місамъ* и *посовискамъ*, отъ переводовъ Платона на

неимовѣрное нарѣчіе къ составленію статей для народнаго обученія по естествознанію и т. п. Въ то же время, какъ это ни покажется парадоксомъ тому, кто знакомъ съ галицкою литературою по тому только, что пишется въ нашихъ газетахъ, украинская литература и петербургская «Основа» были первою живою нитью, которая притянула нашихъ оторванныхъ отъ Россіи соплеменниковъ въ сферу русскихъ интересовъ.

У насъ теперь часто пишутъ, что галицкое украинофильство есть орудіе поляковъ и австрійскаго правительства для произведенія раскола въ тамошнихъ русскихъ кружкахъ, для разрыва галицкихъ русскихъ съ Россіею. И это отчасти вѣрно, но только для послѣдняго времени. Но прежде дѣло стояло вовсе не такъ. Дѣло въ томъ, что въ 1848-мъ году, тогда австрійское правительство почувствовало нужду опереться на русиновъ, какъ на орудіе для противудѣйствія полякамъ, оно въ то же время обезпokoилось, какъ бы и это орудіе, усилившись съ его помощью, не ушло изъ рукъ его. — Что вы за народъ? спрашивалъ австрійскій нѣмецъ-намѣстникъ депутатовъ отъ русской рады въ 1849-мъ году. Тѣ отвѣчали: «Мы рутены, австрійскіе русины (русинъ = русскій = Ruthenus; русинъ назывался русскій въ договорахъ Олега, а Rutheni называли старыя европейскіе писатели всѣхъ русскихъ, въ томъ числѣ и москвичей), жители королевства галицко-владимірскаго (Königreich Galizica und Lodomerien), утѣсненные когда-то поляками и облагодѣтельствованные монархами австрійскими, которые съ Іосифа II дали намъ постепенно права человѣческаго существованія между народами (послѣднее было и вполнѣ вѣрно)». Въ качествѣ такого спеціальнаго австрійско-рутенскаго народа, галицкіе русскіе и пользовались покровительствомъ австрійско-нѣмецкаго правительства Баха, Шмерлинга и т. п., которые дѣлали изъ нашихъ соплеменниковъ орудіе для укомплектованія централистической партіи и для подавленія славянско-федералистическихъ стремленій. Для этого ad hoc изобрѣтеннаго народа признана была и литература, его достойная, преимущественно уніатско-церковная, съ славяно-польско-украинскимъ языкомъ и латинско-нѣмецкой конструкціей, со старокирилловской азбукой, которую бросить и то не совсѣмъ рѣшились галицкіе писатели только послѣ объявленія въ Австріи конституціи въ 1867-мъ году. Для спеціальнаго австрійско-рутенскаго народа учрежденъ былъ и официальный журналъ въ Вѣнѣ «Вѣденскій Вѣстникъ», существовавшій до 1866-го года. И вдругъ въ 1861 — 1862 г. оказывается, что австро-рутенскій народъ есть часть болѣе чѣмъ 15-ти-милліоннаго племени малороссійскаго, котораго болѣе 12 милл.

живетъ за предѣлами Австріи, что тамъ это племя на свой страхъ вступило давно уже въ борьбу съ поляками, успѣло-было выбиться изъ ихъ неволи и добровольно, хотя съ подобающими обстоятельствамъ условіями, соединилось съ племенемъ, давшимъ основу для могущественной Россійской имперіи. Что въ этой имперіи, въ столицѣ, выходитъ журналъ и сосредоточены силы интеллигенціи цѣлаго племени, котораго галичане часть, и что къ этому органу и этому центру тянутся и галицко-австрійскіе рутены. Теперь австрійской бюрократіи, постоянно дрожащей за вѣрность управляемыхъ ею народовъ, доставляетъ непріятное чувство, когда она слышитъ о существованіи въ Галиціи партіи, которая считаетъ галицко-русскій народъ частію пятидесятимилліоннаго народа русскаго, и наоборотъ эта бюрократія утѣшается, что другая галицкая партія считаетъ народъ своей частію 15 — 16-милліоннаго народа малорусскаго и притомъ частію, которая наслаждается свободою развитія своей народности, въ то время, когда остальная большая часть этого народа стонетъ подъ властію «несытаго московскаго централизма». Но какъ тамъ ни верти, а все-таки австрійскіе рутены — часть, а не цѣлое; большая часть этого цѣлаго все-таки находится въ Россіи, а потому австрійская бюрократія, какъ и поляки, никогда до конца не могутъ быть спокойны въ виду распространенія въ Галиціи украинофильства, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, такъ и вовсе были недовольны этимъ распространеніемъ. Мы уже приводили отзывы польскихъ галицкихъ газетъ о Шевченѣ, «Основѣ», хлопманіи и т. п. Когда львовское «Слово» и «Вечерницы» стали перепечатывать и переводить статьи изъ «Основы», хотя еще сохраняя старое правописаніе (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несогласное съ малорусскою кулишевой, но отличающееся также и отъ правописанія русскаго), — «Вѣденскій Вѣстникъ» сталъ предостерегать львовскихъ литераторовъ отъ «украинскаго болота» и совѣтовалъ имъ идти прежней дорогой и заботиться о развитіи австрійско-русской литературы на старыхъ, церковно-рутенскихъ началахъ (В. В., 1863, № 56). До какой мелочности доходила тогда польско-австрійская подозрительность, видно изъ слѣдующей замѣтки въ «Словѣ» (1865 г., № 65): «Въ новѣйшихъ часахъ положено особенную вагу на способъ писанія прилагательнаго рускій и досмотрѣно въ *русскомъ* одинъ екстремъ — украиноманію, а въ *русскомъ* другой екстремъ — великоруссоманію». Только *рускій* считалось патріотичнымъ съ австрійской точки зрѣнія, ибо значило галицко-русскій и не означало сеператизма ни въ сторону Украины, ни въ сторону Москвы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что спокойная критика крайностей и утопій нашего украинофильства и правильная оцѣнка значенія украинскаго литературнаго движенія оберегла бы и Галицію отъ раздѣленія въ ея немногочисленной русской интеллигенціи, и она постепенно вошла бы въ общеніе съ нашими сначала малорусскими (преимущественно праваго берега Днѣпра), а потомъ и общерусскими интересами, литературными и общественными. Но когда полемика противъ крайностей украинофильства перешла въ раздражительное отрицаніе дѣлаго направленія, когда заподозриванія привели къ извѣстнымъ административнымъ мѣрамъ и запрещеніямъ, то такое положеніе дѣлъ не могло не отразиться болѣзненно и въ Галиціи, тѣмъ болѣе, что тамошніе литераторы все-таки не знали во всѣхъ подробностяхъ положенія дѣлъ у насъ, судили по частнымъ фразамъ, по письмамъ горячихъ и не всегда обдумывавшихъ свои слова корреспондентовъ изъ Украины; безъ всякаго сомнѣнія, не обошлось дѣло и безъ сплетень польскихъ корреспондентовъ изъ той партіи, которая въ Россіи старалась натравить правительство на украинофиловъ, а въ Галиціи указывала на «несытый централизмъ туранской Москвы». Съ 1863-го года дѣйствительно поляки стали въ Галиціи представлять себя готовыми поддержать украинофильство, хотя всякій разъ опыты союза ихъ, поляковъ, съ «истинною Русью, отдѣляющею себя отъ Москвы» кончались ссорой, — какъ, напр., было въ исторіи съ театромъ русскимъ. То же надо сказать и объ отношеніи къ украинофильству бюрократическо-австрійской партіи, которую представляютъ въ послѣдніе годы митрополиты львовскіе. Укажемъ весьма характерный примѣръ изъ недавнихъ временъ. Въ настоящемъ году въ Вѣнѣ приготовленъ былъ переводъ молитвъ на галицко-малорусскомъ украинскомъ народномъ языкѣ, написанный принятою у галицкихъ украинофиловъ кулишевскою орфографіей. И что же? Переводъ этотъ признанъ былъ митрополитомъ галицкимъ и клиромъ его не только недостойнымъ печати, но даже подлежащимъ уничтоженію, — и вовсе не въ интересахъ общерусской духовной литературы, а именно въ интересахъ австрійско-рутенской, которую уніатская коллегія именуетъ на сей разъ малороссійской, какъ она «издавна передана».

Неблагорасположеніе польскихъ и клерикально-бюрократическихъ кружковъ въ Галиціи къ украинофильству вытекаетъ изъ совершенно естественнаго источника, изъ пониманія, что направленіе, которое такъ или иначе, но говоритъ о самостоятельности галицко-русскаго народа и тянетъ его къ сближенію съ вѣн-австрійскимъ и вѣн-уніатскимъ народомъ нашей Малороссіи, не мо-

жетъ не угрожать какъ польскимъ, такъ и униатскимъ и австрійскимъ интересамъ. Но совершенно естественно также, что, когда въ нашихъ вліятельныхъ органахъ печати поднялись гоненія на «украинскій сепаратизмъ», въ то время, когда и въ Австріи стали косо смотрѣть на «украинское болото», а поляки кричали противъ перенесенія «хлопоманіи» въ Галицію,—и поляки, а потомъ отчасти и австрійская бюрократія взяли, хотя больше на словахъ, подъ свое покровительство это украинофильство и получили возможность вящаго замученія воды и безъ того въ не очень крѣпкихъ нравственно литературно-общественныхъ кругахъ Галичины, гдѣ перемѣна мѣстопробыванія въ партіяхъ черезъ годъ-полгода вещь вовсе не диковинная. Единственная тогда политическая газета въ русской Галиціи «Слово», которая даже нѣсколько обижалась употребленіемъ кулишевки нашими украинофилами и была довольна тѣмъ, что «Современная Лѣтопись» похвалила галицкихъ литераторовъ за то, что они «передразниваютъ народнаго говора» и пишутъ языкомъ понятнѣйшимъ въ Москвѣ, чѣмъ языкъ нашихъ украинскихъ литераторовъ,—стала наполняться статьями, враждебными «Москвѣ», т.-е. «московскимъ централамъ, завзятымъ противникамъ малоруссовъ, Каткову, Аксакову, Говорскому» (см. напр. «Слово» 1863-го года, №№ 64, 66, 68—Борьба Малой Руси съ централизмомъ московскимъ; 1864-года, №№ 26, 27, 28—Были ли намъ общерусскими или малорусскими? 1865-го года, №№ 34, 42, 43, 46—Великорусчина въ Польшѣ и т. д.). Если не совсѣмъ вѣрны были извѣстія корреспондентовъ нашихъ газетъ, то вѣрно было, что и «Слово» стало печатать рѣзкости противъ, напр., ген. Муравьева и политики нашего правительства и стало ставить отношенія его къ Малороссіи на одну доску съ польскими¹⁾.

Нуженъ былъ цѣлый рядъ горькихъ разочарованій для галицкой Руси, нужно было назначеніе гр. Бейста канцлеромъ имперіи, а гр. Голуховскаго вторичнымъ намѣстникомъ Галиціи, нужно было отнятіе у галицкихъ русскихъ и тѣхъ скудныхъ правъ, которыя даны были имъ централистическимъ правительствомъ Баха, Шмерлинга,—чтобъ повернуть хоть часть интеллигенціи галицкой къ Россіи. Поворотъ этотъ совершилъ г. Дѣдицкій въ «Словѣ» въ 1866-мъ году; но чтобъ получить под-

¹⁾ См., напр., «Слово» 1863-го года, №№ 28, 29, или 1864-го года, № 66, длинную статью: «Цивилизація Запада и Москвы по отношенію къ славянамъ вообще и Малой Руси въ особенности»; а въ ней слѣдующія слова: «Москва иде тою дорогою, якою шла Польша. Польша замыкала руски школы, Москва не даетъ ихъ заводить. Польша заводила школы польски, Москва заводитъ на Малоруси московски. Польша Русь латинизовала, Москва ю московить и т. д.».

держку московскихъ кружковъ, которые (см. «День» 1864 г. № 19) называли его «польскимъ союзникомъ»,—онъ пожелалъ, конечно, понравиться имъ наидѣйствительнѣе, высказавши то, что, по его мнѣнію, должно было какъ разъ подойти къ понятіямъ «московскихъ централовъ»,—а потому объявилъ, что «на Руси одинъ языкъ, а только два выговора» и выдалъ брошюрку: «Въ одинъ часъ малорусину выучиться по-великорусски». Поворотъ оказался удачнымъ въ разсужденіи поправленія репутаціи въ Москвѣ, но въ Галичинѣ онъ многимъ показался слишкомъ быстрымъ и рѣзкимъ. Отъ партіи «Слова» отдѣлилась партія «народовцевъ» или «украинофиловъ»—и пошелъ печальнѣйшій споръ о томъ, какова будетъ общеславянская литература, да на какой языкъ надо переводить Платона, какова количества русскаго народа есть часть галицкій народъ, 16-ти-милліоннаго, или 50-ти-милліоннаго. Обѣ стороны прибѣгаютъ въ ужаснѣйшей брани, зовутъ другъ друга «запроданцами», однихъ «московскими», другихъ «польскими» и т. д. Однѣ и тѣ же лица сегодня появляются въ органахъ «московскихъ», завтра у «народовцевъ». Вмѣшательство нашей журналистики и корреспондентовъ, имѣющихъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о галицкой жизни и литературѣ, пріобрѣтенныя en passant, только подливаетъ масла въ огонь. Самою собою разумѣется, что и поляки не дремлютъ. И происходитъ путаница и чепуха невообразимая—тѣмъ болѣе печальная, что, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ «Дня» (1864-го года, № 19), большинство галицко-русской публики (духовенства) совершенно нейтрально къ крайнимъ спорамъ, а по-просту любить свою народность и желаетъ ея освобожденія отъ польскаго давленія и развитія изъ родныхъ началъ. О народѣ и говорить нечего! Ему нужны «лісы и посовиска», да грамота и скорѣйшее просвѣщеніе. Любопытно, что обѣ галицко-русскія партіи согласны между собою насчетъ того, что для народнаго чтенія надо издавать книги и газеты на народномъ языкѣ, т.-е. галицко-малорусскомъ и даже «Слово» выразилось, что оно не можетъ допустить мысли, чтобъ и гг. Авсаковъ и Катковъ не соглашались съ этимъ и чтобъ въ Россіи нельзя было печатать такихъ книгъ и журналовъ. Такимъ образомъ, въ самомъ настоящемъ для галицко-малорусскаго народа вопросѣ обѣ партіи согласны между собою,—а разногласятъ только изъ-за далекихъ вопросовъ или изъ-за формальныхъ, въ родѣ правописанія. Да какъ разногласятъ! Что называется, до зарѣзу! Въ Чехіи, напр., «младо-чехи» и «старо-чехи» спорятъ тоже (иногда изъ-за вопроса о Россіи, которую до 1868-го года младо-чехи ругательски-ругали), не обходится дѣло безъ сплетень,

и даже весьма грязныхъ, которыя, напр., этимъ лѣтомъ повели къ скандальнѣйшимъ процессамъ. Но когда дойдетъ дѣло до дѣла, напр. до выборовъ, комитеты обѣихъ партій устанавливаютъ соглашеніе, — и партіи держатся согласно. У галичанъ и тѣни нѣтъ подобнаго политическаго такта.

Вотъ тутъ-то, мы полагаемъ, и могла бы оказать вліяніе наша печать, если бы она серьезно и безъ пристрастій, на чисто практической почвѣ разбирала сущность галицко-русскихъ интересовъ. Мы не сомнѣваемся, что если бы наша печать, напр., хотъ московскіе славянофилы, выдержали свой прежній практическій взглядъ на значеніе украинской словесности и книгъ для малорусскаго народа на его языкѣ, если бы снято было запрещеніе печатать эти книги, запрещеніе вызванное сначала польскими доносами, а потомъ криками «Моск. Вѣдомостей» объ украинскомъ сепаратизмѣ, — то это отразилось бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ и на Галицію, притянувъ къ намъ именно большинство ея публики, нейтральное къ спорамъ литературныхъ кружковъ.

Но наши славянофилы именно и не выдержали своего умѣреннаго и практичнаго воззрѣнія на спорный вопросъ, — и именно потому что они были не столько славянофилы и руссофилы (такого направленія еще ждетъ наше общество, — и можетъ быть оно выработается изъ разныхъ направленій и послѣ разныхъ пробъ и неудачъ), сколько московскіе славянофилы, т.-е. великоруссофилы. Московскіе славянофилы оказались неискренними въ своей поддержкѣ умѣренному украинскому движенію и, что еще хуже, сами не вѣрили въ силу того общерусскаго направленія, которое они защищали въ противоположность крайнему украинскому.

М. Т — о в ѣ .

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА

Воспоминанія

съ 1837-го по 1843-й годъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Издаваемая нами рукопись имѣетъ собственно характеръ чисто-историческаго документа, при составленіи котораго авторъ вовсе не имѣлъ въ виду печатать своихъ воспоминаній при жизни, такъ какъ они во многомъ представляютъ собою автобіографію. Но появившееся недавно въ одномъ изъ московскихъ періодическихъ изданій ошибочное описаніе виленскихъ событій изъ эпохи 40-хъ годовъ, когда приходилось дѣйствовать самому автору, побудило его дать теперь же гласность своимъ воспоминаніямъ. Помимо такого спеціальнаго интереса, рукопись эта, по нашему мнѣнію, представляетъ еще и особый интересъ, такъ какъ при чтеніи ея мы не только выслушиваемъ свидѣтельское показаніе современника по извѣстному опредѣленному дѣлу, причѣмъ опровергаются показанія противной стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ знакомимся, благодаря очевидной искренности автора, съ порядками отжившей эпохи, когда бѣдствія крѣпостного состоянія, отсутствіе гласности въ судѣ и въ печати, необузданность при этомъ произвола администраціи и ужасающее взяточничество и казнокрадство вынуждали само правительство создать *искусственную гласность* для собственнаго употребленія; такимъ-то орудіемъ искусственной гласности, при полномъ отсутствіи гласности естественной, какъ то видно изъ воспоминаній автора, являлся такъ-называемый „голубой мундиръ“. Все, что теперь можетъ выполнить въ со-

вершенствѣ—печатъ, болѣе свободная, судъ гласный, а именно, не дать въ обиду бѣднаго и слабого, открыть и указать злоупотребленія и недостатки самой администраціи, обнаружить личный произволъ, — все это приходилось тогда возлагать на „голубой мундиръ“. Но какъ же было и дѣйствовать въ ту эпоху, когда правительство не могло опираться на гласность, такъ какъ она и не допускалась, когда и суды были таковы, что не столько они преслѣдовали несправедливость, сколько нужно было самому правительству защитить общество отъ лихоимства и неправды судей? Въ такую эпоху „голубой мундиръ“ долженъ былъ являться въ глазахъ правительства, какъ мы сказали, искусственною гласностью и неизбежнымъ коррективомъ господствовавшаго порядка вещей и строя всей жизни. Въ этомъ отношеніи предлагаемая воспоминанія представляютъ любопытный матеріалъ для изучающаго серьезно государственные организмы обществъ, и, сквозь личную точку зрѣнія автора и его личные симпатіи, опытный наблюдатель все-таки найдетъ возможность самостоятельно оцѣнить и взвѣсить самую сущность дѣла. Для моралиста такое чтеніе также не безплодно; читая показанія прошлыхъ временъ, онъ невольно скажетъ: гласность до такой степени необходима для сколько-нибудь успѣшной дѣятельности среди живого организма, что сами тѣ, которые не допускаютъ ея правильнаго и естественнаго вліянія на ходъ вещей, бываютъ вынуждены, какъ сказалъ нѣкогда Вольтеръ о Богѣ, выдумать гласность, еслибы ее не было въ дѣйствительности.

Первая часть, издаваемая нами нынѣ, составляетъ собственно предисловіе ко второй, и главной, части „Записокъ“, гдѣ излагаются вышеупомянутыя виленскія событія 40-хъ годовъ.

ЧАСТЬ I.

Голубой мундиръ.

Въ Большомъ театрѣ, 17-го декабря 1837-го года, давали балетъ Сильфиду съ участіемъ знаменитой Тальони. Когда покойному государю, сидѣвшему съ императрицей въ боковой ложѣ, дежурный флигель-адъютантъ доложилъ, что зимній дворецъ загорѣлся:—«Поѣзжай туда», сказалъ государь, «и прикажи оберъ-полиціймейстеру, чтобы кабинетъ мой былъ перевезенъ въ крѣпость, а я, между тѣмъ, приготовлю императрицу».

Черезъ полчаса покойный государь присутствовалъ уже на оцѣпленной войсками площади зимняго дворца и также спокойно, какъ на маневрахъ, отдавалъ приказанія, а императрица смотрѣла на пожаръ изъ оконъ государственнаго канцлера графа Нессельроде.

Изъ дома военной академіи, гдѣ я жилъ тогда ¹⁾ видно было большое зарево. Я бросился на пожаръ и провелъ тамъ всю ночь, любуясь самоотверженіемъ пожарныхъ командъ, полиціи и гвардейцевъ, одушевленныхъ присутствіемъ монарха, съ явною опасностію жизни боровшихся съ огнемъ при вытаскиваніи церковной утвари и драгоцѣнныхъ вещей изъ объятаго сверху до низу пламенемъ великолѣпнаго дворца. Не скрою, что это грозное, но величественное зрѣлище страшнаго разрушенія невольно навело меня на самыя грустныя мысли и, быть можетъ, послужило дурнымъ предзнаменованіемъ для результатовъ той перемѣны, къ которой я готовился тогда. Надо же было такъ случиться, что въ числѣ бумагъ, застигнутыхъ пожаромъ въ кабинетѣ государя, было и представленіе покойнаго графа Бенкендорфа о переводѣ моемъ изъ капитановъ генеральнаго штаба въ корпусъ жандармовъ майоромъ. Послѣдствія покажутъ, насколько оправдались мои опасенія, мое предчувствіе. Но каково было мое удивленіе, когда на слѣдующій день утвержденное государемъ представленіе графа было уже возвращено ему! Дѣятельность

¹⁾ Покойный А. И. Нейгардъ, бывшій генераль-квартирмейстеръ, желая обезпечить за мной предназначенную мнѣ должность лектора обязанностей офицера генеральнаго штаба въ мирное и военное время, далъ мнѣ казенную квартиру въ зданіи академіи, но не успѣвъ устроить меня, получилъ другое назначеніе. Вотъ почему я рѣшился перемѣнить родъ службъ.

по истинѣ изумительная! Скоро-ли можно найти и частнаго челоуѣка, который, при подобныхъ условіяхъ, былъ бы въ состояніи спокойно заниматься своими обыкновенными текущими дѣлами? ✓

Окончательный приказъ о переводѣ моемъ въ корпусъ жандармовъ состоялся 28-го декабря 1837-го года. Мнѣ пришлось перевѣсить аксельбанты съ праваго на лѣвое плечо и перемѣнить свитскій на голубой мундиръ. Какъ молодому челоуѣку, мнѣ конечно пріятно было надѣть въ первый разъ густые эполеты, но мысль, что съ этими эполетами и голубымъ мундиромъ соединяются новыя, незнакомыя мнѣ обязанности, сильно тревожила меня. Справляюсь ли я съ этими обязанностями? Оправдаю ли ожиданія моего новаго начальства? Сдѣлаю ли отличать мишуру отъ чистаго золота и кажущееся отъ дѣйствительнаго? Вотъ вопросы, которые безпрестанно задавалъ я себѣ, и которые мучили меня тѣмъ болѣе, что отъ природы я вообще не самонадѣянъ и не могу похвастаться способностью быстро обхватывать предметъ со всѣхъ сторонъ.

Черезъ нѣсколько дней я представлялся шефу, который, объяснивъ мнѣ въ общихъ выраженіяхъ инструкцію губернскаго штабъ-офицера, прибавилъ, что званіе это требуетъ не только честнаго, благороднаго и вполне безукоризненнаго образа дѣйствій, но и осторожности дипломата, потому что, какъ выразился онъ, государь нашъ, опредѣляя въ каждую губернію жандармскаго штабъ-офицера, желаетъ видѣть въ немъ такого же посланника, такого же честнаго и полезнаго представителя правительства, какового имѣетъ оно въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ.

Тогда не существовало указаній о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ, подобныхъ высочайше утвержденнымъ 19-го мая 1871-го года правиламъ, была только краткая инструкція; но одни понимали ее слишкомъ широко, а другіе, опираясь на инструкцію, дѣйствовали произвольно и почти безконтрольно ¹⁾.

Вслѣдъ за переводомъ моимъ въ корпусъ жандармовъ, мнѣ поручено было управлять однимъ изъ отдѣленій штаба, а потомъ предложено принять вакантное мѣсто старшаго адъютанта; но какъ главнымъ поводомъ перехода моего въ новый родъ службы было желаніе пользоваться втрое большимъ противъ прежняго содержаніемъ и удалиться изъ столицы, гдѣ скудные средства не позволяли мнѣ жить съ семействомъ безъ долговъ, то я при-

¹⁾ Инструкція эта, въ главныхъ чертахъ, сходна съ сущностью наказа даннаго Екатериной II губернскимъ прокурорамъ.

нужденъ былъ благодарить покойнаго Л. В. Дубельта за эту честь и отказаться.

Между тѣмъ, въ продолженіи двухмѣсячнаго управленія отдѣленіемъ, я успѣлъ ближе ознакомиться со взглядами начальства на дѣйствія подчиненныхъ вообще и съ важными изъ обружавшихъ особу шефа въ частности. Изъ нихъ всѣхъ болѣе обратили на себя мое вниманіе два лица: старый полковникъ К—скій, считавшійся чрезвычайно дѣльнымъ служакой и получившій незадолго передъ тѣмъ 100,000 рублей награды за содѣйствіе въ выемкѣ контрабанды въ Ригѣ, и майоръ Ва—евъ, носившій на перевязи раненую руку и до того странный, что, ничего не дѣлая, онъ, подобно мухѣ на возу, постоянно о чемъ-то хлопоталъ и надобдалъ начальству своими вздорными донесеніями, изъ которыхъ объ одномъ упомяну здѣсь. Ва—евъ донесъ однажды, что, поставивъ себѣ непремѣннымъ правиломъ быть вполне отероженнымъ передъ начальствомъ, онъ священнымъ долгомъ считаетъ довести до его свѣдѣнія, что «съ настоящаго числа онъ надѣлъ парикъ».

Въ началѣ марта 1838-го года я былъ уже въ Минскѣ и вступилъ въ новую должность. Губернаторъ князь Давыдовъ принялъ меня чрезвычайно радушно и видимо желалъ сблизиться со мною, тѣмъ болѣе, что съ предмѣстникомъ моимъ, полковникомъ Флиге, онъ былъ, что-называется, на ножахъ. Старикъ Флиге, какъ послѣ удостоверился я, дѣйствительно любилъ вмѣшиваться въ пустыя дѣла, если они касались лицъ, незаискивавшихъ его благосклоннаго расположенія, и готовъ былъ вступаться за плута, который предъ нимъ раболѣпствовалъ ¹⁾.

— Извѣстіе о назначеніи вашемъ въ Минскъ, сказалъ мнѣ князь Давыдовъ, принято было здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ. Общество хотя и мало знаетъ васъ, прибавилъ губернаторъ, но глубоко уважая бывшаго начальника вашего С. Г. Строгонова ²⁾, видитъ въ васъ человѣка, который пользовался особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ этого въ высшей степени благороднаго и образованнаго вельможи и считаетъ васъ учени-

¹⁾ Такъ Флиге завелъ огромную переписку о злоупотребленіи непремѣннаго члена минскаго приказа общественного призрѣнія, позволившаго себѣ занять двѣ комнаты въ подвѣдомственномъ приказу зданіи городской больницы, и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на явные злоупотребленія губернскаго почтмейстера, вымогавшаго отъ станціонныхъ смотрителей взятки.

²⁾ Во время мятежа 1831-го года, свиты Его Величества генераль-майоръ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ имѣлъ особое, секретное порученіе въ Ригѣ, гдѣ я его впервые видѣлъ, а въ августѣ, послѣ взятія Варшавы, былъ назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ въ Минскъ, гдѣ я состоялъ при его особѣ.

комъ его. Бывшій тогда генераль-губернаторомъ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ зналъ меня въ Вильнѣ офицеромъ генеральнаго штаба (въ 1831 г.), а окружный начальникъ мой, Александръ Федоровичъ фонъ-Дребушъ, былъ при графѣ Строгоновѣ минскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

При этой счастливой обстановкѣ мало-по-малу сложилась скромная, но пріятная жизнь моя на новомъ служебномъ поприщѣ. Около меня скоро образовался небольшой, но дружный русскій кружокъ, къ которому старались прильнуть многіе изъ болѣе вліятельныхъ мѣстныхъ жителей. Не проходило дня, чтобы мы не проводили его вмѣстѣ; но лучшимъ украшеніемъ нашего маленькаго общества былъ незабвенный архипастырь Никаноръ (впослѣдствіи петербургскій митрополитъ), до самой кончины сохранившій дружескія отношенія ко мнѣ и моему семейству¹⁾. Онъ любилъ, чтобы всѣ мы навѣщали его, особенно передъ всенощною, и самъ удостоивалъ поочередно проводить у насъ вечера, или правильнѣе начала вечеровъ, потому что сидѣлъ обыкновенно отъ 6 до 8 часовъ, предоставляя намъ остальное время на скромную игру въ карты, это неизбѣжное занятіе большинства провинціаловъ.

Если въ дѣлѣ воссоединенія уніи, которое было тогда въ самомъ разгарѣ, мнѣ удалось принести нѣкоторую пользу церкви и правительству, то этимъ обязанъ я исключительно одному архипастырю²⁾. Объ уніи до того времени я имѣлъ самое смутное понятіе. Я зналъ конечно, что древле-православные обитатели западнаго края приняли христіанство съ Востока, а не съ Запада; зналъ, что тѣ изъ нихъ, которые сохранили до послѣдняго времени вѣру отцовъ своихъ, прошли чрезъ горнило тяжкихъ испытаній и ровно два вѣка (съ 1595—1794 г.) страдали подъ тяжелымъ гнетомъ послѣдователей Лойолы, пока безсмертная Екатерина, возвративъ этотъ край отъ Польши, не вырвала ихъ изъ этого положенія и не приняла энергическихъ мѣръ къ постепенному возвращенію уніатовъ въ нѣдра матери ихъ, греко-россійской церкви. Но преосвященный Никаноръ, видя ненасытимую любознательность мою и понимая, что въ моемъ званіи

¹⁾ Безцеремонныя, дружескія письма преосвященнаго Никанора (съ 1840 по 1849 годъ) я храню какъ драгоценность, какъ святыню. Онъ живо изображаютъ свѣтлый умъ, благородный характеръ покойнаго и пламенную преданность его своему долгу. Онъ былъ любимъ и уважаемъ не только своею паствою, но и римскими католиками, которые не менѣе насъ восхищались, бывало, проповѣдями этого замѣчательнаго оратора.

²⁾ По его засвидѣтельствованію я удостоился получить высочайшее благоволеніе 8-го апрѣля 1840-го года.

мнѣ необходимо ближе ознакомиться какъ съ предшествовавшимъ, такъ и съ настоящимъ положеніемъ главнѣйшаго современнаго вопроса, былъ такъ милостивъ, что открылъ мнѣ вполне всю суть дѣла этого, объяснивъ истинно христіанскій и патріотическій взглядъ покойнаго государя на дѣло уніи, словесныя наставленія, данныя его величествомъ при переводѣ преосвященнаго изъ Калуги въ Минскъ (въ 1834 г.) и заключавшіяся главнымъ образомъ въ томъ, чтобы возвращеніе невольнаго совратившихся было совершенно безъ малѣйшихъ потрясеній и крутыхъ мѣръ, но тихо, мирно и, что всего главнѣе, по убѣжденію. Отъ него же узналъ я впервые, что съ 1796-го по 1828-й годъ дѣло воссоединенія уніи нисколько не подвинулось впередъ, но напротивъ, внезапно прерванныя усилія великой монархини¹⁾, успѣвшей возвратить въ православіе большую часть уніатовъ, пробудили въ католическомъ духовенствѣ настойчивое желаніе противудѣйствовать правительству въ уничтоженіи уніи и, во что бы то ни стало, удержать остальныхъ уніатовъ въ выгодной для ихъ цѣлей зависимости отъ римскаго первосвященника. Очевидно, что унія нужна была латинскому духовенству, какъ мостъ, по которому незамѣтно, и часто безсознательно совершался легкій переходъ изъ православія къ католицизмъ, изъ хлопской въ панскую вѣру, для чего іезуиты ввели въ обычай знаменательную и соблазнительную поговорку: «плебана для пана, а пѣпа для хлопа»²⁾. Понятно, что всякій, кто только въ состояніи былъ замѣнить лапти сапогами, стыдился уже принадлежать къ хлопской вѣрѣ. И вотъ почему не только окружавшая магнатовъ польская шляхта, но и масса такъ-называемыхъ дворовыхъ людей въ угодность панамъ-ренегатамъ и для отличія отъ хлоповъ, крестила своихъ дѣтей по обряду римской церкви. Это было главнѣйшимъ средствомъ ополяченія края, которое едва не проникло и въ Малороссію.

Около этого времени, мнѣ пришлось лично познакомиться съ главнѣйшими двигателями этого историческаго переворота:

¹⁾ Извѣстно, что съ кончиной Екатерины II воскресли іезуиты, и что присланный папою Піемъ VII нунцій Литта поднялъ старинный и опасный для Россіи вопросъ о соединеніи греко-россійской церкви съ римскою. Начальникъ петербургской іезуитской коллегіи Груберъ, любимецъ Павла I, и ректоръ полоцкой академіи Березовскій—были самыми дѣятельными сотрудниками Литты, но благодареніе Богу, цѣль папы была понята, взвѣшена, оцѣнена и отклонена. Соединеніе нашей церкви съ западною, конечно въ смыслѣ подчиненія послѣдней, повело бы Россію къ новому расколу до безконечности разнообразныхъ отщѣнковъ.

²⁾ Плебанія значить приходъ католическій; плебанъ—настоятель прихода; помянутый уніатскій или православный священникъ.

юмъ Блудовымъ, бывшимъ попечителемъ бѣлорусскаго учебнаго округа, тайнымъ совѣтникомъ Карташевскимъ, преосвященнымъ Іосифомъ Сѣмашко, Антоніемъ Зубко и Михаиломъ Голучемъ, а также съ графомъ Николаемъ Александровичемъ Гасовымъ, который впоследствии очень цѣнилъ меня и шутя назвалъ духовною особою¹⁾). Счастливому выбору этого замѣльнаго челоуѣка въ оберъ-прокурора святѣйшаго синода предшествовало назначеніе его товарищемъ министра просвѣщенія. Этому званію графъ Протасовъ въ 1828-мъ году объѣхалъ западный край съ указанною ему покойнымъ государемъ, въсмотрѣться ближе, какъ вообще въ характеръ воспитаннаго юношества, такъ въ особенности въ положеніе вѣно-учебныхъ заведеній и ознакомиться на мѣстѣ съ бытомъ людей, предназначавшихся въ духовное званіе. Однимъ замѣчательныхъ послѣдствій этого обозрѣнія было отдѣленіе итаниковъ-уніатовъ отъ католиковъ, переводъ виленской ко-католической духовной академіи въ Петербургъ и учрежденіе въ Жировицкомъ монастырѣ (близъ Слонима) особой уніат-семинаріи.

Безъ такой существенной подготовки графу Протасову трудно бы сообразовать общія по духовному вѣдомству распоряженія съ тою изумительною дѣятельностію, съ которою геніальный архіепископъ Іосифъ велъ дѣло уніи къ назначенной цѣли. Знатѣйшими сотрудниками графа были: А. И. Карасевскій (послѣдствіи оберъ-прокуроръ), В. В. Скрипицынъ, управлявшій дѣлами департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, А. И. Войцеховичъ²⁾, К. С. Сербиновичъ и Я. А. Позднѣевъ (нынѣ сенаторъ). Всѣ они, горячо сочувствуя торжеству православія надъ католицизмомъ и вполне понимая благодѣтельные послѣдствія этого переворота, весьма часто разсуждали по этому поводу съ окраинами нашимъ и лично совѣщались съ мѣстнымъ начальствомъ о ходѣ святаго дѣла этого.

Тѣмъ не менѣе я долженъ упомянуть, что хотя вопросъ о соединеніи съ православіемъ приближался уже къ концу, и съ 1837-го уніаты переданы были въ завѣдываніе оберъ-прокурора святѣйшаго синода, и хотя графъ Протасовъ и преосвященный въ это время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что по

Встрѣтись со мною въ первый день Пасхи 1853-го года во дворцѣ и узнать, въ тотъ же день уѣзжаю въ Минскъ, онъ доставилъ мнѣ удовольствіе вручить преосвященному Михаилу извѣщеніе о возведеніи его въ санъ архіепископа. Имѣлъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта и членъ.

отношенію къ церкви происходило въ западномъ краѣ и умѣли искусно и въ-время разбивать баррикады, тайно устроиваемыя католическимъ духовенствомъ, но и антагонисты православія отнюдь не дремали. Имъ хорошо извѣстно было, что достойные сподвижники преосвященнаго Іосифа, дѣйствуя подъ ближайшимъ его наблюденіемъ, отбирали уже подписки отъ подготовленныхъ исподволь уніатскихъ священниковъ и монаховъ, о желаніи ихъ, отложась отъ папы, присоединиться къ православію и признать надъ собою главенство святѣйшаго синода. Чѣмъ удачнѣе шло дѣло это, тѣмъ очевиднѣе былъ успѣхъ церкви нашей, тѣмъ настойчивѣе, тѣмъ искуснѣе дѣйствовали есендзы-фанатики въ нечувствительномъ подстрекательствѣ не только простолудиновъ, но и самихъ священниковъ крѣпко держаться уніи, не измѣнять вѣрѣ отцовъ и не позволять, какъ проповѣдывали они, переворачивать ихъ въ москали, т.-е. ни подъ какимъ видомъ не возвращаться въ родную имъ издревле русскую семью. Плоды подстрекательства этого рода обнаруживались довольно часто и преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по близости уніатскихъ приходоу находились католическіе монастыри, владѣвшіе большею частію значительными населенными имѣніями.

Мудрено ли, напримѣръ, что Глубокскій кармелитскій монастырь, владѣвшій въ одной окружной межѣ четырьмя тысячами душъ крестьянъ (на 16 штатныхъ монаховъ) Вилейскаго уѣзда, славился образцовымъ хлѣбосольствомъ и, утопая въ роскоши и развратѣ, имѣлъ громадное вліяніе на окружающую его среду, деспотически распоряжаясь мелкимъ чиновничествомъ? Мудрено ли, говорю, что при этихъ средствахъ кармелиты, піары, бернардины, францискане, бенедиктины и ех-иневизиторы доминикане, не упуская случаевъ къ подстрекательствамъ, тайно парализовали мѣропріятія правительства, постоянно оставаясь за ширмами? Но борьба была неровная: на сторонѣ правительства была открытая историческая истина, глубокое убѣжденіе въ святости и правотѣ дѣла, христіанское терпѣніе и непоколебимая твердость, а на сторонѣ противниковъ зависть, низкая клевета, явная ложь, подлоги и подкупы. Въ своемъ мѣстѣ будетъ описанъ замѣчательный примѣръ дерзкой попытки бернардиновъ, покусившихся взволновать присоединенныхъ къ православію сосѣднихъ съ монастыремъ ихъ крестьянъ Дисненскаго уѣзда. Разоблаченіе этихъ козней и возстановленіе порядка достались на мою долю (въ іюнѣ 1842 г.).

Въ продолженіи всего 1838-го года мнѣ часто случалось посѣщать въ разныхъ мѣстностяхъ Минской губерніи уніатскіе храмы и разбирать болѣе или менѣе крупныя недоразумѣнія,

возникавшія по разнымъ случаямъ¹⁾. Всѣ они кончались тихо, мирно и, стало быть, вполне согласно съ желаніями и стремленіями правительства, которое всемірно избѣгало случаевъ пользоваться властію и употребляло ее только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Лишнимъ считаю говорить, какъ все это отрадно было мнѣ, какъ неопытному новичку, какъ искренно сочувствовалъ я мирнымъ завоеваніямъ правительства и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ окончательнаго торжества церкви нашей. Оно совершилось наконецъ въ такъ-называемую недѣлю православія, т.-е. въ первое воскресенье великаго поста 1839-го года, 12-го февраля. На актъ присоединенія покойный государь собственноручно написалъ: «Благодарю Бога и принимаю». Въ Бозѣ почившій монархъ высоко цѣнилъ государственную заслугу святителя Іосифа, его сподвижниковъ и сотрудниковъ. Уничтоженіе уніи безспорно составляетъ одно изъ самыхъ знаменательныхъ и счастливыхъ событій въ исторіи минувшаго царствованія.

Переносясь мысленно къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ этому счастливому для Россіи событію, считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь, что незадолго до окончательнаго присоединенія уніи, начальникомъ края, княземъ Н. А. Долгоруковымъ было донесено покойному государю, что Бѣлостокской области, Бѣлскаго уѣзда, въ селахъ Чижовѣ и Новоберезовѣ, молодые уніатскіе священники Паевскій и Паньковскій, подстрекаемые ксендзами, не только сами не раздѣляютъ убѣжденій правительства и не расположены присоединиться къ православію, но открыто, съ амвоновъ, проповѣдуютъ своимъ прихожанамъ, будто правительство насильственно ломаетъ вѣру отцовъ ихъ, и тѣмъ до такой степени встревожили и взволновали простолудиновъ, что они, какъ древніе новгородцы, сбѣгаются къ церкви и бьютъ въ набатъ, когда завидятъ подѣзжающаго къ селу исправника, или другое должностное лицо.

Для производства строжайшаго на мѣстѣ дознанія и прекращенія беспорядковъ повелѣно было командировать благонадежнаго жандармскаго штабъ-офицера, а священниковъ, если образъ дѣйствія ихъ окажется существенно вреднымъ, отправить въ пермскую епархію.

Выборъ этотъ палъ на меня. Переговоривъ съ преосвящен-

¹⁾ Говорить ли, что при этомъ мнѣ удавалось находить на церковныхъ чердакахъ наскоро снятые старыя иконостасы, этотъ наружный признакъ, отличающій церковь отъ костела, и заставить ксендзовъ, отправляющихъ мессу (messe—обѣдня) въ уніатскихъ храмахъ?

нымъ Никаноромъ и принявъ его благословеніе, я поскакалъ на мѣсто въ сопровожденіи двухъ молодцовъ-жандармовъ.

Проживъ въ Чижовѣ и Новоберезовѣ для порученнаго мнѣ дознанія около двухъ недѣль, къ крайнему удивленію моему, я не встрѣтилъ тамъ ничего похожаго на то, что было донесено государю. Хотя оба священника дѣйствительно не дали подписокъ о готовности присоединиться къ православію и продолжали отправлять свои обязанности по уніатскимъ обрядамъ и поминать палу; но, съ одной стороны, они нисколько не упорствовали, потому что христіанское желаніе правительства было извѣстно Паевскому и Паньковскому только частнымъ образомъ отъ ревизоровъ, задолго передъ тѣмъ посѣщавшихъ приходы ихъ, а съ другой, и самое предложеніе подписки было сдѣлано имъ не агентомъ духовнаго ихъ начальства, какъ бы слѣдовало, но мѣстнымъ исправникомъ Малининымъ; стало быть, давъ требуемыя Малининымъ подписки, они имѣли бы полное основаніе опасаться быть поставленными въ неловкое положеніе къ своему прямому епархіальному начальству. Въ этомъ положеніи вещей я считъ нужнымъ, не открывая Паевскому и Паньковскому сущности возложеннаго на меня порученія, а тѣмъ болѣе предстоявшаго имъ путешествія въ Пермь, тотчасъ же отправиться въ Бѣлостокъ и лично объясниться съ правителемъ области, г. Гунаропуло, по представленію котораго возникло это дѣло.

Изъ предъявленной мнѣ правителемъ области переписки и сличенія оной съ собранными на мѣстѣ свѣдѣніями оказалось, что не только донесенія исправника Малинина, но и дознаніе, сдѣланное для повѣрки ихъ командированнымъ въ Бѣльскій уѣздъ чиновникомъ, не заслуживали тревоги, возбужденной недоразумѣніями съ обѣихъ сторонъ.

При личномъ объясненіи г. Гунаропуло, въ моемъ присутствіи, съ исправникомъ и слѣдователемъ открылось, что поводомъ къ возникновенію донесеній Малинина было неточное пониманіе имъ своихъ обязанностей, неумѣстное вмѣшательство его въ чужое дѣло, желаніе выказать свое всестороннее вліяніе и излишнее усердіе, а со стороны слѣдователя явное потворство Малинину, желаніе поддержать этого необразованнаго и ограниченнаго человѣка, въ ущербъ истинѣ и, наконецъ, дѣйствительное опасеніе провести нѣсколько дней между взбунтовавшимися, по увѣренію Малинина, чижевскими и новоберезовскими прихожанами.

По доведеніи до свѣдѣнія покойнаго государя результата поѣздки моей въ Бѣлостокъ, повелѣніе объ отсылкѣ Паевского и Паньковского въ Пермь было отмѣнено, и оба священника

эти, вызванные на время въ Жировицкій монастырь (гдѣ въ то время жили преосвященные Антоній Зубко и Михаилъ Голубовичъ), остались при своихъ приходахъ, а Малининъ и помогавшій ему слѣдователь были удалены отъ должностей.

Паевскій давно скончался, а съ благочиннымъ протоіереемъ Паньковскимъ мнѣ суждено было неожиданно встрѣтиться 28-го іюня 1865-го года въ проѣздъ мой чрезъ м. Дзэндзіолы, его приходъ, близъ Слонима. И тутъ только узналъ я, что ему извѣстно было предстоявшее когда-то путешествіе въ Пермскую губернію. При прощаньи почтенный старецъ, обнимая меня, со слезами сказалъ: «вы первый научили меня уважать голу-бой мундиръ, а не пугаться его».

Предоставляя будущему историку западнаго края окончательную разработку вопроса о цѣли возникновенія, насильственномъ распространеніи и мирномъ уничтоженіи уніи, не сомнѣваюсь, что отъ вниманія его не ускользнѣтъ и то замѣчательное обстоятельство, что не только теперь, но и во время владычества Польши въ древле-православномъ литовскомъ краѣ нравственное тяготѣніе массы его населенія постоянно наклонено было не къ Польшѣ, но къ единовѣрной ему Россіи.

Однимъ изъ многихъ доказательствъ этому можетъ служить найденная недавно, въ гор. Пинскѣ тамошнимъ полиціймейстеромъ Мальмбергомъ, подъ развалинами церкви во имя св. Федора Тврона мѣдная доска, съ надписью, что храмъ этотъ построенъ въ царствованіе (Пинскъ принадлежалъ еще Польшѣ) въ Россіи императрицы Елизаветы Петровны, а въ Польшѣ короля Августа III-го ¹⁾.

Возвращаясь къ прерванному мною разсказу, считаю нелишнимъ упомянуть, какъ представлялось мнѣ тогдашнее положеніе западнаго края съ точки зрѣнія минскаго наблюдателя.

Начну съ того, что въ Вильнѣ производилось тогда слѣдствіе надъ эмисаромъ Симономъ Канарскимъ, казненнымъ 15-го февраля 1839-го года, его передержателями и соумышленниками. Хотя подобныя этому слѣдствія, со времени подавленія мятежа 1831-го года, непрерывно возобновлялись то въ Варшавѣ, то въ Вильнѣ, то въ Кіевѣ, но край не могъ освоиться съ этой тревогой и былъ постоянно въ какомъ-то напряженномъ, далеко не нормальномъ состояніи.

Не взирая на все это, въ Вильнѣ жилось, если не весело, то по крайней мѣрѣ очень шумно и роскошно. Разбѣжавшееся послѣ мятежа 1831-го года высшее общество ренегатовъ успѣло

1) № 1-й «Минскихъ Губ. Вѣд.» 1869-го года.

уже мало-по-малу возвратиться въ свои великолѣпные палацы и дружно тѣснилось около генералъ-губернатора князя Долгорукова, окруженнаго царскимъ блескомъ. Никогда еще Вильна не видала въ своихъ салонахъ такого обилія звѣздъ и таковой пестрой толпы камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, какою окружень былъ тогдашній начальникъ края. Вильна далеко не походила тогда на древле-русскій городъ¹⁾. Въ высшемъ и среднемъ кругу общества нельзя было услышать ни одного русскаго звука. Польскій и французскій языки были господствующими. Не только богатые помѣщики (въ главѣ которыхъ стоялъ тогда старикъ Пусловскій въ кунтушѣ и звѣздахъ), но и самъ генералъ-губернаторъ не иначе выѣзжалъ, какъ въ польскихъ шорахъ и съ жокеями. Даже почтовые станціи, окружающія Вильну, въ подражаніе прусскимъ, измѣнили свою обычную фizioномію. Бритые ямщики опущены были въ огромные ботфорты, и вмѣсто татарскаго кнута и валдайскаго колокольчика снабжены были сигнальными трубами и длинными бичами. Придумываемыя католическимъ духовенствомъ, подъ разными предлогами, безпрестанныя процессіи, и днемъ и ночью тянулись, бывало, при звукахъ музыки, по главнымъ улицамъ Вильны и тѣмъ довершали картину Ватикана, въ которомъ рѣдко, очень рѣдко, можно было встрѣтить скромно пробирающееся сторонкой духовное лицо православнаго исповѣданія. Какое-то неизъяснимо тяжелое чувство овладѣвало душою, когда въѣзжаешь, бывало, въ эту древнюю столицу когда-то православной Литвы, гдѣ все напоминало извѣстныя тенденціи Чарторижскаго и Лелевели, гдѣ русскіе дѣятели, тѣсимые католиками, отодвинуты были на задній планъ, а господствующее православіе, не имѣвшее, наравнѣ съ латинствомъ, своего архипастыря, какъ бы изъ милости едва находило скромный пріютъ себѣ. Нынѣшнее зданіе, въ которомъ, противъ великолѣпнаго Свято-Янскаго костела, помѣщается почтовая контора, называлось тогда Кардиналіей. Въ немъ, до возвращенія края русскою имперію, останавливались командируемые папами нунціи и кардиналы.

Тѣ немногіе, изъ служившихъ при особѣ князя, русскихъ, которые по своему положенію и вліянію проникали въ высшій кругъ общества, по-неволѣ принимали участіе въ искусно утон-

¹⁾ При посѣщеніи Вильны св. Димитріемъ Ростовскимъ, тамъ было до 30-ти православныхъ церквей. Въ одной изъ нихъ, возобновленной покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, и именно Патницкой, не далѣе какъ въ 1841-мъ году, я былъ съ почтеннымъ архимандритомъ Платономъ, нынѣшнимъ архіепископомъ новочеркасскимъ, и нашли въ ней—еврейскую конюшню!

ченномъ обжорствѣ, заманчиво облагороженномъ пьянствѣ и роскошной охотѣ всѣхъ возможныхъ родовъ, начиная съ бѣловѣжскихъ зубровъ, этихъ замѣчательныхъ животныхъ, сохранившихся только въ Россіи, и кончая куропатками. Все это упорно дѣйствовало на вновь закинутыхъ въ край русскихъ пришельцевъ; но если что въ особенности поражало ихъ своею новизною, своею прелестью, такъ это по истинѣ неподражаемое искусство соблазнительныхъ героинь мазурки отуманить и вскружить не только пустенькую, но и какую угодно, дѣльную головушку....

Къ этому нельзя не добавить, что строгій и трудолюбивый князь былъ молодъ и вдовъ, а ловкія, очаровательныя и тщеславныя польки, добиваясь вліянія, хотя бы цѣною самопожертвованія, наперерывъ одна передъ другою искали его предпочтенія, взаимно подставляя свои обворожительныя ножи; но когда одна изъ этихъ великосвѣтскихъ дамъ вышла побѣдительницей и согласилась развестись съ красавцемъ-мужемъ, для того, чтобы занять вакантное мѣсто, покойный государь предупредилъ князя, что, въ случаѣ женитьбы этой, онъ ему не слуга въ Вильнѣ. Такъ и случилось.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ и смотрѣлъ на тогдашній складъ вещей непосредственный начальникъ мой, окружной генералъ фонъ-Дребушъ. Князь и онъ были двѣ противоположныя крайности. Князь не любилъ жандармовъ, отвергалъ пользу ихъ учрежденія и за доставляемые ими свѣдѣнія и замѣчанія постоянно ссорился съ Дребушемъ и предмѣстникомъ его, Дмитриемъ Семеновичемъ Языковымъ, стараясь доказать, что онъ и безъ жандармовъ знаетъ все, что дѣлается въ краѣ. Дребушъ, напротивъ, не былъ оптимистомъ, не поддавался соблазнамъ, не вѣрилъ князю, будто появляющіе видимо начинаютъ мириться съ ихъ новымъ положеніемъ и платилъ ловкимъ евреямъ за *поддѣлываемые* подъ его убѣжденія доносы, обслѣдованіе которыхъ, въ большей части случаевъ, не оправдывало доносчиковъ, но доказывало умѣнье ихъ пользоваться слабою струною и необыкновенною щедростію стараго генерала.

Но какъ въ планъ замѣтокъ моихъ отнюдь не входитъ критическій разборъ тогдашней системы управленія западнымъ краемъ, разборъ, который отвлекъ бы меня далеко отъ прямой цѣли (потому что мнѣ довелось служить въ краѣ при 9-ти генералъ-губернаторахъ), то я упомяну только, что князь Николай Андреевичъ, въ мартѣ 1840-го года, послѣ женитьбы его на разведенной съ мужемъ графинѣ Забѣлло, переведенъ былъ тѣмъ же званіемъ въ Харьковъ, Дребушъ назначенъ сенаторомъ въ Мос-

схву, а преосвященный Никаноръ, переведенный въ Житомиръ, сдавъ паству вновь назначенному минскимъ епископомъ Антонію Зубко (глубоко образованному бывшему уніату и сотруднику Іосифа Сѣмашки), 29-го февраля 1840-го года, выѣхалъ изъ Минска.

Князю Долгорукову наслѣдовалъ генераль-лейтенантъ Ѳеодоръ Яковлевичъ Мирковичъ (бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса), а Дребушу — генеральнаго штаба генераль-маіоръ Петръ Ивановичъ Фрейгангъ. Оба они, какъ увидимъ впослѣдствіи, занимали главныя роли въ виленской драмѣ, описанію которой преимущественно посвящается настоящій трудъ мой. Но прежде, чѣмъ приступлю къ этой драмѣ, считаю нелишнимъ познакомить читателя съ такими занятіями, которыя признавалъ я для себя обязательными и которыя имѣли сильное вліяніе на образъ дѣйствій моихъ въ Вильнѣ, обратившій на себя милостивое вниманіе въ Бозѣ почившаго монарха.

Чѣмъ болѣе знакомился я съ принципомъ новой моей службы, чѣмъ глубже всматривался въ мое новое положеніе, тѣмъ болѣе убѣждался, что если мнѣ ограничиться однимъ лишь рутиннымъ исполненіемъ порученій начальства, отказавшись вовсе отъ разбора до безконечности разнообразныхъ жалобъ и просьбъ, съ которыми ко мнѣ обращались и лично и письменно, то пользы отъ меня какъ правительству, такъ и обществу будетъ не много. Но разборъ жалобъ и ходатайство по нимъ скоро убѣдили меня въ моей неопытности и неразлучныхъ съ нею ошибкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ я, подобно «послу» или «консулу», ходатайствовать за то или другое лицо, спорить о дѣлѣ въ томъ или другомъ присутственномъ мѣстѣ, когда, наравнѣ съ большинствомъ военныхъ, я не имѣлъ еще точнаго понятія о цѣли учрежденій, границахъ власти, размѣрѣ обязанностей и степени отвѣтственности какихъ-то земскихъ, словесныхъ, сиротскихъ и уѣздныхъ судовъ, консисторій, магистратовъ, кагаловъ, ратушъ, думъ, приказовъ, откуповъ, комиссій, конторъ, опекъ, правленій и палатъ? Но нужда всему научить. Изучая внимательно всѣ проявленія жизни окружавшей меня среды во всей ихъ наготѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что имѣю, если захочу, полную возможность бездѣйствовать и щеголять равнодушіемъ ко всему, что творилось предъ моими глазами; но мнѣ всегда казалось, что быть тунеядцемъ постыдно, и что тотъ, кто обязанъ дѣйствовать, но не дѣйствуетъ, или рано перестаетъ дѣйствовать, составляетъ гнилой наростъ на здоровомъ общественномъ тѣлѣ. Вотъ почему я работалъ и учился, и хотя съ того времени протекала уже цѣлая треть столѣтія, но я увѣренъ, что не найдется

ни одного минчука¹⁾), который въ правѣ былъ бы сказать, что обращался ко мнѣ съ просьбою, и что я могъ, но не хотѣлъ помочь ему. Успѣхъ въ моихъ ходатайствахъ по просьбамъ и жалобамъ просителей доставлялъ мнѣ невыразимое удовольствіе, и чѣмъ труднѣе доставался мнѣ этотъ успѣхъ, чѣмъ сложнѣе была задача, тѣмъ болѣе заохочивался я къ новымъ попыткамъ, къ новой борьбѣ, хотя хорошо понималъ, что многое, очень многое, дѣлалось не изъ уваженія къ истинѣ, не по сердечному побужденію того или другого лица, но потому только, что я былъ смѣлымъ, вліятельнымъ и терпѣливымъ защитникомъ слабой стороны.

Способы, къ которымъ прибѣгалъ я въ роли защитника, какъ и самые поводы къ нимъ, были до безконечности разнообразны. Я слишкомъ утомилъ бы самаго снисходительнаго читателя, еслибъ вздумалъ познакомить его съ ежедневными моими занятіями, съ этими повидимому мелочами; но кто не согласится, что и вся жизнь наша слагается изъ мелочей? И вотъ почему я позволяю себѣ разсказать здѣсь на выдержку нѣсколько сохранившихся въ памяти отдѣльныхъ случаевъ изъ моей жандармской практики. Такъ ли я понималъ мою роль, мое назначеніе, представляю судить другимъ.

Однажды посѣтилъ меня протоіерей минскаго екатерининскаго собора Ксаверій Шишко, съ цѣлью просить моего совѣта по важному для него дѣлу. Онъ, какъ потомственный дворянинъ и отецъ большого семейства, просилъ, гдѣ слѣдовало, объ опредѣленіи двухъ сыновей его въ полоцкій вадетскій корпусъ. Ему не отказали. На просьбу эту покойный Я. И. Ростовцевъ увѣдомилъ, что сыновья его зачислены кандидатами, но нумера ихъ кандидатуры оказались настолько крупными, что судя по числу ежегодно отрывавшихся вакансій сыновьямъ г. Шишко пришлось бы тогда только поступить въ корпусъ, когда ихъ собственныя дѣти потребовали бы воспитанія! Что оставалось въ этомъ положеніи дѣлать дѣду будущихъ внуковъ?

Когда онъ, обивъ по-пустому пороги мѣстныхъ властей, обратился ко мнѣ, я, конечно, отвѣчалъ ему, что вхожу въ его затруднительное положеніе, но къ сожалѣнію не вижу никакой возможности помочь его горю по той простой причинѣ, что, съ одной стороны, порядокъ замѣщенія открывающихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вакансій опредѣленъ закономъ, а съ другой и потому еще, что каждый изъ родителей, желающихъ помѣстить

¹⁾ Такъ называются старожилы минскіе, подобно пинчукамъ, или истымъ малороссамъ и по языку и по складу жизни, уроженцамъ пинскимъ.

дѣтей въ казенныя заведенія, имѣеть неотъемлемое право требовать, чтобы начальство этихъ заведеній строго соблюдало очередь въ замѣщеніи открывающихся вакансій.

«Не знаю, какъ вы это сдѣлаете, настаивалъ о. Ксаверій, но убѣжденъ, что вы мнѣ поможете», — и мы разстались. Не долѣе, какъ недѣли черезъ три, я имѣлъ невыразимое удовольствіе, зайдя къ почтенному протоіерею, предъявить ему сообщенное мнѣ шефомъ жандармовъ высочайшее повелѣніе о перечисленіи сыновей его изъ обыкновенныхъ въ эстренные кандидаты полицкаго корпуса. Понятно, что я нисколько не отвѣтствовалъ бы, отказавъ учтиво въ просьбѣ г. Шишко; это было бы вполнѣ законно и правильно. Стоило только, съ возвращеніемъ оставленныхъ у меня бумагъ, черкнуть о. Ксаверію, что при всемъ желаніи и пр. и пр. и пр., — но мнѣ казалось недобросовѣстнымъ такъ прозаически и несочувственно отнести къ затруднительному положенію человѣка, который имѣлъ, по моимъ понятіямъ, быть можетъ неизвѣстное въ Петербургѣ, право на особое къ нему вниманіе правительства. Я рѣшился попытать счастья и донесъ объ этомъ шефу жандармовъ, выставить въ приличномъ свѣтѣ, что о. Шишко заслуживаетъ быть выдвинутымъ изъ толпы. Онъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣятельный сотрудникъ и товарищъ по воспитанію знаменитаго въ лѣтописяхъ церкви нашей архіепископа Іосифа Сѣмашки. Какъ человѣкъ образованный и вліятельный, о. Шишко былъ особенно полезенъ въ эпоху присоединенія униі и именно при отбираніи подписокъ отъ униатскаго духовенства о готовности его, отложась отъ папы, подчиниться святѣйшему синоду. Головою о. Ксаверія думали многіе, его авторитетъ былъ весьма замѣтенъ и принесъ свою долю существенной пользы. Если бы онъ не былъ семьяниномъ (подобно Іосифу Сѣмашкѣ, Антонію Зубко и другимъ холостымъ священникамъ, что въ униі допускалось всегда, а у насъ разрѣшено только въ послѣднее время), онъ безъ сомнѣнія, наравнѣ съ ними, занималъ бы одну изъ высшихъ іерархическихъ степеней.

Вотъ все, что я могъ и счелъ обязанностью представить моему начальству, которое, согласясь со мною, довело объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія и исходатайствовало перечисленіе сыновей о. Ксаверія изъ обыкновенныхъ въ эстренные кандидаты.

Вслѣдъ за этою удачей мнѣ пришлось выиграть и другое, болѣе трудное дѣло. Министерство внутреннихъ дѣлъ отказало генераль-губернатору Мирковичу въ опредѣленіи титулярнаго совѣтника Богушевича въ должность совѣтника минскаго губер-

скаго правленія, сославшись не на законъ, но на принятое будто бы министерствомъ правило не иначе замѣщать вакантныя мѣста, состоящія въ VI-мъ классѣ, какъ чиновниками штабъ-офицерскаго званія. Генераль Мирковичъ, какъ человекъ новый, не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ отказъ, но болѣе опытный и энергичный минскій губернаторъ Н. В. Сушковъ принялъ его очень и очень равнодушно.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ то же самое министерство (по другому только департаменту) опредѣлило титулярнаго совѣтника Порай-Кошица непремѣннымъ членомъ минскаго приказа общественнаго призрѣнія. Должность эта также состоитъ въ VI классѣ, а новоопредѣленный, также какъ и Богусевичъ, не былъ штабъ-офицеромъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ діаметрально противоположныхъ примѣровъ возникло недоразумѣніе, породившее въ обществѣ невыгодное для новаго генераль-губернатора толки. Чуть не кричали, что при предмѣстникѣ Мирковича, князь Долгоруковъ, подобное этому невниманіе къ ходатайству главнаго начальника края было немыслимо. Отсюда выводили заключеніе, что бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса не имѣетъ въ Петербургѣ никакого вѣса и поддержки, если министерство, отказавъ ему въ опредѣленіи Богусевича, сочло достаточно сослаться на такое правило, которымъ само такъ откровенно пренебрегло въ отношеніи къ Порай-Кошицу. О поводѣ и значеніи толковъ этихъ я счелъ себя обязаннымъ донести графу Бенкендорфу, и хотя не получилъ отъ него отвѣта и вовсе не слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла, но мнѣ пріятно было узнать, что министерство поправило свою ошибку, если въ отмѣну прежняго своего распоряженія неожиданно утвердило Богусевича совѣтникомъ минскаго губернскаго правленія.

Оба эти случая могутъ съ перваго взгляда показаться читателю слишкомъ мелкими, не заслуживающими вниманія явленіями въ жизни честнаго труженика. Какая нужда мнѣ знать, скажетъ можетъ быть избалованный судьбою читатель, рано или поздно поступили сыновья Шишко въ корпусъ и почему Богусевича сперва оскорбили отказомъ, а потомъ утѣшили согласіемъ на возведеніе въ санъ совѣтника? Но замѣтки эти пишутся мною не для тѣхъ счастливицевъ, которые, благодаря предкамъ, отъ колыбели до могилы имѣютъ полную возможность оставаться равнодушными ко всему тунеядцами, не имѣя понятія о томъ, каково честному бѣдняку пробивать себѣ дорогу.

Эти мишурные космополиты еще менѣе поймутъ и еще болѣе осудятъ меня за помѣщеніе здѣсь двухъ слѣдующихъ

событій изъ жизни такого класса людей, которыми, по ихъ понятіямъ, едва ли стоитъ заниматься.

Въ минскомъ острогѣ случилось мнѣ встрѣтиться съ евреемъ Іоселемъ Капланомъ, которому было уже объявлено рѣшеніе уголовной палаты о лишеніи его правъ состоянія, наказаніи плетью и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе за разныя преступленія, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ сокрытіи отъ ревизіи его самого, жены и дѣтей. Обвиненный влялся мнѣ, что общество, въ отмыченіе за обнаруженное имъ плутовство отдатчика рекрутъ Романова, невинно олеветало его, къ чему всего болѣе способствовала доставленная будто бы изъ казенной палаты фальшивая справка о пропускѣ Каплана по ревизскимъ сказкамъ, тогда какъ этотъ несчастный указалъ мнѣ №, подъ которымъ записанъ онъ и все его семейство. Не имѣя обыкновенія откладывать до завтра того, что можно сдѣлать сегодня, прямо изъ острога отправился я въ казенную палату и, осмотрѣвъ переписку, убѣдился, что на вопросъ уголовной палаты о томъ, значится ли подъ такимъ-то № ревизскихъ сказокъ еврей Іосель Капланъ, казенная палата отвѣчала, что *Капкана* (а не *Каплана*) вовсе по ревизскимъ сказкамъ не значится. Окончательно погубившій Каплана отвѣтъ казенной палаты основанъ былъ на докладѣ совѣтника ревизскаго отдѣленія, а самый докладъ на справкѣ, поданной столоначальникомъ и засвидѣтельствованной подписью писца на подлинномъ отношеніи уголовной палаты. Подкупленный евреями писецъ оправдывался неразборчивостью почерка въ бумагахъ, гдѣ спрашивали будто бы не о Капланѣ, но о Капканѣ.

Поднялась тревога. Рѣшеніе уголовной палаты было уже утверждено губернаторомъ Сушковымъ и потому поправить дѣло не иначе было возможно, какъ исходатайствованіемъ разрѣшенія сената на пересмотръ дѣла. Губернаторъ сознался въ недосмотрѣ. Сенатъ согласился. Переслѣдованіе оправдало Каплана. Бѣднякъ былъ спасенъ, а виновные подверглись заслуженной ответственности.

«Выслушай насъ, баринъ, сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ двухъ русскихъ мужичковъ, стоявшихъ въ числѣ просителей въ моей приѣмной. Мы настоящіе благочестивые старовѣры, сказалъ онъ. Прадѣды наши бѣжали изъ русской земли въ эту сторону съ той поры, какъ патріархъ Никонъ велѣлъ переименовать церковныя книги, по которымъ молились угодники, признаваемые за святыхъ. Поселясь здѣсь и продолжая молиться по старопечатнымъ книгамъ, мы нанимали у помѣщиковъ земли и работали. Такъ прошло болѣе ста лѣтъ, а теперь нашъ панъ,

графъ Хоткевичъ, прикрѣпилъ насъ къ своему имѣнію Петрикову. Лѣтъ тридцать ужъ прошло, какъ мы съ нимъ тягаемся. Уѣздный судъ *четыре раза рѣшалъ дѣло въ нашу пользу*¹⁾, а когда графъ переносилъ дѣло по аппеляціи въ гражданскую палату, она видимо тянула и теперь тянетъ въ его пользу».

Крестьянамъ этимъ объяснено было, что я не имѣю ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ дѣла судебныхъ учреждений, но они отвѣчали, что и не просятъ объ этомъ, а желаютъ только, чтобъ я помогъ имъ какъ-нибудь добыть первую ревизскую сказку, писанную въ то время, когда Екатерина, присоединивъ отторгнутый отъ Россіи западный край, приказала переписать всѣхъ его обитателей. Изъ этой переписи, по словамъ просителей, можно было удостовѣриться, что поселившіеся въ м. Петриковѣ русскіе бѣглецы никогда не были крѣпостными крестьянами петриковскихъ помѣщиковъ, но были только приписаны къ мѣстечку для отбыванія государственныхъ повинностей. Къ этому просители прибавили, что этой именно сказки они давно добиваются, но не могутъ найти въ казенной палатѣ.

По настоятельной просьбѣ ихъ я обѣщалъ въ тотъ же день сдѣлать справку, по которой оказалось, что при дѣлахъ казенной палаты дѣйствительно нѣтъ искомой просителями ревизской сказки, потому, какъ объяснили мнѣ, что передъ нашествіемъ непріятеля въ 1812-мъ году всѣ дѣла прежняго времени цѣлыми возами отправлены были во внутреннія губерніи и хотя давно уже возвращены и разосланы по принадлежности во всѣ присутственныя мѣста губерніи, но еще не разобраны казенною палатою и хранятся опечатанными, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ доставлены изъ гражданской палаты, занимавшейся разсортировкою возвращенныхъ дѣлъ. Когда же мнѣ объяснили, что вули съ старыми дѣлами потому только не распечатаны, что гражданская палата, не взирая на неоднократныя требованія казенной, не присылаетъ своего депутата для присутствія при вскрытіи и описи дѣлъ, то я поручилъ состоявшему при мнѣ за адъютанта офицеру Грибовскому сказать предсѣдателю гражданской палаты, что не выйду изъ присутствія, пока не будетъ присланъ требуемый казенною палатою депутатъ.

Онъ явился; ревизская сказка найдена, и въ ней тотчасъ

¹⁾ Въ донесеніи шефу выставлено было, что въ продолженіи 30-ти лѣтъ комплектъ суда, состоявшій изъ дворянъ, помѣщиковъ того же уѣзда, измѣнялся, но постоянно рѣшалъ въ пользу добивавшихся свободы петриковцевъ. Трудно предположить, чтобы при перевѣсѣ правъ и доводовъ Хоткевича на владѣніе петриковцами, дворяне-судьи тянули въ пользу послѣднихъ и рѣшали вопросъ противъ своего собрата.

обнаружился неудачно сдѣланный въ пользу графа Хоткевича подлогъ, заключавшійся въ томъ, что въ словахъ «списокъ жителей, принадлежащихъ къ м. Петрикову» прилагательное *принадлежащихъ*, кромѣ перваго слога, написано другими чернилами, по подскобленному и притомъ такъ, что поддѣлыватель, несообразивъ, что въ словѣ *надлежащихъ* двумя буквами болѣе чѣмъ въ словѣ *писанныхъ*, не умѣлъ втиснуть все слово «надлежащихъ», отчего послѣднія двѣ буквы принужденъ былъ написать гораздо мельче и тѣснѣ остальныхъ. Другой, не менѣе осязательный, признакъ подлога заключался въ томъ, что если бы петриковцы были названы въ первой переписи не *приписанными* но *принадлежащими* м. Петрикову, то не было бы надобности въ предлогѣ *къ*, тогда какъ онъ необходимъ при допущеніи понятія, заключающагося въ словѣ *приписанный* ¹⁾.

Обо всемъ этомъ тутъ же составленъ былъ подробный актъ, копія съ котораго вручена просителямъ и донесено мною шефу жандармовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта находка помогла петриковцамъ выиграть процессъ, длившійся около 30-ти лѣтъ. Сенатъ призналъ ихъ свободными и поручилъ казенной палатѣ приписать ихъ въ мѣщане, куда пожелаютъ ²⁾.

Былъ случай, что вслѣдствіе жалобы станціоннаго смотрителя Замбрицкаго, пришелъ я къ губернскому почтмейстеру Ко—ко съ незапечатаннымъ письмомъ на имя близкаго знакомаго мнѣ Ѳ. И. Прянишникова, служившаго тогда директоромъ почтоваго департамента и петербургскимъ почтъ-директоромъ ³⁾. Въ письмѣ этомъ категорически объяснено было, что г. Ко—ко, не доволь-

¹⁾ Тутъ видна была предусмотрительность гражданской палаты, которая, прежде отсылки тѣхъ съ старыми дѣлами въ казенную палату, озаботилась передѣлать петриковскую сказку въ пользу графа Хоткевича, котораго считала дойною коровой.

²⁾ По указу сената петриковцы поголовно освобождены изъ крестьянства въ 1848-мъ году. Вслѣдствіе жалобы графа Хоткевича на то, что будто бы *большая часть петриковцевъ* вовсе не искала свободы, потому что переведена была въ мѣстечко изъ другихъ его деревень, сенатъ поручилъ минской казенной палатѣ (въ бытность мою председателемъ) удовлетворить помѣщика деньгами за неискавшихъ свободы, но освобожденныхъ людей. Указъ былъ исполненъ на основаніи имѣвшихся въ виду палаты данныхъ, 10-го декабря 1855-го года, но черезъ 10 лѣтъ началось слѣдствіе, длившееся до мая 1871-го года, на основаніи доноса, что Хоткевичу вовсе не слѣдовало денежнаго вознагражденія. Три совѣтника, подписавшіе протоколъ о выдачѣ денегъ, давно уже отправились *ad patres*, а на меня и остальныхъ сослуживцевъ наложено запрещеніе. Хоткевичъ, какъ оказывается, умеръ, не получивъ выданныхъ ему 53 т. р., его повѣренный пропалъ безъ вѣсти, но при всемъ томъ злоупотребленія со стороны казенной палаты не обнаружено, и ей остается только сожалѣть, что дѣло это не подлежитъ обсужденію гласнаго суда.

³⁾ Званіе, съ которымъ сопряжено было пользованіе огромными доходами отъ газетъ и владѣнія 300 душъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ.

ствуясь обще-извѣстными процентами, обыкновенно платимыми почтмейстерамъ содержателями почтовыхъ станцій ¹⁾, требуетъ отъ бѣдныхъ станціонныхъ смотрителей взятки, и тѣхъ изъ нихъ, которые почему-либо не вносятъ ему въ опредѣленные сроки назначенную съ нихъ дань, онъ положительно уничтожаетъ безпрестанными откомандировками въ губернскую контору, разжалованіемъ въ почталіоны или разстройствомъ нищенскаго хозяйства ихъ посредствомъ частыхъ переводовъ, для пользы службы, съ одного края губерніи въ другой.

— Отъ васъ зависитъ, сказалъ я г. Ко—ко, отдавая письмо, или разорвать его съ условіемъ измѣнить образъ дѣйствій вашихъ и сейчасъ же возвратитъ смотрителя Замбржицкаго къ мѣсту его служенія, или отправить это письмо по назначенію.

Ко—ко покоробился, но разорвалъ письмо и конечно про-
клялъ въ душѣ *голубой мундиръ*. Могъ ли я представить себѣ, что лѣтъ черезъ 30-ть Замбржицкому, въ этой должности, доведется служить и со мною?

И тогда, какъ теперь, жандармовъ называли въ публикѣ тайной полиціей и были убѣждены, что они имѣютъ повсюду наемныхъ агентовъ.

— Скажите, Асинеритъ Ивановичъ, спросилъ меня однажды, въ минуту откровенности, губернский предводитель Ошторпъ: какимъ образомъ вы знаете все, что дѣлается у насъ въ губерніи? Вы непременно имѣете повсюду своихъ агентовъ, которые сообщаютъ вамъ нужныя свѣдѣнія. Иначе быть не можетъ. Желать бы я знать, прибавилъ покойный Левъ Францовичъ, къ какому разряду людей принадлежать ваши агенты? Кто они такіе?

— Вамъ непременно угодно знать моихъ агентовъ, отвѣчалъ я. Извольте, я охотно назову вамъ лучшаго изъ нихъ: это вы сами!— Какъ это можетъ быть! возразилъ Ошторпъ, почти вскочивъ со стула.—Очень просто. Понимая васъ за честнаго и благонамѣреннаго человѣка, я не сомнѣваюсь, что всякая несправедливость, дошедшая до вашего свѣдѣнія, способна возмутить васъ и вы вѣрно не захотите, потворствуя злу, скрывать его и молчать. Стало быть я услышу. Дѣйствующія лица, причастныя въ этому дѣлу, по естественному порядку вещей, раздѣляются на двѣ категоріи: на такихъ, кому выгодно зло и такихъ,

¹⁾ Пользованіе этими доходами такъ было общеизвѣстно и настолько было допущено, что нѣкоторые губернскіе почтмейстеры просили выдачи имъ шнуровыхъ книгъ для веденія счета прихода и расхода этихъ поборовъ, безъ которыхъ и самая служба въ губернскихъ конторахъ была немислима при томъ нищенскомъ содержаніи, которымъ до послѣдняго времени пользовались почтовые чиновники.

✓ вому оно вредно. Послѣднія молчать не стануть. Я опять услышу. Кромѣ этого, если въ обществѣ сложится убѣжденіе, что я не пустой фатъ, не лѣнтяй, что сумѣю разобрать сущность дѣла, какъ бы оно сложно и запутано ни было, не затруднюсь отличить правду отъ лжи, мишуру отъ чистаго золота и кажущееся отъ дѣйствительнаго, то всѣ заинтересованныя въ несправедливомъ дѣлѣ лица сами позаботятся, чтобы я какъ можно скорѣе узналъ о событіи и взглянулъ на него съ той точки зрѣнія, откуда оно представляется въ желаемомъ ими видѣ. Вотъ мои средства, вотъ мои агенты; другихъ у меня нѣтъ; заключилъ я, добавя однакожъ, что бывають и такіе случаи, гдѣ всѣ участвующіе довольны результатами злоупотребленія и, стало быть, всѣ молчать. Тутъ уже трудно добиться правды; а это всего чаще можетъ случиться съ казнокрадствомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, встрѣтился мнѣ случай и другимъ способомъ узнать о происшествіи. Сѣлъ я играть въ одной партіи съ губернаторомъ Сушковымъ. «А что вы скажете, пытливо спросилъ онъ меня, тасуя карты, о происшествіи въ имѣніи Стоцкой?» — Не имѣя и тѣни понятія объ этомъ происшествіи и не считая выгоднымъ признаться въ моемъ невѣдѣніи, я отвѣчалъ уклончиво: «Да вѣдь это еще не вполнѣ подтвердилось». — Какъ не подтвердилось, возразилъ онъ иронически. Вы, стало быть, не знаете, что поваръ во всемъ признанъ? — Вотъ этого я еще не слыхалъ. — Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

Послѣ партіи виста подошелъ я къ сидѣвшему въ другой комнатѣ вице-губернатору, Ивану Ѳедоровичу Чмыхову. «А что, сказалъ я, опускаясь на сосѣдній съ нимъ стулъ, поваръ-то сознался во всемъ? — А, такъ вы уже знаете и подробности, отвѣчалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ разсказалъ мнѣ слово въ слово донесеніе исправника о кровавомъ событіи, сущность котораго заключалась въ томъ, что молодая очень пригожая горничная дѣвушка (покоювка) пожилой вдовы, Стоцкой, была до смерти застѣчена своею госпожей, которая приревновала ее къ своему любимцу, слугѣ.

Приготовленія къ этой казни и ея совершеніе, какъ открыто слѣдствіемъ, заключались въ томъ, что бездушная душевладѣлица прежде, чѣмъ приведена была жертва ея кровожадности въ назначенную на этотъ предметъ жилую комнату, приказала вернуть въ полъ желѣзные кольца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ считала нужнымъ, и на время истязаній, привязать руки и ноги своей несчастной жертвы. Потомъ принесенъ былъ огромный запасъ намоченныхъ въ соленой водѣ розогъ, и наконецъ, введена была,

въ одной сорочкѣ, босая, дрожащая всѣмъ тѣломъ и блѣдная, какъ смерть, шестнадцати-лѣтняя преступница! Стоцкая велѣла подвести ее къ себѣ ближе, ласково и нѣжно погладила ее по головкѣ, потрепала по щечкѣ, дотронулась до подбородка и груди и слегка придерживая за руку, тихимъ и смиреннымъ голосомъ принялась увѣщать опустившуюся на колѣни предъ нею дѣвушку, чтобы она не плакала, не просила пощады, но терпѣливо и безропотно перенесла ожидающія ея страданія, внушая ей, что они ничто въ сравненіи съ тѣми адскими мученіями, которыми она обязана ея красивому личику и которыя невыносимо терзаютъ ея душу съ той минуты, когда впервые почувствовала она ядъ ревности!.. Послѣ этого предисловія тихо, почти шопотомъ, приказала она осторожно и не торопясь разложить, привязать и обнажить невинную мученицу и потомъ, когда въ рукахъ слугителей засвистѣли розги съ двухъ сторонъ, Стоцкая, движеніемъ руки, дала понять, чтобы били какъ можно сильнѣе, но рѣже. Она жадными глазами впиалась въ быстро багровѣвшее нѣжное тѣло красавицы и съ видимымъ наслажденіемъ слушая страдальческіе стоны ея, спокойно отирала носовымъ платкомъ разлетавшіяся по стѣнамъ и попадавшія ей въ лицо обильныя брызги крови!... Когда же голосъ мученицы сталъ замирать, женщина-извергъ приказала пріостановить удары и вротко, дружески совѣтовала полумертвой выкушать нѣсколько глотковъ поднесенной ей воды, отдохнуть и собраться съ новыми силами. При этомъ она приговаривала: «Знаю, что тебѣ, моя сердечная, очень больно; понимаю, голубушка, что твоему дѣвичьему тѣлу невыносимо наказаніе; понимаю и то, что ты, какъ скромная дѣвушка, стыдишься быть можетъ при мужчинахъ обнаженія этого тѣла, что для тебя все это вдвойнѣ мучительно, но что-жъ дѣлать? Не вини меня, мой другъ! Я тебя берегла и любила, какъ дочь, а теперь душа моя ненасытимо требуетъ мщенія и наслаждается имъ: я не вольна совладать съ собою! Не сѣтуй на меня». Послѣ этихъ увѣщаній и кратковременной паузы, Стоцкая, приказавъ обнажить и остальную часть тѣла до самой головы, велѣла какъ можно сильнѣе, но съ разстановкою сѣчь по спинкѣ, какъ выражалась она, по шейкѣ, по плечикамъ и по жѣмамъ; наконецъ, когда все безъ исключенія тѣло покрылось сплошными кровавыми язвами и послѣдніе стоны страдальцы едва только и то изрѣдка стали доходить до слуха тигрицы въ юбкѣ, она распорядилась еще разъ пріостановиться, повернуть беззащитную соперницу вверхъ лицомъ, снова привязать къ желѣзнымъ кольцамъ и продолжать медленную казнь мученицы!!! Далѣе, когда замѣтила ея предсмертныя судороги,

приказала съ удвоенною силою и чаще наносить ей послѣдніе удары по животу и груди до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась, что жертва ея сатанинской мести обратилась наконецъ въ бездыханный трупъ! Но жажда крови и тутъ еще не утолилась вполне! Женщина-палачъ приказываетъ поварамъ разрѣзать на куски тѣло убитой, вынести его, сварить и передъ ея окнами отдать на съѣденіе псамъ!!!!!!...

Приговоренная къ каторгѣ, Стоцкая отравилась и умерла въ острогѣ...

Вотъ, до какого страшнаго безобразія, до какого ужаснаго варварства возможно было доходить душевладѣльцамъ въ былое, оплакиваемое крѣпостниками время, и если не такія, то близкіе похожія на это событія проходили иногда совершенно безнаказанно! Но 19-е февраля 1861-го года опустило уже завѣсу и навсегда скрыло отъ глазъ нашихъ то, чему съ трудомъ повѣрить потомство и что между тѣмъ творилось на всемъ пространствѣ необъятной Россіи...

Мученическая смерть дѣвушки, только тѣмъ и виновной, что природа позаботилась о ея красотѣ, пробудила во мнѣ грустное воспоминаніе о другой жертвѣ, но не ревности, а фанатизма...

По ходу военныхъ событій въ предѣлахъ виленскаго генералъ-губернаторства, въ 1831-мъ году, представилась надобность знать, гдѣ находился и чѣмъ занятъ былъ летучій отрядъ генералъ-адъютанта барона Деллингаузена ¹⁾. М. Е. Храповицкій

¹⁾ Наканунѣ Троицына дня 1831-го года обитатели богатыхъ палацовъ и всѣ сколько-нибудь зажиточные домовладѣльцы города Вильны готовились къ торжественному приему Гелгуда, за три дня передъ тѣмъ подступившаго къ Вильнѣ и обѣщавшаго, во что бы то ни стало, обѣдать на другой день въ столицѣ Литвы. Генералъ графъ Курута, князь Хилковъ и баронъ Сакенъ (нынѣшній графъ), войска которыхъ расположены были лагеремъ и въ баракахъ на ближайшихъ къ городу волнообразныхъ возвышенностяхъ западной стороны, ежеминутно слѣдили за неприятелемъ, занявшимъ такъ-называемыя Понарскія горы. Оба укрѣпленные лагери стояли лицомъ къ лицу. Ихъ раздѣляло полутораверстное разстояніе, на которомъ почти весь день происходила то здѣсь, то тамъ фланкерная забава смѣльчаковъ. Выскакивая впередъ, они дразнили противниковъ своимъ удалствомъ и вызывали ихъ помѣраться ловкостью и искусствомъ. То были преимущественно польскіе уланы съ одной и сборно-линейные казаки съ другой стороны. Это жонглерство не обходилось дешево. Выстрѣлы частенько долетали и до лагерей и вырывали людей изъ фронта. Двѣ, а иногда и три походныя фуры, наполненныя ранеными русскими и поляками, отправлялись ежедневно въ виленскій военный госпиталь, гдѣ ихъ ожидала помощь, взаимное знакомство и примиреніе...

Генералъ-губернаторъ, Матвій Евграфовичъ Храповицкій, также готовился къ принятію незваныхъ гостей, работая день и ночь.

«Пожайте на погулянку и узнайте толкомъ, что у насъ дѣлается въ городѣ, сказалъ онъ мнѣ, когда я собиралъ въ портфель подписанныя имъ бумаги. За не-

приказалъ мнѣ (я, въ чинѣ поручика генеральнаго штаба, управлялъ тогда его военной канцеляріей) командировать съ этой цѣлью офицера сборно-линейнаго Верзилина полка. Порученіе

имѣніемъ своей, я сѣлъ на казацкую лошадь и, въ сопровожденіи одного урядника, проѣхалъ Замковую (нынѣшнюю Большую) и Нѣмецкую улицы. Обѣ онѣ были пустыни, но внутри домовъ замѣтна была праздничная суета и движеніе. На обратномъ пути, близъ Антокола, мнѣ встрѣтилась фура съ четырьмя ранеными, которые лежали неудобно. Соскочивъ съ лошади, я напустился на сопровождавшаго ихъ фельдшера и вмѣстѣ съ прибѣжавшимъ на эту сцену подполковникомъ Тухачевскимъ, командиромъ полка, расположеннаго на Замковой горѣ съ ея отрогами, занялся перекладываніемъ больныхъ. Одинъ изъ нихъ, лежавшій навзничь, оказался уже умершимъ.

«Не хотите ли, поручикъ, напиться чаю, спросилъ меня Тухачевскій (превосходный молодой человѣкъ, служившій передъ тѣмъ Л. Г. въ Семеновскомъ полку; онъ убитъ при штурмѣ Варшавы 26-го августа). У меня хорошая зрительная труба, прибавилъ онъ, и мы сверху полюбуемся чуднымъ видомъ обоихъ лагерей. Мы поднялись на Замковую гору, на которой въ то время красовались еще нетронутыя развалины древнихъ стѣнъ и остроконачныхъ башенъ Кейстутава замка. Тутъ мнѣ довелось разсмотрѣть подробно устройство командовавшей городомъ импровизованной батареи изъ семидесяти орудій большого калибра, которыми опоясана была наскоро обращенная къ городу часть величественной Замковой горы. Правда, что выстрѣлами отсюда нельзя было бы нанести большого вреда непріятелю даже и тогда, когда бы онъ, подходя къ городу, спускался къ гродненской или минской заставѣ, но цѣль устройства этой батареи была та, чтобы во время нападенія извнѣ удержать строгій нейтралитетъ мѣстныхъ обывателей, дома которыхъ, въ противномъ случаѣ, общано было обратить въ груды камней. Другихъ средствъ къ обузданію жителей, по недостатку войскъ, рѣшительно не представлялось.

Возвратясь во дворецъ и доложивъ Матвѣю Евграфовичу о томъ, что видѣлъ и слышалъ, я въ четвертый разъ получилъ приказаніе не отлучаться всю ночь и вмѣстѣ съ адъютантами генерала Милашевичемъ, Глазуновымъ и княземъ Ухтомскимъ ожидать тревоги. Ночь прошла однако-жъ спокойно, но часу въ 4-мъ утра послышались вдалекѣ пушечные выстрѣлы и присланный княземъ Хилковымъ адъютантъ доложилъ, что непріятель снялся съ лагеря и наступаетъ... «Слава Богу, подумалъ я. По крайней мѣрѣ дождемся развязки!»

Канонада не умолкала до самой обѣдни. Судя по ежеминутнымъ донесеніямъ бой былъ упорный, потери съ обѣихъ сторонъ весьма значительныя. У обывателей между тѣмъ накрывались столы и видимо готовилось пиршество. Жидки шныряли. Генераль отправился къ обѣднѣ въ Свято-Духовъ монастырь, гдѣ архимандритъ Платонъ началъ уже службу. Во время обѣдни часто приходилось мнѣ докладывать Матвѣю Евграфовичу о ходѣ сраженія, перевѣсъ котораго склонялся то на одну, то на другую сторону, но при началѣ третьей, молѣбнопреклонной молитвы, которая по церковному уставу положена въ день Св. Троицы, кievскаго гусарскаго полка поручикъ Ярошевскій доложилъ генераль-губернатору, что непріятель показалъ тылъ и въ страшномъ безпорядкѣ отступаетъ. Матвѣй Евграфовичъ перекрестился и сказалъ вполголоса: Слава Богу!

Послѣ обѣдни генераль-губернаторъ присутствовалъ на разводѣ, отслужилъ благодарственный молебенъ и поздравилъ караулы съ побѣдой. При уборкѣ тѣлъ, которыхъ оказалось до 1,000, нашлись между убитыми двѣ женщины въ польскихъ мундирахъ. Гелгудъ бѣжалъ, преслѣдуемый нашею кавалеріей до самой границы

это было возложено полковникомъ Верзилинымъ на хорунжаго Баскакова съ однимъ урядникомъ и 20-ю казаками. Получивъ предписаніе отъ командира полка, Баскаковъ явился ко мнѣ вечеромъ, разспросилъ подробно, какой дорогой идти ему на поски и съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня отправился въ путь.

На другой день, часу въ 4-мъ пополудни, прискакалъ сопровождавшій Баскакова урядникъ. По лицу его видно было, что онъ привезъ недобрыя вѣсти. «Что съ тобою?» спросилъ я. — Ужасное несчастіе, отвѣчалъ онъ: хорунжаго нашего убили! — Кто, гдѣ, какъ? Тутъ разсказалъ онъ всю кровавую катастрофу слѣдующаго содержанія:

Казаки вышли за заставу съ разсвѣтомъ дня и направились большой вилькомирской дорогой къ станціи Мышеголы. На 18-й или 19-й верстѣ, когда они проходили мимо какой-то мызы, къ нимъ выслали нарочнаго съ приглашеніемъ отдохнуть и закушать. На балконѣ, обращенномъ на обширный дворъ, видно

Пруссія, по переходѣ въ которую онъ сложилъ оружіе, отдался въ плѣнъ и убитъ своимъ адъютантомъ.

Въ тотъ же Троицынъ день изъ захваченныхъ у плѣнныхъ официальныхъ бумагъ открылось, что по распоряженію варшавскаго диктатора, Гелгудъ, этотъ усердный поклонникъ Бахуса, сдѣлалъ спасительную для насъ ошибку. Онъ долженъ былъ напасть на Вильну не въ Троицынъ день, который пришелся 7-го іюня, но на другой день Духова дня, т.-е. во вторникъ, 9-го іюня. Къ этому сроку должны были по расчету подоспѣть къ нему на помощь отряды генераловъ Хлоповскаго и Дембинскаго, изъ которыхъ первый въ Троицынъ день былъ уже на мѣстѣ, и именно въ м. Яшунахъ, на одинъ переходъ отъ Вильны съ южной стороны, а послѣдній на такомъ же разстояніи съ сѣверной (около ст. Нѣмечина), чего Гелгудъ очевидно не зналъ и потому не ввелъ ихъ въ дѣло. Оба они, какъ послѣ оказалось, слышали отдаленный громъ пушекъ, но, зная распоряженіе диктатора, не понимали значенія выстрѣловъ и потому не смѣли двинуться къ Вильнѣ. Войскамъ нашимъ пришлось бы въ этомъ случаѣ отражать нападенія не съ одной западной, но съ трехъ сторонъ. Богъ знаетъ чѣмъ кончилось бы тогда это побоище и чего стоило бы оно храбрымъ защитникамъ Вильны!

Для преслѣдованія Хлоповскаго и Дембинскаго, согласно рѣшенію военнаго совета, были сформированы и высланы особые отряды подъ начальствомъ генераловъ Гельфрейга и Каблукова. Первому изъ нихъ пришлось скорѣе возвратиться въ Вильну, потому что Хлоповскій, узнавъ о пораженіи Гелгуда, поспѣшилъ уйти за Нѣманъ, а В. И. Каблукъ наступилъ было Дембинскаго и имѣлъ съ нимъ жаркую стычку 23-го іюня подъ Поневѣжемъ, но Дембинскій все-таки успѣлъ пробраться въ Польшу.

Обстоятельства такъ сложились, что въ Вильнѣ около этого времени не было вѣрнаго свѣдѣнія о мѣстопребываніи генералъ-адъютанта барона Деллинсгаузена, который, въ качествѣ партизана, занимался исключительно преслѣдованіемъ мятежническихъ шаекъ и хотя прислалъ 23-го іюня въ Поневѣжъ двухъ линейныхъ казаковъ освѣдомиться о причинѣ слышанныхъ имъ съ самаго утра пушечныхъ выстрѣловъ, но не остановилъ Дембинскаго.

Вотъ причина, почему встрѣтилась надобность въ командированіи Баскакова.

было много дамъ. Офицеръ принялъ предложеніе, приказавъ людямъ спѣшиться на дворъ, подвинуть сѣна лошадямъ и не упускать его изъ виду. Едва только показался хорунжій съ барынями на балконъ, какъ казакамъ подали водку и закуски, которыя по здѣшнему обычаю принесшіе сначала отвѣдали сами, а Баскакова подчивали на балконъ, съ котораго онъ уходилъ иногда въ сосѣднія комнаты и снова появлялся. Казаки за нимъ слѣдили зорко и чутко. Иногда его не видно было минутъ по пяти и болѣе, но звучный голосъ его былъ слышенъ; потомъ онъ снова показывался и весело, громко разговаривалъ съ молодыми барышнями. Мужчинъ, кромѣ прислуги, не было видно. Наконецъ и на балконъ и въ сосѣдней съ нимъ комнатѣ, впродолженіи 10-ти или 15-ти минутъ, ничего не было видно и слышно. Тутъ урядникъ счелъ нужнымъ справиться, что дѣлаетъ хорунжій, да и спросить встати, не пора ли молъ идти далѣе? Входить; въ передней никого; идти далѣе—все тихо и пусто. Его взяло подозрѣніе: ужъ не случилось ли чего недобраго, подумалъ онъ? Въ третьей, въ четвертой горницѣ—ни души! Онъ идетъ далѣе, — дверь заперта. Окликаетъ — отвѣта нѣтъ. Сильнымъ ударомъ выбиваетъ дверь — и въ глазахъ у него потемнѣло! И ноги подкосились!... Онъ видитъ хорунжаго, изрѣзаннаго въ куски, обезглавленнаго, и плавающего въ лужѣ своей крови!... Онъ хочетъ закричать, но какъ-то задохнулся и голосъ словно замеръ въ немъ!... Онъ бросился къ своимъ, кричить: «Несчастіе, скорѣй сюда! Половина оставайся при лошадяхъ...» Во всемъ домѣ и въ обширномъ саду они не нашли живой души. Ясно было, что по совершеніи заранѣе предуготовленнаго убійства, всѣ убѣжали черезъ садъ въ примыкавшій къ нему густой лѣсъ, по тропинкамъ котораго конному проѣхать было невозможно. Часа два они дѣлали напрасные поиски; наконецъ, оставя на мызѣ половину команды, съ остальными людьми урядникъ рѣшился вернуться и донести объ ужасномъ несчастіи.

То же самое повторилъ урядникъ и призвавшему его генералъ-губернатору, который принялъ самыя энергическія мѣры къ поимкѣ преступниковъ, не ускользнувшихъ конечно отъ заслуженнаго ими возмездія.

Прошло болѣе 40-ка лѣтъ послѣ этого событія, но Баскакова, какъ живого, я вижу передъ собою. Это былъ необыкновенный красавецъ, мужчина лѣтъ 27-ми, средняго роста, съ длинною черною бородой и быстрыми, умными глазами.

Тяжелое было время тогда!... Дня черезъ два встрѣтилъ я на улицѣ однокашника моего, артиллеріи подпоручика Потемкина, командированнаго изъ Царства Польскаго въ Старую Руссу,

тѣ только-что подавлено было возмущеніе военныхъ поселянъ, возбужденное подозрѣніемъ, что народъ мретъ не отъ холеры, впервые показавшейся въ Россіи, но отъ отравы воды злоумышленниками. Выдавъ Потемкину новую подорожную и напоивъ его чаемъ, я усадилъ его въ почтовую бричку и простился съ нимъ на-вѣки!... Въ 6-ти верстахъ отъ Вильны онъ былъ убитъ изъ-за куста!... Подобныя этому событія повторялись нерѣдко!

Но я прошу извиненія у моего благосклоннаго читателя за эти отступленія и съ удовольствіемъ возвращаюсь къ моей мирной минской жизни, полной воспоминаній болѣе утѣшительныхъ, болѣе отрадныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ пришлось упомянуть здѣсь.

Около 4-хъ часовъ пополудни, 25-го іюня 1838-го года, собрались минчуки отпраздновать роскошнымъ обѣдомъ день рожденія покойнаго государя. Пока ожидали архіепископа Никанора и губернатора князя Давыдова, около меня завязался разговоръ объ умершемъ скоропостижно частномъ приставѣ Т., оставившемъ несчастной вдовѣ 9-ть человѣкъ дѣтей и 45 коп. наличнаго капитала. Русскій кружокъ нашъ, не долго разсуждая, тутъ же предложилъ подписку въ пользу вдовы; въ ней приняли участіе всѣ присутствовавшіе и въ концѣ обѣда оказалось въ сборѣ около 400 р.

Но это не было минутнымъ движеніемъ невольнаго участія къ осиротѣвшему семейству честнаго труженика. Русскій кружокъ нашъ пошелъ далѣе. Два сына вдовы записаны были юнкерами въ полкъ, одинъ опредѣленъ въ петербургское аудиторское училище, одинъ въ полоцкій корпусъ; двое поступили въ гимназію и помѣщены были за извѣстную плату въ общихъ квартирахъ; 10-ти-лѣтняя дочь отвезена въ полтавскій институтъ; старшая сестра ея, съ грѣхомъ пополамъ кончившая при отцѣ воспитаніе въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, поступила куда-то въ гувернантки, такъ, что при вдовѣ, получившей небольшую пенсію, остался одинъ только 7-ми-лѣтній сынъ, Станиславъ, котораго она отвезла въ Петербургъ и отдала на попеченіе всендзамъ доминиканамъ.

Надобно замѣтить, что покойный Т. былъ по происхожденію минскій мѣщанинъ (что видно изъ ревизскихъ сказокъ), православнаго исповѣданія, но получивъ на службѣ орденскъ, а съ нимъ — по прежнимъ правиламъ — и потомственное дворянство, онъ, по старому обычаю, тотчасъ же сдѣлался паномъ и ужъ конечно католикомъ. Всѣ шестеро сыновей его, оставаясь католиками, служатъ съ отличіемъ и занимаютъ довольно видныя мѣста; институтѣ въ замужествѣ за почтеннымъ русскимъ ка-

питаномъ и счастлива вполнѣ, а сынъ Станиславъ, воспитанный доминиканцами и съ успѣхомъ окончившій на ихъ издвигеніи медицинскій курсъ въ московскомъ университетѣ, былъ опредѣленъ уѣзднымъ врачомъ въ Д. и вскорѣ очутился въ шайкѣ мятежниковъ 1863-го года.

Тутъ кажется комментаріи не нужны!

Въ началѣ 1839-го года въ Минскѣ проживала бѣдная, больная, обремененная большимъ семействомъ вдова маіора Козакевича. Мужъ ея, украшенный орденами, израненный, изувѣченный, скончался, оставя жену и шестерыхъ дѣтей рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію. Козакевичъ по религіи былъ католикъ.

По кончинѣ мужа, вдова Козакевичъ просила о назначеніи ей съ дѣтьми пенсіи, но комитетъ о раненыхъ отозвался, что какъ мужъ ея скончался не отъ послѣдствій полученныхъ имъ ранъ, то онъ не можетъ ходатайствовать о назначеніи ей пенсіи, а министерство внутреннихъ дѣлъ приказало объявить вдовѣ, что какъ мужъ ея, по служенію минскимъ полиціймейстеромъ, три раза подлежалъ суду (два раза за выданныя имъ высокія справочныя цѣны госпитальнымъ припасамъ, а одинъ—за медленность взысканія денегъ по заемному письму) и избавленъ отъ ответственности по этимъ дѣламъ за силою манифеста 22-го августа 1826-го года, то вдовѣ Козакевичъ не только нельзя получить пенсіи, но и единовременнаго пособія, какъ женѣ чиновника, умершаго внѣ службы.

Подобные этимъ отказы вдова эта получила и отъ генералъ-губернатора князя Долгорукова, изъ комиссіи прошеній и отъ главнаго начальника моего, шефа жандармовъ.

Узнавъ случайно, что дѣла, по которымъ Козакевичъ подлежалъ суду, были слишкомъ ничтожны и должны бы ограничиться однимъ лишь незначительнымъ денежнымъ взысканіемъ, которое по закону не воспрепятствовало бы назначенію пенсіи его семейству, я пригласилъ къ себѣ вдову и рассмотрѣлъ со вниманіемъ принесенныя ею бумаги, въ числѣ которыхъ были и полученные ею изъ разныхъ мѣстъ отказы. Между бумагами этими я нашелъ особое свидѣтельство, выданное Козакевичу дивизионнымъ генераломъ Ротомъ, о томъ, что послѣ бородинской битвы, Козакевичъ, страшно израненный и совершенно изувѣченный, найденъ былъ случайно между убитыми.

Около этого времени въ Божѣ почившій государь, желая увѣковѣчить память незабвеннаго въ лѣтописяхъ отечества нашего сраженія бородинскаго, приготовлялся къ торжественному открытію памятника въ селѣ Бородинѣ, а какъ Козакевичъ не-

оспоримо принадлежалъ къ числу героевъ этого ужаснаго побоища, то я рѣшился, описавъ бѣдственное положеніе вдовы и дѣтей Козакевича и не стѣсняясь ни буквою закона, ни полученными вдовою отказами, войти съ представленіемъ къ графу Бенкендорфу, который, снесясь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ А. Г. Строгоновымъ, участь семейства Козакевича повергнулъ всемілостивѣйшему воззрѣнію и вслѣдъ затѣмъ увѣдомилъ меня, что государь императоръ, согласно съ заключеніемъ комитета гг. министровъ, повелѣлъ назначить вдовѣ и дѣтямъ майора Козакевича 712 руб. пожизненной пенсіи и выдать оную со дня кончины мужа.

Здѣсь встать будетъ упомянуть и о другомъ случаѣ.

Въ іюнѣ 1839-го года, часть арестантовъ работала въ огородѣ, принадлежащемъ минскому острогу. Конвойные довѣрчиво дремали, опершись на ружья. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ бросился бѣжать вмѣстѣ съ тремя конвойными, оставившими ружья и аммуницію (одинъ изъ солдатъ былъ вольно-опредѣлившійся, виленскій дворянинъ, князь Гедройцъ, 19-ти лѣтъ). Въ погоню за ними кинулось человекъ пять караульныхъ, которымъ съ ружьями трудно было настичь бѣглецовъ, скрывшихся вскорѣ въ подгородномъ лѣсу помѣщика Неморшанскаго (а теперь Киселевскаго); но едва усталые бѣглецы достигли чащи лѣса, какъ на опушкѣ его показалась фигура женщины, которая движеніемъ руки торопила приближавшихся солдатъ, показывая имъ направление, по которому уходили бѣглецы.

Оказалось, что прежде, чѣмъ конвойные достигли лѣса, арестантъ-разбойникъ успѣлъ броситься съ ножомъ на помогавшую конвойнымъ женщину (*католичку* Шумелеву, дочь отставного солдата) и что послѣдняя, защищаясь, нанесла разбойнику попавшемуся подъ руку костью смертельную рану въ лобъ.

Началось слѣдствіе. Несчастную Шумелеву засадили въ острогъ, какъ убійцу. Двухъ бѣглыхъ солдатъ поймали, а его сіятельство, князь Гедройцъ, бывшій ученикъ виленской католической семинаріи, измученный голодомъ, явился самъ.

Черезъ двѣ недѣли Шумелева вышла изъ острога съ присланными ей отъ государя ста рублями и серебряною медалью на груди съ надписью «*за усердіе*».

Гласнаго суда тогда не было. Подобное дѣло могло затянуться на нѣсколько лѣтъ. Шумелева сгнила бы въ острогѣ, если бы обо всемъ этомъ не было подробно донесено графу Бенкендорфу.

Вотъ еще одинъ случай.

Въ деревнѣ Брилевичахъ, въ пяти верстахъ отъ Минска, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, мирно доживалъ вѣкъ свой 83-хъ-лѣтній старецъ, отставной полковникъ Тольсдорфъ, особенно примѣчательный тѣмъ, что онъ первый, по присоединеніи западнаго края къ россійской державѣ, вступилъ въ военную службу нашу.

Изъ бумагъ Тольсдорфа видно было, что онъ вступилъ въ службу кадетомъ въ Кіевскій драгунскій полкъ въ 1792-мъ году и, вѣрный присягѣ, черезъ два года дрался уже противъ возмущившихся собратій его подъ Вильною, Вилькомиромъ и Видзами (1794 года). Съ того времени Тольсдорфъ участвовалъ съ полкомъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Подъ Бородинымъ, въ чинѣ майора, остался самъ-третій и командовалъ полкомъ до окончанія отечественной войны, а 1-го марта 1816-го года, за болѣзнь, уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ и съ опредѣленіемъ, по дѣйствовавшимъ тогда законамъ, на инвалидное содержаніе.

Тольсдорфъ прослужилъ только 24 года, но служба его ознаменована была длиннымъ рядомъ отличій, а именно: за усердіе, распорядительность, мужество и примѣрную храбрость, онъ разновременно удостоился получить ордена: св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 2 ст. съ брилліантами, прусскій за заслуги (*pour le mérite*), двѣ золотыя сабли, изъ коихъ, взаимнѣ послѣдней, награжденъ высочайшимъ благоволеніемъ. Сверхъ того за особый геройскій подвигъ, заключавшійся въ томъ, что Тольсдорфъ, 15-го августа 1813-го года, въ Силезіи, съ двумя эскадронами драгунъ врубился въ непріятельскую пѣхоту, взялъ одну пушку и 98 человекъ въ плѣнъ, онъ удостоился получить св. Георгія 4 степени, а полкъ, въ его командованіе, получилъ на кивера надпись: «за отличіе» и георгіевскія знамена.

Состояніе Тольсдорфа заключалось въ заложенной деревнѣ Брилевичахъ съ 37-ю душами, а инвалидное содержаніе, или выслуженная пенсія, состояла изъ 4 р. и 39 в. въ мѣсяцъ.

Много и мало суть понятія относительныя. Рядомъ съ Тольсдорфомъ въ спискѣ пенсіонеровъ стоялъ не нюхавшій пороха, прослужившій всего только 10-ть лѣтъ и уволенный отъ службы за болѣзнь, тоже подгородный помѣщикъ, штабсъ-капитанъ Верига, получившій 102 руб. годовой пенсіи (вдвое болѣе Тольсдорфа).

Въ бытность мою предсѣдателемъ минской казенной палаты я обратилъ вниманіе бывшаго министра П. О. Брока на эту несообразность и крайне стѣсненное положеніе Тольсдорфа.

Министръ финансовъ препроводилъ замѣтку мою военному министру и 11-го іюля 1851-го года, за № 5450, получено было увѣдомленіе, что по всеподданнѣйшему докладу военного министра, Тольсдорфу, *ни о чемъ не просившему* государя, всемилоостивѣйше пожаловано въ пособіе 1000 руб. сер. ¹⁾.

Что же касается до католички Шумелевой, то она надѣлала много шуму своею медалью. Мѣстные юристы хотя и находили ее вполнѣ достойной царской милости, но обвиняли меня въ излишней торопливости, а начальство мое въ томъ, что оно, не повѣривъ донесенія моего посредствомъ сношенія съ мѣстными властями, вполнѣ положило на меня и рѣшилось испросить убійцѣ не только освобожденіе, но и награду. На подобныя этимъ замѣчанія я отвѣчалъ юристамъ, что начальство привыкло вѣрить мнѣ, потому что я не люблю утрировать и доносить наобумъ.

Между тѣмъ рядъ подобныхъ случаевъ болѣе и болѣе воодушевлялъ меня, поддерживая нравственный кредитъ мой, а съ нимъ и вліяніе на окружавшую меня среду. Но если кто злоупотреблялъ этимъ вліяніемъ, то это по преимуществу жена моя (только въ мартѣ минувшаго года, за переселеніемъ въ деревню, отказавшаяся отъ званія попечительницы минскаго дѣтскаго пріюта), которую безпрестанно аттаковали бѣдныя всѣхъ званій и исповѣданій. Ей всегда удавались устраиваемыя на этотъ предметъ лотереи и подписки въ пользу такихъ нуждающихся, которымъ, по ихъ положенію, невозможно было открыто просить милостыни. Самымъ щедрымъ и всегда готовымъ пособникомъ жены въ дѣлахъ этого рода былъ владѣлецъ огромныхъ имѣній Минской губерніи, штабсъ-ротмистръ князь Леонъ Радзивиль (нынѣ генералъ отъ кавалеріи и генералъ-адъютантъ) и часто посѣщавшіе Минскъ предводители дворянства, въ особенности Л. Ф. Ошторпъ и графъ М. Р. Ракицкій ²⁾.

Такъ однообразно тянулась скромная, но мирная и пріятная жизнь наша. Изрѣдка случались исключенія. Приѣздъ генералъ-губернатора, моего окружнаго начальника, какой-нибудь знаме-

¹⁾ Бывшій губернаторъ Шкларевичъ, получивъ объ этомъ увѣдомленіе дежурнаго генерала, отозвался: «Это вѣрно штука Ломачевского: онъ любитъ соваться не въ свое дѣло». Шкларевичъ былъ очень дѣльный губернаторъ, но страшный формалистъ и рутинеръ.

²⁾ Графъ Ракицкій давно скончался, а единственный сынъ его, женатый на особѣ православнаго исповѣданія, оставилъ въ православное потомство богатѣйшее имѣніе Рѣчицкаго уѣзда, м. Брагинъ, то самое, которое принадлежало въ XVII-мъ столѣтіи измѣнившимъ православію князьямъ Вишневецкимъ и откуда поляки снарядили Лже-Дмитрія (Гришку Отрепьева) въ походъ на Москву въ 1603 году.

нитости въ родѣ виртуоза Липинскаго, или ловкаго фокусника, измѣняли на время обычный ходъ вещей, а потомъ снова во- дворался прежній порядокъ.

Слово «фокусникъ» напоминало мнѣ замѣчательный случай невыгодной встрѣчи моей съ однимъ дѣйствительно ловкимъ фокусникомъ. Случилось какъ-то, что полиціймейстеръ просилъ меня во время обѣдни выйти на церковную паперть и переговорить съ прїѣзжимъ иностранцемъ, не понимавшимъ русскаго языка. Оказалось, что это былъ нѣкто Зегеръ, пожилой морякъ австрійской службы, бывшій начальникъ венеціанскаго порта, слѣдовавшій чрезъ Варшаву, Минскъ и Москву въ Петербургъ, по вызову нашего морского министерства. Незнакомецъ говорилъ чистымъ французскимъ языкомъ, предъявилъ выданную ему въ Варшавѣ дорожную за подписью генераль-губернатора Панкратьева, не забывъ упомянуть, что онъ удостоился чести обѣдать у намѣстника и жаловался, что на послѣдней предъ Минскимъ станціи, Прилукахъ, по неосторожности ямщика, сломали новенькую карету, въ которой онъ ѣхалъ съ женою и двумя малютками - дѣтьми, безъ всякой прислуги. Претензія его заключалась въ томъ только, чтобы экипажъ былъ скорѣе починенъ на счетъ содержателя, въ чемъ я и поспѣшилъ успокоить его.

Послѣ обѣдни Зегеръ сдѣлалъ мнѣ визитъ въ мундирѣ и со звѣздой. Тутъ показалъ онъ мнѣ нѣсколько печатныхъ объявленій иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ видно было, что начальникъ морского штаба нашего, князь Меншиковъ, приглашаетъ опытныхъ моряковъ, въ томъ числѣ и Зегера, въ Петербургъ для введенія новѣйшихъ усовершенствованій въ нашемъ Балтійскомъ флотѣ.

Когда я отдалъ ему визитъ и былъ представленъ женѣ моряка, молодой французкѣ, она показала мнѣ недостаточно ловкою и развитою особою. Это не помѣшало мнѣ пригласить ихъ къ себѣ на вечеръ и окружить знакомыми съ французскимъ языкомъ гостями. Зегеръ признанъ былъ человекомъ бывалымъ, свѣтскимъ и пріятнымъ. Починка экипажа и болѣзнь дѣтей задержали путешественниковъ въ Минскѣ почти цѣлую недѣлю. Наконецъ, когда они собрались уже въ дорогу, я выпросилъ имъ у почтмейстера проводника - почталіона и въ день отъѣзда, узнавъ случайно, что Зегеръ, нуждаясь въ деньгахъ, продаетъ ящикъ серебра, поспѣшилъ къ нему на выручку, предложилъ ему взаймы 100 руб. денегъ, не взявъ даже росписи въ полученіи ихъ и ограничился тѣмъ, что Зегеръ, въ благодар-

ственномъ письмѣ ко мнѣ, упомянулъ о полученныхъ имъ заимообразно деньгахъ.

Но каково было мое изумленіе, когда я узналъ, что не доѣзжая двухъ станцій до Москвы, Зегеръ, по требованію австрійскаго правительства, былъ арестованъ и вскорѣ потомъ выпроложенъ за границу съ фельдъегеремъ.

И шефъ жандармовъ и австрійское посольство отказались помочь мнѣ во взысканіи съ самозванца занятыхъ у меня денегъ. Не знаю, какой именно поводъ былъ къ аресту и высылкѣ Зегера за-границу, но то вѣрно, что онъ никогда не былъ начальникомъ венеціанскаго порта и капитаномъ 1-го ранга съ дюжиною орденовъ, а просто-на-просто служилъ долгое время капитаномъ купеческихъ судовъ, а мать дѣтей его была не жена его, но обыкновенная парижская модистка.

Но какъ ни безсовѣстенъ, какъ ни ловокъ былъ Зегеръ, ему вѣроятно не удалось бы такъ легко воспользоваться моею неопытностью, моею довѣрчивостью, если-бъ онъ не успѣлъ обмануть предварительно канцелярію варшавскаго генераль-губернатора, выдавшую ему казенную подорожную на проѣздъ въ Петербургъ.

Нескончаемые толки объ этомъ дерзкомъ фокусникѣ послужили поводомъ начальнику моему, фонъ-Дребушу, къ повѣркѣ моихъ понятій о мѣстныхъ дѣтеляхъ, между которыми не мало было своего рода фокусниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ часто расходился со мною во взглядѣ. Для примѣра скажу, что онъ смотрѣлъ очень снисходительно на одного отчаяннаго плута, служившаго при немъ, въ бытность его минскимъ губернаторомъ, чиновникомъ особыхъ порученій, Кондратія Ивановича Бо—ча (извѣстнаго тамъ подъ именемъ Кондрашки) и слишкомъ строго на одного дѣльнаго, трудолюбиваго и опытнаго столоначальника гражданской палаты Ва—ева, котораго считалъ взяточникомъ. Я, напротивъ, понималъ Кондратія Ивановича во всѣхъ отношеніяхъ вреднымъ человѣкомъ, низкимъ льстецомъ и обманщикомъ, готовымъ изъ корыстныхъ видовъ на какой угодно грязный поступокъ, а Ва—ева честнымъ и достойнымъ труженикомъ. Мнѣ извѣстенъ былъ особенно замѣчательный случай изъ служебной практики перваго и безукоризненный образъ дѣйствій послѣдняго. Кондратію Ивановичу дано было однажды порученіе произвести слѣдствіе о долгахъ, обеспеченныхъ на имѣніи одного политическаго преступника, для ликвидаціи счетовъ и разрѣшенія вопроса, нѣтъ ли между долговыми обязательствами безденежныхъ, поддѣльныхъ, не акцентованныхъ и, слѣдовательно, не подлежащихъ уплатѣ документовъ? Сколько ни добивался

Кондратій Ивановичъ передъ отъѣздомъ на слѣдствіе, но никакъ не могъ провѣдать, какъ смотритъ губернаторъ на порученное ему дѣло? Въ этомъ невѣдѣніи услужливый слѣдователь съчелъ благоразумнымъ состряпать и привезти на всякій случай, вмѣсто одного, два совершенно оконченныя дѣла: одно, направленное въ пользу казны, а другое въ пользу родныхъ преступника!!! Генераль конечно не оправдывалъ такой образъ дѣйствій этого фокусника, но въ защиту свою замѣтилъ, что искусный ваятель и тупымъ, испорченнымъ ножомъ вырѣжетъ желаемую вещицу лучше, чѣмъ неискусный хорошимъ инструментомъ. «Въ томъ-то и заключается преимущество опытнаго зачальника, добавилъ Александръ Федоровичъ, что онъ знаетъ, кому изъ подчиненныхъ можно, съ пользою для службы, поручить то или другое дѣло и кому нельзя. Плохого возницу разобьютъ и тощія кляченки, а сильный, ловкій ямщикъ справится и съ бѣшенными лошадьми. Чтѣ же касается до вашего Ва—ева, заключилъ генераль, который получаетъ сто рублей жалованья, а проживаетъ чуть не тысячу, то я никогда не перестану считать его взяточникомъ».

— А что, ваше пр-во скажете, отвѣчалъ я, если вамъ представлены будутъ неопровержимыя доказательства, что Ва—евъ положительно неподкупенъ? Еще недавно ему представлялся случай къ большой наживѣ подъ условіемъ воздержаться нѣсколько дней составленіемъ доклада присутствію палаты по двумъ просьбамъ бѣдняковъ, которыхъ легко было обидѣть въ ущербъ совѣсти и въ пользу щедраго противника? Этого мало. Мнѣ извѣстно также, что одинъ изъ болѣе вліятельныхъ и слѣдовательно нужныхъ ему членовъ палаты просилъ Ва—ева не торопиться представленіемъ доклада, но онъ и тутъ не согласился и бѣдняки выиграли свой искъ. По-моему, это обстоятельство много говорить въ пользу Ва—ева.

— Но быть можетъ, В—евъ зналъ, что вы принимаете участіе въ бѣднякахъ, отвѣчалъ генераль, или что ходъ этого дѣла вообще интересуется васъ. Въ противномъ случаѣ и онъ, быть можетъ, потянулъ бы въ пользу сильной стороны.

— Для того, чтобы допустить подобное этому предположеніе, возразилъ я, необходимо указать хотя на одинъ случай, компрометирующий образъ дѣйствій Ва—ва, а я, скажу откровенно, ни разу еще не слыхалъ жалобы на этого человѣка. Напротивъ, о немъ въ обществѣ сложилось такое убѣжденіе, что онъ и для отца родного не покривитъ душой и если беретъ деньги, то не изъ-за угла, но по условію, и не такъ какъ чиновникъ палаты, имѣющій вліяніе на дѣла, но какъ частный человѣкъ,

какъ знатокъ дѣла, какъ адвокатъ, къ которому обращаются за совѣтомъ.

— Итакъ, по вашему Ва—евъ не взяточникъ, спросилъ оружный, хотя и беретъ деньги за дѣла, производящіяся въ томъ мѣстѣ, гдѣ служить? Совмѣстимы ли эти два понятія?

— Мнѣ кажется совмѣстимы, продолжалъ я, съ одной стороны, потому что законъ не воспрещаетъ служащему заниматься, съ разрѣшенія начальства, составленіемъ прошеній или записокъ и въ то присутственное мѣсто, въ которомъ онъ служитъ, стало быть за условленное вознагражденіе; а потому, если подобный трудъ служащаго не обязателенъ для него, то несправедливо было бы полученное имъ вознагражденіе считать взяткой. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ, къ сожалѣнію, зачастую смѣшиваютъ еще понятія о безчестномъ подкупѣ съ трудовою копѣйкой.

— Для того, чтобы согласиться съ вами въ пользу Ва—ева, замѣтилъ мнѣ генераль, нужно положить рѣзкую черту между обязательнымъ и необязательнымъ трудомъ служащаго, а это почти невозможно.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, что если всякое учрежденіе, какъ и каждый служащій имѣетъ свой кругъ обязательной дѣятельности, то все, что переходитъ за черту этого круга, должно быть отнесено къ дѣятельности совершенно необязательной. Вотъ почему служащій имѣетъ, по моему мнѣнію, полное право получать вознагражденіе за написаніе частному человеку дѣловой просьбы, или даже за дѣльный совѣтъ, который даетъ онъ обращающемуся къ нему просителю, менѣе его опытному и незнакомому съ законами. Точно такое же вознагражденіе и на томъ же основаніи получаетъ служащій врачъ за изслѣдованіе недуга страждущаго и за преподаніе ему совѣта, если только этотъ страждущій пользуется не во ввѣренной ему больницѣ, а у себя дома. Въ обоихъ случаяхъ полученіе вознагражденія нисколько не предосудительно. Скажу болѣе: мы слушаемъ обѣдню, вечерню, всенощную, молебенъ и никто не требуетъ, чтобы за это удовольствіе мы платили деньги или ставили свѣчи къ образамъ; но если по влеченію сердца мы приглашаемъ священника отслужить всенощную или молебенъ у себя дома, или заказываемъ панихиду на могилѣ дорогой намъ особы, то и служитель алтаря не обязанъ отказываться отъ посильнаго для насъ вознагражденія за этотъ трудъ, нисколько для него не обязательный.

— Да, съ теоретической точки зрѣнія ваше замѣчаніе основательно, сказалъ Александръ Ѳеодоровичъ, но въ практическомъ ихъ примѣненіи, повѣрьте моей опытности, они представляютъ

случай ко множеству безнаказанных злоупотреблений, особенно въ этомъ краѣ и въ настоящее переходное время. Здѣшніе адвокаты не скоро снимутъ трауръ по отжившемъ литовскомъ статутѣ¹⁾, замѣненнымъ теперь общими законами имперіи. А пока они свыкнутся съ русскимъ языкомъ и гражданскими установленіями, В—еву и ему подобнымъ представляется обширное поле жатвы, а слѣдовательно и злоупотреблений.

Разговоръ этотъ помѣщается въ замѣткахъ моихъ съ тою единственною цѣлю, чтобы познакомить читателя съ моимъ взглядомъ на существовавшій тогда складъ вещей и, признаться откровенно, что я нисколько не считалъ себя обязаннымъ преслѣдовать неискоренимыя, общеизвѣстныя злоупотребленія, на которыя само правительство смотрѣло, какъ говорится, сквозь пальцы. Ему извѣстно было, напримѣръ, что ни полиціймейстеръ, ни почтмейстеръ не могли существовать однимъ скуднымъ жалованьемъ. Первый изъ нихъ, получая 600 руб. асс. въ годъ жалованья, принужденъ былъ тратить на одну свою канцелярію не менѣе 4,000 руб., а содержанія послѣдняго едва-ли доставало на отопленіе, освѣщеніе конторы, бумагу, сургучъ, свинецъ и укупорочные матеріалы. Самый добросовѣстный губернский почтмейстеръ, безъ пособія почтосодержателей, существовать не могъ и на доходы эти смотрѣлъ онъ точно также, какъ смотрѣлъ, бывало, командиръ кавалерійскаго полка на экономію, получаемую имъ отъ высокихъ справочныхъ цѣнъ на фуражъ для лошадей, отпускаемый не въ натурѣ, но деньгами. Откупщики давали определенное жалованье не только казеннымъ палатамъ и полиціи, но и всѣмъ безъ изъятія чиновникамъ, черезъ руки которыхъ проходили нескончаемыя спорныя дѣла, безъ которыхъ самое существованіе откуповъ было невысказано. Все это было мнѣ хорошо извѣстно, но не привлекало особеннаго моего вниманія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда до меня доходили жалобы на явныя придирки и вымогательство взятокъ²⁾.

¹⁾ До 1840-го года гражданскія дѣла рѣшались въ западномъ краѣ на основаніи литовскаго статута, который до присоединенія Литвы къ Польшѣ имѣлъ много общаго съ русскими законами того времени, былъ написанъ на русскомъ языкѣ, знаніе котораго было обязательно для судей. Позднѣйшія изданія статута дополнены и частію замѣнены постановленіями сеймовъ.

²⁾ Впослѣдствіи, и именно въ 1860 году, когда я служилъ предсѣдателемъ казенной палаты въ Костромѣ, былъ представленъ мною директору департамента податей и сборовъ, Ѳеодору Лукичу Переверзеву, составленный мною, при пособіи одного изъ даровитѣйшихъ сослуживцевъ моихъ, П. В. Прибыльскаго, проектъ объ улучшеніи быта чиновниковъ, безъ отягощенія казны, посредствомъ опредѣленія платы за служебный трудъ, возбужденный частнымъ интересомъ. Напримѣръ: если какому-нибудь ходатаю по дѣламъ вздумается потребовать выдачи копій съ ревизскихъ сказокъ за

Въ числу еще болѣе неисворенныхъ золъ описываемой мною эпохи принадлежала фабрикація дворянскихъ документовъ. Правительство и новѣйшая пресса успѣли уже разобрать со всѣхъ сторонъ вопросъ о здѣшнемъ шляхетствѣ, указавъ на открытыя въ послѣднее время фабрики, на которыхъ вырабатывались документы, служившіе основаніемъ герольдіи въ признаніи за здѣшними обывателями неоспоримыхъ правъ не только на дворянское достоинство, но и на графскіе и княжескіе титулы. Зло это существовало очень давно, но было почти неуловимо. Поддѣлкѣ документовъ много способствовало то обстоятельство, что добываніе фальшивыхъ метрическихъ свидѣтельствъ во время существованія уніи было нисколько не затруднительно. Сплошь и рядомъ встрѣчались случаи, что дѣти однихъ и тѣхъ же родителей крещены были частію всендзами и частію уніатскими священниками по латинскимъ обрядамъ. За метрическими книгами не было, какъ извѣстно, надлежащаго надзора. При такой неурядицѣ изготовленіе фальшивыхъ документовъ было вовсе не затруднительно. Поддѣльныя печати, знаніе латинскаго языка, знаніе формы, поверхностное знакомство съ ходомъ историческихъ событій XVII—XVIII столѣтій и удобство въ добываніи какихъ угодно церковныхъ выписокъ—представляли специалистамъ обильныя средства наживать деньги посредствомъ изготовленія по заказу доказательствъ на права тѣхъ или другихъ фамилій къ утвержденію въ желаемыхъ ими званіяхъ. Вотъ причина, по которой правительство было наконецъ поставлено въ необходимость, если не для совершеннаго искорененія, то для уменьшенія зла, назначить окончательный срокъ представленія доказательствъ на дворянское достоинство.

Но чтобы вѣрнѣе судить, насколько злоупотребленія этого рода были общеизвѣстны, я разскажу здѣсь случай, котораго былъ очевидцемъ. Однажды—это было лѣтомъ 1851-го года—

четыре ревизіи и въ 3-хъ экземплярахъ о 2-хъ т. душъ, принадлежащихъ его кліенту, онъ подаетъ просьбу и предлагаетъ извѣстное количество гербовой бумаги. Тутъ казна выигрываетъ, а бѣдные труженики, ради выгоды адвоката, должны безвозмездно написать 24 т. именъ и прозваній. Еслибы, напротивъ, истецъ зналъ, что онъ долженъ заплатить за эту работу построчно, то быть можетъ оговорились бы требованіемъ вмѣсто 4-хъ одного или двухъ экземпляровъ.

Замѣчательно, что около того же времени и съ подобнымъ этому проектомъ, вошелъ и саратовскій предсѣдатель Ганъ.

Предположенія наши были приняты сочувственно. Имъ обѣщано было дать ходъ, но вскорѣ Переверзевъ скончался и проекты наши пропали безъ вѣсти.

Между тѣмъ вопросы о трудѣ не обязательномъ и трудѣ служащихъ, возбуждаемомъ не казеннымъ, но частнымъ интересомъ, по справедливости заслуживаютъ общаго вниманія и всесторонней разработки.

преосвященный Михаилъ (живущій на покой въ Жировицкомъ монастырѣ) возвращался со мною изъ своей пустыни, отстоящей отъ Минска въ 9-ти верстахъ. Не доѣзжая города версты за четыре, мы вышли изъ фазтона и пошли пѣшкомъ. Преосвященный былъ въ обыкновенномъ костюмѣ священника. Дорогой мы нагнали трехъ пѣшиходовъ, изъ которыхъ одинъ, снявъ шляпу, обратился къ преосвященному съ слѣдующими словами: «Не можете ли, батюшка, сказать намъ, на которой улицѣ и въ чьемъ домѣ проживаетъ тотъ панъ, который выводитъ въ дворяне?» — Въ отвѣтъ на эту просьбу ему названъ былъ собственный домъ господина, нажившаго, какъ подозрѣвали, именно этимъ ремесломъ порядочное состояніе.

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь домой изъ сосѣдняго города, гдѣ ревизовалъ казначейство, замѣтилъ я одного изъ лучшихъ рѣшниковъ печатей, выходявшаго изъ указаннаго нами дома. «Раненько же», подумалъ я, «занимаются эти фокусники темными дѣлами своими!» Правительству удалось наконецъ обнаружить весь механизмъ этой фабрикаціи, противъ которой приняты теперь строжайшія мѣры.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ вступленія въ должность новаго генераль-губернатора Мирковича, и именно 1-го мая 1840-го года доставлены были въ Вильну пойманные въ Юрбургѣ студенты виленской медико-хирургической академіи, Возняковскій и Рожицкій и ученикъ гимназіи Павловскій, намѣревавшіеся пробраться въ Пруссію. Изъ нихъ у Возняковского найдена была въ рукописи поэма его сочиненія, подъ названіемъ «Вилліанка», въ высшей степени преступнаго содержанія противъ государя и особѣ августѣйшаго семейства.

Будучи назначенъ членомъ вновь учрежденной по этому случаю слѣдственной комиссіи, я тотчасъ прибылъ въ Вильну и познакомился съ генераль-губернаторомъ Мирковичемъ и новымъ моимъ начальникомъ Фрейгангомъ. Оба они, какъ оказалось, были вполне убѣждены, что счастливою поимкою этихъ молодыхъ людей они непременно попали на слѣдъ новаго заговора, имѣющаго связь съ дѣломъ Канарскаго и множествомъ другихъ, производившихся въ то время слѣдственныхъ дѣлъ политическаго характера. Убѣжденіе это еще болѣе утвердилось въ нихъ, когда ректоръ виленской медико-хирургической академіи Кучковскій вошелъ, 7-го мая, съ представленіемъ объ арестованіи 19-ти студентовъ, навлекающихъ на себя сильное подозрѣніе либеральнымъ духомъ въ принадлежаніи къ тайному обществу, *можетъ быть*, внѣ академіи существующему. Заклучивъ изъ этого, что командировка моя можетъ продлиться по крайней мѣрѣ полгода, въ продол-

женіи котораго мнѣ пришлось бы жить на два дома, я выпросилъ разрѣшеніе съѣздить за моимъ семействомъ; но вслѣдъ за мною пріѣхалъ въ Минскъ и окружный генераль Фрейгангъ, долженствовавшій объѣхать 9 губерній, составлявшихъ четвертый округъ корпуса жандармовъ. Онъ, вовсе неожиданно, привезъ мнѣ, по высочайшему повелѣнію, другое порученіе о производствѣ слѣдствія надъ владѣльцемъ имѣнія Лючицы, Лепельскаго уѣзда, Витебской губерніи, помѣщикомъ Гар—скимъ.

Въ жалобѣ на Гар—скаго, лично поданной покойному государю крестьяниномъ Вечерскимъ, заключались обвиненія въ такихъ вопіющихъ преступленіяхъ, которыя и при существованіи вѣрностнаго права были невѣроятны, а именно: въ томъ, что, по развратному поведенію холостяка Гар—скаго, ни одна изъ его крестьянокъ не выходила въ замужество прежде близкаго знакомства съ нимъ и что двѣ изъ нихъ заплатили жизнію за слишкомъ раннее знакомство съ сластолюбцемъ, жестокость котораго дошла до того, что два крестьянина были имъ закопаны живые въ землю. Разборъ жалобы этой потому только былъ возложенъ на меня, что въ Витебскѣ жандармскій штабъ-офицеръ, полковникъ А. А. Куцинскій (нынѣ генераль-лейтенантъ) былъ занятъ другимъ важнымъ порученіемъ, отъ котораго признано было неудобнымъ отвлечь его.

По отъѣздѣ окружнаго генерала, я тотчасъ отправился (20-го мая) въ Лепель и занялся извлеченіемъ замѣтокъ изъ найденнаго тамъ неоконченнаго слѣдственнаго дѣла на 1,203-хъ листахъ. Потомъ, дождавшись прибытія депутата отъ дворянства, священника и ксендза, я отправился въ Лючицы, поручивъ предварительно исправнику Стефановскому устроить для нашей коммисіи скромное помѣщеніе въ какомъ-нибудь гумнѣ или сараѣ, съ тѣмъ, чтобы служитель мой могъ намъ готовить пищу, не безпокоя ничѣмъ помѣщика, который будетъ приглашаемъ въ коммиссію по мѣрѣ надобности.

Дѣло это объяснилось тѣмъ, 1) что не живые два человека были безъ христіанскихъ обрядовъ зарыты въ землю, но похоронены на-скоро только-что умершіе отъ холеры, которую въ то время считали заразительною; 2) что двѣ дѣвушки, умершія, по увѣренію доносчика, отъ слишкомъ ранняго знакомства съ ихъ соблазнителемъ, имѣли, какъ оказалось по метрическимъ книгамъ, одна 19, а другая 21 годъ, со стороны же виновнаго никакого насилія не обнаружено; 3) что по показаніямъ замужнихъ крестьянокъ, дѣйствительно всѣ онѣ, по милости щедрого на подарки холостяка-помѣщика, пожертвовали ему своею невинностію передъ выходомъ въ замужество,

что письменно подтвердилъ и самъ Гар—скій, и 4) что причиною нескончаемости первоначальнаго слѣдствія, длившагося болѣе 4-хъ лѣтъ, было то обстоятельство, что безъ депутатовъ производить его было невозможно, а назначаемые къ слѣдствію депутаты-помѣщики, черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія на мѣсто, видя нескончаемость дѣла, связывались больными, уѣзжали и тѣмъ останавливали ходъ дѣла.

Имѣніе Гар—скаго, по рассмотрѣніи оконченнаго мною слѣдствія, отдано было въ опеку.

Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе, чтобы сказать, что первое сентября 1840-го года было для меня сколько пріятнымъ, столько и памятнымъ днемъ. Рано утромъ прислалъ за мною возвращавшійся изъ-заграницы въ Москву попечитель тамошняго учебнаго округа, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Онъ обошелъ со мною почти весь знакомый ему городъ, спрашивалъ о моемъ семейномъ положеніи, средствахъ и служебныхъ отношеніяхъ и, въ заключеніе, приглашалъ служить снова подъ его начальствомъ въ званіи директора одной изъ гимназій ввѣреннаго ему округа.

При всемъ благоговѣйномъ уваженіи къ этому сановнику, оказавшему мнѣ много существенныхъ благодѣяній, я не пожелалъ разстаться тогда съ военнымъ мундиромъ и отказался отъ лестнаго предложенія. Впослѣдствіи не разъ случалось мнѣ пожалѣть, что я не воспользовался такъ искренно, такъ радушно сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ.

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу.

Командировка въ Лепель, какъ объяснено выше, освободила меня отъ званія члена виленской слѣдственной комиссіи. Между тѣмъ слухъ о дѣйствіяхъ этой комиссіи и рассказы объ арестахъ въ Вильнѣ такихъ лицъ, какъ заслуженный и раненый георгіевскій кавалеръ, плацъ-маіоръ полковникъ Богдановичъ, членъ приказа общественнаго призрѣнія Чигаревъ, профессора академіи Мянновскій и Велькъ и множество офицеровъ Эстляндскаго егерскаго полка и вдобавокъ удаленіе отъ должности полиціимейстера полковника Серебрякова, навело ужасъ на весь край. Все вниманіе жителей поглощено было исключительно извѣстіями о дѣйствіяхъ комиссіи. Не только русскіе, но и мѣстные жители, никогда еще не сознававшіе вредныхъ замысловъ своихъ собратій, на этотъ разъ убѣждены были, что въ Вильнѣ дѣйствительно открытъ огромный заговоръ съ участіемъ, наравнѣ съ поляками, и русскихъ людей. Убѣжденіе въ необыкновенной важности дѣла этого еще болѣе усилилось, когда узнали, что предсѣдателемъ комиссіи назначенъ присланный по высо-

✓ чайшему повелѣнію (въ ноябрѣ 1840-го года), флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ. Отцы, жены и родственники арестованныхъ лицъ не имѣли ни малѣйшей надежды на ихъ спасеніе. Ходили слухи и о насиліяхъ, которыми, до появленія флигель-адъютанта, сопровождались допросы въ комиссіи. Однимъ словомъ, край былъ въ такомъ уныніи, котораго невозможно представить себѣ, не бывъ очевидцемъ всего, что тутъ происходило. Никто не могъ ручаться, что имя его не прокрадется случайно въ списокъ лицъ, заклеименныхъ подозрѣніемъ правительства. Никто, ложась спать, не могъ поручиться, что не будетъ схваченъ ночью и черезъ сутки не очутится въ душномъ казематѣ.

Въ этомъ положеніи, когда мнѣ оставалось только благодарить Бога, что я избавился отъ тяжелой обязанности члена комиссіи, совершенно неожиданно получилъ я по эстафетѣ, 28-го ноября 1840-го года, предписаніе генераль-губернатора Мирковича немедленно отправиться въ Пинскій уѣздъ, и отыскавъ тамъ бывшаго предводителя дворянства Зеленскаго, слѣдять строжайшій обыскъ въ его бумагахъ и, затѣмъ, съ жандармами отправить его въ Вильну.

Черезъ два часа я былъ уже на пути въ Пинскъ.

Проживъ въ Пинскѣ дня три, ежедневно бесѣдовалъ я съ умнымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ, архимандритомъ Теофаномъ, который положительно зналъ весь уѣздъ какъ свои пять пальцевъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я успѣлъ незамѣтно разузнать, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, и о Зеленскомъ, настоящая фамилія котораго была не Зеленскій, но Заленскій. Это былъ владѣлецъ слишкомъ 500 душъ (имѣніе Червище), человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго образованія, примѣрной нравственности, долго служившій предсѣдателемъ гродненской гражданской палаты, награжденный орденами и, по выходѣ въ отставку, посвятившій себя исключительно семейной жизни. Въ дополненіе къ этому узналъ я, позднѣе, что жена Заленскаго, мать пятерыхъ дѣтей, со дня на день ожидала появленія шестого, такъ что неожиданный визитъ жандармовъ и арестъ мужа легко могъ стоить ей жизни. Между тѣмъ изъ предписанія, мнѣ даннаго, не видно было, чѣмъ именно Заленскій навлекъ на себя подозрѣніе, побудившее начальство прибѣгнуть къ такой тяжелой и рѣшительной мѣрѣ. По опыту мнѣ хорошо было извѣстно, что поводомъ къ подобному аресту могло послужить тогда самое ничтожное обстоятельство въ родѣ того, на примѣръ, что какой-нибудь пропалаыга высказалъ въ слѣдственной комиссіи, что ему извѣстенъ Зеленскій за человѣка, ведущаго заграничную переписку съ выходцами изъ края и вообще неблагонамѣреннаго къ правительству. Арестовать Заленскаго безъ вся-

кихъ разсужденій было легко и удобно, но мысль, что если тутъ вералась ошибка и что, возвратясь изъ Вильно, онъ не найдетъ, быть можетъ, матери дѣтей его, меня ужасала! Оставить Заленскаго въ покоѣ и, быть можетъ, дать ему средство скрыться и избѣгнуть заслуженной имъ кары, значило принять на себя огромную отвѣтственность и рисковать будущею участію собственной семьи. Положеніе мое въ этомъ случаѣ было одно изъ самыхъ тяжкихъ. Я отправился въ Червищи, гдѣ была и почтовая станція. «А что, спросилъ я у станціоннаго писаря, допивая второй стаканъ чаю: здѣшній помѣщикъ дома?» Получивъ утвердительный отвѣтъ писаря и при дальнѣйшихъ объясненіяхъ узнавъ, что въ барскомъ домѣ, кромѣ sage-femme, никакихъ гостей нѣтъ, я могъ бы тотчасъ приступить къ исполненію возложеннаго на меня порученія, но внутренній голосъ громко говорилъ мнѣ въ пользу Заленскаго, а сознаніе святости долга и чувство самохраненія—противъ него. Я долго колебался, взвѣшивалъ обстоятельства, расчитывалъ послѣдствія и повѣрялъ себя. Рѣшась наконецъ не трогать Заленскаго до полученія разрѣшенія, можно ли арестовать бывшаго предсѣдателя Заленскаго вмѣсто бывшаго предводителя Зеленскаго (котораго въ Пинскомъ уѣздѣ не оказалось), я не могъ, конечно, прямо изъ Червищъ вернуться въ Минскъ, чтобы не надѣлать тревоги обнаруженіемъ цѣли моей поѣздки, и потому пустился далѣе. Но какъ слѣдующая къ югу станція была уже Волинской губерніи и по хорошей зимней дорогѣ я могъ въ одни сутки доѣхать до знаменитаго въ церковной исторіи Почаевскаго монастыря и увидѣться съ преосвященнымъ Никаноромъ, за 9 мѣсяцевъ передъ тѣмъ уѣхавшимъ изъ Минска, то, не долго разсуждая, я скоро очутился въ Почаевѣ.

Было уже около 11-ти часовъ вечера, когда я взобрался на одну изъ высокихъ Карпатскихъ горъ, служащую подножіемъ Почаевскому монастырю, построенному на самой границѣ Галиціи. Не только у воротъ монастыря и на обширномъ дворѣ, но и на парадномъ крыльцѣ, ведущемъ въ келіи настоятеля, замѣтилъ я часовыхъ пограничной стражи, которыми однакожь до меня не было никакого дѣла, такъ какъ я пріѣхалъ не изъ Радзивилова и не изъ Бродъ, этихъ гнѣздилищъ контрабанды, а изъ Дубно. Пока сопровождавшій меня жандармъ отыскивалъ и будилъ іеромонаха Макарія, этого постоянного спутника преосвященнаго Никанора, я съ изумленіемъ разсматривалъ окаймляющія монастырской дворъ одноэтажныя каменные строенія и, признаюсь, не могъ въ первыя минуты сообразить, какимъ образомъ обращенныя внаружу великолѣпныя строенія прилплены къ скаламъ горы такъ, что внутри двора видны только

одноэтажныя, а кругомъ монастыря красуются трехъ-и-четыре-хъ-этажныя готическія зданія.

Выбѣжавшій наконецъ изъ своей келіи о. Макарій бросился мнѣ на шею, не вѣря глазамъ, что видитъ передъ собою одного изъ любимыхъ преосвященнымъ минчуковъ, еще такъ недавно провожавшихъ своего архипастыря на служеніе новой, счастливой паствѣ.

Сколько ни упрашивалъ я о. Макарія, чтобы не беспокоить преосвященнаго до утра, но онъ и слышать этого не хотѣлъ.

Проводивъ меня въ пріемную залу, Макарій отправился будить владыку, который не заставилъ себя долго ждать и не вышелъ, а почти выбѣжалъ ко мнѣ въ халатѣ и туфляхъ. «Вижу, сказалъ мнѣ архипастырь, что ты, Асинеритъ Ивановичъ, не забылъ старца», и онъ обнялъ меня, какъ обнимаетъ отецъ любимого сына. Пока о. Макарій, по приказанію преосвященнаго, хлопоталъ о стерляжьей ухѣ, а заспанные служки накрывали на столъ, разспросамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца. Ночь была свѣтлая, лунная. «Полюбуйся этимъ чуднымъ видомъ, сказалъ мнѣ преосвященный, подведи меня къ окну, обращенному къ открытой мѣстности. Видишь ли вдали эти три храма?—Всѣ они въ Галиціи и хотя еще остаются въ униі, но прихожане ихъ, вѣруя въ чудодѣйственность здѣшней иконы Божіей Матери, постоянно посѣщаютъ лавру, особенно когда знаютъ, что въ ней архіерейское служеніе. Говорятъ они не польскимъ, но чистымъ, какъ въ пинскомъ уѣздѣ, малороссійскимъ языкомъ и, рано или поздно, непременно возвратятся на лоно святой Руси.»

За ужиномъ преосвященный сдѣлалъ мнѣ компанію, скушавъ двѣ или три ложки ухи. Попотчивавъ меня старымъ венгерскимъ виномъ, преосвященный замѣтилъ, что оно не покупное, но оставшееся въ наслѣдство отъ базилианъ, которые въ 1771-мъ году захватили въ свои руки почаевскую лавру и во время мятежа 1831-го года усердно занимались печатаніемъ въ монастырской типографіи и распространеніемъ возмутительныхъ воззваній Рѣчи Посполитой. Въ заключеніе велѣно было подать шампанское. «Пью за здоровье твое, Асинеритъ, сказалъ незабвенный архипастырь, и Александры Петровны, этой примѣрной христіанки, супруги и матери, а какъ она не можетъ выкупать съ нами этой шипучки, то не откажись отвезти ей на память этотъ бокалъ отъ старика, который умѣлъ и умѣетъ цѣнить и уважать ее». — Бесѣда наша длилась ровно до 2-хъ часовъ ночи. Послѣ чего о. Макарію приказано было уложить великолѣпный серебряный бокалъ въ мой чемоданъ, а въ слѣдующее утро показать мнѣ ризницу и другія рѣдкости, уцѣлѣвшія въ лаврѣ. Вниманіе владыки къ неизбалованному и не-

требовательному гостю было такъ велико, что онъ пришелъ посмотреть гдѣ и какъ приготовлена была постель ему.

На другой день я удостоился отслужить молебень Божіей Матери, образъ которой былъ подаренъ въ 1559-мъ году греческимъ митрополитомъ Неофитомъ православной боярынь Аннѣ Гойской, а ею пожертвованъ почаетскому монастырю и почитается чудотворнымъ по множеству исцѣленій, испытанныхъ не только православными, католиками и лютеранами, но даже и евреями, которые въ несчастныхъ случаяхъ тайно поклоняются этой иконѣ. Ризница лавры, для того, кто подобно мнѣ имѣлъ случай видѣть кievскую или святотроицкую ризницы, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что въ продолженіи 60-ти-лѣтняго состоянія лавры въ рукахъ антагонистовъ православія, базилианъ, она сохранила всѣ греческія облаченія своихъ настоятелей, ихъ митры и посохи.

Въ память бытности моей въ Почаевѣ, покойный владыко приказалъ устроить торжество постриженія въ монахи, приведеннаго имъ изъ Минска вдоваго діакона Никиты, который избранно благодарилъ меня за ускореніе совершенія давно ожидаемаго имъ священнаго обряда и предоставленный мнѣ выборъ ему новаго имени Леонтія.

Никогда не забуду я тѣхъ отрадныхъ, тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ Почаевской лаврѣ, въ обществѣ примѣрнаго архипастыря и въ высшей степени благороднаго человѣка, обладавшаго необыкновенною способностью привязывать къ себѣ сердца людей, имѣющихъ сердце. Pour l'aimer et l'estimer, говорили здѣшніе аристократы, il ne faut que le connaître. Они цѣнили въ этомъ человѣкѣ его умъ, образованіе, снисходительность къ другимъ и строгость къ себѣ.

Познакомясь съ достопримѣчательностями почаетскаго монастыря, нельзя, съ чувствомъ искренней признательности, не припомнить здѣсь, что если бы принимавшій лавру эту отъ базилианъ (весною 1832 года) Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ не умѣлъ найти благонадежнаго и опытнаго посредника въ этомъ дѣлѣ, то рисковалъ быть обманутымъ, и Лавра могла бы лишиться многихъ драгоценностей, которыми обладаетъ теперь. Алексѣй Ивановичъ сдѣлалъ еще болѣе. Избравъ посредникомъ и руководителемъ своимъ хорошо знакомаго съ положеніемъ Лавры, убѣленнаго сѣдинами вдоваго протоіерея, законоучителя кременецкой гимназіи, онъ вскорѣ потомъ исхитаталъ ему у святѣйшаго сѣнода разрѣшеніе постричься въ монашество (чего онъ давно и тщетно домогался) и не болѣе какъ лѣтъ черезъ десять имѣлъ уже честь видѣть въ немъ петербургскаго митрополита Антонія Рафальскаго.

По возвращеніи въ Минскъ, я тотчасъ донесъ генераль-губернатору, что хотя по сдѣланному мною секретному дознанію оказалось, что Пинскаго уѣзда въ собственномъ имѣніи Червищахъ проживаетъ помѣщикъ Зеленскій, но какъ, съ одной стороны, онъ по образу жизни и обстановкѣ не подаетъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію въ неблагонамѣренности къ правительству, а съ другой, никогда не служилъ предводителемъ и называется не Зеленскимъ, какъ сказано было въ предписаніи, но Зеленскимъ, то для избѣжанія грубой и ничѣмъ неисправимой ошибки, я не рѣшился арестовать его.

Признаюсь, что развязки этого вопроса я ожидалъ не безъ опасенія и хотя тщательно старался скрывать его даже отъ жены, но не переставалъ повѣрять себя и спрашивать мою совѣсть: не измѣнилъ ли я своему долгу?

Въ этомъ мучительномъ ожиданіи прошло шесть тяжелыхъ дней; но какъ изобразить мой восторгъ, мое восхищеніе, когда генераль-губернаторъ письменно объявилъ мнѣ благодарность за осторожность и предусмотрительность, объясняя, что вмѣстѣ съ моимъ донесеніемъ о Зеленскомъ, онъ получилъ увѣдомленіе вѣнскаго генераль-губернатора Бибикова, что арестантъ, оговорившій Зеленскаго, сознался во лжи!¹⁾

Впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что лѣтъ черезъ шесть послѣ поѣздки моей въ Червищи и Почаевъ, Зеленскій узналъ наконецъ въ Вильнѣ, отъ близкаго къ генераль-губернатору чловека, графа Гинтера, о тучѣ, которая готова была разразиться надъ нимъ и его семействомъ, но миновалась благополучно.

Развязка вопроса о Зеленскомъ и случай съ священниками Паевскимъ и Паньковскимъ ободрили меня и имѣли въ высшей степени благотѣльное вліяніе какъ на образъ дѣйствій моихъ въ виленской слѣдственной комиссіи, такъ и вообще на дальнѣйшую мою службу, постоянно напоминая мнѣ, до какой степени нужно быть строгимъ, но осторожнымъ и осмотрительнымъ чловеку, отъ правильнаго или неправильнаго взгляда котораго зависитъ иногда судьба ему подобныхъ.

Затѣмъ, переходу къ изложенію подробностей самой виленской драмы.

А. Ломачевскій.

¹⁾ Ничтожнымъ мальчишкамъ, затѣявшимъ какую-то манифестацію, нужно было указать на какое-либо значительное лицо, стоящее будто бы въ главѣ ихъ предпріятія. Они назвали сосѣдняго помѣщика, котораго не знали въ глаза.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1861—1871 гг.

III *).

Мировыя судебныя учрежденія.

Наши судебныя уставы принимаютъ двоякій способъ замѣщенія судебныхъ должностей: выборное начало — для мирового института, и опредѣленіе отъ правительства — для общихъ судебных мѣстъ. Что касается перваго, то мы вполне согласны съ мнѣніемъ составителей судебныхъ уставовъ, что здѣсь выборное начало составляетъ безусловную необходимость, на томъ простомъ основаніи, что назначеніе отъ правительства нѣсколькихъ тысячъ судей просто невысказуемо. При такомъ порядкѣ, на громадномъ пространствѣ нашего отечества, люди интриги очень часто нашли бы возможность получить мѣсто, тогда какъ люди честные и уважаемые, но неспособные къ искательству, остались бы въ тѣни. Правительству нѣтъ возможности отыскивать этихъ людей среди мѣстнаго населенія, а сами они по своей скромности и чувству собственнаго достоинства не рѣшатся выставить себя. На этомъ именно основаніи, мы вполне согласны съ правиломъ, выраженномъ въ ст. 10-й устава судебныхъ установленій, что мировые судьи избираются всѣми сословіями въ совокупности, но никакъ не можемъ согласиться съ тѣми соображеніями, которыя послужили основаніемъ этого правила. Въ соображеніяхъ проведена та мысль, что для мирового судьи нужно скорѣе довѣріе и уваженіе общества, чѣмъ юридическое образованіе, тогда какъ для короннаго судьи въ общихъ судебных мѣстахъ юридическое образованіе имѣетъ преимущественное значеніе, и что на этомъ основаніи выборъ первыхъ можетъ быть пре-

*) См. выше: февр., 696 стр.

доставленъ обществу, послѣдніе же должны назначаться правительствомъ. Мы же думаемъ, что, въ силу того нравственного авторитета, который составляетъ главное основаніе судебной власти и отъ котораго зависитъ все ея значеніе, условія опредѣляющія правоспособность избираемаго лица должны быть одинаковы, какъ для должности мировыхъ, такъ и коронныхъ судей,—мы думаемъ, что для мирового судьи также нужно юридическое образованіе, какъ для короннаго судьи довѣріе общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Соображенія указываютъ, что для мирового судьи необходимо знаніе народныхъ понятій, правовъ, обычаевъ, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни; но мы думаемъ, что, не имѣя юридическаго образованія, трудно воспользоваться въ дѣлѣ суда всѣми этими знаніями, потому что только юридическое образованіе можетъ указать, насколько всѣ эти обстоятельства могутъ быть приняты въ соображеніе въ данномъ случаѣ, безъ существеннаго нарушенія установленныхъ закономъ правилъ. Кромѣ того, вопросы о подсудности, о границахъ апелляціи и кассачіи очень часто требуютъ при своемъ разрѣшеніи основательныхъ юридическихъ свѣдѣній, а вопросы эти встрѣчаются нерѣдко въ практикѣ мировыхъ сѣздовъ. Ко всему этому необходимо еще прибавить, что передъ лицомъ правосудія всѣ вопросы, подлежащіе разрѣшенію судебной власти, одинаково важны, такъ какъ для одного человѣка лишеніе свободы даже на нѣсколько дней есть позоръ и гибель цѣлой жизни, между тѣмъ какъ для другого—ограниченіе правъ есть освобожденіе отъ извѣстныхъ тягостей, а лишеніе правъ состоянія и ссылка есть только средство перемѣнить мѣсто жительства на казенный счетъ. Точно также и для короннаго судьи, независимо отъ его нравственныхъ достоинствъ и юридическихъ свѣдѣній, необходимо пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Очень ошибаются тѣ люди, которые думаютъ, что человѣкъ способный можетъ съ успѣхомъ исполнять обязанности короннаго судьи безъ особеннаго довѣрія къ нему общества. Намъ кажется, что все значеніе судебной власти состоитъ въ ея авторитетѣ, который, въ свою очередь, есть слѣдствіе довѣрія общества къ лицамъ, облеченнымъ этой властью. При отсутствіи этого авторитета каждое рѣшеніе суда подвергается обжалованію въ апелляціонномъ или въ кассачіонномъ порядкѣ, что весьма затрудняетъ судебную процедуру.

Намъ скажутъ, что способный и честный человѣкъ можетъ скоро и легко приобрести довѣріе общества. Мы конечно не будемъ спорить противъ этого, но спросимъ, чѣмъ опредѣляется нравственная сторона человѣка въ официальномъ мірѣ? Не думаемъ встрѣтить возраженіе, если скажемъ, что она опредѣляется отсутствіемъ предосудительныхъ дѣйствій со стороны извѣстнаго лица, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ однимъ лишь отсутствіемъ указанія ихъ въ послужномъ спискѣ.

Между тѣмъ, всякій согласится, что этого слишкомъ мало для того, чтобъ пользоваться довѣріемъ общества. Что же касается юридическаго образованія, то доказательствомъ его въ официальномъ мірѣ служить извѣстный дипломъ, хотя бы у человѣка, которому онъ принадлежитъ, отъ его юридическаго образованія осталось одно воспоминаніе, что онъ когда-то слушалъ курсъ юридическихъ наукъ. Къ сожалѣнію, при тѣхъ поверхностныхъ свѣдѣніяхъ въ юридической наукѣ, которыя даются въ лицеяхъ и школахъ правовѣдѣнія, такіе случаи не рѣдки, въ особенности когда лица, получившія въ нихъ свое образованіе, дѣйствовали продолжительное время на административномъ поприщѣ. Характеръ административной дѣятельности вообще таковъ, что онъ не поддается строгому опредѣленію закона и здѣсь необходимо дѣйствовать очень часто на основаніи личнаго усмотрѣнія. Привычка къ такому образу дѣйствій весьма легко уничтожаетъ самую способность къ глубокому анализу и логическимъ выводамъ, составляющимъ сущность судебной практики. Между тѣмъ, нѣтъ никакой возможности принимать въ соображеніе эту разницу въ характерѣ практической дѣятельности и происходящія отсюда послѣдствія въ самыхъ способностяхъ людей, при оцѣнкѣ ихъ путемъ официальнымъ. Человѣкъ имѣетъ аттестатъ, слѣдовательно онъ имѣетъ юридическое образованіе; человѣкъ прослужилъ столько-то лѣтъ въ судебномъ вѣдомствѣ, слѣдовательно онъ имѣетъ практическую опытность—вотъ обыкновенная официальная логика. Но кто же можетъ сказать, что при такихъ данныхъ можно имѣть необходимый для судьи авторитетъ въ обществѣ?

Такимъ образомъ, становясь на теоретическую точку зрѣнія, нельзя допустить, что для мирового судьи не нужно юридическаго образованія, а для короннаго—довѣрія общества. Для того, чтобъ въ понятіяхъ общества поддержать значеніе суда, какъ нравственной силы, всѣмъ представителямъ судебной власти необходимо и юридическое образованіе и довѣріе населенія. Слѣдовательно, съ теоретической точки зрѣнія назначеніе всѣхъ вообще судей должно происходить по выборамъ мѣстнаго населенія изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе и практическую опытность. Тѣмъ не менѣе, практика можетъ имѣть свои требованія. Практика указываетъ, что найти въ настоящее время нѣсколько тысячъ людей юридически-образованныхъ для занятія должностей мировыхъ судей нѣтъ никакой возможности, и что держаться теоретической точки зрѣнія въ настоящемъ случаѣ—это значитъ отсрочивать осуществленіе необходимой реформы. На этомъ основаніи теорія должна сдѣлать уступку и допустить къ избранію лицъ, получившихъ общее образованіе.

На этомъ словѣ насъ могутъ остановить и замѣтить намъ, что, если мы приходимъ къ тому же самому заключенію, къ которому пришли и составители уставовъ, то все наше возраженіе противъ осно-

ваній, принятыхъ комиссіей, было безцѣльно. Мы этого не думаемъ, и потому стараемся доказать читателю, что не напрасно остановили его вниманіе на соображеніяхъ въ 10-й статьѣ устава судебныхъ установленій. Точка отправленія въ этомъ случаѣ имѣетъ важное значеніе. Мы согласны съ тѣмъ, что къ занятію должностей мировыхъ судей необходимо допустить лицъ, получившихъ общее образованіе, но не можемъ согласиться съ составителями уставовъ въ тѣхъ причинахъ, по которымъ можетъ быть допущено такое правило. Въ соображеніяхъ комиссіи говорится, что самая сущность обязанностей мирового судьи не требуетъ специальныхъ юридическихъ свѣдѣній и, такимъ образомъ, подобное правило оправдывается съ теоретической точки зрѣнія; мы же думаемъ, что оно не можетъ быть оправдано теоретически, что всѣ вопросы, предлагаемые на рѣшеніе судебной власти по отношенію къ праву и справедливости, одинаково важны и требуютъ одинаковой осторожности для ихъ разрѣшенія и что только одна практическая невозможность имѣть специально подготовленныхъ людей, можетъ заставить сдѣлать уступку и довольствоваться людьми, получившими общее образованіе. Въ этихъ двухъ взглядахъ, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя изъ нихъ вытекаютъ, большая разница.

Если мы думаемъ, что сущность обязанностей мирового института не требуетъ specialнаго юридическаго образованія, то, во-первыхъ, правило о допущеніи въ оный лицъ, получившихъ только общее образованіе, становится постояннымъ, а во-вторыхъ, институтъ этотъ можетъ существовать самостоятельно, рядомъ съ другими судебными учрежденіями, подчиняясь лишь высшей судебной инстанціи въ кассационномъ порядкѣ. Если же напротивъ мы думаемъ, что для успешнаго исполненія должности мирового судьи необходимо также юридическое образованіе, какъ и для другихъ судебныхъ должностей, и если мы только въ виду практической невозможности допускаемъ къ этимъ должностямъ лицъ съ общимъ образованіемъ, то ясно, что, во-первыхъ, мѣра эта должна быть объявлена временною, впредь до тѣхъ поръ, пока не будетъ представляться возможности избранія судей изъ лицъ юридически образованныхъ, а во-вторыхъ, что мировой судъ до тѣхъ поръ, пока онъ пополняется людьми, не получившими specialнаго юридическаго образованія, не можетъ стоять отдѣльнымъ учрежденіемъ, рѣшенія котораго не подлежатъ контролю опытныхъ юристовъ: другими словами, въ апелляціонномъ порядкѣ мировые судьи должны быть подчинены учрежденію, состоящему изъ юристовъ.

Изъ сказаннаго видно, что несмотря на одинаковое заключеніе съ составителями судебныхъ уставовъ о цензѣ по образованію для должности мирового судьи, вслѣдствіе различныхъ основаній, принятыхъ при этомъ, мы совершенно расходимся съ ними въ нашихъ понятіяхъ о дальнѣйшемъ устройствѣ мирового института, а именно: съ нашей

точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ оправдать учрежденія мировыхъ сѣздовъ, какъ апелляціонной и кассационной камеры, обязанной наблюдать, контролировать и направлять дѣятельность мировыхъ судей.

Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ и мы считаемъ необходимымъ остановиться на немъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, насколько можетъ быть дѣйствителенъ тотъ контроль надъ дѣйствіями мировыхъ судей, который предоставленъ мировымъ сѣздамъ и насколько онъ гарантируетъ справедливость и права частныхъ лицъ? Начать съ того, что мировые сѣзды состоятъ изъ тѣхъ же судей и, слѣдовательно, здѣсь является взаимный контроль надъ дѣйствіями другъ друга. Если же я сегодня контролирую ваши дѣйствія, а завтра вы будете контролировать мои, то, безъ всякаго сомнѣнія, между нами установятся такого рода отношенія, что мы будемъ относиться довольно снисходительно къ ошибкамъ и упущеніямъ другъ друга ¹⁾. Если эта снисходительность не будетъ доходить до такихъ размѣровъ, чтобы утверждать неправильные приговоры, то, во всякомъ случаѣ, она будетъ удерживать сѣзды отъ возбужденія вопроса о дисциплинарной или уголовной отвѣтственности судей, хотя бы дѣйствія мирового судьи были совершенно неправильны. Необходимость возбудить подобный вопросъ противъ товарища, имѣющаго совершенно одинаковыя права, ставить человека въ чрезвычайно неловкое положеніе, преодолѣть которое рѣшатся немногіе, въ особенности когда человекъ знаетъ, что и самъ онъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ тѣмъ же товарищемъ. Обстоятельство это имѣетъ тѣмъ болѣе значеніе, чѣмъ менѣе безупречна дѣятельность мировыхъ судей. Стало быть, чѣмъ хуже личный составъ мировыхъ судей, тѣмъ менѣе гарантій представляетъ пересмотръ дѣла въ сѣздахъ, тогда какъ сущность дѣла требовала бы болѣе дѣйствительнаго контроля при менѣе удовлетворительномъ личномъ составѣ судей.

Независимо отъ этого обстоятельства необходимо принять въ соображеніе, что личный составъ мировыхъ судей избирается изъ контингента, въ который входятъ очень часто лица, не получившія никакого образованія, такъ какъ по ст. 15-й Положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ списки имѣющихъ право баллотироваться въ мировые судьи вносятся всѣ наличные и бывшіе мировые посредники, отъ которыхъ не требовалось никакого образовательнаго ценза и между которыми весьма рѣдко встрѣчаются люди, получившіе высшее образованіе. Такимъ образомъ, контроль надъ дѣйствіями лицъ, не получившихъ не только юридическаго, но иногда и никакого образованія, по-

¹⁾ Примеры столицъ насъ нисколько не убѣждаютъ: мы говоримъ о цѣлой Россіи, а не объ однихъ столицахъ.

ручается также лицамъ безъ всякихъ юридическихъ свѣдѣній. Мы бы могли, если не согласиться вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, понять такой порядокъ вещей, еслибъ председатель сѣзда избирался изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе, а при недостаткѣ таковыхъ въ средѣ мѣстнаго общества, назначался бы отъ правительства. Но председатель выбирается самими судьями изъ своей среды, безъ всякихъ ограниченій, а въ провинціи болѣею частію принимаются въ соображеніе при выборѣ председателя не знаніе и способность человѣка, а просто его общественное положеніе, состояніе, связи и знакомство.

Между тѣмъ, въ мировыхъ сѣздахъ разбираются не только апелляціонныя, но и кассаціонныя жалобы, а извѣстно, какъ трудно даже для опытнаго юриста провести черту, гдѣ оканчивается вопросъ кассаціонный и гдѣ начинается апелляціонный, т.-е. отличить неправильность рѣшенія по существу отъ неправильнаго толкованія статьи закона. Такіе вопросы представляются весьма часто въ практикѣ мировыхъ сѣздовъ и нечего говорить, что разрѣшеніе ихъ сплошь и рядомъ происходитъ Богъ знаетъ на какихъ основаніяхъ. Неудовлетворительность такого порядка не бросается въ глаза потому только, что мы не имѣемъ въ провинціяхъ никакихъ органовъ гласности и не имѣемъ никакого понятія о практикѣ мировыхъ сѣздовъ въ провинціи. Всѣ наши свѣдѣнія объ общемъ характерѣ дѣйствій мирового института ограничиваются столицами, въ которыхъ личный составъ судей, по своему образованію, стоитъ неизмѣримо выше провинціального; неудивительно, поэтому, что тамъ ненормальныя явленія рѣдки, а контроль производится на болѣе раціональныхъ основаніяхъ. Но, если въ столицахъ, вслѣдствіе болѣе высокаго уровня образованія, слабыя стороны нашего мирового института остались незамѣченными, то изъ этого еще нельзя вывести заключенія, что тотъ же порядокъ вполнѣ удобенъ и въ провинціи. Отрывочныя извѣстія, попадающія въ провинціальныя корреспонденціи столичныхъ газетъ, хотя и указывали на разныя неправильныя дѣйствія, но эти извѣстія могутъ казаться исключеніями. Что же касается до насъ, то мы твердо убѣждены, что еслибы въ провинціи существовала гласность, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ она существуетъ въ столицахъ, еслибы были органы печати, которые были бы въ состояніи представлять стенографическіе отчеты засѣданій мировыхъ сѣздовъ, то давно бы оказалось очевиднымъ, что контроль кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената далеко не достаточенъ, такъ какъ до нихъ доходятъ весьма рѣдкіе случаи, а контроль мирового сѣзда остается лишь контролемъ фиветивнымъ, въ силу того, что уровень пониманія юридическихъ вопросовъ и практическая опытность въ приложеніи закона къ данному случаю въ учрежденіяхъ контролируемыхъ

нѣхъ нѣсколько не выше уровня пониманія у контролируемыхъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ оказывается много ниже, такъ какъ иногда въ числѣ мировыхъ судей встрѣчаются отдѣльныя личности, стоящія по своему развитію далеко выше цѣлаго состава мирового сѣзда. Если неудовлетворительность подобнаго порядка вещей не возбуждаетъ сильнаго неудовольствія и жалобъ, то на это есть много причинъ. Къ числу этихъ причинъ слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, то обстоятельство, что настоящій порядокъ все-таки лучше, чѣмъ прежній; во-вторыхъ то, что русскій человѣкъ долготерпѣливъ и не привыкъ жаловаться, если положеніе его не совсѣмъ скверно; въ третьихъ для того, чтобъ жаловаться на нарушеніе своихъ правъ, надо сперва знать ихъ, а русскій человѣкъ ихъ не знаетъ и посовѣтываться ему объ этомъ не съ кѣмъ; затѣмъ надо уметь написать жалобу въ кассационный департаментъ, а это стоить дорого. Такимъ образомъ, всякое нарушеніе формъ и обрядовъ, всякое неправильное толкованіе закона остаются во всей силѣ по отсутствію жалобы.

Намъ могутъ возразить, что та солидарность, которая существуетъ между участковыми судьями и которая можетъ располагать ихъ къ снисходительности по отношенію другъ къ другу, не существуетъ между участковыми и почетными судьями и что послѣдніе могутъ имѣть дѣйствительный контроль надъ первыми. Но все это можетъ быть вѣрно только въ столицахъ, по отношенію же къ провинціи, это утверждать могутъ только люди вовсе незнакомые съ провинціальною жизнью; тѣ же, которые знаютъ какъ равнодушно относятся избиратели къ выбору почетныхъ мировыхъ судей и какъ неразборчиво происходятъ выборы ихъ, вполне согласятся съ нами, что ихъ вліяніе на мировыхъ сѣздахъ не можетъ имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что рѣдко досѣдающая сѣзды, они не могутъ пріобрѣсти даже практическаго навыка къ успѣшному исполненію своихъ обязанностей и въ большинствѣ случаевъ по необходимости должны подчиняться мнѣнію участковыхъ судей.

Итакъ, мы думаемъ, что при настоящемъ уровнѣ образованія, мировые судьи должны быть избираемы изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; но вторая апелляціонная инстанція должна состоять изъ лицъ, принадлежащихъ къ общему составу судебной магистратуры, т.-е. контроль надъ дѣйствіями мировыхъ судей долженъ принадлежать окружному суду. Только такимъ путемъ можно достигнуть правильности въ приговорахъ мировыхъ судей и единства въ дѣйствіяхъ судебной власти. Ставя же мировой институтъ, такъ сказать, особнякомъ, можно придти къ такому положенію, что въ нашей судебной практикѣ будутъ выработываться двѣ различныя системы судебныхъ обычаевъ и воззрѣній. Кассационные департаменты не могутъ устранить этого, такъ

какъ ихъ вмѣшательство въ практику мировыхъ провинціальныхъ сѣздовъ бываетъ очень рѣдко. Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ потребовалось бы увеличить составъ окружныхъ судовъ, но это не можетъ считаться препятствіемъ, такъ какъ средства для правильнаго устройства суда должны быть во что бы то ни стало. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что такъ какъ мы ставимъ юридическое образованіе весьма важнымъ условіемъ для всѣхъ вообще судей и допускаемъ замѣщеніе должностей мировыхъ судей лицами, получившими только общее образованіе какъ неизбежную уступку, то расширять предѣлы этой уступки, намъ кажется, не слѣдуетъ, а поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ постановленіемъ (ст. 15-я Положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ), по которому въ списки имѣющихъ право балотироваться въ мировые судьи вносятся всѣ бывшіе и настоящіе мировые посредники, такъ какъ для занятія этихъ должностей никакого образовательнаго ценза не требовалось, а мы думаемъ, что для человѣка, не получившаго никакого образованія, невозможно пріобрѣсти даже и продолжительной практикой правильныя юридическія воззрѣнія. Хотя постановленіе о внесеніи въ списки лицъ, не получившихъ никакого образованія, допускается лишь на первый разъ, но и въ этомъ видѣ оно можетъ имѣть неблагоприятныя послѣдствія, такъ какъ лицо, избранное въ мировые судьи одинъ разъ, тѣмъ самымъ получаетъ право балотироваться и впослѣдствіи.

Другое условіе для того, чтобъ имѣть право на должность мирового судьи, состоитъ въ имущественномъ цензѣ. Наши уставы признаютъ правоспособными тѣхъ, кто имѣетъ отъ 400 до 950 десятинъ земли, смотря по мѣстности, гдѣ находится эта земельная собственность, или другое недвижимое имущество не ниже 15-ти тысячъ руб. или городскую недвижимую собственность, оцененную для платежа налога въ столицахъ въ шесть, а въ прочихъ городахъ въ три тысячи рублей. Цѣль такого постановленія заключается въ томъ, какъ сказано въ объясненіяхъ къ ст. 19-й, чтобъ лица, занимающія должность мирового судьи, имѣли извѣстную самостоятельность въ имущественномъ отношеніи, такъ какъ имъ, *при множествѣ разнообразныхъ занятій, необходимо будетъ вступать въ сношенія со множествомъ лицъ и трудно будетъ устоять противъ различныхъ вліяній и даже искушеній, если они будутъ находиться въ состояніи близкомъ къ нуждѣ.*

Противъ такихъ соображеній можно сказать очень многое. Во-первыхъ, количество земли въ четыреста или пятьсотъ десятинъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, и притомъ обремененное долгомъ или недвижимая собственность въ какомъ-нибудь городѣ въ 3 т. рублей можетъ ли быть достаточнымъ обезпеченіемъ для семейнаго человѣка, чтобъ онъ не былъ въ состояніи близкомъ къ нуждѣ, можетъ ли, говоримъ мы, поставить его въ имущественномъ отношеніи въ самостоятельное положеніе? **Мы**

смѣло отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно, при той дороговизнѣ, которая у насъ существуетъ и идетъ все *crescendo*. Такое имущество въ городѣ можетъ дать семейному человѣку развѣ только кровь, а какіе-нибудь 500—600 рублей годового дохода недостаточны даже для того, чтобъ дать человѣку какія-нибудь удобства жизни, не говоря уже о необходимомъ для судьи комфортаѣ, не говоря о возможности дать воспитаніе дѣтямъ. Стало быть, при такихъ условіяхъ нечего говорить объ имущественной независимости лица, а самый значительный контингентъ кандидатовъ на должности участковыхъ мировыхъ судей представляютъ именно тѣ лица, которые нуждаются въ матеріальныхъ средствахъ. Только эта нужда въ болѣе части случаевъ и заставляетъ принимать на себя трудныя обязанности участковаго судьи; богатые же люди или вовсе не балотируются, или идутъ на должности почетныхъ мировыхъ судей. Поэтому законъ вовсе не достигаетъ той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Во-вторыхъ, самостоятельность и добросовѣстность вовсе не есть условіе, соединенное съ извѣстнымъ достояніемъ; напротивъ, мы часто встрѣчаемъ людей положительно честныхъ и вполне самостоятельныхъ между людьми, живущими своимъ трудомъ, и наоборотъ, людей съ хорошимъ достаткомъ, готовыхъ подчиняться вліянію людей богатыхъ или высокопоставленныхъ. Положа руку на сердце, мы можемъ даже сказать, что мы чаще встрѣчали самостоятельность и честность между людьми, живущими трудомъ, нежели имѣющими достатокъ. Отчего это происходитъ, — мы не знаемъ, да и здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины подобнаго явленія, но въ теченіе нашей полувѣковой жизни намъ не разъ случалось его подмѣчать. Есть люди достаточные, которые не только сливуть, но и сами себя считаютъ людьми честными, которые никогда не сдѣлаютъ денежной подлости и въ этомъ отношеніи доходятъ даже до педантизма, а между тѣмъ готовы на низость въ угоду сильному, изъ желанія сохранить связи, или даже сословные интересы, — словомъ, готовы на всякую безкорыстную подлость, которая въ нашихъ глазахъ гораздо хуже, чѣмъ подлость въ денежномъ отношеніи, сдѣланная по нуждѣ. Въ-третьихъ, гарантіей самостоятельности и добросовѣстности кандидатовъ на выборныя должности слѣдовало бы считать не имущественное положеніе человѣка, а то уваженіе и довѣріе, которое имѣютъ къ нему его избиратели и, если позволительно въ этомъ отношеніи ограничивать волю избирателей, то это развѣ въ томъ только случаѣ, когда человѣкъ опороченъ судомъ или общественнымъ приговоромъ или не имѣетъ того образованія, которое необходимо для успѣшнаго исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей.

Причины перваго ограниченія повидимому совсѣмъ ясны и оно не требуетъ доказательствъ, второе же мы допускаемъ на томъ осно-

ваніи, что общій уровень образованія въ каждомъ избирательномъ собраніи всегда ниже того, которое требуется для извѣстной должности; а поэтому избиратели могутъ судить только о нравственной сторонѣ избираемаго, спеціальныя же его свѣдѣнія для нихъ недоступны и потому должны быть опредѣлены закономъ. Въ силу этихъ соображеній, мы считаемъ вреднымъ ограничивать волю избирателей какими-либо другими условіями, а въ томъ числѣ и имущественнымъ положеніемъ избираемаго лица. Такое ограниченіе подрываетъ въ корнѣ выборное начало, которое есть не что иное, какъ нравственная оцѣнка человѣка, въ особенности въ нашемъ отечествѣ, гдѣ выборы не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого политическаго отбѣнка. Какъ скоро эта нравственная оцѣнка человѣка, т.-е. оцѣнка его самостоятельности и добросовѣстности предоставлена выборному началу, то для чего же, спрашиваемъ мы, искать другихъ гарантій этихъ качествъ въ имущественномъ цензѣ,—гарантій весьма сомнительныхъ и шаткихъ? Если читатель знакомъ съ практикою нашихъ выборовъ, то онъ конечно знаетъ много случаевъ, когда люди вполне достойные не могли быть выбраны и даже не заявляли своего желанія балотироваться только потому, что не имѣютъ имущественнаго ценза; а если эти случаи встрѣчаются и притомъ нерѣдко, то мы имѣемъ полное право сказать, что требованіе имущественнаго ценза отъ избираемаго лица парализуетъ выборное начало. Въ-четвертыхъ, при настоящихъ экономическихъ отношеніяхъ не одна недвижимая собственность можетъ служить признакомъ имущественной состоятельности лица. Въ настоящее время есть много свободныхъ профессій, движимыхъ цѣнностей и капиталовъ, которые обезпечиваютъ человѣка въ матеріальномъ отношеніи гораздо болѣе, нежели недвижимая собственность. Почему же эти лица устранены отъ выборовъ на должности мировыхъ судей, хотя бы они и соединяли въ себѣ другія условія избираемости. Если имущественный цензъ нуженъ только, какъ признакъ извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія, то намъ кажется, что нѣтъ повода закрывать дорогу къ этимъ должностямъ и тѣмъ людямъ, которые имѣютъ достояніе въ другихъ видахъ имущества, а между тѣмъ законъ этого не допускаетъ. Не заключается ли въ этомъ явнаго противорѣчія?

Если намъ скажутъ, что недвижимая собственность указываетъ на извѣстную осѣдлость, то и это не будетъ основаніемъ, такъ какъ на основаніи высочайше утвержденнаго 18-го марта 1866-го года мнѣнія государственнаго совѣта, могутъ быть избираемы въ мировые судьи лица, владѣющія недвижимою собственностію въ какой бы то ни было губерніи. Съ какой бы стороны мы ни взглянули на это кажущееся противорѣчіе, мы не найдемъ ему объясненія ни въ самомъ законѣ, ни въ соображеніяхъ къ нему, если не допустить одного весьма страннаго предположенія. Конечно мы далеки отъ подобной мысли, но че-

довѣку, привыкшему оправдывать существующія правила извѣстными цѣлями, можетъ показаться, что законъ такимъ требованіемъ имѣлъ въ виду вознаградить, хотя отчасти, землевладѣльцевъ за отошедшее отъ нихъ крѣпостное право. Хотя мы твердо убѣждены въ томъ, что подобныхъ цѣлей составители судебныхъ уставовъ не могли имѣть, но мы сочли необходимымъ указать, что такое заключеніе можно сдѣлать, такъ какъ въ соображеніяхъ нѣтъ указаній, почему одинъ видъ собственности даетъ право быть мировымъ судьей, другой же—нѣтъ. Чтобы исправить подобный недостатокъ законодательства, намъ кажется необходимымъ или уничтожить имущественный цензъ, какъ условіе избираемости лица, или изложить въ соображеніяхъ тѣ основанія, по которымъ только одна недвижимая собственность даетъ право быть мировымъ судьей. Само собою разумѣется, что мы признаемъ болѣе рачительной мѣрою уничтоженіе имущественнаго ценза, какъ условія избираемости, тѣмъ болѣе, что имущественный цензъ всегда и вездѣ служилъ условіемъ для опредѣленія правъ избирателей, но не избираемыхъ, а въ примѣненіи къ послѣднимъ можетъ только парализовать выборное начало и устранять отъ выборовъ способныхъ и достойныхъ людей.

Намъ могутъ замѣтить, что на основаніи 34-й статьи устава судебныхъ установленій, земское собраніе можетъ, по единогласному мнѣнію всѣхъ присутствующихъ гласныхъ, предоставить званіе мирового судьи и такимъ лицамъ, которыя не совмѣщаютъ условій, требуемыхъ закономъ, но приобрѣли общественное довѣріе и уваженіе и что вслѣдствіе этого достойные люди не устраняются отъ выборовъ. Но кто бывалъ въ собраніяхъ, тотъ знаетъ какъ трудно придти къ единогласному рѣшенію въ подобномъ вопросѣ, въ особенности, если человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, уже былъ на общественной службѣ и слѣдовательно имѣлъ столкновенія съ какой-либо частью общества. Кромѣ того, если въ собраніи уже есть достаточное число кандидатовъ, такъ что неимѣющій ценза, будучи избранъ, долженъ устранить кого-либо, тогда единогласнаго рѣшенія ожидать нельзя, несмотря ни на какія достоинства человѣка. Въ виду такихъ обстоятельствъ, законъ 34-й статьи можетъ имѣть практическое примѣненіе развѣ только по отношенію къ должностямъ почетныхъ мировыхъ судей, но отнюдь не участковыхъ, такъ какъ число послѣднихъ опредѣлено и въ собраніи всегда найдется одно или нѣсколько лицъ, которыя будутъ властью черные шары или изъ опасенія, что сами могутъ не попасть на должности, или вслѣдствіе досады, если они были забалотированы. Мы бы признали за этимъ закономъ практическое значеніе, еслибъ онъ разрѣшалъ выборъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, тогда бы дурные инстинкты не могли мѣшать хорошему дѣлу,—но въ такомъ слу-

чаѣ правило объ имущественномъ цензѣ потеряло бы всякое значеніе.

Переходя къ разсмотрѣнію порядка выбора мировыхъ судей, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ правиломъ, выраженнымъ въ ст. 10-й устава судебныхъ установленій: „Мировые судьи избираются всѣми сословіями въ совокупности“. Законъ торжественно заявляетъ этимъ, что для успѣшнаго исполненія важныхъ обязанностей мирового судьи избираемое лицо должно пользоваться довѣріемъ всего населенія и притомъ въ совокупности, и мы не можемъ не сочувствовать такому правильному взгляду на дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ живущихъ въ данной мѣстности можетъ поручиться, что никогда не будетъ имѣть надобности относиться къ мировому судѣ? А мы видѣли какое значеніе имѣетъ судебная власть вообще: она есть сила нравственная, которая должна дѣйствовать преимущественно своимъ авторитетомъ на понятія и убѣжденія людей и это въ особенности относится къ мировымъ судьямъ, главное назначеніе которыхъ состоитъ въ примиреніи враждующихъ сторонъ, въ поддержаніи мира и спокойствія. Къ сожалѣнію, взглядъ этотъ высказанъ только въ общихъ положеніяхъ и не проведенъ послѣдовательно при дальнѣйшемъ изложеніи порядка выборовъ, такъ что между этимъ общимъ положеніемъ и всѣми остальными правилами замѣчается совершенное противорѣчіе. Постараемся доказать это. Такъ, статья 24-я означеннаго устава предоставляетъ выборъ мировыхъ судей уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, а участіе какъ въ этихъ собраніяхъ, такъ и въ избирательныхъ сѣздахъ предоставлено исключительно лицамъ, владѣющимъ недвижимою собственностью. Такимъ образомъ, весь многочисленный классъ лицъ, доходы которыхъ получаются съ движимыхъ цѣнностей, отъ свободныхъ профессій, или отъ службы частной и государственной, не имѣетъ никакого вліянія на выборы мировыхъ судей, а между тѣмъ, принадлежа къ наиболѣе дѣловой части населенія, скорѣе другого землевладѣльца можетъ быть подсуденъ мировому судѣ. Иной землевладѣлецъ отдаетъ свою землю въ аренду, не живетъ въ данной мѣстности и незнакомъ вовсе съ мѣстными жителями, но имѣетъ полную возможность вліять на выборъ мирового судьи, между тѣмъ какъ постоянно живущіе на мѣстѣ чиновникъ, адвокатъ, артистъ, художникъ, врачъ, служащій при желѣзной дорогѣ или пароходствѣ и даже коронный судья окружнаго суда или судебной палаты лишены всякой возможности содѣйствія къ успѣшному выбору мировыхъ судей и должны подчиняться авторитету такихъ лицъ, съ которыми они могутъ не имѣть ничего общаго и которыя не пользуются нисколько ихъ довѣріемъ. Мы спрашиваемъ, насколько справедливо такое отчужденіе наиболѣе дѣлового, наиболѣе трудящагося, и наиболѣе образованнаго класса общества и такая привилегія въ пользу недвижимою собствен-

ности? При подобныхъ исключеніяхъ нельзя было сказать, что выборъ мировыхъ судей производится *всеми сословіями* и притомъ *от совокупности*, хотя онъ и совершается въ такъ-называемыхъ *всесословныхъ* собраніяхъ. Чѣмъ многочисленнѣе мѣстность, для которой производится выборъ, тѣмъ большее число гражданъ не имѣетъ на него вліянія и тѣмъ менѣе основательна привилегія владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ.

Кромѣ этого обстоятельства, самыя земскія собранія, какъ мы, по видимому, доказали въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ, по своему малочисленному составу и по преобладанію въ нихъ землевладѣльческаго элемента, не могутъ служить представителями общественнаго мнѣнія въ уѣздахъ и въ особенности по отношенію къ уѣздамъ городовъ губернскихъ. Читателю вѣроятно памятно, что цѣлая треть городовъ, въ которыхъ вводится положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, имѣетъ менѣе 30-ти гласныхъ и въ которыхъ слѣдовательно, на основаніи 25-й ст. устава, 12 гласныхъ подѣлительствомъ уѣзднаго предводителя дворянства составляютъ законное собраніе для выбора судей. Если же мы къ этому числу прибавимъ тѣ города, для которыхъ 12-ть гласныхъ составляютъ законное число для открытія собранія, т.-е., въ которыхъ число гласныхъ опредѣлено не болѣе 36-ти; то общее число уѣздовъ, гдѣ 12-ть человекъ гласныхъ могутъ избирать мировыхъ судей будетъ 176 или болѣе половины тѣхъ городовъ, въ которыхъ опредѣлено ввести земскія учрежденія и гдѣ, слѣдовательно, 7 человекъ могутъ пользоваться безусловнымъ правомъ назначать мировыхъ судей, хотя въ уѣздѣ не менѣе 40 или 50 тысячъ жителей. Если при этомъ принять въ соображеніе то преобладаніе, которое имѣетъ въ земскихъ собраніяхъ землевладѣльческій классъ, то ясно, что при солидарности интересовъ этого класса, должность мирового судьи будетъ постояннымъ достояніемъ *мѣстныхъ землевладѣльцевъ*, хотя бы между ними и не оказалось людей вполне понимающихъ высокое назначеніе судебной власти: лица не изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, будутъ имѣть очень мало шансовъ на успѣхъ. Въ этомъ отношеніи чѣмъ ниже уровень образованія въ средѣ землевладѣльцевъ и чѣмъ менѣе въ нихъ оказывается (сочувствія къ интересамъ большинства, тѣмъ опаснѣе становится ихъ право на выборъ мировыхъ судей, а между тѣмъ болѣе чѣмъ въ половинѣ земскихъ собраній этотъ выборъ предоставленъ ничтожному кружку людей. Вотъ еще одна причина необходимости большаго контроля суда юристовъ надъ дѣйствіями мировыхъ судей.

На основаніи изложенныхъ соображеній, а также, принимая во вниманіе, что выборъ на такія судебныя должности, которыя стоятъ въ непосредственномъ и самомъ близкомъ отношеніи ко всѣмъ клас-

самъ общества, не имѣеть ничего общаго съ тѣми хозяйственными интересами, которые ввѣрены земскимъ собраніямъ, а представляется дѣломъ общегосударственнымъ, мы полагаемъ, что предоставленіе этого выбора земскимъ собраніямъ, которыя имѣютъ въ виду чисто мѣстные интересы, весьма рискованно и едвали справедливо по отношенію къ тѣмъ классамъ общества, которые не имѣютъ никакого вліянія въ земскихъ собраніяхъ. Намъ кажется, что для этой цѣли, въ виду ея важнаго значенія, необходимо образовать особыя собранія, которыя были бы дѣйствительными представителями мнѣнія всѣхъ классовъ общества данной мѣстности, а не однихъ землевладѣльцевъ. Не выдаемъ нашу мысль за несомнѣнную истину, но намъ бы казалось, что дѣйствительное общественное мнѣніе выразилось бы въ такомъ собраніи, въ которомъ приняли бы участіе не только гласные уѣзднаго земскаго собранія, но и всѣ лица, живущія въ данной мѣстности извѣстное время и получившія образованіе по крайней мѣрѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ всякаго ограниченія по отношенію къ имущественному цензу, такъ какъ въ дѣлѣ суда личныя интересы имѣютъ гораздо болѣе важнаго значеніе, нежели имущественныя. Поэтому намъ бы казалось возможнымъ призывать лицъ, соотвѣствующихъ этимъ условіямъ, въ земскія собранія собственно для выбора въ мировые судьи. Само собою разумѣется, что мнѣніе такого собранія только тогда выразится правильно и свободно, если выборъ не будетъ стѣсненъ имущественнымъ цензомъ избираемаго лица, а только условіями совершеннолѣтія, безпорочности и образованія, такъ какъ эти условія требуются отъ избираемаго въ виду общегосударственнаго значенія судебной власти.

Неудобства выбора мировыхъ судей въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ представлялись уже и въ редакціонной комиссіи, составлявшей судебныя уставы и именно въ томъ видѣ, какъ мы ихъ указываемъ: „Могутъ замѣтить, сказано въ соображеніяхъ къ 24-й ст. устава судебныхъ установленій (стр. 49), что въ составѣ земскихъ собраній не будутъ участвовать многія лица, заинтересованныя въ избраніи мировыхъ судей, что эти собранія будутъ немногочисленныя, что сами члены земскихъ собраній могутъ искать званія мировыхъ судей и такимъ образомъ сдѣлаютъ изъ этого для себя монополію.... но все это нисколько не доказываетъ преимущества выбора мировыхъ судей по участвамъ“. Мы съ своей стороны можемъ прибавить только, что опытъ вполне доказалъ справедливость опасеній членовъ комиссіи, предвидѣвшихъ вполне всѣ эти неудобства; но странно то, что при подобной предусмотрительности, члены комиссіи, не имѣя въ виду никакихъ возраженій противъ подобныхъ опасеній, такъ какъ они не приведены въ соображеніяхъ, предпочли предоставить выборъ судей земскимъ собраніямъ только на томъ основаніи, что выборъ по участ-

камъ былъ бы еще менѣе удобенъ. Противъ этого послѣдняго положенія мы возражать не будемъ и думаемъ, что подобный порядокъ, кромѣ тѣхъ неудобствъ, которыя выставляетъ коммиссія, имѣетъ противъ себя то обстоятельство, что онъ совершенно удалилъ бы образованныхъ людей отъ вліянія на выборы и передалъ ихъ совершенно въ руки необразованныхъ классовъ общества. Вопросъ этотъ, какъ видно изъ соображеній коммиссіи, поставленъ былъ такимъ образомъ, что представлялъ собою одно изъ двухъ: или выборъ въ земскихъ собраніяхъ или выборъ по участкамъ, какъ будто никакого третьяго способа рѣшенія вопроса не могло быть. Странно, говоримъ мы, что членамъ коммиссіи не представлялось возможнымъ собственно для этой цѣли усилить земское собраніе живущимъ на мѣстѣ образованнымъ классомъ общества. Противъ такого усиленія нельзя сдѣлать возраженія, что новый, входящій въ составъ собранія элементъ не имѣетъ интереса въ дѣлѣ, потому что къ суду имѣетъ отношеніе всякій человѣкъ, постоянно проживающій въ данной мѣстности. Нельзя также утверждать, что такіа собранія были бы чрезвычайно многочисленны, такъ какъ у насъ образованіе не настолько развито, чтобы при подобныхъ условіяхъ наши собранія даже въ губернскихъ городахъ переполнились до неудобства; что-жъ касается большинства уѣздныхъ городовъ, то въ нихъ это усиленіе было бы весьма незначительно, но все-таки, хотя отчасти, могло бы служить противувѣсомъ монополіи членовъ земскихъ собраній, которой опасались члены редакціонной коммиссіи. Во всякомъ случаѣ, мѣра эта была бы чрезвычайно полезной и сообщила бы избраннымъ тотъ авторитетъ, который необходимъ имъ для исполненія ихъ важныхъ обязанностей. Каждый человѣкъ, являющійся передъ судьей избраннымъ въ такомъ собраніи, видѣлъ бы въ немъ человѣка, заслужившаго общее уваженіе, говорящаго именемъ цѣлаго общества, а не обязаннаго своимъ возвышеніемъ извѣстному кумовству, какъ то не рѣдко случается при настоящемъ порядкѣ.

Малочисленность собраній, избирающихъ мировыхъ судей, вредна еще въ томъ отношеніи, что она парализуетъ дѣйствіе одного изъ самыхъ важныхъ принциповъ, на которыхъ основана судебная реформа, именно: независимость судей. Конечно, никто не будетъ отрицать, что въ многочисленномъ собраніи отдѣльныя личности стираются. Избираемое лицо, при дѣйствіи выборнаго начала, становится въ извѣстную зависимость отъ цѣлаго общества, но эта зависимость теряетъ всякое значеніе по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ, если собраніе для выбора бываетъ многолюдное, и, наоборотъ, эта зависимость бываетъ весьма значительна, когда большинство можетъ составиться изъ 7-ми или 10-ти лицъ; такимъ образомъ лицо, избранное значительнымъ числомъ избирателей не можетъ быть пристрастнымъ

ни къ одному изъ нихъ, такъ какъ пристрастіе къ одному навлекло бы ему неудовольствіе другихъ. Но, когда большинство собранія можетъ состоять изъ нѣсколькихъ лицъ, связанныхъ знакомствомъ и дружбой, тогда, конечно, нельзя ожидать безпристрастія отъ человѣка, избираемаго такимъ большинствомъ. Даже человѣкъ добросовѣстный, въ силу общей человѣческой слабости, можетъ дѣйствовать пристрастно, иногда самъ не сознавая этого пристрастія. Система періодическихъ выборовъ бываетъ хороша только въ томъ случаѣ, если и неудачно избранное лицо будетъ принуждено дѣйствовать правильно въ силу своихъ личныхъ интересовъ, а на этомъ основаніи мы должны дать преимущество многолюдному собранію, такъ какъ избранное лицо не можетъ знать, въ комъ оно должно заискивать на будущее время.

Что касается установленной нашимъ законодательствомъ періодичности выборовъ, то, конечно, съ теоретической точки зрѣнія можно бы было многое сказать какъ противъ самой смѣняемости судей, такъ и противъ краткости того срока, на который они избираются. Но, намъ кажется, что при неустановившихся въ нашемъ обществѣ понятіяхъ объ обязанностяхъ избирателей, наше, въ особенности въ земскихъ собраніяхъ, законодательство поступило очень осторожно и благоразумно, установивъ выборъ лишь на три года. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что тогда и опытъ еще не показалъ еще насколько самыя земскія собранія окажутся дѣйствительными представителями общественнаго мнѣнія и насколько они будутъ въ состояніи производить удовлетворительный выборъ. Послѣ шестилѣтней практики опытъ могъ показать недостатки избирательныхъ собраній для выбора мировыхъ судей, опасеніе недостатка лицъ для этихъ должностей должно также исчезнуть, въ особенности, если уничтожить имущественный цензъ; поэтому теперь можно создать другія, болѣе справедливыя правила о составѣ избирательныхъ собраній и вслѣдствіе этого возможно увеличить опредѣленный вначалѣ срокъ, но, признаемся, и при такихъ условіяхъ мы не желали бы уничтоженія періодичности выборовъ. Въ этомъ нашемъ воззрѣніи преобладаетъ чисто практическая точка зрѣнія. Какъ бы раціонально ни были составлены наши избирательныя собранія, при настоящемъ уровнѣ образованія въ нашемъ провинціальномъ обществѣ, нельзя ожидать, чтобъ выборъ всегда былъ безошибочнымъ, и потому намъ кажется, что было бы не совсѣмъ раціонально отнимать у общества возможность исправить свою ошибку, если послѣдствія показали, что такая ошибка дѣйствительно произошла. Для человѣка, вполне уважаемаго, такое возобновленіе полномочія не будетъ нисколько рискомъ, оно всегда будетъ ему дано, если только онъ захочетъ продолжать свою полезную дѣятельность и, слѣдовательно, такое возобновленіе полномочія будетъ для него новымъ торжествомъ, новымъ доказательствомъ того довѣрія и уваженія, ко-

торыми онъ пользуется въ средѣ своихъ согражданъ. Но, когда въ этомъ переизбраніи представляется рискъ, тогда является безусловная необходимость повѣрки полномочія, такъ какъ рискъ можетъ быть только въ случаѣ сомнѣнія, заслуживаетъ ли человѣкъ довѣрія общества.

Съ другой стороны, положеніе, въ которое поставленъ нашимъ закономъ мировой судья, представляется вовсе не такимъ блестящимъ, чтобъ человѣкъ могъ желать оставаться на этомъ постѣ постоянно и чтобъ несмѣняемость должности мирового судьи могла имѣть большое значеніе въ глазахъ лица, ее занимающаго. Большею частію люди идутъ на эти должности временно, или какъ на переходную ступень, или изъ желанія исполнить свою обязанность по отношенію къ обществу; стало быть, здѣсь несмѣняемость не имѣетъ большого значенія. Сверхъ всего этого несмѣняемость судей имѣетъ громадное значеніе въ томъ отношеніи, что ставитъ ихъ въ независимое положеніе отъ административной власти, зависимость же отъ общества не опасна. Несмѣняемость необходима судьямъ, какъ гарантія его самостоятельности при столкновеніяхъ частныхъ и общественныхъ интересовъ съ интересами администраціи, а не въ виду столкновеній однихъ частныхъ или частныхъ и общественныхъ интересовъ. Личные, эгоистическіе интересы въ массѣ общества стираются и сглаживаются такъ, что въ итогѣ является одинъ общественный интересъ, совершенно совпадающій съ интересомъ правосудія, слѣдовательно общество, если только дѣйствуетъ цѣлое общество, а не отдѣльный его классъ, никогда не будетъ преслѣдовать судью за самостоятельный и безпристрастный образъ дѣйствій. Напротивъ того, администрація состоитъ въ вѣдѣніи отдѣльныхъ лицъ, которые могутъ имѣть свои личныя воззрѣнія и интересы, и, несмотря на свою добросовѣстность, могутъ ошибаться и увлекаться. Въ силу этой возможности увлеченій и ошибокъ, всѣми законодательствами признается необходимость особой судебной власти, которая должна провѣрять дѣйствія административной; слѣдовательно первая не должна быть въ зависимости отъ послѣдней. Что же касается общества, то на какую бы высоту мы ни поставили судебную власть, нѣтъ фактической возможности поставить ее внѣ всякой зависимости отъ общества, на томъ простомъ основаніи, что всякая власть получаетъ и свою силу и свое значеніе только въ силу довѣрія общества. Всякая попытка устроить власть внѣ вліянія общества обратится во вредъ нравственному значенію самой власти, безъ котораго и сила власти будетъ только фиктивная.

Говоря о мировомъ институтѣ, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о средствахъ на его содержаніе. При настоящей дороговизнѣ нельзя не замѣтить, что эти средства весьма ограничены, въ особенности въ городахъ губернскихъ. Намъ могутъ замѣтить, что содержаніе миро-

вого суда отнесено на счетъ губернскаго земскаго сбора и что земскія собранія могли бы увеличить его, если бы находили нужнымъ, подобно петербургской городской думѣ, которая значительно увеличила содержаніе мировыхъ судей. На это можно отвѣчать только указаніемъ на средства земскихъ собраній, которыя, для удовлетворенія безпрестанно возникающихъ новыхъ потребностей, должны постоянно прибѣгать къ единственно возможному увеличенію своихъ доходовъ, именно къ возвышенію налога на землю и тѣмъ обременять еще болѣе и безъ того уже обремененное платежами крестьянское сословіе. При такихъ условіяхъ и имѣя въ виду болѣе настоятельныя нужды по развитію образованія и улучшенію врачебной части въ селеніяхъ, ни одинъ изъ земскихъ дѣятелей не въ состояніи и подумать объ увеличеніи содержанія мировыхъ судей, какъ бы оно [ни казалось] скуднымъ. Но мы спросимъ при этомъ: неужели въ самомъ дѣлѣ крестьянинъ мало участвуетъ въ нашемъ пятисотъ-милліонномъ бюджетѣ, чтобъ не имѣть за эти деньги даже такого суда, который находитъ нужнымъ создать само правительство, и долженъ нести для этого особый налогъ? Въ самомъ дѣлѣ, нераціональность правила объ отнесеніи расходовъ на содержаніе мирового института на счетъ земскаго сбора, вполнѣ очевидна. Мы находимъ возможнымъ оставлять цѣлое министерство изъ четырехъ департаментовъ для управленія принадлежащими государству землями и лѣсами, тратимъ для этого болѣе восьми милліоновъ и не можемъ удѣлить половины этой суммы на доставленіе народу правосудія, котораго бы онъ не оплачивалъ особымъ сборомъ. Замѣтимъ встать, что это въ то время, когда наши государственные доходы постоянно возвышаются десятками милліоновъ. Всѣ эти десятки милліоновъ находятъ себѣ помѣщеніе главнымъ образомъ въ нашемъ военномъ бюджетѣ, а народъ долженъ оплачивать свои нужды особымъ сборомъ. Мы обращаемъ на это обстоятельство особенное вниманіе, потому что земскимъ людямъ можетъ естественно придти въ голову мысль, что Богъ съ нимъ, съ этимъ военнымъ могуществомъ страны, отъ котораго такъ много ожидаютъ и которое такъ дорого стоить, даже въ то время, когда неоткуда ждать никакой опасности; они могутъ сказать: дайте намъ прежде всего внутренний порядокъ, безъ особыхъ специальныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, специальный налогъ на устройство суда можетъ вызвать въ обществѣ сомнѣніе въ справедливости другихъ налоговъ и въ рациональности ихъ употребленія, — и вотъ на это нужно обратить вниманіе. Ко всему этому надо прибавить, что люди, не считающіе возможнымъ обременять государственное казначейство расходомъ на содержаніе мирового суда, по нашему мнѣнію, сильно ошибаются въ расчетѣ и что, въ концѣ концовъ, большая часть этихъ расходовъ все-таки падаетъ на государственное казначейство, такъ какъ земство получаетъ свои

доходы съ плательщиковъ прямыхъ податей, и сборъ этотъ въ значительной степени является недоборомъ въ государственныхъ податяхъ. Крестьянинъ нашъ обложенъ дѣлать, взять съ него болѣе нѣтъ никакой возможности, и все, что онъ заплатитъ въ земскій сборъ, явится недочетомъ въ податяхъ. Значительное возвышеніе государственныхъ доходовъ въ послѣдніе годы нисколько не опровергаетъ нашего положенія, такъ какъ оно объясняется усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ и не можетъ служить доказательствомъ дѣйствительнаго и сильнаго возвышенія народнаго благосостоянія; это явленіе есть временное, и грустно, если въ виду этого возвышенія будутъ увеличиваться расходы. Расширить расходный бюджетъ государства весьма легко, но сократить его не только государству, но и частному человѣку весьма трудно.

IV.

Общія судебныя учрежденія.

Въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ замѣщеніе должностей производится по назначенію отъ правительства. Порядокъ этого назначенія состоитъ въ слѣдующемъ. При первоначальномъ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, выборъ лицъ для занятія судебныхъ должностей предоставляется министру юстиціи, который и входитъ съ представленіемъ объ утвержденіи ихъ высочайшею властью. Послѣдующее замѣщеніе открывающихся вакансій на должности предсѣдателей палатъ, а также предсѣдателей и товарищей предсѣдателей окружныхъ судовъ производится тѣмъ же порядкомъ. Относительно же замѣщенія вакансій членовъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, а также судебныхъ слѣдователей, допускается представленіе кандидатовъ общимъ собраніемъ суда или палаты, при участіи прокурора, изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ законнымъ условіямъ. Но при этомъ министр юстиціи представляетъ Его Императорскому Величеству какъ объ указанныхъ судебными мѣстами кандидатахъ, такъ и о другихъ лицахъ, имѣющихъ право на занятіе этихъ должностей. Такимъ образомъ, выборъ кандидатовъ для замѣщенія всѣхъ судебныхъ должностей все-таки остается вполнѣ за министромъ юстиціи, и правило, выраженное въ статьѣ 213-й о представленіяхъ судебныхъ мѣстъ, теряетъ всякое серьезное значеніе и сохраняетъ только видъ простой рекомендаціи. Что же касается сенаторовъ и первоприсутствующихъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената и общаго ихъ собранія, то они назначаются по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

При составленіи этихъ правилъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, какъ объяснено въ соображеніяхъ, приложенныхъ къ 215-й ст. устава

судебныхъ установленій, возникало предположеніе предоставить судебнымъ мѣстамъ право представлять кандидатовъ на всѣ судебныя должности, не ограничивая его должностями членовъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ съ тѣмъ, чтобы министръ юстиціи могъ представлять и другихъ кандидатовъ, объяснивъ причины, побуждающія его къ устраненію лицъ, представленныхъ со стороны судебныхъ мѣстъ. При окончательномъ же обсужденіи признано неудобнымъ предоставлять такое право судебнымъ мѣстамъ по отношенію къ предсѣдателямъ и ихъ товарищамъ и стѣснять свободу дѣйствій министра необходимостью объяснять причины предпочтенія однихъ лицъ другимъ. Въ соображеніяхъ не приведено тѣхъ основаній, почему такой порядокъ признавался неудобнымъ, хотя важность вопроса, какъ кажется, требовала бы уяснить тѣ мотивы, на основаніи которыхъ составители уставовъ пришли къ подобному заключенію. Намъ остается пожалѣть объ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ трудахъ комиссіи приведено много основаній, по которымъ, казалось, слѣдовало бы придти совершенно къ противоположному заключенію. Такъ, въ мотивахъ, на которыхъ основана 213-я статья, предоставляющая судебнымъ мѣстамъ выборъ кандидатовъ, говорится, что для удовлетворительнаго ихъ избранія, между прочимъ, необходимо, чтобы *удостоеніе къ занятію этихъ должностей зависело не отъ одного одобренія претендентовъ лицами, заведывающими дѣлами объ опредѣленіи судебныхъ чиновъ, но представляло болѣе доступныя контролю ручательства въ основательности избранія.* Затѣмъ, далѣе говорится, что, по обширности Россіи, министру юстиціи, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ и прозорливъ, можетъ быть извѣстна только незначительная часть ближайшихъ къ нему судебныхъ чиновъ.

Поэтому составители уставовъ приходятъ къ заключенію, что *предоставить избраніе на должности судей, прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей, непосредственно министру юстиціи, значило бы сгустить кругъ избираемыхъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ нельзя быть очень разборчивымъ въ выборъ; если же министръ юстиціи станетъ полагаться на рекомендаціи, то отъ этого неминуемо разовьется система протекцій, самая фальшивая и вредная изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ на общественныя должности.* По мнѣнію комиссіи достаточно и того, что министръ юстиціи можетъ полагать свое veto на опредѣленіе явно неблагонадежнаго чиновника при окончательномъ представленіи Государю Императору, и поэтому непосредственный выборъ можетъ быть предоставленъ министру юстиціи только на высшія прокурорскія должности. *Но избраніе на должности предсѣдателей и членовъ какъ окружныхъ судовъ, такъ и судебныхъ палатъ, можетъ представлять надлежащія ручательства только при участіи въ томъ высшихъ въ порядкѣ*

подчиненности судебнымъ мѣстъ.... (Изд. госуд. канц., стр. 142 и 143 учреждений). Представивъ затѣмъ невозможность установленія конкурса при замѣщеніи должностей, коммиссія говоритъ, что „лучшимъ и единственнымъ средствомъ къ установленію удовлетворительныхъ въ этомъ отношеніи правилъ, есть предоставленіе самимъ судебнымъ мѣстамъ права избирать кандидатовъ на открывшіяся вакансии. Поручивъ этотъ выборъ обсужденію общаго собранія департаментовъ или отдѣленій судебного мѣста, при участіи прокурора (?), едва ли можно опасаться вліянія протекцій и какихъ-либо ошибокъ; напротивъ, есть много основаній думать, что *только при такомъ порядкѣ* люди дѣйствительно полезные получаютъ возможность заслуженнаго повышенія, преграждая дорогу людямъ случайнымъ, а высшее управленіе судебною частію пріобрѣтаетъ вѣрныя свѣдѣнія о достойныхъ лицахъ, съ ручательствомъ судахъ въ ихъ благонадежности и знаніи дѣла“.

Вотъ взглядъ коммиссіи на дѣло, и надобно замѣтить, что здѣсь не исключаются должности предсѣдателей и товарищей предсѣдателя судебныхъ мѣстъ, поэтому трудно согласить самую мотивировку 213-й ст. съ текстомъ какъ этой, такъ и 215-й статьи и съ соображеніями къ послѣдней. Нельзя сдѣлать лучшаго возраженія противъ 215-й ст. и соображеній къ ней, какъ приведа мотивы, на которыхъ основана статья 213-я. Мы не понимаемъ только, для какой цѣли необходимо участіе прокурора при обсужденіи въ общемъ собраніи департаментовъ или отдѣленій судебного мѣста вопроса о кандидатѣ на открывшуюся вакансію. Неужели мнѣніе его можетъ заслуживать большаго довѣрія, нежели мнѣніе большинства общаго присутствія, которое, по существу своей власти, должно пользоваться гораздо большимъ довѣріемъ, нежели прокурорскій надзоръ, власть котораго состоитъ только въ представленіи своихъ соображеній на рѣшеніе суда. Въ виду того права, которое предоставлено министру юстиціи представлять на высочайшее утвержденіе другихъ лицъ помимо представленія суда, участіе прокурора въ рѣшеніи подобнаго вопроса можетъ парализовать совершенно право суда, такъ какъ прокурорскій надзоръ состоитъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ министру, и слѣдовательно можетъ имѣть гораздо большее вліяніе на его мнѣніе. Такимъ образомъ законъ, предоставляя министру юстиціи право устранять кандидатовъ, рекомендуемыхъ общимъ собраніемъ судебного мѣста, даже не ограничивая этого права указаніемъ причинъ подобнаго устраненія, и лишая судъ права представлять кандидатовъ на замѣщеніе должностей предсѣдателей и ихъ товарищей, передаетъ въ руки министра выборъ всѣхъ кандидатовъ на мѣста судей и судебныхъ слѣдователей. Въ виду этого мы спрашиваемъ, не ограничиваетъ ли такое право министра кругъ избираемыхъ числомъ людей извѣстныхъ ему лично, а такъ какъ этотъ кругъ ни въ какомъ

случаѣ не можетъ удовлетворять потребности на всеѣ пространства Россіи, то изъ этого не является ли безусловная необходимость полагаться на рекомендаціи, т.-е. не приводится ли этотъ порядокъ къ системѣ протекцій, признанной самой законодательной властью, какъ указываютъ мотивы 213-й статьи, *за самую бѣдливую и вредную изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ*. Мы смѣло отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ и остающееся за судомъ право получаетъ значеніе простой рекомендаціи. Но это обстоятельство еще далеко не исчерпываетъ всего вреда подобной системы.

Предоставляя министру безконтрольное право избирать кандидатовъ на всѣ должности, законъ выстѣ съ симъ предоставляетъ въ его руки и право повышенія должностныхъ лицъ, а слѣдовательно отдаетъ ихъ судебную карьеру въ распоряженіе административной власти. Спрашивается, насколько можетъ быть дѣйствителенъ послѣ этого принципъ независимости и самостоятельности судебной власти, въ особенности по отношенію къ низшимъ должностямъ? Неужели можно допустить, что человѣкъ, желающій повышенія (а это же его не желаетъ), не будетъ соображаться съ тенденціями и желаніями той власти, отъ которой зависитъ его повышеніе и даже съ тенденціями и желаніями тѣхъ людей, которые не только имѣютъ, но даже могутъ имѣть какое-нибудь вліяніе на эту власть? Такимъ образомъ, устанавливается зависимость судебной власти отъ прокуроровъ, старшихъ предсѣдателей палатъ и наконецъ губернаторовъ, такъ какъ эти люди въ своихъ сношеніяхъ съ министромъ юстиціи могутъ дѣйствовать въ пользу или во вредъ судебной карьеры извѣстнаго лица. Не правы ли мы были, сказавши въ предыдущей статьѣ, что въ нашихъ судебныхъ уставахъ есть правила, которыя какъ-то не вяжутся съ общимъ характеромъ реформы, а представляются уступками, какими-то вставками, которыя введены какъ будто со стороны и не согласны съ понятіями и убѣжденіями лицъ, предложившихъ главныя основанія реформы. Настоящій примѣръ подтверждаетъ это какъ нельзя болѣе: въ соображеніяхъ къ 213-й ст. мы встрѣчаемъ мысли вполне соотвѣтствующія общему духу реформы, а въ соображеніяхъ же 215-й ст.—отрицаніе этихъ мыслей, и притомъ безъ объясненія побудительныхъ къ тому причинъ, а просто потому, что они найдены неудобными. Такая краткость, впрочемъ, вполне естественна, потому что когда нѣтъ основательныхъ причинъ отрицанія, то всего лучше ограничиться общимъ выраженіемъ „признано неудобнымъ“.

Мы изложили различные взгляды составителей судебныхъ уставовъ на вопросъ о замѣщеніи вакансій по судебному вѣдомству. Читатель можетъ заключить изъ вышесказаннаго, что мы раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ лицъ, которыя желали, чтобъ выборъ кандидатовъ на всѣ судебныя должности предоставленъ былъ судебнымъ мѣстамъ, а министръ пользовался бы правомъ устраненія представленныхъ только подъ усло-

вѣемъ объясненія причинъ такого устраненія; но это не такъ, и мы не раздѣляемъ ни того, ни другого взгляда на выборъ кандидатовъ. Конечно, изъ двухъ способовъ мы предпочитаемъ представленіе судебного мѣста и отрицаемъ безусловно всякое право министра на вліяніе въ этомъ случаѣ, потому что всякое вліяніе было бы равносильно уничтоженію самостоятельности и независимости суда. Только одно право veto, на основаніи законныхъ, ясно выраженныхъ причинъ, не можетъ нарушать этой независимости, а только предупреждаетъ случайныя ошибки судебныхъ мѣстъ. Кромѣ того, если замѣщеніе дѣлается по представленію суда, то здѣсь выборъ дѣлается не однимъ лицомъ, а многими, и не однимъ судебнымъ мѣстомъ, а всѣми. Стало быть, въ этомъ случаѣ общество гораздо болѣе гарантировано отъ случайныхъ ошибокъ въ выборѣ. Нельзя допустить, чтобъ разныя судебныя мѣста чаще ошибались въ выборѣ, чѣмъ министр юстиціи, на томъ основаніи, что члены суда имѣютъ гораздо болѣшую возможность оцѣнить человѣка, желающаго занять мѣсто по судебному вѣдомству, и эти лица по своему общественному положенію гораздо ближе къ членамъ судебныхъ мѣстъ, чѣмъ къ министру юстиціи, который по необходимости долженъ руководиться рекомендаціей и вводить систему, такъ рѣзко осужденную законодательной властью.

Несмотря однакожъ на это, мы думаемъ, что и система представленій суда также не выдерживаетъ критики и въ особенности по отношенію къ должностямъ предсѣдателей и ихъ товарищей. Неудобство по отношенію къ вакансіямъ членовъ судебныхъ мѣстъ состоитъ въ томъ, что общее собраніе суда всегда будетъ расположено скорѣе къ тѣмъ лицамъ, которыя ближе къ нимъ по своему служебному положенію; такъ, на мѣста членовъ палаты чаще всего будутъ представлять членовъ окружнаго суда, находящагося въ одномъ съ палатою городѣ, а въ члены окружныхъ судовъ—секретарей окружнаго суда или товарищей прокуроровъ, состоящихъ при судѣ; члены же другихъ окружныхъ судовъ, или судебные слѣдователи, хотя они и болѣе способны, будутъ оставаться въ тѣни. Чтожъ касается должностей предсѣдателя и его товарищей, то здѣсь неудобства увеличиваются еще и тѣмъ, что члены судовъ будутъ являться какъ бы судьями въ собственномъ дѣлѣ, и конечно судъ будетъ всегда избирать кандидата изъ числа своихъ членовъ. Такимъ образомъ членъ суда, въ которомъ не откроется вакансія, будетъ лишенъ всякой судебной карьеры, несмотря на свои способности.

Ошибка составителей судебныхъ уставовъ, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что они не приняли въ соображеніе громаднаго пространства Россіи и массу потребныхъ чиновъ судебного вѣдомства, недостаточно взвѣсили всю трудность для министра юстиціи не только первоначальнаго выбора, но и правильной оцѣнки кандида-

товъ для замѣщенія вакансій вполнѣдствіи и отдали предпочтеніе системѣ опредѣленія отъ правительства передъ выборной системой. Они не приняли въ соображеніе, что оставлять за административной властью право выбора кандидатовъ на всѣ судебныя должности, значитъ передать въ ея руки и право повышенія судей, а при этомъ условія несмѣняемости есть только полумѣра и ведетъ къ самостоятельности и независимости только тѣхъ лицъ, которыя занимаютъ высшія судебныя должности, т.-е. старшихъ предсѣдателей палатъ и сенаторовъ кассационныхъ департаментовъ. Чтожъ касается остальныхъ должностныхъ лицъ, то ихъ положеніе является вовсе не самостоятельнымъ, такъ какъ человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ своихъ интересовъ и не можетъ не желать повышенія. Къ этому надо прибавить, что непосредственныя отношенія, въ которыхъ стоитъ прокурорскій надзоръ къ министру юстиціи, имѣетъ послѣдствіемъ то, что лица, занимающія эти должности, гораздо ближе извѣстны министру юстиціи, нежели прочія лица судебного вѣдомства и поэтому высшія должности судей могутъ сдѣлаться вполнѣ достоинствомъ прокуратуры, тогда какъ дѣятельность этой власти, какъ мы видѣли въ предыдущей статьѣ, развивается въ человѣкѣ привычку несомнѣнную съ обязанностью судьи, а потому прокуратура не должна считаться ступенью къ званію судьи. Примѣръ Франціи въ этомъ отношеніи вполнѣ подтверждаетъ такую возможность, и даже въ нашей, сравнительно недавней, практикѣ такое явленіе замѣчается не рѣдко. Вообще намъ кажется, что безъ выборнаго начала нѣтъ дѣйствительной самостоятельности суда, въ особенности при томъ государственномъ устройствѣ, какое существуетъ у насъ. Примѣръ Англіи къ намъ непримѣнимъ: тамъ министръ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ парламентомъ и долженъ естественно, при выборѣ кандидата, прислушиваться къ общественному мнѣнію, котораго у насъ еще нѣтъ, или мы его не знаемъ по отсутствію органовъ для его выраженія; кромѣ того, тамъ самое число лицъ подлежащихъ выбору не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ нашимъ, а контингентъ, изъ котораго можетъ быть сдѣланъ этотъ выборъ, гораздо больше. Стало быть, усмѣшное исполненіе этой обязанности со стороны министра вполнѣ обеспечивается. Въ нашемъ же отечествѣ мы не можемъ себѣ представить никакой раціональной системы замѣщенія судебныхъ должностей внѣ системы выборовъ. Всѣ недостатки выборной системы лежатъ не собственно въ выборномъ началѣ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ оно находится до сихъ поръ, и мы нисколько не сомнѣваемся, что и въ нашемъ отечествѣ можно выработать вполнѣ раціональныя условія выбора судей. Постараемся доказать эту мысль.

Замѣтимъ прежде всего, что тѣ возраженія, которыя приведены въ нашихъ судебныхъ уставахъ противъ выборнаго начала для замѣ-

щенія должностей въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, не выдерживаютъ строгой критики. Возраженія эти приведены въ введеніи къ судебнымъ уставамъ стр. XIX и послѣдующія. Здѣсь, во-первыхъ, сравнивается примѣненіе выборнаго начала къ организаціи хозяйственнаго управления и суда и примѣненіе это признается вполне полезнымъ только въ первомъ случаѣ, въ послѣднемъ же составители уставовъ не видятъ особенной пользы на томъ основаніи, что рѣшеніе суда затрагиваетъ прямо и непосредственно не интересы цѣлаго общества, а только отдѣльныхъ лицъ причастныхъ къ дѣлу. Цѣлое общество, говорятъ они, заинтересовано въ правильности суда только въ виду представляемой имъ гарантій общаго порядка, а потому можетъ относиться гораздо равнодушнѣе къ выборамъ, чѣмъ въ дѣлѣ чисто хозяйственномъ, которое непосредственно касается всѣхъ членовъ собранія. Но еслибъ это было дѣйствительно такъ, то на этомъ основаніи не слѣдовало бы допускать и выбора мировыхъ судей. Затѣмъ, мы замѣтимъ, что нельзя оцѣнивать всѣ интересы общества на рубли и копейки и полагать, что человекъ будетъ менѣе равнодушнымъ къ дѣлу, которое не касается его имущественнаго интереса. Есть общественные интересы, для которыхъ люди готовы приносить весьма значительныя имущественныя жертвы безъ малѣйшаго сожалѣнія, и къ числу такихъ интересовъ можно смѣло отнести правильный судъ. Даже недавняя наша практика подтвердила это какъ нельзя болѣе. Мы часто слышимъ о томъ, что земское собраніе не состоялось за неприбытіемъ гласныхъ, но не читали ни одного извѣстія о несостоятельности земскаго собранія для выбора мировыхъ судей.

Кромѣ этого, мы опять должны напомнить читателю, что все значеніе судебной власти состоитъ въ томъ нравственномъ вліяніи, которое она должна имѣть на мнѣнія и убѣжденія людей. Какъ сила нравственная, она должна пользоваться извѣстнымъ авторитетомъ, необходимымъ для нея безусловно. Если этого не будетъ, то судебная власть не выполнитъ своего назначенія. На этомъ основаніи, она должна быть поставлена въ такія условія, которыя способствовали бы установленію этого авторитета. Въ числѣ этихъ условій довѣріе общества имѣетъ важное значеніе. Мало быть хорошимъ, умнымъ и ученымъ человекомъ для того, чтобъ вполне успѣшно исполнять обязанности судьи, необходимо для этого еще пользоваться довѣріемъ общества, среди котораго дѣйствуетъ человекъ, и это необходимо именно потому, что судья долженъ разрѣшать спорные вопросы. Человекъ только тогда подчиняется безъ особеннаго неудовольствія рѣшенію, противному его интересамъ, когда лица, постановившія это рѣшеніе, пользуются его довѣріемъ. Довѣріе же есть чувство чисто субъективное, которое не можетъ быть предписано никакимъ закономъ, и единственный признакъ, по которому можно судить о довѣріи обще-

ства къ извѣстному лицу, есть балотированіе и притомъ тайное. Стало быть, выборное начало, въ которомъ выражается довѣріе общества, гораздо болѣе необходимо въ примѣненіи къ суду, нежели къ администраціи хозяйственныхъ интересовъ. Управленіе хозяйственными нуждами общества можетъ быть подчинено строгому контролю, а потому здѣсь можно обойтись и безъ всякаго довѣрія общества, или оно можетъ быть дано въ извѣстныхъ предѣлахъ; въ дѣлѣ же суда оно должно быть безпредѣльно, такъ какъ тутъ контроль можетъ принадлежать только другому органу той же судебной власти. Къ тому же хозяйственные дѣла общества никогда не могутъ касаться такихъ важныхъ интересовъ, какіе связаны съ дѣломъ суда, т.-е. чести, добраго имени и свободы человѣка. „Но, возражаютъ составители устава, *судить о правѣ совсѣмъ не то, что судить о мѣстныхъ потребностяхъ и пользахъ*“. Мы совершенно согласны съ этимъ и защитники выборнаго начала вовсе не думаютъ и не желаютъ предоставлять обществу, завѣдывающему своими хозяйственными интересами, разрѣшеніе вопросовъ о правѣ: они желаютъ только, чтобъ лица, которымъ будетъ представлено судить о правѣ, были указаны обществомъ, а это есть только нравственная оцѣнка кандидатовъ и ничего болѣе. Для такой оцѣнки не нужно никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній, а необходима лишь извѣстная степень развитія, которая дается общимъ образованіемъ. Чтожъ касается условій избираемости тѣхъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, то они всегда могутъ и должны быть опредѣлены закономъ. Правила, которыя даютъ судебные уставы въ руководство министру юстиціи, могли бы служить тѣмъ же и избирательнымъ собраніямъ и ихъ непремѣнное исполненіе было бы при такомъ порядкѣ болѣе обезпечено, такъ какъ министръ юстиціи могъ бы наблюдать за этимъ и налагать свое veto въ тѣхъ случаяхъ, когда они нарушены; теперь же за точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ наблюдать некому.

Изъ предыдущаго читатель могъ видѣть, какимъ важнымъ условіемъ мы ставимъ для судьи юридическое образованіе и насколько считаемъ его необходимымъ. Но, намъ говорятъ, *что лицъ юридически образованныхъ не могутъ избрать изъ среды своей ни сельское, ни городское сословіе, и даже дворянское не много ихъ найдетъ въ числѣ мѣстныхъ жителей избирательнаго округа*. Но мы спросимъ, зачѣмъ же требовать, чтобъ лицо избираемое непремѣнно принадлежало къ средѣ избирателей? Почему нельзя допустить, чтобъ общество могло избирать изъ того же контингента, изъ котораго находить возможнымъ избирать министерство юстиціи. Если въ Россіи есть способные и отвѣчающіе законнымъ условіямъ для занятія судебныхъ должностей люди, то ихъ можетъ найти точно также общество, какъ и министерство. Вся разница будетъ состоять только въ томъ, что въ

настоящее время эти люди заявляютъ о своемъ желаніи служить по судебному вѣдомству министерству, а тогда они заявили бы о себѣ обществамъ, и что въ настоящее время имѣютъ значеніе связи, рекомендація и протекція, а тогда способности и достоинства человѣка обратили бы болѣе на себя вниманія, чѣмъ это возможно для министерства, которое, будучи обязано назначать массу чиновниковъ отъ судебныхъ слѣдователей до предсѣдателей палатъ, не можетъ лично удостовѣриться въ качествахъ человѣка и по необходимости должно дѣлать частыя ошибки. Общество, получившее нѣкоторое образованіе въ цѣлой массѣ своей, если только не ограничивать его числа искусственно, всегда оцѣнитъ человѣка вѣрнѣе, нежели министерство, какъ бы оно ни было внимательно. Ошибочный выборъ можетъ быть только при ограниченномъ числѣ избирателей, связанныхъ между собою какими-нибудь корпоративными интересами, цѣлая же масса образованныхъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества, всегда выскажется вѣрно о нравственныхъ достоинствахъ человѣка.

Намъ могутъ замѣтить, что это вѣрно по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые дѣйствуютъ и живутъ среди этого общества, мы же сказали, что лицо избираемое можетъ и не принадлежать къ составу общества, что такимъ образомъ оцѣнка людей неизвѣстныхъ обществу теряетъ всякое значеніе, и вся выгода выборнаго начала исчезаетъ. Но, во-первыхъ, здѣсь уже представляется совершенно другой вопросъ, вопросъ о тѣхъ средствахъ, которыми каждое лицо, избирающее судебную карьеру, найдетъ возможнымъ зарекомендовать себя передъ обществомъ, и наоборотъ, какія средства употребитъ общество, чтобъ привлечь въ свою среду способныхъ и достойныхъ людей и оцѣнить ихъ. Въ такомъ видѣ вопросъ этотъ вовсе не входитъ въ кругъ законодательства и долженъ быть предоставленъ на усмотрѣніе тѣхъ лицъ, которыя желаютъ быть избранными. Дѣло же законодательства подуматъ лишь о томъ, чтобъ судебная карьера были бы заманчива и средства получить юридическое образованіе было бы доступны. При выборной системѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія молодые люди, по окончаніи курса юридическихъ наукъ, устремятся въ провинціи и будутъ искать дѣятельности въ качествѣ чиновниковъ канцеляріи окружныхъ судовъ, или помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ съ тѣмъ, чтобъ зарекомендовать себя передъ обществомъ и потомъ балотироваться на должности судебныхъ слѣдователей. Чтожъ касается до высшихъ судебныхъ должностей, то лица, занимающія низшія судебныя должности, всегда представлять достаточный контингентъ для выбора изъ нихъ достойныхъ повышенія.

Затѣмъ далѣе, составители судебныхъ уставовъ полагаютъ, что такая выборная система не можетъ быть совмѣстима съ признанною несмѣняемостью судей, а слѣдовательно и съ самостоятельностью ихъ,

что будто бы сами защитники выборнаго начала находятъ возможнымъ его примѣненіе только въ случаѣ пожизненнаго, а не срочнаго выбора, но что такое измѣненіе выборнаго начала подрываетъ его въ самомъ корнѣ, такъ какъ оно имѣетъ значеніе только при томъ условіи, если выборное лицо остается въ должности доколѣ пользуется довѣріемъ общества. Что касается до насъ, то мы вовсе не находимъ, что выборы возможны только пожизненные и что срочность выборовъ можетъ вредить самостоятельности судьи. Напротивъ, мы думаемъ, что мечтать о томъ, чтобъ поставить судью внѣ всякой зависимости отъ общества напрасно, такъ какъ это положительно невозможно; но еслибъ это и было возможно, то нисколько не желательно, потому что изъ этого можетъ возникнуть положительный вредъ. При извѣстныхъ правилахъ о постепенномъ возвышеніи въ званіи судей, правилахъ, которыя конечно должны сохраниться и при выборномъ началѣ, на высшихъ судебныхъ должностяхъ будутъ находиться люди уже преклонныхъ лѣтъ. Ихъ долгая судебная практика приучаетъ ихъ держаться извѣстныхъ воззрѣній, проведенныхъ въ законодательствѣ въ лучшую пору ихъ жизни. Если при этомъ люди эти дѣйствовали и будутъ дѣйствовать внѣ всякой зависимости отъ общества, то для нихъ буква закона сдѣлается важнѣе жизненныхъ интересовъ; извѣстная фраза: *Pereat mundus, fiat justitia!* сдѣлается для нихъ заповѣдью, которая будетъ управлять всѣми ихъ дѣйствіями, и сухой и узкой формализмъ замѣнитъ для нихъ всякое понятіе о правдѣ и справедливости. Возможно ли будетъ и думать о прогрессивномъ движеніи законодательства въ области гражданскаго и уголовнаго права, когда высшая судебная юрисдикція будетъ находиться въ рукахъ подобныхъ людей.

Намъ скажутъ, что законодательная власть будетъ находиться въ другихъ рукахъ; но, во-первыхъ, мнѣніе судебной власти часто служить основаніемъ при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, а во-вторыхъ, мы думаемъ, что общество живетъ тогда только нормальною жизнью, когда органы судебной власти идутъ вмѣстѣ съ вѣкомъ, вполне понимаютъ интересы минуты и въ состояніи относиться критически къ тѣмъ законамъ, которые они должны прилагать къ отдѣльнымъ случаямъ. Жизнь рѣдко укладывается въ рамки закона и, едва уложенная, вновь вырывается изъ нихъ влѣдствіе вновь нарождающихся потребностей и интересовъ и судья долженъ быть чуткимъ ко всѣмъ эти интересамъ, не долженъ ставить въ вину обществу, если оно вырастаетъ изъ этихъ рамокъ, и напротивъ долженъ стараться насколько возможно развивать ихъ, вызывая силою своего авторитета необходимыя въ законодательствѣ измѣненія, до тѣхъ же поръ обязанъ смягчать суровость обветшалаго закона, а въ случаѣ неполноты развивать его въ направ-

женіи, сообразномъ съ прогрессивнымъ движеніемъ общества. Чѣмъ же можно достигнуть подобнаго отношенія судьи къ жизни? Только непосредственная связь съ обществомъ, только зависимость отъ общества можетъ заставить человѣка изучать новыя нарождающіеся интересы и понимать ихъ. Безъ этого узкій консерватизмъ будетъ удѣломъ судебного сословія, юридическій принципъ станетъ въ его глазахъ не временной, а вѣчной истиной, и будетъ тормозомъ всякаго прогрессивнаго движенія. Не здѣсь ли нужно искать одну изъ причинъ всѣхъ смутъ въ западной жизни, которая далеко переросла легальныя формы, а тамошніе юристы не хотятъ понять этого? Вотъ почему мы бы не желали, чтобъ наши судьи были поставлены въ то уединенное отъ общества положеніе, которое создаетъ для нихъ полная независимость и которое ведетъ къ тому, что въ глазахъ судьи юридическая истина отождествляется съ божественнымъ закономъ, не подлежащимъ критикѣ. Мы бы не желали этого потому, что наши судьи по отношенію къ развитію законодательства снабжены значительными полномочіями, и въ особенности въ вопросахъ новыхъ, возникающихъ съ развитіемъ общественной жизни. Не говоря уже о правѣ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената разъяснять смыслъ существующаго закона и направлять его практическое примѣненіе, ст. 12-я уголовного судопроизводства и ст. 9-я гражданского обязываетъ судей, въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія закона, постановлять рѣшеніе по общему смыслу законовъ. Необходимость подобнаго права для судей не подлежитъ сомнѣнію на томъ основаніи, что отсутствіе его во многихъ случаяхъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ, было бы равносильно отказу въ правосудіи. Право это даетъ суду значительное вліяніе на развитіе законодательства, которое совершается повтореніемъ судебныхъ рѣшеній въ одномъ и томъ же смыслѣ и создаетъ сперва судебный обычай, и затѣмъ входитъ въ законодательство.

Но какихъ же можно ожидать послѣдствій, если судьи въ своихъ рѣшеніяхъ не будутъ принимать въ соображеніе новыхъ потребностей и будутъ строго слѣдить, чтобъ жизнь не выходила изъ предписанной уже отжившимъ закономъ колеи, хотя бы при этомъ суждено было погибнуть самымъ живымъ и дорогимъ интересамъ общества? Такой порядокъ производитъ застой въ законодательствѣ и полный разладъ его съ жизнью, а съ теченіемъ времени и страшныя потрясенія. Жизнь, долго сгибаемая въ одни и тѣ же легальныя формы, не выноситъ ихъ наконецъ и разбивается, вслѣдствіе чего наступаетъ періодъ анархіи. Задача разумной судебной власти, какъ посредника между закономъ и обществомъ, не можетъ быть ограничена однимъ рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ; она должна зорко слѣдить за потребностями общества, относиться критически къ существующему законодательству, разрабо-

тивать вопросы права въ виду прогрессивнаго движенія общества и тѣмъ предупреждать возможность катаклизмовъ. Мы нисколько не хотимъ этимъ сказать, что судья имѣетъ право прилагать законъ по своему усмотрѣнiю, и это было бы огромной ошибкой, еслибъ кто-нибудь вывелъ подобное заключенiе изъ нашихъ словъ. Мы хотимъ указать только на то обстоятельство, что судья имѣетъ возможность въ предѣлахъ законности содѣйствовать развитiю законодательства въ прогрессивномъ направленiи не только путемъ теоретическаго изслѣдованiя, какъ всякій мыслящiй человѣкъ, но и путемъ практической дѣятельности. Законъ нашъ не дѣлаетъ судью машиной, обязанной прилагать къ данному случаю одно извѣстное постановленiе, онъ даетъ ему извѣстный просторъ въ опредѣленiи какъ мѣры вины, такъ и степени наказанiя, извѣстный просторъ въ опредѣленiи значенiя отдѣльнаго закона и общаго смысла законодательства. Вотъ въ этой-то, самостоятельной сферѣ дѣятельности и было бы желательно, чтобъ судья не терялъ изъ виду нужды и потребностей общества, что всего вѣрнѣе достигается въ томъ случаѣ, когда общество имѣетъ нѣкоторое право контроля. Судья также человѣкъ, имѣющiй недостатки и слабости, и потому, несмотря на высокое положенiе его въ обществѣ, и для него необходимо знать, что по истеченiи извѣстнаго времени онъ долженъ дать отчетъ въ своей дѣятельности. Подобная зависимость нисколько не можетъ вредить самостоятельности честнаго, добросовѣстнаго и знающаго человѣка: онъ всегда будетъ увѣренъ, что общество или подтвердитъ его полномочiе или возвыситъ его, если отвергается вакансiя, такъ какъ обществу нѣтъ никакой цѣли устранять хорошаго судью, тѣмъ болѣе что его мѣсто можетъ занять не первый встрѣчный, а человѣкъ, отвѣчающiй извѣстнымъ условiямъ. Повторимъ сказанное нами по поводу выбора мировыхъ судей: повредить самостоятельности судей можетъ ихъ зависимость отъ лицъ, но не отъ общества, а поэтому мы никакъ не можемъ одобрить избранiя кандидатовъ административной или судебной властью, ни выбора ихъ ограниченнымъ числомъ избирателей или извѣстнымъ классомъ общества. Въ томъ и другомъ случаѣ является зависимость отъ лицъ, такъ какъ въ ограниченномъ числѣ избирателей или извѣстномъ классѣ общества голосъ законодателя имѣетъ важное значенiе, а при опредѣленiи отъ правительства право повышения вполне зависитъ отъ административной власти и подрываетъ въ корнѣ всякую самостоятельность судей, въ особенности на низшихъ ступеняхъ судебной iерархiи. Но всего болѣе мы готовы возражать противъ пожизненнаго выбора, какъ потому что принципъ этотъ позволяетъ человѣку успокоиваться на лаврахъ, такъ и потому, что онъ разрываетъ всякую связь его съ обществомъ. Въ такомъ положенiи человѣкъ легко забываетъ, что не общество существуетъ для него, а онъ для общества,—а это можетъ породить у насъ особый типъ юри-

дически образованныхъ Титъ Титычей,—которые будутъ конечно вреднѣе своего первообраза. Несмотря однакожъ на это, мы никакъ не можемъ согласиться съ мыслью составителей уставовъ, что чѣмъ короче сроки выборной системы, тѣмъ она дѣйствительнѣе. Мы думаемъ, что для правильнаго отправленія какихъ бы то ни было обязанностей, необходимо, чтобъ человѣкъ былъ обезпеченъ въ своемъ положеніи по крайней мѣрѣ на извѣстный періодъ своей жизни, въ который онъ успѣетъ достаточно зарекомендовать себя. Поэтому болѣе продолжительные сроки были бы полезнѣе короткихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы общество и отъ произвола судей, и отъ сухого формализма и отъ убивающаго жизнь рутиннаго взгляда.

Не можемъ согласиться мы и съ тѣмъ мнѣніемъ составителей уставовъ, что избиратели могутъ знать только свѣтскую сторону жизни кандидата, или такіа способности и познанія, которыя выказываются въ свѣтскихъ разговорахъ, что не можетъ указать на качества, нужныя для судьи. Еслибъ даже это было и такъ, то слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время свѣтскіе разговоры очень часто имѣютъ предметомъ вопросы судебной практики, а потому даже изъ свѣтскихъ разговоровъ очень часто можно судить о степени пониманія человѣка въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, мы выше сказали, что человѣкъ, желающій зарекомендовать себя, какъ юриста, передъ обществомъ, всегда найдетъ возможнымъ это сдѣлать, и это есть его частное дѣло, которое впрочемъ относится лишь къ кандидатамъ на низшія судебныя должности; что же касается высшихъ должностей, то въ силу правилъ о судебной карьерѣ кандидатами на эти мѣста будутъ лица, уже служившія прежде въ низшихъ должностяхъ, а ихъ дѣятельность была не при закрытыхъ дверяхъ, а гласно и публично и можетъ быть вполне оцѣнена обществомъ. Конечно, въ этомъ отношеніи недостатокъ органовъ печати является отчасти затрудненіемъ; но вѣдь стоить только облегчить возникновеніе этихъ органовъ и затрудненіе устранится само собою если не вдругъ, то въ очень скоромъ времени, такъ какъ потребность въ этомъ обнаруживается вездѣ. Мы предвидимъ еще одно возраженіе, что при выборахъ люди менѣе достойные совершенно случайно могутъ получить болѣе число голосовъ, нежели болѣе достойные, такъ какъ нѣсколько голосовъ могутъ быть поданы людьми равнодушными безъ всякихъ основаній. Мы не отвергаемъ этой возможности, но въ опроверженіе этого замѣчанія спросимъ, развѣ не бываетъ ошибокъ при выборѣ кандидатовъ правительственной властью? Ошибки возможны вездѣ и всегда. Вопросъ не въ этомъ, а только въ томъ, когда и при какой системѣ можно разсчитывать на меньшее число ошибокъ. При выборномъ началѣ и рациональной обстановкѣ избирательнаго собранія можно ручаться только за то, что бездарный или недобросовѣстный человѣкъ не попадетъ въ судьи. Тотъ

интересъ, съ которымъ общество относится къ дѣлу новаго суда, заставляетъ насъ такъ думать. Но поручиться за то же при назначеніи кандидатовъ правительственной властью, невозможно, такъ какъ при этой системѣ рекомендація и протекція неизбѣжны.

Всѣ возраженія противъ возможности примѣненія выборнаго начала къ организаціи суда, помѣщенные въ судебныхъ уставахъ, какъ кажется, имѣли въ виду существующія у насъ избирательныя собранія и тѣ порядки, которыя въ нихъ господствуютъ. Но, мы спросимъ, неужели нѣтъ возможности устроить другихъ избирательныхъ собраній съ другими порядками? Неужели цѣль, для которой это требуется, такъ маловажна, что не стоить въ виду ея не только собирать какихъ-либо новыхъ собраній, но даже думать объ ихъ учрежденіи? Нѣтъ, мы смѣло утверждаемъ, что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ важное значеніе для каждаго мыслящаго человѣка: дѣло идетъ о томъ, чтобъ отдѣлить судебную власть отъ администраціи не на словахъ только, а на дѣлѣ, чтобъ создать дѣйствительно самостоятельный судъ, а не призвать его, судъ, пользующійся довѣріемъ общества, безъ котораго онъ не можетъ имѣть значенія нравственной силы, дѣйствующей на убѣжденіе людей. Такая цѣль стоитъ того, чтобъ подумать объ устройствѣ избирательныхъ собраній помимо существующихъ и на другихъ основаніяхъ. Если для какихъ-нибудь копѣекъ, упдающихъ на десятину земли, устраиваются нѣсколько избирательныхъ сѣздовъ каждые три года, и ежегодныя уѣздныя и губернскія собранія, то почему же не устроить особыхъ собраній быть можетъ еще рѣже для выбора такихъ лицъ, которымъ ввѣряются не только имущественные, но и личные интересы людей. Если же мы примемъ въ соображеніе, что въ дѣлѣ правильнаго суда заинтересованъ каждый человѣкъ, живущій въ данной мѣстности и что правильное сужденіе о способностяхъ и достоинствахъ людей могутъ имѣть только люди съ извѣстнымъ образованіемъ, тогда практическій вопросъ о возможности подобныхъ собраній разрѣшается весьма просто: для такой цѣли стоить только усилить мѣстное губернское собраніе всѣми лицами, получившими высшее образованіе и живущими извѣстное время въ данной мѣстности. Намъ скажутъ, быть можетъ, что въ этомъ случаѣ жители губернскаго города получаютъ преимущественное право на участіе въ выборѣ въ сравненіи съ другими жителями губерніи, и что въ выборахъ въ судебную палату должны принять участіе другія губерніи. Что касается до насъ, то мы думаемъ, что выборъ кандидатовъ на судебныя должности не имѣетъ ничего общаго съ выборами для распоряженія хозяйственными интересами общества. Здѣсь право на участіе въ выборѣ довѣреннаго лица принадлежит платящему налогъ, тогда какъ выборъ кандидата на извѣстную судебную должность есть только нравственная оцѣнка лица, для которой нужно лишь извѣстное число

развитыхъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества. Всего лучше, если эти люди имѣютъ постоянное жительство въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствовалъ человѣкъ, оцѣнка котораго предстоитъ. Конечно, не слѣдуетъ препятствовать принимать участіе въ выборѣ и другимъ лицамъ, живущимъ въ районѣ, подсудномъ судебному мѣсту, въ которое предстоятъ выборы, но въ этомъ участіи нѣтъ никакой существенной надобности: правильная оцѣнка человѣка можетъ быть сдѣлана и мѣстнымъ обществомъ. Въ дѣлѣ суда заинтересованы одинаково всѣ живущіе въ округѣ, хотя бы они не имѣли недвижимой собственности и не занимались ни торговлею, ни промысломъ. Законъ, какъ намъ кажется, долженъ заботиться лишь о томъ, чтобы избиратель имѣлъ достаточную степень развитія и былъ въ состояніи сдѣлать оцѣнку человѣка, желающаго быть судьей, — а для этого окончаніе курса наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи есть вполнѣ достаточная гарантія, если человѣкъ прожилъ извѣстное время въ данной мѣстности. Мы испытали составленіе избирательныхъ собраній и по сословіямъ, и по имуществу и, наконецъ, смѣшанныхъ изъ представителей различныхъ имуществъ и сословій, и всѣ они оказались неудовлетворительными; одного мы не испытывали: это ценза по образованію, и намъ кажется, что слѣдовало бы, хотя въ видѣ опыта (какъ признано у насъ выражаться) допустить его. Цензъ по образованію у насъ допущенъ отчасти для избираемыхъ, но вовсе не принимается въ соображеніе для избирателей, тогда какъ тутъ онъ всего нужнѣе. Обставляйте избираемость человѣка какими угодно условіями, но если вы отдаете выборъ на произволъ лицъ необразованныхъ, не умѣющихъ понимать значеніе выбора и нравственную отвѣтственность передъ обществомъ, лежащую на избирателяхъ, то нѣтъ надежды на успѣшный выборъ. Что касается до насъ, то мы остаемся при глубокомъ убѣжденіи, что все недовѣріе къ выборному началу, всѣ возраженія противъ него коренятся именно въ той причинѣ, что право на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ не ограничивается извѣстной степенью образованія. Намъ могутъ сказать, что съ уничтоженіемъ имущественнаго ценза для участія въ выборахъ на судебныя должности вводятся въ кругъ избирателей люди безъ всякихъ средствъ, а это можетъ породить систему подкуповъ по примѣру прежнихъ дворянскихъ порядковъ, которые привели къ ограниченію права на участіе въ выборахъ имущественнымъ цензомъ. Но вѣдь это были выборы сословные, происходившіе въ ограниченномъ кругѣ избирателей, связанныхъ между собою общими интересами, и притомъ при полномъ господствѣ крѣпостныхъ порядковъ и совершенномъ невѣжествѣ. Нѣтъ, мы слишкомъ далеко ушли отъ того времени, чтобы опасаться возвращенія патріархальныхъ порядковъ. Въ настоящее время, при составѣ изби-

рательнаго собранія достаточно многолюднаго изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества и получившихъ хорошее образованіе, не будетъ никакой возможности установиться подкупамъ, тѣмъ болѣе, что судебной карьерѣ посвящаютъ себя люди труда, которые не имѣютъ на это средствъ, а тайная подача голосовъ, существующая у насъ при выборахъ, уничтожаетъ всякую возможность подкупа. За тайно поданный голосъ никто платить не станетъ, хотя бы и желалъ.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, мы приходимъ къ заключенію, что великое начало самостоятельности и независимости суда, котораго желали достигнуть составители судебныхъ уставовъ, можетъ быть, строго говоря, осуществлено только при выборной системѣ; установленный же порядокъ не достигаетъ этой цѣли и не обезпечиваетъ общество противъ ошибочности назначенія. Онъ не приводитъ къ дѣйствительной самостоятельности суда, потому что карьера судей зависитъ весьма отъ административной власти и не устраняетъ ошибочности выбора по значительности числа лицъ, подлежащихъ оцѣнкѣ со стороны министра юстиціи, вслѣдствіе чего система рекомендацій и протекцій, осужденная самой комиссіей, можетъ оставаться еще въ большой силѣ. Назначеніе отъ правительства, при существующей несмѣняемости судей и при ошибочности выбора, можетъ имѣть вредныя послѣдствія и притомъ не временныя, а постоянныя, потому что разъ избранный составъ судовъ можетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшее замѣщеніе вакансій. Ошибка въ выборѣ судей въ особенности опасна, если принять въ соображеніе, что довольно трудно у насъ указать министерству на ошибочность его дѣйствій и нельзя ожидать въ нихъ отчета. Судья не можетъ подлежать отвѣтственности за свое мнѣніе и можетъ дѣйствовать во вредъ обществу и даже съ корыстными цѣлями. Въ судебной палатѣ дѣйствія его непоправимы и остаются въ силѣ, несмотря ни на какія неправильности, такъ какъ высшая судебная инстанція не входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу. Мы не хотимъ этимъ сказать, что подобное разсмотрѣніе необходимо, но приводимъ это обстоятельство только для того, чтобъ показать, какъ вредно можетъ быть ошибочное назначеніе членовъ и предсѣдателей судебной палаты. Выборная же система напротивъ, и притомъ подъ условіемъ рационально составленнаго круга избирателей, не только устанавливаетъ дѣйствительную независимость суда отъ администраціи, но уменьшаетъ значительно шансы ошибочнаго выбора, а въ случаѣ неизбежной ошибки, представляетъ возможность исправленія ея вслѣдствіе срочности выборовъ. Что же касается до нѣкоторой зависимости

судьи отъ общества при срочности выборовъ, то намъ кажется, что такая зависимость не только не опасна, но вполне желательна, такъ какъ судъ существуетъ для общества и слѣдовательно долженъ быть поставленъ въ такое положеніе, при которомъ цѣли и стремленія общества не были бы для него чужды. Относительно состава избирателей мы думаемъ, что губернское земское собраніе съ присоединеніемъ къ нему всѣхъ лицъ, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и проживающихъ въ данной мѣстности извѣстное время, вполне будетъ отвѣчать наилучшимъ условіямъ самого дѣла.

Само собою разумѣется что, признавая рациональность примѣненія выборнаго начала къ замѣщенію должностей въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, мы не имѣемъ въ виду первоначальнаго ихъ введенія. Великіе принципы, вводимые судебными уставами, имѣютъ громадное значеніе и представляютъ важный успѣхъ, въ сравненіи съ прежними порядками, даже и при самомъ неудачномъ назначеніи, какъ бы ни было оно ошибочно. Одна система публичности и гласности уже обезпечиваетъ болѣе правильность судебныхъ приговоровъ. Поэтому мы не возражаемъ противъ назначенія отъ правительства на первый разъ. Быть можетъ, такая мѣра даже и практичнѣе, потому что люди, занимающіе мѣста, являются готовыми на нихъ кандидатами при введеніи выборной системы. Но мы имѣемъ въ виду дальнѣйшее развитіе нашихъ судебныхъ учреждений и указываемъ только на путь, которымъ оно, по нашему мнѣнію, можетъ совершиться болѣе рациональнымъ и выгоднымъ образомъ, какъ для общества, такъ и для правительства.

Г.

ПРУССКІЕ И РУССКІЕ ФИНАНСЫ.

Государственные расходы.

Финансовое управление и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. С.-Петербургъ 1871. 2 тома. Печатано по распоряженію комиссіи, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ.

Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1872 годъ, и Приложение къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1871 годъ.

I.

Послѣднія побѣды Германіи надъ Франціей обратили общее вниманіе на Пруссію, ставшую во главѣ германской имперіи и распространившую свои порядки, свою систему военной защиты на другія государства германскаго союза. Пруссія вошла въ моду. И точно также, какъ еще недавно, когда въ модѣ была Франція, европейскія государства, начиная съ Турціи, считали для себя за образцы разныя измышленія французскаго императорскаго правительства и съ необыкновеннымъ усердіемъ стремились дать преобладающее значеніе администраціи, стѣснить печать предостереженіями и даже надѣлать полицейскихъ кастетами по примѣру парижскихъ *sergents de ville*, видя во всемъ этомъ главныя и чуть ли не единственныя средства къ удержанію государства отъ всякихъ потрясеній, — такъ теперь всѣ стали перенимать прусскіе военные порядки, прусскую систему вооруженія и народнаго ополченія, — думая, что въ этомъ-то и заключаются причины побѣдъ Пруссіи. Къ сожалѣнію, какъ прежде нѣкто изъ поклонниковъ императорской Франціи не хотѣлъ видѣть, что правительство Наполеона III держалось въ теченіи 20-ти лѣтъ вовсе не потому, что оно всѣми силами старалось заглушить здоровое общественное мнѣніе и свободу мысли и слова, а единственно потому, что оно опиралось на народное избраніе, такъ и теперь многіе не понимаютъ, что успѣхъ Пруссіи, а съ ней и Германіи, объясняется не игольчатыми ружьями и всеобщю воинскою повинностью. Если послѣ австро-прусской войны австрійскіе нѣмцы говорили, что ихъ побѣдило не прусское игольчатое ружье, а прусскій школьный учитель, указывая тѣмъ на значеніе прусскаго народнаго образованія и на превосходство развитыхъ не только физически, но и умственно

солдатъ передъ тупой, необразованной массой „пушечнаго мяса“, то нельзя не признать, что замѣчаніе это не перестало быть справедливымъ и теперь, когда говорится о побѣдахъ прусско-германскихъ армій надъ французскими.

Но этого одного объясненія недостаточно: для того, чтобы образовать народъ и вооружить его, нужно не одно желаніе, но и матеріальныя, т.-е. денежныя средства. Для того, чтобы двинуть миллионную массу не забитыхъ, и хотъ полуразвитыхъ людей, нужна не одна дисциплина, но и воодушевленіе этого миллиона людей двинуться съ мѣста для защиты своей страны отъ непріятельскаго нашествія. Для того наконецъ, чтобы эта масса живыхъ людей готова была сознательно жертвовать своею жизнью, необходимо, чтобы она понимала, за что она приноситъ такую жертву, чтобы порядки, существующіе въ ея родной странѣ были таковы, что ихъ стоило бы защищать. Иначе, если этого не будетъ, если народъ не развитъ, необразованъ, если его экономическое положеніе плохо, если у себя, на родинѣ, онъ нищій, обремененный налогами и податями болѣе тяжкими, чѣмъ всякія непріятельскія контрибуціи — ему нечего защищать, ему нѣтъ надобности жертвовать своею жизнію, какъ бы мало онъ ея ни дорожилъ, для сохраненія порядка, хуже котораго быть не можетъ.

Если бы теперь всѣ тѣ правительства, которыя, испугавшись побѣдъ Германіи, съ такою поспѣшностью стали у себя вводить прусскую всеобщую воинскую повинность и вооружать свои арміи ружьями и пушками, заряжающимися съ казенной части, обратили вниманіе на экономическое положеніе прусскаго народа, на денежныя средства прусскаго правительства, то легко быть можетъ, что они начали бы свои преобразованія другими мѣрами, или по крайней мѣрѣ не ограничивались бы одними военными реформами. Быть можетъ, напримѣръ, что французскіе государственные люди, также признавшіе необходимымъ прежде всего усилить и безъ того громадную армію, нужную теперь, — неизвѣстно для кого — для виѣшнихъ ли враговъ или для обузданія собственныхъ согражданъ, — еслибы они ознакомились ближе съ источниками доходовъ Пруссіи, то вмѣсто усиленія арміи — ввели бы у себя подоходный налогъ, давнымъ-давно существующій въ строго-монархической Пруссіи, но почему-то представляющійся страшнымъ исадіемъ социализма говорливому президенту французской республики.

Для насъ, для русскаго общества — ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ прусскаго народа и съ отношеніемъ къ нему правительства — также весьма не бесполезно. Въ нашемъ обществѣ прусскія побѣды образовали какъ бы два лагеря. Одни — видятъ передъ собою угрозу всеобщей воинской повинности, прусскую дисциплину и юнкерство и ради этого относятся недовѣрчиво ко всему тому, что выра-

ботала прусская государственная жизнь, въ которой они ничего незамѣчаютъ, кромѣ буржуазной умѣренности и нѣмецкой аккуратности. Другіе—благоговѣя передъ нѣмецкимъ порядкомъ, льстятъ себя надеждою, что этотъ порядокъ легко водворить и у себя, дома, — стоитъ только завести всеобщую воинскую повинность и учить дѣтей едва не съ колыбели по-гречески и по-латыни.

И тѣ и другіе не хотятъ вникнуть въ то, какъ живетъ этотъ прусскій народъ, какими средствами существуетъ его правительство, откуда оно набираетъ эти милліоны талеровъ, при помощи которыхъ учится, развивается и вооружается нація. А между тѣмъ для насъ, для русскихъ, все это весьма важно и поучительно. Живя бокъ-о-бокъ съ Пруссіей, отчасти при однихъ и тѣхъ же, отчасти при сходныхъ климатическихъ условіяхъ, мы не можемъ не интересоваться страной, умѣвшею на тощей, песчаной почвѣ водворить достатокъ и выростить сильное, первоклассное, грозное для всей Европы государство. Мы не можемъ не интересоваться вопросомъ о томъ, какими путями и средствами достигло сосѣднее намъ государство того поражающаго всякаго русскаго путешественника, при его переѣздѣ чрезъ западную границу, контраста между русскими и прусскими полями, изъ которыхъ на однихъ видны бѣдность, запущенность, невѣжество, а на другихъ—достатокъ и разумный трудъ. Какъ бы далекимъ отъ идеала мы ни признавали устройство прусской общественной и государственной жизни, мы не можемъ однако не желать ознакомиться съ государствомъ, еще недавно небольшимъ, слабымъ, почти стертымъ съ карты Европы Наполеономъ I и теперь создающимъ единую Германію,—государствомъ, о которомъ одинъ изъ народныхъ представителей недавно выразился такъ: „Жители южно-германскихъ государствъ, гдѣ растетъ виноградъ, богаче насъ, и несмотря на то на нашей тощей почвѣ выросло дерево, которое тѣнью своею покроетъ всю Германію.“

Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ признакомъ успѣшнаго развитія страны есть прогрессъ въ богатствѣ, успѣхъ въ благосостояніи народа. Этотъ прогрессъ неминуемо отражается и въ финансахъ страны, въ денежныхъ средствахъ, которыя можетъ правительство, безъ обремененія народа, собирать для различныхъ государственныхъ и правительственныхъ цѣлей. И коль скоро оказывается, что эти денежные средства употребляются производительно для народа, съ котораго они берутся, тогда устраняется и всякое сомнѣніе въ томъ,—будетъ ли продолжаться безъ перерыва, изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, прогрессивное развитіе страны, ростъ ея производство и населеніе, увеличиваться ея благосостояніе и сила.

Поэтому, видѣть, — насколько идетъ впередъ Пруссія въ своемъ экономическомъ бытѣ, насколько развито въ ней благосостояніе народа и насколько правильно понимаетъ въ ней правительство свои обязан-

ности въ этомъ народу, — можно только изъ обозрѣнія современнаго прусскаго государственнаго хозяйства.

До сихъ поръ, несмотря на богатство ученой литературы Германіи, не было еще сочиненія, въ которомъ бы вполне изложена была финансовая политика Пруссіи. Этотъ пробѣлъ восполняетъ недавно изданный трудъ г. А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, обнимающій собою всѣ отрасли финансоваго управленія и финансы Пруссіи. Изъ предисловія къ этому труду видно, что автору было поручено, между прочимъ, собрать свѣдѣнія о способахъ взиманія прямыхъ налоговъ въ Пруссіи; но чѣмъ болѣе онъ углублялся въ предметъ даннаго ему порученія, тѣмъ болѣе выказывалась важность вопроса объ отношеніяхъ прямыхъ налоговъ къ прочимъ источникамъ государственныхъ доходовъ, тѣмъ яснѣе обнаруживалась связь этой отрасли финансоваго управленія съ прочими его частями. Все это побудило г. Заблоцкаго къ разработкѣ предмета, далеко выходившаго за предѣлы спеціальнаго вопроса о прямыхъ налогахъ и имѣющаго полное право занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ европейской литературѣ о финансахъ. Въ этой литературѣ намъ извѣстно до сихъ поръ только весьма немного сочиненій, однородныхъ съ трудомъ г. А. Заблоцкаго и равныхъ ему по обширности и безпристрастному взгляду автора на излагаемый предметъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Заблоцкаго нельзя конечно и сравнивать съ сочиненіемъ Тенгоборскаго объ австрійскихъ финансахъ ¹⁾, такъ какъ въ этой книгѣ слишкомъ ярко проглядываетъ желаніе автора выставить, во что бы то ни стало, положеніе разстроенныхъ австрійскихъ финансовъ въ благопріятномъ свѣтѣ, а это отнимаетъ у книги всякое серьезное значеніе; къ тому же Тенгоборскій касается преимущественно состоянія кредита и налоговъ въ Австріи, объ организаціи же управленія и финансовыхъ законахъ вовсе не говоритъ, а о государственныхъ расходахъ упоминаетъ лишь вскользь. Сочиненіе г. Заблоцкаго можетъ быть поставлено развѣ только на ряду съ извѣстными во всемъ европейскомъ ученомъ мірѣ сочиненіями фонъ-Гока о финансахъ Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ²⁾, изъ которыхъ первое, по словамъ извѣстнаго финансиста и бывшаго предсѣдателя французскаго государственнаго совѣта де-Парьё (de Parieu, Journ. des Econ. пом. 1870), въ значительной степени содѣйствовало преобразованію финансовой системы въ Австріи. Но съ тѣхъ поръ, какъ писалъ фонъ-Гокъ о финансахъ Франціи, многое уже измѣнилось, наука ушла впередъ, а за нею двинулись кое-гдѣ и государственные финансы. Въ по-

¹⁾ Des Finances et du crédit public de l'Autriche, par M. L. de Tégoborski. Paris. 1843.

²⁾ Carl Ritter von Hock. Die Finanzverwaltung Frankreichs. Stuttgart. 1857. Die Finanzen und die Finanzgeschichte der vereinigten Staaten von Amerika, v. C. Hock. Stuttgart. 1867.

вѣйшей же литературѣ, въ томъ числѣ и въ нѣмецкой, есть, правда, сочиненія, касающіяся отдѣльныхъ отраслей прусскихъ финансовъ, каковы, напримѣръ, сочиненія Круга и Рихтера о прусскомъ государственномъ долгѣ и прусскихъ государственныхъ бумагахъ ¹⁾, или излагающія теорію финансовъ съ краткими при этомъ указаніями на финансы Пруссіи и другихъ государствъ, каковы, напримѣръ, сочиненія Бергіуса и Адольфа Вагнера ²⁾, но нѣтъ ни одного сочиненія, обнимающаго собою, подобно труду г. Заблоцкаго, все государственное хозяйство Пруссіи въ его историческомъ развитіи и нынѣшнемъ положеніи. Нечего и говорить, что исполненіе такой обширной задачи требовало огромнаго труда: г. Заблоцкому пришлось черпать матеріалы для своего сочиненія не изъ печатныхъ и всѣмъ доступныхъ источниковъ, а собирать ихъ на мѣстѣ изъ неизданныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, затѣмъ группировать эти отрывочныя данныя, составлять изъ нихъ цѣлыя таблицы для того, чтобы представить вѣрные выводы. Насколько эти свѣдѣнія требовали предварительной подготовки къ тому только, чтобы умѣть ими воспользоваться, можно видѣть изъ того, что въ связи съ государственнымъ хозяйствомъ Пруссіи, сочиненіе г. Заблоцкаго знакомитъ читателя съ исторіею и статистикою Пруссіи, съ законодательствомъ ея по государственному хозяйству, съ организаціей и дѣятельностью важнѣйшихъ финансовыхъ кредитныхъ и обще-промышленныхъ учреждений и наконецъ съ финансовымъ механизмомъ сѣверо-германскаго союза.

Несмотря на обширность, многосложность и серьезность труда г. Заблоцкаго, сочиненіе его вполне доступно каждому неспеціалисту и съ этой стороны имѣетъ весьма важное практическое значеніе. Многія отдѣльныя главы объ источникахъ государственнаго дохода представляютъ, весьма ясно и съ чисто объективной точки зрѣнія изложенныя, изслѣдованія различныхъ вопросовъ не въ отвлеченной теоріи, а въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни со всѣми ея требованіями и уклоненіями отъ писанныхъ правилъ. Таковы, напримѣръ, главы о поземельномъ налогѣ, о классной и классифицированной податяхъ (т.-е. подоходномъ налогѣ), о желѣзныхъ дорогахъ, о таможенномъ сборѣ и проч.

Эта, чисто практическая, сторона сочиненія г. Заблоцкаго можетъ принести значительную пользу у насъ, особенно теперь, когда нако-

¹⁾ Geschichte der Preussischen Staatsschulden v. Leopold Krug. Breslau. 1861.
Das Preussische Staatsschuldenwesen und die Preussischen Staatspapiere, v. E. Richter. Breslau. 1869.

²⁾ Grundsätze der Finanzwissenschaft mit besonderer Beziehung auf den Preussischen Staat. Berlin. 1865.

Rarl Heinrich Rau's Lehrbuch Finanzwissenschaft, neu bearbeitet v. Adolph Wagner. Leipzig. 1871.

нецѣ настала очередь для измѣненія нашей податной системы, и когда поэтому становится не только интереснымъ, но и нужнымъ знать: какимъ образомъ можетъ совершиться переходъ, хотя бы отъ подушной подати къ поземельному и подоходному налогамъ.

Вотъ почему нельзя не желать, чтобы сочиненіе г. Заблоцкаго сдѣлалось настольною книгою не только нашихъ государственныхъ дѣятелей, но и дѣятелей земскихъ и городскихъ.

Къ сожалѣнію у насъ не любятъ сколько-нибудь серьезнаго чтенія, а особенно такого, въ которомъ, по необходимости, встрѣчаются мѣстами цифры и таблицы; отъ этого нерасположенія къ умственному труду несвободны и дѣятели всякаго рода, нерѣдко потому готовые проводить самыя нелѣпныя мѣры. Легко можетъ статься, что по этой причинѣ сочиненіе г. Заблоцкаго, которое, еслибы было написано по-нѣмецки и издано въ Германіи, то доставило бы ему обширную извѣстность,—у насъ не вызоветъ къ себѣ особеннаго вниманія.

Поэтому мы ставимъ себѣ въ обязанность познакомить читателей съ сочиненіемъ г. Заблоцкаго, откуда мы и будемъ черпать всѣ нужныя намъ свѣдѣнія, касающіяся Пруссіи.

„Многіе считаютъ“, говоритъ г. Заблоцкій (т. I, стр. 538), „главнымъ критеріумомъ положенія финансовъ того или другого государства равновѣсіе въ его бюджетѣ. Мысль эта имѣетъ только относительную справедливость. Финансы существуютъ для интересовъ страны; нельзя сказать, что равновѣсіе бюджета удовлетворяетъ этимъ интересамъ, если при существованіи его нѣтъ экономіи въ издержкахъ, если подати чрезмѣрны и дурно распредѣлены. Финансовое искусство состоитъ не въ томъ, чтобы въ данное время умѣть достать, тѣмъ или другимъ способомъ, деньги; оно состоитъ въ умѣньи распредѣлять налоги съ возможною правильностью, собирать ихъ и расходовать съ возможною экономіею, наконецъ вести управленіе такъ, чтобы въ немъ господствовали честность, справедливость и порядокъ. Поэтому при сужденіи о положеніи финансовъ государства, вслѣдъ за вопросомъ о равновѣсіи бюджета является вопросъ о распредѣленіи налоговъ и соотвѣтствіи ихъ съ финансовыми средствами страны“.

Оспаривать основательность этого мнѣнія, конечно, нельзя; думаемъ однакожъ, что при сужденіи не объ однихъ финансахъ государства, но и о самомъ экономическомъ положеніи страны слѣдуетъ прежде остановиться на томъ, какіе именно расходы, дѣйствительно ли необходимые и полезные, и въ какомъ размѣрѣ, ложатся на государственный бюджетъ и затѣмъ уже рассмотреть, изъ какихъ источниковъ расходы эти удовлетворяются и провѣрить, насколько равномерно тѣ или другіе сборы падаютъ на каждого изъ подданныхъ. Слѣдуя этому порядку, мы постараемся сдѣлать краткій обзоръ главнѣйшихъ государственныхъ расходовъ и доходовъ Пруссіи, причемъ

тамъ, гдѣ это возможно, сравнимъ расходы и доходы Пруссіи съ расходами и доходами Россіи, пользуясь для этого ежегодно публикуемою съ 1862-го года высочайше утвержденною государственною росписью доходовъ и расходовъ.

II.

Что такое налогъ, отъ котораго, по словамъ Франклина, какъ отъ смерти, не спасешься нигдѣ, въ современномъ цивилизованномъ обществѣ? На этотъ вопросъ экономисты отвѣчаютъ такъ: налогъ есть пожертвованіе, даваемое населеніемъ страны для поддержанія государственнаго организма, это есть платежъ, вносимый гражданами за необходимыя для нихъ общественныя и государственныя надобности. Въ виду этого правительство каждой страны должно брать столько налоговъ, сколько нужно для удовлетворенія истинныхъ, т.-е. необходимыхъ и полезныхъ для народа потребностей государственныхъ, а не столько, сколько народъ дать въ состояніи.

Конечно, если строго держаться этихъ началъ, то во всей Европѣ, кромѣ развѣ одной Швейцаріи, не найдется государства, ежегодный бюджетъ котораго соотвѣтствовалъ бы здравымъ экономическимъ условіямъ. Вездѣ въ числѣ государственныхъ расходовъ занимаютъ главное мѣсто расходы вовсе непроизводительныя (военные расходы, внѣшнее представительство), почему вездѣ на удовлетвореніе государственныхъ расходовъ требуется сумма, далеко превышающая ту, какая могла бы доставиться одними податями и налогами въ размѣрѣ, необременительномъ для націи. Но за то тамъ, гдѣ политическая и финансовая система сколько-нибудь направлены къ дѣйствительнымъ пользамъ страны, какъ, напримѣръ, въ Англіи, всякій разъ, когда оказывается излишекъ въ доходахъ сравнительно съ расходами, что бываетъ часто, — прежде всего возникаетъ вопросъ не о расходованіи этого излишка, а о томъ, какой изъ налоговъ долженъ быть уменьшенъ, или вовсе отмененъ, чтобы на слѣдующій годъ такого излишка уже не оставалось.

Идеальнаго совершенства нельзя ожидать и въ бюджетѣ Пруссіи, но это не мѣшаетъ видѣть хотя бы даже относительныя достоинства ея финансоваго управленія, если собираемыя съ прусскаго народа деньги расходуются добросовѣстно и бережливо и хотя не безусловно производительны для страны, то по крайней мѣрѣ на предметы въ государственномъ отношеніи дѣйствительно необходимыя.

Признаніе извѣстнаго расхода необходимымъ или бесполезнымъ есть вещь въ высшей степени легкая въ теоріи и трудная на практикѣ. Вездѣ министру финансовъ предстоитъ много трудностей въ устройствѣ государственныхъ доходовъ, т.-е. въ правильномъ распредѣленіи налоговъ, въ пріисканіи чрезвычайныхъ средствъ и проч., но еще

Болѣе трудностей встрѣчаетъ онъ въ устройствѣ государственныхъ расходовъ. Здѣсь чаще всего возникаетъ для него борьба съ личными интересами тѣхъ, которые привыкли жить на счетъ государственнаго бюджета, съ проектами, обольстительными въ будущемъ, но требующими жертвъ настоящаго. Каждое лицо, управляющее отдѣльной частью, требуетъ во имя усовершенствованія ея новыхъ расходовъ. „Трудность исполненія должности министра финансовъ“, замѣчаетъ Н. И. Тургеневъ ¹⁾, „увеличивается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ возможности исполнять оную съ успѣхомъ. Чѣмъ невыгоднѣе обстоятельства, въ коихъ государство находится и, слѣдственно, чѣмъ менѣе средствъ оно представляетъ къ удовлетворенію общественныхъ потребностей, тѣмъ болѣе требуется отъ министра. Какія бы мѣры онъ ни предпринималъ, всегда долженъ быть готовъ слышать ропотъ и негодованіе народа; но никогда не долженъ презирать оныхъ: неуваженіе общаго мнѣнія, хотя и неосновательнаго, свойственно только неспособности и невѣжеству; хорошій министръ финансовъ старается исправлять общее мнѣніе хорошимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Трудность, сопряженная съ должностью министра финансовъ, увеличивается въ тѣхъ государствахъ, гдѣ налоги назначаются самимъ правительствомъ безъ согласія представителей народныхъ. Польза сего согласія ощутительна не только для народа, но и для самого правительства. Скажутъ, что есть государства, гдѣ общая польза противится необходимости такого согласія; но гдѣ сии государства?“

Въ Пруссіи, какъ и въ Россіи, общее завѣдываніе всѣми государственными доходами лежитъ на министрѣ финансовъ; но положеніе ихъ существенно рознится въ обоихъ государствахъ и съ точки зрѣнія, высказанной Н. И. Тургеневымъ, положеніе министра финансовъ въ Россіи гораздо болѣе затруднено, нежели въ Пруссіи.

Министерство финансовъ въ Пруссіи завѣдываетъ совокупностью финансоваго управленія, государственною росписью и ежегоднымъ финансовымъ отчетомъ объ исполненіи ея, а равно и постояннымъ надзоромъ за поступленіемъ государственныхъ доходовъ и расходованіемъ ихъ. Ему непосредственно подчинено государственное казначейство, управленіе доменами и лѣсами, прямыми налогами и косвенными сборами, а также прочими источниками доходовъ, не подчиненными другимъ вѣдомствамъ. Министръ финансовъ не вмѣшивается въ распоряженіе другихъ министерствъ и главныхъ управленій ассигнованными имъ по бюджету кредитами; но для внесенія новыхъ статей расхода въ смѣты, для ассигнованія дополнительныхъ или сверх-

¹⁾ Опытъ теоріи налоговъ. Спб. 1818. Издано «въ пользу соержащихся въ тюрьмѣ крестьянъ за недоимки въ платежѣ налоговъ» стр. 306 и 12.

смѣтныхъ кредитовъ требуется предварительное согласіе министра финансовъ.

Основаніемъ для бюджета служатъ частныя росписи или смѣты, присылаемыя въ министерство финансовъ изъ другихъ министерствъ. Для внесенія въ частную роспись новаго расхода, каждый министръ обязанъ войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ; въ случаѣ его несогласія вопросъ обсуждается въ совѣтѣ министровъ, причемъ могущее быть разногласіе разрѣшается королемъ. Въ министерствѣ финансовъ, по подробномъ разсмотрѣніи частныхъ росписей, составляется изъ нихъ общій сводъ, т.-е. бюджетъ или государственная роспись.

Эта роспись вмѣстѣ съ объяснительною запискою, особыми приложеніями о состояніи разныхъ отраслей доходовъ, государственнаго долга и запаснаго капитала, вмѣстѣ съ обзорѣніемъ доходовъ и расходовъ, съ означеніемъ превышеній противъ бюджета и экстраординарныхъ расходовъ за годъ предшедшій текущему, — представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе палаты уполномоченныхъ вслѣдъ за ея открытіемъ. Порядокъ утвержденія бюджета палатами частью опредѣляется конституціею, частью наказомъ самихъ палатъ и частью самою практикою: для подробнаго разсмотрѣнія всего бюджета и частныхъ росписаній, на которыхъ онъ основанъ, палата уполномоченныхъ избираетъ особую комиссію изъ 35-ти членовъ, которые и разсматриваютъ бюджетъ по частямъ, причемъ требуютъ документы, счета и книги отъ подлежащихъ вѣдомствъ и входятъ въ объясненіе съ ихъ чиновниками. При этомъ они обращаютъ особое вниманіе на то, насколько рѣшенія палатъ, состоявшіяся при разсмотрѣніи предъидущаго бюджета, были въ дѣйствительности уважены. По мѣрѣ разсмотрѣнія въ бюджетной комиссіи разныхъ частей росписи, она вноситъ свои доклады въ палату, которая, обсудивъ указанные въ бюджетѣ предметы расходовъ и источники доходовъ, дѣлаетъ окончательное по нимъ постановленіе и передаетъ одобренный проектъ бюджета и проектъ закона о немъ въ палату господъ, которая цѣликомъ принимаетъ, или отвергаетъ ихъ. Въ случаѣ одобренія палатою господъ проектовъ бюджета и закона о немъ, они представляются на утвержденіе короля и затѣмъ публикуются въ собраніи узаконеній. Только на основаніи такимъ образомъ разсмотрѣннаго и утвержденнаго бюджета могутъ быть взимаемы въ Пруссіи подати и налоги и производимы государственные расходы. Такой же порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія закона требуется для заключенія государственныхъ займовъ, для выпуска бумажныхъ денегъ, для выдачи государствомъ гарантій по желѣзнымъ дорогамъ и другимъ промышленнымъ предпріятіямъ.

„Но какъ бы тщательно ни составлялся бюджетъ“, — замѣчаетъ

г. Заблоцкій, — „въ сложномъ механизмѣ государственнаго хозяйства невозможно опредѣлить напередъ всѣ необходимыя потребности; онѣ могутъ возникать внезапно, помимо всякаго предвидѣнія, и нарушение бюджета является роковою неизбѣжностью, влекущею за собою, такъ-называемые „сверхсмѣтные расходы“. При невозможности отклонить этого рода расходы, для правильнаго веденія финансоваго дѣла остается одно: обставить сверхсмѣтные расходы такими условіями, при которыхъ необходимость ихъ была бы признаваема не только властью распорядительною, но и властью контролирующею“. Этотъ контроль сверхсмѣтныхъ расходовъ принадлежитъ въ Пруссіи также палатамъ, которымъ правительство обязано представлять на утвержденіе о сверхсмѣтныхъ расходахъ, или о превышеніи бюджета. Всякій разъ, когда дѣлается такое представленіе палатамъ, онѣ обсуждаютъ: насколько произведенные сверхсмѣтные расходы оправдываются необходимостью государственнаго управленія, и затѣмъ могутъ утвердить произведенный расходъ или отказать въ его утвержденіи; въ послѣднемъ случаѣ отвѣтственность за нарушение государственной росписи падаетъ на того министра, который скрѣпилъ указъ о производствѣ расхода. Относительно сверхсмѣтныхъ расходовъ нельзя не замѣтить, что они въ Пруссіи на общія государственныя потребности весьма незначительны и въ послѣдніе годы почти исключительно были производимы на постройку дорогъ и на военныя надобности; такъ сверхсмѣтныхъ расходовъ было: въ 1864-мъ году 22,110,351 тал., изъ которыхъ около 15 мил. издержано на войну съ Даніей, въ 1865-мъ году 4,756,169 тал., почти всѣ издержанные на желѣзныя дороги и въ 1866-мъ году 9,782,553 тал., кромѣ 65,971,107 тал. расходовъ по войнѣ съ Австріею.

Насколько такой порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія бюджета, установленный въ Пруссіи закономъ 11-го марта 1850-го года, обезпечиваетъ страну отъ расходовъ непроизводительныхъ и отъ неравномѣрныхъ и тяжкихъ налоговъ, — объ этомъ распространяться нѣтъ надобности точно также, какъ не нужно объяснять: насколько при такомъ порядкѣ вещей облегчается положеніе министерства финансовъ.

Правда, что этотъ, установленный закономъ для Пруссіи, порядокъ нарушался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сразу правительствомъ, приводившимъ въ исполненіе бюджетъ, не утвержденный палатою уполномоченныхъ, а утвержденный вопреки конституціи палатою господъ; но само правительство признавало такое положеніе ненормальнымъ и старалось возстановить конституціонный порядокъ. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что главнымъ и почти единственнымъ поводомъ неутвержденія палатою уполномоченныхъ бюджета было несогласіе ея на расходы для преобразованія арміи, расходы, до нѣкоторой степени оправдавшіеся въ послѣднюю войну; но ни разу еще прусское правительство, такъ долго подвергавшееся

обвиненію въ нарушеніи конституціи, не позволяло себѣ оставлять безъ вниманія замѣчаній и указаній народныхъ представителей по другимъ частямъ бюджета, некасавшихся арміи, и производить сверхсметные, неутвержденные палатами расходы на содержаніе двора, на учрежденіе какихъ-либо бесполезныхъ должностей или синекуръ и т. под.

Отъ существующаго въ Пруссіи порядка составленія и утвержденія бюджета перейдемъ къ порядку, существующему въ этомъ отношеніи у насъ. Обязанность составленія государственной росписи лежитъ и у насъ на министерствѣ финансовъ¹⁾, но въ дѣйствительности доля участія министра финансовъ въ составленіи росписи весьма не велика. Во второй половинѣ года каждое министерство и главное управленіе составляетъ смету своихъ доходовъ и расходовъ и представляетъ одинъ экземпляръ этой сметы въ государственный совѣтъ въ департаментъ экономіи, другой nosылаетъ министру финансовъ, и третій государственному контролеру. Въ министерствѣ финансовъ и контролѣ сметы эти разсматриваются, причемъ все вниманіе обращается не на существо предмета, и не на то, насколько извѣстные расходы оправдываются пользою и необходимостью, а лишь на то, сколько они оправдываются положеніями, штатами и отдѣльными по каждому вѣдомству распоряженіями законодательной власти. По тѣмъ же предметамъ, въ которыхъ положенія, штаты или отдѣльныя распоряженія не опредѣлили самой цифры расхода, обсуждается: насколько предполагаемый по сметѣ расходъ показанъ не въ преувеличенномъ размѣрѣ и насколько расходъ этотъ можетъ быть уменьшенъ. Эти свои замѣчанія на сметы отдѣльныхъ вѣдомствъ министр финансовъ и государственный контролеръ сообщаютъ этимъ вѣдомствамъ и представляютъ также въ государственный совѣтъ, куда затѣмъ поступаютъ и объясненія министровъ и управленій на сдѣланныя министерствомъ финансовъ и контролемъ замѣчанія. Такимъ образомъ, вся полемика министерствъ по сметамъ съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ сосредоточивается въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ дѣлаются соображенія о томъ: насколько правильно исчислены доходы окладные и насколько предполагаемыя цифры доходовъ неокладныхъ соответствуютъ дѣйствительнымъ поступлениямъ въ послѣдніе годы; здѣсь сметы отдѣльныхъ министерствъ разсматриваются при участіи тѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, на сметы которыхъ послѣдовали замѣчанія министра финансовъ и государственнаго контролера; въ случаѣ дальнѣйшаго разногласія — дѣло вносится въ общее собраніе государственнаго совѣта. Разсмотрѣніе это опять состоитъ, главное, въ повѣркѣ правильности тѣхъ расходовъ, которые не опредѣлены

¹⁾ Правила о финансовыхъ сметахъ 1862 г. 22 мая, ст. 18.

въ цифрахъ штатами, положеніями и отдѣльными распоряженіями законодательной власти. Когда въ государственномъ совѣтѣ смѣты, послѣ разныхъ взаимныхъ уступокъ, исправятся, то онѣ возвращаются въ министерство финансовъ, гдѣ изъ отдѣльныхъ смѣтъ сводится общая смѣта по всѣмъ вѣдомствамъ, и этимъ путемъ образуется „государственная роспись“.

Такимъ образомъ, тутъ только для министерства финансовъ становятся вполнѣ извѣстными общая сумма доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ, а также и то: покрываются ли всѣ расходы предполагаемыми доходами или оказывается дефицитъ. Въ первомъ случаѣ—какъ это послѣ продолжительнаго перерыва случилось со смѣтою на 1872-й годъ, когда въ государственномъ совѣтѣ, какъ мы слышали, признано было возможнымъ по соображенію съ поступившимъ въ 1871 г. доходомъ съ крепкихъ напитковъ увеличить на 1872-й годъ этотъ доходъ на 12 мил. руб., почему по росписи образовался даже остатокъ въ доходахъ, — министерству финансовъ остается только представить государственную роспись чрезъ государственный совѣтъ на высочайшее утвержденіе, послѣ чего она тотчасъ же публикуется, а приложение къ ней, т.-е. болѣе подробное означеніе доходовъ и расходовъ (по параграфамъ и статьямъ смѣтъ) обнародывается черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Если же оказывается дефицитъ, то главная забота о покрытіи его лежитъ на министрѣ финансовъ, который свои предположенія объ этомъ вноситъ въ особый комитетъ финансовъ; заключеніе этого комитета утверждается высочайшею властью и вносится въ бюджетъ.

Что касается сверхсмѣтныхъ расходовъ, которые у насъ всегда гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Пруссіи, и составляли въ четыре года, съ 1866—1869 гг., т.-е. въ самое мирное время 97,044,000 руб., изъ которыхъ наибольшія, относительно, передержки произведены по вышнимъ государственнымъ учрежденіямъ (46,8%) и министерствамъ: двора (25%), иностранныхъ дѣлъ (15,5%), финансовъ 10,2% и путей сообщенія (7%), то расходы эти, по мѣрѣ открытія ихъ, получаютъ утвержденіе частью черезъ государственный совѣтъ, частью по непосредственнымъ докладамъ министровъ. Такимъ образомъ, нерѣдко сверхсмѣтные расходы уже по утвержденіи законодательною властью становятся извѣстными министру финансовъ.

Указавъ, въ общихъ чертахъ, способы составленія и утвержденія ежегодныхъ государственныхъ росписей въ Пруссіи и Россіи (за исключеніемъ Финляндіи, гдѣ новые налоги устанавливаются съ согласія всѣхъ сословій и гдѣ ежегодный, отдѣльный отъ имперіи бюджетъ составляется сенатомъ и отъ него восходитъ на утвержденіе законодательной власти) и считая лишнимъ и неудобнымъ входить въ обсужденіе того: насколько каждый изъ двухъ способовъ обеспечиваетъ правильность

и умѣренность расходовъ и необременительность средствъ собиранія доходовъ, мы перейдемъ къ самой смѣтѣ расходовъ.

Но при обзорѣ отдѣльных статей расходовъ мы не будемъ слѣдовать порядку, существующему въ прусской или нашей росписи, такъ какъ г. Заблоцкій вполне основательно замѣчаетъ, что „для правильнаго сужденія о расходахъ, для опредѣленія ихъ значенія въ общей финансовой системѣ государства необходимо разсматривать ихъ по существу ихъ назначенія“. Слѣдуя этому указанію, мы слѣдуемъ сравнительное обзорѣ главныхъ предметовъ государственныхъ расходовъ Пруссіи и Россіи въ такомъ порядкѣ: государственный долгъ, дотации, пенсіи и пособія, охраненіе внутренней и внѣшней безопасности, народное просвѣщеніе, внутреннее управленіе, публичныя работы, поощреніе сельскаго хозяйства и промышленности и проч. ¹⁾.

Взаимное отношеніе всѣхъ расходовъ въ Пруссіи (которая занимаетъ пространство въ 6,368 географ. миль съ 24 мил. жителей), составлявшихъ по бюджету на 1870-й годъ сумму 168,101,372 талера, и на 1871-й годъ 172,918,937 тал., показываетъ, что главная часть расходовъ относится къ огражденію внѣшней безопасности, на взиманіе доходовъ, на государственный долгъ и на судебную часть.

Въ Россіи же (занимающей пространство въ 375,000 кв. миль съ 80 мил. жителей) на обыкновенные государственные расходы по бюджету на 1871-й годъ было назначено 456,576,900 рублей, а на 1872-й годъ 469,439,959 р., изъ которыхъ наибольшія суммы издержекъ назначены на военное министерство (156,604,116 р.), на государственный долгъ (86,381,575 р.), на министерство финансовъ (52,797,865 р.) и на министерство внутреннихъ дѣлъ (26,437,580 р.).

III.

Государственный долгъ Пруссіи составлялъ въ 1870-мъ году 442,639,371 тал. Но въ этой суммѣ заключалось долговъ желѣзнодорожныхъ 184,471,491 тал., билетовъ казначейства 12,835,000 тал. и безпроцентныхъ долговъ или бумажныхъ денегъ (кассовыхъ ассигновокъ) 18,250,000 тал.

¹⁾ Что касается до *расходовъ взиманія доходовъ*, то—въ Пруссіи на нихъ уходитъ значительный процентъ; такъ въ 1870-мъ году было исчислено на этотъ предметъ болѣе 58 мил. тал.; но за то сюда отнесены операціонные расходы по содержанію различныхъ фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ. Въ нашемъ бюджетѣ совсѣмъ нѣтъ особой рубрики для расходовъ по взиманію доходовъ, а противъ главныхъ статей доходовъ, въ особой графѣ, вслѣдъ за валовымъ доходомъ показываются издержки взиманія; въ 1871-мъ году такія издержки составили у насъ 50.442,027, или 11,1% суммы обыкновенныхъ доходовъ (454 мил.). Но эту нашу цифру нельзя сравнивать съ прусскою, такъ какъ наша весьма не полна.

Такимъ образомъ, долги, имѣвшіе предметомъ общіе государственные расходы, составляютъ 258,167,880 тал. По исчисленію г. Заблоцкаго, всѣ государственные доходы Пруссіи, безъ Гогенцоллерна, составляютъ 232,383,696 тал. Слѣдовательно цифра государственнаго долга, за исключеніемъ долговъ желѣзно-дорожныхъ, превосходитъ цифру годового дохода только на 25,884,184 тал. Такое состояніе государственнаго долга въ Пруссіи служить лучшимъ признакомъ благоустройства ея финансовъ.

Увеличеніе государственныхъ долговъ въ большей части европейскихъ государствъ было слѣдствіемъ войнъ, веденныхъ съ конца прошлаго столѣтія. И Пруссія не избѣгла ихъ; она, вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія была поставлена въ положеніе даже болѣе тяжкое, чѣмъ другія большія государства. Какимъ же образомъ она вышла изъ этого тяжкаго финансоваго положенія и поставила свои финансы въ благоустроенное состояніе? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ исторія государственнаго долга Пруссіи (томъ II, стр. 366—424). Изъ этой исторіи видно, что въ самое бѣдственное для Пруссіи время, съ 1807—1812 г., когда уменьшенная на половину прусская монархія изнемогала подъ тяжкимъ бременемъ наложенной на нее Наполеономъ контрибуціи и содержанія гарнизоновъ,—государственные люди, стоявшіе во главѣ управленія (Штейнъ и Гарденбергъ), не потерялись: они обдумывали и приводили въ исполненіе экономическія и финансовыя преобразованія. Но учрежденіе нѣкоторыхъ новыхъ налоговъ и болѣе правильное ихъ распредѣленіе не доставляло еще всѣхъ нужныхъ государству средствъ. Нужно было обратиться къ кредиту: правительство прусское пользовалось имъ съ большою осторожностью и умѣренностью, не прибѣгая, подобно Австріи, къ полной государственной несостоятельности. Въ то время, какъ въ Австріи правительство скрывало положеніе своихъ финансовъ въ глубокой тайнѣ, прусское правительство, чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія, еще въ 1820-мъ году рѣшилось на двѣ мѣры: на сокращеніе расходовъ и на преданіе гласности какъ положенія государственнаго бюджета вообще, такъ и состоянія государственныхъ долговъ въ частности. вмѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ, опредѣливъ отношенія правительства къ его кредиторамъ, подчинить на будущее время завѣдываніе государственнымъ долгомъ государственнымъ чинамъ. Въ указѣ 17-го января 1820-го года, при которомъ обнародована была вѣдомость государственныхъ долговъ, сказано было слѣдующее: „настоящая вѣдомость о государственномъ долгѣ объявляется отнынѣ заключенною. сверхъ показанной въ ней суммы, не можетъ быть выпущено никакое государственное долговое обязательство и никакой иной государственный долговой документъ. Если впредь правительство признаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ новому займу,

то таковой можетъ быть заключенъ съ согласіемъ и съ гарантіею будущаго собранія государственныхъ чиновъ". Чины эти не были, правда, созваны до 1848-го года, но за то была учреждена особая коллегія подъ названіемъ „Главное управленіе государственныхъ долговъ“, независимая отъ прочихъ отраслей государственнаго и финансоваго управленія, состоявшая изъ лицъ, приносившихъ даже особую присягу и отвѣчавшихъ передъ королемъ и совокупностью кредиторовъ государства въ томъ, что кромѣ упомянутыхъ въ вѣдомости, не будетъ выпущено ни одной государственной облигаціи и никакого иного долгового государственнаго обязательства. Для обезпеченія государственныхъ долговъ съ тѣхъ поръ назначаются доходы отъ доменъ и лѣсовъ и отъ желѣзныхъ дорогъ, о чемъ и объясняется каждый разъ при ежегодной подробной смѣтѣ государственныхъ долговъ.

Съ конца 1848-го года, въ финансахъ Пруссіи наступила новая эпоха; они были подчинены контролю народнаго представительства; для постояннаго контроля надъ государственными долгами и въ особенности для повѣрки отчетовъ учреждена была, по выбору обѣихъ палатъ, особая комиссія государственныхъ долговъ; вслѣдъ затѣмъ соединены были, такъ-называемые, *публичные* долги, подлежавшіе вѣдѣнію главнаго управленія государственныхъ долговъ, съ такъ-называвшимися *пассивами* казначейства, или долгами, заключенными помимо означеннаго управленія, отъ имени нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей государственнаго управленія.

Въ періодъ времени съ 1848—1866-го года, съ одной стороны старые долги уменьшались погашеніемъ, но съ другой дѣлались новые; ихъ было заключено 13, въ томъ числѣ 7 на сумму 76.680,000 тал. исключительно для постройки государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1866-мъ году весь государственный долгъ Пруссіи составлялъ 290.000,000 тал., сравнительно съ цифрою 1848-го года болѣе на 131½ мил. тал., на душу населенія приходилось 15 тал., а въ 1848-мъ году было 9⅔ тал. Рядомъ съ этимъ стоимость государственнаго достоянія уменьшилась почти на 23,000,000 тал., вслѣдствіе продажи государственныхъ имуществъ и выкупа повинностей; но съ другой стороны стоимость государственныхъ желѣзныхъ дорогъ представляла въ 1865-мъ г. свыше 118,000,000 тал., казначейству принадлежало акцій и облигацій желѣзныхъ дорогъ на 16,000,000 тал., имущества института морской торговли на 12.380,000 тал., складочный капиталъ правительства въ прусскомъ банкѣ 1,897,000 тал. Вообще уменьшеніе государственнаго достоянія простиралось въ этотъ періодъ времени до 22 мил. тал., но уменьшеніе это обратилось бы въ увеличеніе, еслибы исчислить всѣ капиталы, затраченные на улучшеніе доменъ, лѣсовъ, рудниковъ, горныхъ заводовъ и соляныхъ промысловъ.

Капиталы эти указываютъ увеличеніе чистаго дохода по означен-

нымъ статьямъ; вообще, несмотря на постоянныя увеличенія военныхъ расходовъ въ мирное время съ 1848—1866-го года, несмотря на неоднократное приготовленіе къ войнѣ и наконецъ на дѣйствительно веденную войну съ Данією, въ финансахъ оказалось рѣшительное улучшение.

Въ 1866-мъ году разразилась война съ Австрією.

Изъ отчета, представленнаго правительствомъ ландтагу, видно, что всѣ расходы по войнѣ составляли 150.867,000 тал.; въ этой послѣдней суммѣ заключались: вознагражденіе ганноверскаго короля (16 мил. тал.), вознагражденіе герцога нассаускаго (8.892,000 тал.), вознагражденіе Ольденбурга (1 мил. тал.) и возвратъ суммъ въ государственнѣй запасы капиталъ (27½ мил. тал.).

Съ 1868-го года въ бюджетъ Пруссіи вошли доходы, расходы и долги по вновь приобрѣтеннымъ провинціямъ. По бюджету на 1869-й годъ, весь государственный долгъ Пруссіи составлялъ 479.462,000 тал., противъ 1865-го года болѣе 190 мил. тал.; въ 1866-мъ году весь государственный долгъ составлялъ 17½ тал. на душу всего населенія монархіи, а въ 1869-мъ году—20 тал. на душу, т.-е. болѣе на 2½ тал. Увеличеніе это нельзя однако считать дѣйствительнымъ обремененіемъ государства, такъ какъ многіе изъ займовъ, заключенныхъ послѣ 1866-го года, были сдѣланы на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ; а долги по вознагражденію за отѣмну льготы отъ поземельной подати, равно какъ и почтовой привилегіи князей Турнъ-и-Таксисъ принадлежатъ къ числу долговъ производительныхъ. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ 57 мил. тал. или 2⅜ тал. на душу. Сравненіе суммъ долга показываетъ, что прусскій долгъ (480 мил. тал.), составляетъ около 14% американскаго и французскаго, 9% англійскаго, 27% итальянскаго и 29% австрійскаго и русскаго. Пропорціонально населенію, прусскій долгъ менѣе американскаго въ 5 разъ, французскаго въ 4½ раза, англійскаго въ 9 разъ, итальянскаго въ 3½ раза, австрійскаго въ 2¾ раза и русскаго въ 1½ раза.

Въ отношеніи погашенія всѣхъ почти займовъ, Пруссія, съ 1820-го года, держалась строго системы постояннаго погашенія, т.-е. ежегодно назначался для этого, согласно условіямъ, опредѣленный процентъ съ первоначальной номинальной суммы, причемъ и проценты съ погашенныхъ облигацій обращались также на погашеніе. Но въ ноябрѣ 1869-го года, нынѣшній министръ финансовъ, Кампгаузенъ, возсталъ противъ постояннаго погашенія, указывая на то, что при этой системѣ прусскіе государственные займы требуютъ большихъ жертвъ; онъ предложилъ по послѣднему займу не назначать суммъ на погашеніе и сверхъ того предложилъ превращеніе 4½% и 4% долговъ съ постояннымъ погашеніемъ въ однообразный 4½% долгъ безъ постояннаго погашенія, съ тѣмъ, чтобы эта операція была сдѣлана по соглашенію съ

кредиторами государства, предложивъ имъ небольшую премію; такимъ образомъ, государство получить ежегоднаго сбереженія 3,442,000 тал. Предложеніе это было принято ландтагомъ.

Кромѣ долговъ отверженныхъ, въ Пруссіи есть и долгъ, такъ-называемый, текущій. Въ нашемъ бюджетѣ этого рода долгъ не показывается отдѣльно, хотя онъ и существуетъ. Подъ именемъ текущаго долга разумѣются государственныя обязательства, выдаваемыя вслѣдствіе внезапныхъ непредвидимыхъ потребностей или вслѣдствіе того, что срокъ поступленія доходовъ еще не наступилъ, а между тѣмъ казначейству предстоятъ неотложныя уплаты; текущій долгъ правительство обязывается уплатить вполнѣ въ короткіе сроки; текущій долгъ, въ сущности, составляютъ векселя государственнаго казначейства. По этому самому, весьма опасно увеличивать чрезмѣрно текущій долгъ, который за извѣстными предѣлами дѣлается одною изъ причинъ разстройства финансовъ, какъ это и было въ послѣдніе годы второй французской имперіи.

Въ представительныхъ правительствахъ, обыкновенно, при утверженіи бюджета, закономъ опредѣляется высшій предѣлъ текущаго долга, и когда онъ не переступаетъ этихъ предѣловъ, когда они произвольно не нарушаются правительствомъ, то составляетъ одно изъ полезныхъ финансовыхъ средствъ. Пруссія въ этомъ отношеніи можетъ быть сочтена образцовымъ государствомъ. Весь текущій долгъ ея составлялъ въ 1870-мъ году 12½ мил. тал., т.-е. ту сумму, на которую закономъ о бюджетѣ на тотъ годъ предоставлено было министру финансовъ выпустить билетовъ государственнаго казначейства. Билеты эти появились въ первый разъ въ Пруссіи вслѣдствіе закона 28-го сентября 1866-го года, которымъ разрѣшено было выпустить билетовъ казначейства срокомъ на 9-ть мѣсяцевъ на сумму 10 мил. тал. Хотя такая цифра текущаго долга весьма незначительна, составляя едва 1/20 часть государственныхъ доходовъ, чего не представляетъ ни одно изъ большихъ европейскихъ государствъ, тѣмъ не менѣе изъ примѣра Пруссіи можно видѣть, съ какою осторожностію надо пользоваться этимъ средствомъ добывать деньги, средствомъ столь легкимъ, и потому столь соблазнительнымъ для финансоваго управленія.

Упомянутые билеты казначейства, на 10 мил. тал., положено было погасить насчетъ военной контрибуціи и чрезъ продажу принадлежавшихъ казнѣ желѣзно-дорожныхъ бумагъ. Билеты были выпущены въ обращеніе только лѣтомъ 1867-го года, но при составленіи бюджета на 1868-й годъ министръ финансовъ увидѣлъ невозможность погасить означенными средствами билеты казначейства и потому испросилъ разрѣшенія ландтага замѣнить ихъ новыми, срокомъ на одинъ годъ, билетами казначейства; по случаю голода въ восточной Прус-

сѣи разрѣшено было выпустить билетовъ казначейства еще на 3 мил. Къ 1869-му году осталось въ обращеніи билетовъ 12.835,000 тал., которые закономъ о бюджетѣ на тотъ годъ было разрѣшено замѣнить новыми билетами; подобная же замѣна предоставлена министру финансовъ закономъ о бюджетѣ на 1870-й годъ на сумму 12½ мил. тал. Билеты казначейства въ Пруссіи были выпущены въ 1867-мъ году по 4%, а въ 1868-мъ году даже по 3%.

Безпроцентный долгъ въ Пруссіи составляютъ такъ-называемыя кассовыя ассигновки и билеты ссудныхъ кассъ; тѣхъ и другихъ находилось въ обращеніи къ 1871-му году на 20.478,000 тал. Кассовыя ассигновки и билеты ссудныхъ кассъ составляютъ собственно бумажныя деньги; показанное количество ихъ, не достигающее и 1/10 части суммы государственныхъ доходовъ и составляющее 0,86 тал. на одну душу всего населенія, не подаетъ повода ни къ какимъ опасеніямъ, тѣмъ болѣе, что для кассовыхъ ассигновокъ на основаніи 22-й ст. монетнаго договора 24-го января 1857-го года, учреждена разнѣнная касса; публика впрочемъ къ ней не прибѣгаетъ; кассовыя ассигновки, существуя въ двухъ размѣрахъ—въ 5 тал. и въ 1 тал., встрѣчаются обыкновенно въ мелкихъ расчетахъ и пользуются полнымъ довѣріемъ. Только въ 1866-мъ году, предъ началомъ войны, въ обращеніи кассовыхъ ассигновокъ появилось-было затрудненіе; этому содѣйствовало, что правительство попыталось тогда пустить новыя, да къ тому же и не согласно съ конституціею, бумажныя деньги, именно билеты ссудныхъ кассъ; билетовъ этихъ, которые уничтожаются по мѣрѣ возврата ссудъ, находилось въ 1870-мъ году въ обращеніи только на 2¼ мил. тал.

Бумажныя деньги, это столь опасное финансовое средство, появиться въ Пруссіи въ первый разъ въ 1792-мъ году. Изъ историческаго очерка г. Заблоцкаго о прусскихъ бумажныхъ деньгахъ (Т. I, гл. XX, стр. 475—485) видно, что прусское правительство, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, пользовалось этимъ средствомъ съ крайнею осторожностію; сама публика всегда относилась недовѣрчиво къ этому средству; наибольшій выпускъ бумажныхъ денегъ не простирался выше 11¼ мил. тал. (въ 1820-мъ году), а затѣмъ, при замѣнѣ въ послѣдующіе годы кассовыми ассигновками нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ, количество всѣхъ выпущенныхъ ассигновокъ возросло до 25.742,000 тал., это была наибольшая сумма, до которой достигалъ выпускъ бумажныхъ денегъ въ Пруссіи, въ настоящее время сумма ихъ не достигаетъ уже и 20 мил. тал.

Наконецъ, въ прусскомъ бюджетѣ есть еще долгъ, такъ-называемый условный, или гарантіи. Гарантіямъ прилагается обыкновенно собая вѣдомость при бюджетѣ. Кромѣ гарантій по кредитнымъ учрежденіямъ (прусскому банку и институту морской торговли), въ вѣдо-

мости за 1869-й годъ показано 19 гарантій, въ томъ числѣ 11 выданы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, и 8 учрежденіямъ, завѣдывающимъ выкупомъ поземельныхъ повинностей, обществу для постройки плотинъ и нѣкоторымъ другимъ подобнымъ учрежденіямъ. Желѣзно-дорожныя гарантіи обезпечиваютъ по $4\frac{1}{2}$, 4, $3\frac{1}{2}$ и $4\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ, употребленныхъ на постройку частныхъ желѣзныхъ дорогъ; проценты эти соотвѣтствуютъ капиталу въ $141\frac{1}{3}$ мил. тал. и составляютъ сумму 5.070,000 тал.; по всѣмъ желѣзно-дорожнымъ гарантіямъ правительствомъ, по 1867-й годъ включительно, процентовъ приплачено на сумму 9.791,000 тал.; на 1870-й годъ по бюджету приплата эта исчислена въ 1.155,000 тал. Нельзя не обратить вниманія на два главныя условія, соблюдаемыя прусскимъ правительствомъ при выдачѣ гарантій, а именно, что отвѣтственность правительства вполне прекращается, коль скоро дорога будетъ доставлять въ теченіи 10-ти лѣтъ не менѣе 4% чистаго дохода, и что правительство за свою гарантію выговариваетъ себѣ въ вознагражденіе нѣкоторую долю барышей, превышающихъ 4% дохода отъ линій.

Обращаясь къ бюджету на 1870-й годъ, оказывается, что расходы по прусскимъ государственнымъ долгамъ простирались до 26.648,600 р. Къ этой, показанной въ бюджетѣ суммѣ, г. Заблоцкій причисляетъ еще платежныя обязательства, гарантіи по желѣзнымъ дорогамъ и приходящійся на долю Пруссіи расходъ по долгу сѣверо-германскаго союза; такимъ образомъ, съ причисленіемъ всѣхъ этихъ суммъ, весь раасходъ по государственному долгу составитъ 29.799,226 тал.

„При этомъ“, замѣчаетъ авторъ, „нельзя не принять во вниманіе, что значительная часть расходовъ по государственному долгу Пруссіи относится къ уплатѣ процентовъ и погашенія по займамъ на желѣзныя дороги, именно 10.223,511 тал., за исключеніемъ этой цифры, расходы по общему государственному долгу составятъ только 19.575,715 тал.“

О государственномъ долгѣ въ Россіи писано не мало, но только отрывочно;—мы не имѣемъ еще полной исторіи его, которая была бы въ высшей степени интересна во многихъ отношеніяхъ, и потому въ настоящее время ограничимся общими цифрами.

Въ росписи противъ статьи „по системѣ государственнаго кредита“ означается общая цифра расходовъ на уплату процентовъ, на погашеніе и на управленіе долговъ, — а въ смѣтѣ сверхъ того означается первоначальная цифра каждаго займа, остатокъ и расходъ, но не выводится общая цифра долговъ; цифру эту мы находимъ въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля, именно въ 1870-мъ году оставалось процентныхъ долговъ 1.235,730,507 р. и безпроцентныхъ (кредитныхъ билетовъ, непокрываемыхъ разнѣннымъ металлическимъ фондомъ) 567,972,166 р., а всего 1,803,708,673 р. Но въ эту

цифру не вошли 5% банковые билеты 1-го и 2-го выпуска, выкупныя свидетельства и 5½% рента, расходы по которымъ относятся не на общій бюджетъ, а на спеціальныя для того назначенныя средства, состоящія въ распоряженіи государственнаго банка; долги этого рода къ 1870-му году простирались до 514.213,014 руб. ¹⁾; съ присоединеніемъ этой цифры сумма государственнаго долга простиралась до 2.317,921,687 руб.

Останавливаясь только на процентныхъ долгахъ, заносимыхъ въ государственную роспись, мы видимъ, что сумма ихъ (1.235,730,507 р.) превышала исчисленные по бюджету 1870-го года обыкновенные государственные доходы (431.112,868 р.) въ 2,8 раза, и на душу народонаселенія въ 80 мил. приходилось 15 р. 37 к.

Что касается до расходовъ на уплату этого рода долговъ, то движеніе ихъ видно изъ слѣдующей таблицы. Назначено было на уплату процентовъ и погашенія:

	По росписи.	Дополнитель- ныхъ.	Всего.
Въ 1862 г.	54.296,187		
„ 1863 „	57.487,217		
„ 1864 „	59.637,803		
„ 1865 „	64.290,555		
„ 1866 „	64.239,373	6.618,273	75.857,647
„ 1867 „	74.512,658	4,142,122	78,654,780
„ 1868 „	77.205,932	2.299,421	79,505,353
„ 1869 „	76.906,249	6.778,889	83.685,139
„ 1870 „	78,972,094	7.074,806	86.046,901
„ 1871 „	82.185,008		
„ 1872 „	86.381,575		

Изъ приведенной таблицы видно, что одни бюджетные расходы по долгамъ въ теченіи 11-ти лѣтъ возросли почти на 60%; дѣйствительные расходы въ 1870-мъ году составляли почти 20% всѣхъ исчисленныхъ по бюджету расходовъ, и на 1 душу народонаселенія (считая его въ 80 мил. душъ) приходится около 1,07 руб.; въ 1862-мъ году расходъ этотъ составлялъ около 0,75 руб. на душу (принимая тогдашнее народонаселеніе въ 72 мил. душъ).

Эти цифры, конечно приблизительныя, доказываютъ однако несомнѣнно, что бремя долговъ увеличилось почти на 43%.

Судя же по дѣйствительнымъ расходамъ на государственный долгъ за 1866—1870 гг., нельзя сомнѣваться въ томъ, что эти расходы за 1871 и 1872 годы также значительно превзойдутъ бюджетныя назна-

¹⁾ Военно-статистическій «Сборникъ». Вып. IV. Россія, стр. 829.

ченія, что въ точности опредѣлится отчетомъ государственнаго контроля.

Въ число дополнительныхъ ассигнованій расходовъ на государственный долгъ, какъ видно изъ отчетовъ государственнаго контроля, входятъ доплаты отъ колебанія курса, при отсутствіи у насъ металлической валюты, а въ нѣкоторые годы и расходы по выкупу билетовъ государственныхъ займовъ въ то время, когда по состоянію заграничнаго курса оказывается это наиболѣе выгоднымъ; послѣдніе расходы не служатъ, конечно, къ обремененію государственнаго казначейства, но напротивъ того, уменьшая государственный долгъ, должны служить къ сокращенію расходовъ въ послѣдующіе годы.

Не останавливаясь на исторіи нашего государственнаго долга, замѣтимъ, что изъ числа долговъ, показываемыхъ въ смѣтѣ (на 1870 г.) по системѣ государственнаго кредита, значатся желѣзно-дорожные займы для сооруженія Николаевской дороги около 80 м. р. (5,500,000 ф. ст. и 42,000,000 р. с.), сверхъ того на тотъ же предметъ пошло около 72 м. р. изъ суммъ двухъ внутреннихъ займовъ съ выигрышами; всѣ прочіе займы пошли на удовлетвореніе общихъ государственныхъ потребностей, т.-е. на покрытіе дефицитовъ, составлявшихъ, какъ извѣстно, до настоящаго года хроническую болѣзнь нашихъ бюджетовъ.

Что касается до „текущаго“ долга, то къ нему должны быть отнесены: кредитные билеты, билеты государственнаго казначейства или серіи, билеты металлические государственнаго банка и вклады въ государственный банкъ; изъ нихъ первые (въ суммѣ непокрытаго размѣннымъ фондомъ), металлические билеты и серіи показываются въ смѣтѣ по системѣ государственнаго кредита, а сумму послѣднихъ можно видѣть только изъ отчетовъ государственнаго банка.

Къ 1871-му году состояло кредитн. билетовъ,	
выпущенныхъ въ обращеніе	715,809,884 р.
серій	216,000,000 р.
металлическихъ билетовъ государственнаго банка	54,788,100 р.
	<hr/>
	986,597,984 р.
процентные вклады государственнаго банка, его	
конторъ и отдѣленій	116,483,249 р.
	<hr/>
	1,103,081,233 р.

Такая цифра текущаго долга ясно показываетъ, что для нашего финансоваго управленія уже закрыта дальнѣйшая возможность прибѣгать, въ случаѣ нужды, къ этому кредитному ресурсу. Если мы не будемъ останавливаться на вкладахъ государственнаго банка, погашеніе которыхъ, до извѣстной степени, можетъ обезпечиваться представленными въ его распоряженіе ресурсами, и тогда цифра теку-

щаго долга, лежащаго непосредственно на казначействѣ (986,597,984 руб.) превышаетъ болѣе чѣмъ въ 2 раза сумму обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, а между тѣмъ для покрытія этого долга имѣлось къ 1 января 1871-го года въ разнѣнномъ фондѣ только 141,867,712 р. металломъ и 1,855,771 р. билетами 2-го 4½% вѣшняго займа, а всего 143,723,483 р. Уплата или отверженіе текущаго долга составляетъ одну изъ настоятельнѣйшихъ, а вмѣстѣ и труднѣйшихъ обязанностей, лежащихъ на нашемъ министерствѣ финансовъ. Въ прежнее время не у однихъ насъ достоинство такъ-называемыхъ финансистовъ цѣнилось по тому, насколько они успѣвали добывать деньги займами; теперь иначе смотреть на дѣло, потому что займы дѣлать вовсе дѣло не хитрое, и нисколько не требующее того, что называютъ финансовыми способностями. Занимаютъ теперь и Турція, и Египетъ и даже Тунисъ. Другое дѣло платить государственные долги и облегчать бремя ихъ для народа.

Исторія развитія нашего государственнаго долга какъ нельзя болѣе подтверждаетъ ту несомнѣнную истину, что кредитныя операціи бессильны противъ недостатковъ самой финансовой системы и не годятся къ искорененію постояннаго дефицита; для этого существуетъ другое средство и, какъ показываетъ примѣръ Пруссіи, гораздо болѣе дѣйствительное и притомъ вѣрное,—это измѣненіе самой финансовой системы. Измѣненіе это должно касаться какъ бюджета расходовъ, такъ и бюджета доходовъ, такъ какъ дефицитъ чаще всего происходитъ отъ неудовлетворительности обонхъ.

IV.

Въ числѣ такъ-называемыхъ въ прусскомъ бюджетѣ дотаций заключаются расходы на содержаніе королевскаго дома, именно 4,073,000 тал.; кромѣ этого, королевской фамиліи принадлежатъ имѣнія, составляющія 564,000 моргеновъ (около 150,000 десятинъ); если дѣйствительный доходъ съ этихъ имѣній положить вдвое болѣе противъ исчисленнаго по кадастру (325,000 тал.), то онъ будетъ составлять около 650,000 тал., вмѣстѣ съ которыми вся сумма доходовъ короля и всего королевскаго дома будетъ составлять около 4,700,000 тал.

Подъ рубрикою „удѣловъ“ значатся еще въ прусскомъ бюджетѣ въ отдѣлѣ расходовъ государственнаго управленія 430,418 тал., назначенные курфюрсту гессенскому, нассаускому герцогу и королевской датской фамиліи за потерянные ими владѣнія вслѣдствіе событій 1866-го года. Кромѣ того къ этой категоріи расходовъ слѣдуетъ отнести 801,443 т. на ренты и вознагражденія за разныя отнятыя права и пользованія князей и имперскихъ чиновъ и на вознагражденіе Даніи за отнятую зундской пошлыны.

Къ дотациямъ же отнесены расходы на законодательныя палаты, именно на палату господъ 40,910 тал. собственно на канцелярію, ибо члены палаты ничего не получаютъ, и на палату уполномоченныхъ 243,100 тал., на канцелярію и суточные деньги депутатамъ, получающимъ по 3 талера въ день во время засѣданій палаты уполномоченныхъ.

Въ итогѣ всѣ такъ-называемыя дотации, составляли по прусскому бюджету 1870-го года 5,588,860 тал.

Соотвѣствующими этимъ расходамъ въ нашемъ бюджетѣ оказываются: расходъ по министерству императорскаго двора, по росписи на 1872-й годъ въ 8,953,679 рублей ¹⁾, и кромѣ того доходъ, приносимый удѣльными имѣніями и принадлежащими Кабинету; удѣльныя имѣнія составляютъ около 7,500,000 десятинъ, получаемый съ нихъ доходъ неизвѣстенъ, кромѣ дохода съ 862,740 душевыхъ крестьянскихъ надѣловъ въ количествѣ 4,336,454 десят. ²⁾, за которыя и выдается ежегодно изъ государственнаго казначейства рента въ количествѣ 3,000,000 рублей, пополняемая выкупными платежами; что же касается до алтайскихъ и нерчинскихъ приисковъ и горныхъ заводовъ, то хотя приносимый ими доходъ неизвѣстенъ, но о немъ можно приблизительно судить по слѣдующему количеству металловъ, выпработанныхъ на этихъ заводахъ и приискахъ въ 1866 и 1867-мъ годахъ: промыто золота 155 пуд., цѣнность котораго превышала 2 мил. р., выплавлено серебра 994 п., стоимостью около 900 тыс. р., выплавлено свинца 101,000 пуд. стоимостью около 200 тыс. р., мѣди 33,000 пуд. на 350 тыс. рублей, чугуна и желѣза болѣе 146,000 пуд. на 100 тыс. рублей; изъ этихъ суммъ валового дохода слѣдуетъ исключить значительныя издержки по добыванію металловъ, въ особенности серебра ³⁾.

Къ этой же категоріи расходовъ, слѣдую системѣ прусскаго бюджета, относятся: вознагражденіе разнымъ лицамъ Закавказскаго края за потерянные ими имѣнія, права и привилегіи, какъ-то наслѣдникамъ шамхала Тарковскаго, князю Георгію Шервашидзе, бекамъ Бакинской области, а также особыя пожизненныя пенсіи, производимыя азіатцамъ, всего по смѣтѣ на 1871-й годъ 183,145 рублей.

Подъ названіемъ пенсій и пособій въ прусскомъ бюджетѣ разумѣются не только постоянныя и временныя вспомошествованія казны лицамъ гражданскаго и военнаго вѣдомства и ихъ вдовамъ и сиротамъ.

¹⁾ Въ эту сумму, кромѣ издержекъ собственно на дворъ, входятъ расходы на содержаніе театровъ, академіи художествъ, капитула орденовъ и нѣкоторые другіе предметы, которые въ прусскомъ бюджетѣ не ложатся на счетъ такъ-называемыхъ дотаций.

²⁾ Военно-статистическій сборникъ. Выпускъ IV. Россія, стр. 196.

³⁾ Тамъ же, стр. 287—306.

тамъ за коронную службу, но и ежегодныя субсидіи, отпускаемыя правительствомъ вспомогательнымъ кассамъ рабочихъ. Какъ это обстоятельство, такъ и отсутствіе по прусскимъ законамъ пенсій вдовамъ и сиротамъ чиновниковъ прямо указываетъ, насколько прусское правительство считаетъ своею обязанностью помогать только лицамъ, дѣйствительно трудившимся на пользу страны. При такомъ взглядѣ на значеніе пенсій, самый размѣръ этого пособия въ Пруссіи настолько значителенъ, что представляетъ дѣйствительную поддержку лицамъ, потерявшимъ свои силы отъ продолжительнаго труда.

Въ бюджетѣ на 1870-й годъ на пенсіи гражданскимъ чиновникамъ ассигновано 4,343,657 тал., кромѣ того на пенсіи земскимъ жандармамъ 237,187 тал., такъ что весь кредитъ на пенсіи по гражданскому вѣдомству составлялъ въ 1870-мъ году 4,580,744 тал.

Для пособия вдовамъ и сиротамъ чиновниковъ, неимѣющимъ права на пенсіи, существуютъ особыя вспомогательныя кассы, которымъ казна отпускаетъ болѣе милліона талеровъ въ годъ, а остальная часть расходовъ этихъ кассъ покрывается членскими взносами.

Также поступаетъ прусское правительство и въ отношеніи къ особой вдовьей кассѣ министерства юстиціи, которой отпускается 21,300 тал. и къ кассамъ рабочихъ на горныхъ и соляныхъ промыслахъ, годовая субсидія которымъ составляла въ 1870-мъ году 248,241 тал.

Наконецъ ассигнуются еще особыя суммы по всѣмъ министерствамъ, въ количествѣ 208,538 тал. на вспомошествованіе служащимъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ.

Пенсіи для военныхъ чиновъ, которыя до 1868 года заносились по военному министерству и составляли въ послѣдніе годы болѣе 4 мил. тал., кромѣ 300,000 тал., расходовавшихся на содержаніе военно-сиротскаго дома въ Потсдамѣ и на военную вдовью кассу, перешли съ 1868 года въ бюджетъ сѣверо-германскаго союза; по этому бюджету на 1870-й годъ назначено на инвалидовъ и пенсіи 6,725,231 тал. Касса сѣверо-германскаго союза пополняется, какъ извѣстно, разными косвенными сборами, а сумма, недостающая на расходы союза разлагается между союзными государствами пропорціонально народонаселенію и вносится ими въ союзную кассу подъ именемъ матрикулярнаго вноса. Вноса этого занесено расходомъ въ бюджетъ Пруссіи на 1870-й годъ въ количествѣ 18,851,463 тал.

Говоря о расходѣ на пенсіи и пособія лицамъ гражданского вѣдомства, нельзя не обратить вниманія на то, что расходъ этотъ, строго говоря, конечно, непроизводительный, оправдывается значительно добросовѣстною дѣятельностью прусскаго чиновничества, тѣми требованіями, которыя предъявляетъ правительство къ каждому лицу, желающему занять какое бы то ни было мѣсто въ государственной службѣ, и тѣми условіями, которыми служба эта обставлена.

„Прусскую администрацію—замѣчаетъ г. Заблоцкій (Т. I, стр. 110)—поддерживаютъ главнымъ образомъ три условія: порядокъ приѣма въ государственную службу, порядокъ повышенія въ содержаніи и должностяхъ и наконецъ отстраненіе произвола въ увольненіи чиновниковъ отъ службы.

„Въ числѣ условій приѣма на службу, главное составляетъ, независимо отъ общаго образованія, рядъ специальныхъ испытаній, которые даютъ возможность правительству избирать чиновниковъ изъ людей не только образованныхъ, но и специально, дѣловымъ образомъ приготовленныхъ“. Насколько эти испытанія имѣютъ серьезное значеніе видно, напримѣръ, изъ того, что для занятія высшихъ должностей по финансовому управленію требуется знаніе: государственнаго права, основаній политической экономіи, полицейскаго и финансоваго права и общее знакомство съ вспомогательными камеральными науками, особенно съ сельскимъ хозяйствомъ.

„Тѣ труды и пожертвованія, которые вступающій въ службу долженъ употребить для приготовленія къ ней, вознаграждаются для него содержаніемъ, вообще говоря умѣреннымъ, но, главное, обезпеченностью его и надеждою на большее содержаніе. При повышеніи окладовъ на одной и той же должности соблюдается старшинство; такая система имѣетъ несомнѣнныя выгоды не только для служащихъ, но и для администраціи вообще. Она привязываетъ служащихъ къ мѣсту на болѣе долгое время; служащій не побуждается искать улучшенія матеріальнаго положенія перемѣною рода дѣятельности, или мѣста службы; поэтому въ Пруссіи примѣры долговременной службы на одномъ и томъ же мѣстѣ 10, 15 лѣтъ весьма обыкновенны; это въ свою очередь снабжаетъ прусскую администрацію людьми опытными, знакомыми съ своими обязанностями, мѣстными условіями и требованіями самого дѣла до мельчайшихъ подробностей. Наконецъ независимость не только судебнаго, но и административнаго чиновника охраняется тѣмъ, что въ увольненіи его произволъ начальства почти не играетъ никакой роли; помимо своего желанія, чиновникъ можетъ быть уволенъ лишь вслѣдствіе дисциплинарнаго изслѣдованія и суда“.

Право на пенсіи для чиновниковъ начинается послѣ 15-ти лѣтъ службы; въ основаніе размѣра пенсій принимается содержаніе, которое получалъ чиновникъ при увольненіи отъ службы; прослужившій 15-ть лѣтъ имѣетъ право на пенсію, равняющуюся $\frac{4}{16}$ оклада содержанія, затѣмъ за каждые 5-ть лѣтъ службы прибавляется $\frac{1}{16}$ и т. д., такъ что за 50-ти-лѣтнюю службу назначается въ пенсію $\frac{11}{16}$ и наконецъ за свыше 50-ти-лѣтнюю $\frac{12}{16}$. Наибольшій размѣръ оклада, который можетъ быть принятъ въ расчетъ при назначеніи пенсіи, составляетъ 4,000 тал., и слѣдовательно высшій размѣръ пенсіи можетъ быть въ 3,000 тал. Впрочемъ въ послѣднее время, съ 1856-го года постанов-

лено для чиновниковъ, получавшихъ при отставкѣ содержаніе болѣе 4,000 рублей, принимать въ расчетъ при назначеніи пенсін еще и половину такого избытка.

Въ нашемъ бюджетѣ расходъ „на пенсін и пособія чинамъ, вдовамъ и сиротамъ“ опредѣленъ по росписи на 1872-й годъ въ суммѣ 23,137,033 руб.

Вся эта сумма назначается исключительно за коронную службу какъ лицамъ, которые сами несли эту службу, такъ и ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Въ нашемъ бюджетѣ нѣтъ расхода на пенсін или пособія рабочимъ, потому что наши законы признаютъ трудомъ, дающимъ право на пенсію, или пособіе отъ государства, только коронную службу, и во всемъ обширномъ положеніи о пенсіяхъ едва ли найдется еще кто-нибудь, кромѣ „каменнаго дѣла мастера въ комиссіи о построеніи Исаіевскаго собора“, который пользовался бы правами на пенсію или пособіе отъ правительства не принадлежа ни къ военному вѣдомству, ни къ разряду чиновниковъ.

Обеспечивая пенсіей участь лицъ, состоящихъ на коронной службѣ, нашъ законъ не предъявляетъ даже къ лицамъ, поступающимъ на гражданскую службу какихъ-нибудь особенно строгихъ условій, которыя бы обеспечивали полезную ихъ дѣятельность и окупали тѣ издержки, которыя несетъ на чиновничество государство въ видѣ жалованья и пенсій.

Закономъ (ст. 1187 т. III) требуются отъ каждаго лица, состоящаго въ гражданской службѣ только слѣдующія качества: „1) здравый разсудокъ, 2) добрая воля въ отправленіи порученнаго, 3) челоувѣколюбіе, 4) вѣрность въ службѣ его императорскаго величества, 5) усердіе къ общему добру, 6) радѣніе о должности, 7) честность, безжорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ, 8) правый и равный судъ всякому состоянію, 9) покровительство невинному и скорбящему“. Кромѣ этихъ качествъ, присущихъ болѣе или менѣе всякому порядочному христіанину, не требуется никакихъ особенныхъ данныхъ отъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, даже на такихъ должностяхъ, гдѣ несомнѣнно нужна специальная подготовка. Такой взглядъ на государственную службу, противъ котораго возставалъ еще Сперанскій, до такой степени вѣлся въ нашу государственную жизнь, что его не могутъ искоренить даже новѣйшія преобразованія; такъ, напримѣръ, съ изданіемъ судебныхъ уставовъ, требующихъ отъ судей юридическаго образованія, казалось, должно было прекратиться назначеніе по судебному вѣдомству лицъ безъ такой необходимой подготовки. Ни чуть небывало: по прежнему на судейскія должности, отъ низшихъ до высшихъ, назначаются лица, не только безъ юридическаго образованія, но даже и не кончившіе курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если это совершается въ судебномъ вѣдомствѣ, гдѣ, казалось

бы, шагу нельзя сдѣлать безъ спеціальнаго образованія, то по другимъ частямъ управленія пополненіе ихъ лицами, вовсе къ принимаемому на себя дѣлу не подготовленными, должно производиться постоянно и систематически, чѣмъ и объясняется, въ значительной степени, многочисленность нашего чиновничества. Да едва ли, впрочемъ, и могутъ быть требуемы какія-нибудь особыя познанія въ лицѣ, посвящающихъ себя государственной службѣ при тѣхъ условіяхъ, какими она обставлена. За исключеніемъ только судей, всѣ остальные лица гражданскаго вѣдомства могутъ быть увольняемы отъ должности по одному усмотрѣнію ихъ начальствъ, замѣщеніе высшихъ мѣстъ точно также зависитъ отъ усмотрѣнія начальства; понятно, что при такомъ условіи ни старшинство, ни особыя познанія или даже высокія дарованія не могутъ имѣть особаго значенія; содержаніе, правда, въ послѣднее время дается служащимъ довольно значительное, но это содержаніе преимущественно увеличено въ высшихъ должностяхъ и учрежденіяхъ, а въ низшихъ оно настолько еще мало, что безъ постороннихъ занятій не даетъ возможности существовать. Наконецъ пенсіи и пособія, на которыя государство тратитъ значительныя суммы, въ дѣйствительности нисколько не служатъ вознагражденіемъ за потраченные на службѣ силы и труды.

Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить прежде всего вниманія на то, что пенсіями пользуются не только сами чиновники, но еще и ихъ вдовы и дѣти, которыя никакой государственной службы не несли; самый срокъ службы, дающій право на пенсію, гораздо продолжительнѣе, нежели въ Пруссіи, такъ какъ право это пріобрѣтается только послѣ 20-ти лѣтъ службы; наконецъ размѣръ пенсій, выдаваемой какъ самому чиновнику, такъ и его вдовѣ и дѣтямъ весьма незначителенъ. Этотъ размѣръ опредѣляется по девяти разрядамъ, къ которымъ отнесены различныя должности, причемъ высшій размѣръ пенсій, полагаемой чиновнику, занимающему мѣсто сенатора или товарища министра, за 35 лѣтъ службы полагается въ 1143 р. 60 к. въ годъ, а вдовѣ его половина этой суммы, низшій же размѣръ пенсій опредѣленъ самому чиновнику послѣ 35 лѣтъ службы въ 85 р. 80 к., а вдовѣ его половина.

Правда, что такіе нормальные оклады пенсій значительно возвышаются по особымъ распоряженіямъ, правда также, что есть вѣдомства, въ которыхъ сокращены сроки службы на пенсію и самыя пенсіи гораздо значительнѣе не взирая на то, что отъ лицъ, служащихъ въ этихъ вѣдомствахъ не требуется ни особыхъ познаній, ни спеціальной подготовки, каковы, напримѣръ, учрежденія императрицы Маріи, министерство двора, капитулъ орденовъ и нѣкоторыя другія; но говоря объ общемъ, закономъ установленномъ порядкѣ назначенія и размѣра пенсій нельзя не замѣтить, что порядокъ этотъ настолько

неудовлетворителенъ, что дѣлаетъ самый расходъ, ежегодно значительно возрастающій, весьма мало производительнымъ.

Судить о прогрессивномъ возрастаніи этого расхода можно по слѣдующимъ даннымъ: въ 1828-мъ году расходъ на пенсіи составлялъ 2.865,536 р., которые выдавались 26,092 пенсіонерамъ; а въ 1-му іюня 1870-го года всѣхъ пенсій и пособій выдавалось уже 18.630,125 рублей; изъ этой суммы приходилось на долю самихъ 125,096 служившихъ лицъ 11.610,191 р. (въ томъ числѣ 77,030 лицамъ военнаго и морского вѣдомствъ 6.570,835 руб.) и 56,894 вдовамъ и дѣтямъ 7.119,932 р. (въ томъ числѣ по военному и гражданскому вѣдомствамъ 3.977,069).

Несмотря однако на громадность этого расхода, средняя годовая выдача по числу лицъ, получавшихъ ее въ 1870-мъ году, составляла всего около 102 рублей въ годъ, сумма ничтожная, похожая скорѣй на милостыню, нежели на пенсію.

Для того, чтобы расходъ на пенсіи и пособия былъ сколько-нибудь производителенъ и не обременялъ собою безплодно государственную казну, нужно прежде всего убѣдиться въ необходимости оказывать дѣйствительную помощь только тѣмъ лицамъ, которые трудились на пользу страны и не содержатъ на счетъ казны, на службѣ, бесполезныхъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо нужно не ограничиваться одними измѣненіями устава о пенсіяхъ, чѣмъ уже и занимается теперь особая коммиссія, но еще прежде того, говоря словами указа 3-го апрѣля 1809-го года „утвердить и укоренить ту необходимую истину, что каждый родъ службы требуетъ исполнителей, опытностію и постепеннымъ прохожденіемъ ея приготовленныхъ, что переходъ и внезапное помѣщеніе изъ одной службы въ другую всегда сопряжено бываетъ съ важными неудобствами, и что въ благоустройству разныхъ частей необходимо нужно, чтобы каждый, при самомъ вступленіи въ обязанности [общественныя, избралъ и предназначилъ себѣ родъ службы, военной или гражданской, и, сходственно сему избранію, образуясь въ той или другой, ученіемъ или опытами, слѣдовалъ бы своему назначенію неуклонно“.

V.

Къ расходамъ по охраненію внутренней и внѣшней безопасности, по существу своему необходимымъ, на самыя основныя потребности государства, относятся издержки: на судебныя учрежденія, на полицію, на вооруженныя силы и на внѣшнія сношенія.

До 1849-го года судебная часть въ Пруссіи сохраняла старинное устройство, но въ этомъ году уничтожена частная юрисдикція и при-

вилегированные суды, и вмѣстѣ съ тѣмъ введено устное и публичное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Суды въ Пруссіи имѣютъ три инстанціи: высшую составляетъ главный судъ, вторую—апелляціонные суды, камеръ-герихтъ въ Берлинѣ, судебный сенатъ въ Эренбрейтштейнѣ и трибуналъ въ Кёнигсбергѣ, наконецъ нисшую инстанцію составляютъ суды первой степени, въ старыхъ и западныхъ провинціяхъ, а въ прочихъ—суды мировые, торговые, окружные и полицейскіе.

Сверхъ того существуютъ еще особые суды, именно: 1) судъ для разрѣшенія вопросовъ о пререканіяхъ, 2) дисциплинарный судъ, 3) высшій судебный совѣтъ, коему подлежатъ члены королевской фамилии и гогенцоллернскаго княжескаго дома; но изъ этихъ учреждений первыя два принадлежать къ составу государственнаго министерства, гдѣ и показываются издержки на ихъ содержаніе, всего 2.210 тал., высшій же судебный совѣтъ образуется только временно, изъ членовъ камергерихта и потому на него никакихъ издержекъ не полагается.

Сознавая, что судъ составляетъ основаніе учреждений, ограждающихъ безопасность и спокойствіе общества, прусское правительство постоянно увеличиваетъ расходы на судебную часть и преимущественно на содержаніе судебныхъ учреждений; по бюджету на 1870 годъ на этотъ предметъ было ассигновано 17.701,968 тал., т.-е. $7\frac{1}{2}\%$ всѣхъ государственныхъ расходовъ, или по 0,74 тал. (81 коп. сер.) съ cadaго жителя Пруссіи.

Общая сумма издержекъ въ 1870-мъ году распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Министерство юстиціи.	129,950 тал.
Главный судъ.	208,450 "
Главный апелляціонный судъ	54,740 "
Суды второй инстанціи	1.858,520 "
Суды первой инстанціи	11.213,976 "

Въ нашемъ бюджетѣ издержки на судебную часть занимали всегда весьма не видное мѣсто, значительно отставая отъ дѣйствительныхъ потребностей государства. Только въ послѣднее десятилѣтіе цифра расходовъ на судебную часть замѣтно увеличивается и съ $4\frac{1}{2}$ мил. достигаетъ 9 мил., а на 1872-й годъ ассигновано на министерство юстиціи (за исключеніемъ расходовъ на межевую часть и училище правовѣдѣнія) 9.335,819 р., что не составляетъ и 2% всѣхъ государственныхъ расходовъ, или по числу населенія менѣе 12 коп. на cadaго жителя. Въ будущемъ, когда новыя судебныя учрежденія охватятъ всю имперію, расходъ этотъ, конечно, увеличится, но онъ все же далеко не обезпечитъ государству пользованіе истиннымъ правосудіемъ, если только не измѣнится самый взглядъ правительства на дѣло юстиціи.

Судебное преобразованіе увеличило, правда, расходы на содержаніе судебного персонала, до того предоставленнаго снискивать себѣ пропитаніе всякими законными и незаконными средствами. При составленіи судебныхъ уставовъ имѣлось даже въ виду „привлечь на службу по судебному вѣдомству и удержать въ немъ.лицъ, достойныхъ носить высокое званіе судей и другихъ судебныхъ чиновъ“. Для достиженія этой цѣли считалось необходимымъ выборъ лицъ по судебному вѣдомству дѣлать съ особенною осмотрительностью, а самую службу обставить „соотвѣтственными ея важности преимуществами“, въ числу которыхъ, главнымъ образомъ, отнесены самостоятельность судей и обезпеченіе ихъ средствъ къ жизни.

Теперь, когда судебные уставы уже дѣйствуютъ въ большой части Россіи, можно нѣсколько видѣть, — насколько достигаются цѣли уставовъ. Не считая нужнымъ касаться того, — насколько выборъ лицъ по судебному вѣдомству дѣлается осмотрительно, такъ какъ объ этомъ предметѣ уже достаточно много было высказано въ нашей періодической печати, мы замѣтимъ только, что самостоятельность судей и ихъ матеріальное содержаніе едва ли можно признавать обезпеченными. Не будучи строгими пуристами и не указывая даже на примѣръ Англіи, гдѣ самостоятельность судей настолько охраняется отъ всякихъ соблазновъ, что имъ даже не позволяется пріѣзжать ко двору болѣе одного раза, когда они являются для представленія ¹⁾), нельзя не видѣть, что ежегодно получаемыя лицами судебного вѣдомства чины и награды вовсе не охраняютъ судей отъ „зависимости отъ лицъ аттестующихъ и представляющихъ къ наградамъ“, чего именно хотѣли избѣгнуть судебные уставы.

При отсутствіи правильной, нормальной служебной карьеры и при частыхъ, совершенно случайныхъ назначеніяхъ на тѣ и другія высшія должности, лица, не обуреаемыя страстью къ повышеніямъ, могли бы удерживаться на мѣстахъ единственно обезпеченіемъ ихъ средствъ къ жизни. Но содержаніе, казавшееся достаточнымъ до 1864-го года, при составленіи судебныхъ уставовъ, теперь, послѣ увеличенія содержанія по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, кромѣ судебного, представляется уже малымъ. Какъ средство удержать въ судебномъ вѣдомствѣ лицъ знающихъ и опытныхъ и не давать имъ желанія переходить въ другія вѣдомства, при составленіи судебныхъ уставовъ предполагалось увеличивать содержаніе судей прибавкою опредѣленной части жалованья по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ службы въ одной и той же должности. Но при окончательномъ обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ этого вопроса, разрѣшеніе его было отложено; поэтому въ уставы не включено правило о прибавкахъ, но вмѣстѣ съ

¹⁾ Gneist, I. 495.

тѣмъ предоставлено министру юстиціи войти въ свое время съ представленіемъ о томъ, если это окажется дѣйствительно полезнымъ и необходимымъ ¹⁾).

До сихъ поръ, сколько извѣстно, министерство юстиціи не находило „полезнымъ и необходимымъ“ поднимать этого вопроса, несмотря на то, что постоянно довольно значительное число лицъ оставляетъ судебное поприще и переходитъ въ другія вѣдомства, гдѣ лучше оцѣнивается трудъ, познанія и судейская опытность, такъ, что если теперешнее положеніе судебной части будетъ продолжаться, то въ самое непродолжительное время судебныя учрежденія обѣднѣютъ знающими и опытными людьми, замѣнить которыхъ будетъ нечѣмъ. Къ сожалѣнію центральное управленіе министерства не обращаетъ на это вниманія и всѣ свои заботы сосредоточиваетъ исключительно на себѣ. Это видно преимущественно изъ постоянно возрастающихъ расходовъ на центральное управленіе, которые, конечно, производительными назвать нельзя. Нѣтъ сомнѣнія, что со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, дѣятельность министерства все суживается и дѣлается чисто административною, а между тѣмъ расходы на это управленіе все возрастаютъ. Такъ, по росписи на 1865-й годъ, въ періодъ самой усиленной дѣятельности министерства юстиціи на него было ассигновано 143,783 руб., въ 1871-мъ году было назначено 157,891 р., а на 1872-й годъ 237,900 р.

Высшее завѣдываніе полиціею, въ Пруссіи, принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ; въ губерніяхъ полицейскими дѣлами завѣдываетъ отдѣленіе губернскаго правленія; въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ правительственныя учрежденія — президенты и дирекціи полиціи, въ другихъ же городахъ полиція лежитъ на магистратѣ, или на бургомистрахъ; въ округахъ, или уѣздахъ, полицейскія обязанности лежатъ на ландратахъ, а въ сельскихъ общинахъ на старшинахъ и ихъ помощникахъ. Корпусъ земскихъ жандармовъ также принадлежитъ къ составу общей полиціи, подчиненной министерству внутреннихъ дѣлъ.

Содержаніе полиціи не все ложится на государственный бюджетъ: правительство принимаетъ на себя издержки только по содержанію полицейскихъ чиновъ имъ опредѣляемыхъ (въ этомъ отношеніи главную статью составляетъ расходъ на содержаніе полиціи въ Берлинѣ, на что отпускается отъ правительства 620,626 тал. и изъ городской казны 143,793 тал., всего 764,419 талеровъ) и частью оказываетъ пособіе нѣкоторымъ городамъ на содержаніе въ нихъ полиціи. Содержаніе 448-ми ландратовъ и корпуса жандармовъ принимается вполнѣ на счетъ казны.

¹⁾ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, издан. государственною канцеляріею Ч. III, стр. 163 и 164.

Кромѣ того правительство содержитъ на свой счетъ 64 мѣста заключенія и исправительныхъ заведеній, въ которыхъ можетъ помѣщаться 25,905 человѣкъ.

Такимъ образомъ расходы на полицію по бюджету 1870-го года составляли:

на личный составъ министерства внутреннихъ дѣлъ	133,550 тал.
„ общіе расходы	153,369 „
„ полицейское управленіе	1,418,881 „
„ содержаніе ландратовъ	1,938,447 „
„ корпусъ земскихъ жандармовъ	1,689,514 „
„ тюремныя и исправительныя заведенія	2,676,735 „
всего	8,010,496 тал.

Независимо отъ расходовъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе, въ большей части государствъ вѣдомство полиціи считаетъ необходимымъ имѣть еще въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе значительныя суммы на такъ-называемыя „секретныя издержки“, которыя Рау ¹⁾ относитъ къ расходамъ „достойнымъ сожалѣнія.“

Пруссія также не избѣгла „секретныхъ издержекъ“; на этотъ предметъ ассигнуется по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ всего 40,000 тал.; къ этой же категоріи расходовъ можно, пожалуй, отнести также и ассигнуемые по смѣтѣ государственнаго министерства „на диспозицію для общихъ политическихъ цѣлей“ 31,000 тал.

У насъ завѣдываніе полиціей распределяется по двумъ вѣдомствамъ: III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, на которое на 1872-й годъ назначено 248,015 р., вѣдаетъ высшей полиціей и ему подчиненъ корпусъ жандармовъ, содержаніе котораго относится къ военному вѣдомству, министерство же внутреннихъ дѣлъ завѣдываетъ обыкновенной городской и губернской полиціей и кромѣ того получаетъ по смѣтѣ особыя суммы „на содержаніе тайной полиціи.“ Но такъ какъ на министерствѣ внутреннихъ дѣлъ лежатъ, кромѣ полиціи, обязанности и по другимъ отраслямъ внутренняго управленія, то изъ общей цифры расхода въ 26,437,580 р. на полицію слѣдуетъ отнести приблизительно слѣдующіе расходы:

центральная администрація	1,335,749 р.
цензурное управленіе	258,450 „
губернская администрація	12,775,475 „
препровожденіе арестантовъ	1,842,511 „
всего	16,207,185 р.

Эта цифра, не вполне вѣрно выражающая собою государственные расходы на полицію, гораздо менѣе дѣйствительно издерживаемой на

¹⁾ Основныя начала финансовой науки, К. Рау, переводъ Корсака. Т. I, стр. 58.

этотъ предметъ по статьямъ соотвѣтствующимъ разнымъ расходамъ на полицію по прусскому бюджету. У насъ также не весь расходъ на полицію ложится на государственную казну, а значительная часть его падаетъ на города и земство. Въ этомъ отношеніи расходъ на полицію въ столицахъ у насъ гораздо обременительнѣе и несоразмѣрнѣе ложится на городскихъ жителей; въ Берлинѣ, какъ мы видѣли, только $\frac{1}{6}$ расхода на полицію ложится на городъ, а въ Петербургѣ, тратящемъ на полицію едва ли не вдвое больше Берлина, хотя число жителей въ немъ меньше, изъ государственнаго казначейства отпускается всего 150,000 руб., а городскими жителями приплачивается болѣе милліона рублей, кромѣ квартиръ, занимаемыхъ полицейскими управленіями.

Кромѣ того въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ подъ рубрикою „препровожденіе арестантовъ“, разумѣются издержки и на содержаніе различныхъ мѣстъ заключенія, всего въ количествѣ 1,842,511 рублей; въ эту сумму входитъ также издержка въ 75,000 р., „на содержаніе и пособіе высланнымъ“, разумѣя, вѣроятно, подъ „высланными“ лицъ, сосланныхъ не по судебнымъ приговорамъ, однородной съ которою не находится вовсе въ прусскомъ бюджетѣ. Впрочемъ существенное отличіе прусскаго бюджета отъ нашего, относительно расходовъ на содержаніе мѣстъ заключенія, состоитъ въ томъ, что у насъ расходъ этотъ главнымъ образомъ ложится на земство, тогда какъ въ Пруссіи мѣста заключенія содержатся изъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Расходы по охраненію внѣшней безопасности, т.-е. издержки на военное и морское министерства точно также, какъ и издержки по внѣшнимъ сношеніямъ, т.-е. на министерство иностранныхъ дѣлъ съ 1868-го года не входятъ болѣе въ бюджетъ Пруссіи, а перешли въ бюджетъ сѣверо-германскаго союза.

Нѣтъ сомнѣнія, что расходъ на военныя силы есть самый непроизводительный изъ всѣхъ государственныхъ расходовъ; онъ не только отнимаетъ громадныя суммы отъ другого, болѣе полезнаго, употребленія, но еще, путемъ содержанія постоянныхъ армій, лишаетъ страну тысячи работниковъ, способныхъ приносить странѣ своимъ трудомъ дѣйствительную пользу. Несомнѣнно также, что для Россіи болѣе, чѣмъ для всякаго другого европейскаго государства, тяжело жертвовать на содержаніе военныхъ силъ третью часть всѣхъ своихъ доходовъ, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ производительно для благоустройства и благосостоянія страны. Но съ другой стороны нельзя не видѣть, что постоянно возрастающія военныя силы всѣхъ европейскихъ державъ вынуждаютъ и Россію, въ видахъ государственной безопасности, содержать армію гораздо болѣе многочисленную, нежели какая нужна странѣ въ мирное время. Весь вопросъ относительно

расходовъ на военныя силы, по неволѣ, долженъ сводиться къ тому: не слишкомъ ли велики наши расходы на военныя издержки сравнительно съ сосѣднимъ государствомъ, Германіей.

Нынѣшняя Германія будетъ имѣть въ мирное время армію въ 401,659 чел. и военный бюджетъ въ 90,375,275 тал., а въ военное время армія будетъ доходить до 1,152,000 человекъ. Эта военная сила охраняетъ территорію въ 9972 квадр. милл, заключающую въ изобиліи всѣ средства къ обезпеченію жизни народа, перерѣзанную превосходными путями сообщенія, изъ которыхъ однѣхъ желѣзныхъ дорогъ 17,600 верстъ и населенную 40-ка милліонами жителей, живущихъ въ зажиточныхъ селеніяхъ и городахъ, гдѣ армія всегда можетъ найти всѣ средства къ продовольствію.

Россія въ настоящее время содержитъ армію въ 800,000 чел., которая на случай войны можетъ быть доведена до 1,375,000 чел. Эта военная сила, стоящая государству, по бюджету на 1872-й годъ, 156,604,116 р., должна защищать государство, занимающее 375,000 квадр. милл, изъ которыхъ въ одной Европѣ въ десять разъ больше, чѣмъ во всей Германіи, имѣющее всего около 12,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ изъ центра государства на югъ, къ западной границѣ и Балтійскому морю, весьма не много шоссеиныхъ дорогъ и остальные самые первобытные пути сообщенія, государство, имѣющее 80 милліоновъ жителей, рѣдко населяющихъ убогія села и ничтожные въ промышленномъ отношеніи города и стоящихъ на низшей степени развитія и благосостоянія.

Сравнивая положеніе обоихъ государствъ, нельзя не убѣдиться, насколько невѣрны нападки иностранныхъ газетъ на Россію за слишкомъ многочисленную, сравнительно съ другими европейскими государствами, армію. При этомъ не мѣшаетъ вспомнить, что 20 лѣтъ тому назадъ наша постоянная армія доходила, въ 1852-мъ году, въ мирное время до 1,300,000 человекъ, т. е. превышала нынѣшнюю нашу армію ровно на то количество людей (500,000 человекъ), какое составляетъ теперь всю нашу регулярную армію, стоящую въ европейской Россіи, гдѣ на квадратную милю придется, поэтому, менѣе 5 солдатъ, тогда какъ въ Германіи ихъ придется на милю болѣе 40, а въ Австріи около 25-ти.

Съ тѣхъ поръ, какъ крымская война уничтожила всѣ иллюзіи о нашей всеокрушающей силѣ, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ европейскія государства наперерывъ одно передъ другимъ стали не только увеличивать свои арміи, но еще совершенствовать ихъ, съ тѣхъ поръ наконецъ, какъ прусская армія, состоящая изъ здоровыхъ и грамотныхъ солдатъ, надѣленныхъ превосходнымъ оружіемъ, сдѣлалась образцомъ хорошо организованной военной силы,—нашему правительству предстояли не только громадные расходы, но еще большой трудъ и

умѣнье для того, чтобы довести русскую армію до такого состоянія, при которомъ она могла бы соперничать съ любой изъ иностранныхъ армій. И нужно правду сказать, что въ этомъ отношеніи наши военные расходы тратились производительнѣе и все то, чего можно было достигнуть въ какіе-нибудь десять лѣтъ, вполне достигнуто.

Если обратиться къ сравненію нашихъ расходовъ по содержанію арміи съ тѣми же расходами въ Германіи (по бюджетамъ 1870-го года), то окажется, что по нѣкоторымъ предметамъ издержки весьма умѣренны. Такъ, напримѣръ, продовольствіе солдатъ обходилось въ Германіи болѣе 47-ми рублей на человѣка, тогда какъ у насъ оно обходилось прежде съ небольшимъ въ 37 рублей, а теперь, послѣ того какъ признано было необходимымъ улучшить пищу солдатъ, нѣсколько болѣе; одежда и обувь солдатъ у насъ также обходится дешевле, чѣмъ въ Германіи: у насъ этотъ расходъ составляетъ около 15-ти, а въ Германіи около 21-го рубля на человѣка; жалованье нашимъ офицерамъ и солдатамъ до послѣдняго времени было совершенно ничтожно: такъ, въ среднемъ выводѣ, содержаніе офицера составляло у насъ 524 р.; а въ Германіи 772 р., полный же окладъ рядового у насъ составляетъ всего 2 р. 70 коп., а въ Германіи 36 талеровъ; на будущее время жалованье нашимъ офицерамъ увеличится, на что по бюджету на 1872-й годъ прибавлено $3\frac{1}{2}$ милліона, но очевидно, что увеличеніе содержанія скоро потребуется и для солдатъ.

По нѣкоторымъ же статьямъ наши расходы значительнѣе, чѣмъ въ Германіи. Такъ у насъ тратится на вооруженіе войскъ около $9\frac{1}{2}$ рублей на человѣка, а въ Германіи около 9-ти рублей, но это легко объясняется развитіемъ всякаго техническаго производства за границей, котораго у насъ еще пока нѣтъ. Съ преобразованіемъ военныхъ судовъ расходъ на судную часть у насъ значительно возросъ и составляетъ по 1 р. 50 коп. на человѣка противъ 93-хъ коп. въ Германіи; но что бы ни говорили наши защитники розогъ и шпицрутеновъ, обходившихся государству, конечно, дешевле исправительныхъ тюремъ, мы нисколько не жалѣемъ, что расходъ на судную часть по военному вѣдомству такъ возросъ сравнительно съ прежнимъ временемъ; если теперь эти издержки и превосходятъ соотвѣтствующія издержки въ Германіи, то это какъ нельзя проще объясняется болѣшимъ количествомъ проступковъ всякаго рода, происходящихъ отъ грубости народныхъ нравовъ, отъ неразвитости и непривычки подчиняться всякому закону; нѣтъ сомнѣнія, что когда пройдетъ теперешній переходный періодъ, преступленія сдѣлаются рѣже, съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшится и расходъ на судебную часть и во всей арміи воспитается нравственное чувство, сознаніе долга и уваженіе къ закону. Наконецъ военно-учебная часть обходится въ Россіи до 6 р. на человѣка; тогда какъ Германія тратитъ всего около 4-хъ рублей.

Этотъ расходъ также нельзя признавать непроизводительнымъ: при отсутствіи болѣе заботливости о народномъ образованіи со стороны вѣдомства, которому дѣло это подвѣдомо,—министерству военному приходится развивать умственно и обучать безграмотныхъ рекрутъ и готовить для этого своихъ учителей; приходится содержать особыя военно-учебныя заведенія для приготовленія образованныхъ офицеровъ; приходится, наконецъ, готовить себѣ специалистовъ по различнымъ отраслямъ технической дѣятельности. И все это дѣлается настолько удовлетворительно, что военно-учебныя заведенія приобрѣли себѣ вполне заслуженную репутацію, поставившую ихъ, въ глазахъ общества, гораздо выше гражданскихъ учебныхъ заведеній.

Не останавливаясь болѣе на какихъ-либо еще отдѣльныхъ статьяхъ расходовъ на военныя силы у насъ и въ Германіи, скажемъ въ заключеніе, что на всю военную силу Германіи приходилось въ 1870-мъ году расхода 271 р. на человѣка, а на всю военную силу Россіи приходилось въ 1869-мъ году 176 р. на человѣка, и что отношеніе это, доказывающее сравнительную умѣренность нашихъ военныхъ расходовъ, весьма немного измѣнилось и теперь.

Расходы на флотъ въ бюджетѣ германской имперіи, точно также какъ прежде въ бюджетѣ прусскомъ, незначительны и въ этомъ отношеніи отнюдь не могутъ сравниться съ расходами Россіи, нуждающейся во флотѣ для охраненія столицы и своихъ обширныхъ морскихъ границъ.

На морское министерство по бюджету сѣверо-германскаго союза на 1870-й годъ было назначено 7,300,000 тал., а на 1871 годъ 8,177,190 тал.

Въ нашемъ бюджетѣ расходы на морское министерство увеличивались постепенно до крымской войны и достигли въ 1855-мъ году до 30-ти мил.; эта цифра, послѣ уничтоженія черноморскаго флота, значительно упала, въ 1868-мъ году простиралась всего до 18-ти мил., а по бюджету на 1872-й годъ, съ возстановленіемъ нашихъ правъ на Черномъ морѣ, увеличилась до 20,769,268 рублей.

По обширности своего флота, Россія занимаетъ въ Европѣ третье мѣсто послѣ Англіи и Франціи; относительно расходовъ на флотъ и ихъ производительности примѣняется многое изъ того, что мы говорили по поводу издержекъ государства на сухопутныя силы и точно также, говоря о морскомъ вѣдомствѣ, приходится повторить сказанное о вѣдомствѣ военномъ, а именно, что если эти расходы и велики, то по крайней мѣрѣ они должны оправдываться необходимостью.

Говоря объ расходахъ на внѣшнія сношенія, расходахъ еще менѣе, пожалуй, производительныхъ, чѣмъ расходы на военныя силы и, сравнивая издержки на министерство иностранныхъ дѣлъ у насъ и въ сѣверо-германскомъ союзѣ, мы должны замѣтить, что предметы эти

совершенно однородны: вѣдущія сношенія Германіи, конечно, не менѣе вѣдущихъ сношеній Россіи, а вѣдущая торговля Германіи съ отдаленными странами, лежащими за океаномъ, гораздо обширнѣе, чѣмъ сношенія Россіи.

Весь расходъ на министерство иностранныхъ дѣлъ сѣверо-германскаго союза составляетъ 1,198,180 тал., въ томъ числѣ: на центральное управленіе 158,550 тал., посольства 704,180 тал., консульства 335,450 тал.

У насъ на расходы на министерство иностранныхъ дѣлъ по росписи на 1871-й годъ было ассигновано 2,337,510 руб.; въ томъ числѣ: на содержаніе государственнаго канцлера 40,000 руб. и товарища министра иностранныхъ дѣлъ 9,000 руб., всего 49,000 руб.; на содержаніе личнаго состава центральныхъ управленій министерства иностранныхъ дѣлъ 240,213 р.; на хозяйственные расходы центральныхъ управленій 63,350 руб.; содержаніе посольствъ и миссій 862,173 р.; содержаніе консульствъ 370,557 р.; чрезвычайные за границею расходы 431,888 р.; банкирскіе расходы 186,394 р.; наконецъ, разные расходы центральнаго управленія 115,137 р.

Эти расходы на министерство иностранныхъ дѣлъ увеличились въ годъ на 200,000 руб. и составляютъ по росписи на 1872-й годъ 2,505,553 р.

Такимъ образомъ, у насъ центральное управленіе стѣбитъ гораздо больше, чѣмъ въ германской имперіи; это зависитъ отъ самаго состава: въ Германіи центральное управленіе министерства иностранныхъ дѣлъ составляютъ: союзный канцлеръ (нынѣ кн. Бисмаркъ, получающій всего 12,000 р. жалованья и 6,000 р. на представительство), его помощникъ или товарищъ министра, директоръ и сверхъ того 69 челов. разныхъ другихъ чиновниковъ; у насъ центральное управленіе министерства иностранныхъ дѣлъ составляютъ: министръ, его товарищъ и 130 другихъ чиновниковъ.

Содержаніе пословъ обходится Германіи также гораздо дешевле, нежели Россіи, какъ это видно изъ сравненія получаемого послами въ главнѣйшихъ городахъ Европы жалованья: русскіе послы получаютъ въ годъ: въ Вѣнѣ 39,200 р., въ Лондонѣ и Константинополѣ по 49,000 и въ Парижѣ 49,784 р., а германскіе послы получаютъ въ годъ: въ Вѣнѣ 25,000 тал., въ Лондонѣ и Парижѣ по 32,000 тал. и въ Константинополѣ 20,000 тал.

VI.

Ни въ одномъ государствѣ народное образованіе не достигло такого развитія, какъ въ Пруссіи. Хотя начало ему было положено еще при Фридрихѣ II-мъ, слѣдовательно болѣе ста лѣтъ тому назадъ, но

въ этотъ промежутокъ времени странѣ пришлось испытать такіа бѣдствія, которыя не могли не отразиться и на начатомъ дѣлѣ. Однако правительство, еще болѣе убѣдась, послѣ наполеоновскаго разгрома, въ великомъ значеніи школы для будущности народа, не переставало, даже среди самыхъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ, прилагать всѣ свои усилія къ развитію въ государствѣ просвѣщенія. Указы въ этомъ смыслѣ издавались одинъ за другимъ, и хотя, вслѣдствіе противодѣйствія феодальной партіи, они не всегда приводились въ исполненіе, и даже иногда отмѣнялись при переменѣхъ въ составѣ министерства, но тѣмъ не менѣе правительство не отказывалось отъ своей мысли и благодаря его послѣдовательной настойчивости, въ настоящее время Пруссія можетъ, по справедливости, считаться одною изъ самыхъ образованныхъ странъ Европы.

Еще не оправившись отъ страшной войны, опустошившей ея финансы, Пруссія назначаетъ первыя свои средства на народное образованіе и съ тѣхъ поръ не перестаетъ съ каждымъ годомъ увеличивать отдѣляемыя на этотъ предметъ суммы. Въ 1819-мъ году всѣхъ начальныхъ школъ въ городахъ и селахъ было 20,085 и въ нихъ 21,885 учителей, получавшихъ, правда, вознагражденіе не превышавшее 200 р., а среднимъ числомъ доходившее до 60 р. въ годъ на учителя. Въ настоящее время на 24-хъ-милліонное народонаселеніе Пруссіи насчитывается 25,120 школъ и при нихъ учителей 34,803 и учительницъ 3,250. Учениковъ въ этихъ школахъ приходится около 3-хъ милліоновъ.

Съ введеніемъ основнымъ закономъ 1850-го года обязательнаго (отъ 5 до 14 лѣтъ) и притомъ въ народныхъ школахъ дарового обученія, правительство возложило содержаніе этихъ школъ на общины; но тамъ, гдѣ онѣ были не въ состояніи достаточно обезпечить ихъ, оно выдаетъ пособие. Въ бюджетѣ 1870-го года на эти пособия было ассигновано 835,118 тал. Остальныя же недостающія суммы на народныя школы покрываются общественнымъ сборомъ, который въ нѣкоторыхъ общинахъ берется со всѣхъ отцовъ семействъ (Hausvater—подъ которымъ понимается всякое лицо, стоящее во главѣ семейства, будь это братъ, дядя или отецъ), хотя бы временно пребывающихъ въ данной мѣстности, и независимо отъ того, есть ли у нихъ дѣти и обучаются ли они въ мѣстной школѣ. Въ другихъ же общинахъ училищные сборы взимаются въ видѣ добавочной платы къ казеннымъ налогамъ.

Сознавая, что дѣйствительная польза народныхъ школъ обуславливается хорошо подготовленными учителями, прусское правительство обратило давно вниманіе на устройство учительскихъ семинарій, которыхъ въ 50-хъ годахъ уже было 48, а въ 1870-мъ году 87. Эти семинаріи содержатся частью сполна правительствомъ, частью же

мѣстными жителями, по желанію которыхъ онѣ основаны въ губерніяхъ. Последнимъ правительство выдаетъ субсидіи. Въ 50-хъ годахъ оно тратило на содержаніе и пособія учительскихъ семинарій 118,955 тал., а по росписи на 1870-й годъ эта сумма удвоена и составляла 374,407 талеровъ. Кромѣ того, ассигновано на 1870-й годъ единовременно на постройку учительскихъ семинарій 230,756 тал. Специальныхъ же средства, собираемыя на семинаріи составляли въ 1870-мъ году сумму въ 161,543 тал. Такимъ образомъ, всего на этотъ предметъ въ 1870-мъ году было назначено 766,706 тал. Слѣдовательно на содержаніе каждой семинаріи полагалось (не включая единовременныхъ суммъ на постройку) приблизительно по 6,183 тал.

Хотя конституціей было объявлено даровое обученіе въ народныхъ школахъ, но на дѣлѣ, благодаря проискамъ феодаловъ и потакательству имъ нѣкоторыхъ министровъ, издававшихъ циркуляры о сохраненіи во всей силѣ школьной платы съ учениковъ, и до сихъ поръ берутъ по 25-ти зильбергрошей въ годъ (около 90 к.). Этотъ сборъ идетъ на жалованье учителямъ, получающимъ въ настоящее время, смотря по мѣстности, отъ 180-ти до 500 тал.

Общая сумма, въ которую обходились въ 1870-мъ году государству 25,120 народныхъ школъ и 87 учительскихъ семинарій, считая въ томъ числѣ и жалованье учителямъ, составляла до 13-ти милліоновъ тал. Изъ этой суммы на долю государственной казны приходилось болѣе 1,109,000 тал., остальная сумма въ 12 мил. покрывалась общественнымъ сборомъ.

Къ издержкамъ же на народное обученіе слѣдуетъ прибавить отпускаемыя изъ казны пособія: на обученіе гимнастикъ — 12,160 тал., на училища для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ 26,854 тал. и на сиротскіе дома 76,065 тал.

Что касается до среднихъ учебныхъ заведеній, то расходъ на нихъ покрывается главнымъ образомъ платою, вносимою учениками и другими специальными средствами, что вмѣстѣ взятое составляетъ 1,767,049 т. на, приблизительно, 190 заведеній для средняго образованія. Но въ этой суммѣ государство приплачиваетъ 578,391. Такимъ образомъ, каждое среднее учебное заведеніе стоитъ среднимъ числомъ около 12,452 тал.

Наконецъ на всѣ университеты, которыхъ въ Пруссіи 10, по росписи 1870-го года ассигновано субсидій 996,773 тал.; четвертая часть всей суммы идетъ на берлинскій университетъ, а остальная распределяется сообразно съ специальными средствами cadaго. Специальные же средства всѣхъ университетовъ, взятыхъ вмѣстѣ, составляютъ 629,302 тал.

Если взять общую цифру расходовъ прочихъ университетовъ,

то въ бюджетѣ на 1870-й годъ на народное просвѣщеніе она составитъ 3.131,584 т. Изъ этой суммы 1.556,420 т. идутъ на начальное образование, 578,391 на среднее и 996,773 т. на высшее.

Независимо отъ этихъ расходовъ, правительство выдаетъ еще субсидіи специальнымъ учебнымъ заведеніямъ—академіямъ: лѣсной, горной, строительной, промышленной, сельско-хозяйственной, техническимъ училищамъ, низшимъ школамъ для образованія фермеровъ, прикащиковъ, кузнецовъ, скотниковъ, конюховъ, овчаровъ и т. п., на институтъ повивальныхъ бабокъ и на ветеринарное училище въ Берлинѣ—всего въ размѣрѣ 285,815 т., что вмѣстѣ съ суммами, отпускаемыми на науки и искусства, 542,475, составитъ еще 828,287 тал., которые слѣдуетъ прибавить къ ассигнуемымъ на общеобразовательныя заведенія. Такимъ образомъ; общая сумма всѣхъ расходовъ на народное образование на 1870-й годъ простиралась до 3.959,874 тал.

„Въ примѣрѣ Пруссіи,—говоритъ кн. А. Васильчиковъ ¹⁾,—надо искать не то, что обыкновенно въ немъ выхваляютъ — примѣръ насильственного просвѣщенія народа, но другія наставленія болѣе поучительныя и полезныя для всѣхъ правительствъ и народовъ: какъ съ первыхъ дней основанія государства (1763-го года) король-полководецъ провозглашаетъ высокое значеніе народной школы и издаетъ уставъ о повсемѣстномъ введеніи элементарнаго обученія; какъ среди трепета и ужаса французскаго террора, противъ коего другія европейскія правительства защищались цензурой и тайной полиціей—прусское прибѣгаетъ къ просвѣщенію народныхъ массъ и основнымъ положеніемъ 1794-го года вводитъ народную школу въ общій организмъ своего управленія; какъ оно бодро и послѣдовательно выдерживаетъ свое направленіе среди политическихъ бѣдствій, постигшихъ Пруссію въ началѣ текущаго столѣтія; въ годину самыхъ тяжелыхъ испытаній (въ 1812-мъ году) открываетъ разомъ 12 учительскихъ семинарій и, сложивъ побѣдоносное свое оружіе, въ 1815-мъ году посвящаетъ всѣ свои усилія окончательному устроенію училищнаго вѣдомства; какъ, наконецъ, при взрывѣ 1848-го года, Пруссія, мгновенно смущенная революціоннымъ духомъ учителей народныхъ школъ, вскорѣ опомнилась отъ малодушнаго страха и принялась съ новымъ рвеніемъ за усовершенствованіе ихъ спеціальнаго образованія, въ то время, какъ Франція ссылала своихъ (*maitres d'école*) въ Кайенну, а Россія закрывала университеты“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и до сихъ поръ въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного государства, гдѣ народное образованіе стояло бы на той низкой степени, на какой оно стоитъ у насъ: во всей Европѣ, остается

¹⁾ О самоуправленіи. Т. II, стр. 21.

только одна страна, гдѣ на 100 человѣкъ едва насчитывается 1 или 2 грамотныхъ, и эта страна, къ сожалѣнію,—Россія.

Такое печальное положеніе дѣла народнаго образованія какъ нельзя нагляднѣе обнаруживается изъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Расходъ на это министерство, составляющій по смѣтѣ на 1872-й годъ 11,064,958 руб., превосходитъ прусскій бюджетъ только по одной статьѣ—центральному управленію; въ Пруссіи на центральное управленіе „министерства народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ“ тратится въ годъ 149,260 тал., а у насъ на центральное управленіе одного министерства народнаго просвѣщенія ассигновано на 1872-й годъ 197,267 тал. Остальные же предметы расхода слѣдующіе: управленіе учебными округами 392,432 руб., университеты и лицеи 2.348,695 руб., гимназіи 4.282,545, пособия по ученой и учебной частямъ, расходы строительные, приготовленіе профессоровъ и учителей и мелочные разнаго рода расходы 1.294,007 руб.; уѣздныя, приходскія, начальныя училища и особыя учебныя заведенія 2.550,012 руб.

Изъ этого перечисленія расходовъ видно, до какой степени неравномѣрно распредѣляется расходъ казны на дѣло образованія, идущій главнымъ образомъ на развитіе высшаго и средняго образованія и оставляющій въ сторонѣ начальное обученіе и низшія народныя училища. Съ перваго взгляда можетъ показаться, впрочемъ, что на этотъ послѣдній предметъ все-же тратится больше 2-хъ милліоновъ, но изъ приложенія къ смѣтѣ на 1871-й годъ обнаруживается, что и подъ рубрикою расходовъ „на уѣздныя, приходскія, начальныя училища и особыя учебныя заведенія“ всего въ количествѣ 2.550,012 р. не слѣдуетъ исключительно понимать издержки на начальныя школы. Такимъ образомъ, въ эту рубрику расходовъ входятъ: содержаніе историко-филологическаго института, института сельскаго хозяйства въ Александріи, ветеринарныя училища, лодзинское ремесленное училище и другія учебныя заведенія всего на сумму болѣе 392 тыс., такъ что прибавивъ сюда еще и расходы строительные, — на дѣло народнаго образованія не остается и двухъ милліоновъ.

Незначительность такого расхода объясняется вовсе не особенною бережливостію; напротивъ того въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія входятъ такого рода издержки, которыя ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу народнаго обученія не имѣютъ; таковы, напримеръ, расходы: на изданіе журнала 25,000 руб., на приобрѣтеніе 200 экземпляровъ журнала „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1,600 руб., на изданіе газетъ „Виленскій Вѣстникъ“ и „Кіевлянинъ“ 12,000 р.; сумма этихъ, вовсе непроеводительныхъ издержекъ, составляющихъ вмѣстѣ съ содержаніемъ редактора журнала министерства всего около 40,000

руб., не многимъ разнится отъ всего расхода „на учительскія семинаріи въ Дерптѣ, Молодечнѣ, Кіевѣ и въ одной изъ привислянскихъ губерній“, составляющаго всего 45,305 руб. 20 коп.

При такомъ отношеніи къ дѣлу народнаго образованія не удивительно, что хотя по смѣтѣ на 1872-й годъ расходъ министерства народнаго просвѣщенія увеличился на 672,000 руб., но это увеличеніе, главнымъ образомъ, объясняется возвышеніемъ издержекъ на содержаніе гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній вслѣдствіе введенія новыхъ штатовъ.

Итакъ, изъ года въ годъ все удаляется отъ насъ надежда, чтобы когда-нибудь въ Россіи водворилось народное образованіе, если не въ такомъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ образцовой Пруссіи, то по крайней мѣрѣ въ такомъ, въ какомъ оно существуетъ въ другихъ европейскихъ странахъ.

Ожидать, въ этомъ случаѣ, почина отъ земства, на которое возложено „участіе въ дѣлѣ народнаго образованія“, конечно, нельзя не только потому, что до сихъ поръ большинство земскихъ собраній заставляеть низшія сословія платить сборы преимущественно на содержаніе такихъ училищъ, которыя имъ недоступны, а не начальныхъ школъ, но еще, главное, и потому, что земство наше крайне бѣдно. Къ тому же до сихъ поръ мы привыкли видѣть, что во всѣхъ коренныхъ, жизненныхъ преобразованіяхъ послѣдняго времени, каковы реформы крестьянская и судебная, наше правительство шло впереди желаній русскаго образованнаго общества. Въ дѣлѣ же народнаго образованія видится нѣчто совершенно противное и только послѣ продолжительныхъ и настойчивыхъ требованій съ разныхъ сторонъ, наше управленіе народнымъ просвѣщеніемъ вынуждается на мѣру не столько дѣйствительную, сколько ограниченную и потому никого не удовлетворяющую; самый послѣдній примѣръ въ этомъ отношеніи служитъ исторія съ учительскими семинаріями, которыя министерство долго игнорировало и отвергало и наконецъ послѣ того, какъ земства разныхъ губерній стали устраивать на свои скудные средства учительскія семинаріи, — рѣшилось оказать свою поддержку, но самымъ незначительнымъ образомъ.

Для того, чтобы такое неудовлетворительное положеніе дѣла нашего народнаго образованія улучшилось кореннымъ образомъ, нужны, говоря словами кн. А. Васильчикова, „люди искренно проникнутые духомъ цивилизаціи, признающіе образованіе народныхъ массъ высшимъ благомъ страны и высшимъ долгомъ правительства, предпочитающіе временныя уклоненія и увлеченія общественнаго мнѣнія непробудному застою невѣжества, люди, сознающіе, что народное образованіе есть вопросъ жизни или смерти для народовъ нашего вѣка и что ве-

личіе современныхъ державъ зависитъ еще болѣе отъ числа грамотныхъ, чѣмъ отъ числа солдатъ" (О самоуправл. II, 177).

VII.

Къ расходамъ по внутреннему управленію г. Заблочкимъ отнесены изъ прусскаго бюджета издержки на высшую, или центральную администрацію и на администрацію провинціальную.

Высшую администрацію составляютъ:

государственное министерство	398,214 тал.
министерство финансовъ	331,750 "
министерство торговли, промышленности и публичныхъ работъ	293,870 "
министерство юстиціи	129,900 "
министерство внутреннихъ дѣлъ	195,517 "
министерство сельскаго-хозяйства	74,000 "
министерство исповѣданій, просвѣщенія и медицинскихъ дѣлъ	149,000 "

Всего . . 1.572,561 тал.

Къ расходамъ на провинціальную администрацію относится содержаніе:

оберъ-президентовъ въ провинціяхъ	89,000 тал.
губернскихъ правленій	2.518,995 "

2.607,995 тал.

Такимъ образомъ, на все внутреннее управленіе Пруссіи тратится около 4-хъ мил. въ годъ.

Незначительность этой суммы, составляющей, всего, менѣе 2% всѣхъ расходовъ прусскаго бюджета, такъ что на каждого изъ жителей Пруссіи приходится не болѣе 1,78 тал., какъ нельзя нагляднѣе показываетъ несложность административнаго механизма и ту бережливость, какою отличаются прусскіе финансы, по отношенію къ содержанію администраціи, очевидно не считая этого расхода производительнымъ для страны.

Несмотря на многосложность обязанностей, оклады высшихъ государственныхъ чиновъ весьма умѣренны. Всѣ министры получаютъ по 12,000 тал. жалованья; только министръ иностранныхъ дѣлъ получаетъ, и то какъ канцлеръ имперіи, 18,000 тал., въ томъ числѣ 6,000 тал. на представительство; по штату полагается президенту государственнаго министерства 12,000 тал., но сумма эта не поступаетъ въ расходъ, такъ какъ президентъ министерства получаетъ содержаніе,

по званію министра иностранныхъ дѣлъ и союзнаго канцлера, изъ-касса сѣверо-германскаго союза.

Вообще совокупленіе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ должностей съ-окладами, въ Пруссіи не допускается. Исключенія, и то весьма незна-чительныя, допускаются только для низшихъ должностей; такъ, на-примѣръ, нѣкоторые изъ чиновниковъ министерства финансовъ зани-маются веденіемъ денежныхъ дѣлъ короля, за что и получаютъ не-большое добавочное жалованье.

Наконецъ, въ прусской администраціи нѣтъ должностей, которыя бы допускали такъ-называемыя синеюры (должности безъ дѣла). Въ нѣкоторомъ отношеніи къ подобнымъ должностямъ могутъ быть от-несены должности оберъ-президентовъ въ провинціяхъ, которые, не имѣя никакой исполнительной власти въ общей провинціальной админи-страціи, входятъ въ личныя сношенія съ министерствомъ по дѣламъ мѣстныхъ польвъ и нуждъ. Оберъ-президенты опредѣляются королемъ по представленію всего государственнаго министерства и притомъ всегда изъ гражданскихъ чиновниковъ. Объ отмѣнѣ этихъ должно-стей скорѣ почетныхъ, нежели полезныхъ, не разъ уже высказывали въ прусской палатѣ депутатовъ и по всей вѣроятности должность эта просуществуетъ не долго. Впрочемъ, всѣ 11-ть оберъ-президентовъ (соотвѣтствующіе должностямъ нашихъ генералъ - губернаторовъ) стоятъ казнѣ 89,000 тал.

Изъ нашего бюджета на расходы по внутреннему управленію слѣ-дуетъ отнести: содержаніе высшихъ государственныхъ учреждений (за-исключеніемъ назначаемыхъ ежегодно въ расходъ по комиссіи про-шеній на выдачу бѣднымъ и воспитаніе дѣтей):

всего	1.706,950 р.
министерство финансовъ	1.806,463 "
государственный контроль	291,865 "
министерство государственныхъ имуществъ	1.003,329 "
министерство внутреннихъ дѣлъ	1.335,749 "
министерство юстиціи	237,900 "
министерство народного просвѣщенія	197,267 "
центральное управленіе вѣдомства святѣй- шаго синода	206,389 "
министерство путей сообщенія	1.070,714 "
главное управленіе коннозаводства	69,962 "
	<hr/>
	7.926,588 р.

Затѣмъ издержку на губернскую администрацію будетъ составлять: содержаніе намѣстника въ царствѣ польскомъ, генералъ - губернато-ровъ, губернаторовъ и подобныхъ имъ лицъ, а также содержаніе гу-бернскихъ и областныхъ правленій всего 5.068,426 р.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ цифръ оказывается, что Пруссія содержаніе высшей и провинціальной администраціи обходится въ 4.180,566 тал., а въ Россіи на тотъ же предметъ расходуется 12.995,014 рублей, изъ которыхъ гораздо болѣе половины поглощаетъ центральная администрація, гдѣ главными предметами расходовъ служатъ громадный служебный персоналъ и несоразмѣрно большое содержаніе высшихъ должностныхъ лицъ.

Говоря объ издержкахъ по внутреннему управленію, слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время въ большей части европейскихъ государствъ явился новый предметъ расходовъ, почти неизвѣстный въ прежнее время; это такъ - называемыя публичныя работы. Предметъ этотъ, при томъ направленіи, которое въ нашъ вѣкъ приняла народная промышленность, повидимому, составляетъ необходимость. Но неосторожное увлеченіе правительства публичными работами, вмѣшательство его въ частную предпримчивость уже не разъ служило поводомъ къ разстройству финансовъ; примѣръ тому показала въ недавнее время Франція.

Въ Пруссіи расходы на публичныя работы составляютъ около 52.000,000 тал. или около 23% всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Сумма сама по себѣ весьма значительная; но здѣсь заключаются, главнымъ образомъ, издержки на горные и соляные промыслы и на желѣзныя дороги, именно болѣе 40,000,000 тал.; эта послѣдняя сумма съ избыткомъ покрывается доходами отъ означенныхъ предметовъ, и, слѣдовательно, не составляетъ никакой тягости для плательщиковъ государственныхъ налоговъ. Въ остальныхъ 12.000,000 главную часть расходовъ составляютъ другіе пути сообщенія, въ томъ числѣ содержаніе и сооруженіе шоссе около 5½ миллионъ.

Несмотря на распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, прусское правительство не только поддерживаетъ существующія шоссе, но и постоянно строитъ новыя: такъ на этотъ предметъ въ 8 лѣтъ, съ 1860—1869-й годъ, было израсходовано болѣе 9 мил. тал.

Вообще этотъ отдѣлъ государственныхъ расходовъ весьма поучителенъ въ Пруссіи. Прусское правительство ограничивалось доселѣ дѣйствительно существенными потребностями, именно: устройствомъ путей сообщенія; оно не вдавалось ни въ какія предпріятія промышленныя, если исключить изъ этого такъ-называемый институтъ морской торговли, операціи котораго сокращаются болѣе и болѣе, и дни котораго, можно сказать, сочтены. Въ прусскомъ бюджетѣ не встрѣчается субсидій никакимъ промышленнымъ компаніямъ.

Но за то прусское правительство обращаетъ, съ давняго времени и доселѣ, вниманіе на такъ-называемую меліорацію земель, т.-е. на осушеніе болотистыхъ мѣстностей и на устройство плотинъ для пре-

дохраненія земель отъ наводненія. И въ этомъ отношеніи оно постоянно оказываетъ помощь частной предпріимчивости, такъ что расходы на этотъ предметъ не только не уменьшаются, но значительно возрастаютъ, именно они достигли въ теченіи 10-ти лѣтъ, 1860—1869-го годовъ, отъ 99,000—410,000 талеровъ.

Весьма замѣчательно и поучительно самое распредѣленіе суммъ, на публичныя работы назначаемыхъ; въ этомъ распредѣленіи болѣе всего выказывается тотъ духъ бережливости, и въ людяхъ и въ деньгахъ, которымъ вообще обусловливается благоустройство государственныхъ финансовъ. Горными, соляными промыслами, желѣзными дорогами, сухопутными и водяными сообщениями и вообще торговлею и промышленностью завѣдываетъ въ Пруссіи, какъ мы уже сказали, министерство торговли, промышленности и публичныхъ работъ; это министерство, по личному своему составу, почти столь же обширное, какъ и министерство финансовъ. Всѣ издержки на это вѣдомство, какъ центральное учрежденіе, простираются до 293,465 тал., въ томъ числѣ: содержаніе министра 12,000 тал., горнаго департамента 50,420 тал., остальныхъ трехъ департаментовъ и состоящихъ при нихъ техническихъ депутацій 231,450 тал.

Интересно, въ этомъ отношеніи, сравнить расходы по тѣмъ же предметамъ въ Россіи. Сравненіе это тѣмъ болѣе важную имѣетъ важность, что сравниваемые предметы въ обоихъ государствахъ совершенно однородны.

У насъ, означенные предметы, т.-е. пути сообщенія, горные и соляные промыслы находятся въ двухъ министерствахъ: въ министерствѣ финансовъ и въ министерствѣ путей сообщенія. По государственной росписи на 1871-й годъ, ассигновано по § 1-му смѣты на содержаніе центрального управленія (т.-е. горнаго департамента и горнаго совѣта) 183,075 р. и сверхъ того на расходы по изданію сочиненій, по ученымъ изслѣдованіямъ и опытамъ (§ 3) 51,320 р., расходы на департаментъ торговли и мануфактуръ (§ 1) — 58,741 р. и разные расходы (§ 4) 42,125 р. По министерству путей сообщенія ассигновано: (§ 1) содержаніе министра, совѣта министерства, адъютантовъ и инженеровъ при министрѣ и по министерству 162,303 р.; (§ 2)—содержаніе ученаго комитета, канцеляріи министра, департаментовъ и другихъ центральныхъ учреждений 302,671 рубль; (§ 3)—хозяйственные расходы центральныхъ административныхъ учреждений 56,624 р.; (§ 4)—разные расходы по центральнымъ административнымъ управленіямъ 111,671 р.; (§ 5) расходы по надзору за правительственными и частными желѣзными дорогами 444,642 руб.

Такимъ образомъ, на однѣ и тѣ же части администраціи въ Пруссіи расходуются 293,465 талеровъ, а у насъ 1.213,172 р.

Но въ особенности, говоря о расходахъ на администрацію, нельзя не остановиться на министерствѣ путей сообщенія, въ которомъ, по росписи на 1872-й годъ, назначено на центральную администрацію 1.070,714 рублей и на мѣстную 1.394,361 руб., а всего 2.465,075, между тѣмъ какъ на всѣ водяныя сообщенія по всей имперіи назначено 1.506,160 и на сухопутныя 3.944,368 руб., всего 5.450,528 руб., т.-е. издержки на администрацію составляютъ *половину* производительныхъ расходовъ.

Въ Пруссіи, по росписи на 1870-й годъ было назначено на сухопутныя и водяныя сообщенія 9.302,345 тал., а центральная администрація не поглощала и 100 тысячъ талеровъ.

Та несообразность въ распредѣленіи расходовъ, которая съ такою очевидностью бросается въ глаза въ смѣтѣ путей сообщенія, проглядываетъ болѣе или менѣе и въ другихъ смѣтахъ нашего государственнаго управленія. Значительность издержекъ по центральнымъ управленіямъ могутъ, пожалуй, объяснять обширностью территоріи Россіи и числомъ ея жителей, но соразмѣрность производительныхъ и непроизводительныхъ расходовъ нисколько уже не зависитъ отъ обширности территоріи, и скорѣе можно утверждать, что чѣмъ больше территорія, тѣмъ относительно дешевле становится центральное управленіе.

L.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта, 1872.

Финляндія наканунѣ третьяго сейма.—Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе.—Составъ сейма и кругъ его дѣйствій.—Предметы его работы въ нынѣшнемъ году, и петиціи городовъ. — Новѣйшій эпизодъ съ „Московскими Вѣдомостями“.

Открытіе финляндскаго сейма, возвѣщенное 20-го января съ сенатскаго крыльца, при звукѣ трубъ, произошло 25-го того же мѣсяца, когда послѣ церковной службы въ шведскомъ соборѣ св. Николая, съ обычнымъ церемоніаломъ была прочтена тронная рѣчь финляндскимъ генераль-губернаторомъ. До нынѣшняго дня, сеймъ совершилъ еще только четвертую часть дѣятельности своей сессіи, которая продолжается четыре мѣсяца. По окончаніи сессіи, мы надѣемся представить особо обзоръ ея, въ связи со взглядомъ на важнѣйшіе внутренніе вопросы и на литературное движеніе въ Финляндіи. Но мы не считаемъ возможнымъ ограничиться такимъ историческимъ отношеніемъ къ нынѣшней сессіи, то-есть обзоромъ вопросовъ, занимающихъ умы нашихъ соотечественниковъ въ Финляндіи въ то время, когда сеймъ уже разоидется. Намъ хотѣлось бы теперь же, то-есть именно въ то время, когда работы сейма въ полномъ ходу, когда вниманіе къ общественнымъ дѣламъ въ Финляндіи находится въ состояніи естественнаго напряженія, объяснить нашимъ читателямъ, въ какомъ положеніи открытіе настоящей сессіи застаётъ Финляндію. Въ январскомъ обзорѣнн мы указывали на необходимость нравственной связи между живущими въ одной державѣ — обществами русскимъ и финскимъ. При этомъ, мы упомянули, что затрудненіе такой связи представляется для русскаго общества въ маломъ знакомствѣ съ Финляндіею и ея дѣлами, а для общества финскаго въ нѣкоторыхъ опасеніяхъ, вызываемыхъ заносчивыми выходками нашихъ ультра-обрусителей. Отзывъ нашъ, что мнѣніе большинства просвѣщенныхъ людей въ Россіи не солидарно съ такими несерьезными выходками, а готово съ со-

чувствіемъ относиться къ общему дѣлу развитія въ Финляндіи, также какъ и у себя дома, былъ замѣченъ финляндскою печатью, которая увидѣла въ немъ одинъ изъ признаковъ, что русская печать начинаетъ относиться къ Финляндіи болѣе дружелюбно, „чѣмъ прежде.“ Исполняя другую часть своей задачи, мы и намѣрены нынѣ, повторяемъ, бросить взглядъ на то положеніе, въ какомъ засталъ великое княжество настоящій, третій, при нынѣшнемъ царствованіи, сеймъ.

Извѣстно, что Финляндія приняла христіанство, культуру и законы отъ Швеціи. Шведское господство во всей Финляндіи утвердилось въ 1157 — 1323 гг., и затѣмъ страна эта оставалась въ соединеніи со Швеціею, въ цѣломъ своемъ составѣ, до 1721-го года, и въ болѣе части своей территоріи до 1808-го года, когда она была окончательно присоединена къ русской имперіи. Соединеніе ея съ Россіею послѣдовало безъ какихъ-либо международныхъ обязательствъ относительно порядка управленія Финляндіею. Но всѣ законы, дѣйствовавшіе въ Финляндіи, были подтверждены манифестомъ 15 (27) марта 1808-го года, то-есть, еще до заключенія фридрихсгамскаго трактата со Швеціею, въ то время, когда Финляндія въ дѣйствительности уже была завоевана. Затѣмъ, повелѣніемъ отъ 20 янв. 1809 года, впервые созваны были народные представители Финляндіи въ отдѣльный сеймъ. При шведскомъ господствѣ, Финляндія посылала своихъ представителей на общій государственный сеймъ, въ Стокгольмъ. Правда, въ Финляндіи и въ прежніе вѣка собирались областные сеймы для вотиrowанія налоговъ; но эти сеймы не имѣли государственнаго, законодательнаго значенія, и съ тѣхъ поръ, какъ въ Швеціи опредѣленіе налоговъ вошло въ атрибуціи государственнаго сейма, областные сеймы въ Финляндіи болѣе не созывались и представители этой страны отправлялись на общій для всего шведскаго государства государственный сеймъ (Riksdag). Сословія, собранныя на шведскомъ сеймѣ, назывались государственными чинами (Ständer).

Шведское гражданское уложеніе, одобренное этими чинами на сеймахъ 1731 и 1734 годовъ и утвержденное королемъ въ 1736 году, и актъ объ образѣ правленія (Regeringsformen), обнародованный въ 1772 году и дополненный въ 1789 году, актомъ о правахъ верховной власти (Förenings och Säkerhetsakten, т.-е. соединенія и безопасности) — составляли кодексъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, признанный въ Финляндіи и русскимъ правительствомъ. На эти акты и теперь дѣлаются ссылки верховной властью; такъ въ высочайшемъ утвержденіи новаго сеймоваго положенія, подписанномъ 3 (15) апрѣля 1869 года, мы находимъ оговорку о сохраненіи верховныхъ правъ въ томъ видѣ, какъ они установлены въ актахъ 1772 и 1789 годовъ. Къ государственному же праву Финляндіи относятся еще и законы о правахъ сословій: привилегіи дворянскаго и духов-

наго сословія, дарованныя въ 1723 году, и права и преимущества сословій городского и крестьянскаго, утвержденныя въ 1789 году.

Всѣ эти законы были подтверждены манифестами 1808 г., 1825 г. и 1855 г. Существенное измѣненіе при присоединеніи Финляндіи къ Россіи въ 1808 г. состояло собственно въ томъ, что народнымъ представителямъ Финляндіи пришлось уже собраться отдѣльно отъ шведскихъ государственныхъ чиновъ. Они и были созваны на первый финляндскій государственный сеймъ въ городѣ Борго, въ 1809 году. На этомъ сеймѣ и былъ принятъ и утвержденъ верховною властью порядокъ управленія въ великомъ княжествѣ, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ законовъ. Итакъ, отдѣльный сеймъ Финляндіи, будучи не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же, чѣмъ прежде былъ для этой страны шведскій riksdag, собраніемъ государственныхъ чиновъ, сохраняетъ этотъ характеръ и доселѣ. Сословія (Ständer) представленныя на сеймѣ, есть именно государственныя чины Финляндіи. Они и доселѣ сохраняютъ во французскомъ текстѣ тронныхъ рѣчей названіе États, а въ шведскомъ переводѣ соотвѣтствующее названіе Ständer, и хотя въ русскомъ переводѣ называются нынѣ „земскими чинами“, но принятіе такого перевода отнюдь не должно разумѣть въ смыслѣ сколько-нибудь сходномъ съ нашими земскими учрежденіями. Полное значеніе ихъ мы объяснимъ далѣе. Титулъ Монарха въ Финляндіи — Великій Князь (Storfurste till Finland — Grossfürst zu Finland). Императоръ Александръ I, въ 1811 году, возсоединилъ съ великимъ княжествомъ, Выборгскую губернію, которая была завоевана гораздо ранѣе остальной Финляндіи.

Мы знаемъ, что Финляндія—страна конституціонная, то-есть такая, которой народъ, посредствомъ своихъ представителей, принимаетъ участіе въ законодательствѣ и можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на ходъ управленія. Необходимо теперь объяснить, какова именно мѣра этого участія, а также указать на органы власти и общества въ великомъ княжествѣ, ихъ составъ, взаимныя отношенія и права, однимъ словомъ, выяснить значеніе и финляндской конституціи, и финляндской автономіи.

Органы правительственной власти въ Финляндіи: генераль-губернаторъ, финляндскій сенатъ, губернаторы и министр-статсъ-секретарь, съ подвѣдомственными имъ мѣстами и лицами. Министръ-статсъ-секретарь есть начальникъ финляндской его величества канцеляріи (статсъ-секретаріата съ комитетомъ); онъ, какъ посредникъ между верховной властью и учреждениями Финляндіи, и имѣетъ въ этомъ качествѣ огромное значеніе; онъ такъ - сказать представитель политики русской верховной власти по отношенію къ Финляндіи. Но онъ не имѣетъ собственной власти; онъ только докладчикъ верховной власти и объяснитель ея повелѣній, имъ контрасигнируемыхъ. Затѣмъ, въ са-

мой Финляндіи, непосредственнымъ представителемъ и органомъ верховной власти служить генераль-губернаторъ, который уже имѣетъ собственное конституціонное значеніе, какъ начальникъ всего гражданскаго управленія Финляндіи, глава финляндскаго правительства; онъ вмѣстѣ съ подчиненными губернаторами наблюдаетъ за охраненіемъ общественнаго спокойствія и безопасности, за исполненіемъ законовъ и повелѣній и за ненарушимостью правъ всѣхъ жителей края, и эта обязанность финляндскаго генераль-губернатора одинакова съ обязанностями другихъ генераль-губернаторовъ, съ тѣмъ различіемъ конечно, какое представляютъ размѣры этой власти въ странѣ конституціонной. Такъ, напр., онъ можетъ принимать для охраненія безопасности такія мѣры, конечно, которыя не нарушаютъ мѣстныхъ законовъ, въ томъ числѣ и закона о личной свободѣ и неприкосновенности внѣ суда. Но сверхъ того, генераль-губернаторъ Финляндіи имѣетъ еще и особенное значеніе: онъ, по порученію верховной власти, открываетъ и закрываетъ сессіи сейма, стало быть онъ намѣстникъ верховной власти, и предсѣдательствуетъ въ высшемъ правительственномъ учрежденіи края, въ финляндскомъ сенатѣ, стало быть онъ глава мѣстной правительственной власти.

Но если бы насъ спросили, гдѣ же финляндскіе *министры*, и въ какихъ отношеніяхъ они стоятъ къ сейму, то мы затруднились бы указать ихъ. Собственно говоря, верховное правительственное мѣсто въ Финляндіи есть сенатъ. Генераль-губернаторъ и есть глава правительственной власти въ Финляндіи только въ качествѣ предсѣдателя финляндскаго сената; онъ только предсѣдатель, но не начальникъ сената, и сенатъ дѣйствуетъ и обнародываетъ постановленія отъ имени Государя—Великаго Князя. Итакъ, сенатъ съ предсѣдателемъ своимъ собственно и есть финляндское правительство. Члены сената, не менѣе 14-ти числомъ, назначаются непосредственно верховною властью, обыкновенно на три года. Но подъ именемъ и въ составѣ финляндскаго сената разумѣются собственно три учрежденія, которыя слѣдуетъ различать. Въ полное собраніе сенатъ собирается только въ особыхъ случаяхъ изъ этого составѣ, т.-е. въ общемъ присутствіи онъ имѣетъ то значеніе, какое имѣлъ Conseil d'état въ имперской конституціи во Франціи; въ общемъ присутствіи, сенатъ уже не правительство, а именно государственный совѣтъ, поясняющій законы, рассматривающій вопросы объ изыятіяхъ изъ постановленій, обсуждающій порядки примѣненія повелѣній верховной власти, относящихся ко всему краю, наконецъ, подающій мнѣнія прямо затребованныя отъ него верховною властью по какимъ-либо дѣламъ. Это значеніе государственнаго совѣта финляндскій сенатъ унаслѣдовалъ отъ того учрежденія, взаимѣнъ котораго онъ самъ и былъ учрежденъ въ 1816 году, именно отъ первоначально учрежденнаго императоромъ

Александромъ I, въ 1809 году, „правительственнаго совѣта“ (Regerings-conseilj). Таковъ сенатъ въ составѣ общаго присутствія.

Затѣмъ, финляндскій сенатъ раздѣляется на два департамента: судебный и хозяйственный. Судебный департаментъ сената есть не что иное, какъ верховное судилище по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, настоящій кассационный судъ, въ который поступаютъ и просьбы на апелляціонные суды (гофгерихтъ) и просьбы о помилованіи. Такимъ образомъ, судебная власть, которая въ двухъ низшихъ своихъ степеняхъ въ Финляндіи существуетъ самостоятельно и представляется судьями безсмѣнными, на высшей своей ступени не имѣетъ такой полной самостоятельности. Вотъ почему въ Финляндіи проявляется общее желаніе реформы въ смыслѣ окончательнаго отдѣленія суда отъ администраціи и предоставленія ему полной самостоятельности. Это слѣдуетъ разумѣть именно по отношенію къ верховному судебному учрежденію.

Наконецъ, хозяйственный департаментъ сената собственно и представляетъ администрацію, высшую исполнительную власть или правительство тѣсною смысломъ этого слова, въ Финляндіи. Онъ вѣдаетъ всѣ дѣла по части казеннаго хозяйства, и также и всѣ административныя дѣла, сопряженныя съ расходами, то-есть большинство административныхъ дѣлъ. Сенаторы-члены хозяйственнаго департамента завѣдываютъ каждый отдѣльною „экспедиціею“, подъ скромнымъ именемъ экспедицій хозяйственнаго департамента сената и разумѣются главныя управленія въ краѣ, то-есть министерство Финляндіи. Ихъ всего четыре: *канцелярская* (министерство полиціи, цензуры, почты, призернія, и вмѣстѣ канцелярія всего правительства); *финансовая* (министерство финансовъ, государственныхъ имуществъ, земледѣлія, торговли и мореплаванія; оно и составляетъ бюджетъ); *камерно-счетная* (государственный контроль и вѣдомство народной переписи), и — *духовная* (министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія). Сенаторовъ, управляющихъ экспедиціями, мы можемъ назвать министрами, но только въ томъ смыслѣ, что они — начальники исполнительныхъ управленій страны.

Но они не имѣютъ ни самостоятельности нашихъ министровъ, ни отвѣтственности передъ сеймомъ министровъ парламентскихъ. Дѣйствительно, каждый изъ нихъ управляетъ своей частью не полноправно, съ утвержденія его распоряженій одной только верховной властью, какъ у насъ; нѣтъ, полноправность по каждому дѣлу присуща не единичному сенатору — главѣ отдѣльнаго управленія, а всему присутствію сенаторовъ хозяйственнаго департамента. Такимъ образомъ, министерская власть сосредоточивается въ этой коллегіи, имѣетъ коллегіальное устройство, а отдѣльные члены этой коллегіи (т.-е. хозяйственнаго департамента сената) только специально занимаются отдѣльными отраслями управленія.

Но если финляндскіе министры не имѣютъ полноправности нашихъ

министровъ, то положеніе ихъ еще менѣе похоже на положеніе министровъ парламентскихъ. Они не имѣютъ никакого личнаго отношенія къ сейму. Если сенаторовъ хозяйственнаго департамента сената можно называть министрами, то слѣдуетъ сказать, что финляндское министерство не стоитъ между верховною властью и сеймомъ, какъ органъ и представитель первой, отвѣтственный передъ представительствомъ народа. На составъ министерства, то-есть хозяйственнаго департамента сената, сеймъ не имѣетъ никакого вліянія; недовѣрія или порицанія ему вотировать не можетъ, и за справками обращается письменно къ предсѣдателю сената, то-есть къ генераль-губернатору. Генераль-губернаторъ, представитель въ краѣ верховной власти, поставленъ непосредственно и лицомъ къ лицу съ сеймомъ, но генераль-губернаторъ само собою разумѣется, не подчиненъ сейму.

Перейдемъ теперь къ сейму. Мы уже упомянули выше, что представительство Финляндіи имѣетъ по-сословный составъ; оно есть „государственные чины“ (или по официальному переводу, земскіе чины) Финляндіи. Итакъ, прежде всего нѣсколько словъ о сословіяхъ Финляндіи. Сословія въ Финляндіи четыре: рыцарство и дворянство (Ridderskapet och Adeln), духовное и учительское сословіе (Prestaståndet och Läroståndet), городское сословіе (Borgareståndet) и крестьянское сословіе (Bondeståndet). Собственно говоря, различіе между этими сословіями существуетъ именно только по участию ихъ въ сеймѣ, то-есть въ законодательной власти. Кромѣ этого существеннаго различія, сословія въ Финляндіи отличаются одно отъ другого только въ смыслѣ профессій и до извѣстной степени корпорацій. Но сословнаго различія, въ смыслѣ неравноправности лицъ разныхъ сословій, въ Финляндіи не существуетъ. Нѣкоторые остатки преимуществъ дворянства отмѣнены постановленіями сеймовъ 1863-го и 1867-го годовъ. Затѣмъ, равноправность всѣхъ сословій въ Финляндіи обуславливается обширностью правъ вообще финляндскаго гражданина (medborgare), правъ въ равной степени принадлежащихъ всѣмъ сословіямъ. Первымъ въ числѣ этихъ правъ стоитъ *личная свобода*, ненарушимая до совершенія *явнаго* тяжкаго преступленія, право пользоваться покровительствомъ законовъ въ отношеніи жизни, чести и имущества, неотъемлемое безъ предварительнаго законнаго слѣдствія и суда. Въ числѣ этихъ правъ находится и религіозная свобода, которая, впрочемъ, ограничена тѣмъ, что православнымъ и въ Финляндіи законъ не предоставляетъ права переходить въ иное вѣроисповѣданіе.

Финляндскій сеймъ и состоитъ изъ четырехъ палатъ, по числу сословій. Изъ нихъ только одна, дворянская палата — не выборная; она состоитъ изъ представителей, то-есть главъ дворянскихъ родовъ въ Финляндіи. При этомъ, въ составѣ самого дворянства еще различаются три сословія или куріи: боярская (Herrklassen), къ которой при-

надлежать титулованные роды; рыцарская (Riddareklassen), въ которой принадлежать древнѣйшіе дворянскіе роды, а также роды, которыхъ глава когда-либо былъ государственнымъ совѣтникомъ или командоромъ орденовъ „Сѣверной звѣзды“ или „Меча“, и — собственно дворянская (Svenneklassen). Это раздѣленіе совершенно соотвѣтствуетъ англійскимъ понятіямъ: the lords, knights, squires. Подача голосовъ въ рыцарской палатѣ происходитъ по куріямъ, такъ что большинство составляется изъ двухъ курій противъ одной, и такимъ образомъ, можетъ несоотвѣтствовать реальному большинству всего состава палаты, еслибы сосчитать членовъ поголовно.

Духовная палата состоитъ изъ архіепископа, епископовъ и выборныхъ отъ абоской епархіи 12, отъ боргоской 10 и куопіоской 6. Но въ составу духовнаго сословія причисляется и сословіе учительское. Ординарные учителя всѣхъ учебныхъ заведеній каждой епархіи посылаютъ въ палату одного депутата или двухъ, по желанію; университетъ также избираетъ одного изъ двухъ депутатовъ въ духовную палату. Палата городского сословія состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ этимъ сословіемъ по одному отъ каждого города, а если населеніе города превышаетъ 6 т. душъ, то постольку депутатовъ, во сколько число учителей дѣлится на 6 т. Участвуютъ въ выборахъ городского сословія: граждане, кораблехозяева, заводчики, промышленники, имѣющіе особыя привилегіи и домовладѣльцы, а также должностныя лица городскихъ выборныхъ управленій. При этомъ, однако, домовладѣльцы-дворяне не имѣютъ права выбора; не имѣютъ его и женщины, а также экипажи торговыхъ судовъ, солдаты и прислуга обществъ и частныхъ лицъ, и всѣ рабочіе по найму и ремесленники, работающіе только для собственнаго пропитанія.

Крестьянская палата составляется изъ депутатовъ, избираемыхъ поселянами по одному отъ каждого судебного округа въ краѣ. Выборы происходятъ здѣсь въ двухъ степеняхъ. Въ выборѣ избирателей (электровъ) участвуетъ каждый мужчина, живущій въ мѣстной общинѣ и владѣющій въ ней землею обложенной податью, или имѣющій казенную поземельную аренду. Каждая община избираетъ одного электора на каждыя 2 тысячи человекъ. Затѣмъ электоры, собравшись вмѣстѣ, избираютъ сеймоваго депутата по одному на судебный округъ. Изобличеніе въ подлогѣ или продажѣ голоса на выборахъ лишаетъ права на участіе въ нихъ. Сеймовымъ депутатомъ можетъ быть только лицо, исповѣдующее христіанскую вѣру и имѣющее не менѣе 25-ти лѣтъ отъ роду. Выборъ депутата рѣшается большинствомъ голосовъ избирателей. Избранный не имѣетъ права отказываться отъ избранія безъ законныхъ препятствій, и явившись на сеймъ, не можетъ слагать съ себя званія безъ законныхъ причинъ. Въ случаѣ выбитія депутата, по законной причинѣ, или назначенію его тальманомъ (т.-е. президен-

томъ палаты, который во всѣхъ палатахъ назначается верховною властью), происходить дополнительные выборы.

Какъ отдѣльный депутатъ не имѣетъ права отказаться отъ своего назначенія, такъ и избирательный округъ не имѣетъ права уклоняться отъ производства выбора; если избирательный округъ не назначитъ депутатовъ въ законномъ числѣ, то подвергается за это пенѣ по опредѣленію сословія (т.-е. палаты). Сеймовый депутатъ получаетъ приличное содержаніе и вознагражденіе на путевые расходы. Такъ какъ въ Финляндіи выраженіе „сеймъ“ равносильно съ понятіемъ о сессіи палаты, и стало быть, каждая новая сессія означаетъ новый сеймъ, то-есть новые выборы, то содержаніе депутатовъ, разумѣется, и получаетъ только во время сессіи, такъ какъ, по окончаніи ея, онъ перестаетъ быть депутатомъ. Административное вліяніе на выборы воспрещено закономъ, и чиновникъ, оказавшійся виновнымъ въ подобной попыткѣ, лишается должности. Нарушеніе же свободы выборовъ подговорами или обѣщаніями наказывается тюремнымъ заключеніемъ до 3-хъ мѣсяцовъ и даже, если были употреблены угрозы—то до одного года; сверхъ того, если виновный—чиновникъ, то онъ лишается должности.

По открытіи сейма монархомъ или его представителемъ, причемъ прочитывается тронная рѣчь и привѣтствіе (адресы) сословій, происходитъ повѣрка полномочій. Тальманы и вице-тальманы назначаются верховною властью, а до ихъ назначенія въ каждой палатѣ предсѣдательствуетъ старшій по возрасту. Тальманъ рыцарской палаты носить титулы ландмаршала, то-есть какъ бы предводителя всего сейма. Тальманы приносятъ присягу. По открытіи сессій, всѣ палаты участвуютъ въ избраніи членовъ въ общія для всѣхъ сословій коммиссіи: хозяйственную, статную (финансовую), чрезвычайныхъ податей и банковую. Въ каждую изъ этихъ коммиссій каждая отдѣльная палата избираетъ по 4 или по 3 члена. Эти коммиссіи готовятъ проекты законовъ, сообщаютъ о нихъ заключенія и могутъ требовать справки и объясненія отъ всякихъ учреждений, въ томъ числѣ и отъ сената, чрезъ посредство его предсѣдателя. Проекты законовъ и мѣръ сообщаются сейму, въ формѣ императорскихъ предложеній, и принимаются къ обсужденію, вмѣстѣ съ отзывами по нимъ общихъ коммиссій. Отзывъ общей коммиссіи при докладѣ въ первый разъ „оставляется на столѣ“; при слѣдующемъ докладѣ, онъ опять „оставляется на столѣ“, если того потребуютъ не менѣе двухъ членовъ; по докладѣ же дѣла, въ третій разъ, должно быть постановлено рѣшеніе. Итакъ, обязательны два чтенія, а третье можетъ быть потребовано, но должно быть послѣднимъ.

Засѣданіе палатъ публичны, кромѣ особыхъ случаевъ; каждый членъ имѣетъ право совершенно свободно выражать свое мнѣніе, не

позволяя себѣ неприличныхъ выраженій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ президентъ лишаетъ его слова. Онъ можетъ быть подвергнутъ замѣчанію по рѣшенію палаты. Впрочемъ, на финляндскомъ сеймѣ свобода парламентскаго слова не безгранична, какъ, напр., въ англійскомъ или итальянскомъ парламентахъ. Депутатъ, за рѣчи произнесенныя на сеймѣ, можетъ быть подвергнутъ судебному преслѣдованію, но не иначе какъ если палата, къ которой онъ принадлежитъ, дастъ на это согласіе и притомъ большинствомъ пяти-шестихъ присутствующихъ членовъ—гарантія, которую нельзя не признать достаточною. Въ случаѣ если такого большинства не состоится, депутатъ, за виды и мнѣнія, выраженные имъ на сеймѣ, не можетъ быть ни привлеченъ къ суду, ни лишенъ свободы. Особа депутата неприкосновенна и въѣ сейма: оскорбленіе депутата, или преслѣдованіе за рѣчи и дѣйствія на сеймѣ, наказывается строже, чѣмъ оскорбленіе частнаго лица, хотя бы сессія и окончилась. Обвиненный въ преступленіи депутатъ не можетъ быть взятъ подъ стражу наравнѣ со всякимъ финляндскимъ гражданиномъ иначе какъ если онъ пойманъ на дѣлѣ, или имѣется судебное опредѣленіе къ аресту. Но преимущество депутата въ томъ, что и судъ имѣетъ право опредѣлять арестованіе депутата только по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи; за маловажные же проступки законъ не дозволяетъ подвергать депутата аресту. Депутатъ не можетъ быть и заключаемъ въ тюрьму за долги, во все продолженіе сессіи.

Сословія или палаты могутъ собираться въ общее засѣданіе, которое называется *plenum plenum* (простое *plenum* есть полное собраніе одной палаты), но только для выслушанія императорскихъ заявленій, или для обсужденій, а не для принятія совокупныхъ рѣшеній, что и само по себѣ было бы возможно только при единогласіи, такъ какъ иначе опредѣленія сейма постановляются большинствомъ палатъ.

Всѣ дѣла, за исключеніемъ вопросовъ о наложеніи чрезвычайныхъ податей, рѣшаются по заключенію трехъ палатъ. Если же двѣ палаты постановили одно рѣшеніе, а двѣ—другое, то вопросъ остается нерѣшеннымъ. По вопросамъ же, которыхъ рѣшеніе не можетъ быть отложено до слѣдующей сессіи, а также по вопросу объ установленіи чрезвычайныхъ податей, если не состоялось большинства палатъ, рѣшеніе постановляется въ комиссіи внесшей вопросъ, причемъ, однако, эта комиссія усиливается выборами отъ всѣхъ сословій, такъ чтобы въ ней было по 15-ти членовъ отъ каждого сословія. Затѣмъ, если въ усиленной комиссіи вопросъ будетъ рѣшенъ большинствомъ $\frac{2}{3}$, то это рѣшеніе и признается рѣшеніемъ всего сейма. Относительно порядка обсужденія дѣлъ въ палатахъ, замѣтимъ еще, что подача голосовъ на сеймѣ секретная и производится посредствомъ закрытыхъ билетовъ,

на которыхъ напечатано „да“ или „нѣтъ“; законъ воспрещаетъ устранять какое-либо предложеніе посредствомъ такъ-называемой *question préalable*; голосованіе непременно должно состояться по предложенію.

Итакъ, финляндскій сеймъ имѣетъ полную возможность не принять предложеннаго ему правительствомъ проекта закона или мѣры; но въ случаѣ его отказа, вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ, потому что сеймъ не пользуется правомъ законодательной инициативы; онъ не можетъ взаимнѣ правительственнаго проекта вотировать иной, предложенный кѣмъ-либо изъ членовъ сейма, не можетъ и возбудить и разрѣши самъ, независимо отъ правительства, какой-либо вопросъ. Вотъ почему въ Финляндіи замѣтно всеобщее желаніе, чтобы законодательный починъ былъ предоставленъ и сейму. Впрочемъ, сеймъ можетъ возбуждать вопросы и предлагать ихъ правительству, со своимъ мнѣніемъ, но не иначе какъ путемъ обсужденія поступающихъ къ нему отъ жителей петицій. Право петицій принадлежитъ финляндскимъ гражданамъ безъ ограниченія, и вотъ на каждый сеймъ представляются петиціи городовъ, требующія свободы печати, полной религіозной свободы, а на этотъ разъ, какъ мы слышали, имѣется и петиція о предоставленіи сейму инициативы въ законодательныхъ дѣлахъ. Петиція вносится въ сеймъ однимъ изъ депутатовъ; она передается въ одну изъ комиссій и потомъ вмѣстѣ съ ея докладомъ обсуждается сеймомъ, который и постановляетъ по ней свое рѣшеніе. Слѣдующему затѣмъ сейму правительство объявляетъ о своихъ рѣшеніяхъ по всѣмъ вопросамъ, поступившимъ на его усмотрѣніе въ предшествующую сессію, между прочимъ и по петиціямъ, которымъ сеймъ придалъ значеніе своихъ собственныхъ ходатайствъ.

Другая важная особенность финляндской конституціи состоитъ въ томъ, что сеймъ не утверждаетъ бюджета; никакая новая подать не можетъ быть установлена безъ согласія сословій, но прежнія подати взимаются безъ его періодическаго разрѣшенія, и самый бюджетъ составляется хозяйственнымъ департаментомъ сената (министерствомъ) и утверждается верховной властью окончательно. Финансовая отчетность, впрочемъ, представляется сейму, котораго комиссія провѣряетъ, какимъ образомъ были употреблены ассигновки, назначенныя предшествующимъ сеймомъ для определенныхъ цѣлей, а также и вообще употребленіе всѣхъ доходовъ края. Финляндскій банкъ состоитъ подъ непосредственнымъ контролемъ сейма, который принялъ на себя, то-есть на всю страну ручательство и отвѣтственность за банкъ. Банковая комиссія во время сессіи провѣряетъ все управленіе банкомъ и состояніе его фондовъ. На каждомъ сеймѣ назначаются ревизоры и сверхъ того избирается особая постоянная комиссія, по равному числу повѣренныхъ отъ всѣхъ сословій, которые имѣютъ наблюденіе

за управленіемъ фондовъ банка и въ промежуткахъ между сессіями. Это и есть единственное сеймовое учрежденіе, существующее непрерывно, непремѣнный комитетъ сейма; но его полномочія и ограничиваются только наблюденіемъ за банкомъ.

Вотъ тѣ условія, которыя обезпечиваютъ кредитъ Финляндіи. И въ самомъ дѣлѣ, билеты финляндскаго банка, соотвѣтствующіе нашимъ кредитнымъ билетамъ, обезпечиваются такимъ фондомъ, который *превышаетъ* сумму ихъ обращенія. Въ 1871-мъ году кредитныхъ билетовъ финляндскаго банка было въ обращеніи на 38.370,000 марокъ, а металлическій и фондовой запасъ банка составлялъ 40.390,000 марокъ. При такомъ положеніи дѣлъ, финляндскіе кредитные билеты жѣнятся на серебро безостановочно на всякую сумму и потому ходятъ совершенно наравнѣ съ серебромъ. Не нелѣпы ли послѣ этого претензіи нѣкоторыхъ нашихъ неразвитыхъ „патріотовъ“, которые обижаются, что имъ за бумажный рубль даютъ въ Финляндіи не 4 марки серебромъ, по номинальной цѣнѣ, а 3 марки 45 пенни, по курсу? Тутъ дѣйствуетъ не политическій сепаратизмъ, а тотъ неодолимый сепаратизмъ, который вообще отдѣляетъ бумагу отъ серебра. Финляндскія деньги лучше нашихъ, а потому дороже—вотъ и все; они дороже не только въ Финляндіи, но и въ Берлинѣ, и въ самомъ Петербургѣ. Да вѣдь и въ Россіи металлическіе фонды дороже другихъ, приносящихъ равные проценты. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ иныхъ, полное объединеніе Россіи съ Финляндіею можетъ быть достигнуто не иначе, какъ улучшеніемъ нашихъ условій до равной степени съ финляндскими, а не низведеніемъ финляндскихъ условій на нашъ уровень. Примѣромъ тому пусть служитъ нашъ серебряный рубль; у насъ его нѣтъ въ обращеніи, но въ Финляндіи онъ ходитъ и пользуется полнымъ уваженіемъ, такъ какъ стоитъ ровно 4 марки. Примѣръ нашего серебрянаго рубля весьма краснорѣчивъ и поучителенъ для насъ во всѣхъ отношеніяхъ. Серебряныя деньги въ Финляндіи чеканятся 83 1/3 пробы (монета въ 2 и 1 марку), но собственно мелкая монета, то-есть въ 75, 50 и 25 пенни имѣетъ пробу на 15% ниже, и потому пріемъ ея не обязателенъ для частныхъ лицъ на сумму выше 10-ти марокъ.

Весь бюджетъ Финляндіи составляетъ около 20-ти милліоновъ марокъ. Главный доходъ въ Финляндіи—косвенныя подати и сборы (8 милл.). Въ Финляндіи существуетъ подоходная подать (даетъ около 1/2 милл.), но съ значеніемъ временной, и на продолженіе взиманія ея требуется утвержденіе сейма. Финляндія не несетъ расхода по содержанію императорскаго двора. Такъ какъ Финляндія содержитъ весьма мало войска (въ настоящее время всего одинъ баталіонъ), то главный расходъ въ ея бюджетѣ—на народное образованіе и духовное вѣдомство (2 1/2 милл. марокъ).

Говоря объ особенностяхъ финляндской конституціи, сравнительно съ конституціями чисто-парламентскихъ странъ, мы должны прибавить, что въ самомъ коренномъ своемъ постановленіи о правахъ сейма, финляндская конституція не даетъ ему исключительнаго права законодательства. Измѣненіе основныхъ законовъ или правъ одного изъ сословій, введеніе набора и наложеніе новыхъ податей не могутъ быть устанавливаемы безъ согласія сословій. Но изъ остальныхъ законодательныхъ дѣлъ сейму подлежатъ только тѣ, которыя сопряжены съ вопросомъ о расходахъ. Таково, правда, большинство государственныхъ дѣлъ, однако не всѣ. Конституція допускаетъ изданіе постановленій (*förfordningar*), утвержденныхъ верховной властью и безъ созыванія сеймовыхъ чиновъ, и такія постановленія могутъ возникать въ финляндскомъ сенатѣ, или хотя бы и внѣ его, но обнародываются имъ и получаютъ силу закона; само собой разумѣется, что такое постановленіе не должно противорѣчить основнымъ законамъ или законамъ утвержденнымъ сеймомъ. Но они все-таки могутъ противорѣчить тѣмъ желаніямъ, какія сеймъ уже заявилъ, но которые онъ не могъ облечь въ форму закона, какъ потому, что не имѣетъ законодательнаго почина, такъ и потому что верховная власть могла не утвердить рѣшенія сейма, которое такимъ образомъ и не получило силы закона. Этимъ объясняется, что, напримѣръ, законъ о печати, дѣйствующій въ Финляндіи, несходенъ съ желаніями, выраженными на сеймѣ.

Теперь, чтобы дополнить очеркъ нынѣшняго положенія дѣлъ въ Финляндіи, намъ остается бросить взглядъ отдѣльно на сеймы 1863, 1867 и 1872 годовъ, причемъ представляется необходимость говорить и о положеніи финляндской печати. Мы упомянули выше о той особенности финляндской конституціи, которая представляется отсутствіемъ законодательнаго почина сейма. Это обстоятельство признано и верховной властью, и о немъ было упомянуто въ тронной рѣчи 1863-го года. Въ 1863-мъ году сеймъ созывался послѣ полувѣкового перевыва его дѣятельности. Тронная рѣчь начиналась словами: „Видя васъ собранными вокругъ Меня (сессія была открыта лично Государемъ), считаю Себя счастливымъ, что могу осуществить Мои желанія и ваши надежды. Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края. Рѣшеніе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участіе сейма. Высшія соображенія, оцѣнка которыхъ принадлежитъ Мнѣ, не позволила Мнѣ собрать представителей четырехъ сословій великаго княжества въ первые годы Моего царствованія“. Затѣмъ, упоминая о приготовительныхъ мѣрахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, тронная рѣчь выражалась такъ: „Я поручилъ комиссіи, составленной изъ лицъ облеченныхъ довѣріемъ народа, рассмотреть ихъ предварительно. Гласность, которая была до-

пущена относительно преній комиссіи, могла уже заранѣе ознакомить васъ съ тѣмъ, что составитъ предметъ вашихъ сужденій, и вы могли обдумать вполне эти проекты, сообразуясь съ общественнымъ мнѣніемъ и потребностями края“. Далѣе, въ тронной рѣчи упоминалось и о возможности предоставленія сейму законодательнаго почина, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить право принадлежащее уже сейму—опредѣлять размѣры и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законоположеній, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за собою инициативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій коренного закона“. Рѣчь оканчивалась прекрасными и памятными словами: „Вамъ, представители великаго княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія“.

Въ наше намѣреніе не входитъ подробно обозрѣвать всю дѣятельность предшествовавшихъ сессій сейма. Мы остановимся только на нѣсколькихъ вопросахъ. На сеймѣ 1863-го года, согласно предложенію правительства, отмѣнена была привилегія рыцарства и дворянства на владѣніе нѣкоторыми фрельзовыми (облѣнными) землями; впрочемъ, дворянство и до сихъ поръ сохранило привилегію на владѣніе настоящими Rittergüter, по нѣмецкому выраженію, которыя въ Финляндіи называются аллодіальными имѣніями, и свободны отъ податей; но число такихъ имѣній незначительно. На сеймѣ 1863-го года разсматривалось и предложеніе правительства о „свободѣ печати“. Проектъ этотъ не былъ принятъ сеймомъ, и мы сейчасъ поговоримъ о немъ особо. Въ числѣ дѣлъ, представленныхъ сеймомъ 1863-го года на благоусмотрѣніе верховной власти по петиціямъ, то-есть возникшихъ по почину самого сейма, въ той формѣ какою его инициатива обусловлена, слѣдуетъ упомянуть ходатайства сейма объ увеличеніи жалованья учителямъ элементарныхъ училищъ, о введеніи финскаго языка по преподаванію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края и о введеніи того же языка въ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ. Высочайшіе отвѣты на петиціи, представленные сеймомъ, какъ мы уже сказали, сообщаются слѣдующему сейму. Сейму 1867-го года сообщены были утвержденія или отвѣты на 36 петицій, представленныхъ сеймомъ 1863-го года. Въ томъ числѣ относительно жалованья учителямъ сообщено, что правительство издало въ 1865-мъ году декретъ, которымъ всѣмъ учителямъ низшихъ элементарныхъ училищъ Фин-

ляндіи присвоено такое содержаніе, что минимумъ окладовъ ихъ составляетъ 1,200 марокъ, и учительскихъ помощниковъ — 1000 марокъ. Излишне дѣлать сравненіе этихъ цыфръ съ нашими, которыя собственно никакого минимума для учителей не представляютъ, такъ какъ у насъ бываютъ оклады народныхъ учителей въ 50 рублей, но и это не минимумъ, ибо бываютъ они и менѣе. Относительно введенія финскаго языка въ училищахъ и присутственныхъ мѣстахъ, правительство удовлетворило ходатайство постановленіями 1865 и 1866 года. Сеймъ 1863-го года представилъ не 36 только петицій, а болѣе, но объ остальныхъ было сообщено, что на нихъ не послѣдовало соизволенія, и онѣ не были признаны требующими какого-либо распоряженія.

Сеймъ 1867-го года былъ, какъ и нынѣшній, открытъ по порученію Государя генераль-губернаторомъ. Въ числѣ представленныхъ ему правительствомъ предложеній важнѣйшими были проектъ устава о печати и проектъ новаго сеймоваго положенія. Поговоримъ сперва объ уставѣ о печати. Замѣчательно, что уставъ о печати, составленный для Финляндіи, такъ и называется „Уставъ о свободѣ печати и объ условіяхъ пользованія ею“. Правительство внесло такой проектъ въ сеймъ 1863-го года. Сеймъ призналъ необходимымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, но въ всеподданнѣйшемъ своемъ представленіи по этому предмету отзывался, что принимаетъ проектъ и въ неизмѣненномъ видѣ, если не будетъ признано возможнымъ согласиться на измѣненія, введенныя въ проектъ сеймомъ. Правительство приняло изъ этихъ измѣненій нѣкоторыя, и затѣмъ утвердило уставъ этотъ 18-го іюля 1865-го года, съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1866-го года и имѣлъ силу до конца слѣдующаго сейма. При этомъ, однако, правительство заявило, что по истеченіи приведеннаго срока, оно предоставляетъ себѣ, буде обстоятельства потребуютъ, „снова вступить въ полное пользованіе принадлежащимъ его величеству правомъ единою своею властью рѣшать все касающееся печати и блюденія за нею“. Тѣмъ не менѣе, сейму 1867-го года правительство опять представило „проектъ постановленія о свободѣ печати и объ условіяхъ пользованія оною“. Но этого проекта, который отступалъ отъ устава 1865-го года, сеймъ не принялъ. Тогда правительство согласно съ оговоркою, сдѣланною имъ впередъ, издало новый уставъ 31-го мая 1867-го года собственной властью. Этотъ уставъ и дѣйствуетъ въ Финляндіи до сихъ поръ, съ тѣми дополненіями, которыя изданы были недавно, именно прошлымъ лѣтомъ. Этимъ уставомъ учреждено было въ Гельсингфорсѣ особое для Финляндіи Главное Управленіе по дѣламъ печати, изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Предсѣдатель финляндскаго управленія дѣлами печати назначается верховною властью по представленію общаго собранія сената, „которое

при этомъ“, такъ сказано въ высочайше утвержденномъ уставѣ, „обращаетъ вниманіе не только на способность лица по службѣ, но и главнымъ образомъ на высшее литературное его образованіе“. Члены главнаго управленія назначаются въ Финляндіи общимъ собраніемъ сената по представленію предсѣдателя главнаго управленія. Членъ главнаго управленія можетъ подлежать отводу по дѣлу, въ которомъ затронуты его личные интересы, и тогда главное управленіе приглашаетъ для разбора дѣла другое лицо. Главное управленіе имѣетъ своихъ агентовъ въ городахъ, подъ именемъ не цензоровъ, а „повѣренныхъ“; они и исполняютъ цензорскую должность. До выпуска сочиненія или нумера періодическаго изданія изъ типографіи, типографщикъ обязанъ представить два экземпляра его такому повѣренному, подъ опасеніемъ штрафа въ 1,000 марокъ. Періодическія изданія представляются, такимъ образомъ, за два часа до выдачи ихъ, сочиненія большаго объема за 14 дней до выпуска. Повѣренный, не встрѣтивъ препятствій, отмѣчаетъ на сочиненіи „предъявлено“, со своей подписью, и эта отмѣтка печатается на каждомъ экземплярѣ. Но такое предварительное разрѣшеніе не освобождаетъ изданіе отъ преслѣдованія судебнымъ порядкомъ. Если повѣренный усмотритъ въ сочиненіи преступленіе „противъ свободы печати“ (по выраженію закона), то доносить о томъ, не даетъ разрѣшенія на выпускъ, представляетъ сочиненіе главному управленію для судебного разбирательства, и налагаетъ на сочиненіе секвестръ. Въ Финляндіи главное управленіе само служитъ судебнымъ мѣстомъ для разбора дѣлъ собственно по нарушенію цензурныхъ и типографскихъ правилъ, и на окончательныя рѣшенія его по такимъ дѣламъ подаются жалобы въ сенатъ. Но собственно преступленія и проступки противъ правительства, учреждений и частныхъ лицъ, совершенныя путемъ печати, подлежатъ обыкновеннымъ судамъ.

Періодическое изданіе можетъ быть основано и типографія можетъ быть учреждена не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго управленія. Оно же, „если издатель періодическаго сочиненія употребитъ во зло данное ему разрѣшеніе на изданіе, сообщаетъ ему предостереженіе“, и „если по возобновленіи предостереженія онъ не исправится, то главное управленіе можетъ отмѣнить разрѣшеніе“. Теперь выпишемъ изъ закона весь тотъ параграфъ, который опредѣляетъ дѣйствія печати недозволенныя и составляющія преступленія или проступки, за которые повѣренный пріостанавливаетъ выпускъ сочиненія, а дѣло поступаетъ на усмотрѣніе главнаго управленія, для судебного преслѣдованія или для собственнаго распоряженія, смотря по важности. Вотъ этотъ параграфъ: „Воззваніе къ измѣнѣ, бунту или возстанію, оскорбительныя или поносительныя выраженія объ императорѣ, императрицѣ, наслѣд-

никѣ престола и другомъ членѣ императорскаго дома, о земскихъ чинахъ, генераль-губернаторѣ и власти; распространеніе лжи или *невѣрныхъ слуховъ*, могущихъ повести къ заблужденію и увлеченію публики; искаженныя или неточныя изложенія, толкованія или неприлично выраженное осужденіе дѣйствій правительственныхъ властей края, или намѣреній про оныхъ; предосудительныя или оскорбительныя выраженія или извѣщенія объ общественныхъ дѣлахъ въ Россійской имперіи; оскорбительныя, къ раздору съ чужими державами клонящіяся выраженія и поношенія иностранныхъ государей и ихъ посланниковъ при правительствѣ края; разглашеніе государственныхъ тайнъ и вообще изложенія опасныя для общества и оскорбляющія нравственность и благопристойность“. Въ дополненіе къ этому параграфу, мы приведемъ еще одинъ: „При обсужденіи вопросовъ упомянутыхъ (выше), повѣренныя и главное управленіе должны принимать въ соображеніе не только вытекающее изъ словъ каждаго сочиненія мнѣніе и связь, но и содержащіяся въ немъ намеки на лица и обстоятельства, хотя бы сіе не было положительно сказано, а выражено глухо, но легко узнаваемымъ образомъ“. Драматическія представленія въ Финляндіи подчинены этому же уставу, и контроль за ними принадлежитъ тому же главному управленію.

Мы съ своей стороны находимъ излишнимъ вдаваться въ оцѣнку приведенныхъ постановленій; замѣтимъ только, что по точному смыслу ихъ, то-есть, если преслѣдовать или хотя бы конфисковать нумеръ изданія за каждый „невѣрный слухъ“, „неточное изложеніе и толкованіе“ и „предосудительное извѣщеніе объ общественныхъ дѣлахъ въ Россіи“, то трудно достигнуть той цѣли, которая выражена въ самомъ названіи закона словами „о свободѣ печати“. Правда, въ Финляндіи *практика* этого закона мягче, чѣмъ у насъ; задержка нумеровъ газетъ тамъ явленіе нерѣдкое, но запрещеній или приостановленій изданія еще не бывало. Но все-таки ясно, что изложенныя основанія закона представляютъ нѣчто не совсѣмъ сходное со смысломъ всѣхъ тѣхъ учреждений, какими пользуется Финляндія. Пожелаемъ ей скорыхъ улучшеній и въ этомъ отношеніи, прибавимъ, что мы безъ всякой зависти смотрѣли бы на предоставленіе ей ихъ, въ той именно надеждѣ, общей и намъ съ Финляндією, которая была такъ авторитетно выражена въ словахъ тронной рѣчи 1863-го года: „въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія“.

Важнѣйшее дѣло сейма 1867-го года было выработка и принятіе новаго сеймоваго положенія или устава, которое затѣмъ было утверж-

дено верховною властью въ апрѣлѣ 1869-го года. Это сеймовое положеніе заключаетъ въ себѣ не только постановленія о порядкѣ преній и дѣлопроизводства на сеймѣ, но избирательный законъ и постановленія по отношеніямъ сейма къ правительству, однимъ словомъ, важную часть всей финляндской конституціи. Положеніе это отмѣнило сеймовый уставъ 1617-го года, и представляетъ по отношенію къ прежнему закону шагъ впередъ въ либеральномъ смыслѣ, не касаясь, разумѣется, ни полной автономіи Финляндіи, ни самаго распредѣленія ея представительства по сословіямъ. Въ умѣ читателя легко можетъ возникнуть вопросъ, отчего же при проведеніи новаго устава о сеймахъ, финляндцы не позаботились дать ему настоящее значеніе парламентской реформы, отмѣнивъ устарѣвшій и столь сложный порядокъ представительства по сословіямъ? Отчего бы финляндскимъ сословіямъ не слиться въ единую народную палату, то-есть не превратить „государственные чины“ въ народное представительство? Въ Швеціи, то посословное устройство сейма, какое мы еще видимъ въ Финляндіи доселѣ, какъ извѣстно, уже отмѣнено.

На этотъ вопросъ можно кажется безошибочно отвѣчать, что финляндцы не отмѣнили стараго порядка единственно изъ опасенія уменьшить прочность существующихъ въ ихъ странѣ учреждений. Подвергать пересмотру конституцію въ самыхъ ея основахъ они не сочли удобнымъ. Иначе, нѣтъ никакого сомнѣнія, они отмѣнили бы представительство по сословіямъ, какъ устройство менѣе рациональное въ принципѣ и болѣе сложное на практикѣ, и отмѣна эта произошла бы въ Финляндіи легко, такъ какъ тамъ сословной розни вовсе не существуетъ. А между тѣмъ, финляндцы не рѣшились на это; вотъ примѣръ, какъ всякое опасеніе затрудняетъ развитіе страны. Главное улучшение, осуществленное уставомъ 3/15 апрѣля 1869-го года (по дню его утвержденія) состоитъ въ установленіи періодичности сеймовыхъ сессій. Въ прежнихъ законахъ былъ въ этомъ отношеніи важный пробѣлъ. Они опредѣляли, какія постановленія и мѣры не могутъ быть вводимы безъ согласія сейма, но не опредѣляли обязательнаго (урочнаго) срока для созыванія сеймовъ. Итакъ, если только правительство не хотѣло измѣнить какого-либо основнаго закона страны, или правъ сословій, вводить набора и устанавливать новыхъ податей, то оно могло не созывать сейма неопредѣленное время.

Такимъ образомъ, императоръ Николай не созывалъ сейма во все продолженіе своего царствованія, и при этомъ оставался въ предѣлахъ существовавшей законности. Нынѣ царствующій государь, уже въ тронной рѣчи обращенной къ сейму 1863-го года, объявлялъ намѣреніе не ограничиться созваніемъ одной той сессіи, но созвать новый сеймъ чрезъ три года. И при открытіи сейма въ 1867-мъ году, ланд-

маршалъ баронъ Норденстамъ, въ своей привѣтственной рѣчи (адрессъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь), указываетъ на особенное значеніе созванія той сессіи: „дозволено предположить“, говорилъ онъ, „что ваше величество выразили тѣмъ свое намѣреніе установить болѣе правильное отправленіе законодательныхъ дѣлъ, посредствомъ сеймовъ періодически созываемыхъ.“

Новымъ сеймовымъ положеніемъ опредѣлено, что чины Финляндіи собираются, по призыву верховной власти, на урочный сеймъ *по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ* и могутъ также быть созываемы на чрезвычайный сеймъ, коль скоро государь найдетъ это нужнымъ. Нѣтъ нужды объяснять всю важность этого опредѣленія для правильности хода законодательныхъ дѣлъ страны. Этотъ 5-тилѣтній срокъ все еще слишкомъ продолжителенъ, и въ Финляндіи охотно сократили бы его на два года. Для полной же непрерывности хода законодательныхъ работъ требовалась бы ежегодная урочная сессія сейма. Но препятствіемъ къ тому служить между прочимъ и недостатокъ матеріальныхъ средствъ; депутаты получаютъ вознагражденіе и деньги на проѣздъ отъ своихъ избирателей, и сессія сейма сопряжена такимъ образомъ съ денежными жертвами, которыхъ ежегодное повтореніе могло бы быть отяготительно для бѣднѣйшихъ, особенно крестьянскихъ избирательныхъ общинъ.

Сеймовое положеніе 1869-го года увеличило также продолжительность сессій сейма. На основаніи акта 1772-го года о формѣ правленія, сессіи должны были продолжаться не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Когда, въ 1867-мъ году, потребовалось продолжить засѣданія сейма сверхъ этого времени, то для этого потребовалось особое высочайшее повелѣніе. Нынѣ установлено, что сессія продолжается не болѣе четырехъ мѣсяцевъ со дня открытія сейма; но впрочемъ, новый законъ изложенъ такъ, что если сеймъ не кончитъ своихъ работъ въ этотъ срокъ, то по истеченіи его верховная власть *„можетъ, коль скоро признаетъ сіе за благо, закрыть сеймъ“*, то-есть воспользоваться правомъ, которое принадлежитъ ей во всякое время, и до истеченія срока. Итакъ, еслибы сеймъ въ четыре мѣсяца не успѣлъ кончить своихъ работъ, то онъ могъ бы продолжать ихъ и сверхъ срока безъ особаго разрѣшенія, пока онъ не закроетъ именнымъ повелѣніемъ.

Въ новомъ сеймовомъ уставѣ опредѣлены еще нѣкоторыя немаловажныя измѣненія и дополненія прежнихъ законовъ. Такъ имъ установлена личная неприкосновенность депутатовъ за мнѣнія, высказанныя ими на сеймѣ, въ тѣхъ границахъ, которыя уже указаны нами выше. Дополненъ и избирательный порядокъ для крестьянскаго сословія, впрочемъ безъ измѣненія его основаній. Избраніе и прежде производилось въ двухъ степеняхъ, какъ нынѣ, только порядокъ его нѣ-

сколько точнѣе опредѣленъ. Въ послѣднемъ параграфѣ новаго сеймоваго положенія сказано: „настоящій сеймовый уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ основнымъ закономъ для монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмены оного совокупнымъ рѣшеніемъ.“ Въ высочайшей же конфирмаціи этого положенія сдѣлана оговорка о сохраненіи права верховной власти, въ томъ видѣ какъ оно установлено въ формѣ правленія 1772-го года и въ актѣ соединенія и охраненія 1789-го года, и не измѣнено точными словами въ новомъ сеймовомъ уставѣ.

Нынѣшній сеймъ уже былъ созданъ послѣ 1867-го года въ пятый годъ, на основаніи новаго сеймоваго положенія. Въ тронной рѣчи, которою былъ открытъ сеймъ, выражается сожалѣніе о бѣдствіяхъ неурожая, постигшихъ Финляндію въ 1867 и 1868 годахъ, вслѣдствіе которыхъ въ значительной мѣрѣ уменьшилось ея населеніе, сообщается объ удовлетворительномъ состояніи финансовъ, упоминается о желѣзной дорогѣ, соединившей Финляндію со столицею имперіи. Тронная рѣчь при этомъ упоминаетъ о естественномъ сближеніи жителей разныхъ мѣстностей, и выражается объ этомъ такъ: „таковое сближеніе, способствуя вообще всестороннему развитію, непременно послужитъ и постепенному разсѣянію мѣстныхъ предубѣжденій и тѣмъ самымъ упрочитъ чувства пріязни и единства, которыя Я такъ искренно желаю видѣть непринужденно и дружно вселенными между народами, соединенными подъ Моимъ скипетромъ.“ Желательно, чтобы наши ультра-націоналы обратили вниманіе на эти многозначительныя слова и просвѣщенный духъ ихъ, который указываетъ упроченіе единства въ сближеніи, всестороннемъ развитіи и разсѣяніи предубѣжденій.

Тронная рѣчь, указывая на безусловность изученія русскаго языка въ училищахъ Финляндіи, „между тѣмъ какъ необходимость основательнаго знанія его, обнаруживается не только на служебномъ поприщѣ, но и въ практической частной жизни“, сообщаетъ сейму о правительственномъ постановленіи относительно введенія русскаго языка въ училищахъ края въ число обязательныхъ предметовъ. Что касается вопроса о введеніи въ великомъ княжествѣ общей воинской повинности, то тронная рѣчь сообщаетъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть нынѣ предложенъ на обсужденіе сейма, такъ какъ эта мѣра еще не введена въ имперію.

Изъ числа правительственныхъ предложеній, внесенныхъ на нынѣшній сеймъ, упомянемъ важнѣйшіе проекты: о новомъ морскомъ уставѣ, о новомъ городовомъ положеніи, о продажѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, о новыхъ постановленіяхъ по гербовой пошлинѣ, объ измѣненіяхъ въ уставѣ о винокурении, о продолженіи подоходнаго налога съ 1873-го года, о назначеніи новыхъ средствъ (налога) для

народнаго образованія, о назначеніи новыхъ средствъ для воспитанія слѣпыхъ дѣтей, о назначеніи средствъ на пособія сельскимъ общинамъ, которыя наиболѣе отягчены воинскимъ постоемъ, о средствахъ для устройства дома умалишенныхъ, о новомъ законѣ относительно сохраненія древнихъ памятниковъ и о назначеніи средствъ для устройства тюремнаго дѣла. Предложенія эти не имѣютъ политическаго характера, но сеймъ будетъ обсуждать также и петиціи отъ городовъ и обществъ; въ числѣ этихъ петицій находятся ходатайства о расширеніи свободы печати, и о предоставленіи сейму права законодательной инициативы.

Намъ пришлось посвятить почти все нынѣшнее обозрѣніе исключительно очерку положенія Финляндіи, и отложить до слѣдующаго раза бесѣду о другихъ фактахъ нашей внутренней жизни. Сознаемся впрочемъ откровенно, что объ одномъ изъ такихъ фактовъ, довольно замѣтномъ, а именно объ извѣстномъ ходатайствѣ московскаго дворянства, мы предпочли бы совсѣмъ умолчать собственно потому, что онъ касается вопроса вообще объ административныхъ карахъ, который наша печать, по правдѣ говоря, не можетъ обсуждать съ достаточною, соответствующею важности дѣла полнотой. Но нельзя не обратить вниманія на возмутительную выходку, по этому случаю, газеты московскаго университета, обращенной господами Катковымъ и Леонтьевымъ въ органъ безшабашной реакціи. Здравый смыслъ говорить ясно, что по такому факту, который, согласно условіямъ нашего положенія, можетъ быть съ достаточною свободой и полнотою отнесенъ только правительствомъ, неприлично литературному органу пользоваться—просторомъ одного порицанія. Но и здравый смыслъ и приличіе—такія понятія, къ которымъ господа Катковъ и Леонтьевъ питаютъ въ себѣ полнѣйшій сепаратизмъ. Они и на этотъ разъ не отказались отъ печальнаго своего права обрушиться всею силою порицанія на постановленіе московскаго дворянства, въ то время когда никто въ печати не имѣлъ бы права объяснить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ можно отнести и съ сочувствіемъ къ этому постановленію. Такимъ образомъ, создалось для печати слѣдующее положеніе: общественное учрежденіе положило ходатайствовать объ охраненіи гарантій, предоставляемыхъ личности судебными уставами; правильно или неправильно такое ходатайство—оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ; но неужели же будущему историку современныхъ нравовъ придется сказать о русской печати, что единственный интересъ, къ которому она отнеслась съ сочувствіемъ въ этомъ важномъ вопросѣ, былъ интересъ быстроты полицейскаго дѣйствія?

Впрочемъ, какъ бы ни былъ невеликъ просторъ, какимъ русская печать пользуется, но эта мысль была слишкомъ тягостна и печать не перенесла ее, считая обязанностью сдѣлать все, что могла въ настоящемъ случаѣ, а именно отвѣчать на инсинуаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ протестомъ, указать на всю уродливость ихъ логики и на позорную преднамѣренность ихъ въ смѣшеніи вопроса о прочности судебныхъ гарантій съ вопросомъ о „связаніи рукъ власти“ въ преслѣдованіи государственныхъ преступленій. Признавая неупустительнымъ долгомъ присоединиться къ этому протесту, мы не много можемъ прибавить къ тому, что уже сказано другими. Московское дворянство, по предложенію г. Ю. Самарина, постановило ходатайствовать, чтобы дворянину, въ случаѣ если онъ подвергнется одной изъ административныхъ мѣръ, указанныхъ въ правилахъ 19-го мая 1871-го года о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, дозволено было требовать въ двухнедѣльный срокъ производства надъ собою предварительнаго слѣдствія и суда. Право ходатайства о нуждахъ дворянства принадлежитъ дворянскимъ собраніямъ, и московское дворянство въ настоящемъ случаѣ поступило не иначе, какъ большинство земскихъ собраній имперіи, которыя порученное имъ разсмотрѣніе проекта о подушныхъ сборахъ, безпрепятственно и къ общему сочувствію, обратили въ ходатайство о введеніи подоходнаго налога и о привлеченіи къ нему всѣхъ сословій. Смыслъ нынѣшняго ходатайства московскаго дворянства ясно опредѣленъ въ слѣдующихъ словахъ автора предложенія: „если дворянинъ будетъ безъ суда и предварительнаго слѣдствія, на основаніи одного дознанія произведеннаго офицеромъ корпуса жандармовъ, по докладу двухъ министровъ отдастъ подъ надзоръ полиціи или подвергнутъ воспрещенію имѣть жительство въ столицѣ, то онъ получитъ право просить слѣдствія и суда, иными словами получить право просить, чтобы ему не было отказано въ законныхъ средствахъ очистки себя предъ правительствомъ и предъ цѣлымъ сословіемъ“. Затѣмъ, ходатайство это нисколько не „связываетъ власти рукъ“ для пресѣченія и предупрежденія всякихъ преступленій, такъ какъ слѣдователь и на основаніи судебныхъ уставовъ, если убѣдится, что подозрѣваемаго лица нельзя оставить на свободѣ, можетъ не только оставить это лицо подъ надзоромъ полиціи, но и взять его подъ арестъ до самаго послѣдованія судебного приговора.

Правительство можетъ принять это ходатайство во вниманіе или нѣтъ—это отъ него зависитъ. Правительство можетъ отнять и самое право ходатайства у общественныхъ учрежденій, которыя пользуются этимъ правомъ, и воспретить на будущее время представленіе всякихъ ходатайствъ и всякихъ адресовъ. Но никто — кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ не можетъ сказать, что московское дворянство,

пользуясь правомъ ходатайства, въ настоящемъ случаѣ повредило своему кредиту. Кредиту—передъ кѣмъ и у кого? Если ходатайствомъ этимъ московское дворянство повредило своему „кредиту“ у издателей „Московскихъ Вѣдомостей“, то въ этой бѣдѣ порядочные люди легко могутъ утѣшиться.

„Московскія Вѣдомости“ очевидно все еще убѣждены, что они держать у себя въ умственномъ рабствѣ *провинцію*; но что статья ихъ будетъ оцѣнена по достоинству и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, этого они не могли не знать. Положеніе ихъ нынѣ представляетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ извѣстной Гортензіи Шнейдѣръ; когда къ ней стекалась вся Европа въ ея парижскій храмъ искусства и ей внимали короли. Постарѣвъ и выйдя изъ моды, она уже примирилась съ невозвратными утратами, махнула рукой на прежнія притязанія, и разсчитываетъ уже только на то, чтобы въ балаганѣ г. Егарева повторять нѣкое подобіе прежнихъ триумфовъ въ средѣ петербургской веселой компаніи. Такое положеніе заставляеть ее уже и прибѣгать къ болѣе безцеремоннымъ приемамъ: *il faut-être plus ca-naille*—сказали ей совѣтчики.

Нѣчто аналогичное видимъ мы въ тѣхъ окончательно-абсурдныхъ приемахъ и тѣхъ совсѣмъ уже безцеремонныхъ выходкахъ, которыми господа Катковъ и Леонтьевъ въ своемъ паденіи считаютъ возможнымъ обходиться со своею *нынѣшнюю* публикою, со своими предполагаемыми умственными рабами въ провинціи. Статья, о которой мы говоримъ, поистинѣ написана какъ бы для представленія на конкурсъ рогатыхъ силлогизмовъ. Гг. Леонтьевъ и Катковъ какъ бы нарочно начинаютъ ее съ исключительныхъ мѣръ второй французской имперіи противъ ея внутреннихъ враговъ, и потомъ спрашиваютъ, въ такомъ ли положеніи находится правительство у насъ? Ясно, что не въ такомъ. Но что изъ этого слѣдуетъ логически? Что намъ стало быть вовсе и не нужно исключительныхъ мѣръ. Нѣтъ, „Московскія Вѣдомости“ съ логикою, приличною только для опереттѣ, выводятъ отсюда, что поэтому у насъ-то именно, гдѣ нѣтъ партій, гдѣ нѣтъ никакихъ династическихъ опасностей, и необходимы въ особенности исключительныя мѣры, и что сколько-нибудь ограничивъ ихъ, „власть связала бы себѣ руки и смотрѣла бы безучастно на происходящее вокругъ. Къ чему же служила бы такая власть?“ дерзко спрашиваютъ реакціонерные публицисты, точно какъ будто власть въ Россіи въ послѣднее десятилѣтіе ничѣмъ болѣе и не занималась какъ полицейскими разслѣдованіями; точно будто и освобожденіе крестьянъ, и всѣ другія реформы были бы невозможны, еслибы всякій подозрѣваемый судился. Кто-то остроумно уже замѣтилъ г. Каткову, что такъ какъ въ государственныхъ преступленіяхъ самый *умыселъ* уже признается преступ-

плениемъ и преслѣдуется судомъ, то противъ какой же категоріи людей, по мнѣнію московскаго публициста, необходимы отстаиваемыя имъ административныя предохранительныя мѣры: противъ тѣхъ, которые еще не задумали, *но имѣютъ задумать* совершеніе преступныхъ дѣйствій?

„Московскія Вѣдомости“ сами тутъ же говорятъ, что весь нынѣшній уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій нуждается въ серьезномъ пересмотрѣ, а слѣдовательно представляетъ недостатки. Но въ то же время они находятъ, что ходатайство дворянства касательно только одного пункта этого устава можетъ уже повредить кредиту дворянства. Гг. Катевъ и Леонтьевъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываютъ мнѣніе, что охраненіе безопасности государства и вмѣстѣ личности однѣми судебными гарантіями невозможно, и что административныя мѣры „совершенно обезпечиваютъ заподозрѣнныя лица отъ несправедливыхъ наговоровъ“. Это сужденіе такъ при нихъ и останется. Но логика ихъ такова, что едва ли ее переварятъ даже и тѣ послѣдніе могиканы русской наивности, живущіе гдѣ-нибудь въ глуши, которыхъ реакціонерная газета все еще числитъ въ своей крѣпостной зависимости и рассчитываетъ найти въ нихъ свое панургово стадо.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта, 1872.

Борьба французскаго правительства съ бонапартизмомъ. — Законы о безопасности. — Роялисты и графъ Шамборъ. — Законъ о надзорѣ надъ училищами въ прусскомъ сеймѣ. — Рѣчи кн. Бисмарка. — Новые пѣры. — Циркуляръ Фалька. — Запросъ Деве. — Покушеніе противъ канцлера, и поляки въ Галиціи. — Открытіе англійскаго парламента. — Дѣло «Элебемы». — Испанія, какъ контрастъ Пруссіи.

Еще далеко не зажили на тѣлѣ Франціи старыя язвы, которыми покрылъ ее бонапартизмъ, а уже снова странѣ и ея правительству приходится помышлять о борьбѣ съ партизанами павшей имперіи. Последнія манифестаціи на похоронахъ Конти и избраніе Руэ депутатомъ Корсики служатъ симптомами жизненности бонапартизма и серьезно озабочиваютъ правительство Тьера. Оно поспѣшило даже сдѣлать два „хода“ противъ бонапартизма, и, во-первыхъ, предложило собранію „озаглавить“ новые налоги, устанавливаемые для уплаты военной контрибуціи, такъ: „налоги на уплату издержекъ по войнѣ, объявленной императоромъ Наполеономъ III-мъ.“ Мѣра, надо признаться, довольно мелочная, но нелишенная смысла въ той странѣ, гдѣ огромное число людей, участвующихъ въ политической жизни, знаютъ изъ политики именно только одни девизы и названія. Другая мѣра правительства, по увѣренію его направленная преимущественно противъ покушеній бонапартистовъ, это — представленный собранію, въ засѣданіи 21-го февраля, новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Лефраномъ, преемникомъ Казиміра Перрье, проектъ возстановленія тѣхъ законовъ, изданныхъ при прежнихъ правительствахъ (исключая имперіи, конечно), которые охраняли „уваженіе къ существующему порядку“, неприкосновенность народнаго представительства и власти. Проектъ этотъ состоялъ изъ двухъ статей. Первая устанавливаетъ, что всякое нападеніе (attaque) однимъ изъ тѣхъ дѣйствій, которыя исчислены въ законѣ 1819-го года, на права и власть (autorité) собранія, а также на пра-

вительство, и всякое печатное заявленіе, содержащее призывъ къ неиспроверженію этого правительства, будутъ наказуемы согласно закону, изданному по этому предмету въ августѣ 1848-го года. Это значитъ, что всякіе крики, угрозы, воззванія, сочиненія, афиши и изображенія, содержащія въ себѣ возбужденіе къ преступному дѣйствію, наказуются *какъ соучастіе* въ этомъ дѣйствіи, если послѣднее совершилось, а если они послѣдствій не имѣли, влекутъ за собой заключеніе отъ 3-хъ дней до 2-хъ лѣтъ, и пеню отъ 30-ти франковъ до 4,000, причемъ опредѣленіе только одной изъ этихъ каръ или обѣихъ вмѣстѣ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія суда (законъ 1819-года) Законъ 1848-го года, оставляя то же самое опредѣленіе характера дѣйствій, подлежащихъ карѣ, прямо причислилъ къ преступленіямъ всякое возбужденіе исчисленными выше способами противъ правъ и власти національнаго собранія, исполнительной власти, республиканскихъ учреждений и принциповъ народо-властія, свободы богослуженія, собственности и семейства, и увеличивъ кару въ разныхъ степеняхъ, опредѣлилъ крайніе предѣлы ея въ 15 дней и 5 лѣтъ заключенія, 100 и 5,000 фр. пени. Наконецъ, правительственный проектъ предлагаетъ примѣнять къ нынѣшнему положенію и законъ, изданный въ іюлѣ 1849-года о печати, въ которомъ установлены пени отъ 25-ти до 4,000 фр. за возбужденіе военныхъ къ неисполненію ихъ обязанностей, независимо отъ уголовного наказанія за подговоры ихъ къ совершенію преступленій, причислена къ числу учреждений, огражденных отъ нападокъ, власть президента республики и самая его личность. Всѣ эти законы первою статьею нынѣшняго проекта объявляются примѣнимыми къ настоящему порядку. Но такъ какъ законы эти никогда и не были отмѣнены, а только оставались бесполезными при второй имперіи, которая установила относительно печати полный произволъ администраціи, а относительно прочихъ „нападокъ“—систему административнаго арестованія впродъ до суда, по дѣламъ политическимъ, то возобновленіе прежнихъ законовъ въ настоящее время имѣетъ собственно только смыслъ напоминанія, что они существуютъ.

Настоящее же значеніе нынѣшняго проекта закона заключается во второй его статьѣ, которая постановляетъ, что изданія, приостановленныя или прекращенныя въ такой мѣстности, гдѣ существуетъ осадное положеніе, не могутъ выходить или возобновляться *никогда*. Это постановленіе имѣетъ цѣлью прекратить то явленіе, что газета, запрещенная какимъ-нибудь командующимъ войскомъ, то-есть уничтоженная безъ суда, преспокойно переселяется за черту командованія гнѣвнаго генерала, и оттуда исправно доставляется въ самую его резиденцію. Но вѣдь это явленіе доказываетъ только вообще бесполезность и нераціональность всякихъ особыхъ законовъ о печати. Въ дѣйствительности, относительно печати правительство Тьера могло бы поступать всегда

логично только въ такомъ случаѣ, если оно къ проступкамъ, совершаемымъ этимъ путемъ, примѣняло общіе законы, которыми по роду своему подлежатъ тѣ проступки. Только въ такомъ случаѣ становятся невозможны тѣ недоразумѣнія, уловки и уклоненія, въ силу которыхъ администрація изъ борьбы съ печатью выходитъ въ концѣ концовъ всегда побѣжденною. Однажды отступивъ отъ этого рациональнаго правила, администрація всегда бываетъ принуждена, по самой эластичности предмета, накоплять одинъ особый законъ на другой, дѣлать одно предписаніе за другимъ и неизбежно приходя наконецъ къ полному произволу, все-таки не достигаетъ своей цѣли, потому что слово печати преслѣдуемой, гонимой, цѣнится безъ всякаго сравненія выше слова, сказаннаго безъ опасенія.

Такимъ образомъ, законъ Лефрана, желая предупредить явленіе, нелишенное нѣкотораго юмора, благодаря которому строгій генераль получаетъ возможность прочесть отзывъ о своей мѣрѣ въ той самой газетѣ, которую онъ запретилъ — неизбежно приходитъ къ поставленію важнѣйшихъ органовъ общественнаго мнѣнія въ зависимость отъ каприза генерала, къ поставленію ихъ внѣ всякихъ законныхъ гарантій. Если на другой день по изданіи этого закона генераль Ладмиръ вздумалъ бы приостановить одну изъ тѣхъ парижскихъ газетъ, которыя теперь стараются оправдать законъ Лефрана изъ желанія поддержать Тьера и изъ ненависти къ роялистскому большинству собранія и въ особенности къ бонапартистамъ, — которые болѣе чѣмъ кто-либо злоупотребляютъ печатнымъ словомъ, обращая его иногда въ непечатное, — то позволительно думать, что мнѣніе такой газеты весьма измѣнится; но высказать его она уже не будетъ имѣть случая, такъ какъ будучи запрещена генераломъ Ладмиръ въ Парижѣ, она тѣмъ самымъ запрещена во всей Франціи. Юрисдикція командующаго однимъ военнымъ округомъ, такимъ образомъ, распространяется далеко за предѣлы его командованія, на всю страну, и осадное положеніе, дѣйствующее въ одномъ городѣ, оказывается дѣйствующимъ въ этомъ смыслѣ во всѣхъ городахъ. Вотъ къ какимъ страннымъ и нелогическимъ результатамъ приводитъ система специальныхъ законовъ о печати, то-есть, лишеніе печати и отвѣтственности, и правъ по закону общему, примѣняющемуся ко всѣмъ проявленіямъ общественной и частной жизни.

Республиканскія газеты, оправдывая законъ Лефрана, находятся, конечно, въ затруднительномъ положеніи. Еслибы онѣ говорили прямо, что желаютъ всякой строгости противъ бонапартистовъ и монархистовъ, и готовы въ этомъ случаѣ отступить отъ принципа свободы, то онѣ заслуживали бы того замѣчанія, которое сдѣлала по этому поводу „Кѣльнская“ газета; она замѣтила, что это значить „бороться противъ бонапартизма, усвоивая себѣ его сущность“. По-

ложимъ, это сказано слишкомъ сильно, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что и сами командующіе войсками республики не поступаютъ съ печатью по-наполеоновски, и терпятъ такую долю свободы, болѣе которой „Кёльнская“ газета сама для себя никогда бы не потребовала. Но фактъ, что произволъ примѣняется по нашимъ понятіямъ спускательно, все-таки не измѣняетъ сущности произвола, который и означаетъ не что иное какъ безправіе.

Совершенно правильно смотреть на проектъ Лефрана газета „Temps“. Она не одобряетъ второй его статьи. „Мѣры, предложенныя г. Виеторомъ Лефраномъ“ говоритъ она, „намъ рѣшительно не нравятся. Статья вторая, позволяющая распространять дѣйствіе осаднаго положенія за предѣлы его округа, по всей вѣроятности будетъ отброшена самимъ правительствомъ. Что касается первой статьи, которая только возобновляетъ разные законы, какими павшія правительства поочередно думали защитить себя, то сомнительно, чтобы возстановленіе такой традиціи могло принести правительству ту пользу, на какую оно рассчитываетъ“. Но „Temps“ все-таки совѣтуетъ большинству согласиться на возстановленіе этихъ прежнихъ законовъ, если правительство того желаетъ, потому что, по мнѣнію этой газеты, здѣсь вопросъ не столько въ сущности этихъ законовъ сколько въ „признаніи политическаго факта“. Противники проекта правительства возстаютъ противъ него главнымъ образомъ потому, что считаютъ нынѣшній порядокъ переходнымъ, и самую республику только временнымъ учрежденіемъ. Правительственный же проектъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что республика представляетъ учрежденіе прочное, а потому къ ней и должны примѣняться тѣ законы, которыя примѣнялись къ республикѣ 1848-го года. Законъ эти, по мнѣнію „Temps“, бесполезны, но когда дѣло сводится къ вопросу: признавать ли нынѣшній порядокъ окончательнымъ или же считать себя накануне новыхъ переменъ и потрясеній, то важнѣе всего отнестись къ нынѣшнему порядку какъ къ прочному, дать ему какъ бы удостовѣреніе въ его окончательности, хотя бы то примѣненіемъ такихъ законовъ, которые сами по себѣ неудовлетворительны, но признаются правительствомъ нужными для его безопасности. Это разсужденіе въ логическомъ отношеніи — слабо, спору нѣтъ. Но положеніе Франціи дѣйствительно похоже на положеніе больного, которому нельзя предписывать строго соблюдать гигиену, годную для здороваго: побольше движенія и пищу посытнѣ. Власть нынѣшняго правительства такъ слаба, всеобщая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ до такой степени преобладаетъ надъ всѣмъ, все тяготитъ и давитъ, что въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ избѣгать еще большаго ослабленія правительства и мириться иногда даже и съ нераціональными его требованіями, если только они не захватываютъ самые источники силъ

Франціи, какъ то дѣлають, напрімѣръ, протекціонистскія стремленія Тьера.

Большинство, между тѣмъ, сильно встревожилось закономъ Лефрана, не изъ крайней заботливости о либерализмѣ, конечно, а собственно потому, что усмотрѣло въ немъ оружіе противъ своихъ собственныхъ желаній государственнаго переворота въ монархистскомъ смыслѣ. Пошли вновь разсужденія о пресловутомъ „бордоскомъ пактѣ“, которымъ нынѣшній порядокъ былъ признанъ только какъ *statu quo*, и установлено было перемиріе между партіями до окончательной ликвидаціи дѣлъ войны и освобожденія почвы Франціи отъ непріятельскихъ войскъ. Но спрашивается, во что обратилось это перемиріе, это бордоское соглашеніе объ отсрочкѣ всякихъ попытокъ измѣнить нынѣшнее положеніе, послѣ того, какъ національное собраніе, избранное на время, присвоило себѣ учредительную власть? Во что, въ особенности, обратилось обѣщаніе монархистскаго большинства не колебать нынѣшняго порядка, когда это большинство, двумя недавно составленными манифестами, уже высказалось въ пользу восстановленія монархіи, и когда, затѣмъ, большое число членовъ этого самаго большинства, депутатовъ національнаго собранія, отправилось въ Антверпенъ, чтобы принять участіе въ торжественномъ дворѣ, который устроилъ-было себѣ на границѣ Франціи явный претендентъ на французскій престолъ, графъ Шамборъ? Эти члены большинства, которые въ Антверпенѣ соблюдали весь церемоніаль двора Людовиковъ XIV и XV, которые тамъ, а въ частныхъ собраніяхъ и въ Парижѣ называли г. де-Шамбора королемъ, и даже въ письмахъ, посланныхъ въ печать, называютъ его не иначе какъ „Monseigneur“—вправдѣ ли они требуютъ, на основаніи „бордоскаго пакта“, чтобы республиканское правительство, существующее *de facto*, признаваемое народомъ, успѣшно собирающее миліяры франковъ, продолжало, единственно въ силу даннаго этимъ господамъ обѣщанія, считать себя чѣмъ-то несерьезнымъ, зависящимъ отъ малѣйшаго ихъ дуновенія? Они считаютъ себя въ правѣ, несмотря на „бордоскій пактъ“, составлять у границы Франціи публичный заговоръ, а между тѣмъ полагають, что правительство не имѣетъ права спрашивать мѣры къ своей защитѣ въ границахъ Франціи, только потому, что „бордоскій пактъ“ самъ будто бы обрекаетъ его на беззащитность?

Нѣсколько словъ о графѣ Шамборѣ. Извѣстно, что онъ — сынъ герцога Беррійскаго, внукъ Карла X, который отрекся отъ престола въ его пользу. Ему теперь 51 годъ. По силѣ какъ прямого наслѣдства, такъ и отреченія Карла X, принцъ Генрихъ Бурбонскій безъ всякаго сомнѣнія легитимный король Франціи. Впрочемъ, легитимность не есть еще законность, какъ то оказывается изъ примѣровъ Бурбоновъ пармскихъ, неаполитанскихъ и испанскихъ, Лотарингскаго дома

въ Тосканѣ, д'Эсте въ Моденѣ, Гвельфовъ въ Ганноверѣ и Виттельсбаховъ въ Греціи. Законность создается только всеобщимъ признаніемъ. Такъ Вильгельмъ Гогенцоллернъ, царствующій въ Ганноверѣ и признаваемый ганноверцами за государя, очевидно законный ихъ монархъ, а Георгъ Гвельфъ, хотя и легитимный король Ганновера, не есть законный король, и всякъ, кто предпринялъ бы возвратить ему престолъ насиліемъ, былъ бы сочтенъ государственнымъ преступникомъ. Короче—законность есть фактъ. Во Франціи же, гдѣ основной фактъ всей современной исторіи былъ не что иное какъ революція, принцъ Генрихъ Бурбонскій могъ бы стать законнымъ королемъ только вслѣдствіе признанія его французскимъ народомъ, а потомъ и всѣми державами государемъ Франціи, но никакъ не потому только, что онъ имѣетъ легитимныя притязанія. Между тѣмъ, принцъ Генрихъ Бурбонскій держится совсѣмъ иныхъ убѣжденій и полагаетъ, что признаніе не увеличило бы его законности, а непризнаніе нисколько не мѣшаетъ ему быть законнымъ королемъ. Вотъ и все, весьма важное различіе между „бѣлымъ знаменемъ“ и трехцвѣтнымъ, то-есть національнымъ. Тутъ дѣло идетъ не о краскѣ куска матеріи, но о томъ, будетъ ли обязанъ принцъ всѣмъ французскому народу, при призывѣ на престолъ; будетъ ли стало быть самая власть его условная, останется ли во всей силѣ во Франціи принципъ народовластія; или же принцъ будетъ смотрѣть на этотъ призывъ просто какъ на исправленіе долго заблуждавшагося народа, и возвратится на престолъ со всею полнотою своей собственной, легитимной власти, съ помѣстнымъ правомъ на свою наслѣдственную землю—Францію? Въ послѣднемъ случаѣ, какія бы уступки онъ ни сдѣлалъ въ смыслѣ конституціонныхъ учрежденій, они очевидно истекали бы единственно изъ его воли, могли бы быть имъ въ крайнемъ случаѣ взяты назадъ, безъ нарушенія законности его собственнаго царствованія, и принципъ народовластія во Франціи вовсе пересталъ бы существовать. Принцъ, какъ извѣстно, неоднократно объявлялъ, что онъ неотступитъ отъ „бѣлаго знамени“, и это совершенно ясно опредѣляетъ его положеніе.

Вотъ дилемма, которая поражаетъ безсиліемъ всѣ старанія монархистовъ во Франціи о какомъ-либо соглашеніи: если призвать Генриха V, то нужно отказаться отъ народовластія, а на это могутъ рѣшиться изъ 40-ка милліоннаго населенія только какія-нибудь сотни лицъ старыхъ дворянскихъ родовъ; если же отъ народовластія не отказываться, и призвать графа Парижскаго, то спрашивается, почему же именно графа Парижскаго, а не Адольфа Тьера или Леона Гамбетту? Въдѣвъ пользу восстановленія монархіи приводится тотъ доводъ, что одна монархія можетъ „закончить эру революцій“ и создать прочный, неподлежащій дальнѣйшей отмѣнѣ порядокъ. Для созданія такого порядка и хотятъ опереться на „династическій принципъ, согласованный съ фак-

томъ революціи“. Но если Генрихъ V неудобенъ, потому что значеніе факта революціи онъ отвергаетъ, то графъ Парижскій ненуженъ, потому что у него нѣтъ династическаго права. Право Лудовика-Филиппа и его потомковъ было создано революціею и революціею отмѣнено, такъ что оно вовсе не существуетъ.

Все это достаточно объясняетъ почему, несмотря на силу монархистовъ въ національномъ собраніи, всѣ ихъ старанія о какомъ-либо соглашеніи между собою, и тѣмъ болѣе о сліяніи линіи легитимной и линіи революціонной бурбонскаго дома ни къ чему не привели. Обвиняютъ графа Шамбора въ упрямствѣ; но вина не его, онъ совершенно правъ. Странно было бы, чтобы для успѣха своего права онъ отрекся отъ самой его сущности. Это было бы все-равно, какъ еслибы папа, для успѣха католицизма, призналъ принципъ свободы совѣсти.

Главный интересъ нынѣшней сессіи прусскаго сейма, точно также, какъ предшествовавшей ей сессіи германскаго сейма, заключался въ борьбѣ правительства съ клерикалами. Палата депутатовъ, при обсужденіи бюджета народнаго просвѣщенія, разрѣшила кредитъ въ полмилліона талеровъ на усиленіе окладовъ учителей начальныхъ школъ. Затѣмъ, законъ о предоставленіи исключительно государству надзора за школами и сдѣлался полемъ, на которомъ правительство сразилось съ клерикалами всѣхъ оттѣнковъ и поразило клерикаловъ-католиковъ. Что и протестантскихъ клерикаловъ въ палатѣ депутатовъ не мало, доказано было тѣмъ слабымъ большинствомъ, какимъ былъ утвержденъ правительственный проектъ: при первомъ голосованіи всего 26, а при окончательномъ—59-ю голосами. Это удвоеніе голосовъ въ пользу правительства при второмъ чтеніи зависѣло отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ успокоеній, высказанныхъ княземъ Бисмаркомъ, а также отъ прямого объявленія новаго министра просвѣщенія, доктора Фалька, что онъ будетъ примѣнять этотъ законъ только въ исключительныхъ случаяхъ „относительно евангелическихъ инспекторовъ училищъ—вѣроятно нигдѣ, и относительно католическихъ инспекторовъ преимущественно только въ польскихъ провинціяхъ или тамъ, гдѣ нѣмцы смѣшаны съ поляками“.

Канцлеръ Бисмаркъ въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому поводу, указалъ на тотъ интересный фактъ, что въ польскихъ провинціяхъ и даже въ Силезіи, само нѣмецкое католическое духовенство держитъ сторону польскаго языка, такъ что нѣмецкій языкъ не только не дѣлаетъ успѣховъ, но наоборотъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе говорило по-нѣмецки 100 лѣтъ тому назадъ, оно теперь говоритъ по-польски. Онъ увѣрялъ, что католическіе священники, даже нѣмцы, пользуясь своимъ нынѣшнимъ положеніемъ инспекторовъ училищъ, ставятъ дурныя общія отмѣтки тѣмъ учени-

камъ, которые успѣваютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, и что нѣмцы въ этихъ провинціяхъ перестаютъ учить своихъ дѣтей нѣмецкому литературному языку. Позволительно, впрочемъ, принимать эти заявленія въ томъ смыслѣ, какой они имѣли, то-есть видѣть въ нихъ одностороннее изложеніе, имѣющее цѣлью провести законъ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что если колонизація въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи и могла мѣстами сдѣлать успѣхи, то въ общности германизація этихъ провинцій сдѣлала успѣхи несравненно большіе, и притомъ германизація преимущественно добровольная, зависящая не отъ написанія вывѣсовъ съ нѣмецкимъ текстомъ или запрещенія польскаго языка на улицахъ, а именно отъ того, что при отсутствіи принужденія всѣ, кто не занимается политикой, мало-по-малу усваиваютъ все болѣе и болѣе и нѣмецкій обычай и нѣмецкій языкъ. Едва ли князь Бисмаркъ, который вообще предпочитаетъ самъ устраивать исторію, не сдѣлаетъ ошибку, если свяжетъ дѣло германизаціи съ искусственными приемами, такъ какъ тѣмъ самымъ онъ повредитъ естественному ея ходу; въ виду какихъ-либо исключительныхъ, принудительныхъ мѣръ, и люди, не занимавшіеся національными стремленіями, непремѣнно пристанутъ къ нимъ. Вообще странно, еслибы германизація приносила своего природнаго союзника—обезпеченность правъ личности—въ жертву какому-либо нетерпѣливому административному мѣрамъ, которыя въ сравненіи съ законами исторіи совершенно призрачны.

Вообще о Бисмаркѣ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ великій дипломатъ—болѣе всего именно дипломатъ. Какъ внутренній дѣятель онъ гораздо слабѣе. Онъ—далеко не Штейнъ. Стоить прочесть его послѣднія рѣчи, чтобы убѣдиться, какъ онъ слабъ въ теоріи, какъ и вся его правительственная система имѣетъ чисто дипломатическій характеръ. Это система уловокъ, *expédients*, соглашеній и направо и налѣво, съ отсутствіемъ всякой твердой, плодотворной мысли. Въ одно и то же время, онъ ссылается на авторитетъ, какой ему даетъ поддержка парламентскаго большинства, упрекаетъ депутата Виндгорста, что тотъ хотя присягалъ конституціи, но не уважаетъ большинства (?!), —и объявляетъ, что самъ онъ, Бисмаркъ, умѣетъ твердо стоять на своемъ, и что еслибы теперь большинство составилось на сторонѣ Виндгорста, то онъ, канцлеръ, не подчинился бы такому большинству. Провозглашая авторитетъ большинства, онъ въ то же время говоритъ ему, что новый законъ не можетъ „быть языческимъ“, потому собственно, что на проектъ его есть одобреніе короля, а „развѣ можетъ король-гогенцоллернъ одобрить языческій законъ?“ Онъ говоритъ, что большинство должно поддерживать министерство, а не видѣть въ немъ какое-то „*schändliches wildes Thier*“, котораго надо только не спускать съ цѣпи. И въ то же время онъ объясняетъ, что составъ министерства отъ большинства не зависитъ, а депутату Виндгорсту, который

говорилъ противъ него, объявляетъ въ парламентѣ, что онъ, Виндгорстъ—непримиримый врагъ королевскаго дома. Рѣчи кн. Бисмарка весьма курьезны для характеристики его самого, но не могутъ служить образцами ни логики, ни сильнаго убѣжденіемъ парламентскаго слова.

Прусская палата господъ, по общему ожиданію, была весьма расположена отвергнуть законъ объ инспекціи училищъ. Несмотря на завѣренія Бисмарка и Фалька, что законъ этотъ не направленъ противъ вліянія духовенства протестантскаго, лютеранскіе клерикалы, составляющіе большинство, если не весь составъ верхней палаты, точно также какъ и католическіе клерикалы, не могутъ сочувствовать самому принципу этого закона, такъ какъ, по мнѣнію клерикаловъ всѣхъ исповѣданій, учебное дѣло должно быть въ полномъ распоряженіи духовенства. Предвидя такой результатъ, стали распускать слухъ, что правительство готовитъ то, что называется „Pairsschub“, то-есть намѣрено вдругъ назначить въ верхнюю палату (пользуясь своимъ правомъ) такое число новыхъ членовъ, которое измѣнило бы ея характеръ, подавило бы въ составѣ ея оппозицію. Слово „Pairsschub“ есть не что иное какъ переводъ выраженія „une fournée de pairs“, установившагося въ политическомъ языкѣ во Франціи, при Лудовикѣ-Филиппѣ, который именно только посредствомъ такихъ мѣръ и могъ справляться съ палатою пэровъ, завѣщанною ему реставраціею. Въ Пруссіи положеніе совсѣмъ иное и къ такимъ крайнимъ мѣрамъ правительству нѣтъ нужды прибѣгать потому, что оппозиція, все равно консерваторовъ или либераловъ, въ Пруссіи вовсе не безусловная. Ни партія прогрессистовъ, ни—въ особенности—партія крайнихъ консерваторовъ вовсе не расположены проводить свою систему во что бы то ни стало. Партія въ Пруссіи нынѣ стоитъ по отношенію къ правительству на той почвѣ, гдѣ безусловная сила признается на сторонѣ правительства, и партіи, соображаясь съ этимъ фактомъ, добиваются только того что возможно въ виду его. Зависитъ это отъ той ближайшей причины, что въ Пруссіи палаты не могутъ измѣнять по своему желанію состава министерства, какъ онѣ могутъ это дѣлать въ странахъ парламентскихъ, какъ онѣ могли это дѣлать во Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ. Безусловная оппозиція министерству вслѣдствіе того представляется въ Пруссіи безцѣльною, и стоитъ только партіямъ убѣдиться, что правительство само безусловно рѣшилось провести какую-либо мѣру, какъ тотчасъ и оказывается мало охотниковъ ратовать противъ нея во что бы то ни стало безъ всякой вѣроятности успѣха.

Вотъ почему „испекать“ цѣлый запасъ новыхъ пэровъ въ Пруссіи не можетъ оказаться необходимымъ, и въ настоящемъ случаѣ, дѣйствительно, „испеченіе“ это ограничилось назначеніемъ членами верх-

ней палаты графовъ Мольтке и Роона. Этого совершенно достаточно. Какъ бы энергичны ни были консервативныя чувства „господь“, они очевидно не могутъ замѣнить министерство Бисмарка - Роона - Эйленбурга - Фалька министерствомъ Липпе - Бодельшвинга - Мюлера - Виндгорста, несмотря на всѣ свои желанія. При такомъ положеніи дѣлъ, возможно ли, чтобы эти феодалы, которые всѣ все-таки были въ свое время чиновниками, устояли непреклонно противъ мѣры, которую со всѣмъ своимъ безусловнымъ авторитетомъ будетъ защищать князь Бисмаркъ, съ поддержкою такихъ людей какъ Роонъ и Мольтке? И въ самомъ дѣлѣ, когда это назначеніе состоялось, какъ несомнѣнное доказательство, что правительство весьма дорожитъ закономъ о надзорѣ за училищами, и не намѣрено уступать, верхняя палата потеряла надежду убѣдить правительство, а потому — и охоту противиться самой мѣрѣ. „Крестовая“ газета, которая до того времени приняла было довольно живые оппозиціонныя „аллюры“, тотчасъ перемѣнила тонъ, и сама „Кёльнская“ газета заявила, что, по общему ожиданію, палата господъ теперь уже не намѣрена отвергать закона Мюлера-Фалька.

Правительство между тѣмъ, съ своей стороны, выступило съ успокоительнымъ для протестантскихъ клерикаловъ заявленіемъ на счетъ того употребленія, какое оно намѣрено сдѣлать изъ своего права исключительнаго надзора за преподаваніемъ. Циркуляромъ 29-го февраля министръ просвѣщенія Фалькъ объявилъ, „для устраненія тягостныхъ недоразумѣній“, что отнынѣ въ высшихъ училищахъ допускается освобожденіе отъ лекцій закона Божія „если имѣется въ виду удовлетворительная ихъ *замѣна*“, для чего и требуется каждый разъ особое прошеніе и разрѣшеніе. Это означаетъ только, что, напр., ученики — евреи или католики, тамъ гдѣ нѣтъ официальныхъ преподавателей ихъ закона, не будутъ принуждены посѣщать лекціи лютеранскаго пастора, если представятъ свидѣтельство, что обучаются своему закону дома, у своихъ духовныхъ лицъ, и если учебная коллегія признаетъ это удостовѣреніе достаточнымъ; а также что тамъ, гдѣ есть официальный преподаватель католическаго закона, но преподаватель этотъ оказывается проповѣдникомъ догмата папской непогрѣшимости, то родители могутъ, если пожелаютъ, прискать для своихъ дѣтей иного законоучителя, и представить о томъ свидѣтельство при прошеніи, и тогда учебная коллегія разрѣшаетъ этимъ ученикамъ-католикамъ не посѣщать лекцій официального преподавателя католическаго закона. Вотъ что собственно и составляетъ весь смыслъ новаго распоряженія.

Но, говорить далѣе циркуляръ Фалька, что касается значенія религіознаго обученія въ общемъ планѣ учебныхъ заведеній, а также учебной цѣли религіознаго преподаванія, то въ этихъ отношеніяхъ цовья распоряженія не измѣняютъ ничего. Другими словами, министръ

успокоиваетъ лютеранскихъ клерикаловъ увѣреніемъ, что прусскія государственныя школы и впредь сохранятъ свой характеръ школъ конфессіональныхъ, то-есть, не только преподаваніе религіи въ нихъ будетъ обязательно по прежнему, но и все вообще преподаваніе останется въ согласованіи съ требованіями господствующей церкви.

Въ засѣданіи 1-го февраля, депутатъ Лёве сдѣлалъ правительству запросъ относительно распоряженія ландрата одного изъ пограничныхъ съ Россіею округовъ (Эртельсбурга), которое онъ при этомъ и прочелъ. Ландратъ объявляетъ всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ и жандармамъ къ исполненію, что каждый „русско-польскій“ подданный, который перешелъ границу безъ паспорта, можетъ оставаться въ Пруссіи только съ дозволенія оберъ-президента провинціи. Дозволеніе это будетъ даваемо только въ случаѣ, если тому не препятствуютъ мѣстные (disseitigen) интересы. Предписывается полиціи и жандармамъ немедленно изгонять назадъ за границу всѣхъ нищихъ, бродягъ, а также вообще людей неблагонадежныхъ и опасныхъ, съ тѣмъ чтобы это не примѣнялось къ тѣмъ лицамъ, которыя къ такимъ категоріямъ не принадлежатъ. При этомъ предписывается, чтобы жандармы о каждомъ такомъ выходѣ немедленно доносили полицейскому начальству, но тѣхъ перебѣжчиковъ, которыхъ они сочтутъ „отяготительными (lästige)“ немедленно сами препровождали обратно за границу. Депутатъ Лёве объяснилъ, что онъ сознаетъ всю затруднительность условій, существующихъ на русской границѣ, но что предписаніе ландрата выходитъ за предѣлы закона, такъ какъ имъ предоставляется жандармамъ рѣшать по своему усмотрѣнію кто долженъ быть признаваемъ за бродягу, и такъ какъ бродягою будетъ признаваемъ всякъ, кто не имѣетъ дозволенія на жительство отъ оберъ-президента. Лёве замѣтилъ еще, что это распоряженіе можетъ примѣняться и къ бѣгущимъ отъ военной службы въ Россіи, и кажется ему незаконнымъ, такъ какъ картельная конвенція Пруссіи съ Россіею о взаимной выдачѣ перебѣжчиковъ отмѣнена.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ отвѣчалъ, что распоряженіе эртельсбургскаго ландрата было ему неизвѣстно, такъ какъ предписанія ландратовъ къ нему не восходятъ, но что настоящее предписаніе въ томъ видѣ, какъ оно прочтено, основано на его собственномъ, общемъ распоряженіи. Министръ объяснилъ далѣе, что хотя конвенція 1857-года и утратила свою обязательность для Пруссіи, но что этимъ обстоятельствомъ Пруссія не лишилась права освобождаться отъ тягостныхъ или опасныхъ перебѣжчиковъ изъ Россіи. Распоряженіе, которымъ руководствовался ландратъ, по словамъ министра, направлено вовсе не противъ бѣгущихъ отъ русской военной службы, которые, наоборотъ, вовсе не беспокоятъ прусскимъ правительствомъ, потому что обыкновенно оказываются хорошими работни-

ками, и сельскіе хозяева охотно ихъ принимаютъ, но именно противъ бродягъ и нищихъ, которыхъ переходить чрезъ границу множество. „Предписаніе“, сказалъ министръ, „имѣетъ тотъ смыслъ, чтобы жандармы и полицейскіе чиновники по возможности въ самый моментъ перехода такихъ людей чрезъ границу тотчасъ обращали ихъ назадъ; чтобы жандармъ, встрѣчающій такихъ людей, спрашивалъ у нихъ видъ, и при неимѣніи его, тотчасъ велъ такого перебѣжчика къ границѣ и говорилъ ему: ступай назадъ, — конечно съ той опасностью, что онъ снова перейдетъ границу въ другомъ мѣстѣ.“ Министръ выразилъ убѣжденіе, что приказаніе объ обращеніи назадъ „отяготительныхъ“ людей въ самый моментъ перехода чрезъ границу, остается вполнѣ въ предѣлахъ закона, и что это объясненіе удовлетворитъ депутата, сдѣлавшаго запросъ. Лѣве ничего не возражалъ, и запросъ не имѣлъ иныхъ послѣдствій.

Можно сказать вообще, что прусское правительство отерло теперь нѣчто въ родѣ похода противъ поляковъ и подозрѣваемыхъ въ союзѣ съ поляками клерикаловъ. При окончательномъ обсужденіи бюджета, въ засѣданіи палаты депутатовъ 29 февраля, на расходы по усиленію инспекціи училищъ, министръ Фалькъ вновь настаивалъ на той мысли, что надзоръ за училищами необходимо усилить преимущественно въ польскихъ провинціяхъ, и выразился, что „польское населеніе еще не привыкло размышлять и вести себя такъ“, какъ то подобаетъ прусскимъ подданнымъ, и что желанія этого населенія только тогда могутъ быть удовлетворены правительствомъ, когда оно получитъ ту привычку, которой еще не имѣетъ. Но такъ какъ въ Poznani не происходитъ рѣшительно ничего революціоннаго, нѣтъ даже никакихъ демонстрацій, а „непривычка“ поляковъ—какъ то видно и изъ самой рѣчи князя Бисмарка—состоитъ въ томъ, что они не привыкли еще быть нѣмцами, то любопытно бы знать, какія же желанія „польскаго“ населенія будутъ подлежать удовлетворенію, когда оно станетъ нѣмцами?

Неизвѣстно еще, чѣмъ кончится процессъ противъ Вестервелля, если только для процесса этого окажутся данныя: Вестервелль—пріемнышъ кюстера (sacristain) католической церкви св. Ядвиги, стоящей недалеко отъ королевскаго дворца въ Берлинѣ. Онъ родился въ Лукенвальдѣ, готовился сперва въ аптекари, потомъ поступилъ въ папскіе зуавы и впослѣдствіи возвратился въ Пруссію. Относительно намѣренія его совершить злодѣяніе намъ пока извѣстно только, что полиція узнала о нѣсколькихъ темныхъ словахъ, сказанныхъ имъ въ томъ смыслѣ, что въ Берлинѣ скоро все перемѣнится, и затѣмъ, что произведетъ у него обыскъ, полиція нашла въ его квартирѣ карманный пистолетъ. Быть можетъ, окажутся впослѣдствіи и болѣе серьезные улики, но самъ канцлеръ очевидно не предвидитъ покушеній,

такъ какъ продолжаетъ гулять пѣшкомъ, одинъ. Но во всякомъ случаѣ предлогъ этотъ, серьезный или нѣтъ, былъ очень удобенъ для того, чтобы порыться въ бумагахъ польскихъ клерикаловъ, и въ особенностяхъ іезуитовъ. Обыски произведены уже въ монастырѣ и въ аристократическомъ польскомъ пенсіонѣ каноника Козьмяна, іезуита, который былъ довѣреннымъ лицомъ графа Ледоховскаго, архіепископа гнзненскаго. Кстати замѣтимъ, что этотъ Козьмянъ, бывъ посланъ въ Римъ со значительной суммою „лепты“, проигралъ ее въ Гомбургѣ въ рулетку, и за это лишенъ Ледоховскимъ должности. Вестервелль— по слухамъ—сынъ какого-то познанскаго прелата, и недавно еще гостилъ у Козьмяна, такъ что даже если все это дѣло пустяки, оно дало возможность познакомиться съ бумагами самыхъ неблагонадежныхъ фанатиковъ.

Дѣйствія прусскаго правительства противъ національныхъ стремленій поляковъ не ограничиваются и предѣлами Пруссіи, какъ то легко было угадать уже изъ того факта, что въ Австріи министерство Гогенварта пало вслѣдствіе гостейнскихъ переговоровъ, и какъ то подтвердилось нынѣ статьями оффиціозной „Сѣверогерманской Газеты“ противъ уступокъ, какія предположены нынѣ въ пользу поляковъ въ Австріи. Оффиціозная газета рѣшительно осудила эти уступки. Когда это вмѣшательство было принято австрійскою печатью съ естественнымъ раздраженіемъ, то органъ князя Бисмарка предпринялъ объяснить, что статья газеты, хотя бы и находящейся „въ зависимости отъ правительства“, еще не есть вмѣшательство. При этомъ, оффиціозная газета указываетъ, что ея цѣль предупредить именно „холодность“ между правительствами Германіи и Австро-Венгріи, и говорить, что событія въ Галиціи могутъ отразиться на Пруссіи и всей германской имперіи, такъ какъ въ австрійской монархіи создается почти совершенно самостоятельное польское государство.

Между тѣмъ самое это соглашеніе съ поляками въ Австріи идетъ вовсе не такъ рѣшительно, какъ то предвидать алармисты. Во-первыхъ, конституціонный подкомитетъ рейхсрата согласился только на такія уступки полякамъ, которыя далеко отступаютъ отъ извѣстной резолюціи галиційскаго сейма. Во-вторыхъ, министерство Ауэрсперга пустило законъ о прямыхъ выборахъ передъ закономъ объ автономіи Галиціи и получило желанное большинство $\frac{2}{3}$, несмотря на то, что поляки подавали голоса противъ министерства. Стало быть, теперь министерство въ нихъ гораздо менѣе нуждается.

Англійскій парламентъ былъ вновь открытъ 6-го февраля тронною рѣчью, которая замѣчательна по своей сухости, по совершенному отсутствію въ ней какихъ-либо указаній. Выздоровленіе наслѣдника пре-

стола упоминается въ ней еще въ нѣсколько живыхъ выраженіяхъ, но всѣ политическіе вопросы указываются въ ней совсѣмъ безъ комментариевъ. По отношенію къ „элебемскому“ спору тронная рѣчь сообщила фактъ, что англійское правительство вслѣдствіе высокихъ требованій Соединенныхъ Штатовъ, обратилось къ нимъ съ „дружелюбнымъ представленіемъ“. Тронная рѣчь сообщаетъ также, что билль о закрытой подачѣ голосовъ на выборахъ будетъ вновь внесенъ въ парламентъ въ эту сессію.

Важнѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ упомянутыхъ рѣчью, разумѣется — „элебемское“. Оно овладѣло вниманіемъ англійскаго общества до такой степени, что спасло министерство Гладстона отъ пораженія, которое онъ иначе испыталъ бы при самомъ началѣ сессіи, вслѣдствіе несогласнаго съ закономъ назначенія сэра Р. Колльера членомъ судебной коммиссіи тайнаго совѣта, сдѣланнаго единственно для того, чтобы потомъ назначить его членомъ этого совѣта. Предложенія о выраженіи министерству порицанія по этому поводу были отвергнуты подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго требованіями Америки.

Мы объяснили сущность этихъ требованій въ прошлый разъ, и будемъ имѣть случай къ нимъ возвратиться, когда станетъ извѣстнымъ отвѣтъ уашингтонскаго кабинета на депешу графа Грэнвилля. Въ двухъ словахъ, дѣло въ томъ, что Америка желаетъ, чтобы вопросъ о косвенныхъ убыткахъ былъ также предоставленъ рѣшенію третейскаго суда, а сент-джемскій кабинетъ стоитъ на томъ, что такъ какъ въ уашингтонскомъ трактатѣ, на основаніи котораго судъ и долженъ дѣйствовать, о вознагражденіи за косвенные убытки ничего не указано, то этотъ вопросъ совсѣмъ не долженъ подлежать разсмотрѣнію суда, и что если Америка будетъ на этомъ настаивать, то Англія должна будетъ уклониться отъ предоставленія „элебемскаго“ дѣла третейскому суду. Дѣло значительно испортилъ самъ Гладстонъ, который въ рѣчи, въ парламентѣ, высказалъ убѣжденіе, что было бы странно и несерьезно находить въ уашингтонскомъ трактатѣ основаніе для иска по косвеннымъ убыткамъ. Эти слова вызвали въ Америкѣ нѣкоторое раздраженіе. Во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что текстъ уашингтонскаго трактата хотя не освящаетъ иска косвенныхъ убытковъ, но и не исключаетъ его, потому что говоритъ объ убыткахъ вообще. Если же смыслъ трактата кажется британскому правительству столь неопровержимо яснымъ противъ требованія о косвенныхъ убыткахъ, то почему же не предоставить рѣшенія и этого вопроса третейскому суду въ Женевѣ; вѣдь судъ, въ такомъ случаѣ, непременно отвергнетъ требованіе, противорѣчащее трактату, на которомъ онъ основываетъ свои дѣйствія.

Въ Испаніи произошла новая перемѣна министерства вслѣдствіе того, что военный министръ Гаминде въ раздачѣ мѣстъ недостаточно

угодилъ уніонистамъ. Сагаста, по настоянію уніонистовъ, совѣтовалъ ему подать въ отставку, но Гаминде объявилъ, что какъ какъ назначенія эти онъ заявлялъ въ совѣтъ министровъ, и какъ они были тамъ одобрены, то онъ одинъ отвѣтственности на себя не принимаетъ и не подастъ въ отставку иначе какъ со всѣми. Тогда всѣ подали въ отставку. Новое министерство образовалось опять подъ президентствомъ Сагасты; въ него вошли Малькампо (морской), де-Бласъ (иностранныхъ дѣлъ), прогрессисты отпавшіе отъ своей партіи вмѣстѣ съ Сагастой, и уніонисты: генераль Рей (военный министръ), Херрера (колоній), Кольменаресъ (юстиціи) и т. д. Топете не вступилъ въ этотъ кабинетъ.

Между тѣмъ, какъ Испанія продолжаетъ вертѣться такимъ образомъ въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ политическихъ интригъ, англичане прибираютъ къ рукамъ эксплуатацію всѣхъ ея приходныхъ богатствъ. „Каменно-угольные копи, желѣзныя руды, свинца, серебра, фосфорита“, — пишетъ корреспондентъ „Temps“, „англичане повидимому хотятъ захватить всѣ эти богатства“. Примѣръ Испаніи весьма поучителенъ, если его сопоставить съ примѣромъ Пруссіи. Въ Пруссіи, а подъ ея вліяніемъ и во всей Германіи, нынѣ идетъ впередъ все, кромѣ расширенія политической жизни общества. На этотъ фактъ не безъ основанія указывается иногда и въ нашей печати, и нѣтъ сомнѣнія, что развитіе страны только въ смыслѣ военномъ и экономическомъ, еслибы оно и ограничилось собственно этими только сферами, было бы одностороннимъ и далеко не плодотворнымъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и другую крайность: передъ нами примѣръ Испаніи. Вотъ страна, въ которой даже неграмотные и тѣ имѣютъ весьма явственныя симпатіи и антипатіи по каждому политическому вопросу, принадлежать къ партіямъ, дѣятельно участвуютъ въ политической борьбѣ. Но за теоріями, которыя доставляютъ имъ увлеченіе, испанцы забываютъ объ обыденной прагматикѣ, которая заставляла бы ихъ работать, требовала бы отъ нихъ не геройства въ болѣе или менѣе опасной борьбѣ, а самовоздержанія и непреклонности воли, побуждала бы ихъ въ самомъ дѣлѣ принять то или иное улучшеніе, изъ какихъ бы то ни было рукъ, и въ какой бы то ни было формѣ, а не предпочитать самой вещи одно стремленіе къ ней, не предпочитать побѣду своей партіи самому осуществленію изъ чьихъ бы то ни было рукъ того интереса, для котораго она создана. Если результатомъ такого развитія, какое мы до сихъ поръ видѣли въ Пруссіи, можетъ явиться односторонность и наконецъ застой въ умственныхъ силахъ страны, то результатомъ крайности противоположной неизбѣжно является и политическое паденіе, и матеріальное разореніе.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ВО ФРАНЦІИ.

Февраль, 1872.

Печальное и тяжелое время переживала Франція въ теченіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые протекли со времени моего послѣдняго письма. Правительство, которое никогда не было особенно сильно, все болѣе и болѣе теряетъ подъ собой почву; всѣ партіи, сравнительно честныя, парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ, благодаря существующей между ними розни, а чудовище бонапартизма растетъ не по днямъ, а по часамъ, и стремится къ цѣли съ неудержимой и какъ бы роковой силой — вотъ въ двухъ словахъ картина, далеко не утѣшительная для насъ, французовъ, современнаго положенія Франціи.

Первымъ горестнымъ и многознаменательнымъ эпизодомъ былъ кризисъ, вызванный непостижимой и глупой отставкой, поданной Тьеромъ, вамъ извѣстно, по какому поводу. Тьеръ оцѣняетъ круглымъ числомъ въ два миллиарда восемьсотъ миллионовъ новый бюджетъ Франціи, за исключеніемъ тѣхъ трехъ миллиардовъ, которые мы еще должны Германіи. Собраніе могло пожелать подвергнуть эту цифру обсужденію; оно могло и быть можетъ даже обязано было разбить ее по статьямъ, отдать себѣ отчетъ въ назначеніи этой суммы и сдѣлать, на примѣръ, запросъ: согласуется ли съ настоящимъ положеніемъ Франціи и ея ресурсами военный бюджетъ, который значительно превышаетъ военный бюджетъ при имперіи? Собраніе этого не сдѣлало: въ видахъ умиротворенія или просто по легкомыслію, оно приняло безъ всякаго контроля всѣ расчеты президента республики и обязалось удовлетворить всѣмъ его требованіямъ. Но этого показалось Тьеру недостаточно. Онъ не только желаетъ произвольно назначать цифру расходовъ, онъ желаетъ также указать собранію средства взимать доходы. Ему мало того, что онъ получить столько денегъ, сколько потребовалъ; онъ хочетъ, чтобы эти деньги получились путемъ извѣстнаго налога, а не иного какого. Отсюда пресловутый вопросъ о сырыхъ продуктахъ, ввозъ которыхъ Тьеръ хочетъ обложить пошлиной, а собраніе, которое въ этомъ дѣлѣ сходится съ мнѣніемъ массы, желало бы освободить отъ пошлины.

Замѣйте впрочемъ, что собраніе не устранило окончательно мысли о налогѣ на сырье; оно рѣшило только, что къ этому налогу прибѣгнуть въ случаѣ крайности, когда будутъ истощены всѣ другіе спо-

собы и пути. И вотъ тутъ-то Тьеръ и подалъ въ отставку, поддавшись мелочному или лучше сказать старческому раздраженію, рискуя подвергнуть насъ всевозможнымъ случайностямъ только потому, что собраніе задѣло одну изъ его излюбленныхъ идей. Къ счастью, онъ удостоилъ взять назадъ свою отставку, но не думайте, чтобы онъ отказался отъ мысли одержать верхъ надъ собраніемъ. Это послѣднее, какъ въ финансовомъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, гораздо лучше знаетъ то, чего оно не хочетъ, нежели то, чего оно хочетъ, если только оно не вернется къ мысли о подоходномъ налогѣ, которому правительство оказываетъ самую рѣшительную оппозицію, то ему придется въ концѣ концовъ, волей-неволей принять налогъ на сырье. Одну минуту казалось, что будетъ благосклонно встрѣчена пошлѣна съ коммерческихъ сдѣлокъ, даже лицами, прямо въ нихъ заинтересованными, но вдругъ нѣкоторые изъ торговыхъ палатъ заявили свой протестъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство не чуждо этимъ протестамъ, которые начались въ Нормандіи, гдѣ вліяніе нашего министра Пуье-Кертъе всесильно. Правительство, то-есть въ данномъ вопросѣ Тьеръ и Пуье-Кертъе, желаетъ налога на сырье и все даетъ думать, что оно его добьется. Но доказательствомъ тому, какъ мало стойкости у собранія, можетъ служить то, что устранивъ временно этотъ налогъ, оно сдѣлало не менѣе пагубную уступку правительству, допустивъ отмѣну торговыхъ договоровъ. Франціи необходимо вывозить какъ можно болѣе товаровъ за границу, чтобы добывать возможно больше денегъ. Между тѣмъ желаютъ, чтобы она замѣнилась въ самой себѣ, чтобы она покинула всемірный рынокъ и поставила себя внѣ условій всеобщей конкуренціи. Вотъ, можно сказать, политическая экономія на выворотъ.

Впрочемъ, Франція въ самомъ дѣлѣ богата ресурсами, хотя и не неисчислимыми, какъ говорили Наполеону III-му его льстецы, но громадными. Она легко перенесетъ свои новыя обязательства, какъ бы они ни были тяжелы, перенесетъ также и послѣдствія экономическихъ ошибокъ, которыя притомъ всегда возможно исправить, но политическое положеніе ея болѣе чѣмъ убійственно и къ несчастію нельзя даже предвидѣть благополучнаго исхода. Невольно скажешь подъ давленіемъ грустныхъ идей: счастливы народы, которые изъ благоразумія или даже изъ суевѣрія воздерживаются отъ обсужденія формы своего правительства! Когда роковое стеченіе обстоятельствъ навязываетъ этотъ вопросъ, какъ это теперь происходитъ во Франціи, онъ волнуетъ и компрометируетъ всѣхъ и вся, вызываетъ состояніе общаго безсилія и никогда не можетъ быть рѣшенъ безвозвратно ни силой, ни путемъ всеобщей подачи голосовъ, потому что побѣжденная партія всегда сохраняетъ возможность или надежду опять прибѣгнуть къ силѣ или ко всеобщей подачѣ голосовъ. Требо-

вались бы особенно благоприятныя обстоятельства или же гораздо болѣе благоразумія у всѣхъ партій, чѣмъ оно существуетъ на дѣлѣ, для того, чтобы Франція могла выдти изъ этого заколдованнаго круга.

Еслибы различныя монархіи и двѣ или три республики не парализовали бы взаимно другъ друга въ національномъ собраніи, то по всей вѣроятности отставка Тьера была бы принята, потому что президентъ республики надобѣл почти всѣмъ. Но вопросъ въ томъ, что некімъ замѣнить его. Повидимому возможны только два кандидата: Греви, президентъ собранія, и герцогъ Омальскій. Но первый, весьма честный человѣкъ, хотя сомнительныхъ политическихъ способностей, слишкомъ отъявленный республиканецъ, чтобы придтись по нраву правой или хотя бы даже правому центру. Второй отвергается лѣвымъ центромъ и лѣвой, которые никогда не перестанутъ видѣть въ немъ претендента, изъ личныхъ видовъ или же въ пользу своего племянника, графа Парижскаго. Итакъ, всѣмъ партіямъ пришлось, волей-неволей, броситься къ ногамъ Тьера. Настоящее не по душѣ, но будущее внушаетъ опасенія всѣмъ и каждому, и каждый старается по возможности отдалить его. А между тѣмъ Тьеръ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и не безсмертенъ. Поэтому желали по крайней мѣрѣ воспользоваться предостереженіемъ, даннымъ его отставкой, чтобы учредить званіе вице-президента республики, на случай непредвидѣнныхъ казусовъ.

Но, съ одной стороны, препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ послужили тѣ же самыя затрудненія въ выборѣ лица, какъ и при выборѣ президента, съ другой стороны — воля самого Тьера, который не захотѣлъ и слышать о какомъ бы то ни было кандидатѣ, на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, несмотря на то, что наканунѣ готовъ былъ своей отставкой подвергнуть величайшимъ опасностямъ всю Францію. Однако въ настоящую минуту, вопросъ объ этомъ снова поднимается и множество голосовъ высказывается за маршала Макъ-Магона, котораго вообще уважаютъ за его честность и который слыветъ за человѣка, не принадлежащаго ни къ какой партіи. Другое лицо имѣетъ также большіе шансы на своей сторонѣ, а именно: Казиміръ Перье, министръ внутреннихъ дѣлъ, который недавно вышелъ въ отставку. Перье, съ которымъ вы могли познакомиться въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи при Луи-Филиппѣ, принадлежитъ по своему происхожденію и по своимъ связямъ правому центру, т-е-есть конституціонной монархіи; но съ того времени какъ побывалъ министромъ, внушаетъ большую симпатію лѣвой, которая считаетъ не безъ основанія, что онъ искренно увлеченъ идеей „честно испробовать“ республиканскую форму правленія. Если бы осуществился проектъ избранія вице-президента, то Казиміръ Перье

по всей вѣроятности не уклонился бы отъ выбора собранія. Что касается маршала Макъ-Магона, то кромѣ того, что этотъ храбрый воинъ необыкновенно застѣнчивъ и питаетъ отвращеніе ко всякой отвѣтственности, исключая въ дѣлѣ военномъ, но и вполне подпалъ влиянію Тьера, который по всей вѣроятности не позволилъ бы ему принять новое званіе.

Казиміръ Перье нашелъ нужнымъ подать въ отставку по поводу вопроса о перемѣщеніи правительства и собранія въ Парижъ. Я, кажется, уже писалъ вамъ объ этомъ чрезвычайно важномъ вопросѣ, по поводу котораго собраніе обрѣтается въ странномъ заблужденіи. Изъ того факта, что различные правительства бывали низвергаемы въ Парижѣ, оно заключаетъ, что стѣбитъ только правительству пребывать внѣ Парижа, и всякая новая революція невозможна. Это грубое заблужденіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Парижѣ сосредоточиваются и долго еще будутъ сосредоточиваться опасные элементы броженія и всякое правительство должно держать себя въ немъ насторожѣ. Но вопросъ въ томъ: не опаснѣе ли изолироваться отъ столицы, чѣмъ переселиться въ нее? Собраніе повидимому не подозреваетъ того зла, какое оно наноситъ себѣ и о той непопулярности, какую оно навлекаетъ на себя, оставаясь въ Версалѣ. Эта непопулярность такъ велика, что еслибы собраніе вздумало или было вынуждено обстоятельствами принять какую-нибудь рѣшительную мѣру, въ порядкѣ учредительномъ и въ смыслѣ монархическомъ, то его власть не была бы признана въ Парижѣ. Въ этомъ случаѣ радикальная лѣвая по всей вѣроятности перенеслась бы въ столицу и соединилась бы съ муниципальнымъ совѣтомъ, чтобы учредить родъ конвента. Парижъ заперъ бы свои ворота и началась бы новая междоусобная война. Это очень легко можетъ случиться даже въ томъ случаѣ, если собраніе пожелаетъ замѣнить Тьера герцогомъ Омальскимъ. Парижъ усмотрѣлъ бы въ этомъ первый шагъ къ учрежденію монархіи и возсталъ бы почти единодушно. Собраніе могло бы совершить эту перемѣну лишь тогда, когда оно перебралось бы предварительно въ Парижъ и приняло, само собой разумѣется, всѣ военныя мѣры, которыя необходимы для того, чтобы въ рѣшительную минуту остаться побѣдителемъ. Вотъ чего упорно не хотятъ понять члены правой. Прибавьте къ этому, что административныя неудобства пребыванія въ Версалѣ весьма значительны и пагубны съ дѣловой точки зрѣнія. Ни одно дѣло не доводится до конца, все находится въ застоѣ и время тратится на безконечные переѣзды изъ одной столицы въ другую. Прибавьте также, что Парижъ далъ доказательство своего благоразумія и, такъ сказать, залогъ собранію въ своемъ желаніи мира, избравъ на послѣднихъ выборахъ такого разумнаго и умѣреннаго республиканца, какъ Вотренъ, и заставивъ претерпѣть радикальнаго кан-

дидата, Виктора Гюго, столь же заслуженную, сколько и неожиданную неудачу.

Правительство вообще, а Казиміръ Перье въ частности, рѣшительно высказывалось за переѣздъ въ Парижъ, а Казиміръ Перье заранее объявилъ, что онъ сдѣлаетъ изъ этого министерскій вопросъ. Поэтому отставка его никого не удивила, но замѣчено было, что онъ весьма слабо защищалъ свой взглядъ передъ собраніемъ, и многіе думаютъ, что большинство уступило бы болѣе упорнымъ настояніямъ. Изъ этого вывели заключеніе, не безъ нѣкотораго основанія, что у Перье были еще иныя причины выдти въ отставку и что онъ радъ былъ воспользоваться представившимся случаемъ. Главной изъ этихъ причинъ является, конечно, всемогущество, которое Тьеръ желаетъ себѣ присвоить во всѣхъ министерствахъ и которое не можетъ не оскорблять министра, сознающаго свое достоинство.

Тьеръ, который такъ сильно возставалъ противъ личной власти государей, когда былъ первымъ министромъ конституціоннаго короля, вполне измѣнилъ свой образъ мыслей, съ тѣхъ поръ какъ самъ занялъ первенствующее мѣсто. Онъ желаетъ полнѣйшаго простора для своихъ дѣйствій, не терпитъ никакого вліянія рядомъ съ своимъ собственнымъ и желаетъ низвести своихъ министровъ на степень простыхъ приказчиковъ. Большинство изъ нихъ покоряется этому, въ особенности Жюль Симонъ, пошлость котораго невообразима. Казиміръ Перье оказался не столь покладчивымъ; общественное мнѣніе симпатизируетъ ему въ этомъ; его отставка возвеличила его, и если по милости Провидѣнія наши внутреннія дѣла могли идти правильнымъ ходомъ, то ему пришлось бы, вѣроятно, играть довольно видную роль.

Однимъ изъ требованій, заявленныхъ Тьеромъ, и особенно тягостныхъ для Казиміра Перье, было столь же безтактное, какъ и незаконное замедленіе выборовъ въ Корсикѣ, гдѣ восторжествовалъ Руэръ, какъ того и слѣдовало ожидать. Согласно законамъ, дѣйствующимъ въ настоящее время, это избраніе должно было совершиться нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Правительство могло отдалить его лишь при помощи грубыхъ софизмовъ и отговорокъ, и добилось этимъ только одного; а именно: придало больше силы и значенія побѣдѣ Наполеона III-го. Любопытенъ тотъ фактъ, что Тьеръ опасается въ Руэрѣ не столько приверженца имперіи, сколько представителя и поборника свободы торговли. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что онъ предлагалъ негласно принцу Жерому Наполеону выступить кандидатомъ соперникомъ Руэра. Несомнѣнно то, что, пристрастившись такъ неудачно къ налогу на сырье и отмѣнивъ торговые трактаты, Тьеръ расчистилъ путь Руэру и общественное мнѣніе волей-неволей принуждено будетъ перейти на сторону послѣдняго.

Но благодаря искусной кампаніи, веденной бонапартистами противъ революціи 4-го сентября и относительной слабости и взаимнаго недовѣрія всѣхъ другихъ партій, Руэръ можетъ имѣть успѣхъ и въ политикѣ. Возможно, что низверженію Наполеона, вотированному собраніемъ, онъ противопоставитъ миллионы плебисцитскихъ голосовъ, которые основали и освятили династію. Эта цифра не перестаетъ быть страшнымъ аргументомъ. Къ несчастью несомнѣнно, что ни одно правительство никогда не получало столько голосовъ, и я боюсь, что и не получить никогда. При извѣстной дозѣ нахальства, а нахальство—государственная добродѣтель бонапартистовъ, Руэръ можетъ на творить много хлопотъ, эксплуатируя эту жилку, и можетъ приобрести громадное вліяніе, если не въ собраніи, то внѣ его.

Съ другой стороны, я полагаю, что вступленіе Руэра въ собраніе скорѣе отдаляетъ, чѣмъ приближаетъ опасность, грозящую намъ съ стороны какого бы то ни было бонапартистскаго заговора. Что подобный заговоръ всегда возможенъ и что такой способъ дѣйствія совершенно въ духѣ и въ традиціяхъ этой партіи—въ этомъ ни одинъ разумный человѣкъ не сомнѣвается. Бонапарты—закоренѣлые заговорщики; Наполеонъ III составлялъ заговоры даже будучи императоромъ, то противъ какой-нибудь иностранной державы, то противъ своихъ министровъ. Я припоминаю кстати, что онъ всегда поощрялъ втайнѣ и содѣйствовалъ оппозиціи своего любимаго журналиста, Клемана Дювернуа, всемогущему министру, тому самому Руэру, который въ настоящее время собирается водрузить знамя бонапартизма въ національномъ собраніи. И въ то же самое время онъ послалъ министру большую звѣзду Почетнаго Легіона съ брилліантами, чтобы утѣшить его за эти самыя нападки. Такія черты характеризуютъ человѣка. Но если бонапартисты и являются вѣчными заговорщиками, то несомнѣнно, что они умѣютъ также выжидать. Поэтому они навѣрное пожелаютъ прежде всего удостовѣриться, насколько пользы можетъ принести Руэръ ихъ партіи, засѣдая въ собраніи, и какую смуту произведетъ въ умахъ. Итакъ, я разсчитываю, что избраніе Руэра обезпечитъ намъ нѣсколько мѣсяцевъ покоя, которыми правительству и собранію слѣдовало бы воспользоваться для того, чтобы возстановить свою добрую славу въ общественномъ мнѣніи.

Къ несчастью, судя по всѣмъ даннымъ, это имъ не удастся. Раздоры партій, ихъ безплодіе и непримиримая рознь усиливаются съ каждымъ днемъ. Всѣ партіи дѣлаютъ ошибку за ошибкой, а бонапартизмъ ими пользуется. Между тѣмъ предостереженія раздаются со всѣхъ сторонъ, и если вы пробѣжите наши газеты, то замѣтите, что съ нѣкоторыхъ поръ всѣ онѣ толкуютъ объ опасности и указываютъ на нее. Одинъ изъ нашихъ академиковъ, Викторъ Лапрадъ, открылъ и издалъ вновь, въ виду существующихъ обстоятельствъ, знамени-

тый памфлетъ Шатобріана „De Buonaparte et de Bourbons“ и пред-
послалъ ему энергическое и краснорѣчивое предисловіе:

„Новое царствованіе Бонапартовъ, говоритъ онъ, было бы край-
нимъ бѣдствіемъ, неотвратимымъ паденіемъ и даже смертью отчизны.
Душой Франціи, смысломъ ея существованія, ея силой въ мірѣ яв-
ляется то, что она представляетъ собой честь, и эта честь, уже до-
статочно поруганная, погибла бы навѣки. Но нѣтъ! Франція не уни-
зится до такой степени! Франція рыцарская и республиканская, Фран-
ція крестовыхъ походовъ и великихъ войнъ за свободу, Франція ве-
ликихъ ораторовъ и великихъ умовъ, Франція Мирабо, Берріе, Ша-
тобріана, Ламартина не дастъ себя вновь на поруганіе этимъ визан-
тійскимъ проходивцамъ. Освободясь отъ этихъ развратителей, она не
поступитъ подобно тѣмъ псамъ смердящимъ, которые пожираютъ
собственныя изверженія. Оставить ли она республику съ выбор-
нымъ президентомъ или же смѣнить ее республикой съ пре-
зидентомъ наслѣдственнымъ, которая зовется конституціонной монар-
хіей, она прежде всего сохранить, удержать за собой свою честь,
свою душу, свой національный стыдъ. Бѣдствіе, представляемое воз-
вратомъ цезаризма, превышало бы бѣдствіе, порожденное нашими по-
раженіями. Проигранныя битвы могутъ быть вознаграждены, утрачен-
ныя провинціи могутъ быть возвращены. Но когда народъ утратилъ
геній, совѣсть, нравственность, то онъ уже не можетъ вернуть ихъ.
Франція ихъ не утратитъ.“

Конечно, это — краснорѣчивое воззваніе, но, признаться ли вамъ,
оно скорѣ пугаетъ меня, нежели успокоиваетъ. Я припоминаю, что
Шатобріанъ, брошюру котораго Лапрадъ нашелъ нужнымъ вновь из-
дать, писалъ въ 1814-мъ году, что его памфлетъ не помѣшалъ воз-
вращенію Наполеона I-го въ 1815-мъ году и что вторичное царство-
ваніе перваго императора могло бы продлиться очень долго, если бы
Европа не нагрянула снова на Францію, чего бы она теперь не сдѣ-
лала и что, во всякомъ случаѣ, было бы весьма печальнымъ средствомъ
спасенія. Вы не можете представить себѣ, какую силу сохранила въ
народѣ до сихъ поръ наполеоновская легенда. Наполеониды остались
навсегда во мнѣніи народа олицетвореніемъ революціи. Что за дѣло,
что они впадаютъ въ ошибку за ошибкой; если они претерпѣваютъ
неудачи, то только потому, что ихъ продаютъ измѣнники; имъ ни-
что не ставится въ упрекъ; они непогрѣшимы и одни способны за-
щитить бѣдный народъ отъ возврата феодальныхъ правъ и средне-
вѣковыхъ порядковъ. Мы обязаны этой нелѣпой и пагубной легендой
близорукому безумію нашихъ поэтовъ и историковъ: почти всѣ они
воображали, что совершаютъ патріотическій подвигъ, помѣщая пер-
ваго Наполеона въ разрядъ боговъ. Самъ Тьеръ содѣйствовалъ этому,
и въ настоящее время неохотно признается, что зашелъ слишкомъ

далеко въ апоэозѣ своего героя. Другіе не менѣе виновны, и я хорошо помню то время, когда Эдгаръ Кинэ, на лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Collége de France, по-просту сравнивалъ Наполеона I-го съ Иисусомъ Христомъ, причемъ ему рукоплескала молодежь, жадно глотавшая ядъ, подносимый ей. Викторъ Гюгб, несмотря на свою чисто личную ненависть къ Наполеону III-му, конечно не откажется ни отъ единого изъ своихъ дирамбовъ къ Наполеону I-му. Но самымъ главнымъ популяризаторомъ этой религіи былъ Беранжé, патріотическія пѣсни котораго до сихъ поръ остаются единственнымъ евангеліемъ крестьянъ и *commis-voyageurs*. Во Франціи создалась наполеоновская религія; бонапартистамъ это хорошо извѣстно, и они отлично эксплуатируютъ ее. Въ настоящую минуту во множествѣ распространяется по деревнямъ одна брошюра, въ которой поведение императора при Седанѣ изображается верхомъ героизма и самоотверженія. Но пропаганда этимъ не ограничивается; различныя газеты, находящіяся на откупѣ у бонапартизма, должны стоять громадныхъ денегъ. Я слышалъ изъ вѣрнаго источника, что императрица заняла недавно около пятнадцати милліоновъ подъ залогъ имущества, принадлежащаго ей лично въ Парижѣ. Какъ видите, нѣтъ недостатка въ томъ, что составляетъ главное средство войны.

Недовольство арміи, о которомъ я кажется уже говорилъ вамъ, объясняя его сложныя причины, эксплуатируется самымъ ловкимъ образомъ. Маленькій дворъ въ Чайзльгёрстѣ съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за пропагандой своихъ агентовъ и, какъ мнѣ кажется, получаетъ очень вѣрныя свѣдѣнія. Меня увѣряютъ, что императоръ сказалъ недавно: „Парижъ обращенъ, но провинція еще нѣтъ.“ Это мнѣніе вполне справедливо: дѣйствительно, въ Парижѣ, который при имперіи постоянно назначалъ депутатовъ оппозиціи, бонапартизмъ особенно много насчитываетъ теперь приверженцевъ, гораздо больше, чѣмъ въ деревняхъ. Лавочники воображаютъ, что торговля поправилась бы, а фобурги очень хорошо сознаютъ живую связь цезаризма съ социализмомъ и убѣждены, что императоръ началъ бы съ того, что помиловалъ бы осужденныхъ коммунистовъ и, быть можетъ, назначилъ бы налогъ на богатыхъ. То, что я говорилъ раньше объ отвращеніи Парижа къ монархіи относится единственно къ наслѣдственной монархіи и къ монархіи конституціонной, которыя считаются представительницами стараго порядка, между тѣмъ какъ революціонный инстинктъ видитъ въ имперіи одну изъ формъ демократіи.

Что же дѣлаютъ, спросите вы, правительство и партіи въ виду бонапартистскаго движенія. Правительство щеголяетъ оптимизмомъ, который можно назвать ослѣпленіемъ. Тьеръ, чувствующій настоящую антипатію къ орлеанской фамиліи, охотно высказываетъ уважающимъ за нимъ республиканцамъ, что герцогъ Омальскій гораздо

опаснѣ императора. Это во всякомъ случаѣ заблужденіе, которое ничѣмъ не оправдывается. Я пытался объяснить въ предыдущемъ письмѣ, въ какое фальшивое положеніе поставлена орлеанская фамилія. Эта фамилія, очутившись между революціей, отъ которой 'не хочетъ и не можетъ отрекаться, и династическими интересами, представительницей которыхъ она является до извѣстной степени,—такъ сказать, выражаясь вульгарно,—сѣла между двухъ стульевъ. А между тѣмъ ни у одного изъ ея представителей нѣтъ настолько рѣшимости, чтобы выдти изъ этого двусмысленнаго положенія. Но Тьеръ положительно, и быть можетъ умышленно, несправедливъ къ орлеанскимъ принцамъ, бросая тѣнь на ихъ честность. Никто изъ нихъ не способенъ быть заговорщикомъ.

Герцогъ Омальскій въ рѣшительную минуту готовъ былъ бы сѣсть на коня, если бы получилъ полномочіе отъ большинства собранія, но то, чтó происходило въ собраніи, когда Тьеръ подалъ въ отставку и зашла рѣчь о вице-президентѣ, показываетъ, что едва ли такой случай возможенъ. Помимо правильнаго и легальнаго полномочія, орлеанскіе принцы не стануть прибѣгать ни къ какимъ мѣрамъ, и еслибы бонапартизмъ восторжествовалъ, то отправились бы въ изгнаніе, также просто, какъ и вернулись изъ него. Графъ Парижскій еще болѣе связанъ въ дѣйствіяхъ и затертъ, чѣмъ его дяди, потому что представляетъ главнымъ образомъ династическій интересъ своей фамиліи, и потому что его роль совершенно ступенывается передъ ролью графа Шамбора. Онъ въ одно время наслѣдникъ младшей линіи и старшей, бездѣтной, но эти два титула, отъ которыхъ онъ не желаетъ откаться, не подкрѣпляютъ, но взаимно уничтожаютъ другъ друга. Въ настоящую минуту въ пользу сліянія дѣлается новая попытка, кажущаяся мнѣ довольно жалкой и которая по всей вѣроятности будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и предыдущіе. Вы знаете, что главное затрудненіе заключается въ знамени. Касательно этого пункта можно сказать, что графъ Шамборъ не имѣетъ единомышленниковъ, но его мнѣніе составляетъ законъ для крайней правой, въ глазахъ которой онъ и теперь уже *король*. Самые рѣшительные легитимисты, лучшие друзья претендента, пришли въ крайнее смущеніе отъ его манифеста о бѣломъ знамени; но несмотря на свое смущеніе они не рѣшаются противорѣчить и преклоняются передъ рѣшеніемъ графа Шамбора. Такъ думаютъ самые строгіе приверженцы этой партіи, ненавидящіе іюльскую монархію; они примирились бы съ сліяніемъ, еслибы того пожелалъ графъ Шамборъ, но они не сдѣлаютъ шагу, чтобы подвинуть его на сліяніе. Рядомъ съ ультра-легитимистами существуетъ умѣренная правая или стоящая за сліяніе. Она также состоитъ главнымъ образомъ изъ легитимистовъ, но такихъ, которые готовы сдѣлать уступки

новѣйшему времени. Вотъ эта-то фракція палаты придумала уловку, слишкомъ наивную на мой взглядъ.

Она придумала составить программу, гдѣ заявляются извѣстные принципы, безъ которыхъ въ наше время немислимо никакое правительство, но умалчивается о знамени. Орлеанисты поспѣшили заявить въ „Journal de Paris“, что они готовы обѣими руками подписать эту программу и что если графъ Шамборъ приметъ ее, то во Франціи окажется только одна монархическая партія, во главѣ которой будетъ стоять „державный представитель“ королевскаго дома Франціи. Графъ Шамборъ съ своей стороны удостоилъ дать знать своимъ друзьямъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этой программы и что онъ предоставляетъ на ихъ волю подписывать ее, или не подписывать. Но много ли это подвинетъ дѣло впередъ? Вопросъ о знамени, относительно котораго графъ Шамборъ ни за что не уступить, всегда выступитъ въ данную минуту впередъ и затормозитъ все дѣло. И нельзя сказать, чтобы это былъ вопросъ мертвой буквы или вишняго признака. Здѣсь символъ слить съ самой идеей. Несомнѣнно, что реставрація съ бѣлымъ знаменемъ совсѣмъ не то, что реставрація съ знаменемъ трехцвѣтнымъ, и что существованіе бѣлаго знамени дало бы особую силу всѣмъ реакціоннымъ вліяніямъ. Но здѣсь орлеанскіе принцы снова дали весьма печальное доказательство своей нерѣшительности. Они заявили опять-таки въ „Journal de Paris“, который ихъ признанный органъ, что хотя они въ сущности привязаны къ трехцвѣтному знамени и не имѣютъ никакихъ причинъ отрекаться отъ него, но что тѣмъ не менѣе и въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, они готовы преклониться передъ волей Франціи. Такое самоотверженіе по истинѣ хватаетъ черезъ край. Трехцвѣтное знамя представляетъ извѣстный строй идей и чувствъ, отрекаться отъ которыхъ орлеанскимъ принципамъ не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ; если оно надетъ, они должны пасть вмѣстѣ съ нимъ, а не предоставлять себѣ права перейти въ другой лагерь, подъ предлогомъ повиновенія національной волѣ.

По силѣ вещей орлеанистская партія не есть партія замѣнутая, подобно другимъ партіямъ. Именно по тому самому, что она носитъ главнымъ образомъ характеръ сдѣлки, она представляетъ точки соприкосновенія съ правой, какъ и съ лѣвой. Какъ говоритъ Лапрадъ, конституціонная монархія въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаютъ либеральные орлеанисты, и безъ сомнѣнія сами принцы,—не что иное какъ республика съ наслѣдственнымъ президентомъ. Поэтому неудивительно, что неразрѣшимыя трудности сліянія, а быть можетъ также и нерѣшительность, выказанная принципами, побудили часть праваго центра пристать къ лѣвому центру, который является представителемъ умѣренной республики. Вотъ гдѣ мы опять наталкиваемся

на Казимира Перье, о которомъ я говорилъ выше и который является главой этихъ новыхъ приверженцевъ республики. Быть можетъ, въ отвѣтъ на обнародованную правой программу, центръ и произвелъ бы какую-нибудь манифестацію съ цѣлю закрѣпить настоящій порядокъ дѣлъ, напримѣръ, пожизненное президентство, поднесенное Тьеру; но поднесеніе пожизненнаго президентства было бы наименѣе республиканской мѣрой и не могло бы быть признано за гарантію прочности въ виду престарѣлаго возраста Тьера. Къ тому же правительство Тьера страдаетъ личными и ему присущими недостатками, то-есть старческимъ безсиліемъ и упрямствомъ главнаго дѣйствующаго лица.

Переходя отъ одной программы къ другой и отъ одной нерѣшительной попытки къ новой, собраніе можетъ придти къ безвыходному положенію и къ необходимости преждевременно разойтись. Послѣ опасности бонапартистской реставраціи, это самая роковая для насъ случайность. Что бы ни готовило намъ будущее, а надо желать, чтобы настоящій порядокъ дѣлъ продлился по крайней мѣрѣ до очищенія нашей территоріи. Общіе выборы грозили бы междоусобной войной. Между тѣмъ, вы понимаете, насколько положеніе дѣлъ усложнилось бы отъ присутствія въ странѣ непріятеля и какое униженіе было бы для насъ, еслибы нѣмцы вмѣшались въ наши дѣла, съ цѣлю восстановленія порядка, что очень легко могло бы случиться. Во всякомъ случаѣ, стоить имъ только вообразить, что обязательства, принятые относительно ихъ на себя Франціей, рискуютъ не быть выполненными, и они тотчасъ снова займутъ очищенные ими департаменты. Увѣряютъ, и я охотно этому вѣрю, что нѣмцы, столько же сколько и мы, желаютъ, чтобы Тьеръ оставался во главѣ дѣлъ, дабы трактаты были выполнены безъ новыхъ затрудненій. Мнѣ говорили, что бонапартистскіе эмиссары, недавно отправленные въ Берлинъ, вернулись оттуда весьма довольные, и добавляютъ, что Бисмаркъ расположенъ оказывать Тьеру всякое содѣйствіе, какое только совмѣстимо съ строгимъ исполненіемъ трактата, за который, разумѣется, нѣмцы крѣпко держатся.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ пользу освобожденія территоріи началось внезапное движеніе, которое несомнѣнно имѣетъ свои хорошія стороны, но которое быть можетъ готовить намъ горькія разочарованія, если результатъ, какъ того и слѣдуетъ ожидать, окажется слишкомъ далекъ отъ цѣли, которая имѣется въ виду. По случаю Новаго года дамы въ главныхъ городахъ Эльзаса сдѣлали складчину и послали президенту республики извѣстную сумму, довольно впрочемъ скромную, желая содѣйствовать вышеупомянутой цѣли освобожденія. Это вызвало громкія похвалы газетъ. Между французскими дамами различныхъ городовъ зародилось соревнованіе. Парижъ принялъ участіе въ дѣлѣ и начались собираться подписки съ весьма похвальнымъ усердіемъ, причемъ упустили изъ виду чрезвычайную трудность реализовать

этимъ путемъ громадную сумму трехъ милльардовъ, которую нужно заплатить пруссакамъ, для того чтобы они убралась во свояси. Досужіе статистики сдѣлали по этому случаю нѣсколько весьма любопытныхъ исчисленій. Они высчитали, что три милльарда въ банковыхъ билетахъ въ тысячу франковъ, наложенныхъ одинъ на другой, въ семь или девять разъ превысили бы высоту Вандомской колонны, или еслибы принялись считать по франку, начиная со временъ Авраама, то и по сію пору счетъ не былъ бы оконченъ. Эти охлаждающіе расчеты имѣли дѣйствіемъ то, что механизмъ подписки нѣсколько измѣнился, и въ настоящее время почти всѣ комитеты согласны въ томъ, чтобы принимать лишь условныя обязательства, которыя не получаютъ никакой силы, если подписка не достигнетъ почтенной цифры, напримеръ, пятисотъ милліоновъ, которые составляютъ одну шестую всего нашего долга нѣмцамъ. Даже и при этихъ сравнительно осторожныхъ и скромныхъ условіяхъ, успѣхъ остается сомнительнымъ, хотя существуютъ значительныя обязательства (въ 100,000 франковъ и даже въ милліонъ). Но вы понимаете, что немногіе французы могутъ принять на себя, хотя бы условно, подобныя обязательства. Удастся ли подписка или нѣтъ, а все же придется прибѣгнуть къ налогу или къ займу, для покрытія болѣе части трехъ милльардовъ, и разумные люди желаютъ только, чтобы настоящее движеніе послужило стимуломъ для правительства и облегчило бы ему путь выйти изъ затрудненія. Чрезвычайный налогъ на столицу былъ бы въ настоящее время охотно принятъ. Совсѣмъ тѣмъ, многіе финансовыя авторитеты совѣтуютъ скорѣе обратиться къ займу, который привлекъ бы иностранныя капиталы къ дѣлу освобожденія страны. Франція, въ самомъ дѣлѣ, готова въ настоящую минуту на великія жертвы, и несомнѣнно, что она могла бы найти у себя три милльарда, но она подвергла бы себя, въ такомъ случаѣ, денежному кризису, гораздо болѣе чувствительному, чѣмъ тотъ, который мы переживаемъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и къ которому почти привыкли.

Когда я говорю, что Франція въ настоящую минуту готова на всякія жертвы, то я быть можетъ нѣсколько преувеличиваю и для возстановленія истины сдѣлаю слѣдующую оговорку. Стремленіе къ самопожертвованію особенно ощутительно въ провинціяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны и главнымъ образомъ въ восточныхъ департаментахъ. Но югъ, который уже очень дурно заявилъ себя во время войны и обогатился въ то время, какъ остальная Франція бѣдствовала, — югъ остается и теперь холоденъ къ патріотическому дѣлу, и нельзя сказать, чтобы подписка увѣнчалась тамъ успѣхомъ. Богатый городъ Бордо пожертвовалъ всего 500,000 франковъ, между тѣмъ какъ Нанси, далеко не такой богатый и сильно пострадавшій во время войны, собралъ въ нѣсколько дней болѣе милліона франковъ. Этотъ эгоизмъ,

который югъ проявляетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, смущаетъ патріотическія сердца и заставляетъ опасаться, что французское единство и солидарность между различными членами французской націи вовсе не такъ прочны, какъ желательно было бы думать. Этому чувству безпокойства слѣдуетъ приписать довольно важное рѣшеніе, принятое военной комиссіей національнаго собранія. Вамъ извѣстно, что мы желаемъ организовать свою армію по прусскому образцу. Между тѣмъ вамъ извѣстно также, что въ Пруссіи различныя армейскія корпуса постоянно и строго соотвѣтствуютъ различнымъ провинціямъ, такъ что солдаты различныхъ провинцій, за исключеніемъ гвардіи, никогда не смѣшиваются между собой, а армейскія корпуса сохраняютъ свое территоріальное названіе, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Этого у насъ рѣшительно не посмѣютъ ввести: у насъ не посмѣютъ создать провансальскій корпусъ, гасконскій, бретонскій корпуса, изъ боязни нарушить военное единство, хотя впрочемъ элементы, изъ которыхъ состоитъ французская нація гораздо болѣе слиты другъ съ другомъ, чѣмъ въ Пруссіи, гдѣ полякъ конечно гораздо менѣе похожъ на жителя рейнскихъ провинцій, чѣмъ у насъ южанинъ на сѣверянина. Итакъ, наши полки будутъ насчитывать по старому солдатъ изъ всѣхъ провинцій родомъ, и я боюсь, чтобы отъ этого не пострадала вся система. Я впрочемъ не знаю, когда будетъ приведенъ къ окончанію военный законъ. Это столь важное, можно сказать насущное дѣло, затягивается, какъ и всѣ остальные, и когда наконецъ комиссія выработаетъ свой проектъ, то далеко нельзя быть увѣреннымъ, чтобы Тьеръ его принялъ и чтобы онъ оказался сговорчивѣе по этому вопросу, чѣмъ по вопросу о налогѣ. Я долженъ однако заявить, что онъ громко говоритъ, что на этотъ разъ правительство и собраніе будутъ дѣйствовать единодушно. Однако ручаться ни за что нельзя.

Что касается подписки, то Ліонъ заявилъ себя еще съ худшей стороны, чѣмъ Бордо. Учредившійся въ немъ комитетъ объявилъ, что собранная имъ подписка войдетъ въ законную силу только въ томъ случаѣ, если собраніе разойдется. Вы знаете, что распушеніе собранія, — конекъ радикальной партіи. Я не знаю болѣе печальнаго примѣра того, какъ духъ партій беретъ верхъ надъ патріотизмомъ. Очищеніе территоріи является національнымъ интересомъ первостепенной важности, который близокъ или по крайней мѣрѣ долженъ быть близокъ всѣмъ и каждому; распушеніе собранія есть дѣло партіи. Но наши радикалы такъ созданы, что всегда готовы пожертвовать страной своимъ химерамъ. Это безумцы худшіе, чѣмъ безумцы правой. Къ тому же я предсказываю, что еслибы имъ удалось добиться распушенія собранія, то они не сочли бы себя удовлетворенными и на слѣдующій же день возобновили бы противъ новаго собранія ту войну, какую они ведутъ противъ настоящаго. Я отнюдь не утверждаю, какъ вамъ

извѣстно, чтобы это послѣднее было безукоризненно, но никакое собраніе не будетъ по душѣ радикаламъ, потому что не будетъ достаточно энергическимъ. Если бы имъ удалось наконецъ стереть всѣ другія партіи, они перегрызлись бы между собой.

Нѣкоторые лица полагаютъ, что у Тьера составленъ уже планъ, какимъ образомъ добиться въ теченіи нынѣшняго года очищенія территории, и что онъ начнетъ переговоры тотчасъ послѣ уплаты четвертаго полу-миллиарда, что произойдетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Это было бы для него великой удачей, а въ ней онъ очень нуждается; наше положеніе въ несчастію такъ дурно, что даже такая удача имѣла бы свои худыя стороны. Я не знаю, возможно ли отдалить до тѣхъ поръ внутренней кризисъ, угрожающій намъ, но разъ пруссаки очистятъ Францію, то я не вижу, что можетъ помѣшать вопросу о формѣ правительства выступить на первый планъ, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ быть рѣшенъ мирнымъ путемъ.

Теперь я намѣренъ очертить вамъ другую сторону нашего положенія, сторону религіозную, которая нисколько не утѣшительнѣе другой. Монталамберъ очень набожный католикъ, но либеральный человѣкъ, разсорившійся съ римской куріей, передъ смертью произнесъ пророчество, которое легко можетъ сбыться. Онъ сказалъ, что Франціи предназначено сдѣлаться прихожей Ватикана. Очень похоже на то, и я право боюсь, что наша бѣдная страна въ концѣ концовъ превратится въ послѣдній оплотъ ультрамонтанства. Французская демократія безсильна передъ такимъ врагомъ, потому что ничего не можетъ предложить народной совѣсти, кромѣ отрицанія. Съ другой стороны, вы знаете, съ какой пошлой угодливостью наши епископы, и во главѣ ихъ Дюпанлу, приняли догматъ непогрѣшимости, который многіе изъ нихъ такъ энергично оспаривали на соборѣ. Одинъ изъ нашихъ самыхъ замѣчательныхъ богослововъ, отецъ Гратри, членъ французской академіи, на смертномъ одрѣ своемъ вынужденъ былъ назойливымъ приставаніемъ духовенства отречься отъ своихъ мнѣній, и *Аусбургская Газета* напечатала надняхъ небольшую записку, написанную имъ канонику Дѣллингеру, послѣ своего отреченія, въ которой онъ выражалъ всю тревогу своей души. Отецъ Гіацинтъ одинъ остается пока твердымъ, но онъ имѣлъ несчастіе подвергнуться осужденію родного брата, аббата Луазона, профессора богословія въ Сорбоннѣ, который раздѣлялъ его взгляды до созванія собора и даже самъ писалъ противъ догмата непогрѣшимости, прежде чѣмъ онъ былъ признанъ. Совсѣмъ тѣмъ недавно викарій одной изъ главныхъ церквей Парижа, аббатъ Мишо, рѣзо порвалъ связи съ ультрамонтанами или, какъ ихъ называютъ, съ романистами. Его письмо, которое онъ напечаталъ въ газетахъ, произвело скандалъ, но я увѣренъ, что его примѣръ найдетъ не много подражателей. Клерикальные органы

поспѣшили объявить его помѣшаннымъ, а публика, зараженная невѣріемъ, выказала ему очень мало сочувствія. Религіозное обновленіе у насъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ Германіи, гдѣ между тѣмъ „старо-католикамъ“ не особенно легко дѣйствовать.

Во Франціи существуетъ два рода фанатизма: фанатизмъ радикальнаго отрицанія и католическаго утвержденія, а кромѣ нихъ существуетъ еще масса скептиковъ и равнодушныхъ, которые вполне утратили смыслъ и пониманіе религіозныхъ вещей и для которыхъ эта важная сторона человѣческой жизни потеряла всякое значеніе. Но аббатъ Мишо не такъ-то легко упадетъ духомъ, онъ мнѣ кажется гораздо воинственнѣе, чѣмъ отецъ Гіацинтъ, и прежде чѣмъ отречься, онъ приготовилъ нѣсколько брошюръ, которыя собирается печатать одну за другой и въ которыхъ не даетъ пощады ультрамонтанству. Его дѣйствія могутъ имѣть нѣкоторый интересъ для васъ, такъ какъ нѣкоторые лица приписываютъ ему намѣреніе присоединиться къ православной русской церкви. Я не знаю насколько это вѣрно, но одно несомнѣнно, что въ корреспонденціи изъ Петербурга, адресованной въ „Univers“—органъ Вейльо—возвѣщалось о такомъ его намѣреніи.

Наше правительство, главнымъ же образомъ большинство національнаго собранія, находится подъ игомъ ультрамонтановъ. Въ то время какъ канцлеръ новой германской имперіи дѣйствуетъ въ Берлинѣ, какъ представитель современнаго духа и поборникъ свободы государства, наше правительство не можетъ освободиться отъ пагубной традиціи, признающей во Франціи „старшую дочь церкви“. Плачевно то, что она не рѣшается аккредитовать въ Римѣ французскаго посланника при королѣ Викторѣ-Эммануилѣ. Посланникъ этотъ давно уже назначенъ, но до сихъ поръ еще не уѣхалъ, его зовутъ де-Гуляръ и онъ участвовалъ во франкфуртскихъ переговорахъ. Во время министерской перетасовки, вызванной отставкой Казимира Перье, его поспѣшили назначить министромъ торговли, только затѣмъ, чтобы выиграть время. И все это благодаря одной петиціи со стороны клерикаловъ, требующей, чтобы у Франціи не было посланника въ Римѣ, петиціи, насчетъ которой національное собраніе еще не успѣло высказаться! Вотъ какъ мы стремимся привлечь симпатіи Италіи.

Однако правительство, несмотря на потачку епископамъ, не рѣшилось отказать въ уступкѣ либеральному мнѣнію и внесло законъ объ обязательномъ обученіи. Но тутъ выступило впередъ клерикальное большинство собранія. Если проектъ Жюля Симона, написанный въ уступчивомъ и примирительномъ духѣ, не будетъ отложенъ въ сторону на неопредѣленное время, а то и совсѣмъ отвергнуть, то его измѣнять такъ, что правительство его не узнаетъ. Орлеанскій епископъ руководитель—всего этого дѣла, и ведетъ его съ своей обычной рѣзкостью; оно можетъ служить ему утѣшеніемъ въ неудачѣ, которую

онъ претерпѣлъ недавно во французской академіи, куда Литтре вступилъ, не взирая на его сопротивление. Вамъ конечно извѣстно, что онъ не желалъ допустить его избраніе подъ предлогомъ его нечестія. Я конечно не отрицаю, что Литтре излагалъ нѣкоторые крайнія мысли и дѣлалъ такіе выводы изъ своей системы, отъ которыхъ ему лучше было бы воздержаться. Литтре—глава школы, называющейся позитивной и сущность которой заключается въ томъ, что она ограничиваетъ философію познаніемъ вещей конечныхъ. Она не отрицаетъ бесконечнаго, но говоритъ, что не будучи въ силахъ познать и понять его, она не считаетъ нужнымъ имъ заниматься. Такой взглядъ не враждебенъ вѣрѣ, если допустить, что область вѣры и чувства начинается именно тамъ, гдѣ оканчивается область знанія и разума. Литтре не всегда дѣлалъ это различіе, а его школа совсѣмъ пренебрегала имъ, такъ что придавала себѣ характеръ самаго грубаго и педантичнаго матеріализма и атеизма. Но нельзя не признать совсѣмъ тѣмъ, что Литтре замѣчательный писатель и ученый, заслуживающій полнаго уваженія какъ своей строго-нравственной жизнью, такъ и заслугами, оказанными языкознанію и наукѣ. Сверхъ того французская академія—не соборъ и не богословская школа, и разумные люди всѣхъ партій рукоплескали отличію, выпавшему, хотя нѣсколько поздно, на долю Литтре.

Орлеанскому епископу удалось устранить его выборъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и онъ надѣялся, что это ему удастся и теперь; но вліяніе Тьера и Гизо, который на этотъ разъ оказался либеральнымъ, не дали восторжествовать интригѣ. Дюпанлу со злобы подалъ въ отставку, но какъ я уже сказалъ, онъ вымѣститъ свою злобу въ національномъ собраніи на законѣ объ общественномъ образованіи.

Длинная серія процессовъ обвиненныхъ коммуналистовъ приходитъ къ концу. Въ послѣдніе дни военные суды приговорили нѣсколько человѣкъ къ смерти, изъ участвовавшихъ въ убіеніи заложниковъ. Противъ этихъ приговоровъ можно сказать только одно: что они очень запоздали. Такія дѣла не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ. Главныхъ виновныхъ слѣдовало наказать въ скоромъ времени послѣ совершенія ими преступленія, а не заниматься остальными обвиненными, которыхъ приходится теперь миловать, такъ сказать, въ одиночку, послѣ мнимой процедуры слѣдствія. Всѣ эти лица возвращаются теперь съ понтоновъ, питая идеи мести. Я не считаю ихъ опасными самими по себѣ, потому что у нихъ нѣтъ оружія, но это отличные рекруты въ армію бонапартизма.

Другое слѣдствіе также очень затягивается и носитъ странный характеръ таинственности. Я говорю о разслѣдованіи дѣла по капитуляціямъ крѣпостей во время войны. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ коммиссія, подъ предсѣдательствомъ маршала Бараге д'Илье

занимается этимъ разслѣдованіемъ и до сихъ поръ ничего еще неизвѣстно о результатахъ. Повидимому, до сихъ поръ она разбирала лишь случаи второстепенной важности. Но дѣло о Метцѣ, которое главнымъ образомъ интересуется общественное вниманіе, кажется, еще и не затрогивалось, и причина этого замедленія объясняется упорнымъ покровительствомъ, которое Тьеръ оказываетъ маршалу Базену, хотя противъ послѣдняго раздались обвиненія въ средѣ его собственной арміи. Это покровительство, громко заявляемое главой правительства, производитъ самое плачевное дѣйствіе и является одной изъ причинъ недовольства арміи.

Сочиненія, трактующія о войнѣ, объ осадѣ Парижа и о коммунѣ продолжаютъ издаваться, но въ большинствѣ случаевъ это не что иное, какъ риторическія словоизверженія, лишены всякаго значенія. Исключеніемъ является прекрасно написанная и благородно задуманная книга: „Парижъ и Нѣмцы.“ Она написана Дюменилемъ, однимъ изъ высшихъ чиновниковъ министерства просвѣщенія, который пережилъ всѣ опасности, всѣ неудобства, всѣ матеріальныя лишенія и нравственныя страданія, выпавшія на долю парижанъ во время осады. Онъ записывалъ день за днемъ свои впечатлѣнія, которыя не лишены значенія и интереса. Я еще ни въ какомъ другомъ сочиненіи не встрѣчалъ выраженія такого искренняго патріотизма, который очень легко отличить отъ напыщенной риторики шарлатановъ возмездія. Книга издана Гарнье, она, какъ и всѣ французскія сочиненія, пропитана неудержимой ненавистью къ побѣдителю, но въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ выражается сознаніе тѣхъ великихъ усилій, которыя предстоитъ сдѣлать Франціи, для того, чтобы возмездіе стало возможнымъ. Я полагаю, что могу сказать, что эта книга выражаетъ самыя благородныя и возвышенныя чувства общественнаго мнѣнія во Франціи. Рѣзкость, замѣчаемая въ ней, особенно хорошо передаетъ всеобщее настроеніе.

Кромѣ книгъ, относящихся къ послѣднимъ событіямъ, я могу упомянуть только объ этюдахъ въ двухъ томахъ, Говэ, о происхожденіи христіанства. Говэ—профессоръ въ *Collège de France* и одинъ изъ нашихъ лучшихъ эллинистовъ. Вслѣдствіе этого, въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ особенно старался прослѣдить греческія вліянія на образованіе идей и догматовъ христіанскихъ. Впрочемъ эти этюды появлялись уже нѣсколько лѣтъ раньше въ *Revue des deux Mondes* и въ *Revue Germanique*, и безъ сомнѣнія, война помѣшала автору издать ихъ отдѣльной книгой раньше. Хотя она лишена романтической прелести *Жизни Иисуса Христа* Ренана, но отличается весьма серьезными достоинствами и дополняетъ во многихъ отношеніяхъ вышеупомянутую знаменитую книгу. Надняхъ вышелъ также переводъ (съ англійскаго) сочиненія великаго филолога Макса Мюллера о *происхожденіи религій*, которое конечно извѣстно вамъ уже въ оригиналѣ.

Скажу вамъ по этому поводу, что нѣмецкому правительству удалось, кажется, залучить Макса Мюллера въ университетъ, учреждаемый въ Страсбургѣ на весьма широкую, какъ кажется, ногу.

Театральная хроника послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ наполнена почти исключительно произведеніями Сарду. Его „*Roi Carotte*“, *féerie*, даваемая на „*Théâtre de la Gaité*“ надѣлала столько шума, даже раньше перваго представленія, что я быть можетъ упоминалъ уже о ней въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Въ концѣ концовъ авторъ потерпѣлъ фіаско. Можно было бы, казалось, ожидать, что разъ Сарду согласился написать вещь въ такомъ низкомъ и нелѣпномъ родѣ, то постарается нѣсколько измѣнить и возвысить его. Быть можетъ, онъ и пытался сдѣлать это, но ему не удалось. Его „*féerie*“ также глупа и пошла, какъ и всѣ другія, и весь успѣхъ, какъ это водится, на сторонѣ костюмера и декоратора. Декораціи дѣйствительно великолѣпныя, въ особенности декораціи, представляющія Помпею и возстановляющія древнюю жизнь и цивилизацію. Дѣло не обходится также и безъ голыхъ женщинъ, которыхъ въ достаточномъ количествѣ, но не въ этомъ путь къ возрожденію Франціи. На „*Théâtre du Vaudeville*“ Сарду пожелалъ воскресить Аристофана. Его „*Rabagas*“ имѣетъ претензію быть политической комедіей; но если въ своей *féerie* Сарду не возвысился надъ дюжинными сочинителями этого сорта произведеній, то въ своей другой попыткѣ онъ далеко ниже не только своего греческаго образца, но даже и Скриба, который иногда пускался въ этотъ родъ произведеній, на примѣръ, въ своей милой пьесѣ „*Samaraderie*“. *Rabagas*, котораго вы быть можетъ увидите на Михайловскомъ театрѣ, весьма грубое произведеніе, въ основу котораго положена пошлая и запутанная интрига. Главное лицо, долженствующее изображать типъ демагога, честолюбиваго, подлаго и интригана, не что иное какъ карикатура на Эмиля Оливье и Гамбетту. Авторъ началъ свое произведеніе при имперіи, а окончилъ его послѣ войны, при республикѣ. Отсюда произошло конечно сліяніе двухъ личностей, которыя въ дѣйствительности ни мало не похожи другъ на друга. Въ день 4-го сентября, Сарду выступилъ во главѣ „народа“ противъ Тюльери, которыхъ впрочемъ никто не думалъ оборонять. Въ настоящую минуту онъ считаетъ, что вѣтеръ перемѣнился, а потому придалъ своей пьесѣ очень рѣзкое анти-республиканское направленіе. Ждали великаго скандала, но враждебная часть публики выказываетъ большое добродушіе, и пьеса дается безъ помѣхи. Всего лучше въ ней прекрасная игра стараго актера Лафона, въ роли, нѣсколько фантастической, князя Монако, государя, противъ котораго направлены козни Рабагаса. Въ „*Ruy Blas*“, драмѣ Виктора Гюго, возобновленной съ триумфомъ на театрѣ Одеона, отличается тоже одинъ изъ старыхъ актеровъ, Жоффруа. Онъ исполняетъ съ неподражаемымъ талантомъ роль

злого генія дона-Саллюстія. Возобновленіе этой пьесы является литературнымъ торжествомъ Виктора Гюго, послѣ его недавнихъ политическихъ невзгодъ. Публика выказываетъ много такта и отдаетъ щедрую дань уваженія поэту, забывая о демагогѣ.

Упомянувъ о фіаско, которое претерпѣлъ Оффенбахъ въ „Opéra-Comique“, гдѣ онъ поставилъ музыкальную пьесу, канвой которой послужила одна изъ самыхъ милыхъ вещей Альфреда де-Мюссе, *Фантазію*, я докончу съ театральной хроникой. Вотъ уже въ третій или четвертый разъ, что композиторъ „Орфея въ аду“ и „Прекрасной Елены“ терпитъ неудачу, какъ скоро пустится въ мало-мальски возвышенную и серьезную музыку. Будемъ надѣяться, что онъ уразумѣетъ наконецъ мудрость латинскаго изреченія: „Ne sutor ultra crepidam.“

P.S. Политическое положеніе повидимому весьма усложняется въ настоящій моментъ, когда я оканчиваю это письмо. Съ одной стороны, бонапартизмъ съ каждымъ днемъ проявляетъ себя все нахальнѣе и грознѣе; съ другой стороны, правительство очень раздражено демонстраціями правой и праваго центра. Чрезвычайныя мѣры, предложенныя имъ въ засѣданіи 21-го февраля, положительно направлены противъ бонапартистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ монархистовъ. Но поведеніе послѣднихъ въ собраніи принудило кабинетъ отступить. Въ изложеніи мотивовъ, вызвавшихъ проектъ закона*), изобличались всякія возни, враждебныя существующему порядку; но въ отвѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ легитимисту Бараньону, упоминается уже только о проискахъ бонапартистовъ. Запрещеніе пало также лишь на два бонапартистскихъ органа, но я увѣренъ, что Тьеръ охотно запретилъ бы также и всякую легитимистскую и въ особенности „Journal de Paris, органъ орлеанскихъ принцевъ, и только поведеніе этой партіи въ собраніи препятствуетъ ему это сдѣлать.

Я впрочемъ стою за свое мнѣніе. Одни только бонапартисты опасны, потому что они ловки, безсовѣстны и насчитываютъ приверженцевъ почти вездѣ: въ арміи, въ низшихъ классахъ, среди мелкой буржуазіи и между клерикалами. Духовенство симпатизируетъ имперіи столько же, сколько оно симпатизируетъ и легитимизму; съ другой стороны, социализмъ также расположенъ къ имперіи. Еслибы имперія вернулась, то снова, но только въ большей степени, поощряла бы клериковъ и социалистовъ. Социалисты и клерикалы очень хорошо это знаютъ. Но не взирая на всѣ слухи, я не думаю, чтобы бонапартисты намѣревались дѣйствовать въ непродолжительномъ времени. Несмотря на всѣ благопріятныя на видъ шансы, они могли бы про-

*) Объ этомъ новомъ проектѣ закона читатели найдутъ выше подробности въ нашемъ «Иностранномъ Обзорѣ». — *Ред.*

играть дѣло, и тогда оно затянулось бы на многіе годы. Они предпочтутъ выжидать, чтобы положеніе дѣлъ еще ухудшилось. Ждать имъ ничто не мѣшаетъ, потому что никакая другая партія еще не въ силахъ заявить себя.

Какъ я и предвидѣлъ, послѣдняя попытка сліянія также не удалась, какъ и всѣ предыдущія. Легитимисты и конституціонные монархисты продолжаютъ быть разрозненными, хотя вопросъ о знамени и не былъ затронутъ. Къ тому же, если бы имъ и удалось спѣться, то тѣмъ не менѣе они слишкомъ честны и вмѣстѣ слишкомъ робки, чтобы взять на свою отвѣтственность междоусобную войну. Они не могутъ даже льстить себя надеждой образовать большинство въ собраніи, потому что правый центръ подвергся разложенію: одни члены его тяготеютъ къ правой, другіе къ лѣвому центру, вслѣдъ за Казиміромъ Перрьё. Будь у правительства больше энергіи и инициативы, оно могло бы въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ когда-либо, привлечь на свою сторону умѣренное республиканское большинство. Но отъ него нельзя ждать энергіи и инициативы. Самое большое, если оно постарается добиться официального провозглашенія республики; но эта формальность ни къ чему не поведетъ и не разрѣшитъ никакихъ затрудненій: недостаточно провозгласить республику, она должна имѣть силы удержаться и дѣйствовать.

Положеніе дѣлъ въ провинціи очень дурно, хуже чѣмъ въ Парижѣ. Въ послѣдніе дни въ ней распространился слухъ, что Парижъ возсталъ отъ имени императора и что парижане, подъ предводительствомъ маршала Базена и генерала Паликао, выступили противъ версальцевъ. Этотъ слухъ былъ лишенъ всякаго основанія, но всеобщее довѣріе къ нему рисуется состояніе умовъ.

Подписка въ пользу освобожденія территоріи идетъ успѣшно въ различныхъ мѣстахъ, хотя нельзя разумно надѣяться, чтобы она достигла цифры пятисотъ милліоновъ. Городъ (въ настоящее время нѣмецкій) Мюльгаузенъ собралъ въ нѣсколько дней условную подписку въ два милліона. Правда, что эльзасская промышленность никогда не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ за послѣдній годъ. Она завладѣла нѣмецкимъ рынкомъ, а французскій открытъ для нея до конца текущаго года на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Н.

„МИЛЬОНЪ ТЕРЗАНИЙ“!

Горѣ отъ ума, Грибоѣдова.—Бенефисъ г. Монахова, ноябрь, 1871 г.

Комедія „Горѣ отъ ума“ держится какимъ-то особнякомъ въ литературѣ и отличается молоджавостью, свѣжестію и болѣе крѣпкою живучестью отъ другихъ произведеній слова. Она,—какъ столѣтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей. И никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его чередъ.

Всѣ знаменитости первой величины конечно не даромъ поступили въ такъ-называемый „храмъ безсмертія“: у всѣхъ у нихъ много, а у иныхъ, какъ, напримѣръ, у Пушкина, гораздо болѣе правъ на долговѣчность, нежели у Грибоѣдова. Ихъ нельзя близко и ставить одного съ другимъ. Пушкинъ громаденъ, плодотворенъ, силенъ, богатъ; онъ для русскаго искусства то же, что Ломоносовъ для русскаго просвѣщенія вообще. Пушкинъ занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ собою другую, породилъ школы художниковъ, — взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ.

Несмотря на геній Пушкина, передовые его герои, какъ герои его вѣка, уже блѣднѣютъ и уходятъ въ прошлое. Геніальныя созданія его, продолжая служить образцами и источникомъ искусству — сами становятся исторіей. Мы изучили Онѣгина, его время и его среду, взвѣсили, опредѣлили значеніе этого типа, но не находимъ уже живыхъ слѣдовъ этой личности въ современномъ вѣкѣ, хотя созданіе этого типа останется неизгладимымъ въ литературѣ. Даже позднѣйшіе герои вѣка, напримѣръ Лермонтовскій Печоринъ, представляя, какъ и Онѣгинъ, свою эпоху, каменѣютъ, однако, въ неподвижности монумента. Не говоримъ о явившихся позднѣе ихъ, болѣе или менѣе яркихъ типахъ, которые при жизни авторовъ успѣли сойти въ могилу, оставивъ по себѣ нѣкоторые права на литературную память.

Называли *безсмертною* комедію „Недоросль“ Фонъ-Визина, — и основательно — ея живая, горячая пора продолжалась около полувѣка: это громадно для произведенія слова. Но теперь нѣтъ ни одного намека въ „Недорослѣ“ на живую жизнь, и комедія, отслуживъ свою службу, обратилась въ историческій памятникъ.

„Горе отъ ума“ появилось раньше Онѣгина, Печорина, пережило ихъ, прошло невредимо чрезъ Гоголевскій періодъ, пережило эти полвѣка со времени своего появленія и все живетъ своею нетлѣнною жизнью, переживетъ и еще много эпохъ и все не утратитъ своей жизненности.

Отчего же это, и что такое вообще это „Горе отъ ума“?

Критика не трогала комедію съ однажды занятого ею мѣста, какъ будто затрудняясь, куда ее помѣстить. Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса задолго опередила печать. Но грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукопись на клочки, на стихи, полустипшія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила миллионъ въ гривенники, и до того испестрила Грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до разрушенія.

Но пьеса выдержала и это испытаніе—и не только не опошлилась, но сдѣлалась, какъ будто, дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь.

Печатная критика всегда относилась съ болѣею или меньшею строгостью только къ сценическому исполненію пьесы, мало касаясь самой комедіи, или высказываясь въ отрывочныхъ, неполныхъ и разнорѣчивыхъ отзывахъ. Рѣшено разъ всѣми навсегда, что комедія образцовое произведеніе — и на томъ всѣ помирились.

И мы здѣсь не претендуемъ произнести критическій приговоръ, въ качествѣ присяжнаго критика: рѣшительно уклоняясь отъ этого—мы, въ качествѣ любителя, только высказываемъ свои размышленія, тоже по поводу одного изъ послѣднихъ представленій „Горя отъ ума“ на сценѣ. Мы хотимъ подѣлиться съ читателемъ этими своими мнѣніями, или лучше сказать сомнѣніями о томъ, такъ ли играется пьеса, т.-е. съ той ли точки зрѣнія смотрятъ обыкновенно на ея исполненіе и сами артисты и зрители? А заговоривъ объ этомъ, нельзя не высказать мнѣній и сомнѣній и о томъ, такъ ли должно понимать самую пьесу, какъ ее понимаютъ нѣкоторые исполнители и, можетъ быть, и зрители? Не хотимъ опять сказать, что мы считаемъ нашъ способъ пониманія непогрѣшимымъ — мы предлагаемъ его только какъ одинъ изъ способовъ пониманія, или какъ одну изъ точекъ зрѣнія.

Что дѣлать актеру, вдумывающемуся въ свою роль въ этой пьесѣ? Положиться на одинъ собственный судъ — не достанетъ никакого самолюбія, а прислушаться за сорокъ лѣтъ къ говору общественнаго мнѣнія — нѣтъ возможности, не затерявшись въ мелкомъ анализѣ. Остается, изъ безчисленнаго хора высказанныхъ и высказывающихся мнѣ-

ній, остановиться на нѣкоторыхъ общихъ выводахъ, наичаще повторяемыхъ—и на нихъ уже строить собственный планъ оцѣнки.

Одни цѣнять въ комедіи картину московскихъ нравовъ извѣстной эпохи, созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусную группировку. Вся пьеса представляется какимъ-то кругомъ знакомыхъ читателю лицъ, и притомъ такимъ опредѣленнымъ и замкнутымъ, какъ колода картъ. Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другія врѣзались въ память также твердо, какъ короли, валеты и дамы въ картахъ, и у всѣхъ сложилось болѣе или менѣе согласное понятіе о всѣхъ лицахъ, кромѣ одного—Чацкаго. Такъ всѣ они начертаны вѣрно и строго и такъ примелькались всѣмъ. Только о Чацкомъ многіе недоумѣваютъ: чтó онъ такое? онъ какъ будто пятьдесятъ-третья какая-то загадочная карта въ колодѣ. Если было мало разногласія въ пониманіи другихъ лицъ, то о Чацкомъ, напротивъ, разнорѣчія не кончились до сихъ поръ и можетъ быть не кончатся еще долго.

Другіе, отдавая справедливость картинѣ нравовъ, вѣрности типовъ, дорожатъ болѣе эпиграмматической солью языка, живой сатирой—моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодезь, снабжаетъ всякаго на каждый обиходный шагъ жизни.

Но и тѣ и другіе цѣнители почти обходятъ молчаніемъ самую „комедію“, дѣйствіе, и многіе даже отказываютъ ей въ условномъ сценическомъ движеніи.

Несмотря на то, всякій разъ однако, когда мѣняется персоналъ въ роляхъ, и тѣ и другіе судьи идутъ въ театръ, и снова поднимаются оживленные толпы объ исполненіи той или другой роли и о самыхъ роляхъ, какъ-будто въ новой пьесѣ.

Всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія и на нихъ основанная своя точка зрѣнія у всѣхъ и у каждого служатъ лучшимъ опредѣленіемъ пьесы, т.-е., что комедія „Горе отъ ума“ есть и картина нравовъ, и галерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія, и скажемъ сами за себя—больше всего комедія—какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій. Какъ картина, она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни—отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

Въ картинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного, не только мертвого, но блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука—зритель, читатель, чувствуютъ себя, и теперь, въ нашу эпоху, среди жи-

выхъ людей. И общее, и детали, все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостинныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ „особымъ отпечаткомъ“ Москвы, — отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы неполна.

Однако для насъ она еще не вполне историческая картина: мы не отодвинулись отъ эпохи на достаточное разстояніе, чтобъ между ею и нашимъ временемъ легла непроходимая бездна. Колоритъ не сгладился совсѣмъ; вѣкъ не отдѣлился отъ нашего, какъ отрѣзанный ломоть: мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и проч. и видоизмѣнились такъ, что не влѣзутъ уже въ кожу Грибоѣдовскихъ типовъ. Рѣзкія черты отжили конечно: никакой Фамусовъ не станетъ теперь приглашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петровича, по крайней мѣрѣ, такъ положительно и явно. Молчалинъ, даже горничной, втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ заповѣдяхъ, которыя завѣщалъ ему отецъ; такой Скалозубъ, такой Загорѣцкій невозможны даже въ дальнемъ захолустѣ. Но пока будетъ стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и „награжденія брать и весело позитъ“, пока слетни, бездѣлье, праздность, пустота, будутъ господствовать, не какъ пороки, а какъ стихіи общественной жизни и т. д., до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ, нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ „особый отпечатокъ“, которымъ гордился Фамусовъ.

Общечеловѣческія черты конечно остаются всегда: хотя и тѣ превращаются въ неузнаваемые отъ временныхъ перемѣнъ типы, такъ что, на смѣну старому, художникамъ иногда приходится обновлять, по прошествіи долгихъ періодовъ, являвшіеся уже когда-то въ образахъ основныя черты нравовъ и вообще людской натуры, облекая ихъ въ новую плоть и кровь въ духъ своего времени. Тартюфъ, конечно, вѣчный типъ, Фальстафъ — вѣчный характеръ — но и тотъ и другой, и многіе еще знаменитые подобные имъ первообразы — страстей, пороковъ и проч., исчезая сами въ туманѣ старины, почти утратили живой образъ и обратились въ идею, въ условное понятіе, въ нарицательное имя порока — и для насъ служатъ уже не живымъ урокомъ, а портретомъ исторической галлерей.

Это особенно можно отнести къ Грибоѣдовской комедіи. Въ ней мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго и тѣсно очерчено и обставлено реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, ранговъ, костюмовъ и т. п.

Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія „Горе отъ ума“ была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась

на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Ленскій, Орловъ и Сабуровъ играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкіе штрихи. Самъ Чацкій гремѣть противъ „вѣка минувшаго“, когда писалась комедія, а она писалась между 1815 и 1820 годами:

„Какъ посмотрѣть да посмотрѣть“ (говорить онъ),

„Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ *минувшій*“,

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.—

а про свое время выражается такъ:

„*Теперь* вольнѣе всякій дышетъ“.—

или:

„Бранилъ *вашъ* вѣкъ я безпощадно“,

—говорить онъ Фамусову.

Слѣдовательно, теперь остается только небольшое отъ мѣстнаго жолорита: страсть къ чинамъ, низкопоклонничество, пустота. Но съ какими-нибудь реформами чины могутъ отойти, низкопоклонничество до степени лакейства Молчалинскаго уже прячется и теперь въ темноту, а поэзія фрунта въ военной службѣ уступила мѣсто строному и живому направленію въ военномъ дѣлѣ.

Но все же еще кое-какіе живые слѣды есть, и они пока мѣшаютъ обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ. Эта будущность еще пока у ней далеко впереди.

Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ, разсыпанный въ нихъ острый и ѣдкій живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобъ могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное, затѣмъ чтобы, кажется, ихъ легче было удержать въ памяти и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ такъ жедался автору, какъ далась группа этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедій, какъ далось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и все образовало необыкновенную комедію—и въ тѣсномъ смыслѣ какъ сценическую пьесу,—и въ обширномъ, какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ какъ комедіей она и не могла бы быть.

Оставляя двѣ капитальныя стороны пьесы, которыя такъ явно говорить за себя, и потому имѣютъ большинство почитателей,—т.-е. картину эпохи, съ группой живыхъ портретовъ, и соль языка,—обратимся сначала къ комедіи, какъ къ сценической пьесѣ, потомъ какъ къ комедіи вообще, къ ея общему смыслу, къ главному разуму ея въ об-

щественномъ и литературномъ значеніи, наконецъ, скажемъ и объ исполненіи ея на сценѣ.

Давно привыкли говорить, что нѣтъ движенія, т.-е. нѣтъ дѣйствія въ пьесѣ. Какъ нѣтъ движенія? Есть—живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: „Карету мнѣ, карету!“

Это—тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, —вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ, — но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, гениальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ.

Только при развѣздѣ въ сѣняхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу. Но и то не надолго. Передъ нимъ уже вырастаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи.

Главная роль конечно—роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ.

Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ.

Можно бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочіе около него не умны.

Но Чацкій, не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ — это человекъ, не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ „чувствителенъ, остеръ, уменъ и добръ“. Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненное порожденіе отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь „умъ“.

И Онѣгинъ, и Печоринъ оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже „озлоблены“, носили въ себѣ и „недовольство“ и бродили какъ тѣни съ „тоскующею лѣнью“. Но презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали, ни бороться

съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину франтить, „блестѣть“ и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвками и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бѣлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимычемъ: это равнодушіе — считалось квинтъ-эссенціей донъ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ, и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука „страсти нѣжной“, а прочему всему они учились „чему-нибудь и какъ-нибудь“ — и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ готовился серьезно къ дѣятельности. Онъ „славно пишетъ, переводить“, говоритъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся — не трудно догадаться почему:

„Служить бы радъ, прислуживаться тошно“, — намекаетъ онъ самъ. О „тоскующей лѣни, о празднои скукѣ“ и помину нѣтъ, а еще менѣе о „страсти нѣжной“, какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любитъ серьезно, видя въ Софѣ будущую жену.

Между тѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу — не найдя ни въ комъ „сочувствія живаго“, и уѣхать, увозя съ собою только „миліонъ терзаній!“

Ни Онѣгинъ, ни Печоринъ не поступили бы такъ не-умно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но за то они уже поблѣднѣли и обратились для насъ въ каменные статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою „глупость“.

Читатель помнитъ, конечно, все что продѣлалъ Чацкій. Прослѣдимъ слегка ходъ пьесы и постараемся выдѣлить изъ нея драматическій интересъ комедіи, то движеніе, которое идетъ черезъ всю пьесу, какъ невидимая, но живая нить, связующая всѣ части и лица комедіи между собою.

Чацкій вбѣгаетъ къ Софѣ, прямо изъ дорожнаго экипажа, не заѣзжая къ себѣ, горячо цѣлуетъ у ней руку, глядитъ ей въ глаза, радуется свиданію, въ надеждѣ найти отвѣтъ прежнему чувству — и не находитъ. Его поразили двѣ переменны: она необыкновенно похорошѣла и охладѣла къ нему, — тоже необыкновенно.

Это его и озадачило, и огорчило, и немного раздражило. Напрасно онъ старается поспѣять солью юмора свой разговоръ, частію играя этой своей силой, чѣмъ конечно прежде нравился Софѣ, когда она его любила, — частію подъ вліяніемъ досады и разочарованія. Всѣмъ

достается, всѣхъ перебралъ онъ—отъ отца Софьи до Молчалина—и какими меткими чертами рисуетъ онъ Москву—и сколько изъ этихъ стиховъ ушло въ живую рѣчь! Но все напрасно: нѣжныя воспоминанія, остроты—ничто не помогаетъ. Онъ *терпитъ отъ нея одну холодности*, пока, ѣдко задѣвъ Молчалина, онъ не задѣлъ за живое и ее. Она уже съ скрытой злостью спрашиваетъ его, случилось ли ему хоть нечаянно „добро о комъ-нибудь сказать“, и исчезаетъ при входѣ отца, выдавъ послѣднему почти головой Чацкаго, т.-е. объявивъ его героемъ рассказаннаго передъ тѣмъ отцу сна.

Съ этой минуты между ею и Чацкимъ завязался горячій поединокъ, самое живое дѣйствіе, комедія въ тѣсномъ смыслѣ, въ которой принимаютъ близкое участіе два лица, Молчалинъ и Лиза.

Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ, тѣсно связаны съ игрой чувства его къ Софьѣ, раздраженнаго какою-то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бьется разгадать до самаго конца. Весь умъ его и всѣ силы уходятъ въ эту борьбу: она и послужила мотивомъ, поводомъ къ раздраженіямъ, къ тому „миліону терзаній“, подъ вліяніемъ котораго онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, гораздо большаго и высшаго значенія, нежели неудачная любовь,—роль, для которой и родилась вся комедія.

Чацкій почти не замѣчаетъ Фамусова, холодно и разсѣяннo отвѣчаетъ на его вопросъ, гдѣ былъ? „Теперь мнѣ до того ли?“ говоритъ онъ, и обѣщая пріѣхать опять, уходитъ, проговаривая изъ того, что его поглощаетъ:

„Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!“

Во второмъ посѣщеніи онъ начинаетъ разговоръ опять о Софьѣ Павловнѣ.—„Не больна ли она? не приключилось ли ей печали?“—и до такой степени охваченъ, и подогрѣтымъ ея разцвѣтшей красотой чувствомъ, и ея холодностью къ нему, что, на вопросъ отца, не хочетъ ли онъ на ней жениться, въ разсѣянности спрашиваетъ: „А вамъ на что?“ И потомъ равнодушно, только изъ приличія, „дополняетъ:

„Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?“

И почти не слушая отвѣта, вяло замѣчаетъ, на совѣтъ „послужить“:

„Служить бы радъ,—прислуживаться тошно!“

Онъ, и въ Москву, и къ Фамусову, пріѣхалъ очевидно для Софьи и къ одной Софьѣ. До другихъ ему дѣла нѣтъ; ему и теперь досадно, что онъ, вмѣсто нея, нашелъ одного Фамусова. „Какъ здѣсь бы ей не быть?“ задается онъ вопросомъ, припоминая прежнюю юношескую свою любовь, которую въ немъ „ни даль не охладилъ, ни развлеченіе, ни перемѣна мѣстъ“,—и мучается ея холодностью.

Ему скучно и говорить съ Фамусовымъ—и только положительный вызовъ Фамусова на споръ выводитъ Чацкаго изъ его сосредоточенности:

„Вотъ то-то, всѣ вы гордецы:

„Смотрѣли бы какъ дѣлали отцы,

„Учились бы на старшихъ глядя!“

—говорить Фамусовъ и затѣмъ чертить такой грубый и уродливый рисунокъ раболопства, что Чацкій не вытерпѣлъ и въ свою очередь сдѣлалъ параллель вѣка „минувшаго“ съ вѣкомъ „нынѣшнимъ“.

Но все еще раздраженіе его сдержанно: онъ какъ будто совѣстится за себя, что вздумалъ отрезвлять Фамусова отъ его понятій — онъ спѣшитъ вставить, что „не о дядюшкѣ его говорить“, котораго привелъ въ примѣръ Фамусовъ, и даже предлагаетъ послѣднему побранить и свой вѣкъ, наконецъ, всячески старается замаять разговоръ, видя, какъ Фамусовъ заткнулъ уши,—успокоиваетъ его, почти извиняется:

„Длить споры не мое желанье,“

—говорить онъ. Онъ готовъ опять войти въ себя. Но его будитъ неожиданный намекъ Фамусова на слухъ о сватовствѣ Скалозуба.

Чацкій наострилъ уши.

„Какъ суетится, что за прыть!“—

„А Софья? Нѣтъ ли впрямъ тутъ жениха какого?“ говоритъ онъ, и хотя потомъ прибавляетъ:

„Ахъ—тотъ скажи любви конецъ,

„Кто на три года вдаль уйдетъ!“

—но самъ еще не вѣритъ этому, по примѣру всѣхъ влюбленныхъ, пока эта любовная аксіома не разыгралась надъ нимъ до конца.

Фамусовъ подтверждаетъ свой намекъ о женитьбѣ Скалозуба, навязывая послѣднему мысль „о генеральшѣ“, и почти явно вызываетъ на сватовство.

Эти намеки на женитьбу возбудили подозрѣнія Чацкаго о причинахъ переменъ къ нему Софьи. Онъ даже согласился-было на просьбу Фамусова бросить „завиральныя идеи“ и помолчать при гостѣ. Но раздраженіе уже шло *crescendo*, и онъ вмѣшался въ разговоръ, пока небрежно, а потомъ, раздосадованный недовкой похвалой Фамусова своему уму и проч., возвышаетъ тонъ и разрѣшается рѣзкимъ монологомъ:

„А судьи кто?“ и т. д. Тутъ уже завязывается другая борьба, важная и серьезная, цѣлая битва. Здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ раздается, какъ въ увертюрѣ оперы, главный мотивъ, намекается на истинный смыслъ и цѣль комедіи. Оба, Фамусовъ и Чацкій, бросили другъ другу перчатку:

„Смотрѣли бы, какъ дѣлали отцы,

„Учились бы на старшихъ глядя!“

—раздался военный кликъ Фамусова.

...„За дряхлостію лѣтъ

„Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима,“

„Она его не уважаетъ!“

„Шалить, она его не любить.“

„Она не ставитъ въ грошъ его!“

— утѣшаетъ онъ себя при каждой ея похвалѣ Молчалину, и потомъ хватается за Скалозуба. Но отвѣтъ ея—что онъ „герой не ея романа“, уничтожилъ и эти сомнѣнія. Онъ оставляетъ ее безъ ревности, но въ раздумьѣ—сказавъ:

„Кто разгадаетъ васъ!“

Онъ и самъ не вѣрилъ въ возможность такихъ соперниковъ, а теперь убѣдился въ этомъ. Но и его надежды на взаимность, до сихъ поръ горячо волновавшія его, совершенно поколебались, особенно когда она не согласилась остаться съ нимъ подъ предлогомъ, что „щипцы остынуть“, и потомъ, на просьбу его позволить зайти къ ней въ комнату, при новой колкости на Молчалина, она ускользнула отъ него и заперлась.

Онъ почувствовалъ, что главная цѣль возвращенія въ Москву ему измѣнила, и онъ отходить отъ Софьи съ грустью. Онъ, какъ потомъ сознается въ сѣньяхъ, съ этой минуты подозрѣваетъ въ ней только холодность ко всему—и послѣ этой сцены самый обморокъ отнесъ не „къ признакамъ живыхъ страстей“, какъ прежде, а „къ причудѣ избалованныхъ нервъ“.

Слѣдующая сцена его съ Молчалинымъ, вполне обрисовывающая характеръ послѣдняго, утверждаетъ Чацкаго окончательно, что Софья не любитъ этого соперника.

„Обманщица смѣялась надо мной!“

—замѣчаетъ онъ и идетъ на встрѣчу новымъ лицамъ.

Комедія между нимъ и Софьей оборвалась; жгучее раздраженіе ревности унялось и холодъ безнадежности пахнулъ ему въ душу.

Ему оставалось уѣхать; но на сцену вторгается другая, живая, бойкая комедія, которая, не только вытѣсняетъ изъ памяти зрителя интригу Чацкаго, но и самъ Чацкій какъ будто забываетъ о ней и мѣшается въ толпу. Около него группируются и играютъ, каждое свою роль, новыя лица. Это балъ, со всей московской обстановкой, съ рядомъ живыхъ сценическихъ очерковъ, въ которыхъ каждая группа образуетъ свою отдѣльную комедію, съ полною обрисовкою характеровъ, успѣвшихъ въ нѣсколькихъ словахъ разыгратъ въ законченное дѣйствіе.

Развѣ не полную комедію разыгрываютъ Горичевы? Этотъ мужъ, недавно еще бодрый и живой человѣкъ, теперь опустившійся, облепшійся, какъ въ халатъ, въ московскую жизнь, баринъ, „мужъ-мальчишья, мужъ-слуга, идеаль московскихъ мужей“, по меткому опредѣленію Чацкаго, — подъ башмакомъ приторной, жеманной, изломанной, свѣтской супруги, московской дамы?

А эти шесть княженъ и графиня-внучка,—весь этотъ контингентъ невѣсть „умѣющихъ, по словамъ Фамусова, принарядить себя тафтицей, бархатомъ и дымкой“, „поющихъ верхнія нотки и льнущихъ къ военнымъ людямъ?“

Эта Хлестова, остатокъ екатерининскаго вѣка, съ москвой, съ арапкой-дѣвочкой,—эта княгиня и князь Петръ Ильичъ—безъ слова, но такая говорящая руина прошлаго—Загорѣцкій, явный мошенникъ, спасающійся отъ тюрьмы въ лучшихъ гостинныхъ и откупающійся угодли-востью, въ родѣ собачьихъ поносокъ—и эти N.N.—и всѣ толки ихъ и все занимающее ихъ содержаніе!

Наплывъ этихъ лицъ такъ обилень, портреты ихъ такъ рельефны, что зритель холодѣетъ къ интригѣ, не успѣвая ловить эти быстрые очерки новыхъ лицъ и вслушиваться въ ихъ оригинальный говоръ.

Чацкаго уже нѣтъ на сценѣ. Но онъ до ухода далъ обильную пищу той главной комедіи, которая началась у него съ Фамусовымъ, въ первомъ актѣ, потомъ съ Молчалинымъ,—той битвѣ со всей Москвой, куда онъ, по цѣлямъ автора, затѣмъ и пріѣхалъ.

Въ краткихъ, даже мгновенныхъ встрѣчахъ съ старыми знакомыми, онъ успѣлъ всѣхъ вооружить противъ себя ѣдкими репликами и сарказмами. Его уже живо затрогиваютъ всякіе пустяки — и онъ даетъ волю языку. Разсердилъ старуху Хлестову, далъ не впопадъ нѣсколько совѣтовъ Горичеву, рѣзко оборвалъ графиню-внучку и опять задѣлъ Молчалина.

Но чаша переполнилась. Онъ выходитъ изъ заднихъ комнатъ уже окончательно разстроенный, и по старой дружбѣ, въ толпѣ опять идетъ къ Софѣ, надѣясь хоть на простое сочувствіе. Онъ повѣряетъ ей свое душевное состояніе:

„Мильонъ терзаній!“

—говорить онъ:

„Груди отъ дружескихъ тисковъ,

„Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,

„А нуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!

„Здѣсь у меня душа какимъ-то горемъ сжата!“

—жалуется онъ ей, не подозрѣвая, какой заговоръ созрѣлъ противъ него въ непріятельскомъ лагерѣ.

„Мильонъ терзаній“ и „горе!“—вотъ что онъ пожалъ за все, что успѣлъ посвятить. До сихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ: умъ его безпощадно поражалъ больныхъ мѣста враговъ. Фамусовъ ничего не находить, какъ только вазать уши противъ его логики, и отстрѣливается общими мѣстами старой морали. Молчалинъ смолкаетъ, княжны, графини — пятятся прочь отъ него, обожженные крапивой его смѣха, и прежній другъ его, Софья, которую одну онъ щадить, лукавить, скользнуть и нанести ему главный ударъ втихомолку.

Онъ чувствовалъ свою силу и говорилъ увѣренно. Но борьба его истомила. Онъ очевидно ослабѣлъ отъ этого „миліона терзаній“, и расстройство обнаружилось въ немъ такъ замѣтно, что около него группируются всѣ гости, какъ собирается толпа около всякаго явленія, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Онъ не только грустенъ, но и желченъ, придирчивъ. Онъ какъ будто раненый собираетъ силы, дѣлаетъ вызовъ толпѣ — и наноситъ ударъ всѣмъ, — но не хватило у него мощи противъ соединеннаго врага.

Онъ впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи, и подтверждаетъ во мнѣніи гостей распушенный Софьей слухъ о его сумасшествіи. Слышится уже не острый, ядовитый сарказмъ, въ который вставлена вѣрная, опредѣленная идея, правда, — а какая-то горькая жалоба; какъ будто на личную обиду, на пустую, или, по его же словамъ, „незначущую встрѣчу съ французикомъ изъ Бордо“, которую онъ, въ нормальномъ состояніи духа, едва ли бы замѣтилъ.

Онъ пересталъ владѣть собою, и даже не замѣчаетъ, что онъ самъ составляетъ спектакль на балѣ. Онъ ударяется и въ патріотическій пафосъ, договаривается до того, что находитъ фразъ противнымъ „разсудку и стихіямъ“, сердится, что *madame* и *mademoiselle* не переведены на русскій языкъ, — словомъ, „il divague!“ заключили вѣроятно о немъ всѣ шесть княженъ и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что „въ многолюдствѣ онъ растерянъ, самъ не свой!“

Онъ точно „самъ не свой“, начиная съ монолога „о французикѣ изъ Бордо“ — и такимъ остается до конца пьесы. Впереди пополняется только „миліонъ терзаній“.

Пушкинъ, отказывая Чацкому въ умѣ, вѣроятно, всего болѣе имѣлъ въ виду послѣднюю сцену 4-го акта, въ сѣняхъ, при разлѣздѣ. Конечно, ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, эти франты, не сдѣлали бы того, что продѣлалъ въ сѣняхъ Чацкій. Тѣ были слишкомъ дрессированы „въ наукѣ страсти нѣжной“, а Чацкій отличается между прочимъ искренностью и простотой, и не умѣетъ и не хочетъ рисоваться. Онъ не франтъ, не левъ. Здѣсь измѣняетъ ему, не только умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе. Такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ!

Отдѣлавшись отъ болтовни Репетилова и спрятавшись въ швейцарскую въ ожиданіи кареты, онъ подглядѣлъ свиданіе Софьи съ Молчалинымъ и разыгралъ роль Отелло, не имѣя на то никакихъ правъ. Онъ упрекаетъ ее, зачѣмъ она его „надеждой завлекла“, зачѣмъ прямо не сказала, что прошлое забыто. Тутъ что ни слово — то неправда. Никакой надеждой она его не завлекала. Она только и дѣлала, что уходила отъ него, едва говорила съ нимъ, призналась въ равнодушіи, назвала какой-то старый дѣтскій романъ и прятанье по угламъ „ребячествомъ“ и даже намекнула, что „Богъ ее свелъ съ Молчалинымъ.“

А онъ, потому только что—

„.....такъ страстно и такъ низко

„Быль расточитель нѣжныхъ словъ“,

—въ ярости, за собственное свое бесполезное униженіе, за напущенный на себя добровольно самимъ собой обманъ — казнить всѣхъ, а ей бросаетъ жестокое и несправедливое слово:

„Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ“,

—когда нечего было и разрывать! Наконецъ просто доходитъ до брани, изливая желчь:

„На дочь и на отца

„И на любовника *муща*,

—и кипитъ бѣшенствомъ на всѣхъ, „на мучителей толпу, предателей, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ, старухъ зловѣщихъ“ и т. д. И уѣзжаетъ изъ Москвы искать „уголка оскорбленному чувству“, произнося всему беспощадный судъ и приговоръ!

Еслибъ у него явилась одна здоровая минута, еслибъ не жегъ его „милionъ терзаний“, онъ бы конечно самъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ и за что надѣлалъ я всю эту кутерьму?“ И конечно не нашелъ бы отвѣта.

За него отвѣчаетъ Грибоѣдовъ, который не спроста кончилъ пьесу этой катастрофой. Въ ней, не только для Софьи, но и для Фамусова и всѣхъ его гостей, „умъ“ Чацкаго, сверкавшій, какъ лучъ свѣта въ цѣлой пьесѣ, разразился въ концѣ въ тотъ громъ, при которомъ крестятся, по пословицѣ, мужики.

Отъ грома первая перекрестилась Софья, оставшаяся до самаго появленія Чацкаго, когда Молчалинъ уже ползалъ у ногъ ея, все тою же бессознательною Софьей Павловною, съ тою же ложью, въ какой ее воспиталъ отецъ, въ какой онъ прожилъ самъ, весь его домъ и весь кругъ. Еще не опомнившись отъ стыда и ужаса, когда маска упала съ Молчалина, она прежде всего радуется, что „ночью все узнала, что нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ!“

А нѣтъ свидѣтелей, слѣдовательно все шито да крыто, можно забыть, выйти замужъ, пожалуй, за Скалозуба, а на прошлое смотрѣть....

Да никакъ не смотрѣть. Свое нравственное чувство стерпить, Лиза не проговорится, Молчалинъ пикнуть не смѣетъ. А мужъ? Но какой же московскій мужъ, „изъ жениныхъ пажей“, станетъ озираться на прошлое?

Это и ея мораль, и мораль отца, и всего круга — а между тѣмъ Софья Павловна индивидуально не безнравственна: она грѣшитъ грѣхомъ невѣдѣнія, слѣпоты, въ которой жили всѣ—

„Свѣтъ не караетъ заблужденій,

„Но тайны требуетъ для нихъ!“

Въ этомъ двустии Пушкина выражается общій смыслъ условной

морали. Софья никогда не прозрѣвала отъ нея и не прозрѣла бы безъ Чацкаго никогда, за немѣнимъ случаемъ. Послѣ катастрофы, съ минуты появленія Чацкаго — оставаться слѣпой уже невозможно. Его суда, ни обойти забвеніемъ, ни подкупить ложью, ни успокоить — нельзя. Она не можетъ не уважать его — и онъ будетъ вѣчнымъ ея „укоряющимъ свидѣтелемъ“, судьей ея прошлаго. Онъ открылъ ей глаза.

До него она не сознавала слѣпоты своего чувства къ Молчалину, и даже, разбирая послѣдняго, въ сценѣ съ Чацкимъ, по ниточкѣ, сама не прозрѣла на него. Она не замѣчала, что сама вызвала его на эту любовь, о которой онъ, дрожа отъ страха, и подумать не смѣлъ. Ее не смущали свиданія наединѣ ночью, и она даже проговорила въ благодарности къ нему въ послѣдней сценѣ, за то, что „въ ночной тиши онъ держался больше робости во нравѣ!“ Слѣдовательно и тѣмъ, что она не увлечена окончательно и безвозвратно, она обязана не себѣ самой, а ему!

Наконецъ, въ самомъ началѣ, она проговаривается еще наивнѣе передъ горничной:

„Подумаешь, какъ счастье своенравно“,
— говоритъ она, когда отецъ засталъ Молчалина рано утромъ у ней въ комнатѣ:

„Бываетъ хуже — съ рукъ сойdetъ!“

А Молчалинъ просидѣлъ у нея въ комнатѣ цѣлую ночь. Что же разумѣла она подъ этимъ „хуже“? Можно подумать Богъ-знаетъ что — но, *honny soit qui mal y pense!* Софья Павловна вовсе не такъ виновна, какъ кажется.

Это — смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живого ума съ отсутствіемъ всякаго намека на идеи и убѣжденія, — путаница понятій, умственная и нравственная слѣпота — все это не имѣетъ въ ней характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты всего ея круга. Въ собственной, личной ея фizioноміи, прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію.

Французскія книжки, на которыя сѣтуетъ Фамусовъ, фортепіано (еще съ аккомпаниментомъ флейты), стихи, французскій языкъ и танцы — вотъ что считалось классическимъ образованіемъ барышни. А потомъ „Кузнецкій мостъ и вѣчныя обновы“, выѣзды, балы, такіе какъ этотъ балъ у ея отца, и это общество — вотъ тотъ кругъ, гдѣ была заключена жизнь „барышни.“ Женщины учились только воображать и чувствовать и не учились знать. Мысль безмолвствовала: говорили одни инстинкты. Житейскую мудрость почерпали онѣ изъ романовъ, повѣстей — и оттуда инстинкты развивались въ уродливыя, жалкія или глупыя свойства: мечтательность, сентиментальность, исканіе идеала въ любви, а иногда и хуже.

Въ снотворномъ застоѣ, въ безвыходномъ морѣ жи, у большинства женщинъ снаружи господствовала условная мораль—а втихомолку жизнь кипела, за отсутствіемъ здоровыхъ и серьезныхъ интересовъ, вообще всякаго содержанія, тѣми романами, изъ которыхъ и создалась „наука страсти нѣжной.“ Онѣгини и Печорины—вотъ представители нѣлаго класса, почти породы франтовъ, дэнди, ловкихъ кавалеровъ, *jeunes premiers*. Эти передовыя личности въ *high life*—такими являлись и въ литературѣ, гдѣ и занимали почетное мѣсто со временъ рыцарства и до нашего времени, до Гоголя. Самъ Пушкинъ, не говоря о Лермонтовѣ, дорожилъ этимъ выѣшнимъ блескомъ, этою представительностью *du bon ton*, манерами высшаго свѣта, подъ которою крылось и „озлобленіе“, и „тоскующая лѣнь“, и „интересная скука“. Пушкинъ щадить Онѣгина, хотя касается легкой ироніей его праздности и пустоты, но до мелочи и съ удовольствіемъ описываетъ модный костюмъ, бездѣлки туалета, франтовство—и ту напущенную на себя небрежность и невниманіе ни къ чему, эту *fatuité*, позированье, которыми щеголяли дэнди. Духъ позднѣйшаго времени снялъ заманчивую драпировку съ его героя и всѣхъ подобныхъ ему „кавалеровъ“, и опредѣлилъ истинное значеніе такихъ господъ, согнавъ ихъ съ перваго плана.

Они и были героями и руководителями этихъ романовъ, и обѣ стороны дрессировались до замужества, которое поглощало всѣ романъ почти безслѣдно, развѣ попадалась и оглашалась какая-нибудь слабонервная, сентиментальная—словомъ, дурочка, или героемъ оказывался такой искренній „сумасшедшій“, какъ Чацкій.

Но въ Софѣ Павловнѣ, спѣшимъ оговориться, т.-е. въ чувствѣ ея къ Молчалину есть много искренности, сильно напоминающей Татьяну Пушкина. Разницу между ними класть „московскій отпечатокъ“, потому бойкость, умѣнье владѣть собой, которое явилось въ Татьянѣ при встрѣчѣ съ Онѣгиннымъ уже послѣ замужества, а до тѣхъ поръ она не сумѣла солгать о любви даже нянѣ. Но Татьяна—деревенская дѣвушка, а Софья Павловна—московская, по тогдашнему, развитая.

Между тѣмъ она въ любви своей точно такъ же готова выдать себя какъ Татьяна: обѣ, какъ въ лунатизмѣ, бродятъ въ увлеченіи, съ дѣтской простотой. И Софья, какъ Татьяна же, сама начинаетъ романъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадывается о томъ. Софья удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она съ Молчалинымъ проводить всю ночь: „Ни слова вольнаго!—и такъ вся ночь проходитъ!“ „Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый, стыдливый!“ Вотъ чѣмъ она восхищается въ немъ! Это смѣшно, но тутъ есть какая-то почти дѣтская грація—и куда далеко до безнравственности, нужды нѣтъ что она проговорила словомъ *хуже*: это тоже наивность. Громадная разница не между ею и Татьяной, а между

Онѣгинимъ и Молчалинымъ. Выборъ Софьи конечно не рекомендуетъ ее, но и выборъ Татьяны тоже былъ случайный, даже едва ли ей и было изъ кого выбирать.

Вглядываясь глубже въ характеръ и въ обстановку Софьи, видишь, что не безнравственность (хоть и не Богъ, конечно) свели ее съ Молчалинымъ. Прежде всего, влеченіе покровительствовать любимому человѣку, бѣдному, скромному, не смѣющему поднять на нее глазъ,—возвысить его до себя, до своего круга, дать ему семейныя права. Конечно ей въ этомъ улыбалась роль властвовать надъ покорнымъ созданиемъ, сдѣлать его счастье и имѣть въ немъ вѣчнаго раба. Не ея вина, что изъ этого выходилъ будущій „мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга—идеаль московскихъ мужей!“ На другіе идеалы не гдѣ было наткнуться въ домѣ Фамусова.

Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнести не симпатично: въ ней есть сильныя задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ любилъ ее и Чацкій. Послѣ него, она одна изъ всей этой толпы напрашивается на какое-то грустное чувство, и въ душѣ читателя противъ нея нѣтъ того злобнаго смѣха, съ какимъ онъ разстается съ прочими лицами.

Ей, конечно, тяжеле всѣхъ, тяжеле даже Чацкого, и ей достается свой „миліонъ терзаній“!

Чацкого роль—роль страдательная: оно иначе и быть не можетъ. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, хотя она въ то же время и всегда побѣдительная. Но они не знаютъ о своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожинаютъ другіе—и въ этомъ ихъ главное страданіе, т.-е. въ безнадежности успѣха.

Конечно, Павла Аванасьевича Фамусова онъ не образумилъ, не отрезвилъ и не исправилъ. Еслибъ у Фамусова при разѣздѣ не было „укоряющихъ свидѣтелей“, т.-е. толпы лакеевъ и швейцара—онъ легко справился бы съ своимъ горемъ: далъ бы головомойку дочери, выдралъ бы за ухо Лизу и поторопился бы свадьбой Софьи съ Скалозубомъ. Но теперь нельзя: на утро, благодаря сценѣ съ Чацкимъ—вся Москва узнаетъ—и пуще всѣхъ „княгиня Марья Алексѣвна.“ Покой его возмутится со всѣхъ сторонъ—и по неволѣ заставитъ кое о чемъ подумать, чего ему въ голову не приходило. Онъ едва ли даже кончитъ свою жизнь такимъ „тузомъ“, какъ прежніе. Толки, порожденные Чацкимъ, не могли не всколыхать всего круга его родныхъ и знакомыхъ. Онъ уже и самъ противъ горячихъ монологовъ Чацкого не находилъ оружія. Всѣ слова Чацкого разнесутся, повторятся всюду и пронзедутъ свою бурю въ этомъ стаканѣ воды.

Молчалинъ, послѣ сцены въ сѣняхъ—не можетъ оставаться преж-

нимъ Молчалинымъ. Маска сдернута, его узнали, и ему, какъ пойманному вору, надо прятаться въ уголъ. Горичевы, Загорѣцкій, княжны — всѣ попали подъ градъ его выстрѣловъ, и эти выстрѣлы не останутся безслѣдны. Въ этомъ, до сихъ поръ согласномъ хорѣ, иные голоса, еще смѣлые вчера, смолкнутъ, или раздадутся другіе, и за, и противъ. Битва только разгоралась. Чацкаго авторитетъ извѣстенъ былъ и прежде, какъ авторитетъ ума, остроумія, конечно знаній и проч. У него есть уже и единомышленники. Скалзубъ жалуется, что братъ его оставилъ службу, не дождавшись чина, и сталъ книги читать. Одна изъ старухъ ропщетъ, что племянникъ ея, князь Федоръ, занимается химіей и ботаникой. Нуженъ былъ только взрывъ, бой, и онъ завязался, упорный и горячій — въ одинъ день, въ одномъ домѣ, но послѣдствія его, какъ мы выше сказали, отразились на всей Москвѣ и Россіи. Чацкій породилъ расколъ, и если обманулся въ своихъ личныхъ цѣляхъ, не нашелъ „прелести встрѣчъ, живого участія“, то брызнулъ на заглохшую почву живой водой — увезъ съ собой „миліонъ терзаній“, этотъ терновый вѣнецъ Чацкихъ — терзаній отъ всего: отъ „ума“, а еще болѣе отъ „оскорбленнаго чувства“.

На эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, ни другіе франты. Они и новизной идей умѣли блистать, какъ новизной костюма, новыхъ духовъ и проч. Забравъ въ глушь, Онѣгинъ поражалъ всѣхъ тѣмъ, что къ дамамъ „къ ручей не подходилъ, стаканами, а не рюмками пилъ красное вино“, говорилъ просто: *да* и *нѣтъ*, вмѣсто *да-съ* и *нѣтъ-съ*. Онъ морщится отъ „брусничной воды“, въ разочарованіи бранить луну „глупой“ — и небосклонъ тоже. Онъ привезъ гривенникъ, и вмѣшавшись „умно“, а не какъ Чацкій „глупо“, въ любовь Ленскаго и Ольги и убивъ Ленскаго, увезъ съ собой не „миліонъ“, а „гривенникъ“ же и терзаній!

Теперь, въ наше время, конечно, сдѣлали бы Чацкому упрекъ, зачѣмъ онъ поставилъ свое „оскорбленное чувство“ выше общественныхъ вопросовъ, общаго блага и т. д. и не остался въ Москвѣ продолжать свою роль бойца съ ложью и предрасудками, роль — выше и важнѣе роли отвергнутаго жениха?

Да, теперь! А въ то время, для большинства, понятія объ общественныхъ вопросахъ были бы то же, что для Репетилова толки „о камерѣ и присяжныхъ“. Критика много погрѣшила тѣмъ, что въ судѣ своемъ надъ знаменитыми покойниками сходила съ исторической точки, забѣгала впередъ и поражала ихъ современнымъ оружіемъ. Не будемъ повторять ея ошибокъ — и не обвинимъ Чацкаго за то, что въ его горячихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ фамусовскимъ гостямъ, нѣтъ помина объ общемъ благѣ, когда уже и такой расколъ отъ „исканій мѣсты, отъ чиновъ“, какъ „занятіе науками и искусствами“, считался „разбоемъ и пожаромъ“.

Живучесть роли Чацкаго состоитъ не въ новизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ гипотезъ, горячихъ и дерзкихъ утопій, или даже истинъ en herbe. Провозвѣстники новой зари, или фанатики, или просто вѣстовщики — всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются — и по естественному ходу общественнаго развитія — должны являться, но ихъ роли и фізіономіи до безконечности разнообразны.

Роль и фізіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, „жизнь свободную“. Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣрять въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ, правдой, словомъ, не очеловѣчился.

Передъ увлеченіемъ неизвѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщеніемъ мечты, онъ трезво остановится, какъ остановился передъ бессмысленнымъ отрицаніемъ „законовъ, совѣсти и вѣры“ въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое:

„Послушай, ври да знай же мѣру!“

Онъ очень положителенъ въ своихъ требованіяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣло, что, по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ; что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: просить дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймить позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ „службы дѣлу, а не лицамъ“, не смѣшиваетъ „веселья или дурачества съ дѣломъ“, какъ Молчалинъ, — онъ тяготится среди пустой, праздно толпы „мучителей, предателей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ“, отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дрихлости, чиновлюбія, и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостнаго права, безумная роскошь и отвратительныя нравы „разливанія въ пирахъ и мотовствѣ“, — явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія.

Его идеаль „свободной жизни“ опредѣлительнъ: это — свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода — „вперить въ науки умъ, алчущій познаний“, или безпрепятственно предаваться „искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ“, — свобода „служить или не служить“, „жить въ деревнѣ, или путешествовать“, не слыня за то ни разбойничьимъ, ни зажигателемъ, — и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ — отъ несвободы.

И Фамусовъ, и другіе знаютъ это и конечно про себя всѣ согласны съ нимъ, но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить.

Отъ страха за себя, за свое безмятежно-праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клеветаетъ на Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу „свободной жизни“. Между прочимъ—

„Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ“,
—говоритъ онъ, а тотъ съ ужасомъ возражаетъ:

„Да онъ властей не признаетъ“!

Итакъ, лжетъ и онъ, потому что ему нѣчего сказать, и лжетъ все то, что жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится передъ новой—она возьметъ это новое, правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только больное, ненужное, боится ступить очередной шагъ впередъ.

Чацкій сломленъ количествомъ старой силы, нанесъ ей въ свою очередь смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: „одинъ въ полѣ не воинъ“. Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и—всегда жертва.

Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу.

Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ. У кого, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь, у другихъ самолюбіе или славолубіе—но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой „милльонъ терзаній“, и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень не многимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились—хотя и безкорыстно, не для себя и не за себя, а для будущаго, и за всѣхъ, и успѣли.

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой—Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ, и все бьются въ поединкахъ, какъ Гораціи и Куріаціи,—миниатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и это бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ—ни группировались люди—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта „учиться на старшихъ глядя“ съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ „свободной жизни“ впередъ и впередъ, съ другой.

Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда-нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбѣется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны вѣкольной. Онъ, или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее, и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили не мало въ жизни и въ искусствѣ; или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ Сервантесскаго Донъ-Кихота и Шекспировскаго Гамлета, являлись и явятся безконечныя ихъ подобія.

Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ героевъ будутъ вѣчно слѣпаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова,—и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ безсмертіе стиховъ Грибоѣдова! Много можно бы привести Чацкихъ—являвшихся на очередной смѣнѣ эпохъ и поколѣній—въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за успѣхъ, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда—громкихъ, великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ. О многихъ изъ нихъ хранится свѣжее преданіе, другихъ мы не дѣли и знали, а иные еще продолжаютъ борьбу. Обратимся къ литературѣ. Вспомнимъ, не повѣсть, не комедію, не художественное явленіе, возьмемъ одного изъ позднѣйшихъ бойцовъ съ старымъ вѣкомъ, примѣръ, Бѣлинскаго. Многие изъ насъ знали его лично, а теперь знаютъ его всѣ. Прислушайтесь къ его горячимъ импровизациямъ—и въ нихъ звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго. И также онъ умеръ, уничтоженный „мильоновъ терзаній“, убитый лихорадкой ожиданія и недождавшійся исполненія своихъ грезъ, которыя теперь—уже не грѣзы больше.

Оставя политическія заблужденія Герцена, гдѣ онъ вышелъ изъ роли нормальнаго героя, изъ роли Чацкаго, этого съ головы до ногъ русскаго человѣка,—вспомнимъ его стрѣлы, бросаемыя въ разные тѣны, отдаленные углы Россіи, гдѣ онъ находили виноватаго. Въ его сарказмахъ слышится эхо Грибоѣдовскаго смѣха и безконечное разнѣтіе остротъ Чацкаго.

И Герценъ страдалъ отъ „миліона терзаній“, можетъ быть всего болѣе отъ терзаній Репетиловыхъ его же лагеря, которымъ у него при жизни не достало духа сказать: „ври, да знай же мѣру!“

Но онъ не унесъ этого слова въ могилу, сознавшись по смерти въ „ложномъ стыдѣ“, помѣшавшемъ сказать его.

Наконецъ—послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ. Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій—не облеченъ такъ художественно, какъ

ругія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже говорятъ, что это не живой человѣкъ, а абстрактъ, идея, кодачая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ, напримѣръ, фигура Онѣгина и другихъ, выхваченныхъ изъ жизни типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность драматической формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣче очерченными, то этимъ они обязаны пошлости и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. Тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона—а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ—если приглядѣться вѣрнѣе къ людскимъ типамъ въ толпѣ—то едва ли не чаще другихъ встрѣчаются эти честныя, горячія, иногда желчныя личности, которыя не прячутся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ на встрѣчу ей и вступаютъ въ борьбу, всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не зналъ или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба, за правду, за честное убѣжденіе?

Нѣтъ, Чацкій—по нашему мнѣнію—изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но повторяемъ, натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи.

Наконецъ, позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній объ исполненіи комедіи на сценѣ въ недавнее время, а именно въ бенефисъ г. Монахова, въ первый разъ взявшаго на себя роль Чацкаго.

Если читатель согласится, что въ комедіи, какъ мы сказали, движеніе горячо и непрерывно поддерживается отъ начала до конца, то изъ этого само собою должно слѣдовать, что пьеса въ высшей степени сценична. Она такова и есть. Двѣ комедіи, какъ-будто вложены одна въ другую: одна, такъ сказать, частная, мелкая, домашняя, между Чацкимъ, Софьей, Молчалинымъ и Лизой: это интрига любви, всѣдневный мотивъ всѣхъ комедій. Когда первая прерывается, въ промежуткѣ является неожиданно другая, и дѣйствіе завязывается снова, частная комедія разыгрывается въ общую битву и связывается въ одинъ узелъ.

Артисты, вдумывающіеся въ общій смыслъ и ходъ пьесы, и каждый въ свою роль, найдутъ широкое поле для дѣйствія. Труда къ одолѣнію всякой, даже незначительной роли, не мало, — тѣмъ болѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе и тоньше будетъ относиться къ искусству артистъ.

Нѣкоторые критики возлагаютъ на обязанность артистовъ исполнять и историческую вѣрность лицъ, съ колоритомъ времени во всѣхъ деталяхъ, даже до костюмовъ, т.-е. до фасона платьевъ, причесовъ включительно.

Это трудно, если не совсѣмъ невозможно. Какъ историческіе типы, эти лица, какъ сказано выше, еще блѣдны, а живыхъ оригиналовъ теперь не найдешь: штудировать не съ чего. Точно также и съ костюмами. Старомодные фраки, съ очень высокой или очень низкой таліей, женскія платья съ высокимъ лифомъ, высокія прически, старыя чепцы — во всемъ этомъ дѣйствующія лица покажутся бѣглецами съ толкачаго рынка. Другое дѣло, костюмы прошлаго столѣтія, совершенно отжившіе: камзолы, роброны, мушки, пудра и пр.

Но при исполненіи „Горя отъ ума“ дѣло не въ костюмахъ.

Мы повторяемъ, что въ игрѣ вообще нельзя претендовать на историческую вѣрность, такъ какъ живой слѣдъ почти пропалъ, а историческая даль еще близка. Поэтому необходимо артисту прибѣгать къ творчеству, къ созданію идеаловъ по степени своего пониманія эпохи и созданія Грибоѣдова.

Это первое, т.-е. главное сценическое условіе.

Второе — это языкъ, т.-е. такое же художественное исполненіе языка, какъ и исполненіе дѣйствія: безъ этого второго, конечно, невозможно и первое.

Въ такихъ высокихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ „Горе отъ ума“, какъ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, и нѣкоторыхъ другихъ, исполненіе должно быть, не только сценическое, но наиболѣе литературное, какъ исполненіе отличнымъ оркестромъ образцовой музыки, гдѣ безошибочно должна быть сыграна каждая музыкальная фраза и въ ней каждая нота. Актеръ, какъ музыкантъ, обязанъ доиграться, т.-е. додуматься до того звука голоса и до той интонаціи, какими долженъ быть произнесенъ каждый стихъ: это значитъ додуматься до тонкаго критическаго пониманія всей поэзіи Пушкинскаго и Грибоѣдовскаго языка. У Пушкина, напримѣръ, въ „Борисѣ Годуновѣ“, гдѣ нѣтъ почти дѣйствія, или по крайней мѣрѣ единства, гдѣ дѣйствіе распадается на отдѣльныя, несвязанныя другъ съ другомъ сцены, иное исполненіе, какъ строго и художественно-литературное, и невозможно. Въ ней всякое прочее дѣйствіе, всякая сценичность, мимика, должны служить только легкой приправой литературнаго исполненія, дѣйствія въ словѣ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ ролей, въ значительной степени можно сказать то же и о „Горѣ отъ ума“. И тамъ больше всего игры въ языкъ: можно снести неловкость мимическую, но каждое слово съ невѣрной интонаціей будетъ рѣзать ухо, какъ фальшивая нота.

Не надо забывать, что такія пьесы, какъ „Горе отъ ума“, „Борисъ Годуновъ“, публика знаетъ наизусть, и не только слѣдитъ мыслью за каждымъ словомъ, но чувствуетъ, такъ сказать, нервами каждую ошибку въ произношеніи. Ими можно наслаждаться, не видя, а только слыша ихъ. Эти пьесы исполнялись и исполняются нерѣдко въ частномъ быту, просто чтеніемъ между любителями литературы, когда въ кругу найдется хорошій чтець, умѣющій тонко передавать эту, своего рода литературную музыку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятъ, эта пьеса была представлена въ лучшемъ петербургскомъ кругу съ образцовымъ искусствомъ, которому, конечно, кромѣ тонкаго критическаго пониманія пьесы, много помогали и ансамбль въ тонѣ, манерахъ, и особенно—умѣнье отлично читать.

Исполняли ее въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ съ полнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ мы сохранили впечатлѣнія о той игрѣ: Щепкина (Фамусова), Мочалова (Чацкого), Ленскаго (Молчалина), Орлова (Склякозуба), Сабурова (Репетилова) и т. д.

Конечно, этому успѣху много содѣйствовало поражавшее тогда новизною и смѣлостью открытое нападеніе со сцены на многое, что еще не успѣло отойти, до чего боялись дотрогиваться даже въ печати. Потомъ Щепкинъ, Орловъ, Сабуровъ выражали типично еще живыя подобія запоздавшихъ Фамусовыхъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ Молчалиныхъ, или прятавшихся въ партеръ за спину сосѣда Загорѣцкихъ.

Все это, безспорно, придавало огромный интересъ пьесѣ, но и помимо этого, помимо даже высокихъ талантовъ этихъ артистовъ и истекавшей отсюда типичности исполненія каждымъ изъ нихъ своей роли, въ ихъ игрѣ, какъ въ отличномъ хорѣ пѣвцовъ, поражалъ необыкновенный ансамбль всего персонала лицъ, до малѣйшихъ ролей, а главное, они тонко понимали и превосходно читали эти необыкновенные стихи, именно съ тѣмъ „толкомъ, чувствомъ и разстановкой“, какая для нихъ необходима. Мочаловъ, Щепкинъ! Последняго, конечно, знаетъ и теперь почти весь партеръ и помнить, какъ онъ, уже и въ старости, читалъ свои роли и на сценѣ и въ салонахъ!

Постановка была тоже образцовая — и должна была бы и теперь и всегда превосходить тщательностью постановку всякаго балета, потому что комедія этой вѣкъ не сойти со сцены, даже и тогда, когда сойдутъ позднѣйшія образцовыя пьесы.

Каждая изъ ролей, даже второстепенныхъ въ ней, сыгранная тонко

и добросовѣстно, будетъ служить артисту дипломомъ на обширное ампула.

Къ сожалѣнію, давно уже исполненіе пьесы на сценѣ далеко не соотвѣтствуетъ ея высокимъ достоинствамъ; особенно не блеститъ оно—ни гармоничностью въ игрѣ, ни тщательностью въ постановкѣ, хотя отдѣльно, въ игрѣ нѣкоторыхъ артистовъ, есть счастливые намеки или обѣщанія на возможность болѣе тонкаго и тщательнаго исполненія. Но общее впечатлѣніе таково, что зритель, вмѣстѣ съ немногимъ хорошимъ, выноситъ изъ театра и „миліонъ терзаній“.

Въ постановкѣ нельзя не замѣчать небрежности и скудости, которыя какъ-будто предупреждаютъ зрителя, что будутъ играть слабо и небрежно, слѣдовательно не стоить и хлопотать о свѣжести и вѣрности аксессуаровъ. Напримѣръ, освѣщеніе на балѣ такъ слабо, что едва различаешь лица и костюмы, толпа гостей такъ жидка, что Загорѣцкому, вмѣсто того, чтобъ „пропасть“, по тексту 'комедіи, т.-е. уклониться куда-нибудь въ толпу, отъ брани Хлестовой, приходится бѣжать черезъ всю пустую залу, изъ угловъ которой, какъ-будто изъ любопытства, поглядываютъ какіе-то два, три лица. Вообще все смотреть какъ-то тускло, несвѣжо, безцвѣтно.

Въ игрѣ, вмѣсто ансамбля, господствуетъ разладица, точно въ хорѣ, не успѣвшемъ сгѣться. Въ новой пьесѣ и можно бы было предположить эту причину, но нельзя же допустить, чтобы эта комедія была для кого-нибудь нова въ трущбѣ.

Половина пьесы проходитъ неслышно. Вырвутся два-три стиха явственно, другіе два произносятся актеромъ какъ-будто только для себя—въ сторону отъ зрителя. Дѣйствующія лица хотятъ играть Грибоедовскіе стихи, какъ текстъ водевиля. Въ мимикѣ у нѣкоторыхъ много лишней суеты, этой мнимой, фальшивой игры. Даже и тѣ, кому приходится сказать два-три слова, сопровождаютъ ихъ, или усиленными, ненужными на нихъ удареніями, или лишними жестами, не то такъ какою-то игрой въ походеѣ, чтобъ дать замѣтить о себѣ на сценѣ, хотя эти два-три слова, сказанныя умно, съ тактомъ, были бы замѣченны гораздо больше, нежели всѣ тѣлесныя упражненія.

Иные изъ артистовъ какъ-будто забываютъ, что дѣйствіе происходитъ въ большомъ московскомъ домѣ. Напримѣръ, Молчалинъ, хотя и бѣдный маленькій чиновникъ, но онъ живетъ въ лучшемъ обществѣ, принятъ въ первыхъ домахъ, играетъ съ знатными старухами въ карты, слѣдовательно не лишентъ въ манерахъ и тонѣ извѣстныхъ приличій. Онъ „вѣрадивъ, тихъ“, говорится о немъ въ пьесѣ. Это домашній воть, мягкій, ласковый, который бродитъ вездѣ по дому, и если блудить, то втихомолку и прилично. У него не можетъ быть дикихъ ухватокъ, даже когда онъ бросается къ Лизѣ, оставшись съ ней наединѣ.

Большинство артистовъ не можетъ также похвастаться исполненіемъ того важнаго условія, о которомъ сказано выше, именно вѣрнымъ, художественнымъ чтеніемъ. Давно, жалуются, что будто съ русской сцены все болѣе и болѣе удаляется это капитальное условіе. Ужели, вмѣстѣ съ декламаціей старой школы, изгнано и вообще умѣнье читать, произносить художественную рѣчь, какъ будто это умѣнье стало лишнее или не нужно? Слышатся даже частыя жалобы на нѣкоторыхъ корифеевъ драмы и комедій, что они не даютъ себѣ труда учить ролей!

Что же затѣмъ осталось дѣлать артистамъ? Чтѣ они разумѣютъ подѣ исполненіемъ ролей? Гримировку? Мимику?

Съ которыхъ же порѣ явилось это небреженіе къ искусству? Мы помнимъ и петербургскую и московскую сцены въ блестящемъ періодѣ ихъ дѣятельности, начиная со Щепкина, Каратыгиныхъ, до гг. Самойлова, Садовскаго. Здѣсь держатся еще немногіе ветераны старой петербургской сцены, и между ними имена гг. Самойлова, Каратыгина напоминаютъ золотое время, когда на сценѣ являлись Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ—и тотъ же Грибоѣдовъ, котораго мы приводимъ теперь, и все это давалось вмѣстѣ съ роемъ разныхъ водевилей, передѣлокъ съ французскаго и т. п. Но ни эти передѣлки, ни водевили, не мѣшали отличному исполненію ни „Гамлета,“ ни „Лира,“ ни „Скупого.“

Въ отвѣтъ на это слышишь съ одной стороны, что будто вкусъ публики испортился (какой публики?), обратился къ фарсу, и что послѣдствіемъ этого была и есть отвычка артистовъ отъ серьезной сцены и серьезныхъ, художественныхъ ролей; а съ другой, что и самыя условія искусства измѣнились: отъ историческаго рода, отъ трагедіи, высокой комедіи—общество ушло, какъ изъ-подъ тяжелой тучи, и обратилось къ буржуазной, такъ-называемой, драмѣ и комедіи, наконецъ къ жанру.

Разборъ этой „порчи вкуса“ или видоизмѣненія старыхъ условій искусства въ новыя, отвлекъ бы насъ отъ „Горя отъ ума“ и, пожалуй, привелъ бы къ какому-нибудь другому, болѣе безвыходному горю. Лучше примемъ второе возраженіе (о первомъ не стоить говорить, такъ какъ оно говорить само за себя) за совершившійся фактъ и допустимъ эти видоизмѣненія, хотя замѣтимъ мимоходомъ, что на сценѣ появляется еще Шекспиръ и новыя историческія драмы, какъ „Смерть Іоанна Грознаго“, „Василиса Мелентьева“, „Шуйскій“ и др., требующія того самаго умѣнья читать, о которомъ мы говоримъ. Но вѣдь кромѣ этихъ драмъ, есть на сценѣ другія произведенія новаго времени, писанныя прозой, и проза эта почти также, какъ Пушкинскіе и Грибоѣдовскіе стихи, имѣетъ свое типическое достоинство и требуетъ такого же яснаго и отчетливаго исполненія, какъ и чтеніе

стиховъ. Каждая фраза Гоголя также типична и также заключаетъ въ себѣ свою особую комедію, независимо отъ общей фабулы, какъ и каждый Грибоѣдовскій стихъ. И только глубоко-вѣрное, во всей валѣ слышимое, отчетливое исполненіе, т.-е. сценическое произношеніе этихъ фразъ и можетъ выразить то значеніе, какое далъ имъ авторъ. Многія пьесы г. Островскаго тоже въ значительной степени имѣютъ эту типичную сторону языка и часто фразы изъ его комедій слышатся въ разговорной рѣчи, въ разныхъ примѣненіяхъ къ жизни.

Публика помнитъ, что Сосницкій, Щепкинъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, въ роляхъ этихъ авторовъ, не только создавали типы на сценѣ — что конечно зависитъ отъ степени таланта, — но и умнымъ и рельефнымъ произношеніемъ сохраняли всю силу и образцоваго языка, давая вѣсь каждой фразѣ, каждому слову. Откуда же, какъ не со сцены, можно желать слышать и образцовое чтеніе образцовыхъ произведеній?

Вотъ на утрату этого литературнаго, такъ сказать, исполненія художественныхъ произведеній, кажется, справедливо жалуются въ послѣднее время въ публикѣ.

Кромѣ слабости исполненія въ общемъ ходѣ, относительно вѣрности пониманія пьесы, недостатка въ искусствѣ чтенія и т. д., можно бы остановиться еще надъ нѣкоторыми невѣрностями въ деталяхъ — но мы не хотимъ показаться придирчивыми — тѣмъ болѣе, что мелкія или частныя невѣрности, происходящія отъ небрежности, исчезнутъ, если артисты отнесутся съ болѣе тщательнымъ критическимъ анализомъ къ пьесѣ. Перейдемъ лучше къ тому, или къ тѣмъ, кто умно и добросовѣстно отнесся къ своему дѣлу.

Это, конечно, самъ бенефициантъ г. Монаховъ. Прежде всего поспѣшимъ сказать, что онъ очень хорошо говорилъ свою роль и до значительной степени, именно въ первыхъ двухъ актахъ, овладѣлъ ею. Но онъ не овладѣлъ ею еще вполне и до конца: ему предстоитъ не малый трудъ изучать, вдумываться въ нее — въ каждый стихъ и слово, и чаще играть. Судя по успѣху перваго раза, нѣтъ сомнѣнія, что ему удастся достигнуть побѣды.

Онъ вышелъ просто и скромно, безъ всякаго блеска, не какъ jeune premier, фразъ, „кавалеръ“, — словомъ, герой романа или пьесы. Минута живого, пылкаго свиданія съ Софьей пропала, но, кажется, не по его винѣ. Вѣроятно, эта минута будетъ пропадать у него всегда, благодаря шумному приему, рукоплесканіямъ. Артистъ останавливается, такъ сказать, на бѣгу, и уже охлажденный подходитъ къ Софьѣ.

Онъ живо заговорилъ, потомъ озадачился ея тономъ, и вмѣстѣ затронуть ея разпрѣтшей красотой. Все это было выполнено просто, естественно, съ тѣмъ приличіемъ, какое идетъ къ личности Чацкого.

Онъ также прилично сказалъ монологи свои „о вѣѣ нынѣшнемъ, о вѣѣ минувшемъ“ и о „судьяхъ“,—еще пока съ легкимъ раздраженіемъ, почти небрежно,—въ разговорѣ съ Фамусовымъ, какъ требовало задѣвшее его, но еще необъяснившееся ему поведение Софьи.

Онъ не декламировалъ, а говорилъ, и вся зала слышала его рѣчь, приправленную солью эпиграммъ, но сдержанную приличіемъ свѣта и воспитанія. Особенно тонко выразилось у него, какъ Чацкому самому совѣстно стало, что онъ далъ увлечься себѣ до того, что Фамусовъ заткнулъ уши — и онъ спѣшитъ, съ стыдливой улыбкой вывести его и себя изъ этого положенія.

Въ 3-мъ актѣ, и именно, когда онъ добивается отъ Софьи признанія, можно бы было пожелать немного болѣе выразительности—когда онъ уже почти не владѣетъ собой, „расточая ей нѣжныя слова“: это было бы естественнымъ переходомъ къ тому желчному тону, который далѣе является у Чацкого въ монологѣ „о французиѣ изъ Бордо“.

Но этого постепеннаго раздраженія и далѣе — этой тоски, какая слышится въ словахъ: „Здѣсь у меня душа какимъ-то горемъ сжата“, съ которою онъ, разстроенный, упавшій духомъ, приходитъ въ балную залу,—этого „миліона терзаній“, г. Монаховъ не выразилъ. Онъ также отчетливо и вѣрно, но и холодно говорилъ о „незначущей встрѣчѣ съ французиномъ“, какъ говорилъ прежде съ Фамусовымъ. Между тѣмъ онъ, этой своей неумѣренной рѣчью, горькимъ и ѣдкимъ тономъ—группируетъ около себя всѣхъ гостей и подтверждаетъ слухъ о своемъ сумасшествіи. Онъ дѣлаетъ тутъ вызовъ цѣлой толпѣ, которая, пожалъ плечами въ отвѣтъ, оставляетъ его одного, какъ помѣшаннаго.

Точно также въ сѣняхъ, Чацкій почти грубо отдѣливается отъ Репетилова („А ты читаль—ты Репетиловъ ли?“) и потомъ въ развязкѣ, уже не сдерживается и обливаѣтъ желчью упрековъ, почти брани, Молчалина, Фамусова, даже Софью.

Все сдѣланное и сказанное имъ въ этой сценѣ подготовлялось постепенно.

Между тѣмъ г. Монаховъ, какъ будто забылъ о тонѣ, но за то вдругъ два стиха:

„Ужъ если пить, такъ лучше съ разу,

„Бѣды медленнымъ не избыть!“

—онъ произноситъ съ плачемъ въ голосѣ. Это невозможно: Чацкій могъ, пожалуй, договориться до слезъ, умоляя о любви Софью въ третьемъ актѣ, но тутъ, гдѣ оскорблено его чувство, унижено самолюбіе соперничествомъ съ Молчалинымъ — онъ не заплачетъ. Онъ скорѣе задыхается отъ злобы, самъ не подозревая, что бѣсится противъ себя за свою ошибку, т.-е. не „за умъ“ свой, а за слѣпоту, и бѣсится не на

Фамусова, не на Молчалина и не на толпу „мучителей, предателей въ любви, нескладныхъ умниковъ, простаковъ, старухъ зловѣщихъ“ и всей братіи, которую онъ перебираетъ опять. Онъ ошибся въ одной Софѣ— въ чемъ виноватъ тоже самъ — и за что, по логикѣ страстей, на нее же изливаетъ всю „злость и всю досаду“.

Г-жа Лядова-Сариотти была болѣе нежели удовлетворительная Софья Павловна до сцены въ сѣняхъ. Читая вѣрно, она тонко, умно вела свою трудную двойную роль между Молчалинымъ, Чацкимъ и передъ цѣлой толпой, едва скрывая, какъ ей тошно приглашать Скалозуба на балъ, даже просто говорить съ нимъ. Она съ такимъ нетерпѣніемъ отворачивается отъ колкостей Чацкого, мило и естественно ускользаетъ отъ него, не дослушавъ острооты на Молчалина. Какъ надоѣли ей эти гости, съ какимъ равнодушнымъ достоинствомъ является она между ними, приглашаетъ ихъ, играетъ роль хозяйки, говоритъ машинально: во всемъ сквозитъ скука и утомленіе.

Итакъ бы довести до конца: вотъ роль Софьи Павловны—труднѣйшая роль — и угадана! Да, это та барышня, пышная, красивая, съ тономъ, съ манерами, съ безупречностью своего рода, положенія и пола, съ безупречной нравственностью. Она отважно носитъ все это въ себѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, принимая общее поклоненіе. И все лжетъ, какъ ей самой всѣ лгутъ, начиная съ отца, и она платитъ имъ тою же монетой, тяготясь — не этой своей и чужой ложью — а только заботой, какъ бы ревниво укрѣпить отъ нихъ свою ложь „въ чуланчикѣ“ подлѣ швейцарской. Она сама не знаетъ что выйдетъ изъ ея любви: „сойдетъ ли съ рукъ“, какъ она говоритъ — и заботится только, не замѣтилъ бы Чацкій, не узнали бы гости, отецъ....

Тогда.... Но до развязки она не додумывается: ей дорогъ теанъ самаго романа, — не цѣль, а средство жить, дышать въ этой духотѣ и скукѣ. Гости уйдутъ, и опять она вмѣстѣ съ нимъ, опять....

„Возьметъ онъ руку, въ сердцу жметъ,

„Изъ глубины души вздохнетъ,

„Ни слова вольнаго“!... И такъ вся ночь проходить...

„Рука съ рукой — и глазъ меня не сводитъ.“

Въ послѣдней сценѣ, въ сѣняхъ, г-жа Лядова-Сариотти рѣшительно не сладила съ ролью. Эта сцена вся пропадаетъ у ней. Она говоритъ шопотомъ, въ полголоса, какъ и Грибоѣдовъ назначилъ: но сценическій шепотъ долженъ быть слышенъ во всей залѣ, до райка. А зрители, даже ближайшіе къ сценѣ, не слышали, что произошло между ею и Молчалинымъ:—вѣроятно, что сказано въ комедіи. Но они могли бы говорить и о своихъ дѣлахъ — это все равно. Артистка не овладѣла, ни смысломъ, ни тономъ этихъ, сдерживаемыхъ, душившихъ Софью

зрывовъ изумленія, стыда и негодованія. Эта была какая-то импровизованная пантомима, тогда какъ вся игра въ каждомъ словѣ.

Конечно, и не легко произнести эти слова, т.-е. выразить все въ ѣсколькихъ строкахъ: и ужасъ, и стыдъ, и желаніе въ одну минуту прваться изъ омута. Это требуетъ сильнаго и развитаго таланта. Мы не беремся рѣшать, въ средствахъ ли это г-жи Лядовой или нѣтъ, но послѣдней сцены какъ будто не было.

Г-жа Подобѣдова прекрасно сказала и сыграла не большую, но рудную роль Горичевой,—трудную потому, что ее легко пересолить. Мы нечего сказать въ упрекъ, даже не къ чему было бы прира- ться.

Г. Зубровъ толково и умно прочелъ, хотя и не сыгралъ Репети- ова. Да и какъ сыграть этотъ, теперь исчезнувшій типъ празднаго двгана, у котораго, вмѣсто царя въ головѣ, какія-то оборванные нитки въ рукахъ отъ всѣхъ вопросовъ, интересовъ, толковъ, сплетень, густиковъ, отъ Байрона до водевиля включительно, все что онъ успѣ- аетъ захватить, кочуя изъ дома въ домъ и наполняя и опорожняа олову хламомъ, собирая и разсыпая его повсюду, кидаясь всѣмъ на цю, ни до чего не додумываясь и не договариваясь, готовый все оуда-нибудъ ѣхать, только бы не домой! Этотъ Репетиловъ, угораздив- шійся, на фонѣ старой, празднои жизни, кипящей паразитами, выдѣ- иться еще въ типъ замѣтнаго и тамъ паразита!

Г. Пронскій въ Скалзубѣ былъ бы возможно хорошимъ теперь Скалзубомъ, еслибъ не впадалъ немного въ шаржъ, въ какую-то гривость, несвойственную негнущемуся, тяжелому и глупо-серьезному полковнику-фрунтовику. При словахъ Фамусова о московскихъ жен- цинахъ, что онѣ „кѣ военнымъ людямъ такъ и лнуть“, г. Прон- жій, какъ фатъ, охорашивается и хватается за воротникъ. Такая рѣз- зость не по чину уронила бы его въ собственныхъ глазахъ. Онъ сни- ходитъ и до шутки, но и шутить тяжело и серьезно, боясь на каж- цомъ шагу измѣнить своей важности. Онъ и въ гостинной, и съ жен- цинами, вездѣ полковой командиръ, незабывающій службы: „не знаю-съ, виноватъ.... мы вмѣстѣ съ нею не служили“, говоритъ онъ Фамусову на вопросъ: „какъ доводится ему Настасья Николавна?“

Г-жа Стрѣльская, отчетливо, хотя и не вездѣ вѣрно читала роль, но играла ее съ какою-то дѣтски-наивною развязностью, не мѣняя притомъ лица, ни въ испугѣ, ни въ насмѣшливыхъ репликахъ Софѣ Павловнѣ, но за то давала много воли рукамъ. А наивность вовсе не къ лицу Лизѣ. Надъ ролью Лизы надо много подумать и потрудиться. Лиза вся продуктъ крѣпостного права, но развитая нравами большого московскаго дома и Кузнецкимъ мостомъ. Она предана барышнѣ ис- кренно, до раболѣбства, служить ей капризамъ, помогаетъ ее свида-

ніямъ съ Молчалинымъ, рискуя попасть въ отвѣтъ — „въ избу, за курами ходить,“ — но на этомъ фонѣ раболѣпства, и въ ней московское воспитаніе пустило свои ростки. Она не умѣе, но практичнѣе Софьи Павловны, и раболѣпнымъ тономъ даетъ ей своего рода уроки, остерегаетъ ее, учитъ хитрить, и даже мимоходомъ даетъ урокъ нравственности, намекнувъ о ея забытой любви къ Чацкому, „о старой тетусѣ,“ о „сбѣжавшемъ французѣ,“ и наконецъ явно смѣется надъ барышней, приправляя свою бойкую рѣчь форменными выраженіями раболѣпства. Это русская, ловкая, проворная субретка, но осторожная, которая покорна во всемъ господской волѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ на умѣ. Она искусно уклоняется отъ ласкъ барина и тайнѣ любитъ буфетчика Петрушу.

А г-жа Стрѣльская играла между тѣмъ какую-то наивную няню купческаго семейства, а не „быстроглазую“, продувную горничную большого дома.

Въ заключеніе, пожелаемъ, чтобы артисты наши, изъ всей массы пьесъ, которыми они завалены по своимъ обязанностямъ — съ любовью къ искусству выдѣлили художественныя произведенія, а ихъ такъ немного у насъ — и между прочимъ особенно „Горе отъ ума“ — и составивъ изъ нихъ сами для себя избранный репертуаръ — исполняли бы ихъ иначе, нежели какъ исполняется ими все прочее, что имъ приходится играть ежедневно, — и они непременно будутъ исполнять какъ слѣдуетъ.

И. Г.

НЕКРОЛОГЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.

Кончина Н. А. Милютина послѣдовала въ Москвѣ, 26-го января, въ 5 часовъ вечера.

Лѣтъ за пять, за шесть тому назадъ, имя покойнаго упоминалось очень часто, одними съ ожесточеніемъ и злобой, другими съ глубокимъ, непритворнымъ сочувствіемъ. Знали это имя всѣ, потому что Н. А. Милютинъ принималъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ, совершившихся въ Россіи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Еще не наступило время опредѣлить мѣру этого участія, выдѣлить то, что собственно ему принадлежитъ отъ того, что принадлежитъ другимъ или обстоятельствамъ. Матеріалы для такой оцѣнки хранятся пока въ архивахъ, нетронутые, да въ памяти товарищей Милютина по работѣ. Но судя по глубокой неприязни, какую къ нему питали одни, по восторгу, преданности и сочувствію, какіе онъ возбуждалъ въ другихъ, можно вывести уже теперь безъ ошибки, не дожидаясь послѣдующаго суда исторіи, что покойный Милютинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые получаютъ извѣстность не по занимаемому мѣсту или должности, не по происхожденію и связямъ, а завоевываютъ ее сами, своими личными свойствами и трудами. Сдѣланное имъ опредѣляется не количествомъ и формальными достоинствами сочиненныхъ имъ проектовъ, инструкцій, предписаній и другихъ бумагъ, а мыслями и началами, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, и тѣмъ, какъ онъ ихъ проводилъ. Составленіе дѣловыхъ бумагъ, какъ бы онѣ ни были написаны толково, искусно и хорошимъ слогомъ, никогда не доставило бы ему и малой доли извѣстности, какой онъ пользовался. Но съ именемъ его соединилось представленіе объ извѣстныхъ направленіяхъ и началахъ нашего законодательства и администраціи, которыя ненавистны однимъ, дороги другимъ. Около нихъ, изъ-за нихъ, идетъ у насъ борьба, начавшаяся Богъ-знаетъ съ котораго времени, задолго до Петра Великаго. Эта борьба опредѣляетъ ходъ и смыслъ нашей исторіи, наше развитіе, къ ней сводится весь интересъ нашей общественной и государственной жизни. Кто, какъ покойный Милютинъ, принималъ въ ней горячее участіе, тотъ, въ какомъ бы онъ ни находился положеніи, не можетъ оставаться неизвѣстнымъ публикѣ, не можетъ не быть популярнымъ, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ.

Какъ дѣателя, его можно было любить или ненавидѣть, но не знать его было невозможно.

Большой его извѣстности много содѣйствовали, сверхъ того, и его замѣчательныя личныя свойства. По свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ его близко и имѣвшихъ съ нимъ дѣло, онъ не только былъ человекъ большихъ способностей, но и въ высокой степени почтеннаго, достойнаго характера. Съ умомъ яснымъ, необыкновенно живымъ, оборотливымъ и въ тоже время точнымъ и нѣсколько рѣзкимъ, онъ соединялъ непоколебимую, ничѣмъ не подкупную гражданскую и политическую честность и строгость убѣждений. Слащавое заискиванье въ высшихъ и популярничанье передъ низшими были ему одинаково чужды. Прямо, смѣло проводилъ онъ свои мысли, которыя всѣ знали и за которыми никогда не таилось никакихъ лукавыхъ заднихъ мыслей. Друзья и враги Милютина хорошо знали съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣютъ дѣло и только невѣжество или злонамѣренность могли приписывать ему тѣ или другія подразумѣваемые намѣренія и планы. Политическимъ своимъ противникамъ онъ былъ страшенъ не закулисными интригами, которыхъ гнушался, а рѣдкимъ умѣньемъ сразу схватить суть дѣла, понять его живую, практическую обстановку въ данную минуту и необыкновеннымъ искусствомъ вести его посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и препятствій. Затрудненія не только не охлаждали его, не отталкивали отъ дѣла, а напротивъ, подымали его силы, которыя росли съ трудностями; онъ точно былъ рожденъ для борьбы. Работавшіе съ Милютинымъ, сослуживцы и подчиненные, не могли надивиться его находчивости посреди препятствій, повидимому неодолимыхъ, его счастливой способности вдругъ открыть нѣсколько выходовъ изъ затрудненій тамъ, гдѣ, казалось, не было никакого выхода, его поразительной, чисто русской смѣтѣ, благодаря которой онъ, въ короткое время, умѣлъ ориентироваться въ самыхъ запутанныхъ, и притомъ мало извѣстныхъ ему вопросахъ, основательно съ ними ознакомиться и вести ихъ къ разрѣшенію съ такимъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, до котораго другіе достигаютъ только годами кропотливаго изученія.

Замѣчательныя качества и таланты покойнаго Милютина естественно выдвинули его впередъ, открыли дорогу къ государственной дѣятельности, создали ему горячихъ приверженцевъ и политическихъ враговъ. Частныхъ, личныхъ враговъ, сколько мы знаемъ, у него было мало; напротивъ, рѣдко кто у насъ, особливо изъ государственныхъ людей, имѣлъ столько преданныхъ, горячо привязанныхъ почитателей и друзей. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей, любить окружать себя талантами, охотнѣе работалъ съ ними, не боялся, что они могутъ затмить его, дѣлалъ имъ уступки, когда онѣ были нужны для пользы дѣла, которое всегда у него шло на первомъ планѣ,

впереді всего. Оттого, ему охотно прощали его нетерпѣливость, порой его раздражительность, обыкновенные недостатки живыхъ, дѣятельныхъ натуръ. Милютинъ бывалъ рѣзокъ, насмѣшливъ, но никогда не былъ высокомеренъ; чувство презрѣнія было чуждо его благородной и мягкой душѣ.

Послѣ апоплексическаго удара, вдругъ перервавшаго его дѣятельность, трогательная привязанность къ нему друзей, нажитыхъ большею частью на работѣ за однимъ дѣломъ, высказалась особенно ярею. Они дѣлили съ его семействомъ заботы объ уходѣ за больнымъ. Домъ его цѣлый день былъ наполненъ близкими, которые все дѣлали, чтобъ облегчить его страданія, чтобъ по возможности укоротить мучительные, безотрадные дни его невольнаго досуга. Лица близкія къ покойному знаютъ, въ какой высокой степени онъ обладалъ способностью привязывать къ себѣ людей самыхъ разнородныхъ, большою симпатичностью, искренностью, сердечною добротою. По живости, граціозной веселости его ума и ироніи, соединеннымъ съ теплотой и добродушіемъ, не было собесѣдника болѣе привлекательнаго и чарующаго. Всю свою жизнь Милютинъ былъ окруженъ преданными друзьями; даже во время самыхъ усиленныхъ работъ онъ любилъ отдыхать въ ихъ кругу. Много давалъ онъ имъ, и они знали ему цѣну.

Всѣ эти черты мы старались собрать отъ лицъ, коротко знавшихъ покойнаго, и записываемъ ихъ какъ матеріалъ для будущей его біографіи. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣятельность Милютина, какъ бы кто ни цѣнилъ дѣло, которому онъ служилъ,—всѣ безъ сомнѣнія съ глубокимъ уваженіемъ отнесутся къ памяти лица, соединявшаго описанныя выше свойства. Людми съ твердыми убѣжденіями мы, къ сожалѣнію, очень небогаты; нравственныхъ личностей, съ талантомъ, вліяніемъ и значеніемъ еще того меньше. Характеровъ у насъ почти нѣтъ, ни въ какой сферѣ. Ихъ надо искать у насъ, какъ Діогену, съ фонаремъ, при нашей общественной разслабленности и при отсутствіи всего, похожаго на нравственную личность. Въ этомъ отношеніи мы цѣнимъ особенно Н. А. Милютина; ему можно сдѣлать величайшую похвалу, подъ которою охотно подпишутся и тѣ, которые не симпатизировали его основнымъ идеямъ; и они, мы увѣрены, скажутъ: «для дѣла такой противникъ лучше многихъ иныхъ союзниковъ!»

В. П.

ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.

По поводу пересылки книгъ по почтѣ.

Когда, въ январѣ мѣсяцѣ, мы говорили вообще о новыхъ временныхъ постановленіяхъ по почтовой части, намъ пришлось указать и на ихъ достоинства и на ихъ недостатки; между послѣдними мы особенно настаивали на необходимости отмѣнить огромную таксу за пересылку книгъ, которая, какъ замѣчено нами, равносильна тяжкому налогу на то, чего у насъ такъ мало,—на образованіе. Такъ, въ Якутскѣ, книга, стоявшая въ 1871-мъ году 70 коп. вмѣстѣ съ доставкой изъ Петербурга, теперь обходится почти въ 1 р. 50 к. Признаемся, мы считали это недосмотромъ, который возможенъ и не при одной канцелярской работѣ. Но теперь оказывается, что Почтовый Департаментъ назначилъ новую таксу на пересылку книгъ съ полнымъ сознаніемъ ея послѣдствій и имѣлъ на то свой резонъ. На единогласныя жалобы книжныхъ магазиновъ и заявленія въ печати о вредѣ новой почтовой таксы для успѣховъ образованія въ Россіи, Почтовый Департаментъ помѣстилъ въ „Правит. Вѣстникъ“, № 36, объясненіе, которое, по нашему мнѣнію, еще болѣе подтверждаетъ основательность вышеупомянутыхъ жалобъ и заявленій.

Авторъ объясненія говоритъ, что публика до сихъ поръ жаловалась на необходимость вскрытія посылокъ, такъ какъ, при существовавшей прежде разницѣ въ таксѣ на пересылку вещей и пересылку книгъ, было весьма возможно злоупотребленіе, и потому приходилось всякій разъ удостовѣряться въ томъ, что подъ предлогомъ книгъ не пересылаются вещи. Вотъ, почему пересылка книгъ и сравнена съ пересылкою вещей. Итакъ, насъ хотятъ увѣрить, что житель Якутска будетъ предпочитать теперь плату за книгу въ 1 р. 50 к., вмѣсто 70-ти коп., лишь бы избѣгнуть необходимости при ея полученіи вскрыть посылку; однимъ словомъ, за удовольствіе не распороть посылку онъ съ удовольствіемъ заплатитъ почтамту 80 коп. лишнихъ. Едва-ли это находилъ справедливымъ и самъ авторъ почтового объясненія, когда онъ писалъ: „удовлетворяя требованію корреспондентовъ отмѣною вскрытія посылокъ, необходимо было установить одну общую, однообразную таксу вѣсового сбора за посылки, какіе бы предметы въ ней ни пересылались. Въ этихъ видахъ и установлена такса по разстояніямъ, съ платою съ каждаго фунта вѣса посылки по 1 коп. за каждыя 100 верстъ.“ Но съ той точки зрѣнія, на которую сталъ Почто-

вый Департаментъ, можно, пожалуй, доказать необходимость брать за пересылку книгъ по таксъ за пересылку писемъ. При пересылкѣ книги легко можетъ быть вложено въ нее письмо, что несравненно легче, чѣмъ, напр., объявить посылку съ вещами посылкою съ книгами, чего такъ опасается Департаментъ, и что несравненно менѣе убыточно для почты; вслѣдствіе этого, досмотръ книжныхъ посылокъ остается и теперь неизбѣжнымъ; почтамтъ, во избѣжаніе неудовольствія корреспондентовъ, можетъ также теперь установить „одну общую, однообразную таксу вѣсоваго сбора“ за посылки и письма, т.-е. по 10-ти коп. съ лота! Конечно, тогда корреспонденты имѣли бы удовольствіе получать посылки нескрытыми, но такое удовольствіе обошлось бы слишкомъ дорого, чтобы считать его искреннимъ. Между тѣмъ логика во второмъ и въ первомъ случаѣ одна и та же, т.-е. будто бы дѣло для корреспондента не въ цѣнѣ за пересылку, а въ удовольствіи получить ее нескрытою ¹⁾.

Впрочемъ, авторъ объясненія допускаетъ самъ, что дѣйствительно новая такса для книгъ не для всѣхъ выгодна, но говоритъ: „для посылокъ съ книгами нынѣшняя такса вѣсоваго сбора представляется невыгодною только (!) на разстояніи свыше 1,100 верстъ отъ мѣста ихъ отправленія“. Такое разсужденіе намъ кажется страннымъ болѣе перваго, которымъ будто бы удовлетворялось удовольствіе корреспондентовъ получать посылки во всей непривосновенности ихъ тряпичной оболочки. Россія въ почтовомъ отношеніи является теперь раздѣленною на двѣ страны: на 1,000 верстъ съ небольшимъ отъ Петербурга почтовый департаментъ можетъ считаться для Россіи отцомъ, а далѣе — вотчимомъ, и такъ какъ у насъ существуютъ разстоянія отъ Петербурга, главнаго центра книжной торговли, въ 13,398 в. (Петропавловскій портъ), то благодѣянія почтамта распространяются на $\frac{1}{13}$ часть Россіи, а $\frac{12}{13}$ частей должны, по признанію самого Департамента, чувствовать себя въ „невыгодномъ“ положеніи. Итакъ, второе почтовое соображеніе, что будто бы обижены немногіе, также невѣрно, какъ неправдоподобно предполагаемое удовольствіе заплатить вдвое, лишь бы почтовая контора, при осмотрѣ посылки, не испортила холста. Мы не ошибемся, если скажемъ, что тѣ $\frac{12}{13}$ частей Россіи нуждаются въ просвѣщеніи и въ облегченіи его путей болѣе, нежели та счастливая $\frac{1}{13}$.

¹⁾ Въ прежнемъ порядкѣ было обременительно не вскрытіе посылокъ, а необходимость подавать ихъ въ С.-Петербургѣ открытыми; гораздо было бы проще и точно также вѣрно для Почтамта — принимать посылку задѣланную наглухо и вскрывать ее при отдачѣ, когда въ почтовой конторѣ не можетъ быть такого страшнаго накопленія людей, какое мы видѣли здѣсь въ Почтамтѣ, вслѣдствіе необходимости задѣлыванія посылокъ не дома, а въ самомъ Почтамтѣ, и вслѣдствіе того, что мѣсто для отдачи посылокъ на всю имперію одно, а мѣстъ для роздачи столько, сколько имѣется почтовыхъ конторъ.

часть, которая при томъ даже не очень счастлива, такъ какъ, напр., по старой таксѣ Петрозаводскъ (1,011 в. отъ Спб.), платилъ 5 коп. съ фунта, а теперь 11 коп. Притомъ, Почтовый Департаментъ разсуждаетъ по этому поводу такъ, что „на разстояніи до 1,000 в. разница въ таксахъ прежней и нынѣшней весьма незначительна“(!); едва-ли то, что вдвое дороже, можно назвать „незначительнымъ“.

Перейдемъ къ третьему доводу Почтоваго Департамента. Онъ находитъ, что для Россіи нужно одно *распространеніе грамотности въ народъ*, но распространеніе образованности въ обществѣ считается излишнимъ. Авторъ объясненія утверждаетъ именно, „что въ 1864-мъ году установлена была уменьшенная такса для книгъ исключительно *въ видахъ распространенія грамотности въ народъ*“ (курсивъ въ подлинникѣ); и далѣе указываетъ, какъ на какое-нибудь злоупотребленіе, на то, что „этою таксою—по его словамъ—пользовались и для пересылки книгъ, издаваемыхъ вовсе не для вышеозначенной цѣли, пересылались разнаго рода сочиненія, какъ на русскомъ, такъ и иностранныхъ языкахъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ, прежняя такса содѣйствовала скорѣе развитію книжной торговли, нежели народной грамотности“. Однимъ словомъ, авторъ объясненія усматриваетъ въ „развитіи книжной торговли“, которая принимается вездѣ за мѣрило развитія просвѣщенія, какое-то зло и вмѣстѣ злоупотребленіе почтою, которая должна служить „исключительно“ распространенію грамотности въ народѣ. Конечно, съ такой точки зрѣнія весьма послѣдовательно повышена такса на пересылку книгъ; но справедлива ли такая точка зрѣнія—это другой вопросъ; и притомъ, почему же по новой таксѣ пересылка книги, напр. во Псковъ, стоитъ 3 коп., а по старой стоила 5 копѣекъ. Хотя это и счастливая непослѣдовательность, но все же непослѣдовательность. Притомъ, и вышеупомянутая точка зрѣнія Почтоваго Департамента на исключительную необходимость для Россіи одной грамотности едва-ли кѣмъ раздѣляется. Напримѣръ, такое превосходное и полезное изданіе, какъ „Военная Библіотека“ (вовсе не частное изданіе) имѣетъ назначеніемъ распространеніе въ военномъ сообщеніи полезныхъ свѣдѣній и потому продается по необыкновенно дешевой цѣнѣ—16 руб. за 14 томовъ, каждый въ два фунта; по новой таксѣ, если не ошибаемся, одна пересылка этого изданія обходится теперь, напримѣръ, въ Тифлисѣ, слишкомъ 7 рублей, а въ Иркутскѣ слишкомъ 16 рублей! Едва-ли почтенные издатели „Военной Библіотеки“ согласятся раздѣлять довольство Почтоваго Департамента одною грамотностью въ Россіи.

Впрочемъ и относительно грамотности вышеупомянутое объясненіе отозвалось не совсѣмъ выгодно, такъ какъ въ концѣ концовъ оно даетъ совѣтъ посылать и книги, служащія къ распространенію грамотности, чрезъ транспортныя конторы, на томъ основаніи, что, по

соображенію автора объясненія, „доставка книгъ для распространенія ихъ въ народѣ *не требуетъ особой спѣшности*“. Зная весьма невыгодное состояніе нашей народной образованности, едва-ли кто согласится считать искорененіе невѣжества у насъ дѣломъ „не особой спѣшности“. Думаемъ, что это у насъ самое спѣшное дѣло.

Наконецъ, совѣтъ „Объясненія“ высылать книги подѣ бандеролью—очень хорошъ, еслибы книги не были цѣнностью, а въ такомъ случаѣ Почтовый Департаментъ самъ хорошо знаетъ, почему неудобно воспользоваться такимъ его совѣтомъ.

Мы твердо надѣемся, что высшее почтовое управленіе, которое до сихъ поръ съ такою охотою прислушивалось къ заявленіямъ публичнаго мнѣнія и такъ уже много сдѣлало для того, чтобы почта содѣйствовала удовлетворенію общественныхъ нуждъ, и на этотъ разъ обратитъ вниманіе на облегченіе пересылки книгъ, тѣмъ болѣе, что доводы автора объясненія ограничиваются, какъ мы видѣли: 1) предположеніемъ невѣроятнаго удовольствія корреспондентовъ платить за книги вдвое дороже, лишь бы въ почтовой конторѣ не испортили при вскрытіи обложки; 2) мыслью, что новая такса выгодна для $\frac{1}{13}$ части Россіи, а затѣмъ $\frac{12}{13}$ частей могутъ оставаться въ „невыгодномъ“ положеніи; 3) убѣжденіемъ, что почта служить исключительно для распространенія грамотности, а не образованности, причемъ и первое не требуетъ особой спѣшности; и 4) совѣтомъ посылать книги подѣ бандеролью, которымъ однако нельзя воспользоваться, если хочешь быть увѣреннымъ въ точной доставкѣ книги. Ни одно изъ этихъ основаній повышенія таксы на книги не выдерживаетъ, по нашему крайнему разумѣнію, даже и самой поверхностной критики.

М.

ИЗВѢСТІЯ.

І. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе 2-го января 1872 года.

По открытіи собранія, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты.

1) *Отчетъ секретаря.*—Мм. гг. Въ послѣдніе два мѣсяца истекшаго года комитетъ Общества имѣлъ четыре засѣданія.

Въ засѣданія эти назначено 12 денежныхъ пособій, въ томъ числѣ: семейству писателя, потерявшему средства къ жизни, 200 руб.; молодому писателю, лишенному, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, возможности

трудиться и получающему незначительную пенсію отъ казны, выдано единовременно 100 р. и предположено отпускать по 120 р. въ годъ, начиная съ 1-го января 1872 г. Затѣмъ одному лицу выдано 100 руб., двумъ по 75 р., одному 50 р., одному 35 р., одному 30 р. и тремъ по 25 руб.

Сверхъ того, оказаны слѣдующія пособія: по ходатайству вдовы писателя, сдѣлано сношеніе съ военнымъ вѣдомствомъ объ уплатѣ причитавшагося ей, по званію повивальной бабки, содержанія и приняты мѣры къ предоставленію ей мѣста въ одномъ изъ казенныхъ учреждений.

По просьбѣ сотрудницы одного журнала, сдѣлано сношеніе съ редакціею этого журнала объ удовлетвореніи просительницы за ея сотрудничество.

По просьбѣ одного лица, приняты мѣры къ присванію ему мѣста въ частной или казенной службѣ.

Отклонено 15 ходатайствъ о пособіи, такъ какъ просители или вовсе не имѣютъ права на помощь со стороны Общества, или не могутъ, по своимъ трудамъ, пользоваться частнымъ или значительнымъ пособиемъ Общества.

Объявлена благодарность Общества:

Н. А. Манасину и барону А. Ө. Стурарту за содѣйствіе ихъ комитету;

Типографіи А. Н. Мамонтова и Н. А. Вормсу за сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу Общества;

Л. Н. Симонову за предоставленіе комитету нѣсколькихъ билетовъ, для бесплатнаго пользованія въ его лечебницѣ больныхъ писателей.

Въ заключеніе комитетъ считаетъ долгомъ довести до вашего, мм. гг., свѣдѣнія, что на основаніи положенія о стипендіи Е. П. Ковалевскаго, стипендія эта присуждена указанному совѣтомъ императорскаго харьковскаго университета студенту этого университета Николаю Черняеву.

2) *Отчетъ казначея за ноябрь и декабрь мѣсяцы 1871-го года.*— Къ 1-му ноября состояло на лицо 53,599 руб. 30 к. въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами 52,140 р., 2) на текущемъ счету 1,000 руб., 3) деньгами 459 р. 30 к.—Поступило дѣйствительнаго прихода 1,993 р. 20 к., въ томъ числѣ: 1) взносы 17 членовъ Общества 340 р., 2) единовременныя пожертвованія 3 лицъ 154 р., 3) возвратъ 6 ссудъ 1,425 р., 4) процентныя деньги за 1871 г. отъ редакціи „Вѣстника Европы“ 74 р. 20 к. Записаны на приходъ: вновь купленныя 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги по нарицательной цѣнѣ 1,000 р. Всего въ кассѣ и приходѣ 56,592 р. 50 к.—Дѣйствительно израсходовано 1,366 р., въ томъ числѣ: 1) пенсіи 9 семействамъ 581 р., 2) единовременныя пособія 12 лицамъ 785 р. Выписаны въ расходъ уплаченные банку 879 р. 11 к., въ томъ числѣ: за 8 николаевскихъ облигацій, за капиталъ, проценты за 70 дней и комиссіи 865 р. 91 к., портовыхъ и страховыхъ при обмѣнѣ выданныхъ на 22 консолидированныя облигаціи 2-го выпуска, купленныя въ мартѣ 1871 г., временныхъ свидѣтельствъ 13 р. 20 к.; всего выписано въ расходъ 2,245 р. 11 к.—Къ 1-му января въ кассѣ 54,347 р. 39 к., въ томъ числѣ: а) процентными бумагами 53,140 р. и б) деньгами 1,207 р. 39 к. Единовременныя пожертвованія поступили: 1) отъ типографіи Мамонтова и К° въ Москвѣ 1,000 р., 2) Н. А. Вормса 30 р., 3) неизвѣстнаго 24 р.

По стипендіи Е. П. Ковалевскаго. Къ 1-му ноября состояло на лицо 7,762 р. 72 к. Поступило пожертвованій, собранныхъ по подпискѣ, 156 р. 68 к., въ томъ числѣ: 1) барнаульскаго полицейскаго управленія 5 р. 28 к., 2) елизаветпольскаго губернатора 5 р., 3) енисейскаго губернатора 143 р. 40 к., 4) предсѣдателя старо-константиновскаго мирового съѣзда 3 р.; всего 7,919 р. 40 к.

Расходъ: 1) отправлено къ ректору императорскаго харьковскаго университета, для производства стипендіи въ течение года съ 1-го сентября 1871 по 1-е сентября 1872 г. студенту 2-го курса Николаю Черняеву 300 руб., 2) уплачено банкирской конторѣ страховыхъ и портовыхъ при обмѣнѣ въ Лондонѣ купленныхъ въ мартѣ 1871 г. свидѣтельствъ на 22 консолидированныя облигаціи 2-го выпуска 13 р. 20 к., итого въ расходъ 313 р. 20 к. Къ 1-му января 1872 г. на лицо 7,606 р. 20 к.; въ томъ числѣ: 1) пятипроцентныхъ 22 консолидированныя облигаціи по нарицательной цѣнѣ на 7,040 р., 2) четырехпроцентныхъ 4 Николаевской дороги облигаціи по нарицательной цѣнѣ на 500 р., 3) деньгами 66 руб. 20 к.

Въ заключеніе была произведена баллотировка членовъ ревизіонной коммисіи, приче́мъ большинство голосовъ получили: Н. В. Кидошенко́въ, В. И. Вешняковъ, А. А. Краевскій, В. П. Буренинъ, В. О. Коршъ, А. О. Жоховъ и О. О. Миллеръ. Предсѣдателемъ коммисіи избранъ Н. В. Кидошенко́въ.

Двадцать-четвертое засѣданіе комитета, 2-го января 1872 г.

1) Б. И. Утинъ сообщилъ, что молодой человѣкъ, котораго ему было поручено навѣстить, дѣйствительно находится въ крайнемъ положеніи, — живъ, изъ милости, въ квартирѣ небогатыхъ людей, и что вслѣдствіе этого онъ выдалъ ему назначенные Комитетомъ 25 руб.; но для того, чтобъ вывести его изъ затруднительнаго положенія, необходимо выдать ему еще 25 руб., которые онъ долженъ уплатить за слушаніе лекцій. Определено: утвердивъ выдачу 25 руб., выдать еще такую же сумму.

2) Отпущено 250 рублей для уплаты долговъ и на другія потребности семейства, оставшагося послѣ недавно умершаго писателя.

3) Выдано 40 рублей въ пособіе писателю, живущему въ небольшой, темной и, повидимому, сырой квартирѣ. Онъ содержитъ своимъ трудомъ мать, тетку и больную сестру. Прежде онъ имѣлъ постоянныя литературныя занятія, но болѣзнь лишила его ихъ и поставила въ затруднительное положеніе.

4) По просьбѣ сотрудника редакціи одного журнала, сообщено редакціи объ удовлетвореніи просителя согласно условію.

5) Утверждено распоряженіе Н. Х. Бунге о выдачѣ 100 рублей одному писателю, находившемуся въ бѣдственномъ положеніи, и объявлена Н. Х. Бунге благодарность Общества за труды его по этому дѣлу.

Отчетъ казначея за декабрь 1871 г.

Къ 1-му декабря состояло на лицо 53,682 р. 30 к., въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами 52,140 р., 2) на текущемъ счетѣ 1,000 руб., 3) деньгами 542 р. 30 к. Въ теченіе мѣсяца поступило: а) дѣйствительнаго дохода 1,314 р. 20 к.; въ томъ числѣ: 1) взносы 6 членовъ Общества 115 р., 2) процентныя деньги отъ редакціи „Вѣстника Европы“

за 1871 г. 74 р. 20 к., 3) возвратъ 5 ссудъ 1,125 р.; 6) записаны на приходъ: вновь купленные 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги по нарицательной цѣнѣ 1,000 р.; всего въ кассѣ и въ приходѣ 55,996 р. 50 к. Израсходовано 770 р., въ томъ числѣ: 1) пенсіи 4 семействамъ 285 р., 2) единовременныя пособія 7 лицамъ 485 р. Выписаны въ расходъ заплаченные при покупкѣ 8 николаевскихъ облигацій за капиталъ, проценты за 70 дней и комиссію 865 р. 91 к. и при обмѣнѣ купленныхъ въ мартѣ 1871 г. временныхъ свидѣтельствъ на 22 консолидированныя облигаціи 2-го выпуска 13 р. 20 к.; итого 879 р. 11 к. Всего выписано въ расходъ 1,649 р. 11 к. Къ 1-му января 1872 г. состоитъ на лицо 54,347 р. 39 к.; въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами 53,140 р., 2) деньгами 1,207 р. 39 к.

Двадцать-пятое засѣданіе комитета 17-го января 1872 года.

1) Приняты, съ глубочайшею благодарностью, 200 руб., пожалованные Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Великою Княгиней Еленою Павловною въ пользу Общества.

2) На основаніи пункта § 5 устава Общества выдано 50 рублей въ пособіе одному молодому человѣку, для довершенія его образованія.

3) Выдано 50 руб. въ пособіе дочерямъ покойнаго писателя, находящимся въ крайней бѣдности.

4) Отклонено ходатайство одного лица объ уплатѣ долговъ покойнаго его сына, такъ какъ предметъ этого ходатайства не входитъ въ кругъ дѣйствій Общества.

5) Выдано 75 рублей въ пособіе семейству одного писателя, находящемуся въ бѣдственномъ положеніи.

Отчетъ казначея за январь 1872 года.

Къ 1-му января состояло на лицо 54,347 руб. 39 коп., въ томъ числѣ: процентными бумагами 53,140 р., деньгами 1,207 р. 39 к. Въ теченіе мѣсяца поступило 1,065 руб., въ томъ числѣ: а) пожалованные Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Великою Княгиней Еленою Павловною 200 руб., б) взносы 55 членовъ общества 865 р. Въ теченіе мѣсяца израсходовано 1,370 р. 10 к., въ томъ числѣ: а) пенсіи 7 семействамъ 577 р., б) пособія на воспитаніе 7 лицъ 225 р., в) продолжительныхъ и единовременныхъ пособій 6-ти лицамъ и семействамъ 565; г) Государственному Банку за храненіе процентныхъ бумагъ 3 р. 10 коп. Къ 1-му февраля состоитъ на лицо 54,042 р. 29 к., въ томъ числѣ: а) процентными бумагами 53,140 р., б) на текущемъ счету 500 р., б) наличными деньгами 402 р. 29 к.

II. О приютѣ „Ясли“ въ С.-Петербургѣ.

Въ уютныхъ горенкахъ, съ маленькой кухней, почти подъ самой крышей дома Сулова, на Рижскомъ проспектѣ, Нарвской части, открытъ 9-го ноября 1864-го года приютъ „Ясли“ для малолѣтнихъ дѣтей, не исключая и грудныхъ, на время работъ ихъ матерей внѣ дома.

Мысль основать такое заведеніе внушена безпомощнымъ положеніемъ младенцевъ тѣхъ бѣдныхъ матерей, которыя работою внѣ дома поддерживаютъ существованіе своихъ семействъ. Заведеніе устроено частнымъ лицомъ, на частныя средства, при горячемъ содѣйствіи близкихъ и знакомыхъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ оставляетъ мать-труженица, уходя на дневную работу, своихъ несчастныхъ малютокъ до поздняго вечера на рукахъ квартирной хозяйки, занятой своими заботами. Нерѣдко, по возвращеніи, она находитъ ихъ въ слезахъ, голодными, иногда увѣчными. Съ открытіемъ „Яслей“, это бѣдствіе для многихъ семействъ Нарвской и ближайшихъ частей облегчилось. Матери, оставляя своихъ дѣтей подѣ надежнымъ надзоромъ, и зная, что они будутъ и сыты, и въ теплѣ, бодро и беззаботно идутъ на работу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего открытія, „Ясли“ приобрѣли благодарность матерей и полное ихъ довѣріе. Скромное помѣщеніе стало тѣсно отъ приводимыхъ и приносимыхъ дѣтей. Черезъ посредство священника церкви св. Екатерины, о. К. П. Стефановича, М. П. Митковъ предложилъ этому заведенію болѣе просторное помѣщеніе въ своемъ домѣ за умѣренную цѣну, а на первые 6-тъ мѣсяцевъ безплатно. Это предложеніе было принято.

Въ 1865-мъ году, во время сильно развившейся въ Петербургѣ возвратной горячки (resurgens), „Ясли“ положили начало новому благотворительному учрежденію. Наиболѣе пострадалъ отъ эпидеміи рабочій классъ, и дѣти рабочихъ, заболѣвшихъ и увозимыхъ въ больницы, поставлены были въ безвыходное положеніе. Ея императорское высочество великая княгиня Елена Павловна, принявъ горячее участіе въ несчастныхъ малюткахъ, предложила дать имъ временный пріютъ въ „Ясляхъ“; но вскорѣ между этими дѣтьми появилась корь, что и заставило на короткое время пріостановить пріемъ приходящихъ дѣтей, пока не устроилось для нихъ другое удобное помѣщеніе въ томъ же домѣ. По окончаніи эпидеміи, ея императорское высочество государыня великая княгиня Екатерина Михайловна приняла подѣ свое покровительство осиротѣвшихъ дѣтей и, сознавая полезное назначеніе пріюта—давать убѣжище дѣтямъ заболѣвающихъ родителей, на собственное свое иждивеніе, изъ временного обратила его въ постоянный, находящійся въ Коломнѣ, по Псковской улицѣ, въ домѣ № 12-й.

Съ тѣхъ поръ заботливая дѣятельность „Яслей“ на пользу малютокъ и ихъ матерей не прерывалась. Съ каждымъ мѣсяцемъ число приходящихъ дѣтей возрастало. Теперь оно доходитъ до 40 и болѣе въ день. Содержать такое множество дѣтей стало трудно, а отказывать имъ въ убѣжищѣ немислимо,—это значило бы парализовать успѣхъ дѣла. Между тѣмъ одною заботливостью и попечительнымъ надзоромъ за малютками нельзя помочь дѣлу. Для этого нужны матеріальныя средства. Для „Яслей“ наступили тяжелыя времена. Въ 1867 году они едва удержались; многое пришлось сократить, напимѣръ, выдачу дѣтямъ бѣлья, обуви и одежды. Для поддержанія заведенія надо было допустить помѣщеніе небольшого числа пансіонеровъ за плату, потому что ежегодные сборы не покрываютъ самыхъ необходимыхъ расходовъ при постоянно увеличивающемся числѣ дѣтей и возрастающей дороговизнѣ.

Чтобъ „Ясли“ могли удовлетворять насущной потребности,—именно призывать всѣхъ дѣтей рабочаго класса, приводимыхъ и приносимыхъ родителями изъ ближайшихъ частей города на время работы ихъ внѣ дома,—слишкомъ мало тѣхъ средствъ, которыми теперь располагаетъ это заведеніе, и средства эти слишкомъ шатки. Поэтому необходимо обращаться ко всѣмъ сочувствующимъ цѣли „Яслей“,—а такихъ безъ

сомнѣнія найдется много, — съ просьбой помочь и поддержать хоть небольшими вкладами. „Съ міра по нитѣ — голому рубахъ“.

Каждый, кому угодно, можетъ лично удостовѣриться, какъ идетъ заведеніе, и видѣть въ немъ подробный отчетъ его доходовъ и расходовъ, съ самаго основанія. Только при дѣятельной и постоянной поддержкѣ со стороны жителей Петербурга, особенно со стороны фабрикъ и заведеній Нарвской части, на которыхъ преимущественно работаютъ родители малютокъ, призрѣваемыхъ въ „Ясляхъ“, это заведеніе можетъ упрочиться и выполнять свое назначеніе какъ слѣдуетъ.

Каждый пойметъ и оцѣнитъ, что подобное заведеніе, не говоря уже о его благотворительной цѣли, имѣетъ очень важное значеніе для физическаго и нравственнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія рабочаго класса въ Петербургѣ. Поэтому мы надѣемся, что это обращеніе къ петербургскимъ жителямъ будетъ принято съ сочувствіемъ и не останется безъ благотворныхъ послѣдствій.

„Ясли“ помѣщаются: Нарвской части, 2-го участка, въ Дерптскомъ переулкѣ, въ домѣ № 1-й, по Фонтанкѣ—№ 140-й.

Кстати упомянемъ, что за-границею подобныя учрежденія имѣютъ уже большое развитіе и примѣненіе; изученію ихъ рациональнаго устройства посвящаются большіе труды, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ обширное изслѣдованіе извѣстнаго парижскаго архитектора г. Де Метца, подъ заглавіемъ: „Organisation des Crèches, des Salles d'asyle et des écoles primaires, par A. De Metz. Par. 1870“. Въ Парижѣ устройство такихъ crèches, яслей, получило свое начало еще въ 1844 году; въ упомянутомъ сочиненіи можно найти всю ихъ исторію, современную организацію и превосходно выполненные планы домовъ для „яслей“ и ихъ внутренняго расположенія.

М. Стасюлевичъ.

издательство Польши. *О. М. Уманца*. Спб. 1872. стр. 311.

Подъ этимъ заглавіемъ, несоотвѣствующимъ держанію самой книги, авторъ издалъ въ свѣтъ историческую монографію, обнимающую всего въ годъ польской исторіи и притомъ XVI-го вѣка, а именно два года, послѣдовавшіе за разгромомъ дома Ягеллоновъ, 1572—1574 гг. Этой монографіи предпослался обширное введеніе къ заглавію: «По поводу польскаго вопроса»;

но состоитъ изъ трехъ статей: 1) Макіавель, Россія и Польша; 2) Народность. Первая статья, по нашему мнѣнію, помѣщена случайно имѣетъ такое же отношеніе къ избранному авторомъ предмету, какъ и ко всякому иному вопросу. Это въ послѣднихъ двухъ читатель найдетъ весьма основательный во многомъ анализъ причинъ, затруднившихъ и затрудняющихъ до нынѣ разрѣшеніе польскаго вопроса. Авторъ раздѣляетъ фактическую сторону этого вопроса на два дѣла: «ошибки съ нашей стороны и ошибки макіавель», и на основаніи своего изслѣдованія излагаетъ свой заключительный выводъ, а именно, что вся энергія патріотовъ должна быть обращена не противъ соединенія и измѣненія національностей, но къ тому, что имѣетъ непосредственную связь съ матеріальными и правственными интересами народа, какъ общей массы подданныхъ государства».

Ивейнарскіе Альпы, и альпійская жизнь. *Берленша*. Съ хромолитографіями и гравюрами. Спб. 1872. Стр. 423. Ц. 3 руб.

По единогласному приговору заграничной печати, сочиненіе Берленша можетъ стать на ряду съ столь извѣстными сочиненіемъ Чуди, посвященнымъ тому же предмету, а три изданія оригинала, быстро сдѣлавшія другъ за другомъ, называютъ, какой блестящій успѣхъ имѣла книга Берленша, перелетенная уже на французскій и англійскій языки. За хорошее качество русскаго перевода и политичѣшій намъ ручается, что изданіе было сдѣлано редакціею журнала «Всемирный Путешественникъ», обогатила нашу литературу уже многими иностранными произведеніями этого рода. Тому, кто пожелалъ себя приготовить чтеніемъ къ путешествію по Ивейнарію, нельзя рекомендовать лучшей, болѣе ослѣдственной и болѣе занимательной книги, какъ книга Берленша.

отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію. *П. Огородникова*. Спб. 1872. Стр. 398. Ц.

Наше знакомство съ чужими странами чрезъ путешествія соотечественниковъ было до послѣднихъ временъ весьма рѣдко, между тѣмъ оно представляло большіе выгоды, такъ какъ человѣкъ, знающій свой край, его недостатки, всегда братитъ особое вниманіе за границу на то, что можетъ особенно интересоваться насъ. Къ из-

вѣстному нашимъ читателямъ путешествію въ Америку г. Циммермана присоединяется теперь новое путешествіе г. Огородникова. Г. Циммерманъ обратилъ главное вниманіе на политическую и общественную жизнь Америки въ ея высшихъ проявленіяхъ; г. Огородниковъ вѣль собственно мемуары, куда записалъ всѣ подробности обихъ жизни американцевъ на улицѣ, на парадѣ, въ лагерь, и потому обращалъ преимущественное вниманіе на бытовую сторону этой жизни во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ. Это—ради весьма интереснаго картиннаго, который обобщить и вывести изъ нихъ заключеніе предоставляется самому читателю; авторъ остается постоянно въ роли рассказчика, и надобно отдать ему справедливость; рассказываетъ весьма хорошо, безъ малѣйшихъ претензій на краснорѣчіе, которое въ подобныхъ случаяхъ всегда внушаетъ недоустріе и заставляетъ опасаться выдумки сценъ, поддѣлки разговоровъ и т. п.

Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ. *Л. К. Попова*. Спб. 1872. Стр. 317. Ц. 1 р.

Мы только указываемъ на это сочиненіе, предоставляя специалистамъ произнести сужденіе о его достоинствахъ и недостаткахъ. Задача автора состоитъ въ томъ, чтобы объяснить явленія теплоты, помимо господствующей эфирной теоріи, которой главнымъ современнымъ представителемъ считается знаменитый англійскій физикъ Тиндалъ, и которую авторъ усиливается замѣнить теоріею движенія, сударями молекулъ обыкновенной вѣсовой матеріи, причемъ удары эти подчиняются тѣмъ же законамъ, какъ и удары, напримеръ, бильярдныхъ шаровъ». Вотъ главный тезисъ автора.

Спиритуализмъ и паукъ. Опытныя изслѣдованія паукъ психической силой Г. Крукса и т. д. съ 16 чертежами. Сост. перен. и изд. *А. Аксаковъ*. Спб. 1872. Стр. 176. Ц. 1 р. 25 к.

«Прошюра эта — говоритъ издатель — протестъ противъ деспотизма общественнаго мнѣнія и узка невѣжества». Читатели легко поймутъ о какомъ деспотизмѣ и о какомъ невѣжествѣ идетъ дѣло, если мы прибавимъ, что подъ спиритуализмомъ нужно разумѣть спиритизмъ. Пользуясь обширностью области человѣческаго незнанія, всякій можетъ смѣло вторгаться въ эту область и уврѣвать въ невѣжествѣ наивнаго, кто предпочтетъ оставаться въ определенной области здраваго смысла. Вся аргументація г. Аксакова, гдѣ напоминаетъ о томъ, что-молъ все новое всегда встрѣчалось съ неваніестью, можетъ быть точно также эксплуатирована и издателямъ какого-нибудь «Сонника», который также невѣжескимъ напоминаетъ, какъ то дѣлаетъ и г. Аксаковъ, что вотъ и Галилей, и Джонснъ, и Грей были встрѣчены съ ожесточеніемъ. И тѣмъ не менѣе, всегда будетъ лежать бездна между издателями «Сонниковъ» и иныхъ спиритскихъ паукъ съ одной стороны, и между тѣми великими именами—съ другой.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872 - мѣ году:

1.—**ПОДПИСКА** принимается только на годъ: 1) *без доставки*—15 руб.; 2) *съ доставкой на домъ въ Сиб. по почтѣ, и въ Москву, чрезъ кн. маг. Н. Г. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ*—16 р. 50 к. въ извѣстѣующихъ мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкой или безъ доставки, обращаются въ Газетную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, выданный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ писменнымъ, а не диктовать его, что бываетъ причиною всякихъ ошибокъ.—Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желая же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Иногородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ*—всегда именно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового ящика, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернской и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб.,—въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностранные подписчики**: 1) *по почтѣ*—прямо въ Редакцію, или въ иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб.,—въ Контору для городскихъ подписчиковъ, вносъ за экземпляры съ пересылкою: Австрія и Германія—18 руб.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества—19 руб.; Франція и Дания—20 руб.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 руб.; Швейцарія—22 руб.; Италия—23 руб.

Примѣчаніе.—«Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трамтовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адресомъ подписчика, въ особомъ обложкѣ и съ двойною баннеролью, бумажною и веревочною.

2.—**ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло послѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отпрасленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отпрасленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—**ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, сопровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

